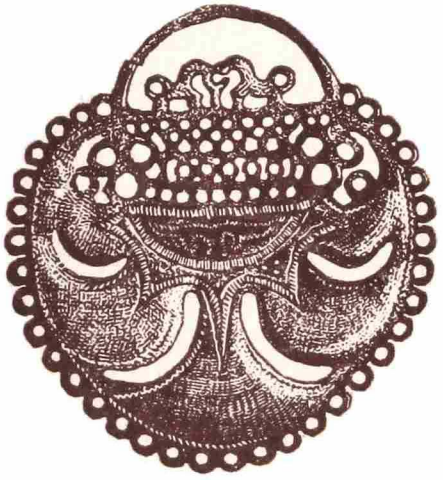
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1
1976

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1
1976

Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
О. Н. Бадер, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский,
Ю. Н. Захарук (зам. главного редактора), *И. С. Каменецкий,*
М. К. Каргер, В. М. Массон, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева, Б. А. Рыбаков, В. С. Титов (отв. секретарь)

СОДЕРЖАНИЕ

К XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза 5
В. П. Алексеев (Москва). Западный очаг расообразования и расселение палеолитических людей на территории СССР 9
Г. Н. Лисицына, В. П. Костюченко (Москва). Почва как источник информации при изучении древнего земледелия (по материалам работ в аридных районах СССР в 1969—1973 гг.) 23
В. И. Сарианиди (Москва). Печати-амулеты мургабского стиля 42
А. Л. Никитин (Москва). Эпоха бронзы на Плещеевом озере 69
Г. Е. Арешян (Ереван). Железо в культуре древней Передней Азии и бассейна Эгейского моря (по данным письменных источников) 87
Е. И. Захариева (София). Дендрохронологическое исследование кургана Аржан 100
Е. А. Попова (Москва). Об истоках традиции и эволюции форм скифской скульптуры 108
Б. А. Раев (Ленинград). К хронологии римского импорта в сарматских курганах Нижнего Дона 123
А. В. Куза, А. А. Медынцева (Москва). Запись Николы из Новгородского Софийского собора 135
М. А. Ильин (Москва). О первоначальном виде Собора Соловецкого монастыря 1558—1566 годов 146

Публикации

В. Т. Петрин (Свердловск). Новые данные о писаницах с берегов озера Большие Аллаки 153
А. Т. Синюк, В. В. Килейников (Воронеж). Курган у села Введенки на Дону 159
В. Я. Кияшко, В. А. Кореняко (Ростов-на-Дону). Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону 170
Играр Алиев, В. Г. Алиев (Баку). О сармато-аланских памятниках на территории Нахичеванской АССР 178

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1976 г.

Ш. Р. Пидаев (Ленинград). Некоторые данные о раскопках кушанского поселения Ак-курган в Северной Бактриане 187
В. А. Падин (Брянская обл.). Кветунский древнерусский могильник . . 197
Е. А. Рябинин (Ленинград). Археологические памятники Вотской земли 211
И. И. Власов (Владимир). Живопись 1233 года в диаконнике Рождественского собора Суздаля и ее реконструкция 220
Б. И. Маршак (Ленинград). Материалы по среднеазиатской торевтике . . 227
В. Л. Воронина, Н. Н. Негматов (Душанбе). Рельефные головки из дворца афшинов Уструшаны (Шахристан) 241
Н. М. Булатов (Москва). О трех гончарных печах Селитренного городища 247

Заметки

Б. Д. Михайлов (Мелитополь). Ямное погребение с полисуаром на Мелитопольщине 255
С. Л. Дударев (Грозный). Раскопки могильника у сел. Ахкинчу-Барзой (Чечено-Ингушетия) 257
Е. Н. Симонова (Будапешт). Новый могильник позднеаварского времени в области Шомодь 261
В. С. Флеров (Ростов-на-Дону). Четырехлистник в орнаментации салтово-маяцкой керамики 267
Г. К. Вагнер (Москва). Об открытии резных надписей среди фасадной скульптуры Дмитриевского собора во Владимире 270

Критика и библиография

В. П. Даркевич, Ю. А. Краснов, М. Ф. Косарев, А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, Д. Б. Шелов (Москва). А. И. Мартынов. Археология СССР. М., 1973 273
В. В. Седов (Москва). Latvijas PSR arheologija. Riga, 1974 281
В. Б. Виноградов, Х. М. Мамаев (Грозный). «Материалы по археологии Дагестана», том III. Махачкала, 1973, 133 стр. с илл. 283
И. К. Фортунатов (Московская обл.). С. А. Семенов. Происхождение земледелия. Л., 1974 288
Д. Я. Телегин (Киев). І. К. Свєшніков. Історія населення Предкарпаття. Поділля і Волині в кінці III-на початку II тис. до н. е. Київ, 1974 293
А. Д. Пряхин, Б. Г. Тихонов (Воронеж, Москва). Д. А. Крайнов. Древняя история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. М., 1972 295
Б. А. Раев (Ленинград). Сб. «Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени», МИА, 153, М., 1972 299
И. Г. Хынку (Кишинев). P. Diaconu, D. Vîlceanu. Păcuiul lui Soare — cetatea bizantina. Bucureşti, 1972 302
Л. С. Клейн (Ленинград). Археология и преистория в системе И. Рауза 306
Л. А. Иванова (Москва). G. Acsádi and J. Nemeskéri. History of Human Life Span and Mortality. Budapest, 1970 315

Хроника

В. Х. Тменов, О. В. Череповская (Орджоникидзе). IV Крупновские чтения 320
Камилла Васильевна Тревер 326

ACADEMIE DES SCIENCES DE L'U. R. S. S.
INSTITUT D' ARCHEOLOGIE

Revue trimestrielle fondée en 1957

ARCHEOLOGIE SOVIETIQUE

№ 1 1976

Rédacteur en chef A. V. ARTSIKHOVSKI

SOMMAIRE

Pour le XXVe Congrès du Parti communiste de l'Union Soviétique 5
V. P. **Alexéiev** (Moscou). Le foyer occidental de formation ethnique et de dispersion des hommes du Paléolithique sur le territoire de l'U.R.S.S. . . 9
G. N. **Lissitsyna et V. P. Kostioutchenko** (Moscou). Le sol, source d'informations pour l'étude des anciennes agricultures (d'après les investigations effectuées dans les régions arides de l'U.R.S.S. de 1969 à 1973) 23
V. I. **Sarianidi** (Moscou). Cachets-amulettes de style mourgabien 42
A. L. **Nikitine** (Moscou). L'époque du bronze sur le lac Pléchtchéiévo . . . 69
G. E. **Aréchian** (Erivan). Le fer dans la culture de l'antique Asie Antérieure et du bassin de la mer Egée (d'après les sources écrites) 87
E. I. **Zakhariéva** (Sofia). Etude dendrochronologique du kourgane Arjan . . 100
E. A. **Popova** (Moscou). Les sources des traditions et de l'évolution des formes de la sculpture scythe 108
B. A. **Raiev** (Léningrad). La chronologie des objets d'importation romaine trouvés dans les kourganes sarmates du Don inférieur 123
A. V. **Kouza et A. A. Médyntséva** (Moscou). L'inscription de Nikola dans la cathédrale Sainte-Sophie à Novgorod 135
M. A. **Iline** (Moscou). L'aspect originel de la cathédrale du monastère de Solovki (1558—1566) 146

Publications

V. T. **Pétrine** (Sverdlovsk). Nouvelles données sur les dessins rupestres des rives du lac Bolchié Allaki 153
A. T. **Siniouk et V. V. Kiléïnikov** (Voronej). Le kourgane du village de Vvedenki sur le Don 159
V. Ia. **Kiachko et V. A. Koréniako** (Rostov-sur-le-Don). Une sépulture de l'Age du Fer près de la ville de Konstantinovsk sur le Don 170
Igrar **Aliev et V. G. Aliev** (Bakou). Les monuments sarmate-alains sur le territoire du Nakhitchévan 178
Ch. R. **Pidaïev** (Léningrad). Quelques données sur les fouilles de settlement kouchanienne faite a Ak-kourgan dans la Bactriane du Nord . . . 187
V. A. **Padine** (région de Briansk). Les vieilles sépultures russes de Kvétoune 197
E. A. **Riabinine** (Léningrad). Les monuments archéologiques sur la terre de Vode 211
I. I. **Vlassov** (Vladimir). Des fresques de 1233 dans le diaconique de la cathédrale de la Nativité de la Vierge à Souzdal, et leur restitution 220
B. I. **Marchak** (Léningrad). Nouvelles informations sur la toreutique de l'Asie Centrale 227
V. L. **Voronina et N. N. Negmatov** (Douchanbé). Petites têtes en relief du palais des afchines d'Oustrouchana (Chakhristan) 241
N. M. **Boulatov** (Moscou). Trois fours de potier dans le goroditché de Sélitrennoye 247

Notices

B. D. Mikhaïlov (Mélitopol). Une inhumation en fosse avec un polissoir, à Mélitopol 255
S. L. Doudarev (Grozny). Les fouilles d'une sépulture à Akhkintchou-Barzoï (Tchétchéno-Ingouchétie) 257
E. N. Simonova (Budapest). Une nouvelle sépulture de la fin de l'époque avare, dans la région de Somogy 261
V. S. Flérov (Rostov-sur-le-Don). Le motif quadrifolié dans la décoration de la céramique Saltovo-Maïaki 267
G. K. Wagner (Moscou). Découverte de d'inscriptions gravées parmi les sculptures de la façade de la cathédrale Saint-Dmitri à Vladimir 270

Critique et bibliographie

V. P. Darkévitch, You. A. Krasnov, M. F. Kossarev, A. I. Mélioukova, M. G. Mochkova, D. B. Chélov (Moscou). A. I. Martynov. «Archéologie de l'URSS», Moscou, 1973 273
V. V. Siédov (Moscou). Latvijas PSR archeologija, Riga, 1974 281
V. B. Vinogradov et H. M. Mamaiev (Grozny). «Matériaux sur l'archéologie du Daghestan», t. III. Makhatchkala, 1973, 133 p. avec ill. 283
I. K. Fortounatov (région de Moscou). S. A. Sémionov. L'origine de l'agriculture. Léningrad, 1974 288
D. Ia. Téléguine (Kiev). I. K. Svechnikov. Histoire de la population des piedmonts des Carpates de la Podolite et de la Volhynie, à la fin du IIIe et au début du IIe millénaire av. n. ére. Kiev, 1974 293
A. D. Priakhine et B. G. Tikhonov (Voronej, Moscou). D. A. Kraïnov. Histoire ancienne de la région comprise entre la Volga et l'Oka. La culture de Fatianovo. Moscou, 1972 295
B. A. Raïev (Léningrad). Recueil: «Les monuments du sud de l'Oural et de la Sibérie occidentale à l'époque sarmate». MIA, 153, Moscou, 1972 . . 299
I. G. Khynkou (Kichinev). P. Diaconu, D. Vîlceanu. Păcuiul lui Soare-cetatea bizantina. Bucureşti, 1972 302
L. S. Klein (Léningrad). L'archéologie et la préhistoire dans le système de I. Rouse 306
L. A. Ivanova (Moscou). G. Acsadi and J. Nemeskeri. History of Human Life Span and Mortality. Budapest, 1970 315

Actualites archeologiques

V. Kh. Tménov et O. V. Tchérépovskaïa (Ordjonikidzé). IVéme Conference consacrée à la mémoire de E. I. Kroupnov 320
C. V. Trever 326

К XXV СЪЕЗДУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Большими трудовыми успехами и высокой политической активностью советский народ встречает XXV съезд КПСС. И как всегда в канун столь важного события, как съезд КПСС, наш народ подводит итоги проделанной работы, обозревает пройденный путь и намечает новые рубежи в достижении коммунизма.

Со времени XXIV съезда КПСС прошло пять лет. Все эти годы трудящиеся Советского Союза, воодушевляемые историческими решениями XXIV съезда КПСС, упорно трудились над выполнением грандиозных задач девятого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. Чувство огромной радости и гордости вызывает сознание того, что величественные планы девятой пятилетки успешно выполнены.

Осуществляя планы, намеченные Ленинской партией, советские люди добились в 1971—1975 гг. крупных успехов в коммунистическом строительстве. За эти годы новый большой шаг вперед сделали все отрасли нашей социалистической экономики. Заметно увеличился объем промышленного производства. Из года в год росли темпы развития сельского хозяйства. Большие успехи достигнуты в истекшей пятилетке и советской наукой. Технический прогресс нашей страны, усиленное развитие всех звеньев промышленного и сельскохозяйственного производства осуществлялись путем освоения новейших достижений науки. В своем докладе о 50-летии СССР Л. И. Брежнев подчеркивал, что «как в промышленности, так и в сельском хозяйстве мы не можем теперь делать буквально ни шагу вперед без помощи новейших достижений науки» [1].

Рост благосостояния народа является, как известно, высшей целью экономической политики нашей партии. Успешное развитие народного хозяйства в девятой пятилетке позволило обеспечить дальнейший подъем благосостояния и культуры всего советского народа. Достаточно сказать, что в 1971—1975 гг. на треть выросли реальные доходы на душу населения, значительно возросли общественные фонды потребления.

Таким образом выполнена главная задача истекшей пятилетки — добиться значительного подъема материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, научно-технического прогресса и ускорения роста производительности труда. Девятая пятилетка стала важным этапом в дальнейшем продвижении нашего общества по пути к коммунизму, укреплении экономической и оборонной мощи страны.

Поистине огромную работу провела наша партия и советское правительство на международной арене. Линия СССР в области внешней политики состоит в укреплении лагеря социализма, поддержке международного рабочего движения и национально-освободительной борьбы народов. Последовательно проводя политику мира и дружбы между народами, СССР ведет активную борьбу против империализма, против происков агрессивных сил. Л. И. Брежнев в своей речи при закрытии XXIV съезда КПСС отмечал, что выдвинутая XXIV съездом программа борьбы за мир, свободу и неза-

[1] *Л. И. Брежнев.* О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972, стр. 58.

висимость народов нашла самый широкий отклик на всех континентах земли.

Успешное окончание Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в 1975 г. в Хельсинки, явилось важным шагом на пути закрепления принципов мирного сосуществования и налаживания отношений равноправного сотрудничества между государствами с различным общественным строем.

Уходящее пятилетие надолго останется в памяти советских людей. В 1971 году состоялся XXIV съезд КПСС, следующий год явился годом 50-летия образования СССР, в 1973 году отмечалось 70 лет со времени II съезда РСДРП, в 1974—1975 годах в нашей стране широко праздновалось 250-летие Академии наук СССР, в 1975 году принято решение о созыве очередного XXV съезда партии и опубликовано Постановление ЦК КПСС о проекте ЦК КПСС к XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

Огромный политический подъем и трудовой энтузиазм советских людей способствовали успешному выполнению намеченной XXIV съездом КПСС программы дальнейшего развития экономики, культуры и науки нашей страны. Свой вклад в осуществление этой программы внесли советские ученые, в том числе и археологи.

Советские археологи продолжали в истекшей пятилетке разрабатывать широкий круг проблем, связанных с исследованием закономерностей исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой. Выполнены обобщающие исследования по первобытной археологии, истории и культуре рабовладельческого и феодального общества, по проблемам этногенеза народов мира, истории материальной культуры народов СССР и истории религии и атеизма. Исследовались, в частности, проблемы происхождения человека и возникновения человеческого общества, древнейшей истории народов СССР, формирования производящего хозяйства, развития доклассового общества на ранних его этапах, зарождения классов и возникновения древнейших государств на территории СССР, истории рабства в античном мире, зарождения классовых отношений у народов Азии и Америки, генезиса феодализма, а также проблемы этнических процессов, истории материальной культуры и искусства народов СССР.

Немало сделали археологи и для популяризации своей науки и ее достижений.

Успехи советской археологической науки были бы невозможны без творческого овладения методологией марксистско-ленинской философии. Советские археологи основывают свои исследования на прочном фундаменте исторического материализма и марксистской диалектики. В этой связи следует особо отметить работы советских археологов последних лет, посвященные проблемам методологии археологической науки.

Прогресс советской археологической науки в значительной степени определялся постоянным увеличением количества археологических источников и их научно-познавательных возможностей. Советские археологи вели в 1971—1975 гг. широкие полевые исследования во всех областях нашей страны.

Ежегодно в стране работало около 500 археологических экспедиций и отрядов. Крупнейшие экспедиции, такие, как, например, Саяно-Тувинская, Красноярская, Чебоксарская, Нижнекамская, Поволжская, Донская, Алейская и другие, вели исследования на новостройках коммунизма — в зоне строительства важнейших гидротехнических сооружений Советского Союза.

Полевые исследования советских археологов увенчались открытиями мирового значения. Выявлено значительное количество новых и разнообразных археологических памятников от древнего каменного века до средневековья.

В Крыму, на Кавказе, в Средней Азии, в Прибалтике, на Украине и обширной территории Сибири открыто множество новых стоянок, представляющих все фазы палеолита. Завершены исследования уникального палеолитического погребения на стоянке Сунгирь во Владимирской области и всемирно известных палеолитических рисунков Каповой пещеры на Урале.

Вышли в свет ценные исследования, посвященные изучению каменного века Украины, Литвы, Северной, Центральной и Восточной Азии. Подготавливается капитальный труд «Палеолит мира», первый том которого («Палеолит Африки») будет опубликован в текущем году.

Следует указать также, что в 1974 г. Институт археологии АН СССР провел научно-теоретическую конференцию «Атеизм и проблема происхождения человека в свете новейших данных».

Важные результаты достигнуты и в изучении эпохи мезолита. Отметим, например, что в Карелии открыто свыше 100 мезолитических памятников, позволивших по-новому осветить проблему заселения человеком Карелии и Финляндии. Исследование памятников Крыма и Кавказа дало ценные данные для уточнения периодизации и выяснения вопроса о связях их древнего населения с мезолитическими и ранненеолитическими обитателями Передней Азии и Восточного Средиземноморья.

Советские археологи уделяли большое внимание изучению неолитических культур на территории СССР. Исследовались как раннеземледельческие памятники Средней Азии, Кавказа, Украины и Молдавии, так и неолитические культуры охотников и рыболовов лесной полосы Восточной Европы и Западной Сибири. В Верхнем Поволжье открыта новая неолитическая культура, предшествующая культуре ямочно-гребенчатой керамики.

Большое значение с точки зрения изучения проблемы так называемой неолитической революции — процесса возникновения и распространения производящих форм хозяйства — имела проведенная в 1974 г. в Ленинграде всесоюзная конференция на тему «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя».

Ценнейшие материалы получены в результате исследований памятников энеолита и бронзового века. Раскопаны десятки древнеземледельческих поселений и сотни курганов, изучены интереснейшие памятники первобытного искусства. В результате, в частности, доказана глубокая древность ирригационного земледелия в Туркмении (IV тысячелетие до н. э.) и установлено, что формирование раннегородских центров на юге Средней Азии относится к рубежу III—II тысячелетий до н. э. В 1971—1975 гг. опубликована серия трудов, включающая как монографическое изучение отдельных памятников, так и обобщающие исследования по древним культурам IV—II тысячелетий до н. э. Европейской части СССР, Кавказа, Сибири и Средней Азии. В них на широком фоне рассмотрены важнейшие вопросы истории, хозяйства и культуры племен энеолита и бронзового века.

Советские археологи продолжали плодотворные исследования скифо-сарматских памятников и культур раннего железного века. Широкую известность получили раскопанные на Украине царские курганы скифов — «Гайманова могила», «Толстая могила» и др. В интересном погребении, исследованном в Молдавии, обнаружены великолепные золотые ювелирные изделия греческой работы. Завершены раскопки грандиозного кургана Аржан в Туве, относящегося к VIII—VII вв. до н. э. В нем, кроме основного — «царского» — погребения, открыто более сотни конских захоронений и найден богатый погребальный инвентарь. В больших масштабах произведены также раскопки поселений и крупных городищ и получены новые важные материалы для характеристики хозяйства, быта и идеологии лесостепных племен скифского времени.

Интенсивно исследовались античные города Северного Причерноморья — Херсонес, Ольвия, Фанагория, Танаис и другие. Интересные результаты получены на Таманском полуострове, где выявлена группа новых

памятников. Среди них следует отметить остатки круглого здания — толоса, напоминающего по архитектурным особенностям храм Аполлона в Дельфах. Важные данные по истории городов, ремесел, торговли, экономики и культуры получены в результате многолетних исследований древних и средневековых городов Закавказья, Средней Азии и Казахстана. Значительными открытиями ознаменовались раскопки древнерусских городов — Киева, Новгорода и др. Вышли в свет ценные исследования, посвященные изучению средневековых памятников на территории СССР, такие как «Средневековая Ингушетия», «Средневековый город Средней Азии», «Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики», «Города Поволжья в средние века» и др.

Серьезное внимание по-прежнему уделялось изучению этногенетических проблем, в особенности вопросам происхождения и ранней истории славян, о чем свидетельствует опубликованная в последние годы серия монографий и коллективных трудов по данной проблематике. Вышли в свет также ценные исследования, посвященные различным аспектам славяно-русской археологии и изучению искусства Древней Руси. В 1974 г. опубликовано крупное исследование «Русские карты Московии XV — начала XVI века».

Советские археологи плодотворно трудились и над изучением проблем зарубежной археологии. В последние годы вышли в свет двухтомная «Археология Западной Европы», труды по археологии Румынии и древним цивилизациям Мезоамерики, Перу и Боливии. В Болгарии, Монголии, Афганистане и Ираке продолжали широкие и плодотворные исследования археологические экспедиции АН СССР. Работы советских экспедиций за рубежом увенчались важными результатами. В Болгарии изучены древнейшие из известных медных рудников в Европе, относящиеся к IV тысячелетию до н. э. В Монголии впервые открыты памятники эпохи нижнего палеолита. В результате работ Иракской экспедиции удалось выделить новый этап раннеземледельческой культуры Северной Месопотамии и получить убедительные данные о времени возникновения металлургии в Двуречье. Исследования Советско-Афганской экспедиции позволили воссоздать историю Бактрии с III тысячелетия до н. э.

Советские археологи регулярно принимают активное участие в работах международных конгрессов и конференций по археологии.

Как всегда Институт археологии Академии наук СССР возглавляет и направляет изыскания в области археологии в СССР. По инициативе Института в 1971—1975 гг. были организованы в Москве, Тбилиси, Самарканде и Киеве Всесоюзные сессии, посвященные итогам полевых работ советских археологов. Институт продолжает ежегодно издавать сборник «Археологические открытия», в котором принимают участие археологи всей страны. Огромное значение имеет осуществляемое Институтом археологии АН СССР капитальное издание «Свода археологических источников СССР», рассчитанное на 350—400 выпусков. Над его созданием трудятся археологи всей страны. Издано уже более 60 выпусков. Академиями наук СССР и союзных республик совместно с Министерствами культуры готовятся к изданию областные «Своды памятников истории и культуры». Институт археологии АН СССР приступил к подготовке фундаментального обобщающего труда «Археология СССР» в 16 томах.

Широкое общественное признание достижений советских археологов получило свое выражение в присуждении Государственной премии за 1974 год сотруднику Института археологии АН СССР С. А. Семенову и в награждении группы археологов орденами и медалями Советского Союза в 1975 году.

Советские археологи вместе со всеми трудящимися нашей великой многонациональной Родины приложат все силы и знания для претворения в жизнь величественных задач строительства коммунизма, намеченных Коммунистической партией.

В. П. АЛЕКСЕЕВ

ЗАПАДНЫЙ ОЧАГ РАСООБРАЗОВАНИЯ И РАССЕЛЕНИЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ЛЮДЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

Характер расселения современного человечества по земной поверхности таков, что можно говорить о существовании территорий, не заселенных в силу исторических или природных причин. Уже одно это обстоятельство позволяет сделать аналогичный вывод по отношению к палеолитическому времени. Сравнительная немногочисленность палеолитического населения и большая его зависимость от географической среды, а также бессилие преодолеть влияние отдельных особо неблагоприятных ландшафтных областей еще увеличивали прерывистость расселения. Такое расселение объясняет сравнительную редкость палеолитических памятников и палеоантропологических находок [1], а также существование отдельных локальных участков, на которых не найдено следов палеолита.

Каково значение прерывистого расселения для начальных стадий расообразования? Прерывистое расселение означает дифференциацию человечества на группы большей или меньшей численности, подразделенные географическими барьерами, и, следовательно, наличие такой структуры брачных связей, при которой осуществляется распад на популяции. Если в современную или близкую к современности эпоху существовали и существуют территории, в пределах которых мы имеем наложение брачных кругов друг на друга [2], и как следствие либо осуществляется стирание предшествующих популяционных границ, либо просто не происходит формирования популяций, то в пределах палеолитического человечества таких территорий практически, очевидно, не было из-за слишком малой плотности населения и популяционная структура была преобладающей. Расообразование носило, следовательно, дискретный характер.

Однако для нашей темы важно подчеркнуть, что дискретность расообразования выражалась не только в популяционной структуре палеолитического человечества и морфофизиологической уникальности каждой из популяций, но и в дискретной географии рас, приуроченности особо интенсивных вспышек расообразования к отдельным территориям, что позволяет говорить об очагах расообразования [3]. Очаг расообразования — это такая территория, в пределах которой расообразование характеризовалось определенной спецификой, выражающейся в направлении и интенсивности расообразовательного процесса.

---

[1] Каталоги последних издавались неоднократно: *W. et A. Quenstedt.* Fossilium catalogus. Hominidae fossiles. Gravenhague, 1936; *H. Vallois, H. Movius* (eds). Catalogue des hommes fossiles. Alger, 1952; *K. Oakley, G. Campbell* (eds). Catalogue of fossil hominids, part I. Africa. London, 1967; part II. Europa, London, 1971.

[2] *В. П. Алексеев.* Модусы расообразования и географическое распространение генов расовых признаков. СЭ, 1967, 1.

[3] *В. П. Алексеев.* К обоснованию популяционной концепции расы. Сб. «Проблемы эволюции человека и его рас». М., 1968; *его же.* Сибирь как очаг расообразования. Сб. «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии». М., 1968.

В отношении первичных очагов палеоантропология пока не дает однозначного решения. Наряду с гипотезой широкого моноцентризма Я. Я. Рогинского, согласно которой происхождение всех основных расовых стволов восходит к палеолитическому населению Восточного Средиземноморья, Передней и частично Южной Азии [4], продолжают бытовать различные формы полицентризма, впервые аргументированного Ф. Вайденрайхом [5]. Недавно новый вариант полицентрической гипотезы предложил К. Кун, защищавший тезис не о четырех, как Ф. Вайденрайх, а о пяти основных расообразующих центрах [6]. Не вдаваясь в активную полемику вокруг его гипотезы, в основном носившую по отношению к ней критический характер [7], отмечу лишь, что при полицентрическом подходе главной проблемой является число основных рас, по которым автоматически уже устанавливается число центров расообразования.

Школьное представление о тройном расовом делении человечества далеко не бесспорно. Все накопленные к настоящему времени данные о популяционных концентрациях генных частот для многочисленных признаков с простой наследственной структурой (имеются в виду в первую очередь эритроцитарные и сывороточные группы крови) противоречат такому делению. Известный иммунолог и серолог У. Бойд разработал расовую классификацию человечества на основе групповых факторов крови, включающую шесть основных типов [8]. Ввиду полного их несоответствия единицам традиционной расовой классификации ему пришлось увеличить их число до 13[9], но и в этом случае несоответствие морфологической и серологической классификаций налицо.

Но и в самой морфологии нет четких критериев для дифференциации или объединения рас, и поэтому на равных основаниях пока фигурируют схемы, в которых основных стволов больше десятка [10], и схемы двойного деления человечества [11]. Существенный аргумент в пользу последних дают сведения о возрастной изменчивости расовых признаков. Я. Я. Рогинский в интересном исследовании показал, что европеоидные и негроидные группы меньше различаются между собой в детском возрасте, чем во взрослом состоянии [12]. Как ни трудно истолковывать эти наблюдения на микроэволюционном уровне в свете закона о рекапитуляции признаков в онтогенезе Бэра — Дарвина — Геккеля — Мюллера, но все же они свидетельствуют о бесспорно своеобразном развитии монголоидного ствола по сравнению с другими. На этом основании представляется весьма убедительным проти-

---

[4] Наиболее развернутая аргументация: *Я. Я. Рогинский.* Теории моноцентризма и полицентризма в происхождении современного человека и его рас. М., 1949. Последний вариант аргументации: *Я. Я. Рогинский.* Проблемы антропогенеза. М., 1969; *его же.* О нерешенных проблемах возникновения человека современного типа. ВА, 40, 1972.

[5] *F. Weidenreich.* The classification of fossil hominids and their relations to each other, with special reference to Sinanthropus pekinensis. Congres international des sciences anthropologiques et ethnologiques, 2-eme session, Copenhagen, 1938 (перепечатано: «Bulletin of Geological Society of China», v. 19, 1938, № 1).

[6] *C. Coon.* The origin of races. London, 1963; *Idem.* The living races of man. New York, 1965.

[7] Она нашла отражение и в советской литературе. См.: *Я. Я. Рогинский.* Рецензия на книгу К. Куна (*C. Coon.* «The origin of races», СЭ, 1964, 1).

[8] *W. Boyd.* Genetics and the races of man. Boston, 1950.

[9] *W. Boyd.* Genetics and the races of man. Boston, 1958. Перепечатано: *S. Garn* (ed.). Readings on race. Springfield, Illinois, 1960.

[10] Такой вариант классификации предложен В. В. Бунаком: *В. В. Бунак.* Расы. БМЭ, т. 28, М., 1934. В более поздней работе число стволов было все же сведено к четырем: *В. В. Бунак.* Человеческие расы и пути их образования. СЭ, 1956, 1.

[11] *R. Biasutti.* Le razze e i popoli della terra, t. I. Torino, 1953; *A. Keith.* A new theory of human evolution. New York, 1949.

[12] *Я. Я. Рогинский.* К вопросу о возрастных изменениях расовых признаков у человека (в утробном периоде и в детстве). «Антропологический сборник, II». Тр. ИЭ АН СССР (нов. серия), т. L, М., 1960.

вопоставление именно монголоидов другим расовым стволам и объединение в один ствол европеоидов и негроидов, включая и австралоидов [13].

Исходя из такого двойного расового деления человечества, автор аргументировал схему двух первичных очагов расообразования — географически более обширного западного и гораздо менее обширного восточного [14]. В первом формировались исходные формы для негроидов, австралоидов и европеоидов, во втором — исходные формы для монголоидов и американоидов. Соответственно этому первый первичный очаг дал начало трем вторичным — европейскому, африканскому и австралийскому, второй — двум вторичным — азиатскому и американскому [15].

Какие палеоантропологические материалы могут быть мобилизованы для исследования расогенетических процессов внутри западного первичного очага на начальных стадиях расообразования? Прежде всего это старые и уже хорошо известные находки неандертальцев в Палестине — в пещере Схул, Табун и Кафзех. В случае последней находки [16] мы имеем дело с очень сапиентным прогрессивным неандертальцем, не уступающим, по-видимому, известным прогрессивным неандертальцам из пещеры Схул. Последние описаны очень подробно и характеризуются при большой сапиентности исключительным полиморфизмом[17]. Совершенно очевидно, что именно это своеобразие привлекало и привлекает к группе Схул внимание разных исследователей, пытающихся истолковать его с позиций эволюционной трансформации или под углом зрения метисационной гипотезы [18]. Я. Я. Рогинский выделил в группе Схул три компонента: европеоидный (череп Схул IV), негроидный (череп Схул V) и монголоидный (череп Схул IX) [19]. Реальность последнего компонента вызывает сомнение ввиду фрагментарности находки, но первые два выделяются морфологически совершенно бесспорно. Ч. Сноу подверг ревизии первоначальную реконструкцию черепа Схул V и реконструировал его повторно [20]. В результате немного изменились размеры черепа, несколько уменьшились прогнатизм и широконосость, т. е. как раз негроидные признаки, но и после реконструкции череп полностью сохранил негроидно-австралоидный облик.

Новый палеоантропологический материал мустьерского времени, пригодный для характеристики расообразования в первичном западном очаге, получен в результате раскопок местонахождений Шанидар в Иране и Амуд в Палестине. Лучше других сохранившийся череп из Шанидара, принадлежавший мужчине пожилого возраста, хотя и послужил темой

---

[13] Оно было осуществлено в 1941 г. Я. Я. Рогинским: *Я. Я. Рогинский.* Человеческие расы. В кн.: *В. В. Бунак, М. Ф. Нестурх, Я. Я. Рогинский.* Антропология. М., 1941. В более поздних работах Я. Я. Рогинский не упоминает об этом: *Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин.* Основы антропологии. М., 1955; *они же.* Антропология. М., 1963. (Со ссылкой на Я. Я. Рогинского, но без специальной аргументации такое объединение повторено Г. Ф. Дебецом: *Г. Ф. Дебец.* Опыт графического изображения классификации человеческих рас. СЭ, 1958, 4.)

[14] *В. П. Алексеев.* О первичной дифференциации человечества на расы. Первичные очаги расообразования. СЭ, 1969, 1.

[15] *В. П. Алексеев.* О первичной дифференциации человечества на расы. Вторичные очаги расообразования. СЭ, 1969, 5. Более подробная аргументация: *его же.* География человеческих рас. М., 1974.

[16] *H. Vallois, B. Vandermeersch.* Le crâne moustérien de Gafzeh (Home VI). Etude anthropologique. L'Anthropologie, t. 76, 1972, № 1—2.

[17] *T. McCown, A. Keith.* The stone age of Mount Carmel, II. The fossil human remains from the Levalloiso-Mousterian. Oxford, 1939.

[18] См. например: *A. Thoma.* Métissage ou transformation? Essai sur les hommes fossiles de Palestine. L'Anthropologie, t. 61, 1957, № 5—6; t. 62, 1958, № 1—2.

[19] *Я. Я. Рогинский.* Теории моноцентризма и полицентризма в происхождении современного человека и его рас; *его же.* Палестинские и близкие им формы гоминид. «Ископаемые гоминиды и происхождение человека». Тр. ИЭ АН СССР (нов. серия), т. 92, М., 1966.

[20] *Ch. Snow.* The ancient Palestinian: Skhul V reconstruction. «Bulletins of Amer. School of Prehistoric Research», № 17, Cambridge, Massachusetts, 1953.

предварительного сообщения [21], все еще не описан монографически. В отличие от шанидарских находок описанию черепа из пещеры Амуд посвящена исчерпывающая монография нескольких японских антропологов, содержащая как тщательную морфологическую характеристику находки, так и ее довольно подробные измерения [22]. Сходство шанидарского и амудского черепов проявляется по многим признакам, но одновременно они оба резко отличаются от группы Схул, выделяясь специфическим сочетанием некоторых прогрессивных и четко выраженных примитивных признаков. Возможность сближения этих черепов с теми или иными расовыми вариантами, выделяющимися в современном населении, остается проблематичной; что же касается их стадиального положения, то они в целом являются все же более примитивными, чем группа Схул, и сближаются в этом отношении с черепом из пещеры Табун.

В общем этот новый материал вскрывает исключительно сложную расогенетическую обстановку в западном первичном очаге расообразования. Передняя Азия, очевидно, не была зоной распространения только прогрессивных неандертальцев, тем более что нет пока твердых доказательств более позднего хронологического возраста прогрессивных форм в сравнении с более примитивными. Как и на других территориях, прогрессивные популяции проживали либо вперемежку, либо рядом с относительно примитивными, что лишает Переднюю Азию права на какое-то исключительное положение в пределах среднепалеолитической эйкумены, как это постулируется гипотезой моноцентризма. С другой стороны, это обстоятельство постоянно создавало базу для интенсивного действия естественного отбора, что на фоне действительного сильного смешения (Передняя Азия географически расположена в центре Евразии) порождало активный очаг расообразования. Прогрессивный характер группы Схул отражает интенсивно шедший процесс кристаллизации комплекса признаков Homo sapiens в недрах популяций переднеазиатских неандертальцев, полиморфизм группы Схул — параллельный ему процесс расообразования и сложения протоморфных вариантов западного ствола, исходного для европеоидов и негроидов.

Большая роль в выделении западного расообразовательного очага и определения его древности принадлежит археологическим материалам. Не имея возможности останавливаться на них подробно в виду их обширности и наличия многих достаточно полных сводных работ, укажу только на основной для нашей темы вывод из результатов археологических исследований: как на территории самой Передней Азии, так и в окружающих ее областях выявлены группы памятников, обнаруживающих все ступени перехода от среднего палеолита к верхнему и, следовательно, непрерывность культурного развития человечества здесь с начала эпохи мустье до появления Homo sapiens [23]. Строго говоря, культурная непрерывность не обязательно должна была во всех случаях опираться на брачную непрерывность поколений, но в целом корреляцию между непрерывностью биологического воспроизводства и культурной непрерывностью, особенно для палеолита, следует считать высокой. Таким образом, археологические данные с новой стороны позволяют подтвердить наблюдаемое антропологически сходство европеоидов и негроидов с отдельными представителями группы Схул и датировать время возникновения западного первичного очага расообразования самое позднее эпохой мустье.

---

[21] См., например: *T. Stewart.* The restored Shanidar I Skull. «The Smithsonian report for 1958». Washington, 1959. Там же и фотографии в шести нормах. Специальный обзор публикаций о раскопках в Шанидаре, палеоантропологических находках и их изучении см.: *И. И. Коробков.* Новые данные о неандертальских скелетах из пещеры Шанидар (Ирак). ВА, 15, 1963.

[22] *H. Suzuki, T. Takai* (ed.). The Amud man and his cave site. Tokyo, 1970.

[23] Обзор см.: *Г. П. Григорьев.* Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л., 1968.

Границы первичного западного очага могут быть намечены пока лишь в самых общих чертах. Исходя из сходства ландшафтных условий и исторических судеб населения в более позднюю эпоху, можно предполагать, что помимо Передней Азии в него входит Кавказ. Передняя Азия настолько незаметно переходит в Восточное Средиземноморье с его благоприятными условиями жизни, что сразу же возникает необходимость расширить границы очага за счет южных районов восточной части Северной Африки и южных районов Европы. Возможно, даже Центральная Европа была периферией западного очага. Во всяком случае, один из древнейших неандертальцев в Европе — штейнгеймский неандерталец — имел исключительно широкое грушевидное отверстие, т. е. типично южную черту, правда, при характерной для европейских неандертальцев ортогнатности [24]. Наконец, Южная Азия при всем своем ландшафтном отличии от Передней также может претендовать на включение в границы западного очага, так как на ее территории в большом количестве сохраняются до современности промежуточные между европеоидами и негроидами формы, которые частично могут быть объяснены как результат метисации, но частично должны рассматриваться как реликтовые.

Такие широкие границы западного очага практически сближают его с зоной появления человека современного вида в гипотезе широкого моноцентризма. Разница лишь в том, что в этом последнем случае к огромной центральной области Старого Света возводится формирование всех современных рас, тогда как в соответствии с излагаемой здесь точкой зрения в границах западного очага сформировались протонегроиды и протоевропеоиды, затем расселившиеся в юго-западном направлении, где сложилась современная негроидная раса, и в северо-западном направлении, где сложилась современная европеоидная раса.

В соматологическом выражении негроидный комплекс резко отличается от европеоидного, но на черепе основные различия сводятся к трем фундаментальным особенностям — вертикальной профилировке лицевого скелета (прогнатизм на негрских черепах, ортогнатизм — на европейских), выступанию носа (малое у негров, большое у европейцев) и ширине носа (большая у негров, малая или средняя у европейцев). Распространено мнение, что эти негроидные признаки сильнее выражены в африканских краниологических сериях, чем у австралоидов. Однако сопоставление черепов австралийцев и многочисленных африканских серий показывает, что первые ничуть не менее прогнатны и широконосы как абсолютно, так и относительно, чем вторые [25]. Даже нос, вопреки широко распространенному заблуждению, в своей костной части развит у австралийцев не сильнее, чем у негров [26]. Очевидные соматологические различия между ними не могут быть фиксированы на палеоантропологическом материале. Но различия между коренным населением Африки и Австралии отчетливо проявляются в строении черепной коробки, у австралийцев гораздо более массивной, и размерах лицевого скелета, у австралийцев гораздо более широкого.

Все сказанное позволяет произвести оценку известных нам палеоантропологических материалов по верхнему палеолиту и мезолиту как с территории Европы, так и с территории Африки, материалов, относящихся ко времени уже после расселения из западного очага. Палеоантропология

---

[24] *H. Weinert.* Der Urmenschschädel von Steinheim. «Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie», XXXV, 1936.

[25] *В. П. Алексеев.* Материалы по краниологии Новой Гвинеи, Зондских и Молуккских островов, Малайского полуострова. «Культура народов Австралии и Океании». Сб. МАЭ, XXX, Л., 1974.

[26] *H. Milicerowa.* Crania Australica. «Materialy i prace antropologiczne», № 6, Wroclaw, 1955. Это единственная работа по краниологии австралийцев, где приведены измерения выступания носовых костей к линии общего профиля лицевого скелета. На мужских черепах папуасов я получил для этого угла величину 20,8 (16 наблюдений).

Африки изучена пока чрезвычайно плохо, представлена не сериями, а единичными находками, к тому же недостаточно ясно датированными [27]. Все же можно утверждать, что австралоидный комплекс признаков был выражен среди этих находок в подавляющем большинстве случаев. Более поздние краниологические серии капсийской и иберо-маврской культур, относящиеся к мезолиту и началу неолита, при общем несомненно европеоидном облике отличаются одной протоморфной особенностью — большой шириной носа, сближающей их с тропическими группами [28]. На территории Европы мы также сталкиваемся с аналогичным комплексом признаков — я имею в виду прежде всего так называемых негроидов Гримальди [29] и череп из Комб-Капелль [30]. Правда, после повторной реконструкции, осуществленной Э. Влчеком [31], оказалось, что негроидные особенности черепов из гротов Ментоны излишне подчеркнуты, но и после реконструкции они отличаются от стандартного кроманьонского комплекса. О черепе из культурного слоя стоянки Маркина гора (Костёнки XIV), отличающемся тем же комплексом, будет сказано дальше, а пока ограничимся выводом, что палеоантропологический материал демонстрирует широкое распространение австралоидной или, вернее говоря, протоавстралоидной комбинации признаков в древнейшие эпохи расообразования как раз на тех территориях, на которых позже были расселены европеоиды и негроиды.

Современные австралоиды характеризуются рядом специализированных черт, в целом не свойственных протоавстралоидному комплексу или свойственных ему лишь в слабой мере. Если отвлечься от этих специализированных особенностей, то австралоидный комплекс морфологически занимает промежуточное положение между европеоидным и негроидным по многим признакам. В сочетании с перечисленными только что палеоантропологическими материалами это наблюдение приводит к выводу, что формирование Homo sapiens в западном очаге расообразования прошло через этап сложения австралоидного комплекса признаков. Популяции таких протоавстралоидов широко расселились из Передней Азии по всей Африке и, надо думать, спорадически проникали в южные районы Европы.

Вопрос о преобладающем типе верхнепалеолитического населения Европы пока не выходит за рамки споров. Многие исследователи видят в черепах Кроманьон, Барма-Гранде, Оберкассель, Пшедмости древнейшие формы европеоидной расы, либо дифференцирующиеся на локальные варианты [32], либо объединяемые в один тип [33]; другие, наоборот, считают, что характерный комплекс европеоидной расы еще не сформировался в верхнепалеолитическое время и морфологически не фиксируется на верхне-

---

[27] *A. Keith.* New discoveries relating to the antiquity of man. New York, 1931; *L. Leakey.* Stone age races of Kenya. London, 1935.

[28] *C. Arambourg, M. Boule, H. Vallois, R. Verneau.* Les grottes paléolithiques des Beni-Segoual (Algérie). «Archives de l'Institut de paleontologie humaine», mem. 13, Paris, 1934; *H. Vallois.* Diagrammes sagittaus et mensurations individuelles des hommes fossiles d'Afalou — Bou — Rhummel. «Travaux du laboratoire d'anthropologie et d'archeologie prehistoriques du musee du Bardo», t. V, Bardo, 1952; *L. Cabot Briggs.* The stone age races of Northwest Africa. «Bulletins of Amer. School of Prehistorie Research», № 18. Cambridge, Massachusetts, 1955; *D. Ferembach.* La nécropole epipaléolithique de Taforalt (Maroc oriental). Étude des squelettes humains. Rabat, 1962.

[29] *R. Verneau.* L'Antropologie. In: *L. de Villeneuve, M. Boule, R. Verneau, E. Cartailhac.* Les grottes de Grimaldi, t. II Paris, 1906.

[30] *H. Klaatsch.* Die Aurignacrasse und ihre Stellung im Stambaum der Menschneit. «Zeitschrift für Ethnologie», Bd 42, 1910.

[31] *E. Vlcek.* Rassendiagnose der aurignacienzeitlichen Bestattungen in der Grotte des Enfants bei Grimaldi. «Anthropologischer Anzeiger», Bd 29, 1965.

[32] *K. Saller.* Die Cromagnonrasse und ihre Stellung zu anderen jungpaleolithischen Langschädelrassen. «Zeitschrift für induktive Alstammungs und Vererbungslehre», Bd 39, № 2, 1925.

[33] *Г. Ф. Дебец.* Брюнн-Пшедмост, Кро-Маньон и современные расы Европы. АЖ. 1936, 3; *И. И. Гохман.* Ископаемые неоантропы. «Ископаемые гоминиды и происхождение человека». Тр. ИЭ АН СССР (нов. серия), т. 92, М., 1966.

палеолитических черепах [34]. Как бы там ни было, многие европеоидные особенности можно заметить в верхнепалеолитическом населении: сильно выступающий нос, относительно сильную горизонтальную профилировку лицевого скелета, ортогнатизм, хотя низкий и широкий лицевой скелет, свойственный верхнепалеолитическим людям, действительно не характерен для современных рас Европы. Таким образом, если считать протоавстралоидов древнейшей формацией европеоидной и негроидной рас, то уже в верхнем палеолите начался процесс их замещения в Европе европеоидными формами, пережиточно сохранявшими, однако, некоторые протоавстралоидные особенности, например, широконосость. На территории Африки труднее фиксировать начало процесса замещения протоавстралоидов представителями негроидной расы из-за фрагментарности палеоантропологических материалов, но уже в мезолите, если судить по черепу из Асселяра [35], комплекс негроидных признаков был выражен довольно четко.

Большое число работ, в которых частично постулируется, а частично конкретно показывается адаптивное значение расовых признаков, позволяет предполагать, что адаптивные процессы к воздействиям среды умеренного в Европе и тропического в Африке поясов сыграли значительную, если не основную, роль в формировании на базе австралоидных характерных европеоидных и негроидных особенностей. В Европе, возможно, фундаментальный эффект имело выщепление рецессивных генов на окраинах ареала — закономерность, установленная Н. И. Вавиловым [36]. Во всяком случае, были сделаны попытки показать значение этой закономерности в объяснении географического распространения пигментации в Северной Европе [37] и затем в Европе в целом [38]. Таким образом, на территории западных путей расселения протоавстралоидов из западного первичного очага их постепенно сменили более приспособленные формы, и поэтому мы находим их прямых потомков на востоке.

Как известно, древнейшей хорошо сохранившейся находкой на территории Советского Союза является череп из грота Тешик-Таш [39]. Он получил противоположную оценку в посвященных ему работах: одни авторы считали его типичным представителем классических западноевропейских неандертальцев [40], другие видели в нем прогрессивную форму, больше напоминающую неандертальцев группы Эрингсдорф [41]. Сейчас после многолетней дискуссии ясно, что последняя точка зрения ближе к истине и что тешик-ташский череп во многих отношениях не менее прогрессивен, чем черепа группы Схул.

---

[34] *В. В. Бунак.* Человеческие расы и пути их образования. СЭ, 1956, 1; *его же.* Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас. Тр. ИЭ АН СССР (нов. серия), т. XLIX, М., 1959.

[35] *M. Boule, H. Vallois.* L'Homme fossile d'Asselar, Sahara. «Archives de l'Institut de paleontologie humaine», mem. 9, Paris, 1932.

[36] *Н. И. Вавилов.* Географические закономерности в распределении генов культурных растений. «Природа», 1927, 10. Перепечатано: Тр. по прикладной ботанике и селекции, т. 17, вып. 3, 1927.

[37] *Н. Н. Чебоксаров.* Из истории светлых расовых типов Европы. АЖ, 2, 1936. См. также аналогичное объяснение для посветления пигментации в высокогорных районах Дагестана: *А. Г. Гаджиев.* Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 1965.

[38] *В. П. Алексеев.* Генетика и антропология. «Наука и жизнь», 1969, 9.

[39] Сб. «Тешик-Таш. Палеолитический человек». М., 1949.

[40] Наиболее полная аргументация: *Г. Ф. Дебец.* Об антропологических особенностях человеческого скелета из пещеры Тешик-Таш. Тр. УзФ АН СССР, сер. I. История, археология, вып. 1. Исследование палеолитической пещеры Тешик-Таш. Ташкент, 1940; *его же.* О положении палеолитического ребенка из пещеры Тешик-Таш в системе ископаемых форм человека. М., 1947.

[41] Наиболее полная аргументация: *F. Weidenreich.* The paleolithic child from the Teshik-Tash cave in Southern Uzbekistan (Central Asia). «Amer. Journal of Physical Anthropology» (new series), vol. 3, 1945, № 2 (перепечатано: *F. Weidenreich.* Anthropological papers 1939—1948; New York, 1948); *В. В. Бунак.* Муляж мозговой полости палеолитического детского черепа из грота Тешик-Таш. Сб. МАЭ. XIII, М.– Л., 1951.

Детский возраст находки в гроте Тешик-Таш затрудняет ее сопоставление с другими формами и получение информации о ее действительных эволютивных и расовых особенностях. Единственная возможность преодолеть эту трудность — экстраполировать на неандертальцев шкалу возрастной изменчивости, разработанную для современного человека. Такая экстраполяция содержит сама по себе значительный вероятностный элемент, но все, что мы знаем о возрастной динамике признаков у представителей неандертальского вида, свидетельствует о незначительных ее отличиях от аналогичной динамики современного человека и, следовательно, дает возможность воспользоваться такой экстраполяцией. Для краниологических признаков большие серии наблюдений их в возрастной динамике опубликовали Н. Д. Довгялло [42] и Н. С. Сысак [43]. Оба работали с русскими по своей этнической принадлежности краниологическими коллекциями, поэтому суммирование их данных правомерно и дает хорошее, основанное на довольно большом числе наблюдений, представление об изменениях основных краниологических признаков в отдельные возрастные периоды. На базе этих суммарных данных можно составить шкалу прироста признака в том или ином возрастном диапазоне и с помощью такой шкалы пересчитать размеры любого детского черепа на предполагаемые «взрослые» величины.

Именно такой прием и был использован при реконструкции окончательных размеров тешик-ташского черепа во взрослом состоянии [44]. Эта реконструкция подтвердила, что череп из грота Тешик-Таш действительно характеризовался весьма прогрессивными соотношениями размеров черепной коробки, в первую очередь очень высоким сводом и почти современными величинами всех индексов, опирающихся на размеры высоты черепной коробки. Кроме этого, однако, мы впервые получаем возможность достаточно объективно судить о расовых особенностях тешик-ташского черепа. Вопрос этот уже ставился в литературе, но не получил однозначного решения. Первый исследователь находки Г. Ф. Дебец аргументированно высказывался в пользу европеоидности, и эта точка зрения получила наибольшее, практически подавляющее, распространение, если не считать не очень убедительных соображений Ф. Вайденрайха о монголоидных особенностях черепа, подвергнутых Г. Ф. Дебецом исчерпывающей критике.

В последние годы появилась, однако, новая попытка доказать принадлежность тешик-ташского человека к монголоидному стволу, предпринятая венгерским исследователем А. Тома и требующая критической оценки [45]. К сожалению, новый защитник старой гипотезы Ф. Вайденрайха значительно менее осторожен, чем сам автор гипотезы, гораздо более категоричен в выводах и почти полностью игнорирует опыт советских исследователей в изучении краниологических особенностей представителей монголоидной расы. В доказательстве морфологического сходства тешик-ташского черепа он опирается целиком на сагиттальный контур черепного свода, считая его сходным и одинаково низким у среднепалеолитической находки и в эвенкийской краниологической серии. Аналогичную эвенкийским черепам величину высоты черепного свода имеют некоторые негрские серии, тасманийцы, отдельные популяции населения Южной Германии и Швейцарии. Между тем без внимания остались коренные различия в сте-

[42] *Н. Д. Довгялло.* О росте черепа человека. Архив анатомии, гистологии и эмбриологии, XVII, № 1, 1937.

[43] *Н. С. Сысак.* Материалы для возрастной морфологии черепа человека. «Антропологический сборник, II». Тр. ИЭ АН СССР (нов. серия), т. L, М., 1960.

[44] Результаты расчетов опубликованы в специальной работе: *В. П. Алексеев.* Положение Тешик-Ташской находки в системе гоминид. «Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии». М., 1973.

[45] *A. Thoma.* Le deploiement évolutif de l'Homo sapiens. «Anthropologia hungarica», V, Budapest, 1962, № 1—2; *Idem.* Die Entstehung der Mongoliden. «Homo», Bd 15, 1964, № 1.

пени горизонтальной уплощенности лицевого скелета, выступании носовых костей, высоте переносья, строении скуловых костей, т. е. как раз те фундаментальные признаки, к которым и прибегают в первую очередь, когда хотят дифференцировать монголоидные группы от любых других. Исходя из всего этого, новую попытку доказательства монголоидности тешик-ташской находки никак нельзя считать убедительной.

Получение «взрослых» размеров тешик-ташского черепа дало возможность отметить два существенных для нашей темы обстоятельства — широконосость, выделяющую его из числа вообще относительно широконосых неандертальцев, и тенденцию к прогнатизму. Оба эти признака в комплексе характерны, как мы уже упоминали, для тропических популяций. Наличие такого комплекса на мустьерском черепе из Средней Азии говорит не только о возможности включения ее в территорию западного первичного очага расообразования, но и является еще одним прямым доказательством протоморфности формировавшихся в этом очаге расовых вариантов по отношению и к европеоидам, и к монголоидам: мы помним о перечисленных выше европеоидных признаках черепа из грота Ташик-Таш.

Прежде чем перейти к вопросу о расселении палеолитических популяций из этого очага по территории СССР, отмечу параллельно развиваемую гипотезу западного очага, принадлежащую А. А. Зубову и Н. Н. Чебоксарову [46]. Она отличается от развиваемой на этих страницах тем, что в западный очаг включается только область формирования европеоидов и негроидов, тогда как зона формирования австралоидов отнесена на восток и объединена вместе с областью формирования монголоидов в восточный очаг. Поэтому карта расселения из западного очага, опубликованная Н. Н. Чебоксаровым и С. А. Арутюновым, заметно отличается от аналогичной карты, опубликованной мной [47]. В пользу такого объединения приведены в основном одонтологическая аргументация, а именно лопатообразность резцов у папуасов и другие особенности, сближающие их по строению зубной системы с монголоидами. Не отрицая значения этих наблюдений, я все же считаю их предварительными: не изучена частота встречаемости таких признаков в пределах всего ареала австралоидной расы, в частности на черепах многих групп австралийцев и меланезийцев. Самое же главное — объединение монголоидов и австралоидов полностью противоречит морфологическому критерию: обе расовые ветви различаются между собой настолько, насколько вообще различаются между собой далекие расовые варианты. Различия эти были достаточно четко выражены и в древности, если судить по морфологическому типу ранних ископаемых находок австралоидного облика [48]. Все это заставляет пока относиться к разбираемой гипотезе с осторожностью.

Череп из мустьерской стоянки Староселье в Крыму ставит еще более сложные задачи при диагностике, чем тешик-ташский, ввиду своего младенческого возраста [49]. Несмотря на наличие отдельных примитивных признаков, отмеченных автором описания Я. Я. Рогинским, принадлежность этого черепа современному человеку не вызывает сомнений. Череп обнаружен в культурном слое стоянки, где раскапывавший ее много лет А. А. Формозов отметил большое число двусторонне обработанных ору-

[46] *А. А. Зубов.* К выделению новой области в системе антропологии. (Принципы этнической одонтологии). СЭ, 1966, 1; *его же.* О расоводиагностическом значении некоторых одонтологических признаков. СЭ, 1968, 3; *его же.* Этническая одонтология. М., 1973; *N. Cheboxarov, A. Zoubov.* The main problems of the ethnic antropology in India. Moscow, 1967.

[47] Сравни: *Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова.* Народы, расы, культуры. М., 1971; *В. П. Алексеев.* Человек, биология и социологические проблемы. «Природа», 1971, 8.

[48] Обзор материала, правда, без табличных данных: *В. Р. Кабо.* Происхождение австралийцев в свете новых открытий. Страны и народы Востока, вып. 6. Страны и народы бассейна Тихого океана. М., 1968.

[49] *Я. Я. Рогинский.* Морфологические особенности черепа из позднемустьерского слоя пещеры Староселье. СЭ, 1954, 1.

дий [50]. К такому же типу относит он и Киик-Кобу, где найден скелет кисти и стопы очень примитивного неандертальца [51]. При всей морфологической несопоставимости уровня эволюционного развития старосельской и киик-кобинской форм вызревание современного человека в первобытных стадах неандертальцев непосредственно на территории Крыма кажется весьма вероятным. Однако такой вывод мало что прибавляет к предшествующему изложению, так как в общей форме он уже был сделан раньше, когда говорилось о вхождении южных районов Европы в западный первичный очаг. Существеннее другое — в южных районах европейской части СССР человек современного вида появляется уже в эпоху мустье.

Совершенно естественно предполагать в свете всего сказанного, что заселение Восточноевропейской равнины верхнепалеолитическими людьми происходило с юга, через территорию Кавказа и Средней Азии. На территории Восточноевропейской равнины имели место встреча их с какими-то неандертальскими группами, оставшимися за границами западного очага расообразования и сапиентации, и, возможно, метисация, хотя известные верхнепалеолитические находки, о которых пойдет речь, не выделяются какими-то особо примитивными признаками. Существование таких неандертальских групп, оставшихся вне границ очага интенсивной сапиентации, находит подтверждение в широком распространении мустьерских памятников на территории восточноевропейской равнины. Однако даже об основных деталях процесса взаимодействия современных и неандертальских людей мы можем только догадываться, так как происходил он в эпоху перехода от среднего палеолита к верхнему, и из-за отсутствия находок мы восстанавливаем его чисто умозрительно.

Конкретные находки верхнепалеолитических скелетов иллюстрируют нам ранние стадии уже закончившейся сапиентации и развития современного типа человека. Прежде всего это находки на стоянках Костенко-Боршевского района, описанные Г. Ф. Дебецом [52]. Тщательное морфологическое описание не позволило исследователю выделить на них какие-либо специфические неандерталоидные особенности. Что касается расовых особенностей, то они позволяют отделить череп из Маркиной Горы от черепов из Покровского лога и Костёнки II. Последние не выделяются каким-либо своеобразием из многочисленной серии верхнепалеолитических черепов и обнаруживают тот самый «кроманьонский в широком смысле слова» комплекс, обоснованию которого Г. Ф. Дебец посвятил специальную статью [53]. Визуально этот комплекс хорошо виден на реконструкции черепа из Костёнок II, осуществленной М. М. Герасимовым [54]. Прогнатность и резкая широконосость черепа из погребения на стоянке Маркина Гора дали основание для заключения о его негроидном облике и переселении людей такого морфологического облика на территорию Восточноевропейской равнины откуда-то из южных районов.

Заключение это не стало окончательным. Я. Я. Рогинский справедливо отметил, что этому черепу свойственно сильное выступание носовых костей, тогда как негроиды отличаются слабым выступанием костного носа [55]. Поэтому нет оснований говорить о негроидном облике данной находки; в соответствии с широко распространенным мнением о морфологических особенностях австралоидного типа и будто бы свойственном ему сильном

---

[50] *А. А. Формозов.* Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. МИА, 71, 1958.

[51] *Г. А. Бонч-Осмоловский.* Палеолит Крыма, вып. II. Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба. М.– Л., 1941; *его же.* Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба. М.– Л., 1954.

[52] *Г. Ф. Дебец.* Палеоантропологические находки в Костёнках. СЭ, 1955, 1; *его же.* Череп из позднепалеолитического погребения в Покровском Логе (Костёнки XVIII). КСИА АН СССР, 82, 1961.

[53] *Г. Ф. Дебец.* Брюнн-Пшедмост, Кро-Маньон и современные расы Европы.

[54] *М. М. Герасимов.* Люди каменного века. М., 1964.

[55] *Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин.* Основы антропологии; *они же.* Антропология.

выступании носовых костей ее можно отнести скорее к австралоидам [56]. Однако выше уже было сказано, что такая характеристика австралоидов принадлежит к области научных легенд и что в действительности черепа австралийцев, папуасов и меланезийцев плосконосы. Поэтому диагностика человека из Маркиной Горы в качестве австралоида не объясняет его специфических особенностей.

Эта трудность разрешается удачным образом, если предположить, что мы имеем дело в данном случае с наследием предшествующей стадии расогенеза, с протоавстралоидной в своей основе формой, которая иллюстрирует тот период расогенеза в западном очаге, когда на базе протоавстралоидной комбинации уже образуются европеоидные особенности. Противоречивое сочетание признаков на черепе из Маркиной Горы получает тогда естественное объяснение, справедливость которого подтверждается ранним возрастом находки. Кстати сказать, небесполезно отметить в этой связи, что аналогичная комбинация признаков фиксируется в изолированных районах и в более позднее время (череп из погребения в мезолитическом слое грота Фатьма-Коба [57]).

Итак, на территории Восточной Европы происходит тот же процесс, что и в Западной и Центральной Европе. Действие адаптации в процессе расселения по европейской территории и популяционно-генетические механизмы привели к формированию европеоидного комплекса признаков, представленного вначале пучком полиморфных популяций, и затем к его стабилизации, иллюстрацией чего является подавляющее большинство верхнепалеолитических находок. Однако в эпоху верхнего палеолита и мезолита еще сохраняются формы, отличающиеся протоморфными нейтрально-промежуточными комплексами признаков и восходящие к аналогичным морфологическим комбинациям в составе неандертальского вида. Пример существования таких комплексов на территории Восточной Европы в эпоху верхнего палеолита — череп со стоянки Маркина Гора, в эпоху мезолита — череп из грота Фатьма-Коба. Параллельно с такими комплексами существуют и развиваются типично европеоидные комбинации признаков, занявшие постепенно к эпохе мезолита доминирующее положение, тогда как роль протоавстралоидных комплексов сходит к тому времени на нет.

Очевидно, в верхнепалеолитическую эпоху происходит первая встреча протоавстралоидов и сформировавшихся на их основе европеоидов с расселившимися на запад популяциями восточного или монголоидного ствола. Доказательство западного расселения популяций, входивших в состав восточного ствола и связанных генетически с восточным очагом расообразования, можно видеть, с моей точки зрения, в морфологических особенностях черепа со стоянки Сунгирь [58]. Автор первого описания Г. Ф. Дебец отметил известное своеобразие этого черепа, но высказал мнение, что он относится к тому же «кроманьонскому в широком смысле слова» типу, который был постулирован им для других верхнепалеолитических европейских находок. Что касается морфологического своеобразия, то ему приписывается случайное, а не расогенетическое возникновение.

Верхнепалеолитическое население, видимо, было менее дифференцировано морфологически, чем современное, во всяком случае по тем признакам, которые сейчас подразделяют основные расовые стволы. С этой точки зрения гипотеза расового полиморфизма верхнепалеолитического населе-

---

[56] Так и выглядит она на реконструкции: *М. М. Герасимов.* Люди каменного века.

[57] *Г. Ф. Дебец.* Тарденуазский костяк из навеса Фатьма-Коба в Крыму. СЭ, 1936, 2; Г. Ф. Дебец же описал черепа из, вероятно, мезолитического могильника у села Волошского (*Г. Ф. Дебец.* Черепа из апшпалеолитического могильника у села Волошского. СЭ, 1955, 3), выделив в серии австралоидный тип. И. И. Гохман совершенно справедливо отметил, что тип этот фиксируется как раз на тех черепах, которые были подвергнуты наибольшей и очень спорной реставрации: *И. И. Гохман.* Население Украины в эпоху мезолита и неолита (антропологический очерк). М., 1966.

[58] *Г. Ф. Дебец.* Скелет позднепалеолитического человека из погребения на Сунгирской стоянке. СЭ, 1967, 3.

ния и недостаточной сбалансированности его в расовом отношении, защищаемая В. В. Бунаком [59], имеет право на существование. Вопрос только в том, не осуществлялась ли глубокая дифференциация верхнепалеолитического населения по другим признакам, которые позже потеряли расовое значение. Гипотеза расового полиморфизма тогда теряет смысл. К сожалению, единичный характер верхнепалеолитических находок не позволяет ответить на этот принципиальный вопрос.

Возвращаясь со всеми этими оговорками к дефиниции сунгирского человека в сравнении с другими верхнепалеолитическими формами, должен подчеркнуть такие нетипичные для верхнепалеолитических черепов Европы, но четко выраженные особенности, как очень высокое лицо, малое выступание носовых костей к линии лицевого профиля, сравнительно высокие орбиты, известная уплощенность лицевого скелета в верхней части. Последняя особенность иногда встречается на верхнепалеолитических черепах Европы, и именно на этом факте основываются сторонники ее независимого от восточного влияния возникновения у европейского населения [60]. Но большая часть европейских черепов из верхнепалеолитических погребений резко профилирована в горизонтальной плоскости. В то же время черепа из Верхней пещеры Чжоу-Коу-Дянь действительно характеризуются уплощенностью лицевого скелета, хотя и слабее выраженной, чем на черепах современных монголоидов [61]. Резко уплощен в верхней части и лицевой скелет сравнительно недавно описанного верхнепалеолитического черепа из Люцзяна [62].

Разумеется, все перечисленные признаки не дают возможности однозначно оценить морфологический облик сунгирского человека как типично монголоидный, если подходить к нему с меркой современного масштаба. Но учитывая меньшую дифференциацию верхнепалеолитического населения, нельзя игнорировать комплекс таких признаков. Его восточное происхождение весьма вероятно, если подразумевать под этим принадлежность сунгирского человека к каким-то протоморфным популяциям восточного ствола и формирование его отдельных предков в восточном первичном очаге расообразования. Косвенным доказательством возможности столь далекого расселения из восточного очага может служить находка монголоидного по своей морфологии фрагмента в промежуточной зоне — речь идет о кусочке лобной кости ребенка из культурного слоя стоянки Афонтова гора II [63]. Вероятность того, что фрагмент найден не in situ, не исключена полностью, хотя и невелика. Для отделения в данном случае континентальных монголоидов от тихоокеанских, как предлагал Г. Ф. Дебец,

---

[59] *В. В. Бунак.* Человеческие расы и пути их образования; *его же.* Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас; *его же.* Ископаемый человек на стоянке Сунгирь и его место среди других ископаемых позднего палеолита. Доклады советской делегации на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь, 1973). М., 1973. (Здесь эта гипотеза аргументирована применительно к сунгирской находке.)

[60] *В. П. Якимов.* О древней «монголоидности» в Европе. КСИЭ АН СССР, XXVIII, 1957; *его же.* Горизонтальная профилированность лицевого отдела черепа у современных и древних людей. ВА, 4, 1960; *Цуй Чен-яо.* Данные по горизонтальной профилированности лицевого скелета ископаемых людей. ВА, 1, 1960.

[61] В оригинальном описании (*F. Weidenreich.* On the earliest representatives of modern mankind recovered on the soil of East Asia. Peking natural history bulletin, v. 13. p. 3, 1939. Перепечатано: *F. Weidenreich.* Anthropological papers 1939—1948. New York, 1948) нет данных об уплощенности скелета в горизонтальной плоскости. Углы горизонтальной профилировки, определенные на муляжах, хранящихся в Институте геологии АН СССР, равны: назомалярный угол — 139° (№ 101), 130° (102), 150° (103); зигомаксиллярный угол — 129° (101), 130° (102), 127° (103).

[62] *Woo Ju-kang.* Human fossils found in Liukiang, Kwangsi, China. «Vertebrata palasiatica», v. III, № 3, 1959.

[63] *Г. Ф. Дебец.* Фрагмент лобной кости человека из культурного слоя стоянки Афонтова гора II под Красноярском. «Бюл. комиссии по изучению четвертичного периода», 1946, № 8.

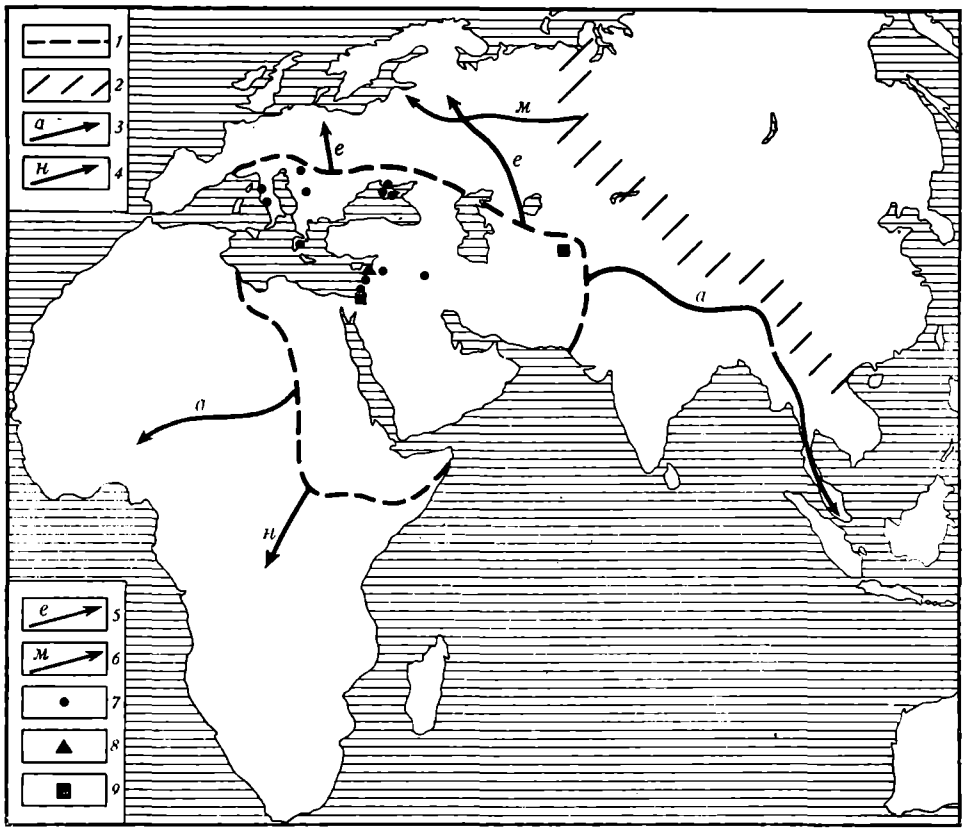


Рис. 1. Расселение палеолитических людей на территории СССР из западного очага расообразования

1 – предположительные границы западного очага, *2* – предположительные границы ареала монголоидов в палеолитическое время, *3* – расселение протоавстралоидов, *4* – расселение негроидов, *5* – расселение европеоидов, *6* – расселение монголоидов, *7* – находки неандертальцев в пределах западного очага, *8* – находки прогрессивных неандертальцев, *9* – находки прогрессивных неандертальцев с протоморфными австралоидно-европеоидными признаками

фрагмент малопригоден [64], но характерная для монголоидов резкая уплощенность переносья на нем фиксируется вполне отчетливо. Симптоматично и то, что стоянка Сунгирь находится уже в лесной зоне Восточной Европы, которая в верхнем палеолите непрерывно переходила в сибирскую тайгу, где расположена и стоянка Афонтова гора.

Не касаясь подробно полемики о наличии монголоидной примеси в составе населения Центральной и Восточной Европы начиная с эпохи неолита, которая увела бы далеко от нашей темы [65], укажу на исключительное значение сунгирской находки в этой связи. Если признавать восточный комплекс сунгирского черепа за реальную расогенетическую комбинацию, а для этого есть как будто, как мы уже убедились, все морфологические основания, то происхождение монголоидной примеси, истоки которой прослеживались ранее до позднеенеолитического времени (культура ямочно-гребенчатой керамики), отодвигается, следовательно, вглубь минимум на 10 000–15 000 лет. Учитывая возраст стоянки Сунгирь и возраст погребения на ней [66], его можно отодвинуть вглубь даже на 20 тыс.

[64] *В. П. Алексеев.* Заселение Южной Сибири человеком в свете данных палеоантропологии. Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963.

[65] Подробное освещение см.: *В. П. Алексеев.* Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М., 1969.

[66] *В. Н. Сукачев, В. И. Громов, О. Н. Бадер.* Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь. М., 1966; *О. Н. Бадер.* Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунгирь. СА, 1967, 3.

лет. Промежуточное звено между верхнепалеолитическим и поздненеолитическим населением иллюстрируется палеоантропологическим материалом из позднемезолитических или раннеолитических погребений могильника Звейниеки в Латвии [67]. Исследовательница этого материала Р. Я. Денисова убедительно показала в нем наличие небольшой примеси восточного происхождения. И могильник Звейниеки, и поздненеолитические памятники культуры ямочно-гребенчатой керамики также расположены в лесной зоне, и, таким образом, лесная область Восточноевропейской равнины и таежная часть Северной Сибири были тем широким коридором, по которому осуществлялась диффузия представителей восточного расового ствола из первичного восточного очага на северо-запад и запад (рис. 1).

V. P. Alexeiev

LE FOYER OCCIDENTAL DE FORMATION ETHNIQUE ET DE DISPERSION DES HOMMES DU PALEOLITHIQUE SUR LE TERRITOIRE DE L'U.R.S.S.

Résumé

Les régions méridionales de l'Asie Centrale faisaient partie, sans doute, du foyer occidental de formation ethnique où se sont constitués les Protoaustraloïdes, les Européoïdes les Négroïdes. L'auteur voit une preuve paléoanthropologique dans les particularités morphologiques du crâne moustérien de la grotte de Téchik — Tach. La diffusion initiale des Européoïdes sur le territoire de l'Europe, y compris l'Europe de l'Est, s'est faite principalement du sud au nord ou du sud-est vers le nord-ouest. Le déplacement des Européoïdes dans la direction latitudinale vers l'Est, la Sibérie méridionale et l'Asie Centrale, ne peut être rapporté avant l'époque néolithique ou l'Age du Bronze. La migration des Mongoloïdes par la zone de la taïga sibérienne, de l'est à l'ouest, a débuté manifestement dès le Paléolithique supérieur. Les matériaux paléoanthropologiques provenant de la station de Sounghir, de la sépulture de Zveiniki (littoral est de la Baltique) et des inhumations de la culture dite de la céramique à peigne et à fossettes, permettent de parler d'un apport mongoloïdes dans la composition de l'ancienne population de l'Europe orientale.

---

[67] *Р. Я. Денисова.* Антропологический состав и генезис мезолитического населения Латвии. СЭ, 1973, 1; *ее же.* Антропология древних и современных балтов. Автореф. канд. дисс. М., 1973.

Г. Н. ЛИСИЦЫНА, В. П. КОСТЮЧЕНКО

ПОЧВА КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

(по материалам работ в аридных районах СССР в 1969—1973 гг.)

Проблема становления производящей экономики, и в частности история земледелия, в последние десятилетия заняла одно из центральных мест в археологии. Широко развернувшиеся после второй мировой войны работы по изучению древних оседло-земледельческих поселений на крайнем юге нашей страны, в Средней Азии и на Кавказе, а также в сопредельных районах Ближнего Востока дали огромный материал для постановки и решения целого ряда вопросов широкого историко-археологического диапазона. Именно здесь, в условиях сухого аридного климата, оказалось возможным на примере исследования ряда наиболее интересных в археологическом отношении районов проследить основные закономерности развития палеоэкономики древних племен и особенно орошаемого земледелия как основной для этой территории производящей формы хозяйства.

В проблеме становления и развития земледелия на ранних этапах его истории огромную роль играла специфика природной среды в целом, и особенно тех географических факторов, которые стимулировали его основную направленность. Это обстоятельство привело к тому, что проблема истории земледелия, в частности орошаемого земледелия, перестала быть объектом только археологического исследования, а интересует представителей самых различных специальностей — палеогеографов, ботаников, ирригаторов и почвоведов.

Особую важность в этой связи приобретают проводимые в последние годы комплексные исследования.

Главными компонентами земледелия независимо от того, является ли оно основой производственного процесса или же представляет собой подсобную отрасль хозяйства, рассчитанную только на минимальное обеспечение населения необходимой белковой пищей, являются следующие: орудия труда; культурные растения; почва и вода как источник влаги для почв и растений. Благодаря деятельности человека все они объединены между собой сложной системой прямых и обратных связей и могут рассматриваться как в комплексе, так и самостоятельно, что позволяет более точно определить значимость каждого из них в общей системе производства.

До последнего времени при изучении истории земледелия, и особенно орошаемого земледелия, среди указанных компонентов наименьшее внимание уделялось почвам, между тем они, несомненно, являются одним из важнейших источников информации о характере древнего земледелия,

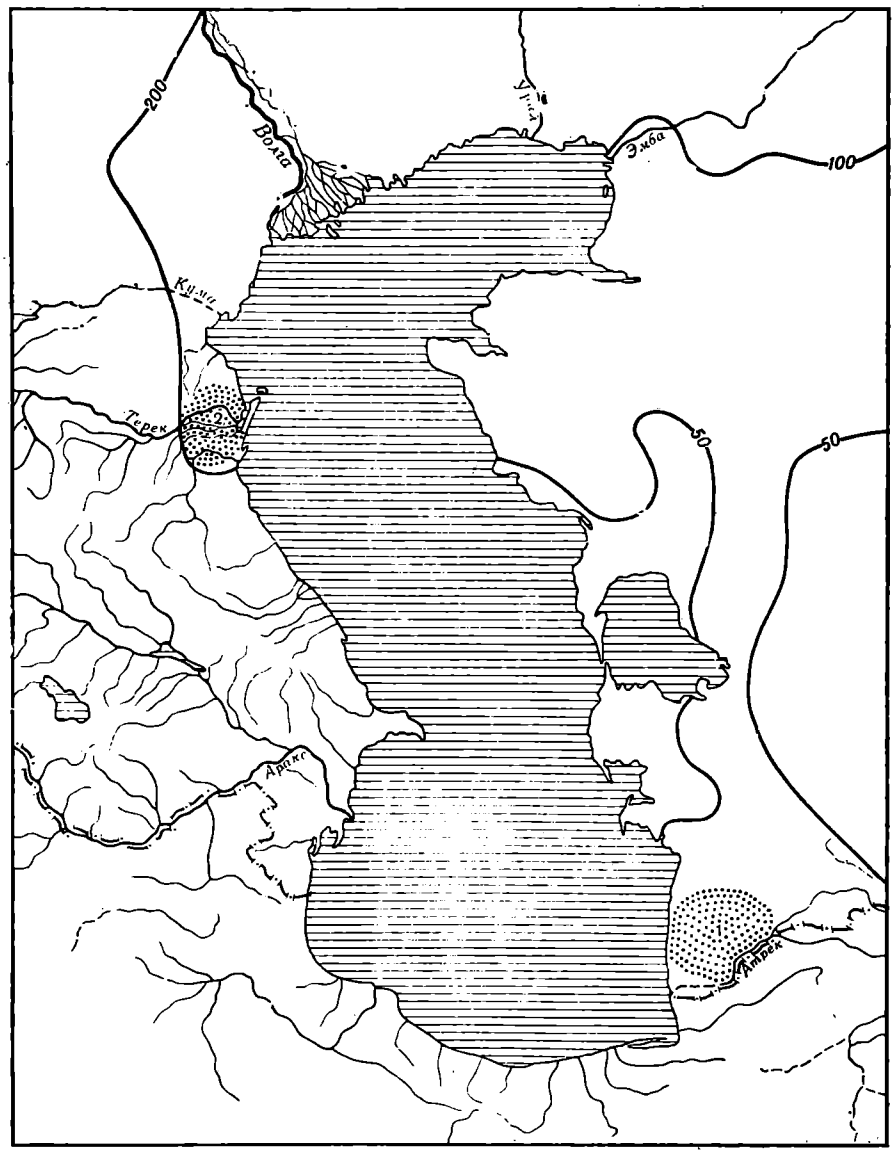


Рис. 1. Схема расположения основных районов, в которых проводились почвенные исследования: I – Юго-Западная Туркмения; 2 – Северо-Восточный Дагестан

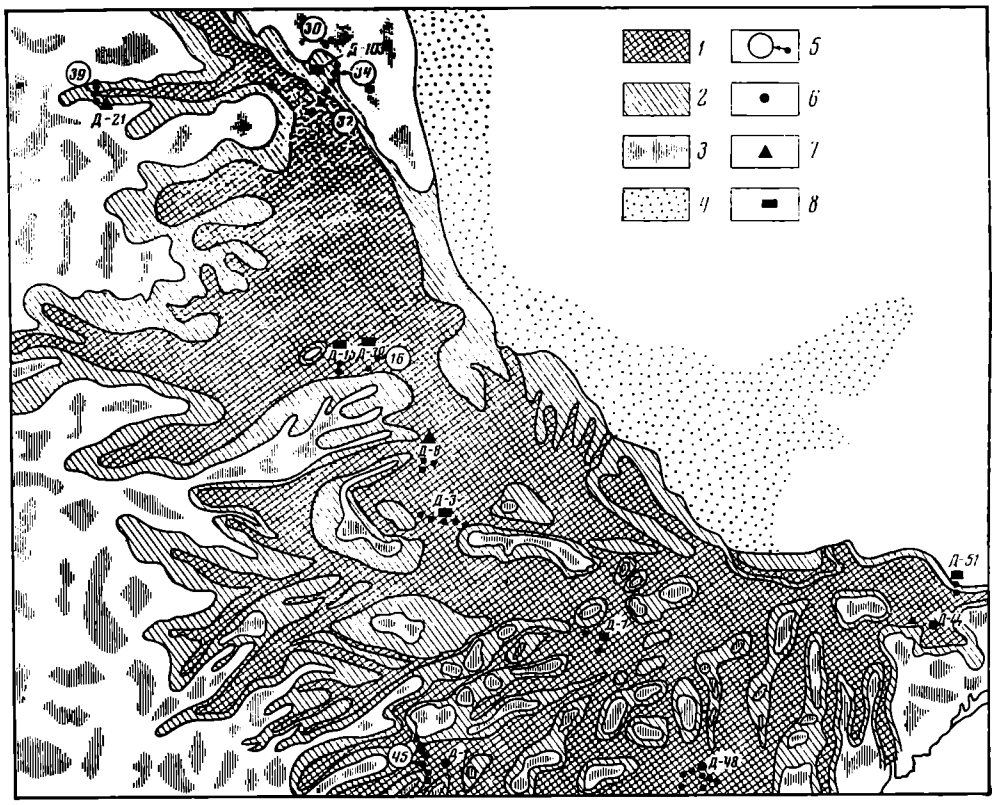


Рис. 2. Генерализованная схема расположения древнеорошаемых земель и почвенных разрезов на Мисрианской и Чатской равнинах: I – зона древних культурных земель (почвы такыровидные в комплексе с такырами типичными, лишайниковыми и зарастающими); 2 – переходная зона (почвы – такыровидные солончаки, такыры каковые); 3 – зоны, не входящие в ареал древних земледельческих угодий (почвы – солончаки отакыренные, корковые, пухлые и мокрые); 4 – пески; 5 – почвенные разрезы; 6 – памятники времени архаического Дахистана; 7 –памятники раннего средневековья; 8 – памятники развитого средневековья

поскольку установлено, что следы их былого использования, особенно в условиях искусственного полива, сохраняются до наших дней в ряде специфических признаков. Это обстоятельство имеет очень большое значение, особенно тогда, когда работы проводятся в зоне современного интенсивного сельскохозяйственного освоения, где исследования геоморфологического плана, связанные с выявлением древних оросительных систем, сильно затруднены.

В настоящей статье основное внимание будет уделено специальному изучению почв, проведенному в Юго-Западной Туркмении, на древних орошаемых землях Мисрианской и Чатской равнин и в Северо-Восточном Дагестане (рис. 1). Мисрианская и Чатская равнины, расположенные на месте древних дельт р. Атрек, использовались человеком под земледельческую культуру с конца II тысячелетия до н. э. и до XV в. н. э. (древнеземледельческий оазис Дахистан). Северо-восточные районы Дагестана, включающие предгорья и приморские равнины, осваивались человеком лишь с эпохи раннего средневековья, с III в. (гунны, хазары).

Археологии и, в частности, древним оросительным системам Юго-Западной Туркмении посвящено несколько специальных работ, где публиковались и предварительные результаты почвенных исследований [1], однако,

[1] *В. П. Костюченко, Г. Н. Лисицына, Л. В. Прищепенко.* Бенгуванский оазис поселений времени архаического Дахистана (комплексная палеогеографическая, архео-

полученные сведения как полевые, так и аналитические настолько интересны, что заслуживают самостоятельного и более детального рассмотрения.

Характерной особенностью антропогенного рельефа Мисрианской и Чатской равнин, кроме большого количества разновременных археологических объектов, являются системы валов, которые выражены здесь очень четко и представляют собой остатки древних оросительных каналов и арыков в отличие от других древнедельтовых равнин Средней Азии, где они в большинстве случаев сохраняются в виде отрицательных форм рельефа [2]. Эти валы объединены в системы, и вдоль таких систем широкими полосами от 700—800 м до 1,5 км тянутся зоны культурных в прошлом земель, непосредственно использовавшихся в земледелии (рис. 2). В каждой культурной зоне можно проследить клетки полей самого различного размера, заключенные либо в сеть валов, оставшихся на местах оросительных каналов, либо в сеть еле заметных валиков, являющихся или насыпными или оставшимися на месте мелких арыков [3]. Между такими культурными зонами находятся пониженные участки, занятые в настоящее время преимущественно солончаками и солончаковыми такырами, которые судя по условиям рельефа и, как будет показано дальше, почвенным разрезам, служили местом для сброса излишков ирригационных вод и никогда не входили в ареал земледельческих угодий.

Через такие культурные зоны в разных местах Мисрианской и Чатской равнин у разновременных памятников были заложены почвенно-геоморфологические профили, показавшие тесную связь между почвами и антропогенным рельефом [4]. Сложная история формирования как естественного, так и антропогенного рельефа Мисрианской и Чатской равнин, протекавшая в засушливо-пустынном климате, в мобильных гидрологических условиях привела к образованию здесь пестрого почвенного покрова, где преобладающим является комплекс почв такырного ряда. Для Мисрианской равнины, которая представляет собой по существу почти сплошной массив земель древнего орошения, типичны такыровидные почвы, образующие самые различные сочетания с такырами (зарастающими, лишайниковыми, водорослевыми) и солончаками.

Такыровидные почвы древнеземледельческих равнин получили в литературе название такыровидных остаточно-гумусных [5], или оазисных [6].

логическая и палеоэтноботаническая характеристика). КД, IV, 1972; *А. С. Кесь, Г. Н. Лисицына, В. П. Костюченко.* Древние орошаемые земли средневекового Дахистана. КД, IV, Ашхабад. 1972; *Г. Н. Лисицына, Л. В. Прищепенко.* Тильки-депе и некоторые вопросы палеогеографии Юго-Западной Туркмении. КСИА АН СССР, 132, 1972; *Е. В. Лобова, В. П. Костюченко.* Почвы Юго-Западной Туркмении. Проблемы освоения пустынь, 4. Ашхабад, 1972; *А. С. Кесь, В. П. Костюченко, Г. Н. Лисицына.* Источники древнего орошения в Юго-Западном Туркменистане. Проблемы освоения пустынь, 5. Ашхабад. 1972; *В. П. Костюченко, Г. Н. Лисицына.* Некоторые особенности развития ирригационного земледелия в аридной зоне, Проблемы освоения пустынь, 4. Ашхабад, 1973.

[2] *В. М. Массон.* Древняя культура Дахистана (Историко-археологические очерки). Канд. дисс. Л., 1954; *его же.* Древнее орошение на Мисрианской равнине. Сб. «Земли древнего орошения». М., 1969; *Б. В. Андрианов.* Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969; *Б. А. Корнилов, В. А. Тимошкина.* Рельеф и древние мелиоративные сооружения в Юго-Западной Туркмении. Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1971, 4; *А. С. Кесь, Г. Н. Лисицына.* Древние оросительные сооружения Юго-Западной Туркмении. СА, 1975, 1.

[3] *А. С. Кесь, Г. Н. Лисицына.* Древние оросительные сооружения, стр. 119—122.

[4] *А. С. Кесь, Г. Н. Лисицына.* Ук. соч., стр. 131, 132, рис. 7.

[5] *Е. В. Лобова.* Почвы пустынной зоны СССР. М., 1960, стр. 92.

[6] *Н. Г. Минашина.* Орошаемые почвы пустыни и их мелиорация. Тр. ВАСХНИЛ, М., 1974, стр. 245—248, табл. 45.

Е. В. Лобова рассматривала наличие остаточно-гумусных почв как результат самостоятельной древнекультурной фазы почвообразования и отмечала реликтовую гумусированность почвенных слоев до глубины 30—50 см, а также их высокое хлоридное засоление [7]. Однако признаки древней культуры земледелия, в свое время прослеженные Е. В. Лобовой только в такыровидных почвах, были нами обнаружены и в других почвах такырного ряда — такырах зарастающих и лишайниковых. Причем эти признаки иногда отмечаются не только в слоях, залегающих под современными генетическими горизонтами такырных почв, но и непосредственно в них.

При описании профиля такырных остаточно-гумусных почв можно отметить определенное своеобразие характера слоев, выражающееся как в повышенной гумусированности, так и в целом ряде особенностей — структуре, кавернозности, степени засоления и наличии инородных включений [8]. Это может быть проиллюстрировано несколькими описаниями почвенных разрезов, заложенных на древних полях Мисрианской равнины, например разрезом 16, расположенном в центре Мисрианской равнины, у средневекового поселения Ули-Кесике (Д=30).

Почва — такыр водорослевый.

I 0—1 см.

Светло-серая глинистая корочка, создающая шероховатую поверхность [9].

I—II 1—6 см.

Светло-серая глина, буроватая на изломе, разбита редкими трещинами на глыбистые отдельности, содержит крупные обломки жженого средневекового кирпича.

II 6—30 см.

Серый суглинок, неясной комковато-пороховидной структуры, тонкопористый с редкими трещинами и включениями обломков жженого кирпича.

II 30—90 см.

Темно-серая глина, комковато-зернистой структуры, плотная, ходы насекомых, мокричники, корни крупных растений, включения угольков и обломков средневековой керамики.

II 90—140 см.

Темно-серая глина, во всем подобная вышележащей, только еще более плотная.

II 140—170 см.

Палево-желтый легкий суглинок, непрочной комковатой структуры, рыхлый, пористый с охристыми и сизоватыми пятнами.

III 170—205 см.

Палево-желтый легкий суглинок, почти бесструктурный с редкими прослоями глины.

В данном случае глубина проявления древней земледельческой культуры, выраженная в повышенной гумусированности, уплотненности, нали-

---

[7] *Е. В. Лобова.* Почвы Юго-Западной Туркмении. Сб. «Почвы Туркменской ССР и их использование». М., 1953.

[8] *Е. В. Лобова, В. П. Костюченко.* Почвы Юго-Западной Туркмении, стр. 45, табл. 4.

[9] Условные цифровые обозначения здесь и в дальнейшем: I — горизонты, затронутые современными процессами почвообразования, II — древний агроирригационный горизонт, III — подстилающая порода.

чии следов активности почвенной биоты и включений обломков кирпича, углей и керамики, прослеживается до глубины 170 см, а в ряде других разрезов наблюдается до 2—2,5 м.

Совершенно аналогичные разрезы можно выборочно привести для северной и южной частей Мисрианской равнины. В северных районах, близ городища Мешхед-и-Мисриян, типичный разрез с признаками древней земледельческой культуры (32) дает следующую картину.

Почва такыровидная.

I 0—8 см.

Серый суглинок, глубокими трещинами разбит на глыбы, плотный, пористый, по трещинам опесчанен, пронизан корнями растений.

I—II 8—25 см.

Темно-серая глина, комковато-глыбистая, местами чешуйчатая, очень плотная, неоднородная, охристая, имеются включения углей и керамики.

II 25—100 см.

Тот же горизонт, только еще более плотный.

II 100—150 см.

Светло-серая глина, плотная, комковато-зернистой структуры, редкие точки карбонатов, обломки керамики, угольки.

II 150—200 см.

Палево-серая супесь с прослоями глины, слоистая, тонкопористая, очень плотная.

II 200—250 см.

Палево-серая супесь с прослоями глины, чрезвычайно плотная, тонкослоистая, местами темные пятна; зернистая структура, мокричники, единичные обломки керамики, угли.

Оба описанных выше почвенных разреза расположены в ареале преимущественного распространения памятников раннего и развитого средневековья, тогда как в южной части Мисрианской равнины почвенные разрезы заложены в зоне взаимного перекрытия ареалов памятников времени архаического Дахистана (конец II — начало I тысячелетия до н. э.) и развитого средневековья. Из имеющейся серии разрезов в качестве типичного можно привести описание почвенного профиля (р. 45) у городища времени архаического Дахистана — Тангсикылджа (Д=1).

Почва такыровидная.

I 0—12 см.

Светло-серый с буризной в нижней части суглинок, пористый, вертикальными трещинами разбит на глыбы, сильно уплотнен, пронизан тонкими корешками растений, книзу наблюдаются белесые мелкие точки солей.

II 12—40 см.

Темно-серый суглинок, комковато-зернистый, очень плотный, почти слитой, но «дырчатый», много ходов насекомых.

II 40—80 см.

Более темная глина, четкозернистой структуры, более рыхлая, чем вышележащий слой, сплошь пронизана ходами насекомых и землероев, белые соли.

III 80—170 см.

Желтовато-палевая супесь, слюдистая, тонкослоистая, переслаивается с мелкозернистым песком, уплотненная.

III 170—210 см.

Та же супесь, но более плотная, содержит прослои сильно охристого суглинка, местами почти красного цвета.

Во всех приведенных описаниях, так же как и в других разрезах, заложенных непосредственно на древних полях, в пределах культурных зон, прежде всего обращают на себя внимание четко фиксируемые горизонты, более тяжелые по механическому составу, чем подстилающие породы (табл. 1), обладающие всеми признаками древних агроирригационных

Таблица 1

Механический состав почв Юго-Западной Туркмении

Полевой номер почвенного разреза и его местоположение		Глубина, см	Илистые частицы <0.001 мм, %	Физическая глина <0,01 мм, %	Образец почвы
16	I	1–6	23	55	Легкоглинистый
У поселения	II	30–90	35	78	Тяжелоглинистый
Ули-Кесике	III	140–170	13	31	Легкосуглинистый
	III	170–205	11	28	–
32	I	0–8	22	49	Тяжелосуглинистый
У городища	I–II	8–25	27	53	Легкоглинистый
Мешхед-и-Мисриян	II	25–100	35	73	Тяжелоглинистый
	II	100–150	31	68	–
	II–?	150–200	25	64	Среднеглинистый
	II	200–250	26	66	–
34	I–II	0–25	25	58	Легкоглинистый
У городища	II	25–70	28	57	–
Мешхед-и-Мисриян	II	70–170	29	56	–
	III	170–200	36	71	Тяжелоглинистый
	III	200–215	19	41	Тяжелосуглинистый
39	I	0–1	20	43	Тяжелосуглинистый
У поселения	I	1–3	23	45	–
Геокчик-депе	I	3–25	26	58	Среднесуглинистый
	III	25–80	20	47	Тяжелосуглинистый
	III	80–105	19	49	–
	III	105–160	16	37	Среднесуглинистый
	III	160–180	21	43	Тяжелосуглинистый
	III	180–210	19	36	Среднесуглинистый
45	I	0–12	18	39	–
У поселения	II	12–40	22	46	Тяжелосуглинистый
Тангсикылджа	II	40–80	31	66	Среднеглинистый
	III	80–170	10	21	Супесчаный
	III	170–210	13	27	Легкосуглинистый

слоев, отмеченными выше. Необходимо заметить, что установить четкую границу между древними агроирригационными слоями и современной почвой не представляется возможным, поскольку последняя является ни чем иным, как тем же самым агроирригационным горизонтом, но подвергшимся современным процессам опустынивания, глубина и интенсивность проявления которых зависит от самых различных причин. В среднем они достигают глубины 12—30 см.

Характерный для всех этих разрезов более темный оттенок профиля связан с повышенным содержанием гумуса, вызванным интенсификацией биологических процессов, причем максимум гумусированности в среднем

Таблица 2

Химический состав почв Юго-Западной Туркмении

Полевой номер почвенного разреза и его местоположение	Глубина, см	Гумус, %	Емкость поглощения, *мг/экв*	CO_2, %	Плотный остаток, %	мг/экв									P_2O_5, мг/100 г
						HCO_3	Cl	SO_4	Сумма анионов	Ca	Mg	K	Na	сумма катионов	
16	1–6	0,9	17,7	6,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
У поселения Ули-Кесике	6–30	0,9	18,8	7,9	0,35	0,40	1,10	1,60	3,10	0,55	0,60	0,23	2,91	4,29	—
древнее поле	30–90	0,8	17,9	8,3	0,28	0,16	1,60	1,00	2,76	0,52	0,36	0,10	2,38	3,36	—
	90–140	0,7	15,9	8,8	0,33	0,30	2,60	1,00	3,90	0,59	0,52	0,20	3,78	5,09	—
	140–170	0,4	15,2	6,3	0,26	0,70	0,60	0,44	1,74	0,70	0,80	0,13	1,13	2,76	—
	170–200	0,3	15,2	6,1	0,23	0,60	1,00	0,44	2,04	0,90	0,63	0,13	1,17	2,83	—
30	0–10	0,3	9,6	7,5	2,60	0,50	31,86	10,00	—	12,96	4,00	25,40		—	0,5
У городища Мешхед-и-Мисриян	10–30	0,4	8,7	7,0	2,10	0,55	34,36	0,90	—	3,35	2,75	29,70		—	0,5
	30–75	1,1	9,6	8,5	—	—	—	—	—	—	—	—		—	Следы
Солончак	75–100	0,4	8,4	—	2,34	0,60	38,86	0,30	—	2,48	2,81	34,67		—	—
	100–200	0,8	8,3	—	5,15	0,60	62,50	19,40	—	22,68	3,13	56,29		—	—
32	0–8	0,9	8,8	7,0	0,50	0,80	7,00	0,60	—	2,59	0,11	5,70		—	1,1
У городища Мешхед-и-Мисриян	8–25	0,9	7,8	7,3	1,60	0,60	9,00	13,00	—	11,23	1,24	10,13		—	1,1
	25–100	1,0	10,6	6,9	—	—	—	—	—	—	—	—		—	0,8
Древнее поле	100–140	0,8	11,3	8,3	1,46	0,80	11,43	9,60	—	9,29	2,81	9,73		—	—
	140–200	0,7	9,5	9,2	0,66	0,80	7,43	1,20	—	4,10	1,30	4,03		—	—
	200–250	0,3	6,5	8,3	0,59	0,75	5,93	1,80	—	3,89	1,46	3,13		—	—
34	0–25	0,8	11,3	6,5	3,64	0,55	33,50	21,60	—	17,71	5,40	32,54		—	Следы
У городища Мешхед-и-Мисриян	25–70	0,5	10,5	8,5	2,44	0,70	20,00	17,60	—	10,80	2,16	25,34		—	—
	70–170	1,0	12,8	9,0	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—
Переходная территория от культурной зоны к солончаку	170–200	0,6	11,6	8,5	—	—	—	—	—	—	—	—		—	—
	200–215	0,4	11,3	7,5	0,91	0,80	11,43	1,80	—	2,16	1,08	10,79		—	—

Полевой номер почвенного разреза и его местоположение	Глубина, см	Гумус, %	Емкость поглощения, мг/экв	CO_2, %	Плотный остаток, %	мг/экв								P_2O_5, мг/100 г
						HCO_3	Cl	SO_4	Сумма анионов	Ca	Mg	K	Na	сумма катионов	
39	0–1	—	13,0	—	0,95	—	16,50	0,60	—	—	—	—	—	—	—
У поселения Геокчик-депе	1–3	—	12,5	—	2,31	—	33,00	3,00	—	—	—	—	—	—	—
Переходная территория от культурной зоны к солончаку	3–25	—	13,8	—	1,77	—	23,50	4,50	—	—	—	—	—	—	—
	25–80	—	10,5	—	0,94	—	15,50	0,30	—	—	—	—	—	—	—
	80–105	—	9,4	—	0,79	—	13,50	0,30	—	—	—	—	—	—	—
	105–160	—	12,2	—	0,41	—	7,00	0,30	—	—	—	—	—	—	—
	160–180	—	9,6	—	0,65	—	10,00	3,30	—	—	—	—	—	—	—
	180–220	—	13,7	—	0,53	—	6,50	2,70	—	—	—	—	—	—	—
45	0–12	—	11,6	—	0,24	0,90	2,00	1,00	—	0,54	0,00	—	3,36	—	—
У поселения Тангсыкыджа	12–40	—	13,5	—	0,44	0,65	7,07	0,90	—	1,24	0,54	—	6,84	—	—
	40–100	—	11,6	—	1,26	0,40	11,00	9,70	—	5,89	2,16	—	13,05	—	—
Древнее поле	100–170	—	11,3	—	0,25	0,50	4,00	0,60	—	1,30	0,00	—	3,80	—	—
	170–210	—	13,3	—	0,28	0,55	2,57	2,10	—	1,51	0,11	—	3,60	—	—

отмечается на глубине 30—70 см (табл. 2), но в отдельных случаях проявляется до глубины двух и более метров. При этом содержание гумуса хотя и не превышает 1%, но кривая распределения показывает, что с глубиной его количество не падает так резко, как это отмечается в такырных почвах за пределами зоны культурных земель.

Под влиянием древнего земледелия в профиле почв произошли изменения структуры из естественной глыбистой, ореховатой, плитчатой, чешуйчатой и т. п. в новую, хорошо агрегированную, которая обычно представлена комковато-зернистой. Характерна также и повышенная уплотненность, возникающая под влиянием длительного орошения и обработки. Однако этот признак в известной степени уравновешивается активностью главным образом насекомых и другой почвенной биоты, создающей пористость и каверпозность этих же слоев.

Чрезвычайно важен такой признак, как засоленность. Если в двухметровой толще целинных почвогрунтов Юго-Западной Туркмении содержание водорастворимых солей в среднем достигает 2—2,5%, то в почвах с признаками древней культуры земледелия, содержание солей чаще всего не превышает 1—1,5%. Известно, что по типу засоления почв исследуемый район входит в ареал сульфатно-хлоридных и хлоридных солевых аккумуляций [10], что и подтвердилось при анализе почв Мисрианской и Чатской равнин. В процессе древнего земледелия происходило перераспределение и выщелачивание в первую очередь водорастворимых солей, которые концентрируются преимущественно ниже первого полуметра, однако анализами отмечается вторичная их концентрация на глубине 6—30 см.

[10] *Н. И. Кондорская.* Ареалы современных солевых аккумуляций в почвах СССР. Почвоведение, 1967, 4.

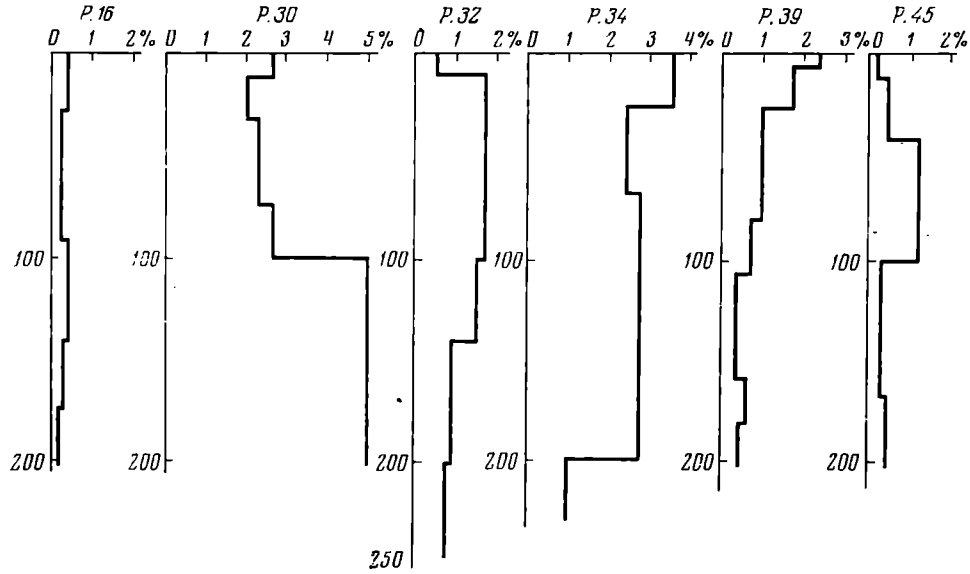


Рис. 3. Кривые плотного остатка в почвенных разрезах Мисрианской равнины

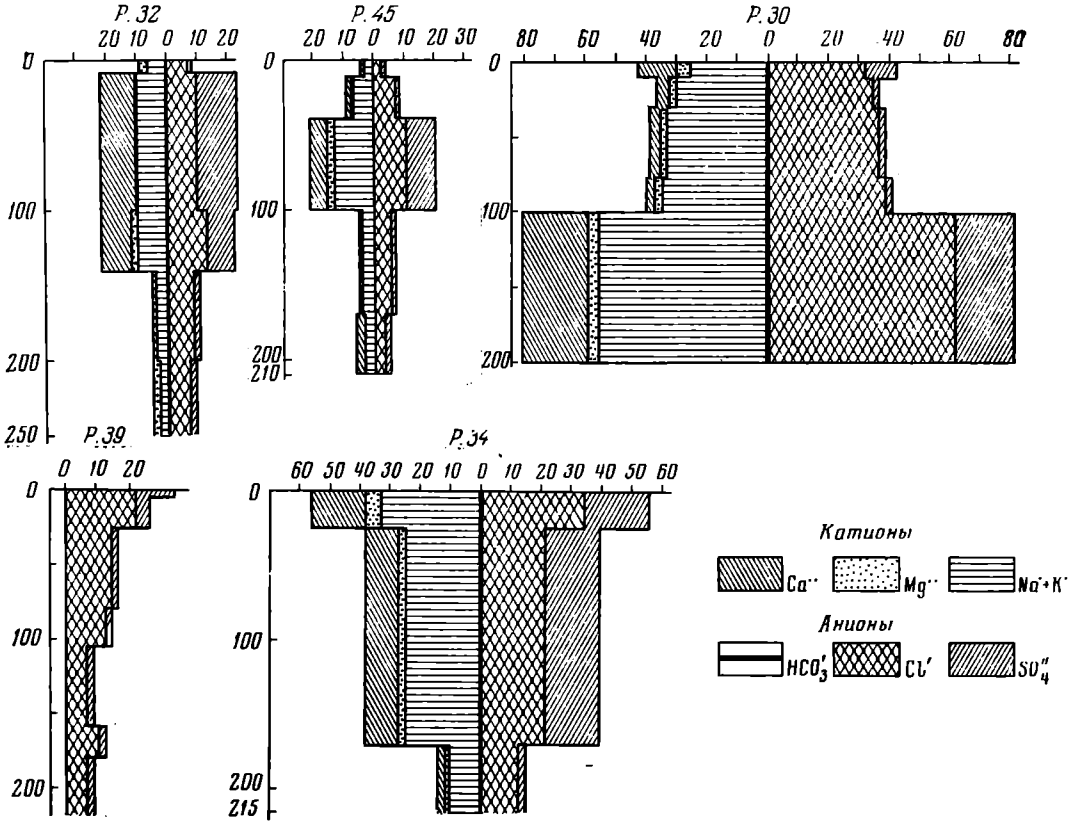


Рис. 4. Содержание водорастворимых солей в почвенных разрезах Мисрианской равнины, мг/экв на 100 г воздушно-сухой почвы (в разр. 39 определены только анионы)

Следует сразу же оговорить, что в Юго-Западной Туркмении засоленность почв культурной зоны, по данным анализов образцов из разрезов 16, 32 и 45 (табл. 2), достаточно высокая и соли распределяются по профилю неравномерно, как свидетельствуют кривые плотного остатка (рис. 3).

Во всех почвах, расположенных на древних полях, наименее засоленными оказываются самые верхние горизонты мощностью 5—10 см, но вместе с тем концентрация водорастворимых солей наблюдается в верхней полу- или метровой толще. По составу солей можно отметить некоторое преобладание хлоридов натрия над сульфатами кальция (рис. 4). В отдельных горизонтах определено довольно высокое содержание магния. Щелочность от нормальных карбонатов отсутствует, от бикарбонатов находится в пределах 0,01—0,05%. Содержание углекислоты (CO_2) почти во всей двухметровой толще неизменно около 10%, что отражает высокую карбонатность почв.

Величина емкости поглощения крайне низкая — в пределах 10 мг/экв на 100 г почвы и почти одинаковая для почв и почвообразующей породы. Фосфор подвижный и доступный растениям содержится лишь в корнеобитаемой толще современной растительности, причем в незначительных количествах, а иногда просто в виде «следов».

За пределами культурных зон, главным образом между ними, на наиболее низких отметках рельефа, как мы уже отмечали, располагаются значительные участки почв солончакового ряда, которые никогда не использовались в земледелии, а служили в древности местом для сброса излишков ирригационных вод. Именно благодаря этому здесь происходило интенсивное накопление солей, что способствовало образованию значительных по площади мокрых и пухлых солончаков, нередко расширявшихся за счет краевых участков культурных зон.

Типичным профилем пухлого солончака является разрез 30, расположенный в северной части Мисрианской равнины, близ городища Мешхед-и-Мисриян. Здесь до глубины 2 м наблюдается чередование слоев палевой супеси и зеленоватой глины.

Засоленность профиля чрезвычайно высока и охватывает всю вскрытую двухметровую толщу (рис. 4). В противоположность засоленности почв культурной зоны здесь концентрация солей наблюдается на глубине и состав солей показывает, что в верхней метровой толще содержатся только хлориды натрия, тогда как во втором метре их в два раза больше и кроме хлоридов натрия присутствует значительное количество сульфатов кальция.

Между культурными зонами и солончаками, их разделяющими, выделяются переходные зоны, характеризующиеся комплексами такыровидных солончаков с солончаками. Характерно, что здесь встречаются как почвы, никогда не входившие в ареал земледельческих угодий, так и почвы некогда использовавшиеся в земледелии, но затем подвергшиеся процессам вторичного засоления. Пример первого типа почв — разрез 39, заложенный в северной части Мисрианской равнины у поселения Геокчик-депе (Д=21).

Почва — солончак такыровидный.

I 0—0,1 см.

Светло-палевая илистая корочка, тонкослоистая, хорошо сворачивается в «пустынный папирус».

I 0,1—1 см.

Палево-серая суглинистая корка, слоеватая, рыхлая, нечетко отделима от нижележащего горизонта.

I 1—3 см.

Буроватый суглинок, чешуйчатый, местами опесчаненный.

I 3—25 см.

Серая глина, крупнокомковатая, плотная, насыщена точками карбонатов и водорастворимых солей, вер-

тикальные трещины, обильные корошеки растений, ходы насекомых и другие следы их деятельности, нижняя граница неровная, местами спускается до глубины 40 см.

III 25—80 см.

Буровато-серый суглинок, сильно опесчанен, пористый, солевые точки, охристые пятна по трещинам.

Ниже залегает менее засоленный суглинок с прослоями песка.

Как видно из описания и рис. 4, концентрация солей здесь наблюдается в верхнем метре и особенно в поверхностных горизонтах, тогда как почвогрунты засолены сравнительно слабо.

Более высокая степень засоления отмечается в почвах второго типа, примером чего может служить разрез 34, заложенный близ городища Мешхед-и-Мисриян.

Почва — солончак такыровидный.

I 0—2 см.

Серая суглинистая корочка, непрочная и выражена неповсеместно.

I 2—8 см.

Серый суглинок, непрочно глыбистого сложения, насыщен точками солей.

I—II 8—25 см.

Буровато-серая глина, комковато-зернистая, рыхлая, насыщена солями.

II 25—70 см.

Светло-серая глина, неясно слоистая, уплотнена, редкие ходы насекомых и другие следы деятельности почвенной биоты, на срезе появляются сизые выцветы солей.

Ниже залегает глина, подстилаемая суглинком (III).

Анализ этого почвенного профиля показывает, что по ряду признаков горизонты от 8 до 70 см можно признать древнеагроирригационными. Данные содержания солей также показывают, что значительная их концентрация приурочена к этим же древнеагроирригационным горизонтам и явно свидетельствует о вторичном засолении.

Для переходной зоны характерно также распространение глинистых прикустовых бугров-томмоков, которые косвенно указывают на интенсивность процессов вторичного переотложения солей [11]. В ряде разрезов этой зоны поверхностные слои содержат водорастворимых солей от 4 до 6%, тогда как ниже их количество редко превышает 1—1,5%.

Небезынтересно отметить, что почва (0—40 см) и почвогрунты (40—200 см и глубже) за пределами зоны древнего земледелия имеют совершенно иной характер. Так, цвет в неокультуренных горизонтах бывает светло-серый и однотонный, структура — глыбистая, ореховатая, слоистая и т. п., присущая характеру отложений и процессам их переотложений. Сложение в той или иной степени уплотненное, но не столь плотное, как в окультуренных слоях, кавернозность или признак биогенности обычно отсутствует, горизонты сильно засолены, преимущественно хлоридами, а инородные включения, как правило, не встречаются.

Все сказанное выше справедливо не только по отношению почв Юго-Западной Туркмении, но относится и ко всем другим районам распространения земель древнего орошения. Это в известной мере объясняется однотипностью воздействия орошения на почвы, что вызывает появление

---

[11] *А. П. Лавров, В. П. Костюченко.* О генезисе глинистых прикустовых бугров в Прибалханском районе. Изв. АН ТССР, 2, Ашхабад, 1954; *Т. П. Грязнова.* Бугры-томмоки Юго-Западной Туркмении и их аналоги. Геоморфология, 2, 1970, стр. 70—77.

одинакового комплекса признаков. Вместе с тем это же обстоятельство является серьезным препятствием для хронологического расчленения почв, заведомо относящихся к различным историческим эпохам. Так, на Мисриан-ской и Чатской равнинах древние агроирригационные горизонты, вскрытые как на древних орошаемых землях, осваивавшихся в эпоху развитого средневековья (IX—XV вв. н. э.), так и на землях периода архаического Дахистана (конец II — начало I тысячелетия до н. э.), ни по полевым показателям, ни по аналитическим данным существенных различий не имеют, пожалуй, единственным признаком хронологической древности является повышенная остаточная засоленность.

Перечисленные выше признаки, придают древним орошаемым почвам новые качественные данные и позволяют выделять их в новый, самостоятельный генетический тип так называемых оазисных почв [12]. Однако верхние горизонты этих почв оказались преобразованными процессами современного пустынного почвообразования, в результате которого они приобрели свойства пустынных почв. Правомочность выделения нового почвенного типа основана на том, что те свойства или признаки, которые были нами указаны выше, обладают большой устойчивостью и в течение длительного времени не исчезают, поэтому древние орошаемые почвы всегда отличимы от дочв, не затронутых антропогенным влиянием.

Учитывая эту особенность, мы попытались воспользоваться методикой почвенных исследований для выявления следов древнего земледелия на равнинах и в предгорьях Северо-Восточного Дагестана, также расположенных в области аридного климата. Среднее годовое количество осадков здесь колеблется от 300 до 500 мм, что значительно выше нормы Юго-Западной Туркмении. Процессы почвообразования протекают по пустынно-степному типу, но учитывая специфику рельефа, почвенный покров также необычайно пестрый, и хотя зональным типом почв являются каштановые, на этой территории встречается целый ряд других — луговые, аллювиально-луговые, болотные, солончаки и солонцы [13]. В отличие от Юго-Западной Туркмении эти районы в настоящее время интенсивно осваиваются под земледелие, что затрудняет проведение здесь ряда других работ по изучению древней палеогеографии.

Вся эта территория, начиная от предгорий Северо-Восточного Кавказа и вплоть до западного побережья Каспийского моря, в средние века, по крайней мере в VII—X вв., входила в пределы Хазарского каганата и использовалась в той или иной степени древними племенами для своих экономических целей. В отличие от средневековых поселений Мисриан-ской и Чатской равнин, которые принадлежат одному замкнутому земледельческому оазису, хазарские памятники широко разбросаны на исследуемой территории и по своему типу делятся на несколько групп [14], из которых нас интересуют две, находящиеся в существенно отличных друг от друга природных условиях. С одной стороны, это крупные городища площадью до 100 га, имеющие цитадели и оборонительные сооружения, которые нередко отождествляются с городами и находятся либо непосред-

---

[12] В литературе этот тип почв получил название оазисных или оазисно-антропогенных (см. *М. А. Орлов*. О сероземах и оазисно-культурных почвах. Тр. САГУ, сер. VII, вып. 6, 1937; *И. П. Герасимов*. Главнейшие моменты палеогеографии Западной Туркмении во вторую половину четвертичного периода. Сб. «Проблемы физической географии», т. 5, 1938; *его же*. Природа и сущность древних почв. Почвоведение, 1971, 1; *Н. Г. Минашина*. Орошаемые почвы пустыни и их мелиорация. Тр. ВАСХНИЛ. М., 1974).

[13] *С. В. Зонн*. Краткий почвенно-мелиоративный очерк плоскостной части ДАССР. Материалы к составлению плана использования водных ресурсов Дагестана, вып. I. Махачкала, 1932; *его же*. Почвы Дагестана. Сб. «Сельское хозяйство горного Дагестана». М.— Л., 1940, стр. 97—156.

[14] *М. Г. Магомедов*. Хазарские поселения в Дагестане. СА, 1975, 2.

ственно в предгорных районах, в местах выхода крупных рек, таких, как Сулак и Акташ, на равнину (Верхнечирюртовское городище — предполагаемая столица Хазарии город Беленджер; Андрейаульское и др.), либо в долинах крупных рек (Шелковское городище на р. Терек). С другой стороны, это мелкие поселения площадью до 1 га, имеющие довольно своеобразную форму, обнесенные валами и напоминающие собой отдельные укрепленные замки, разбросанные на приморской равнине, в междуречье Терека и Сулака, на значительном удалении друг от друга.

Серия почвенных разрезов, заложенных близ крупных городищ в предгорной зоне, показала наличие в них древнего горизонта, в котором обнаруживаются несомненные признаки использования его в земледелии, залегающего непосредственно под современным пахотным слоем. Несмотря на то, что эти разрезы располагаются совершенно в иных почвенных условиях, чем рассмотренные выше разрезы Юго-Западной Туркмении, а именно в зависимости от высотных отметок в зоне распространения черноземов и каштановых почв, признаки древнего земледелия, обнаруженные в них, аналогичны.

В почвенных разрезах у Андрейаульского городища на примере разреза Даг-4-72 можно проследить следующие особенности.

Почва орошаемая.

I 0—8 см.

Темно-серая (почти черная) глина тонкочешуйчатой структуры, рыхлая, сухая, но выламывается плитками, густо пронизана тонкими корешками растений.

I 8—27 см.

Темно-серая глина комковато-зернистой структуры, разбита вертикальными трещинами, пронизана корешками.

II 27—90 см.

Темно-серый с бурым оттенком суглинок, комковато-зернистый, следы активности почвенной биоты, вертикальная трещиноватость, включения керамики (первые века нашей эры) и костей на глубине 50—70 см.

II 90—130 см.

Бурая глина комковато-зернистая, отмечаются следы активности почвенной биоты, корни крупных растений.

III 130—180 см.

Желтый суглинок, сильно опесчанен, бесструктурный, скопления карбонатов, редкие ходы корней крупных растений.

Из этого разреза, а также из разрезов у Верхнечирюртовского и Шелковского городищ можно видеть, что слои, использовавшиеся в древнем земледелии, более гумусированы, обладают комковато-зернистой структурой и содержат включения из угольков, костей и обломков керамики, относящейся к хазарскому и дохазарскому времени. Эти признаки прослеживаются до глубины 120—130 см, а иногда и глубже, и, учитывая, что на эту же глубину простираются следы повышенной активности почвенной биоты, эти суглинки с полным основанием можно рассматривать как древний агрикультурный горизонт, с поверхности преобразованный современными процессами почвообразования.

Подстилающие их отложения отличаются более светлой окраской, более легким механическим составом и бесструктурностью, что подтверждается аналитическими данными, приводимыми в табл. 3. Как видно из табл. 4, содержание гумуса в этих горизонтах достигает 4%, карбонатов в первом метре содержится значительно меньше, чем в нижележащих слоях, харак-

терно отсутствие водорастворимых солей. Емкость поглощения сравнительно высокая, до 30—36 мг/экв на 100 г почвы; низко содержание гипса, а также доступной для растений фосфорной кислоты.

Полевые наблюдения и аналитические данные позволяют предполагать, что земледелие здесь в древности было орошаемым и хотя геоморфологические подтверждения пока отсутствуют, это согласуется с данными письменных источников. Здесь небезынтересно привести строки из письма

Таблица 3

Механический состав почв Дагестана

Полевой номер почвенного разреза и местоположение		Глубина, см	Илистые частицы <0,001 мм, %	Физическая глина <0,01 мм, %	Образец почвы
Даг-1-72	I	0–8	28	52	Легкосуглинистый
У поселения	I	8–16	23	50	–
Тенг-кала	I	16–27	13	34	Среднесуглинистый
	I	27–40	12	33	–
	I	40–70	14	32	Легкосуглинистый
	III	70–95	15	40	Среднесуглинистый
	III	95–135	13	35	–
	III	135–175	14	34	–
Даг-2-72	I	0–8	26	50	Легкоглинистый
У поселения	I	8–18	28	53	–
Тенг-кала	I	18–40	24	61	Среднеглинистый
	I	40–85	25	70	Тяжелоглинистый
	III	85–170	15	43	Тяжелосуглинистый
Даг-4-72	I	0–8	24	52	Легкоглинистый
У городища	I	8–27	28	52	–
Андрейаул	II	27–90	31	54	–
	II	90–130	27	50	–
	III	130–180	24	49	Тяжелосуглинистый
Даг-5-72	I	0–8	41	74	Тяжелоглинистый
У поселения	I	8–20	47	80	–
Бораул	I	20–60	45	85	–
	I	60–100	41	81	–
	III	100–150	47	87	

хазарского царя Иосифа: «Страна (наша) не получает много дождей. В ней имеется много рек, в которых выращивается много рыбы. Есть (также) в ней у нас много источников. Страна плодородна и тучна, состоит из полей, виноградников, садов и парков. Все они орошаются из рек. У нас есть много всяких фруктовых деревьев» [15].

У небольших хазарских поселений, расположенных на приморской равнине, почвенные разрезы дают совершенно иную картину. Они находятся в зоне распространения современных луговых, лугово-болотных и светло-каштановых почв, местами переходящих в солонцеватые и сильно засоленные [16].

Разрез Даг — 5—72 у поселения Бораул.

Почва луговая, орошаемая.

0—8 см.

Темно-серая глина, плотная, выламывается крупными горизонтальными плитками, густо пронизана тонкими корешками растений.

---

[15] *П. К. Коковцев.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, стр. 87.

[16] *С. В. Зонн.* Краткий почвенно-мелиоративный очерк плоскостной части ДАССР; *его же.* Почвы Дагестана.

Таблица 4

Химический состав почв Дагестана

Полевой номер почвенного разреза и его местоположение	Глубина, см	Гумус, %	Емкость поглощения, мг/экв	CO_2, %	Плотный остаток, %	мг/экв									Гипс, %	P_2O_5, мг/100 г
						HCO_3	Cl	SO_4	Сумма анионов	Ca	Mg	K	Na	Сумма катионов		
Даг-1-72	0–8	6,6	—	1,9	2,43	0,40	24,20	12,40	37,00	6,25	8,00	0,64	23,48	38,97	0,80	–
У поселения	8–16	3,6	—	0,6	2,01	0,24	11,34	16,80	28,38	10,53	8,05	0,13	17,17	35,88	0,40	–
Тенг-кала	16–27	1,5	—	4,4	0,90	0,24	9,20	6,10	15,54	2,75	3,55	0,21	7,69	14,20	0,37	–
	27–40	1,4	—	4,6	1,28	0,32	6,48	9,59	16,39	4,05	4,82	0,15	12,00	21,02	2,13	–
	40–70	1,1	—	4,1	1,35	0,36	14,60	6,00	20,96	3,30	4,80	0,10	11,08	19,28	0,52	–
	70–95	1,1	—	3,9	1,18	0,24	9,80	6,39	16,43	3,83	4,28	0,15	8,07	16,96	0,62	–
	95–135	0,8	—	3,5	0,71	0,30	7,40	3,50	11,20	1,25	2,58	0,10	6,52	10,45	0,21	–
	135–175	0,9	—	3,7	1,68	0,32	11,40	12,70	24,10	6,83	4,63	0,15	12,39	24,00	1,24	–
Даг-2-72	0–8	5,6	24,3	1,1	2,17	0,44	14,60	14,70	22,74	9,08	10,08	0,28	11,74	31,74	1,15	7,0
У поселения	8–18	3,3	21,1	0,4	1,39	0,32	9,60	10,90	20,82	4,75	5,15	0,13	11,08	21,11	0,08	5,0
Тенгкала	18–40	1,4	13,9	3,9	1,45	0,24	12,80	8,80	21,84	2,76	4,90	0,09	12,39	20,14	0,18	5,1
	40–85	0,9	17,0	4,1	1,56	0,24	17,60	6,20	24,04	3,35	5,25	0,09	15,65	24,34	0,16	5,0
	85–170	0,7	14,5	4,4	1,50	0,20	12,00	10,80	23,00	6,90	5,30	0,10	10,43	22,73	2,52	2,4
Даг-4-72	0–8	3,4	36,3	0,2	0,09										0,08	1,8
У городища	8–27	3,3	34,2	0,2	0,07										0,10	2,0
Андрейаул	27–90	1,9	28,9	0,8	0,08	Не определялось ввиду низкого содержания сухого остатка									0,08	2,9
	90–130	1,0	28,1	1,9	0,05										0,04	2,6
	130–180	0,7	22,4	5,7	0,05										0,04	1,9
Даг-5-72	0–8	6,3	—	7,2	1,39	0,44	19,20	3,79	23,43	8,40	3,00	0,69	8,70	20,79	—	—
У поселения	8–20	5,6	—	6,8	1,02	0,32	15,40	1,00	16,72	5,60	2,75	0,33	7,17	15,85	—	—
Бораул	20–60	1,4	—	6,3	1,46	0,36	14,00	12,60	26,96	5,50	6,00	0,13	12,61	24,24	—	—
	60–100	0,9	—	5,9	1,37	1,32	5,60	11,40	17,32	4,50	4,25	0,10	6,52	15,37	—	—
	100–150	1,3	—	3,0	1,27	0,44	2,00	18,50	20,94	5,15	5,00	0,15	11,08	21,38	—	—
Даг-6-72	0–20	5,1	42,2	3,9	0,24	0,76	0,24	2,00	3,00	2,05	0,75	0,23	0,52	3,55	0,08	3,8
У поселения	20–50	4,5	43,0	2,8	0,25	0,56	0,25	2,89	3,70	1,85	1,20	0,15	1,04	4,24	0,08	3,3
Герменчик	50–90	2,0	30,1	0,8	0,46	0,40	0,25	5,60	6,25	3,70	1,90	0,09	0,74	6,43	0,06	4,3

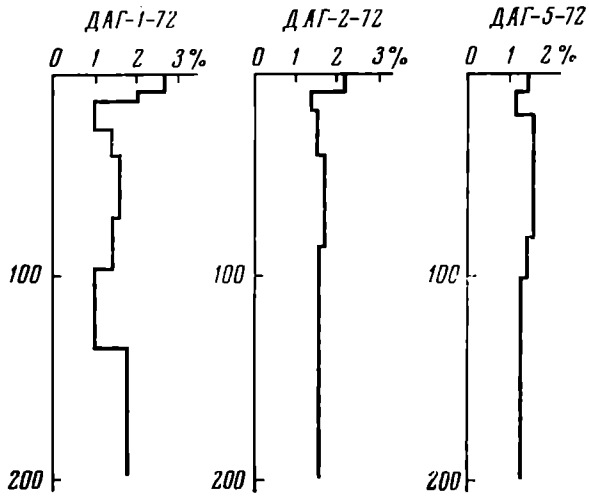


Рис. 5. Кривые плотного остатка в почвенных разрезах Северо-Восточного Дагестана

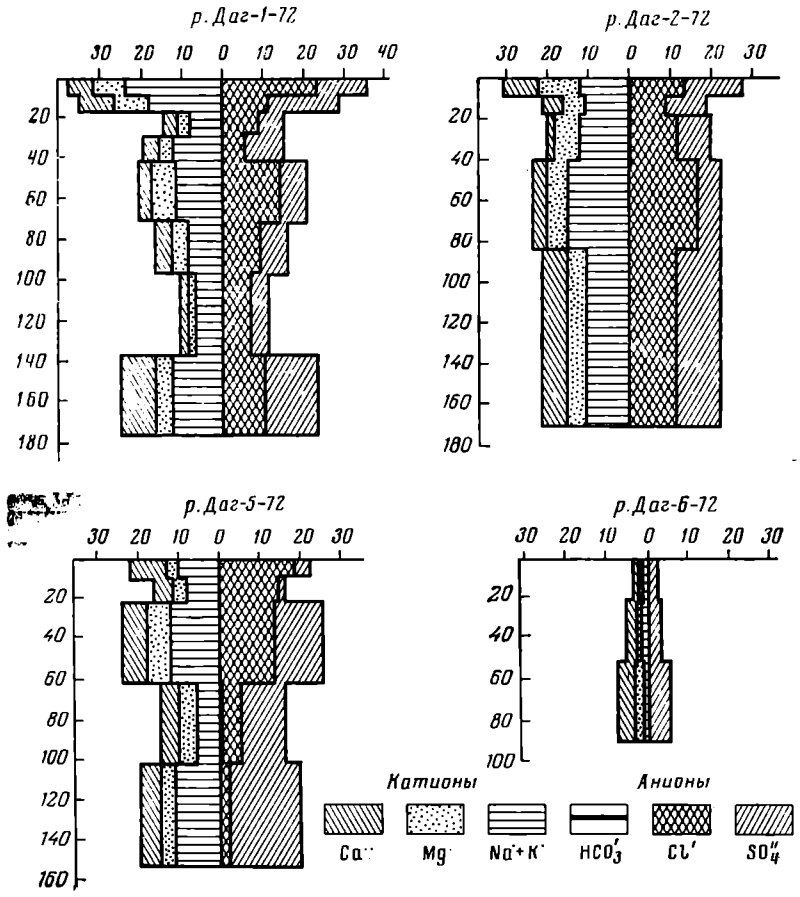


Рис. 6. Содержание водорастворимых солей в почвенных разрезах Северо-Восточного Дагестана (мг/экв на 100 г почвы)

8—20 см.

Темно-серая, почти черная глина мелкозернистой структуры, рыхлая, рассыпчатая, разбита вертикальными трещинами, густо пронизана корешками растений.

20—60 см.

Темно-серая с бурпзной глина, комковато-зернистой структуры, обилие нитевидных прожилок карбонатов, вертикальные трещины.

60—110 см.

Пестрая и неоднородная по окраске, скорее буро-серая глина, комковато-зернистая, точечные выделения карбонатов, есть пятна оглеения. Сильно влажная.

110—150 см.

Пестрая, сизо-бурая тяжелая глина, плотная, комковатая, очень влажная за счет выхода грунтовых вод.

Здесь, как мы видим из описания, отсутствуют какие-либо признаки наличия горизонта со следами использования его в древнем земледелии. Механический состав этой почвы тяжелоглинистый (табл. 3), содержание гумуса в верхних горизонтах достигает 5—6%, но с глубиной резко падает; содержание карбонатов также с глубиной снижается, зато засоление всей 1,5-метровой толщи высокое, щелочность от бикарбонатов повышенная (табл. 4).

Почвенные разрезы, заложенные у памятника Тенг-кала (р. Даг-1 и 2-72, табл. 3 и 4), также не имеют агрикультурных слоев. Механический состав их более пестрый, с преобладанием фракции физической глины (табл. 3). Содержание гумуса достаточно высоко в верхних слоях, но резко уменьшается с глубиной. Распределение углекислого кальция сравнительно равномерное по всему профилю, и что наиболее характерно — это наличие в почвах водорастворимых солей (табл. 4, рис. 5 и 6). Качество засоления хлоридно-сульфатное или сульфатно-хлоридное. Загипсованность горизонтов неравномерная.

Очевидно, если эти почвы когда-либо и использовались в древнем земледелии, то очень кратковременно, и поэтому характерных признаков в них не образовалось и не сохранилось. Вероятнее предположить, что эти районы служили преимущественно для интенсивного выпаса скота.

На примере приведенных материалов для Юго-Западной Туркмении и Северо-Восточного Дагестана мы стремились показать, что почвы, использовавшиеся в древнем земледелии, до настоящего времени сохраняют в себе специфические признаки, поскольку орошение оставляет наиболее яркие и в целом однотипные следы в морфологии почв и их физико-химических особенностях. Несмотря на большой хронологический диапазон почв, охваченных нашими исследованиями — от конца II тысячелетия до н. э. вплоть до XV в. н. э., признаки древнего земледелия в них выражены однозначно. Цифровые различия, которые можно отметить в приведенных таблицах, не мешают их сравнению, и по общему характеру они вполне сопоставимы между собой. В почвах обнаруживается определенная закономерность не только в морфологических признаках, но и в ходе кривых содержания солей, гумуса и отдельных элементов питания.

Таким образом, почвы как составной элемент земледельческого процесса не должны выпадать из сферы комплексного изучения истории земледелия. Наоборот, в отдельных случаях им должно уделяться первостепенное значение для получения фактических данных о системах древнего земледелия и его характере.

G. N. Lissitsyna, V. P. Kostioutchenko

LE SOL, SOURCE D'INFORMATIONS POUR L'ETUDE DES ANCIENNES AGRICULTURES

Résumé

Dans les zones arides de l'U.R.S.S., au cours des travaux archéologiques dans les régions d'ancienne irrigation, en appliquant la méthode des larges examens paléographiques il est indispensable d'étudier spécialement le sol, car celui-ci est une des plus importantes sources d'informations sur les anciens système d'agriculture, ainsi que sur le caractère de cette dernière. Le sol cultivé par les anciens agriculteurs conserve des traces permettant de le distinguer de celui qui n'a pas été soumis à une influence anthropogène. Ceci s'exprime surtout par une coloration spécifique, la structure, le caractère de formation des particularités de salure et la présence d'additions hétérogènes. Tous ces indices se conservent dans la coupe d'un sol; ceci permet de classer les sols anciennement irrigués en un type génétique spécial: les sols d'oasis. L'irrigation, quelle qu'ait été sa durée et son intensité, exerce sur le sol une influence identique et favorise l'apparition d'indices semblables. Ce qui, d'une part, ne permet pas d'effectuer une division chronologique du sol s'il n'y a pas pour cela d'indications archéologiques; mais, d'autre part, lorsqu'on ne peut procéder à d'autres études paléogéographiques — en particulier dans la zone de culture moderne intensive,— le sol est l'unique source fournissant des renseignements concrets pour résoudre les problèmes concernant l'histoire des anciennes agricultures. Ce point de vue est confirmé par les données concrètes recueillies pour le Sud — Ouest de la Turkménie et le Nord-Est du Daghestan.

В. И. САРИАНИДИ

ПЕЧАТИ-АМУЛЕТЫ МУРГАБСКОГО СТИЛЯ

Маршрутные обследования последних лет [1] привели к открытию глубоко в песках юго-восточных Каракумов, где некогда находилась древняя дельта р. Мургаб, большого количества ранее неизвестных памятников эпохи бронзы. Выявленные поселения довольно четко подразделяются на несколько оазисов, располагавшихся вдоль боковых русел былого дельтового веера. Наибольший интерес представляют два таких оазиса: гонурский и тоголокский, состоящие соответственно из одного крупного, «столичного» городка и большого количества более мелких поселений-спутников. Число выявленных памятников, общий облик культуры, обширный их ареал дают право предполагать открытие в низовьях р. Мургаб древней страны, которая в более позднее время, судя по Бехистунской надписи, называлась «страной Маргуш».

В некотором отношении эти открытия представляют первостепенный интерес для древней истории и археологии Средней Азии. Во-первых, с документальной точностью установлено, что освоение дельты Мургаба относится по крайней мере к эпохе средней бронзы, когда здесь складываются такие крупные памятники, как Гонур 1, Тоголок 1 и ряд других более мелких поселений, материальная культура которых относится к периоду Намазга V. Есть основание предполагать, что первые поселенцы были выходцами из юго-восточных предгорий Копетдага, возможно, даже с Алтын-Депе.

Материальная культура первых колонистов почти ничем не отличается от той, что существовала в метрополии. Даже крупные поселения площадью свыше 15 *га* не имеют ни оборонительных стен, ни цитаделей, причем внутри их располагаются обширные площади, напоминая микрорельеф таких памятников, как Намазга-Депе, Улуг-Депе, Алтын-Депе. Керамика преимущественно изготовлена на гончарном кругу, причем сами печи группируясь по несколько штук, вынесены за пределы памятников, образуя «кварталы гончаров». Есть основание допускать изготовление гончарной продукции, предназначенной для меновой торговли со степными культурами, стоянки которых располагались в непосредственном соседстве. О достаточно сложных формах развития общественной жизни можно судить по каменным, керамическим и металлическим перегородчатым печатям, в том числе с зооморфными изображениями. Продолжение глубоко местных культовых традиций (восходящих еще к энеолитическому времени) документируется большой коллекцией антропоморфной пластики, идентичной той, что была широко распространена на поселениях периода Намазга V подгорной зоны Копет-дага.

Есть основания предполагать, что наряду с выходцами из южнотуркменистанской метрополии, где-то в середине II тысячелетия до н. э. с запада проникают новые племена, материальная культура которых получила

[1] *В. И. Сарианиди.* Древности низовий Мургаба. АО—1972, М., 1973; *его же.* Новые открытия в дельте р. Мургаба. АО — 1974, М., 1975.

археологическую номенклатуру, как комплекс Намазга VI. Обнаруживая культурную близость, эти пришельцы по крайней мере в двух отношениях отличались от исконно местных племен. Во-первых, они возводят крепости с мощными оборонительными стенами, укрепленными боевыми башнями. Тип прямоугольной крепости с угловыми башнями ранее здесь известен не был, но зато появляется практически одновременно в бассейне Мургаба (Аучин, Гонур), Южном Узбекистане (Сапалли-Тепе), Северном Афганистане (Дашлы 1), что исключает элемент случайности и, наборот, приобретает черты закономерности, обусловленной расселением племен с общекультурным единством. Во-вторых, на ряде памятников древней Маргианы были найдены ранее совершенно неизвестные печати-амулеты, представляющие особый интерес в истории развития среднеазиатской глиптики эпохи поздней бронзы. Следует сразу же отметить, что почти все эти находки происходят с поверхности памятников, однако нет веских оснований сомневаться в их соответствующей древности. Отметим, что в указанных оазисах нет более поздних памятников, что связано с естественной миграцией р. Мургаб, поэтому даже ахеменидские поселения располагаются много южнее указанных оазисов.

Это, а также приводимые ниже параллели с глиптикой Древнего Востока с неоспоримостью показывают принадлежность мургабских печатей-амулетов к эпохе бронзы. Строго говоря, сам термин «печати-амулеты» во многом условен, и у нас нет веских оснований видеть в них подлинные печати. В этой связи отметим, что высказано сомнение относительно подлинного назначения даже харапских печатей, которые могли быть простыми амулетами [2]. Однако термин «печати-амулеты» представляется вполне приемлемым для интересующих нас мургабских находок, преимущественно выполненных в виде инталий, что само по себе предполагает производство оттисков с них.

Эти каменные печати-амулеты сначала выпиливались из камня, в виде плоского квадрата или прямоугольника, затем шлифовались абразивом, принимая в разрезе плоскую, чечевицевидную или трехгранную форму. Затем острым металлическим инструментом наносилась гравировка и, наконец, в последнюю очередь просверливалось сквозное отверстие для шнурка техникой двустороннего сверления так, что в ряде случаев отверстия не полностью совпадали в месте стыка. Попутно отметим, что аналогичная техника до сих пор практикуется среди афганских камнерезов.

Как правило, мургабские амулеты имеют одно сквозное отверстие по длинной оси; лишь в единичных случаях сделано два отверстия в противолежащих углах. Гравировка наносилась на обе стороны изделий по преимуществу углубленной резьбой так, что это были интальи, предназначенные для оттисков: лишь в одном случае отмечено рельефное изображение — камея. Судя по характеру гравировки, для этого могли использоваться дрель, сверло, резцы, долотца, как это практиковалось в Месопотамии [3], причем в качестве основного материала использовались темные и темно-зеленые хлоритовые породы камня; лишь один амулет с изображением тигров изготовлен из красного стеатита или пирофиллита [4]. На амулетах имеются антропоморфные, зооморфные и фитоморфные изображения; в одном случае — птица и скорпион.

После этих предварительных замечаний обратимся к самим печатям-амулетам, среди которых выделяется один наиболее крупный прямоугольной формы (4,5×3,5×1,2 *см*), происходящий с поверхности поселения Гонур 1 (рис. 1). Сквозное отверстие, просверленное по длинной оси, сохранило внутри ясно заметные горизонтальные желобки, образовавшиеся скорее всего от ношения на металлической проволочке. Изделие имело в разрезе чечевицевидную форму, однако от длительного использо-

[2] *J. Marshall.* Mohenjo Daro and the Indus Civilization. London, 1931, p. 379.
[3] *H. Frankfort.* Cylinder Seals. London, 1939, p. 5.
[4] Определение проведено в Минералогическом музее АН СССР.

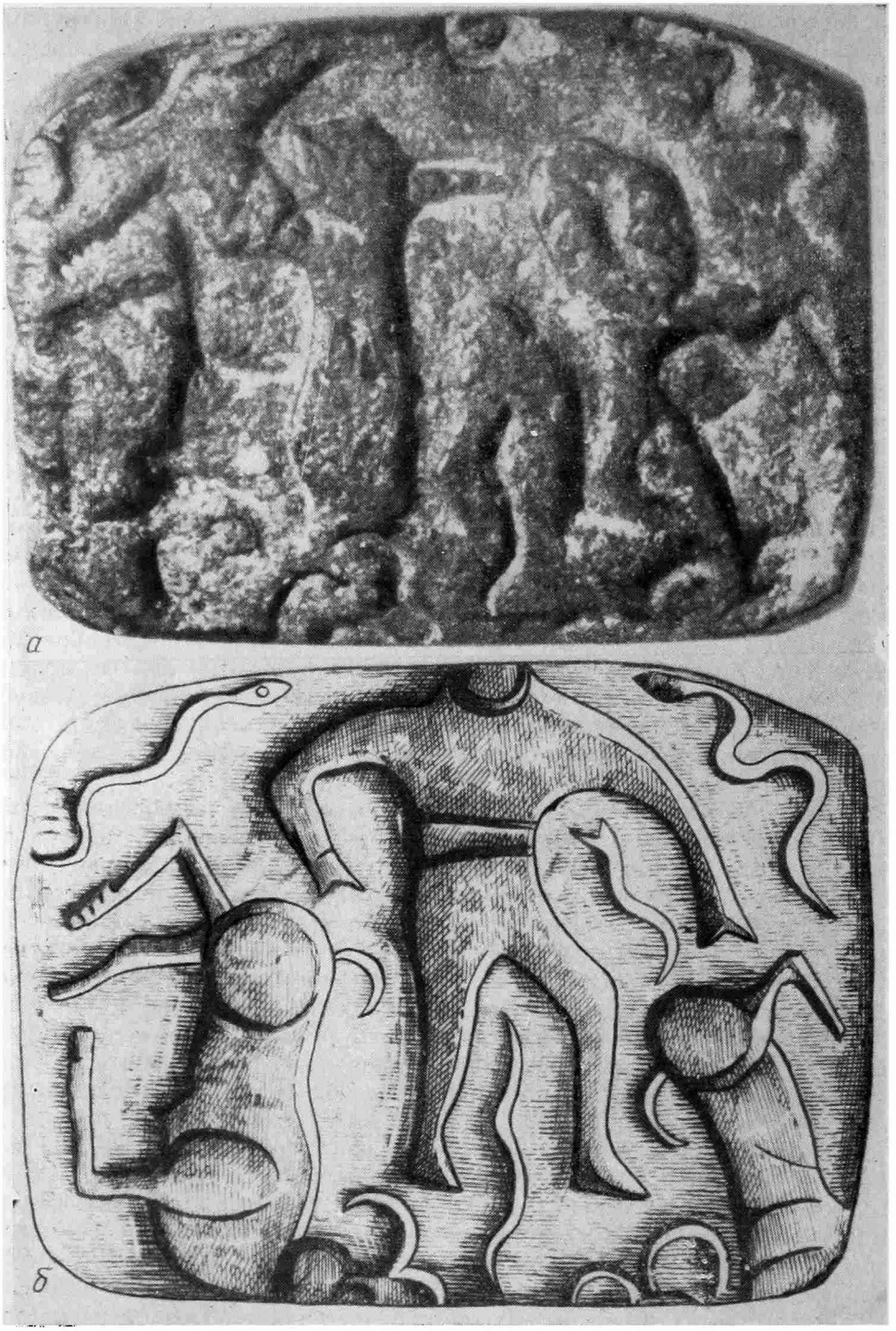


Рис. 1. Гонур 1. Печать № 1 с изображением борющегося героя. На рисунках 1–14 буквами обозначены: *а* – фотография печати; *б* – прорисовка; *в* – оттиск; *г* – прорисовка оттиска печати

вания края амулета оббились и зазубрились так, что были затем затесаны и заглажены абразивом. В результате оказались частично стесанными прилегавшие к этим краям отдельные детали самих изображений.

На одной стороне амулета (рис. 1, *а* — *г*) в центре глубокой резьбой выгравирована обнаженная, по-видимому мужская, фигура с повязкой, концы которой опускаются по бедру. Голова сильно стесана так, что со-

хранилась либо нижняя часть лица, либо борода, что представляется более вероятным. Обе руки опущены вниз и как бы держат за ноги двух поверженных быков с подогнутыми к животу передними ногами; более четко видны задние ноги и загнутые на спину, раздвоенные на конце хвосты. Сильно стесанная морда одного быка все же сохранила крупный глаз и изогнутый рог; в целом же обе фигуры животных до деталей копируют друг друга. Над плечами человеческой фигуры в свободном поле изобра-

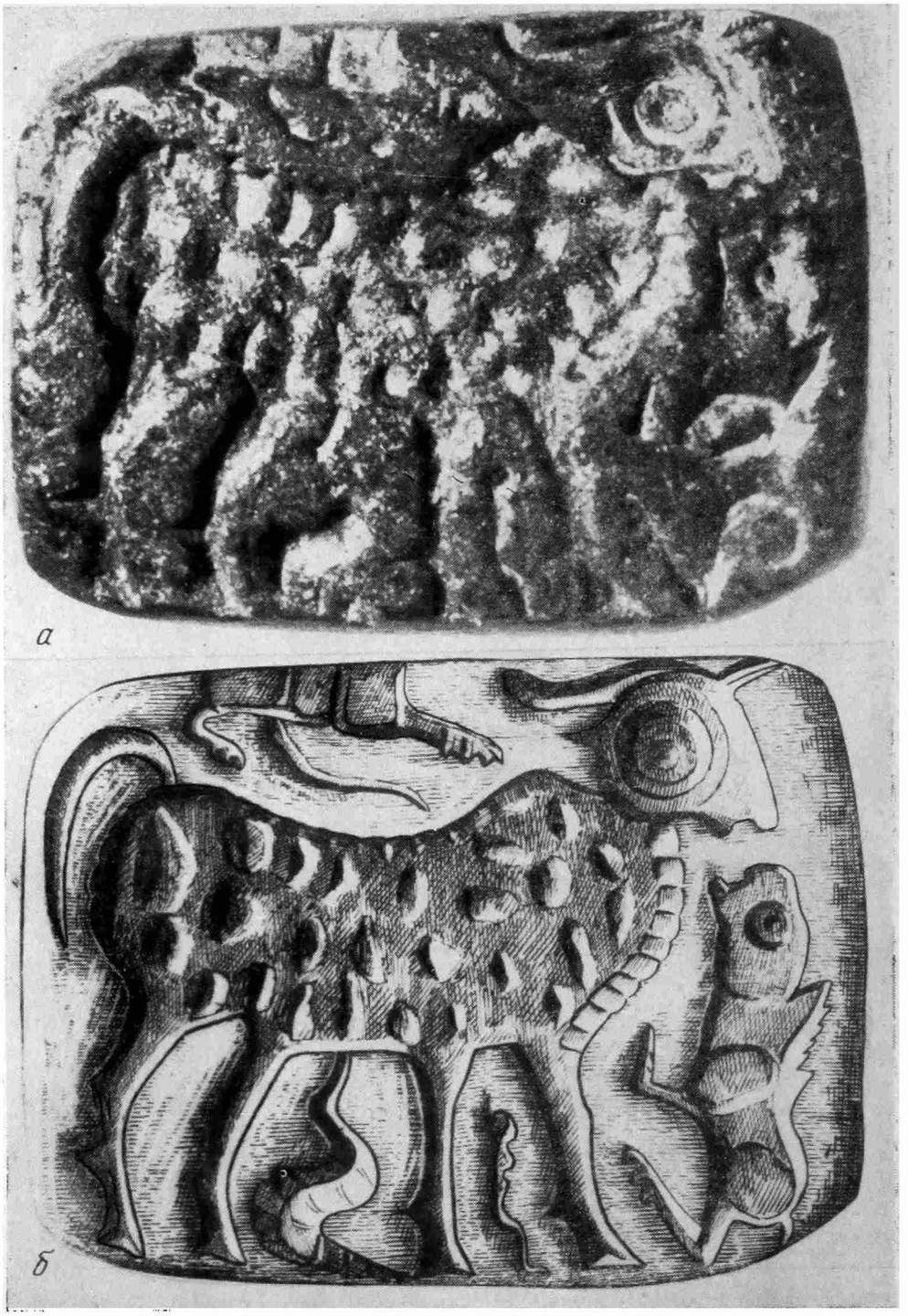


Рис. 2. Оборотная сторона печати № 1 с изображением быка и атакующих его хищников

жено по одной извивающейся змее; не совсем ясна слегка извивающаяся вертикальная линия между ног человека, которую можно тоже считать змеей. В целом же вся композиция отражает идею борьбы и победы героя над животными, причем змеи в поле скорее всего служат символами всепобеждающей силы и мощи героя.

Почти всю плоскость оборотной стороны (рис. 2) занимает крупное изображение быка, бесспорно занимающего центральное место в системе

всей композиции. Тщательно моделированная изящная голова украшена четко проработанным, но преувеличенных размеров глазом; слегка раскрытый рот, широко расставленные в стороны и слабо загнутые вверх рога венчают общий профиль морды животного. Тело быка плавно изогнуто и проработано крупными пунсонами, по-видимому, имитирующими шерстяной покров; контуры мощной шеи подчеркнуты серией мелких, но глубоких пунсонов. Длинный хвост задорно отогнут вниз, тонкие стройные

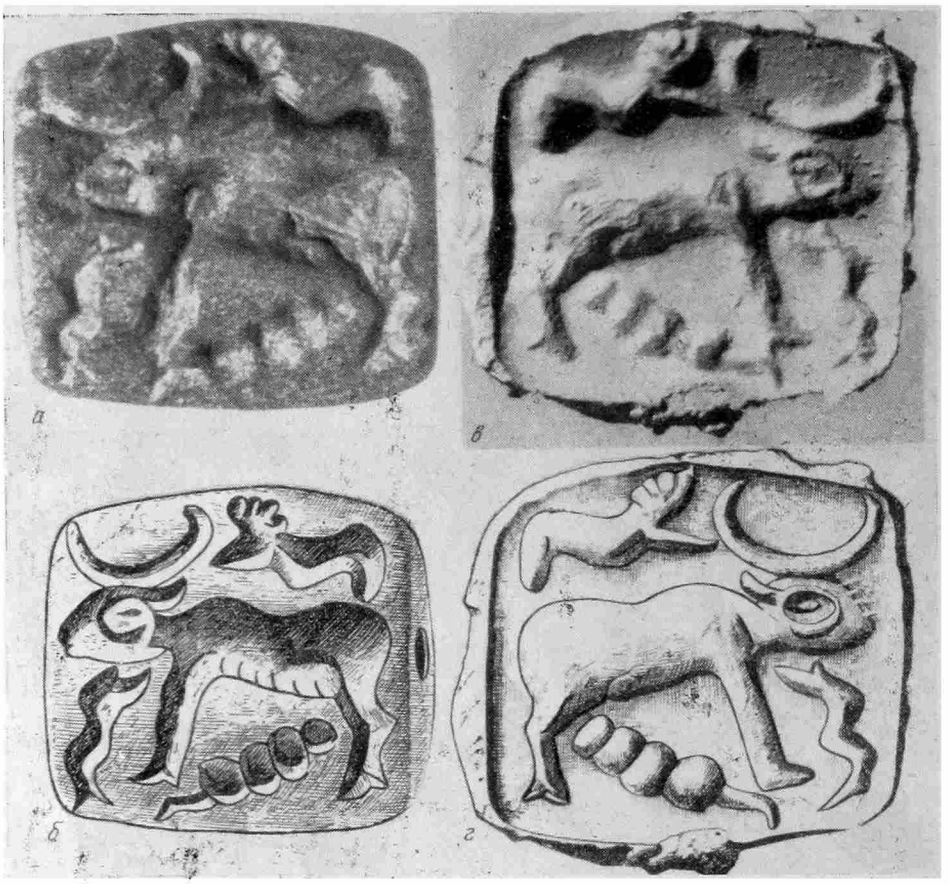


Рис. 3. Тоголок 13. Печать № 2 с изображением быка, змей и дракона

ноги заканчиваются четко выделенными копытами, подчеркнутыми сверху суставными отростками. Между ног быка изображена свернутая в кольца и прильнувшая к его животу змея; вертикальная, слегка изогнутая лента между передними ногами остается не совсем ясной. Впереди, и как бы атакуя быка, выгравирована небольшая фигурка хищника кошачьей породы, возможно льва или гепарда. Морда его с круглым глазом и слегка приоткрытой пастью как бы нацелена на голову быка. Агрессивная поза хищника подчеркнута вздыбленным загривком и четко моделированной мускулатурой сильного тела; он изображен в профиль с двумя ногами, причем задняя имеет выделенные лапы с выпущенными когтями. Последняя деталь позволяет определить плохо сохранившееся изображение, выгравированное непосредственно над спиной быка. Верхняя часть его оказалась полностью стесанной так, что сохранился лишь низ живота, часть хвоста и ноги, причем задняя имеет выделенные лапы с выпущенными когтями. Думается, что и это рисунок льва, который либо был изображен с тремя ногами, либо между двух ног мастер выгравировал маленькую змейку.

Вторая печать (№ 2) с изображением животных (2,8×2,5×1 *см*) происходит с поселения Тоголок 13 (рис. 3 и 4). Она изготовлена из темно-зеленого камня, имеет прямоугольную форму, чечевицевидную в разрезе. На одной стороне (рис. 3, *а — г*) глубокой резьбой нанесена фигура крупного рогатого животного, по-видимому быка. Морда с полуоткрытым ртом, круглым глазом с миниатюрным зрачком и лепестком-ухом увенчана сверху широким полумесяцем заостренных рогов. Туловище плавно изогнуто, чем подчеркнут небольшой горб и круп. Хвост не изображен совсем из-за отсутствия места на печати; ноги с миниатюрными копытами.

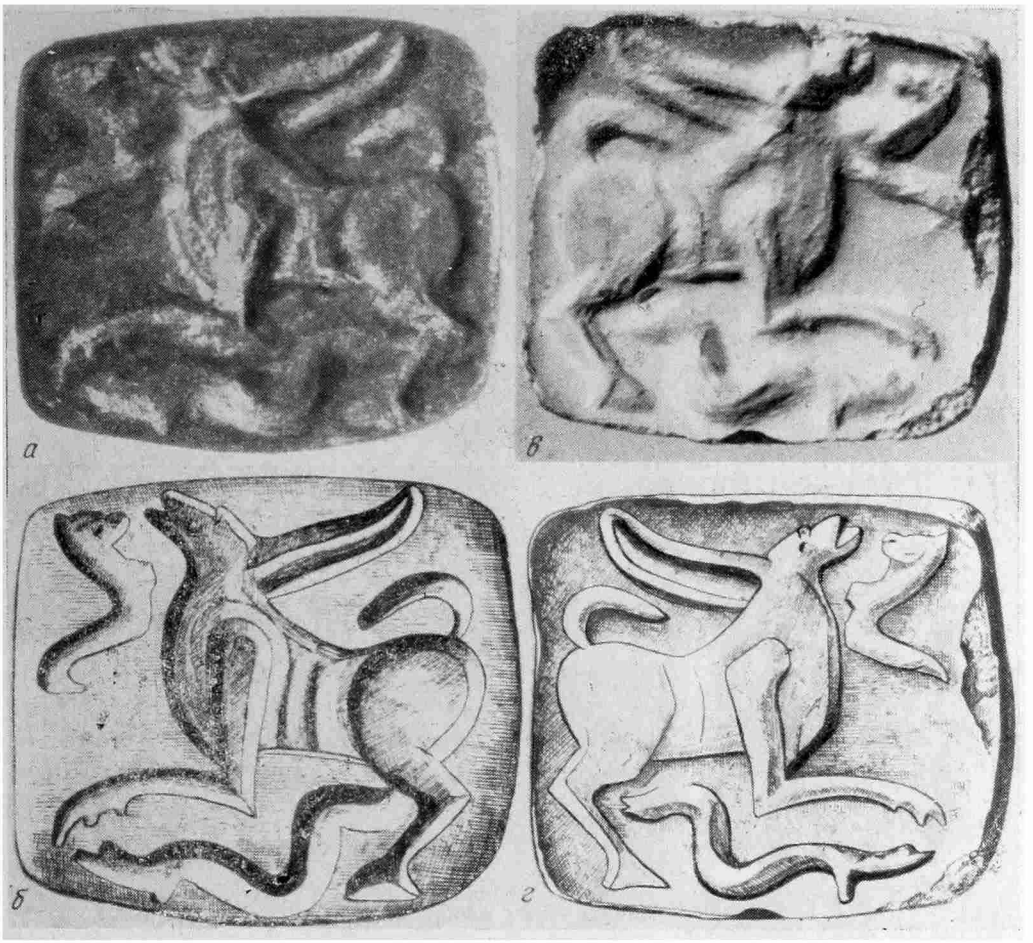


Рис. 4. Оборотная сторона печати № 2 с изображениями антилопы, змеи и дракона

В середине туловища имеется сквозная дырка, образовавшаяся в результате неправильного сверления отверстия для шнурка; очевидно, такие отверстия высверливались в последнюю очередь, когда уже была нанесена гравировка на печать. Этого быка и описанного выше роднит единый стилистический прием: при общем профильном изображении рога развернуты анфас; обоих быков атакуют, в одном случае хищники, в другом — драконы. Над спиной быка выгравирован извивающийся дракон с разинутой пастью и тремя «шипами» на голове в виде короны. Перед мордой в вертикальном положении стоит на раздвоенном хвосте и с разинутой пастью второй дракон, на голове которого сохранились следы от короны или рогов. По диагонали между ног, по-видимому, изображена свернутая в кольца змея, сосущая животное. В целом эта драматическая сцена изображает мирно стоящего быка, от всей позы которого веет спокойствием и непоколебимой уверенностью в своей силе и мощи, и атакующих его хищных драконов.

На оборотной стороне печати № 2 также изображено животное, но уже в стремительном движении (рис. 4, *а — г*). Небольшая головка с длинными, чуть загнутыми рогами, запрокинута вверх, глаза, раскрытый рот и удлиненное опущенное вниз ухо слабо намечены. Тело животного проработано с удивительным мастерством: напряженные мускулы ног как бы играют под мягкой, атласной кожей; небольшой хвостик энергично закинут за спину. Перед мордой изображен дракон с раздвоенным хвостом и сильно изогнутым телом: слабо читаемые детали могут передавать морду и ноги дракона. Второй дракон извивается под животом, его голова увенчана

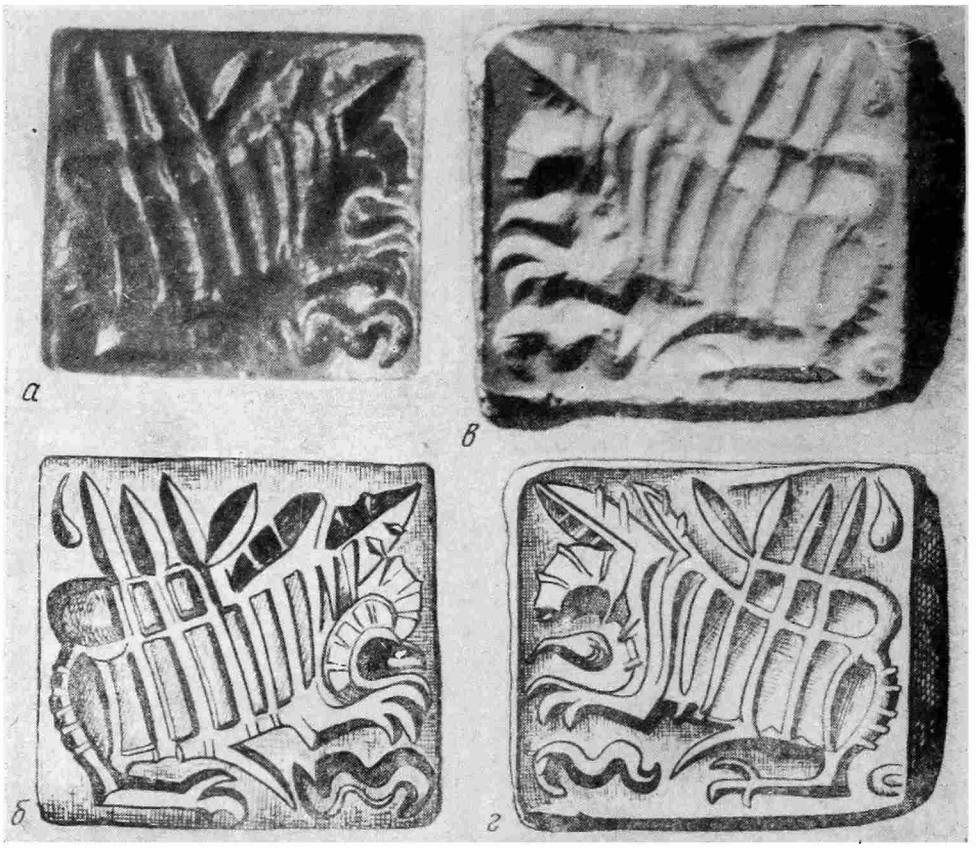


Рис. 5. Тоголок 3. Печать № 3 с изображением тигра в камышах

трехзубчатой короной и тянется к задним ногам; сильное тело заканчивается раздвоенным хвостом, по-видимому с гребнем. В целом эта сцена изображает испуганную антилопу (возможно, джейрана), которую преследуют драконы.

С поселения Тоголок 3 происходит амулет № 3 (1,7×1,5×0,5 *см*) красного стеатита квадратной формы, чечевицевидный в разрезе (рис. 5 и 6). На одной стороне (рис. 5, *а — г*) изображен в профиль тигр: слегка изогнутое полосатое тело, голова с двумя настороженно поставленными ушами и загнутой вниз мордой. На лапах только двух ног четко читаются загнутые когти, длинный хвост заброшен за спину. Контуры всей фигуры проработаны мелкими зубчиками; два небольших углубления выше хвоста и за задней лапой скорее всего имеют декоративное значение, вертикальные черточки, вероятнее всего, отражают заросли камыша. Перед нами тигр-самец, у живота которого — извивающаяся змея.

На оборотной стороне амулета (рис. 6, *а — г*) также изображен тигр с разинутой пастью и опущенным хвостом, загнутым на конце. Ноги заканчиваются выпущенными когтями, внизу живота выгравирована прильнувшая к нему змея. В свободном поле над спиной изображены три ветки с заостренными листочками — возможно заросли саксаула. Отметим, что сквозное отверстие просверлено перпендикулярно изображениям тигров.

Следующий амулет № 4 (2,2×2,2×0,6 *см*) происходит с крепости Гонур 1 и отличается необычной ромбической формой со ступенчатыми сторонами. Он выточен из темно-коричневого камня и имеет два (а не одно) отверстия в противолежащих углах ромба; поверхность сильно потерта от употребления (рис. 7 и 8). На одной стороне выгравирована птица (рис. 8, *а — г*), видимо, орел: голова с хищно загнутым клювом повернута вправо, крылья и хвост распущены, причем тонкими штрихами передано

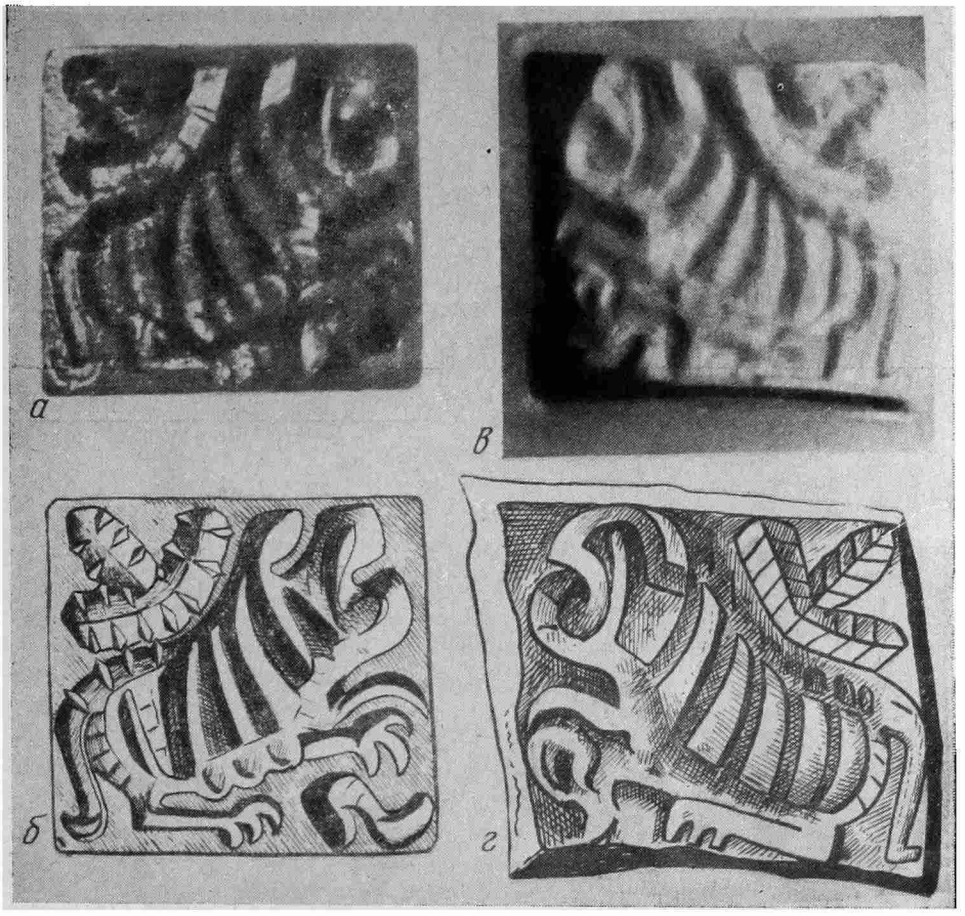


Рис. 6. Оборотная сторона печати № 3 с изображением тигра в кустах

оперение. На второй стороне (рис. 7, *а — г*) выгравирована «плетенка» — переплетенные тела рогатых рептилий, по-видимому драконов, с открытыми ртами, как бы кусающие друг друга.

Единственная камея (2,6×1,9×0,8 *см*), выточенная из темно-зеленого камня, прямоугольной формы и чечевицевидная в разрезе происходит с крепости Гонур 1 (рис. 9 и 10). На одной ее плоскости (рис. 9, *а — г*) изображен скорпион: спереди на голове четко выделены круглыми бусинками два глаза. Четыре пары ног аккуратно сложены вместе на спине, причем передние ноги заканчиваются раздвоенными клешнями; маленький хвост загнут в сторону. На другой стороне амулета выгравировано не совсем понятное изображение в виде четырех пар длинных дуг (рис. 10, *а — г*), причем две внешние пары дуг имеют дополнительную проработку мелкими, но глубокими пунсонами.

Два амулета с Гонур 1 украшены растительным орнаментом. Один из них — № 6 (рис. 11 и 12) выточен из зеленоватого камня, почти квадратной формы (1,7×1,6×0,8 *см*), плоский в сечении и имеет два сквозных отверстия в противолежащих углах. Отверстия высверлены прямо перпендикулярно друг другу, что объясняется, возможно, хрупкостью материала, легко ломающегося при прямом угловом сверлении. С обеих сторон на этом изделии выгравированы ветки, по-видимому изображающие саксаул. На одной стороне такая веточка передана прямыми линиями (рис. 11, *а — г*). На другой как бы усеяна иголочками (рис. 12, *а — г*); не исключено, что подобным приемом подчеркнуты разные виды этого типичного пустынного растения равнин Средней Азии.

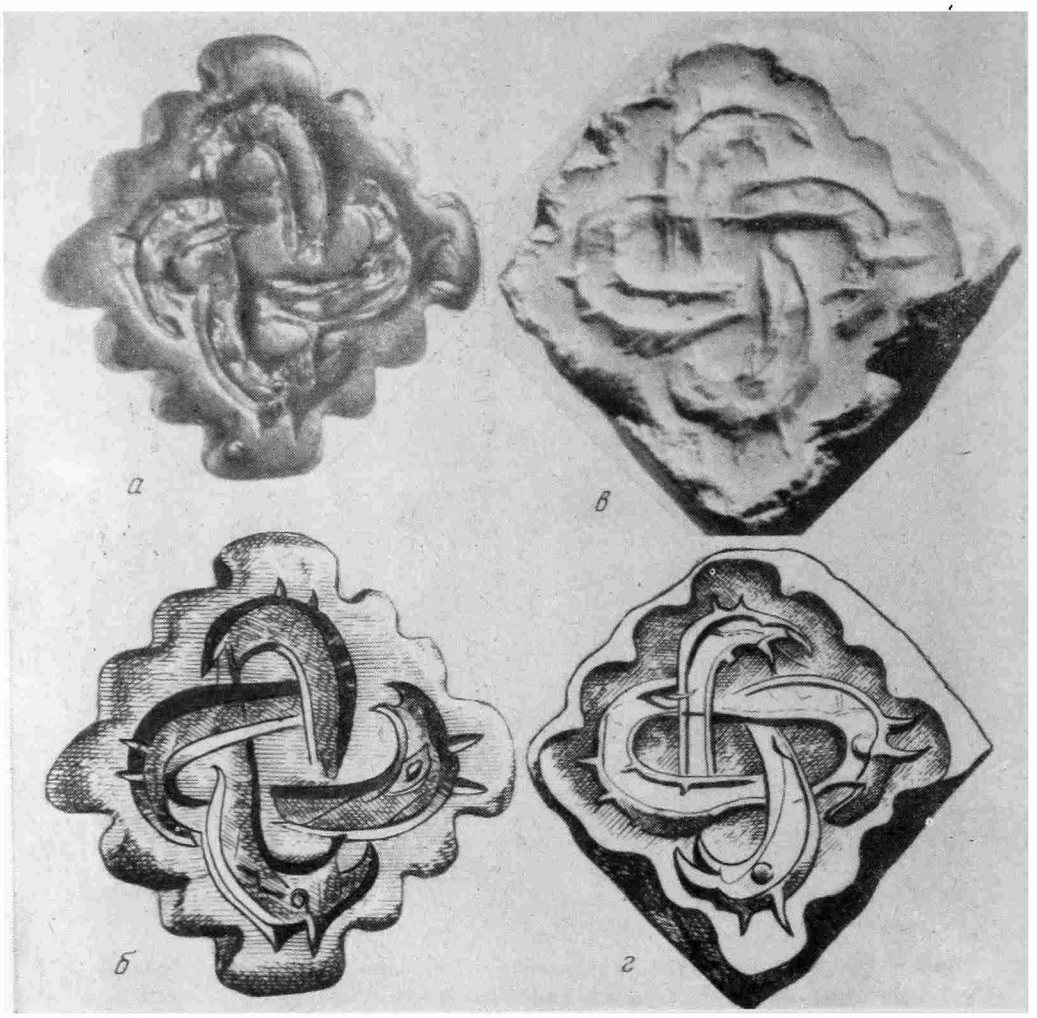


Рис. 7. Гонур 1. Печать № 4 с изображением драконов

Вторая печать-амулет № 7 (1,8×1,7×0,7 *см*) изготовлена из черного статита, имеет квадратную форму, чечевицевидную в разрезе, со сквозным отверстием для подвешивания (рис. 13 и 14). Рисунки, выгравированные на обеих сторонах, не совсем понятны. Не исключено, что на одной плоскости изображено какое-то растение (рис. 13, *а — г*), а на другой зубчатая раковина — древнейший символ плодородия (рис. 14, *а — г*).

С Аучин 1 происходит прямоугольная печать-амулет № 8 из темно-зеленого камня. Одна ее сторона украшена пересекающимися прямыми линиями, заключенными в ободок из мелких насечек. На другой стороне между пересекающимися линиями вписаны треугольники из насечек.

Единственный образец (№ 9), найденный не на поверхности, а в погребении на Аучин 1, где он находился под челюстью, изготовлен из темно-красного камня и так сильно потерт, что орнамент читается с трудом. На лучше сохранившейся стороне, возможно, изображена ладья и стоящий на ней человек (?) с расставленными руками, на другой стороне рисунок практически не читается.

Наконец, с поверхности того же поселения Аучин 1 происходят одна круглая и вторая прямоугольная печати со сквозными отверстиями в центре. На одной стороне круглой печати — № 10 (рис. 15, *а, б*) изображены два кружка, на другой (рис. 15, *в, г*) извивающаяся змея. На прямо-

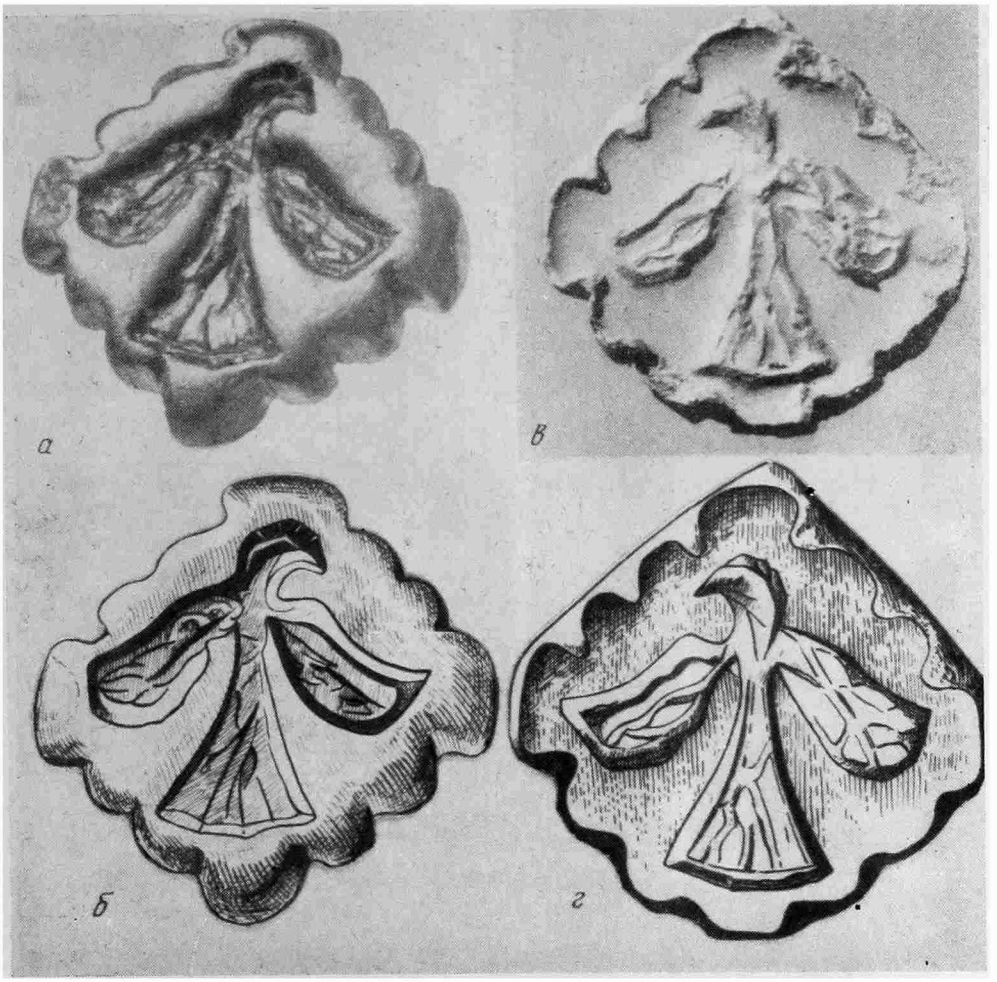


Рис. 8. Оборотная сторона печати № 4 с изображением летящего орла

угольной печати № 11, как с одной стороны (рис. 16, *а*, *б*), так и с другой (рис. 16, *в*, *г*) возможно, выгравированы рисунки растений.

Такова немногочисленная, но, безусловно, оригинальная коллекция печатей-амулетов из дельты Мургаба, занимающих особое место на фоне известной глиптики Южного Туркменистана. Правда, почти все изображения на них могут найти формальные параллели на местной расписной керамике эпохи энеолита. Причем, и это важно подчеркнуть, преимущественные аналогии дает расписная керамика «карадепинского стиля», сложившаяся под несомненным влиянием керамического искусства древнего Ирана. Налицо вполне показательная перекличка основных персонажей на печатях-амулетах и расписной керамике, однако генетической связи между ними на южнотуркменистанском материале не устанавливается. В самом деле, на смену рисункам барсов, козлов, птиц (и в том числе орлов), людей, быков (или коров) и змей на посуде времени Намазга III приходит преимущественно чисто геометрический орнамент (периода Намазга IV), который в свою очередь полностью исчезает на керамике эпохи бронзы (периоды Намазга V—VI). Таким образом, между рисунками на мургабских амулетах и расписной керамике лежит отрезок времени свыше 1000 лет, что, конечно, не исключает существование в этот период антропозоо-фитоморфных изображений на некерамических изделиях, и в частности на металлических печатях эпохи развитой бронзы. Сказанное дает основание обратиться к Древнему Востоку, где во II тысячелетии до н. э., с точки зрения развития глиптики, можно выделить всего несколько зон.

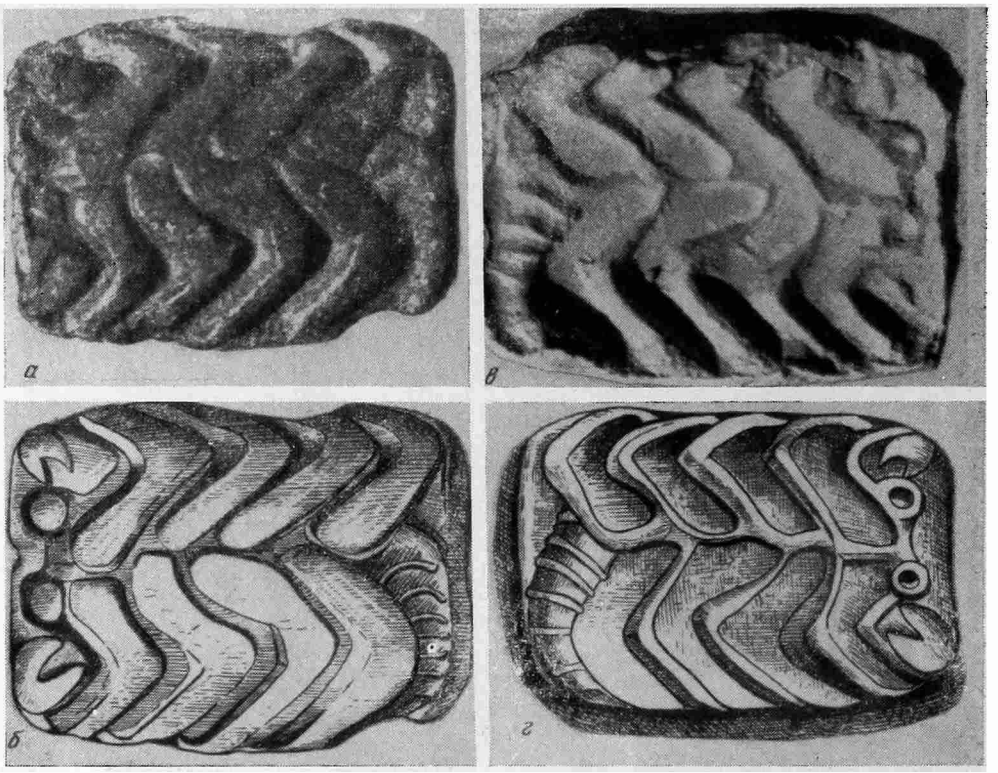


Рис. 9. Гонур 1. Печать № 5 с изображением скорпиона

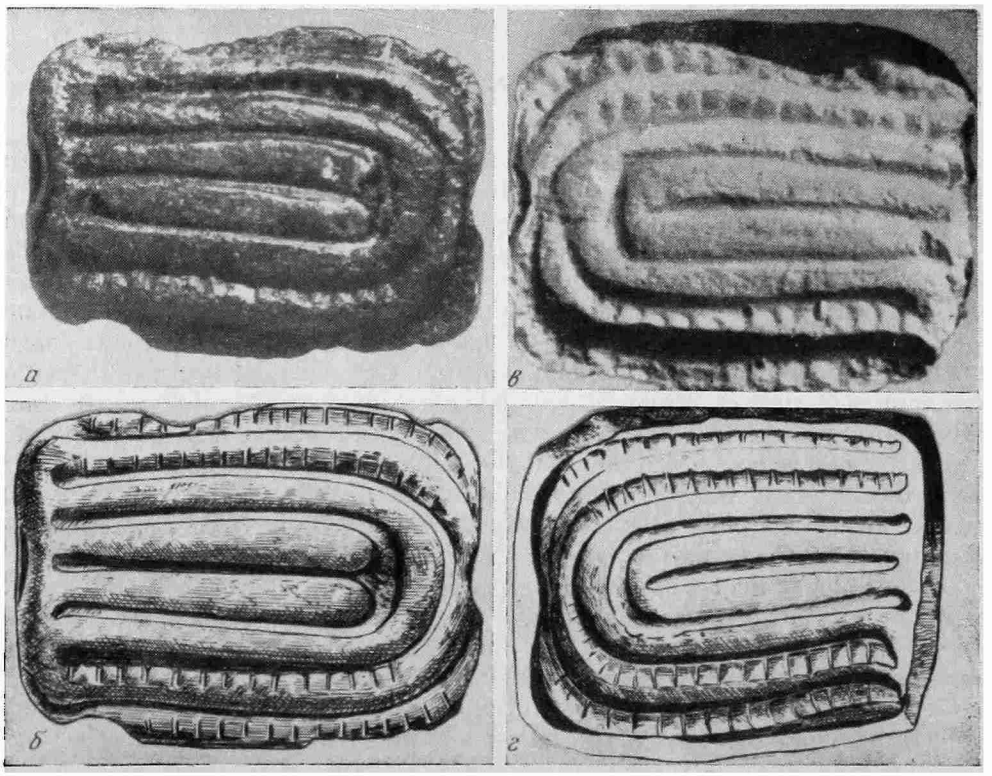


Рис. 10. Оборотная сторона печати № 5 с изображением «лент»

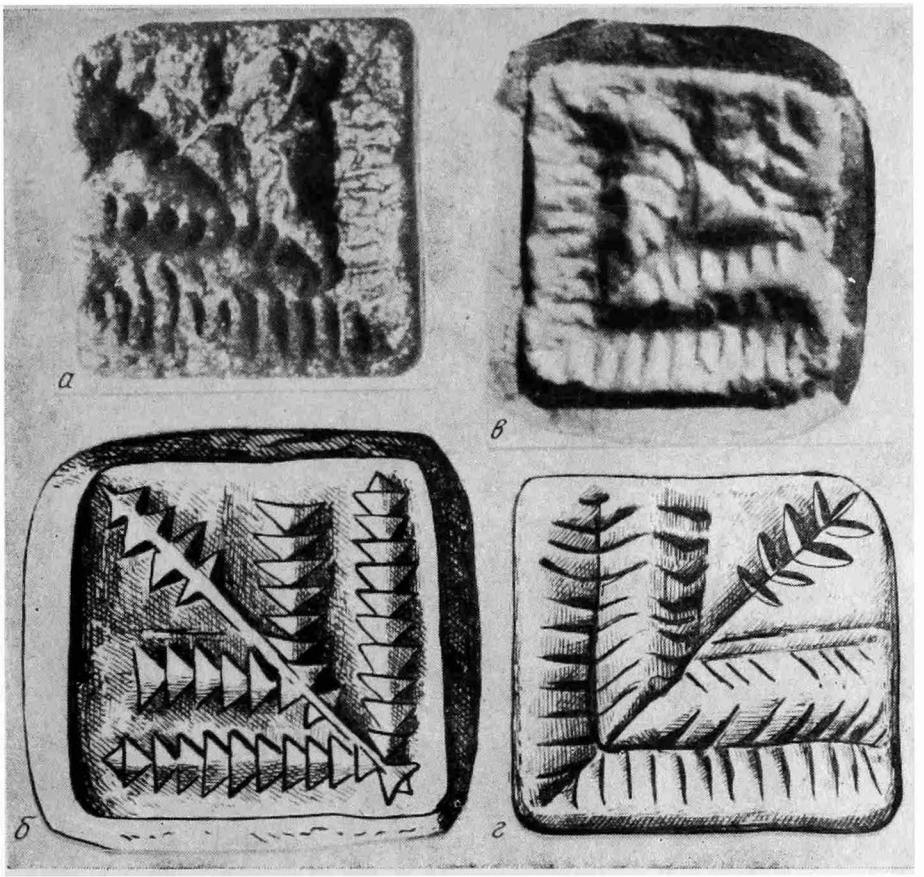


Рис. 11. Гонур 1. Печать № 6 с изображением растения

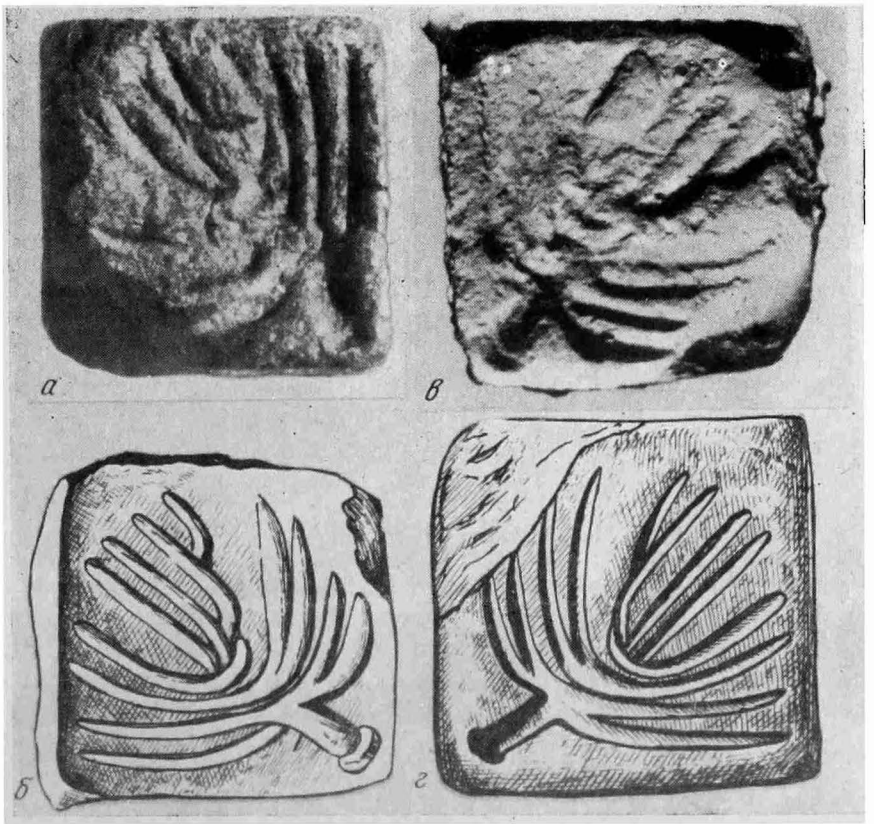


Рис. 12. Оборотная сторона печати № 6 с изображением растения

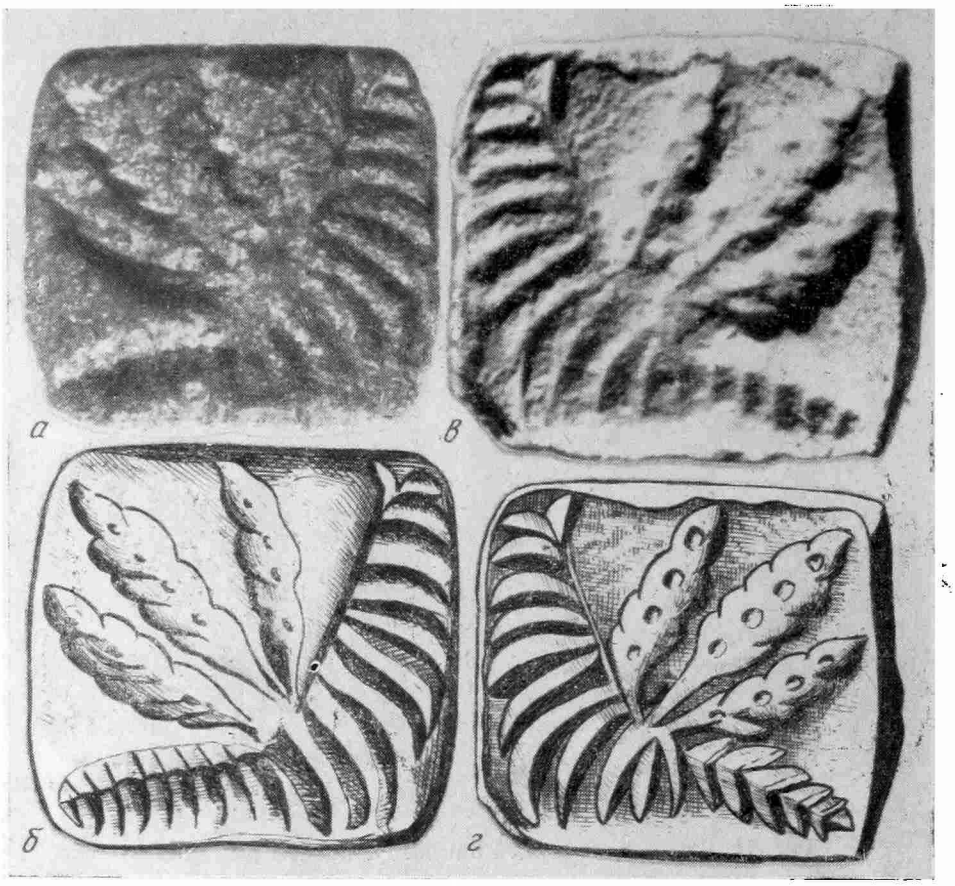


Рис. 13. Гонур 1. Печать № 7 с изображением растения

Так, в Месопотамии преимущественно распространены печати-цилиндры [5], на индийском субконтиненте характерны печати хараппской цивилизации [6], на большей части Ирана, Туркменистана и Афганистана перегородчатые печати-штампы [7]. Как бы промежуточное положение между этими тремя огромными регионами занимает глиптика Сузианы и Южного Ирана [8]. В еще большей степени это относится к печатям Персидского залива [9], своеобразная форма которых и особенно рисунки отражают как местные, так и внешние влияния от Месопотамии до долины Инда, выразившиеся в сложении этих печатей [10].

Сравнение мургабских печатей-амулетов с переднеазиатскими показывает в целом независимый путь происхождения первых, но не без влияния глиптики сопредельных стран. Так, рисунки животных, птиц, рептилий в той или иной степени практически известны в пределах Древнего

---

[5] *P. Amiet.* La Glyptique Mesopotamienne Archaique. Paris, 1958; *H. Frankfort.* Cylinder Seals. London, 1939.

[6] *J. Marshall.* Mohenjo Daro and the Indus Civilization. London, 1931; *Iren Gajjar.* Ancient Indian Art und the West. Bombay, 1971.

[7] *S. Piggott.* Dating the Hissar Sequence — the Indian Evidence. Antiquity, XVII, 1943. p. 179.

[8] *P. Amiet.* Elam, Paris, 1966; *C. C. Lamberg-Karlovsky, M. Tosi.* Shahri Sokhta and Tepe Jahja: Tracks on the Earliest History of the Iranian Plateau. East and West, 21, 1973.

[9] *S. R. Rao.* A «Persian Gulf» scal from Lothal. «Antiquity», XXXVII, 1963, p. 96. *G. Bibby.* Arabian Gulf Archaeology, KUML, 1966, fig. 4.

[10] *E. Porada.* Remarks on Seals found in the Gulf States in Some Results of the third International Conference on Asian Archaeology in Bahrain. Artibus Asiae, vol. XXXIII, 4, p. 331—337.

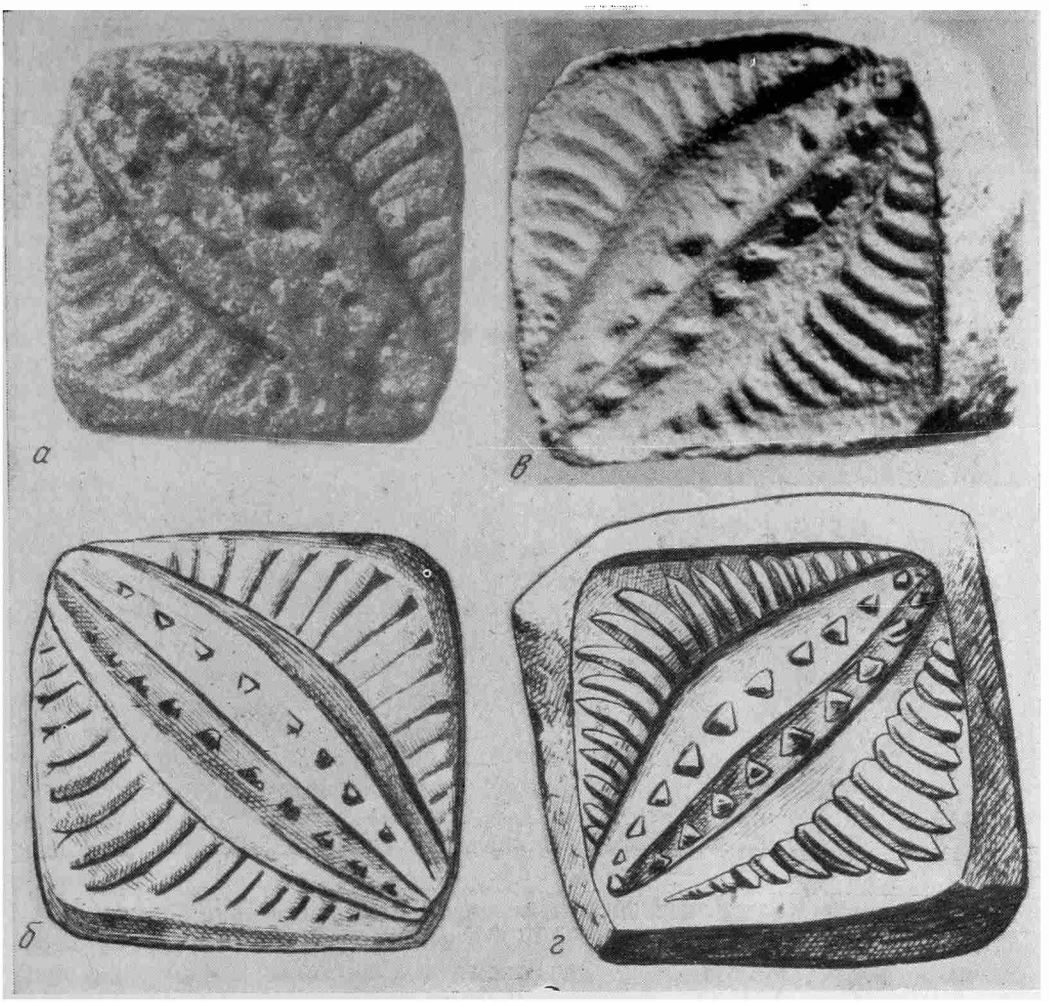


Рис. 14. Оборотная сторона печати № 7 с изображением растения (?)

Востока, что обусловлено было общим типом древнего хозяйства и экологии.

Вместе с тем отдельные стилистические и даже иконографические мотивы мургабских амулетов весьма выразительно перекликаются с глиптикой выделенных зон, что, бесспорно, предполагает культурные влияния. В первую очередь это относится к амулету со сценой борьбы героя с животными. Сам по себе это весьма распространенный сюжет героического цикла, хорошо известный историкам религии, применительно к древности лучше всего известен по шумерскому эпосу о Гильгамеше и его друге Энкиду. Оба этих персонажа нашли свое отражение на многочисленных месопотамских печатях-цилиндрах, где Гильгамеш нередко изображен в виде обнаженного человека с поясом, концы которого опускаются вниз по бедру; рогатая голова и борода дополняют его общий образ [11]. Часто фигура человека, как и лицо, изображена анфас, в то время как ноги повернуты в профиль [12]. Обычно такой герой борется со львами или рогатыми животными, стоящими на задних ногах, причем в тех случаях, когда изображены дикие быки, это может отражать эламитскую версию эпоса [13].

[11] *H. Frankfort.* Cylinder Seals, p. X, XI, XIII, XIV.

[12] *E. D. Caspers.* Some Motifs as evidence for Martime contact Between Sumer and the Indus Valley. Persica, V, 1970—1971, p. 111.

[13] *M. F. Williams.* The Collection of Western Asiatic Seals in the Haskell Oriental Museum. The American Journal of Semitic Languages and Literatures, XLIV, 4, Chicago, 1928, p. 233.

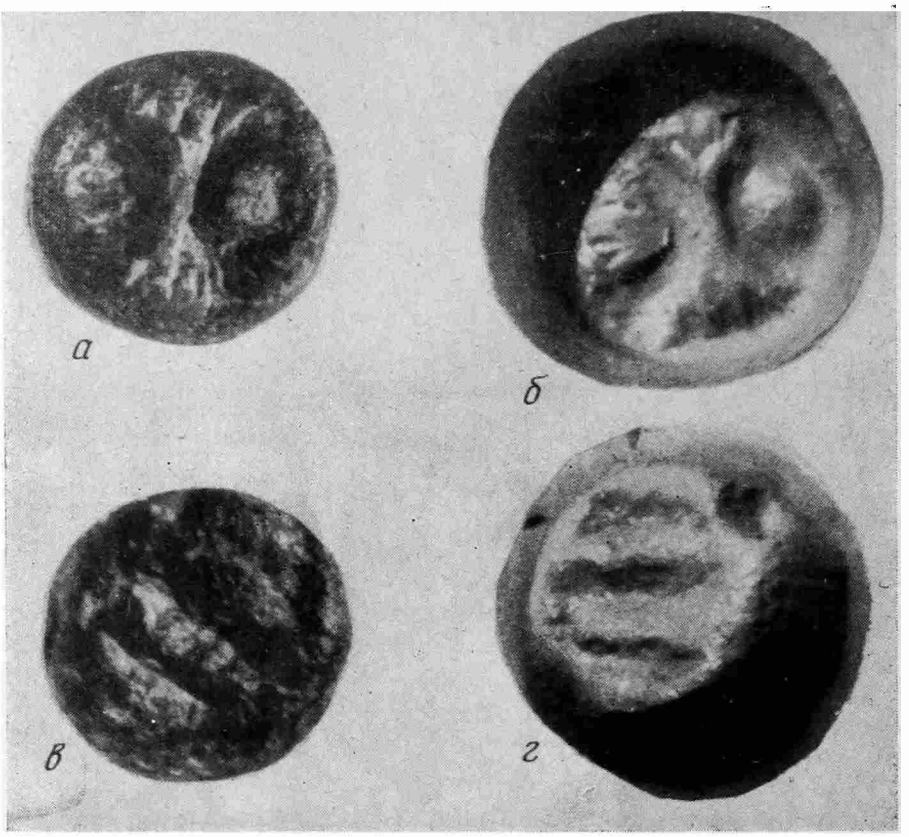


Рис. 15. Аучин 1. *а* – печать № 10 с зооморфным изображением; *б* – оттиск; *в* – оборотная сторона печати № 10 с изображением змеи; *г* – оттиск

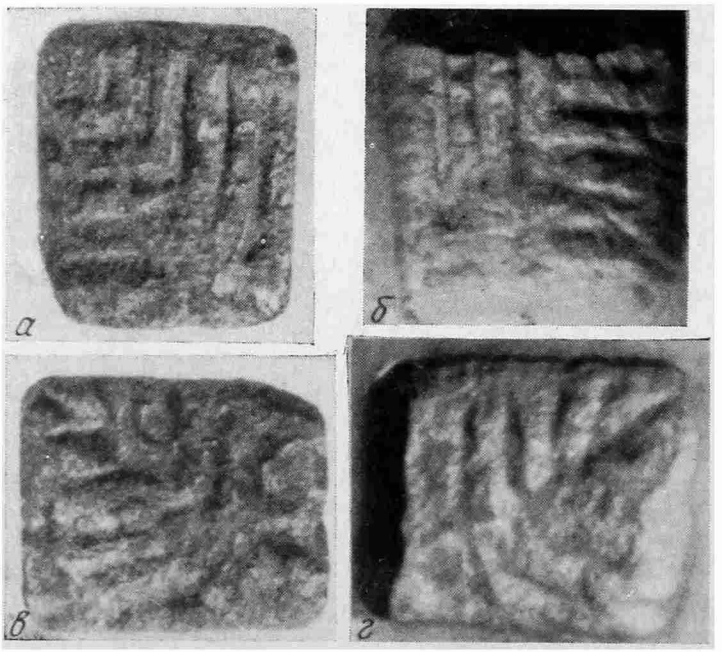


Рис. 16. Аучин 1. *а* – печать № 11 с изображением растения; *б* – оттиск; *в* – оборотная сторона печати № 11 с изображением растения *г* – оттиск

Как видно, изображение на мургабском амулете до деталей отвечает всем требованиям, предъявляемым к классическим изображениям Гильгамеша месопотамской глиптики. Однако думается, что точнее будет говорить не столько о месопотамской, сколько об иранской иконографии в изображении этого героя. Так, считается, что хотя иконографический образ Гильгамеша мог быть привнесен в Сузиану племенами урукской культуры, тем не менее это «божество» по происхождению своему остается глубоко иранским, особенно в тех случаях, когда вместе с ним изображены змеи. Последнее обстоятельство указывает, что это наиболее раннее антропоморфное божество господствует над миром животных и обладает хтоническим могуществом [14]. Более того, в отличие от Месопотамии в Сузиане мотив героя-победителя существует еще в протоурбанистический период [15] и доживает до ахеменидского времени [16]. Все сказанное дает основание сближать мургабский экземпляр с эламской глиптикой, причем замена львов поверженными головой вниз быками скорее всего указывает на местную переработку традиционной месопотамской иконографии, как это предполагается, например, для долины Инда, где вместо львов изображены тигры [17]. Правда, имеется и иное мнение — о независимом характере существования этой темы в обеих цивилизациях [18], однако Д. Касперс убедительно показала вполне вероятное распространение этого сюжета с запада в восточном направлении [19].

Однако рассматриваемый образ ближе всего соответствует тому периоду аккадской глиптики, когда мотив героя, защищающего животных, заменяется темой борьбы могучего антропоморфного героя с этими животными, т. е. меняется само содержание изображения (А. Мортгант, Н. Д. Флиттнер, В. К. Афанасьева). Анализ отдельных сцен аккадских печатей показал возможность сопоставления с эпосом о Гильгамеше, и иногда описание в тексте очень близко совпадает со сценой изображений на печати [20].

Очевидно, что мургабская печать может быть отнесена к памятникам сфрагистики, связанным с культом героя или «хозяина животных», которые независимо возникали у многих народов; однако рассматриваемый иконографический образ, безусловно, навеян месопотамо-эламской глиптикой. И, возможно, не случайно на оборотной стороне этой печати изображена мощная фигура быка в спокойной позе, несмотря на то, что со всех сторон его атакуют хищные звери. Этот сюжет достаточно близко перекликается с аналогичными персонажами одной шумерской поэмы, но опять-таки, и это важно отметить, относящейся к героическому циклу сказаний. Но и в таком случае это не просто графическая иллюстрация общеизвестной поэмы, а творческая переработка с учетом глубоко местных, традиционных мифов, свидетельством чего являются рисунки змей, постоянно присутствующие и на наших амулетах.

Печати героического цикла предполагают существование и определенного «героического периода» в истории создавших их племен, когда основной политической единицей являются мелкие княжества во главе с князьями, при которых имеется военная дружина и послушный народный совет. Историки религии утверждают, что именно в таких ситуациях возникают культы антропоморфных божеств, засвидетельствованные в Шумере, Греции и Индии. Не исключено, что до известной степени близкое социальное устройство существовало и в бассейне Мургаба, где четко выделяются

[14] *P. Amiet.* La Glyptique Mesopotamienne Archaique. Paris, 1958, p. 72, 73.
[15] *Idem.* Elam. Paris, 1966, p. 58; *E. D. Caspers.* Some motifs..., p. 111.
[16] *E. Porada.* The Collection of the Pierpont Morgan Library. New York, 1948, pl. CXXIV, № 824, 825.
[17] *E. Mackay.* Early Indus Civilization. London, 1948, p. 67.
[18] *M. Wheeler.* The Indus Civilization. Cambridge, 1968, p. 135.
[19] *E. D. Caspares.* Some motifs..., p. 112.
[20] *В. К. Афанасьева.* Мифология и эпос в шумеро-аккадской глиптике. Автореф. канд. дис., Л., 1965, стр. 14.

несколько ирригационных оазисов со своими собственными столичными центрами (Гонур 1, Тоголок 1 и др.).

Не менее показательные аналогии обнаруживает и ромбической формы амулет (рис. 7, 8), которому как по форме, так и отчасти по рисункам мне известны аналогии еще только в двух случаях.

Одна такая ромбическая печать с рисунком орла и креста происходит на Хараппы [21], где она имеет, однако, не местное, а западное происхождение [22]. Мотив орла уникален в искусстве долин Инда, в то время как рисунок креста известен был здесь много шире, что лишний раз подчеркивает близость ее к южнотуркменистанскому образцу. Со своей стороны и мургабский экземпляр сохранил рисунок в виде «гадючьего узла» или плетенки, составленной кусающимися драконами, мотив, находящий преимущественные аналогии в гравировке сплетенных змей на одной культовой плите из Элама [23]. Еще более показательное сходство обнаруживают переплетенные, а главное рогатые, драконы в глиптике Гияна [24]; сходные (хотя и в меньшей степени) мотивы известны в Месопотамии [25], причем на одном цилиндре выгравирована плетенка из двух змей [26]. Представляется, что в месопотамском искусстве решительно преобладают рисунки пары переплетенных, но сильно вытянутых змей [27], которые могут символизировать ритуал «священного брака» (Ван Бурен) или всеобщее плодородие (Франкфорт), но буквально в единичных образцах представлены изображения «гадючьего узла». Думается, что этот специфический рисунок присущ был скорее иранскому, чем чисто месопотамскому искусству; в таком случае мургабское изображение (на котором по существу выгравированы все те же два змея, но с четырьмя головами), вероятнее всего, иранского происхождения. Считается, что сам по себе рисунок имеет явно магическое значение, так как не имеет ни начала ни конца и в конечном счете символизирует идею долговечности; драконы здесь как бы пожирают друг друга (мотив опять-таки восходит к той же философской идее извечного круговорота). Вообще же миф, в котором бог грозы преследует и поражает дракона, широко распространен был у индоевропейских народов [28] и засвидетельствован на ассирийских цилиндрах [29]. Не исключено, что рисунок мургабского амулета входил в круг сходных представлений, причем взаимно пожирающие друг друга драконы должны были охранить владельца амулета от превратностей повседневной жизни.

Кроме харапского и мургабского известен еще один амулет аналогичной ромбической формы, происходящий из случайных находок в Дашлинском оазисе эпохи бронзы в Северном Афганистане. Хотя точная хронологическая и культурно-историческая принадлежность этой находки не определена, однако думается, что она входит в круг двух описанных выше. Это плоский бронзовый ступенчатый ромб (1,8×1,8×0,2 *см*), имеющий два сквозных отверстия в противолежащих углах (рис. 17, *а* — *г*). На одной стороне его изображено дерево в виде прямого ствола, от которого снизу отходят две ветви с острыми листочками: сверху на ветви то ли опускается, то ли взлетает с них пара птиц с поднятыми крыльями и вытянутыми ногами. Верхушка ствола, возможно пальмы, оформлена в виде кроны с короткими, веерообразными расходящимися ветвями. Мотив «священного дерева» труднее всего поддается определению среди других

---

[21] *M. C. Vats.* Excavations at Harappa. Calcutta, 1940.
[22] *M. Wheller.* The Indus Civilization, p. 103.
[23] *P. Amiet.* Elam, p. 173, pl. 124.
[24] Idem. La Glyptique Mesopotamienne, pl. 7, № 148.
[25] *L. Legrain.* Ur Excavations. III, Oxford, 1963, pl. 29.
[26] *E. Douglas Van Buren.* Symbols of the Gods in Mesopotamian Art. Roma, 1945, p. 40.
[27] *P. Amiet.* La Glyptique..., p. 134, 135.
[28] *В. В. Иванов, В. Н. Топоров.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
[29] *P. Amiet.* Un Vase Ritual Iranien Syria, LXII, fasc. 3, 4, 1965, p. 243.

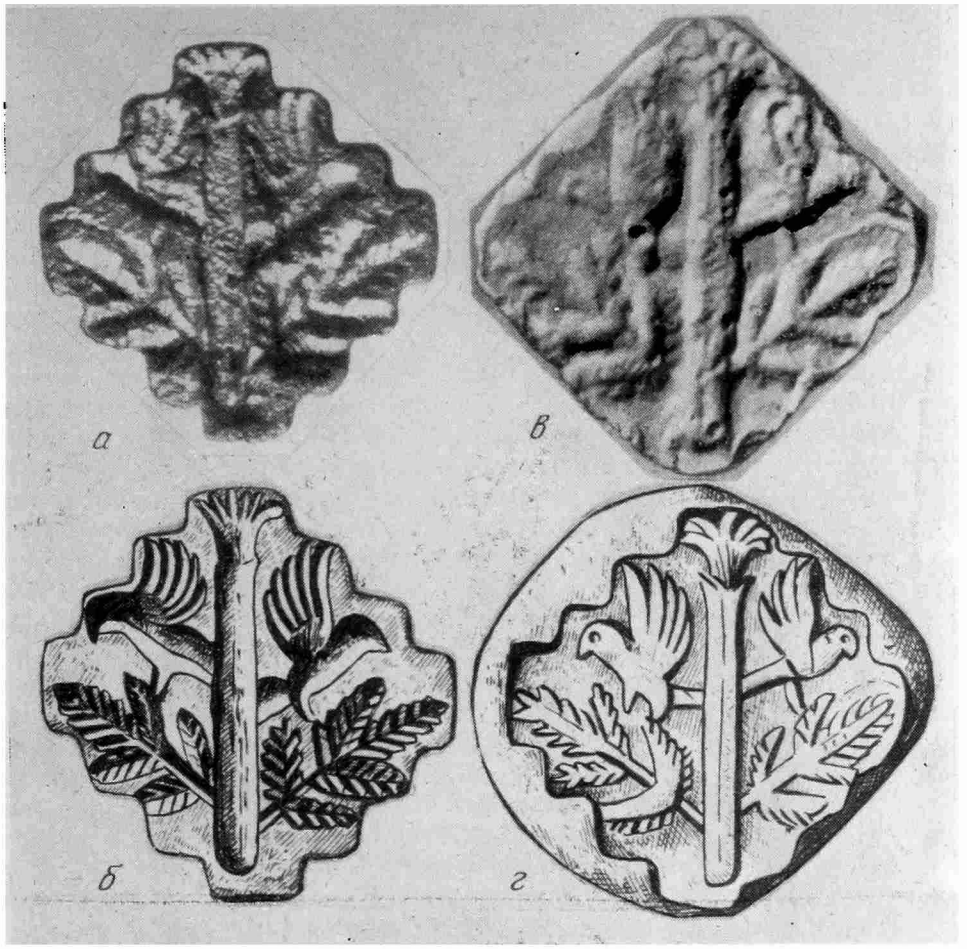


Рис. 17. Северный Афганистан, Дашлинский оазис. Металлический амулет № 12 с изображением дерева и птиц: *а* – амулет; *б* – прорисовка; *в* – оттиск; *г* – прорисовка

символов древневосточного искусства. Однако, как например на касситских печатях II тысячелетия до н. э., когда дерево составляет ось композиции, оно изображено весьма реалистично, а на ветви его с двух сторон садится пара птиц, в таких случаях — это символ «священного дерева» [30].

В. Вард предполагает, что рисунок «священного дерева» символизирует не просто плодородие, а дерево, дарующее счастье, т. е. фортуну. Представляется вполне правомерным привлечение им данных Авесты, где упоминается дерево, на котором собраны семена всех растений мира. Сидящая на дереве птица обдирает ветви, тогда как другая птица собирает упавшие семена, несет в небо, где они, смешавшись с дождем, падают на землю и производят новые растения. Думается, что приведенные данные могут быть сопоставлены с изображением на североафганском амулете. Скорпион в свою очередь идентифицируется с богиней Ишкар (а последняя — с Венерой) касситского пантеона и упоминается в астрологических текстах.

Центральную часть второй стороны амулета (рис. 18) занимает фигура двугорбого быка в профиль; мелкие детали на голове читаются плохо, но, видимо, передают украшение и, возможно, прическу. С особой тщательностью проработана плавно изогнутая шея, здесь же изображен обнаженный ребенок, держащий за повод верблюда. Тонкая моделировка всего изображения документируется напряженной мускулатурой тела живот-

[30] *E. Van Buren.* Symbols of the Gods..., p. 25.

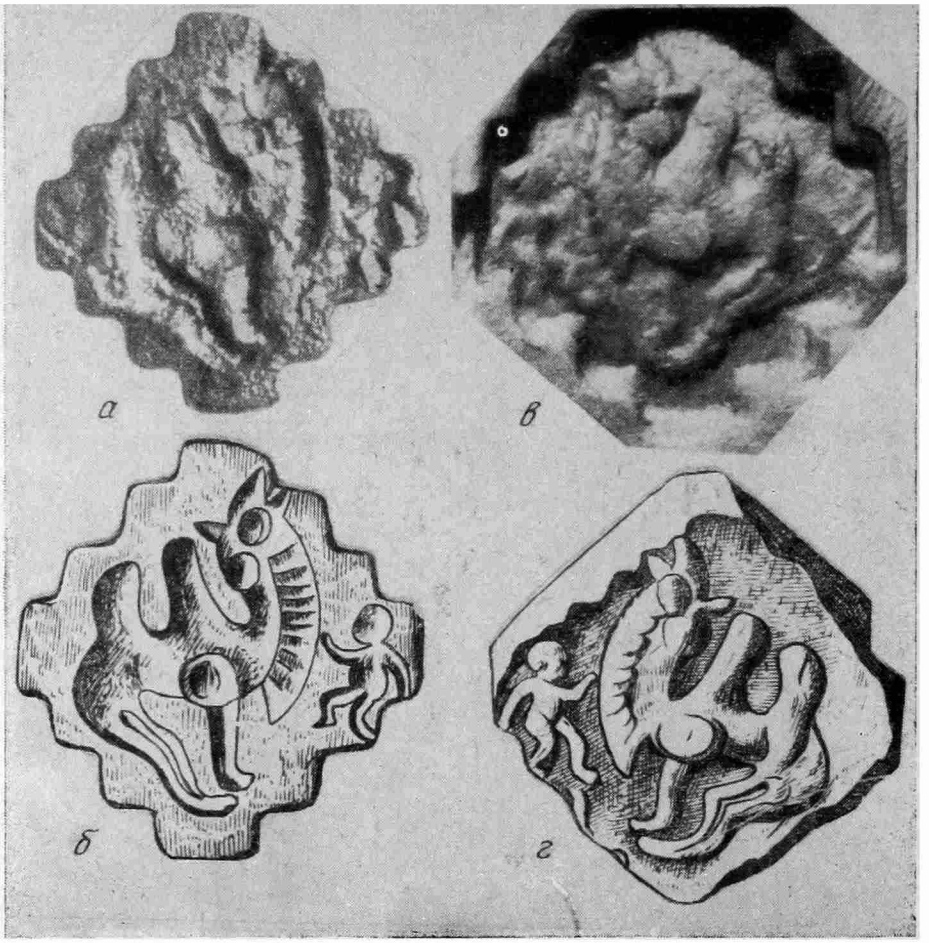


Рис. 18. Оборотная сторона металлического амулета № 12 с изображением верблюда и ребенка: *а* — печать; *б* — прорисовка; *в* — оттиск; *г* — прорисовка

ного, как бы остановленного в своем движении вперед туго натянутым поводом. Показательно, что мотив верблюда практически отсутствует в глиптике Месопотамии и долины Инда, зато в Иране известен в рисунках на посуде Сиалк III, в Туркменистане в многочисленных терракотах конца III тысячелетия до н. э. и, наконец, на амулете из Северного Афганистана II тысячелетия до н. э. Более того, и позднее это животное занимает видное место в искусстве ахеменидского Ирана (рельефы персепольского дворца) и Бактрии (на монетах, оттиски на сосудах) [31], что позволяет выделить афгано-ирано-туркменистанский центр в системе Древнего Востока, где в культах и мифах образ верблюда занимал особое место. В этой связи вспомним, что в Авесте верблюд — самое высокочтимое животное, обладающее наибольшей силой и мощью, что предполагает древний культ его [32]. Как видно, североафганский амулет демонстрирует сочетание общеизвестного древневосточного символа «священного дерева» с сугубо местным изображением верблюда, игравшим особую роль у восточноиранских племен.

Возвращаясь к трем описанным выше амулетам, отметим их идентичную ромбическую форму, два сквозных отверстия, наличие рисунков птиц,

[31] *М. М. Дьяконов.* Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган. МИА, 37, 1953.

[32] Более подробно см. *Е. Е. Кузьмина.* Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема доместикации бактрианов. СА, 1963, 2, стр. 43.

что в совокупности может указывать на общий центр сложения подобных изделий.

Но, бесспорно, особый интерес представляет мургабский амулет со сценой нападения драконов на животных (рис. 3 и 4). Мотив дракона достаточно широко представлен в древневосточном искусстве, где он имеет несколько иконографических образов: небольшое тонко изогнутое тело со змеиной головой и короткими ножками (иногда без ног), часто на голове изображены рога или корона. Ближе всего к мургабским драконам стоит рисунок на цилиндре из Асмара, где рогатый дракон имеет длинное слегка изогнутое тело, но без ног [33]; причем в ряде случаев эти фантастические существа стоят вертикально на хвосте, опираясь на короткие ножки [34].

Здесь же отметим достаточно популярный образ дракона в виде крылатого льва, до определенной степени напоминающий аналогичное изображение на печати-амулете с Дашлы 1 в Северном Афганистане (рис. 19, *2*). По мнению Ван Бурен, дракон символизировал плодовитость, вызывал чувство благоговения и не был враждебен людям. Однако по материалам мургабских печей создается впечатление, что в противоположность змеям драконы олицетворяют собой резко отрицательные силы. В самом деле, судя по нашему амулету, главная идея здесь заключена в борьбе доброго (животное) и злого (драконы) начала, но с некоторыми вариантами, когда спокойно стоящий бык олицетворяет собой абсолютное пренебрежение к этим фантастическим существам, и наоборот, испуганная антилопа в паническом ужасе пытается освободиться от преследователей. В этой связи отметим, что бык играет большую роль в мифологии древних арийцев: в Авесте он — первое творение Ахура Мазды, в Ригведе — символ огня; и, видимо, не случайно бог войны Индра неоднократно упоминается в связи с его борьбой с драконом. Особенно интересен один гимн Ригведы, где Индра, «разъяренный как бык» убивает дракона [35], что до определенной степени перекликается с изображением быка и атакующих его драконов на мургабском амулете. Создается впечатление, что в противоположность испуганной антилопе бык на рассматриваемом амулете символизирует положительное начало, неподвластное злу, которое олицетворяет дракон.

Кроме драконов на мургабских амулетах устойчиво повторяется тема змей, либо сопровождающих фигуру человека (рис. 1), но чаще прильнувших к задним ногам животных (рис. 2—4). Это, безусловно, генеральная идея, прослеживаемая на всех амулетах с рисунками животных, что особенно четко и недвусмысленно отражено на амулете с изображением тигра-самца (рис. 5). Змеи, скользящие между людьми или животными,— излюбленный и популярный сюжет древневосточной глиптики по крайней мере с постубейдского времени [36], но почти полностью отсутствующий в искусстве хараппской цивилизации, где известны лишь единичные изображения кобр. Но и в системе древневосточного искусства подобные сюжеты распределяются неравномерно: змеи в сочетании с животными решительно преобладают в иранском, точнее сузиано-гияновском ареале, где устойчиво повторяется тема — животное и змея, тянущаяся к его телу [37].

---

[33] *E. Van Buren.* The Dragon in Ancient Mesopotamia. Orientalia, vol. 15, fasc. 1–2. Roma, 1946, pl. II, fig. 10.

[34] Ibid., pl. I, fig. 4.

[35] Ригведа. Избранные гимны. М., 1972, стр. 111.

[36] *P. Amiet.* La Glyptique Mesopotamienne Archaique. Paris, 1958; *H. Frankfort.* Cylinder Seals; *E. Donglas Van Buren.* Entwined Serpents, Archiv für Orientforschung, Bd 10. Berlin, 1935—1936, p. 54—56; *Andre Parrot.* Glyptique Mesopotamienne. Paris, 1954; *G. Contenau.* La Glyptique Syro-Hittite. Paris, 1922.

[37] *P. Amiet.* La Glyptique..., pl. 4, № 95, 98; *P. Amiet.* Elam..., p. 270, fig. 200; ср. также *M. Tosi, R. Wardak.* The Fulloh Hoard: A New Find from Bronze Age Afganistan. East and West, 22, Rome, 1972, p. 9—17.

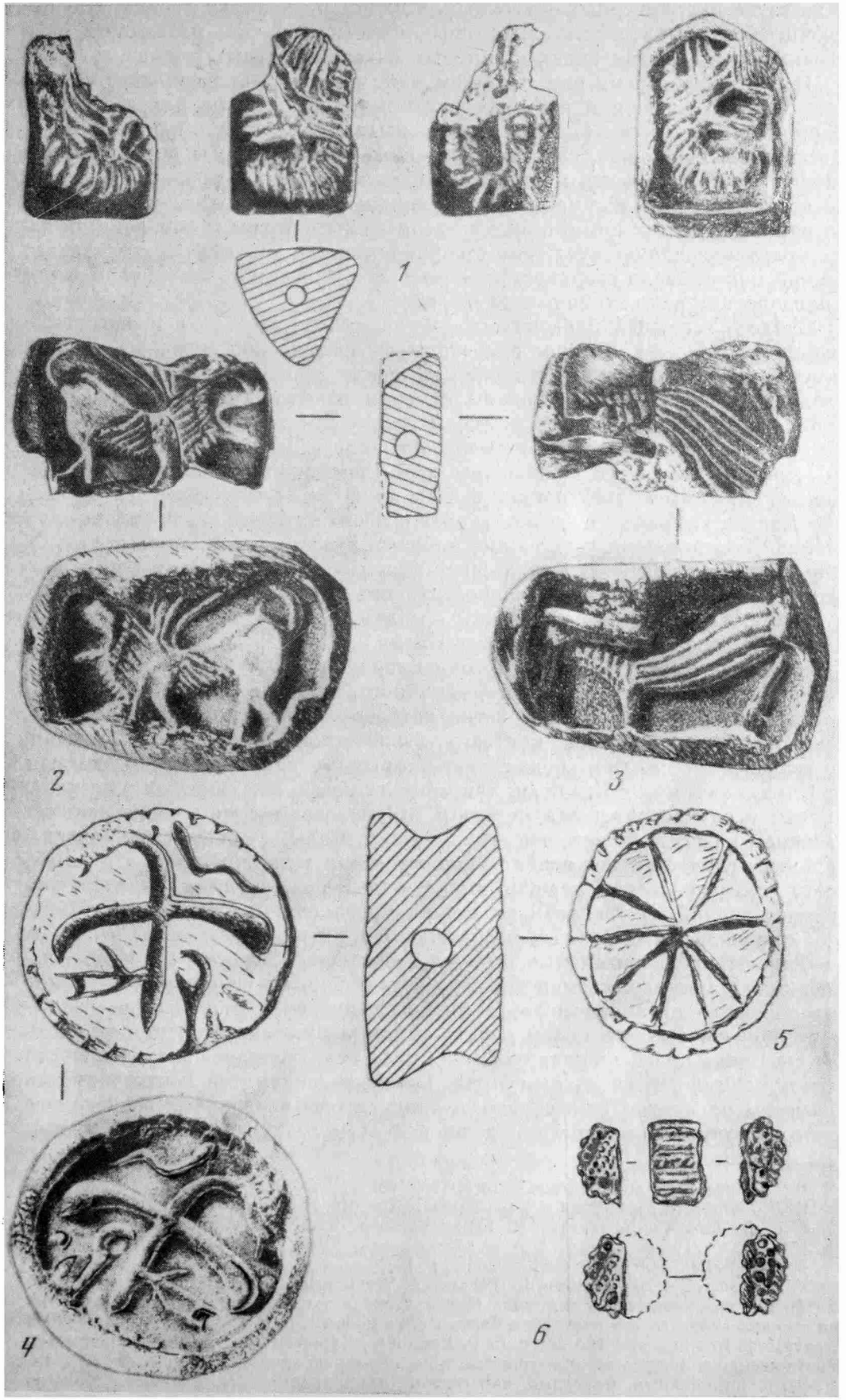
Рис. 19. Дашлы 1 и 6. *1* — каменная призматическая печать № 13 с изображением скорпионов и оттиск с нее; — *2* — каменная печать № 14 с изображением крылатого льва и оттиск с нее; *3* — оборотная часть той же печати с зооморфным изображением и оттиск с нее; *4* — печать № 15 с изображением птицы и ее оттиск; *5* — та же печать с оборотной стороны; *6* — печать № 16 с Дашлы 6 и ее оттиск

В связи с этим было высказано мнение, что муфлон и змея были священными животными уже у первых обитателей Ирана и Сузианы [38]. Более того, в системе древневосточной глиптики лишь в иранском мире мы встречаем сцены, сближающиеся с рисунками мургабских печатей. Имеется в виду сиалковское изображение козла со змеей, прильнувшей к его животу [39], определяемое как змея, сосущая молоко у козочки [40].

Со своей стороны отметим одновременные с сиалковским изображением рисунки свернувшихся в кольца змей, тянущихся к задним ногам козлов на расписной керамике Гиссара [41]. Думается, что гиссаро-сиалковские рисунки, хотя и в общей форме, но генетически предшествуют изображениям змей и животных на мургабских печатях-амулетах. Однако налицо усложнение семантической направленности этих сходных композиций — наряду со змеями уже появляются драконы, а главное (когда это можно установить), всегда изображены животные-самцы. Хотя отношение к змеям всегда было двойственное [42], все же представляется, что на мургабских печатях они в противоположность драконам выступают как положительное начало. В самом деле, общинники древнеземледельческого мира сразу выделили змею как существо, которое исчезает, уползая в земляную нору или соскальзывая в воду, и затем вновь появляется из земли и воды. Отсюда легко возникают поверья, что змеи связаны с секретными силами воды, которая в свою очередь идет из подземного мира, так что в конечном счете змея становится хтоническим существом, благословляющим плодородие в целом и культурные растения в особенности (Ван Бурен). Змея сбрасывает кожу, и это многими отсталыми народами объясняется как свидетельство возвращения молодости и продления жизни (Фрезер). Показательные близкие верования североамериканских индейцев, считающих, что змей — бог моря и подземного мира иногда появляется в виде каноэ и приносит счастье увидевшим его.

Но имеется еще один аспект — сексуальный, засвидетельствованный ранней глиптикой Гавры [43] и особенно недвусмысленной сценой на одном сосуде из Мари [44], так что высказано мнение о фаллическом символизме змеи, но опять-таки как носительницы идеи плодородия [45]. Думается, что в основе своей к этому кругу представлений в равной мере относятся как гиссаро-сиалковские, так и мургабские изображения сосущих змей, причем хронологический приоритет иранских рисунков не является случайным. Думается, что в конечном счете, отталкиваясь от таких сравнительно простых рисунков расписной керамики, складываются и прочно устанавливаются сюжеты, которые мы знаем по мургабской глиптике. Здесь же отметим, что на явно ритуальном сосуде с Тоголок 1 также имеются налепные змеи, которые, извиваясь, поднимаются от дна и заканчиваются

[38] *P. Amiet.* Elam..., p. 28.
[39] *R. Ghirshman.* Fouilles de Sialk. Paris, 1938, vol. I, Pl. LXV, No. 121.
[40] *P. Amiet.* La Glyptique..., p. 134.
[41] *E. Schmidt.* Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, pl. V.
[42] *П. М. Кожин, В. И. Сарианиди.* Змея в культовой символике анауских племен. Сб. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 35—40.
[43] *A. Tobber.* Excavations at Tepe Gawra, vol. II, pl. CLXVIII, 87; pl. LVIII, 41.
[44] *A. Parrot.* Les Fouilles de Mari. Syria, v. XXX, 1953, p. 203, fig. 4.
[45] *P. Amiet.* La Glyptique..., p. 134.


1
2
3
4
5
6

у животов скульптурных животных, идущих по венчику сосуда. Налицо прочно устоявшийся ритуально-мифологический мотив, находящий свое отражение во многих видах культовых изделий местных племен.

В настоящее время еще слишком мало данных для раскрытия семантики этих изображений на мургабских амулетах. Тем не менее в общей форме можно допустить, что рептилии пытаются похитить какие-то могущественные, возможно, сверхъестественные силы, которые присущи этим животным. В этой связи можно вспомнить авестийскую традицию, согласно которой из тела и семени быка возникли растения и животные. Правда, на наших амулетах помимо быков изображены и тигры и антилопа, но во всех случаях наличествует тема приобретения (похищения) живительного семени как символа сверхъестественных сил, связанных в конечном счете с плодородием в его хтоническом аспекте.

С идеей всеобщей плодовитости, по-видимому, связано и изображение скорпиона (рис. 9), которое сопровождает эротические сцены на месопотамских печатях [46], что предполагает связь скорпиона с человеческой плодовитостью. Со своей стороны отметим известное изображение скорпионов в Иране как на севере [47], так и юге [48] и полное отсутствие их в искусстве долины Инда [49] и первое появление в Туркменистане, но лишь на мургабских печатях. В последнее время рисунок скорпиона, выгравированный на амулете трехгранной формы (рис. 19, *1*) обнаружен на поселении Дашлы 1, причем в данном случае особого интереса заслуживает сама специфическая форма трехгранной призмы, известной еще лишь в Анау [50]. Показательно, что печати такой формы неизвестны ни в Эламе, ни в Месопотамии, так что пока распространение их ограничивается афганотуркменистанским географическим ареалом с вполне вероятным включением в будущем и районов древнего Ирана.

Наконец, имеются амулеты, сохранившие рисунки предположительно саксаула (рис. 11 и 12), этого типичного, если не сказать единственного, вида растения, зеленые ветки которого символизируют собой продолжение жизни среди мертвого выжженного ландшафта пустыни. У туркмен до сих пор существует поговорка, адресованная бездетным родителям: «Пусть у Вас будет так много сыновей, как саксаула в песках», причем в случае рождения первенца его нарекают одним из нескольких названий разновидностей саксаула (черкез, гандым, аджар, сазак, сузен). В данном случае налицо аспект плодовитости, и если допустить, что одинаковые географические условия могут определять сходный образ жизни (представлений, верований), то можно предполагать близкое семантическое значение фитоморфных изображений на этих амулетах.

Таковы предварительные выводы, касающиеся печатей-амулетов, бытовавших у местных племен в эпоху поздней бронзы. Обнаруживая вполне определенные стилистические и иконографические параллели в древневосточной глиптике, в целом печати-амулеты мургабского стиля не находят себе пока прямых аналогов. Некоторым исключением являются печати культуры Джукар из долины Инда. Происхождение этой постхараппской культуры во многом еще неясно, и одни авторы определяют ее как хотя и выродившуюся, но позднехараппскую (В. Фаирсервис, Ж. Касаль),

---

[46] *L. Legrain.* Ur Excavations. Oxforg, 1963, vol. III, pl. 18, p. 48–50.

[47] *H. Schmidt.* Excavations st Tepe Hissar..., fig. 118, H-2698.

[48] *C. C. Lamberg-Carlovsky, M. Tosi.* Shahr-i-Sokhta and Tepe Jahja..., fig. 1 и fig. 121.

[49] *M. Wheller.* The Indus Civilization..., p. 103.

[50] *R. Pumpelly.* Explorations in Turkestan. Washington, 1908, p. 169, № 400. Близкая форма известна еще в глиптике Крита и среди так называемых хеттских печатей, однако сходство это считается чисто формальным. Ср. *E. Schmidt.* Archaeological Excavations in Anau and Old Merv, in P. Pumpelly, Explorations..., p. 182. Отметим три керамические и фаянсовые трехгранные призмы, определяемые как оттиски, но с типичными индийскими мотивами хараппской цивилизации (*J. Marshall.* Mohenjo Daro..., pl. CXVIII, *9*, *10*, *12*).

а другие — как совершенно новую пришлую культуру (С. Пиггот, К. Дикшит). Но независимо от этого, все авторы единодушны в том, что печати культуры Джукар резко отличны от собственно хараппских и имеют западное происхождение [51]. Наиболее полная и представительная коллекция этих печатей происходит с холма Чанху-Даро II из слоев культуры Джукар. Эти печати-амулеты, глиняные или каменные, круглой или овальной формы со сквозным отверстием или петелькой с тыльной стороны; на одной или на обеих плоскостях выгравированы изображения по преимуществу в виде простых геометрических рисунков, реже животных [52]. По Е. Маккею, печати-амулеты культуры Джукар ближе всего напоминают архаические эламские, которые, однако, по крайней мере на 1000 лет древнее их; с другой стороны, как по форме, так и рисункам перекликаются они и с так называемыми хеттскими печатями. Далее предполагается, что в эламском искусстве могло произойти воскрешение древних форм и рисунков на печатях, которые, вероятнее всего, имеют западное происхождение, причем из этого же источника могут происходить печати культуры Джукар [53].

Если сравнить мургабские и чанхударовские печати-амулеты, то между ними нельзя найти прямые аналогии, но косвенные данные могут свидетельствовать об их общем происхождении. Отметим, что среди других находок из дельты Мургаба имеются каменные и керамические печати с ручками на обороте круглой, квадратной и прямоугольной форм и простыми геометрическими орнаментами, достаточно близкие аналогичным из Чанху-Даро [54]. С другой стороны, амулеты без ручек и с отверстиями для шнурка для этого времени известны лишь в долине Инда, Южном Туркменистане, Северном Афганистане и Сузиане. Отметим и сходные индийские рисунки, как, например, «плетенки»; этот мотив настолько редок, что Е. Маккей без колебания определил амулет с подобным изображением как импорт из Сузианы [55]. Следует особо отметить индийский амулет [56] с изображением птицы похожей на орла [57], близкое соответствие которому (как по общей форме, так и по двустороннему рисунку) имеется в Северном Афганистане (рис. 19, *4*). Рисунки птиц на обоих этих амулетах выполнены предельно схематично, так что отдельные детали (лапки?) читаются с трудом. На афганской печатке показателен рисунок змеи в поле, за головой птицы; хотя подобного изображения нет на этом индийском экземпляре, общая трактовка орлоподобной птицы такова, что Е. Маккей определил ее как рисунок трех змей [58]. Змеи под крыльями орла изображены на амулете из Хараппы [59], что весьма показательно в плане выявления общих иконографических параллелей глиптики долины Инда, Туркмении и Афганистана в конце II тысячелетия до н. э.

Итак, можно считать установленным, что как печати культуры Джукар, так и печати мургабского стиля и примыкающие к ним североафганские печати имеют западное происхождение с предположительным центром в Сузиане. Менее ясны параллели с так называемой хеттской глиптикой северной Сирии, где в III тысячелетии до н. э. распространяются цилиндры месопотамского типа и лишь позднее печати-амулеты с местными изображениями [60], находящими параллели в индо-афгано-туркменистанских. Думается, что параллели эти носят больше формальный характер и скорее

---

[51] *K. N. Dikshit.* Harappa culture and its oftermath, Archeocivilization. 3, 4, Paris, 1967, p. 28—29.
[52] *E. Mackay.* Chanhu-Daro Excavations. New Haven, 1943, p. 140—144, pl. XLIX, L.
[53] *E. Mackay.* Chanhu-Daro..., p. 144.
[54] *E. Mackay.* Chanhu-Daro..., pl. XLIX, 6, 14, 15.
[55] *E. Mackay.* Chanhu-Daro..., p. 144, pl. L, 4.
[56] Ibid., pl. L, 15 u 15a.
[57] *M. Wheller.* The Indus Civilization..., p. 103.
[58] *E. Mackay.* Chanhu-Daro..., p. 142.
[59] *M. Wheller.* The Indus Civilization..., p. 103.
[60] *D. G. Hogarth.* Hittite Seals. Oxford, 1930, p. 103.

отражают одинаковую, но независимую стадию развития глиптики, которая везде в древневосточном мире начинается с так называемых пуговичных печатей. Но как было показано выше, рассматриваемые печати-амулеты как долины Инда, так и дельты Мургаба резко отличны от местных предшествующего времени, что было связано с распространением новых племен (археологический комплекс Намазга VI) из одного общего, вероятнее всего древнеиранского центра [61].

Не останавливаясь на чисто археологических доказательствах, отметим, что и в долине Инда [62] и в Южном Туркменистане [63] вместе с распространением новых типов печатей полностью прекращается практика изготовления антропоморфной пластики, что, бесспорно, свидетельствует об изменениях в идеологических представлениях местного населения. Заметим, что многие авторы видят в носителях джукарской культуры приход новых индоевропейских племен на индийский субконтинент, причем одним из важных доказательств арийского нашествия являются печати с Чанху-Даро [64]. Без новых письменных данных вопрос «арийского нашествия» еще долго будет оставаться остро дискуссионным, и, конечно, появление новых типов печатей, булавок и проушных топоров никак не решает всей проблемы.

Выше мы пытались показать, что мургабские печати в целом связаны с культом плодородия, и в таком случае налицо лишь замена культовой обрядности при сохранении общих представлений. В этой связи интересно, что к крепости Гонур 1 примыкает обширный бугор, представляющий собой сплошной мощный зольник, идущий от самого материка. Не исключено, что это «жертвенное место», отражающее распространение новых форм культовой обрядности, с которыми связаны были печати-амулеты мургабского стиля. Наряду с ними, и это следует специально отметить, были распространены каменные и особенно металлические перегородчатые печати, имевшие явно «светский» характер и принадлежавшие в основном купцам-тамкарам.

V. I. Sarianidi

CACHETS — AMULETTES DE STYLE MOURGABIEN

Résumé

Des études archéologiques dans l'ancienne Marghiane (Turkménie) ont révélé une petite collection de cachets-amulettes de pierre, datant de la deuxième moitié du IIème milliénaire av. n. ère, sur lesquels sont gravées des figures d'hommes, d'animaux, d'oiseaux, de reptiles et de plantes, formant assez souvent des compositions laconiques mais présentant un sens complet. Des scènes représentant des animaux avec des serpents qui sucent leur lait, attirent particulièrement l'attention; fréquemment les animaux sont attaqués par des dragens furieux. Le sens possible de telles scènes réside dans l'appropriation violente des semences de vie par les serpents, qui, à leur tour, personnifient l'idée de la fécondité dans son aspect chthonien. En somme, l'idée essentielle des amulettes de Mourgab c'est la lutte du bien (les animaux, et peut-être les serpents) et du mal (les dragons), qui trouve un certain écho dans les récits de l'Avesta et du Rig-véda. Les cachets du type mourgabien constituent, dans leur ensemble, une collection unique parmi les pièces connues de la glyptique antique en Orient. Toutefois, on trouve des répliques stylistiques, et méme une fois iconographique (lutte de Gilgamesh contre le taureau). dans la glyptique des pays limitrophes. De plus, cette collection n'est pas d'origine locale, et est due vraisemblablement à la pénétration en direction de l'Ouest d'anciennes tribus venues de l'Iran.

---

[61] *В. И. Сарианиди.* Бактрия в эпоху бронзы. СА, 1974, 4.
[62] *E. Mackay.* Chanhu-Daro..., p. 151.
[63] *В. Массон, В. Сарианиди.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973.
[64] *R. Heine-Geldern.* The Coming of the Aryans and the end of the Harappa Civilization. Man, October, 1956, v. LVI, p. 138.

А. Л. НИКИТИН

ЭПОХА БРОНЗЫ НА ПЛЕЩЕЕВОМ ОЗЕРЕ

Для всего Волго-Клязьменского междуречья выделение эпохи бронзы как самостоятельного периода древней истории в значительной мере носит условный характер. На этой территории нет месторождений медных руд, а вторичная металлургия, по-видимому, никогда не получала достаточного развития. Собственно металлический период начинается здесь только с разработкой местных железных руд (болотных).

Тем не менее выделение II тысячелетия до н. э. (с точки зрения хронологии), или, более широко, всего суббореального периода (с точки зрения палеоклиматологии) в качестве особого этапа истории этих мест вполне обоснованно. Именно в этот отрезок времени в связи с резкими климатическими изменениями глобального характера происходят мощные миграционные движения на Евразийском континенте. Их отголоски в виде вторгавшихся на территорию междуречья инокультурных групп отмечаются в верхних горизонтах неолитических поселений. Эти этнические сдвиги привели к проникновению в среду местных племен металлических орудий и окончательно утвердили производительные формы хозяйства — земледелие и животноводство, хотя вплоть до железного века металл отнюдь не вытеснил и в очень небольшой степени сократил употребление каменных и костяных орудий.

Началом изучения памятников эпохи бронзы на Плещеевом озере можно считать 1938 г., когда Я. В. Станкевич и П. Н. Третьяков открыли и в следующем году частично раскопали курганный абашевский могильник на р. Кухмарь [1]. До этого из окрестностей Плещеева озера было известно лишь несколько каменных боевых топоров, хранящихся в Переславль-Залесском историко-краеведческом музее, да обломки любопытного сосуда, найденные в начале 20-х годов на дюнах р. Куротни В. Е. Елховским. Раскопки Кухмарского курганного могильника были продолжены в 1959—1960 гг. Д. А. Крайновым [2] и И. К. Цветковой. Незадолго до этого автором были начаты широкие археологические исследования в Переславском районе, и следы поселений эпохи бронзы были обнаружены на таких неолитических памятниках, как Польцо, Векса III и Сомино II [3]. Как выяснилось во время раскопок 1961 г., многослойное поселение Польцо в верхних слоях I раскопа представило наиболее полный «реестр» культур эпохи бронзы, появлявшихся на берегах Плещеева озера [4]. В это же время была обнаружена и выделена в качестве финальной культуры бронзового века культура «ложнотекстильной» керамики, известная до этого в Верхнем

[1] Краткий отчет П. Н. Третьякова. Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 1, 1937, № 260; *Я. В. Станкевич.* Дневник Ярославской археологической экспедиции. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 1, 1939, № 85. *П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков.* Абашевская культура в Поволжье. МИА, 97, 1961.

[2] *Д. А. Крайнов.* Кухмарский курганный могильник. КСИА, АН СССР, 88, 1962.

[3] *А. Л. Никитин.* Отчет об археологической разведке в Переславском районе Ярославской области в 1957 году. Архив ИА АН СССР, Р-1, 1637.

[4] *Он же.* Многослойное поселение Польцо. СА, 1975, 3.

Поволжье на городищах и поселениях. На Плещеевом озере таким городищем является известная Александрова гора близ д. Городище, затронутая раскопками многих археологов [5]. Наиболее ранним и интересным памятником культуры «ложнотекстильной» керамики оказался могильник Дикариха, открытый в 1959 г. и полностью исследованный в 1959—1961 и 1964 гг [6]. Последующее развитие этой культуры можно видеть в верхних слоях поселений на оз. Сомино и на однослойном памятнике Плещеево III [7], открытых еще в 1957 г.

Традиционный взгляд на древнюю историю Волго-Окского междуречья связывает появление первых медно-бронзовых изделий в этих краях с фатьяновской культурой. В целом подобный взгляд не вызывает возражений. Однако мне представляется вероятным, что проникновение «фатьяновцев» на данную территорию происходит много раньше, чем у них появляются изделия из импортного металла. Такое предположение, на мой взгляд, подтверждает находка двух крупных фрагментов раннефатьяновских (?) сосудов, лежавших под золой на дне одного из древнейших очагов (третий, нижний горизонт очагов) на кв. 29/И III раскопа Польца под ненарушенными слоями классического ямочно-гребенчатого неолита [8]. Во избежание недоразумений следует отметить еще раз, что эти фрагменты не имеют ничего общего ни с комплексом «балановской» керамики 1—2-го горизонтов III раскопа, ни с «фатьяновской» керамикой верхних слоев I раскопа. Поскольку комплекс ямочно-гребенчатой керамики III раскопа с наибольшей достоверностью датируется серединой атлантического периода [9], появление этих «фатьяновцев» на берегах Плещеева озера приходится отнести к концу IV — началу III тысячелетия до н. э.

Трудно сказать, как развивались отношения между пришлыми скотоводами и аборигенами. Возможно, группы фатьяновцев были слишком малочисленны, чтобы, занимая поймы, луга и свободные от леса водоразделы, серьезно озаботить своим присутствием местных жителей. В окрестностях Плещеева озера до сих пор неизвестны достоверные фатьяновские могильники, если не считать указания П. Н. Третьякова на существование какого-то могильника у с. Соломидино [10]. Вероятно, такие памятники все же существуют, и только полная неразработанность хронологии и возможности датирования фатьяновских древностей заставляет смешивать воедино каменные топоры, найденные на Талицком болоте [11], и случайные находки подобных же топоров на Польце и в других местах [12].

Исходя из стратиграфических наблюдений на I раскопе Польца, я склонен отнести все находки фатьяновской керамики в 1-м горизонте III раскопа и в верхних слоях I раскопа Польца (рис. 1, *1—2, 10*), равно как и встреченные здесь же обломки боевых топоров и высверлины при их изготовлении [13], к середине или даже ко второй половине II тысячелетия до

---

[5] *А. Спицын.* Новые сведения о городищах Дьякова типа. ЗОРСА РАО, VII, 1, 1905, стр. 85.

[6] *А. Л. Никитин.* Дикариха. По материалам раскопок 1959—1960 гг. МИА, 110, 1963; *его же.* Могильник Дикариха на Плещеевом озере. СА, 1973, 2.

[7] *Он же.* Отчет о работах Переславского неолитического отряда в Переславском районе Ярославской области в 1964 году. Архив ИА АН СССР, Р-1, 4178.

[8] *А. Л. Никитин.* Отчет о действиях Переславского отряда ВВАЭ ИА АН СССР в 1961 году. Архив ИА АН СССР, Р-1, 2335.

[9] *Он же.* Многослойное поселение Польцо.

[10] *П. Н. Третьяков.* Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья. Ярославль, 1939.

[11] На Талицком болоте было найдено погребение с боевым топором, а также одиночные боевые топоры, в том числе и с остатками деревянных рукояток, сохранивших устройство обвязки. В работе Д. А. Крайнова (*Д. А. Крайнов.* Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-калининская группа. Археология СССР. САИ, В 1—20. М., 1964, стр. 51, № 150) описана стратиграфия находок, но сами находки, к сожалению, не датированы ни методом пыльцевого анализа, который дает прекрасные результаты для торфяников, ни радиоуглеродом, столь же точным в подобной ситуации.

[12] *Д. А. Крайнов.* Ук. соч., № 142—158, стр. 51.

[13] *А. Л. Никитин.* Многослойное поселение Польцо.

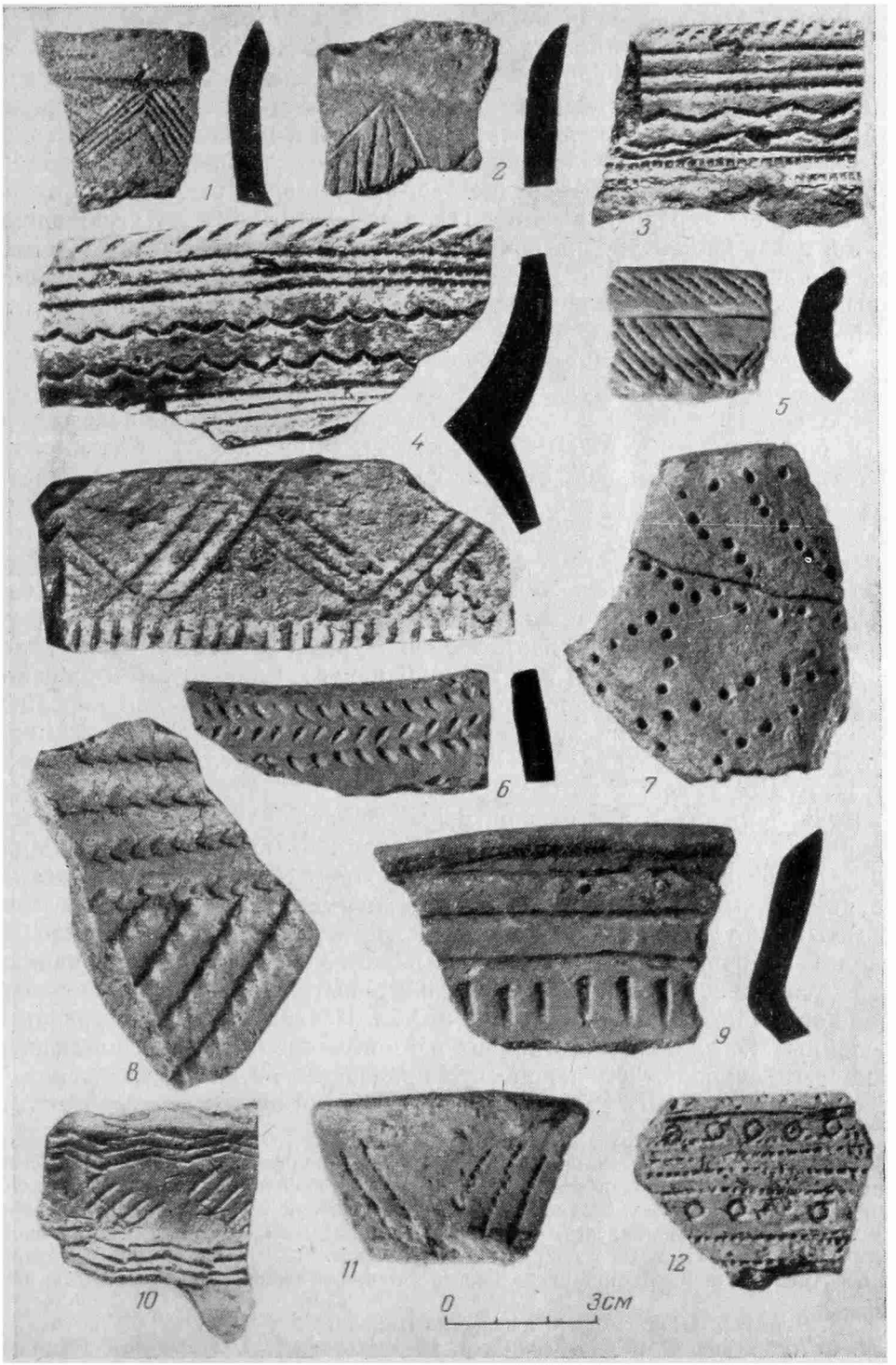


Рис. 1. Керамика эпохи бронзы. *1–4*, *6–10*, *12* – Польцо; *5*, *11* – Дикариха

н. э., связывая их не столько с местной, «ярославской», сколько с восточной, «балановской» группой этой культуры. Эту точку зрения подтверждает неоднократно опубликованный черепок из III раскопа Польца, фрагменты небольшой шаровидной амфоры, а также значительно более поздний слой единственного фатьяновского поселения в этом районе (рис. 1, *5*, *11*), датируемый О. Н. Бадером временем около XII в. до н. э.[14]

Попытки расчленить многочисленные комплексы Польца в связи с наблюдениями над геоморфологией памятника[15] оказались успешными, и выводы эти были подтверждены стратиграфией стоянок на Ивановском болоте[16]. Сейчас можно утверждать, что мощный и продолжительный климатический оптимум в атлантикуме имел свое дальнейшее развитие в суббореале при более низких среднегодовых температурах и лишь на короткое время был прерван в конце III тысячелетия до н. э. увеличением осадков и повышением уровня почвенных вод. Результатом этого процесса оказался значительный сдвиг к северу лесостепных сообществ, что привело во II тысячелетии до н. э. к появлению на берегах Плещеева озера представителей иных, в частности более южных культур, отметивших начало «первого великого переселения народов».

Наиболее мощный инокультурный массив, отмечаемый для первой половины II тысячелетия до н. э. на памятниках Волго-Клязьменского междуречья, определяется нами как «волосово II»[17], впоследствии дающее керамику типа Рождественской стоянки[18]. Исходным районом этой культуры для Плещеева озера являются низовья Оки и Клязьмы[19], хотя по технологическим приемам в керамике (примесь шамота и раковины, горшковидные и баночные формы с плоским днищем, иногда слабой ребристостью), системе орнамента, знакомству с южным металлом и развитым производящим хозяйством можно предполагать ее давние (может быть генетические?) связи с более ранними культурами степной и лесостепной зоны (например, катакомбной или полтавкинской). Следы этого вторжения отмечены на поселении Ивановское III, некоторое количество подобных черепков имеются в материале I раскопа Польца, и, видимо, этой же культуре принадлежит поселение на Вашутинской стоянке, исследованное в 1959 г. И. К. Цветковой[20].

Многочисленность иммигрантов, отразившаяся в мощных слоях и в «засоренности» этой керамикой многих стоянок, высоко развитое (для этих мест) производящее хозяйство с земледелием (отпечатки зерен злаков на сосудах — ячмень, пшеница) и животноводством (корова, свинья, мелкий рогатый скот), наконец, знакомство с металлом в корне изменили хозяйство и быт аборигенов Волго-Клязьменского междуречья. Первоначально создается впечатление, что пришельцы вытеснили или уничтожили местное население. На самом деле это не так. Исследуя верхние горизонты многослойных поселений этого района и многочисленные однослойные памятники того периода, замечаешь, что произошла не смена населения, а смена облика культуры. Так, например, изменяется ямочно-гребенчатая

[14] *А. Л. Никитин.* Дикариха. Раскопки 1961 и 1964 гг.; *О. Н. Бадер.* Балановский могильник. М., 1963, стр. 276. Во время раскопок Б. Я. Фоломеева летом 1971 г. на поселении Плещеево III им был найден за пределами поселения слой с керамикой, наиболее близкой материалу поселений среднеднепровской культуры. Наличие этого слоя в непосредственной близости от курганных насыпей, открытых мной около поселения Плещеево III в 1964 г. (см. *А. Л. Никитин.* Ук. Отчет за 1964 г). ставит вопрос о возможности продвижения на берега Плещеева озера какой-то группы этих племен.

[15] *А. Л. Никитин.* Многослойное поселение Польцо.

[16] *М. И. Нейштадт, Ф. С. Завельский, А. М. Микляев, Н. А. Хотинский.* Комплексы стоянок мезолита и неолита на болотах Берендеево и Ивановское в Ярославской области. Сб. «Голоцен». М., 1969.

[17] *А. Л. Никитин.* Существовала ли волосовская культура? СА, 1974, 2.

[18] *Он же.* Рождественская стоянка на озере Неро. СА, 1965, 1.

[19] *А. Л. Никитин.* Существовала ли волосовская культура?

[20] *И. К. Цветкова.* Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля-Залесского. Тр. ГИМ, 37, 1960.

керамика: на ней появляется геометрический узор из нарезок и отпечатков крупного зубчатого штампа, исчезает коническая ямка, заменяясь разнообразными ямочными вдавлениями. Наконец, в тесте подобных «гибридных» сосудов появляется шамот — наиболее верный показатель контакта с пришлыми культурами юга (рис. 1, *7*).

К середине II тысячелетия до н. э. «волосово II» как самостоятельная культура перестает существовать. Памятью о ней могут служить слои таких поселений, как Плещеево I, где в керамике можно видеть прямое ее наследие [21], слои Кухмарских стоянок [22], находки на дюнах Куротни и некоторые другие памятники (рис. 1, *6, 8*).

Трудно утверждать с определенностью, но в системе нашей относительной хронологии следом за «волосовым II», по-видимому, следует поставить абашевскую культуру. О какой-то взаимозависимости этих двух культур свидетельствуют споры вокруг материала Сейменской дюны, а также присутствие абашевской бронзы в слоях многих «поздневолосовских» памятников [23]. Что же касается Кухмарского курганного могильника, представляющего эту культуру здесь, и взаимоотношений абашевских и фатьяновских племен, то для р-на Плещеева озера решающей оказывается стратиграфия могильника Дикарихи, о котором еще пойдет речь. Во всяком случае, если установленная мной внутренняя стратиграфия могильника верна [24], то группа «абашевцев», оставившая Кухмарский могильник, попала на берега Плещеева озера значительно раньше последних «балановцев».

Впрочем, относительно атрибуции самого Кухмарского могильника среди археологов нет единодушия. Если его непосредственные исследователи относят подкурганные погребения к абашевской культуре (П. Н. Третьяков, Д. А. Крайнов), то Т. Б. Попова в недавней работе сочла возможным отнести этот могильник, как и могильник Дикариха, к «поздняковской культуре» [25].

Считая Кухмарский курганный могильник абашевским, я ставлю в прямую связь с ним очень определенный керамический комплекс, найденный в слоях эпохи бронзы I раскопа Польца, а также в аналогичных слоях некоторых других памятников Переславского района (Векса III, Сомино II и др.). Наиболее широко подобная керамика представлена в коллекции со стоянки Уница на оз. Неро [26]. Это обломки круглодонных шаровидных сосудов с широким и резко отогнутым венчиком, имеющим очень характерный профиль (рис. 1, *3—4*). Черепок легкий, пористый из-за присутствия в глине мелкой органической примеси, выгоравшей при обжиге, и мелкого шамота. Украшены сосуды оттисками мелкого и короткого зубчатого штампа, образующими непрерывный зигзаг или параллельные линии. Как правило, орнамент нанесен и на внутреннюю широкую поверхность венчика.

В свое время подобную керамику А. Х. Халиков предложил называть «чирковско-сейменской» [27], объясняя ее появление воздействием балановских племен на местные «поздневолосовские» племена, результатом чего явился знаменитый Сейменский могильник [28]. Обнаружив эту керамику

---

[21] *А. Л. Никитин.* Ук. отчет за 1964 г.

[22] *Д. А. Крайнов.* Отчет о работе Верхне-Волжской археологической экспедиции ИА АН СССР за 1959 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2008.

[23] *И. К. Цветкова.* Ук. соч., стр. 50.

[24] *А. Л. Никитин.* Могильник Дикариха на Плещеевом озере (раскопки 1961 и 1964 гг.). СА, 1973, 2.

[25] *Т. Б. Попова.* Карта памятников поздняковской культуры, в кн. Тр. ГИМ, 44, 1970, стр. 259.

[26] Коллекция из раскопок Д. Эдинга в собрании Ростовского историко-архитектурного музея-заповедника.

[27] *А. Х. Халиков.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Йошкар-Ола, 1960.

[28] *Он же.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, стр. 200.

в 1957 г. на Польце, я счел ее абашевской [29], предположив, что ее появление на этом памятнике связано с погребенными в кухмарских курганах. Как оказалось, подобная точка зрения была не нова. В 1928 г. Н. Н. Бортвин [30], а в 1961 г. Е. И. Горюнова [31] рассматривали аналогичную керамику Галических кладов как абашевскую. Действительно, при раскопках 1959 г. в кургане 13 Кухмарского могильника Д. А. Крайнов обнаружил подобный сосуд, особенно примечательный своей пиктограммой на внутренней поверхности венчика [32]. Размеры, форма, состав теста и орнамент этого сосуда полностью соответствуют керамике указанной группы. Правда, следует отметить, что сама абашевская культура на Плещеевом озере (как и вообще на Верхней Волге и в Костромском Заволжье) представлена вариантом, весьма далеким от памятников Среднего Поволжья и Южного Приуралья.

Устанавливая последовательность появления новых этнокультурных групп и изменение облика материальной культуры на берегах Плещеева озера, приходится обращаться к культурам уже известным, хотя отдаленность их собственных территорий заставляет предполагать большое отличие между первоначальным «эталоном» и конечным переславским результатом. Так произошло, по-видимому, не только с абашевской, но и с поздняковской культурой, открытой в свое время О. Н. Бадером [33] и Б. А. Куфтиным [34] на двух памятниках — Поздняково и Подборное. Несмотря на стремление современных исследователей расширить границы обитания «поздняковских племен» на север в Заволжье [35], материалы известных памятников не подтверждают эту точку зрения. Поздняковская культура как приокский дериват лесостепных и степных культур эпохи поздней бронзы (в первую очередь срубной в ее приказанско-камском варианте), не продвинулась, как правило, севернее долины Оки. С другой стороны, занимая промежуточное положение между культурами лесного Волго-Клязьменского междуречья и лесостепными культурами юга, поздняковская культура оказалась «буферным государством» при формировании на лесной территории Восточной Европы близкой ей, но самостоятельной культуры «ложнотекстильной» керамики, отмечающей финальный этап эпохи бронзы и ранние стадии эпохи железа.

С этой точки зрения особенно показателен и интересен могильник Дикариха, расположенный на северо-восточном берегу Плещеева озера. Он возник во второй половине II тысячелетия до н. э. неподалеку от Кухмарского могильника и, по-видимому, отделен от него не очень большим временным интервалом. Полное и сравнительно подробное издание этого памятника позволяет здесь напомнить лишь некоторые основные выводы.

Могильник Дикариха представляет собой любопытный комплекс, где, как можно думать, совершались не столько реальные, сколько символические погребения [36] при сохранении древнего обряда, более всего напоминающего абашевский (рис. 2). Такими чертами является преобладающая

---

[29] *А. Л. Никитин.* Результаты археологической разведки 1957 года в Переславском районе Ярославской области. Тезисы докладов на 4-й Всесоюзной студенческой археологической конференции в Москве. МГУ, 1958.

[30] *N. N. Bortvin.* The Verkhny-Kizil Find. ESA, III. Helsinki, 1928.

[31] *Е. И. Горюнова.* Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94, 1961, стр. 20.

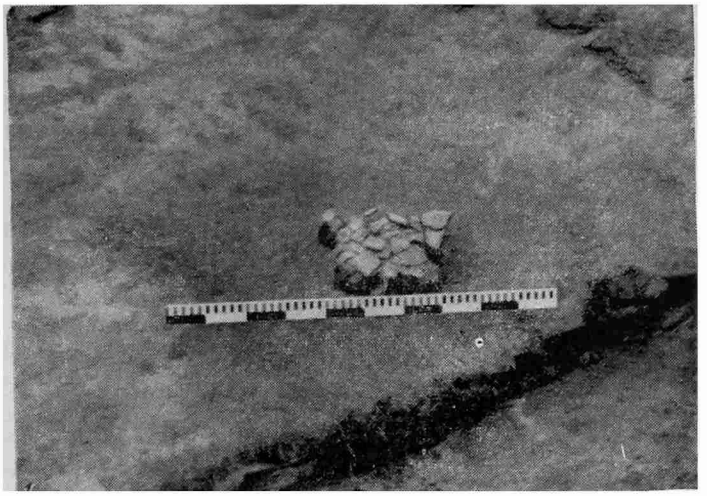
[32] *Д. А. Крайнов.* Кухмарский курганный могильник. КСИА АН СССР, 88, 1962, рис. 13 и 14, 5.

[33] *О. Н. Бадер.* Первобытное хозяйство на Оке и в Верхнем Поволжье. ВДИ, 1939, 3; *O. Bahder.* Kultur der Bronzezeit in Zentralrussland. SMYA, 59. Helsinki, 1957, S. 34—36.

[34] *Б. А. Куфтин.* Новая культура бронзовой поры в бассейне р. Оки на озере Подборном близ г. Касимова Рязанской губ., Сб. «Материалы к доистории Центрально-Промышленной области». М., 1927, стр. 45—48.

[35] *Т. Б. Попова.* Племена поздняковской культуры. Тр. ГИМ, 44, 1970.

[36] *А. Л. Никитин.* Могильник Дикариха.



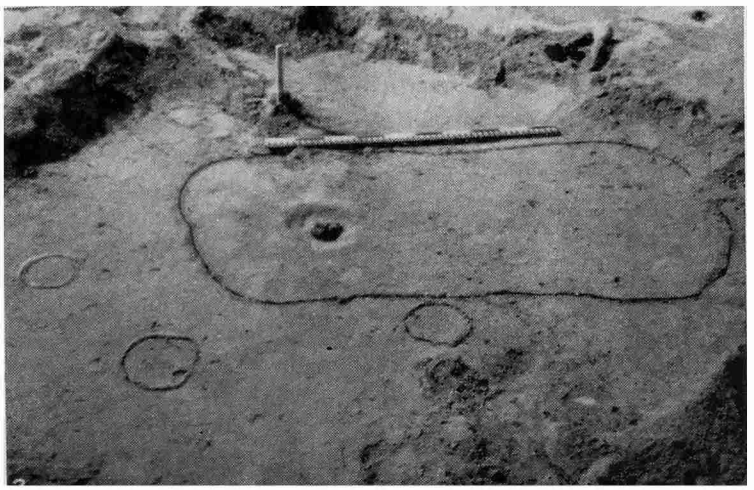


Рис. 2. Могильник Дикариха. *1* — сосуд 31 в яме 34, вид с востока; *2* — пятно ямы 36 с сосудом 35 и следами столбов

(46 из 58) юго-восточная или юго-юго-восточная ориентация погребальных ям, следы многочисленных оградок и надмогильных сооружений, остатки не менее многочисленных кострищ на территории могильника, постоянно отмечавшееся значение огня в погребальном ритуале.

Тем не менее разница между Дикарихой и Кухмарским могильником велика. Здесь уже отсутствуют курганные насыпи, бытуют совершенно иные формы сосудов, их орнамент и приемы изготовления, иные кремневые и бронзовые предметы. Большая часть сосудов, обнаруженных в погребальных ямах, имеет наибольшее сходство с керамикой срубной культуры в ее средневолжском варианте, тогда как скребки, например, повторяют тип, характерный для собственно Поздняковской стоянки [37]. Другая часть сосудов, встреченная в погребальных ямах поздней группы и в слое «тризн», неожиданно поражает возвращением к местным, еще неолитическим формам. Это крупные широкие сосуды с невысоким отогнутым венчиком, крутыми, выпуклыми боками и округлым или яйцевидным дном (рис. 3, *4*). За исключением сосуда № 48, происходящего из слоя, и небольшой группы черепков, вся керамика основного комплекса Дикарихи примесью своей имеет песок и дресву. Если вспомнить, что именно эти две

[37] Раскопки О. Н. Бадера и Б. С. Жукова в 1927 г. Коллекция № 80 в ОИПК ГЭ.

примеси отличали всегда керамику аборигенов Волго-Клязьменского междуречья от инокультурных племен, то становятся понятны и эти традиционные формы.

Среди остальных сосудов есть формы, схожие с происходящими из могильных комплексов Поочья, как схожи две близкие, но не тождественные культуры. Возможно, здесь сказалась разница тех компонентов, которые участвовали в создании культур «ложнотекстильной» керамики и поздняковской, а также «субстрата», на основе которого они создавались. Не слу-

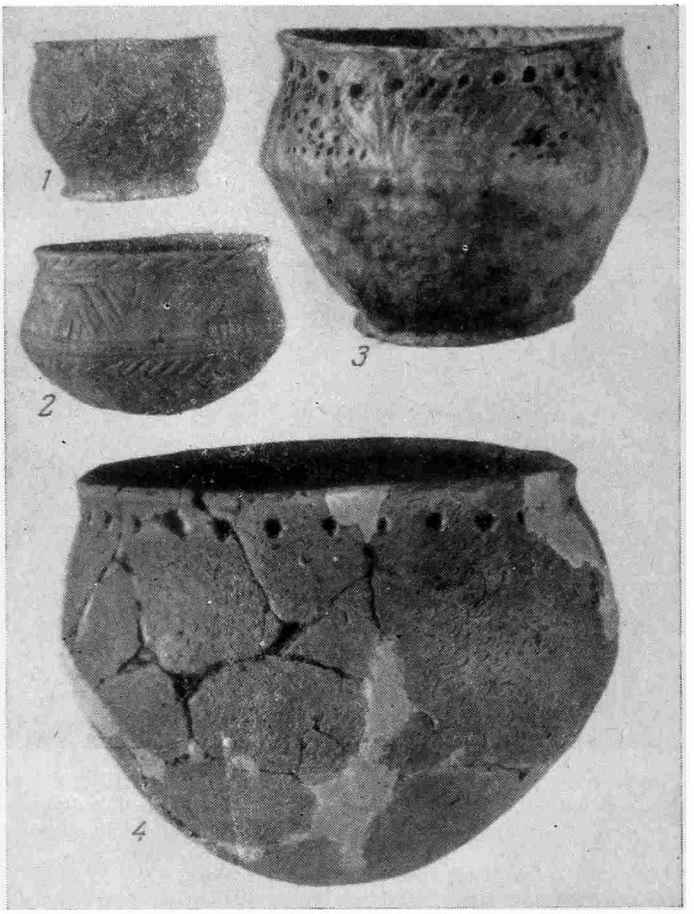


Рис. 3. Могильник Дикариха. *1* – сосуд 10; *2* – сосуд 47; *3* – сосуд 16; *4* – сосуд 12

чайно после многочисленных вторжений и инокультурных влияний, когда сложилось этническое единство Волго-Клязьменского междуречья, в гончарном производстве возникают формы сосудов и рецепты приготовления глины, апробированные еще мастерами неолита, тогда как на Оке эти рецепты были заимствованы вместе с формами от срубных племен.

Сложение культуры «ложнотекстильной» керамики во второй половине II тысячелетия до н. э. как бы подытоживает все многочисленные миграционные и диффузионные процессы, отразившиеся на населении этой территории. Одновременно здесь складывается многопрофильное натуральное хозяйство, в котором земледелие (пшеница, ячмень) и животноводство (корова, лошадь, свинья, собака, мелкий рогатый скот) дополняются рыболовством, охотой и, возможно, бортничеством [38].

[38] В последнее время Т. Б. Попова (*Т. Б. Попова.* Племена поздняковской культуры...), следуя за О. Н. Бадером (*O. Bahder.* Zur Erforschung der neolithischen Wohnplätze im Okatale, ESA, IV Helsinki, 1929, S. 100—101; *O. Bahder.* Kulturen der Bronze-

Дальнейшее развитие этой интереснейшей культуры, одним из ранних памятников которой является Дикариха, можно видеть на многих неолитических поселениях Верхней Волги, в том числе и на стоянках Плещеева озера. Расцвет этой культуры совпадает с новым климатическим оптимумом, отмеченным на стратиграфической колонке поселения Ивановского III слоем хорошо разложившегося торфа на глубине 0,42 *м* от поверхности [39]. Низкое стояние уровня грунтовых вод, открывшее для хозяйственного использования мягкие, плодородные пойменные и болотные земли, вызвало удивительный рост населения, отразившийся в увеличении числа памятников и резком расширении их площади. Таковы стоянки на северном берегу оз. Сомино, сливающиеся в один большой поселок, верхние слои стоянок на р. Векса, стоянки и селища на р. Куротне, на р. Симанце, селище между реками Кухмарь и Дикарихой, селище под с. Городище и мн. др. Характерно, что часть культурного слоя этих памятников в настоящее время находится ниже уровня вод, как это было прослежено О. Н. Бадером для Подборновской стоянки [40].

Наиболее ярким и исследованным памятником, дающим представление о материальной культуре следующего за Дикарихой, но наиболее близкого к ней этапа, является поселение Плещеево III, открытое в 1957 г. на западном берегу Плещеева озера и частично раскопанное в 1964 г. [41]. Поселение Плещеево III расположено на террасе, лежащей ниже денудированного древнего берегового вала. В отличие от положения культурного слоя неолитических стоянок группы «Плещеево» культурный слой этого поселения начинается сразу же под слоем дерна и уходит вглубь не более чем на 0,4—0,45 *м*. Таким образом, все находки оказываются заключенными в типичный подзол, представленный серо-белыми аморфными песками с большим содержанием пылевидных частиц.

Несмотря на кажущееся разнообразие керамики (рис. 4—6) и орудий (рис. 7), материал поселения исключительно единообразен, и весь комплекс может служить эталоном для определенного периода древней истории Волго-Клязьменского междуречья. Сосуды Плещеево III свиты из жгутов хорошо промятой глины и после лепки, по-видимому, иногда формовались выколачиванием. Применение последнего приема остается под вопросом, так как в изломе черепка нередко обнажаются «спайки» глиняных жгутов. Единственная примесь — дресва, часто очень крупная, и песок. Как пра-

zeit in Zentralrussland. SMYA, S. 34—36), объединяет поздняковскую культуру и культуру «ложнотекстильной» керамики, рассматривая последнюю лишь как «этап» развития и расселения поздняковских племен из долины Оки на север. Этот вывод основан, по-видимому, на частичном перекрывании ареала поздняковской культуры культурой «ложнотекстильной» керамики, общности исходных форм (срубная культура Среднего Поволжья) и прочих компонентов. Мне кажется, что это две родственных, но генетически не связанных культуры, одна из которых развилась на Средней Оке, а вторая получила первоначальный импульс в низовьях Клязьмы. В этом отношении чрезвычайно интересен материал Липкинской стоянки, раскопанной частично А. В. Збруевой в 1927 г., и являющейся наиболее ранним памятником культуры «ложнотекстильной» керамики, где чувствуются еще традиции предшествующей эпохи, но представлены уже основные типы сосудов как Дикарихи (рис. 3, *4*), так и следующего за ней Плещеева III (см. *A. V. Zbrueva.* Der Wohnplatz von Lipki im Gouv. Vladimir. ESA, IV. Helsinki, 1929, S. 102—115.).

[39] *М. И. Нейштадт, Ф. С. Завельский, А. М. Микляев, Н. А. Хотинский.* Комплексы стоянок мезолита и неолита на болотах Берендеево и Ивановское в Ярославской области. В описании опубликованного авторами разреза стоянки Ивановское III допущена ошибка, в результате которой на глубине 0,78 *м* от нулевой отметки оказался пропущен тонкий, не более 1,5—2,0 *см* слой разложившегося торфа, заключающий керамику типа Рождественской стоянки (поздний этап «волосово II»).

[40] *О. Н. Бадер.* Из последних наблюдений над стратиграфией окских стоянок в связи с палеоклиматической схемой Блитта-Сернандера. Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, 6—7, М., 1940.

[41] *А. Л. Никитин.* Ук. отчет за 1954 г. Радиоуглеродная дата, полученная для этого памятника (2480±50, ГИН-113), по-видимому, несколько занижена (уголь находился в пределах современного почвенного слоя и мог быть загрязнен свежей органикой), хотя она хорошо согласуется с датировкой подобной керамики по разрезу на поселении Ивановское III.

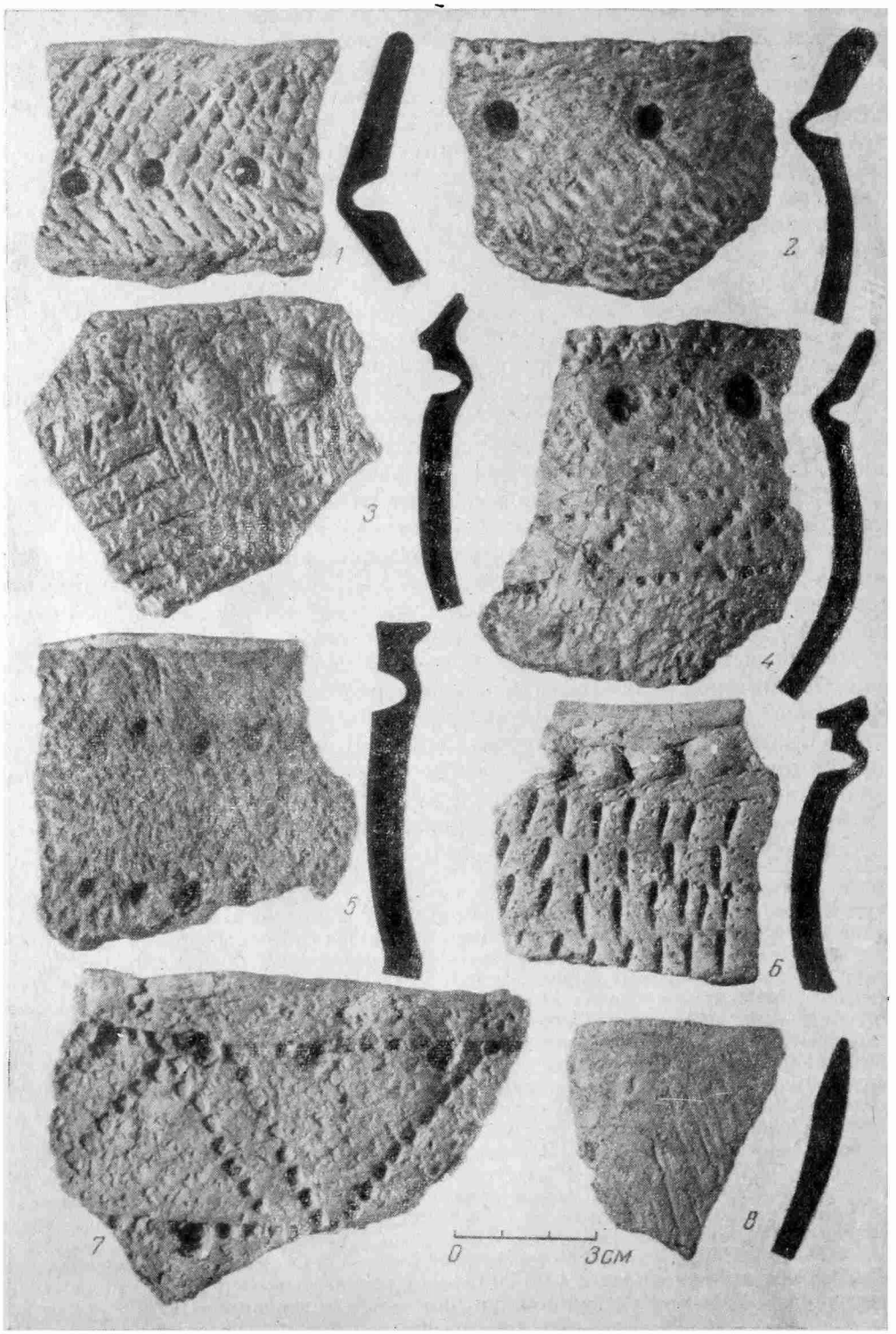


Рис. 4. Плещеево III. Керамика

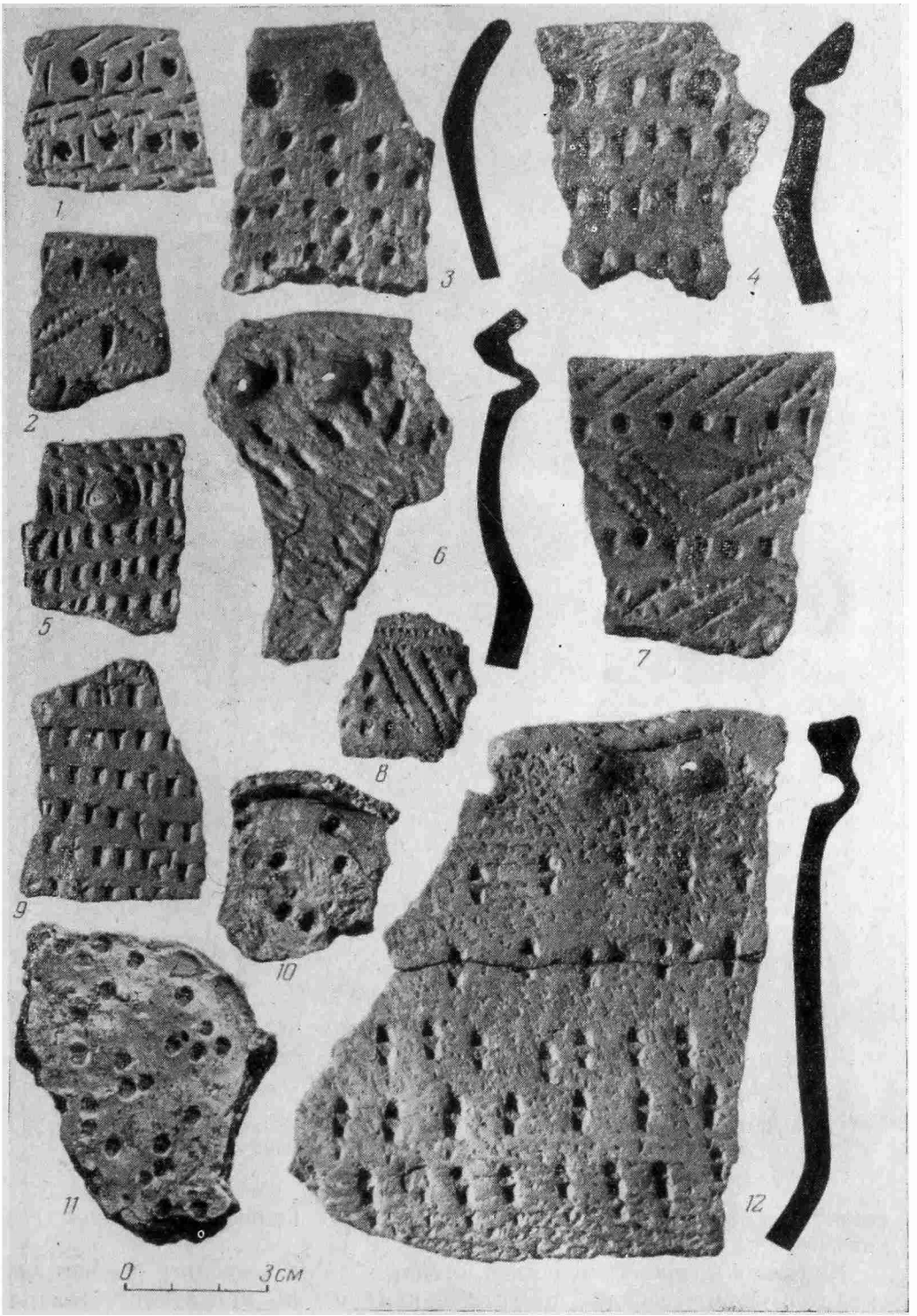


Рис. 5. Плещеево III. Керамика

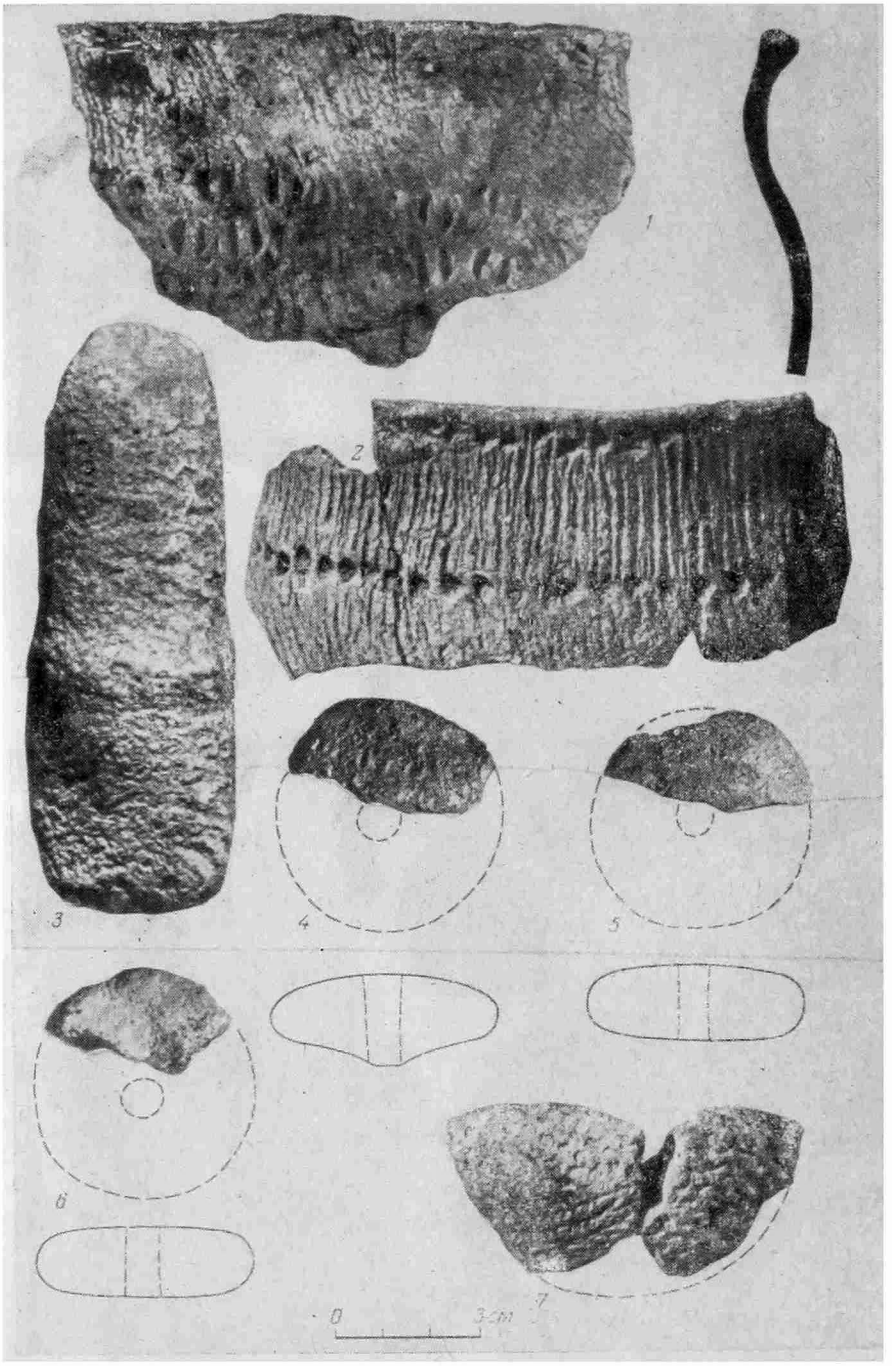


Рис. 6. Плещеево III. *1*, *2* — фрагменты сосудов; *3* — каменный топор-пест; *4—6* — глиняные грузики; *7* — обломок льячки

вило, при отделке изнутри и снаружи сосуд покрывался тонким слоем ангоба.

Изучение профилей венчиков, стенок и днищ позволяет реконструировать две формы сосудов, известные нам еще по могильнику Дикариха. Это, во-первых, округлый сосуд с крутыми выпуклыми боками (рис. 4, *2*, *4*) и, видимо, с округлым или яйцевидным дном, повторяющий формы сосуда 12 из Дикарихи (рис. 3, *4*); во-вторых — и их больше всего — сосуд с широким горлом, профилированной шейкой, четким ребром и конусообразной нижней частью, заканчивающейся небольшим плоским донцем

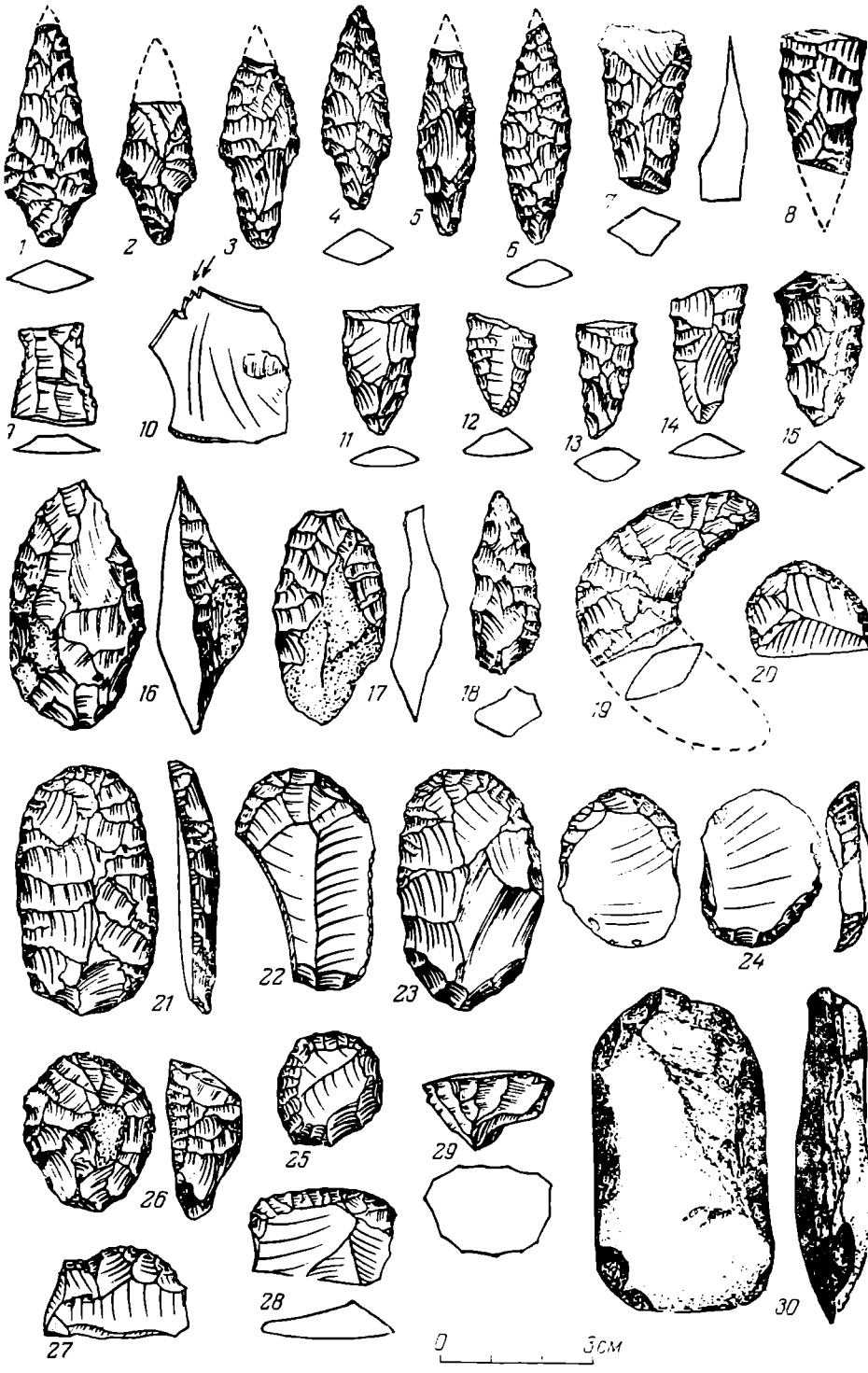


Рис. 7. Плещеево III. Каменные орудия. *1 – 29* – кремень, *30* – сланец

с закраинами (рис. 4, *3*, *5*, *6*; 5, *3*, *4*, *6*, *10—12*). Исходным типом для такой формы можно считать сосуд 47 могильника Дикарихи (рис. 3, *2*). Если первый из этих типов может рассматриваться как пережиток формы, то второй прослеживается очень долго и дает характерные формы сосудов верхневолжских городищ. Размеры сосудов варьируют в следующих пределах (в *см*): диаметр венчика — от 13 до 32, диаметр дна — от 4 до 10, возможная высота сосуда — от 10 до 40. Толщина стенок от 0,3 до 0,8 *см* (последнее обычно лишь для верхней части сосуда или дна).

Как правило, вся поверхность сосуда покрыта «ложнотекстильным» орнаментом, образующим «фон». Поверх него под венчиком или по шейке сосуда нанесен ряд ямчатых вдавлений снаружи (рис. 4, *1—2, 4, 7*; 5, *3—4*) или изнутри (выпуклины-«жемчужины») (рис. 4, *3*, *6*; 5, *5*, *6*, *12*). Ниже, по шейке и плечикам, располагается основной орнамент — нарезки (рис. 4, *3*), двойной или тройной зигзаг из оттисков зубчатого штампа (рис. 4, *7*; 5, *7*), заключенный между горизонтальными полосами таких же оттисков (рис. 5, *2*, *7—8*), как на сосудах Дикарихи, различные ямчатые и зубчатые вдавления. Следует отметить, что орнамент никогда не спускается ниже ребра сосуда и ограничен зоной шейки и плечиков. Характерный признак керамики этого комплекса — плоские донца с ямочными вдавлениями на внутренней стороне (рис. 5, *10, 11*). Керамика эта представляется настолько единой и типологически определенной, что ее без труда узнаешь на других памятниках (рис. 8). Единственным выпадением из общего строя являются несколько черепков от трех сосудов, характерных для несколько более позднего времени (рис. 6, *1*, *2*).

Из керамических предметов, не относящихся к посуде, следует указать разбитую льячку (рис. 6, *7*), украшенную таким же «ложнотекстильным» орнаментом. В глине ее много песка и нет дресвы, а на внутренней стороне сохранились стекловидные капли шлака. Кроме того, при раскопках найдены обломки трех терракотовых «колесиков» (рис. 6, *4—6*), глина которых содержит исключительно зерна шамота, а в одном из них (рис. 6, *4*) — примесь мелкой органики и отпечаток зерна ячменя.

Подобная деталь — примесь шамота только в «колесиках», которые, вероятнее всего, являются грузиками от ткацкого стана, может служить четким указанием на заимствование ткачества с юга. В дальнейшем подобные грузики уже изготавливают из обычной гончарной глины с характерными для нее примесями и украшают столь же типичным орнаментом (рис. 8, *7*). Грузики поздняковской культуры иные и по форме, и по орнаменту.

Совершенно исключительный интерес представляют кремневые орудия поселения Плещеево III. Насколько мне известно, это первый памятник, давший в сочетании с описанной керамикой чистый комплекс кремневых орудий, представленных сериями типов (рис. 7). Все эти орудия сделаны только на кремневых отщепах — ножевидных пластин не найдено, за исключением одного обломка, возможно, попавшего случайно (рис. 7, *9*).

В первую очередь внимание привлекают наконечники стрел с четко выраженным черешком и шипами, ромбические в сечении (рис. 7, *1—6*). Их обломки или обломки заготовок менее выразительны (рис. 7, *11—15*). Для всех орудий использовался пестрый валунный кремень, изредка встречается кремень, на котором сохраняются остатки корочки. Столь же четкие формы представляют скребки. Их два вида: вытянутые, овальные, сделанные на пластинах или пластинчатых отщепах с полной обработкой по краю (рис. 7, *21—23*), и округлые, на отщепах, с аналогичной обработкой ретушью (рис. 7, *20*, *24—26*). Из других орудий имеется наконечник сверла (рис. 7, *18*), обломок серповидного ножа (рис. 7, *19*) и сланцевый, тщательно отполированный топорик вкладышевого типа (рис. 7, *30*). Наконец, следует указать на каменный топор-пест (рис. 6, *3*) из серой кристаллической породы, обработанный точечной оббивкой, найденный в 1957 г. на территории памятника.

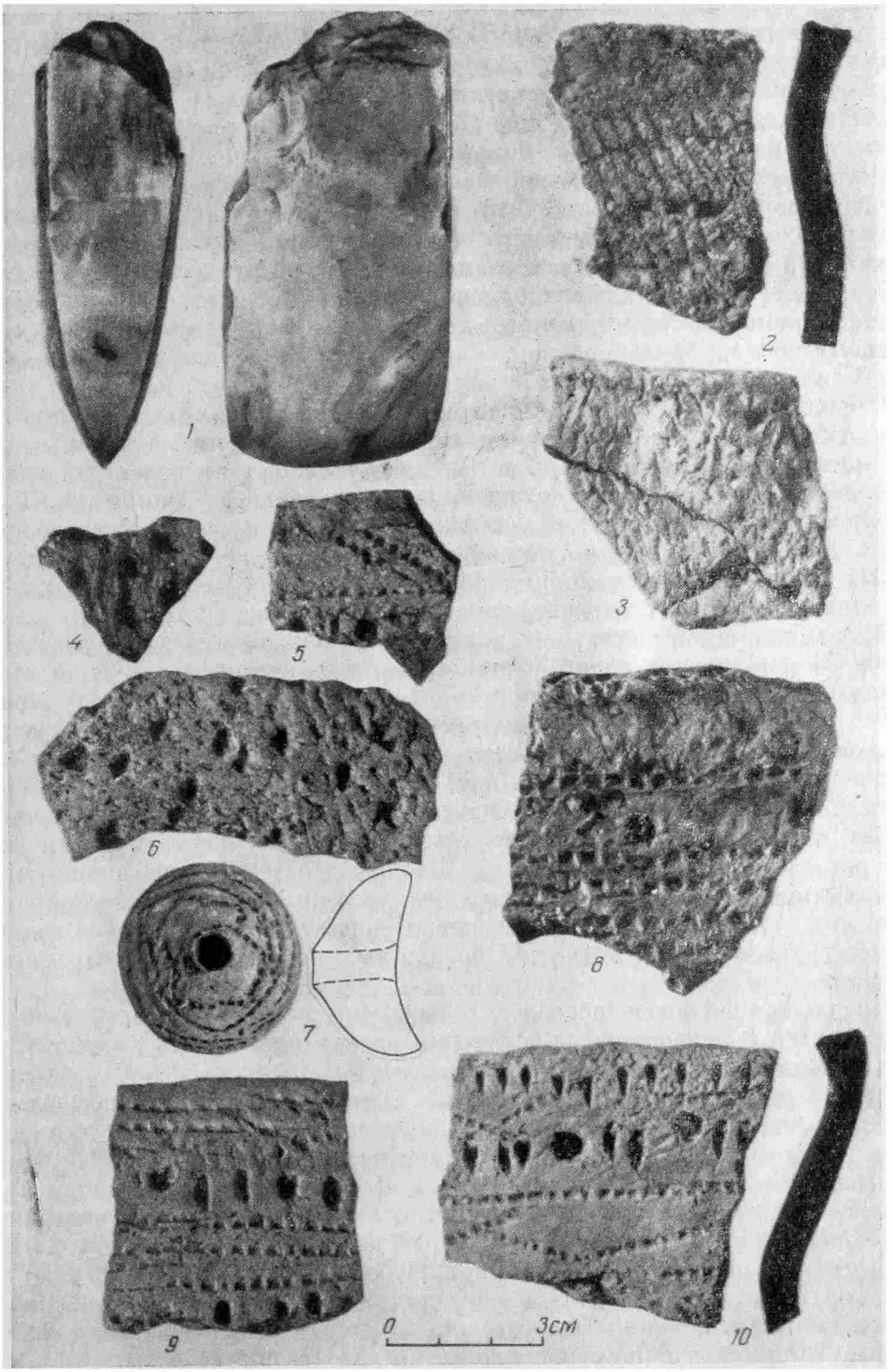


Рис. 8. Культура «ложнотекстильной» керамики. *1–3* находки Талицкого болота; *4–7* – стоянка Челынь на оз. Сомино; *8–10* – верхний слой поселения Польцо

В этой связи очень интересна находка на Талицком болоте, дополняющая наши сведения о каменных орудиях развитого периода культуры «ложнотекстильной» керамики, к которому я отношу Плещеево III. В 1958 г. у южного края Талицкого болота на одном из обширных и низких песчаных холмов, прорезанном балластным карьером, был обнаружен частично разрушенный очаг с линзой угля, а вокруг него — обломки двух сосудов, украшенных «ложнотекстильным» орнаментом (рис. 8, *2*, *3*). Здесь же находился клиновидный полированный топор толстообушного типа (рис. 8, *1*) из серого кремня, напоминающего кремень Шонена. Зачистка прилегающего участка дала еще несколько фрагментов этих сосудов. Все находки залегали на глубине 0,15—0,20 *м* под слоем современной почвы, перекрывающей яму очага. Таким образом, условия находки не оставляют сомнений в одновременности и взаимосвязанности этих предметов — топора, очага и горшковидных сосудов с «ложнотекстильным» орнаментом. Обычно кремневые полированные топоры подобного типа относят к последнему периоду фатьяновской культуры, и в комплексе культуры «ложнотекстильной» керамики они не встречались.

Рассматривая кремневый инвентарь Плещеева III, нельзя не заметить разницу между ним и кремневым инвентарем Дикарихи. Каменные орудия могильника [42] представлены и большим количеством категорий, и большим разнообразием типов, которые здесь сведены до минимума. Такое сокращение категорий орудий возможно лишь при широком употреблении металла, и весьма вероятно, что при дальнейших раскопках на Плещееве III или в непосредственной близости от этого поселения удастся найти уже не медеплавильную, а железоплавильную мастерскую.

Современное состояние наших знаний о бронзовом веке Волго-Клязьминского междуречья не позволяет пока составить широкую и достоверную схему появляющихся здесь и сменяющих друг друга культур. Можно только догадываться, что каждое такое изменение этнокультурной карты междуречья, как правило, связано с предшествующими изменениями климатическими, гидрологическими и т. п. Сейчас с большей долей уверенности можно говорить об этом, применительно к появлению в здешних местах «волосова II», отмеченного именно таким климатическим «пиком» на стратиграфическом разрезе Ивановского III. Второй аналогичный случай относится к возникновению, а главное широкому распространению культуры «ложнотекстильной» керамики, когда отмечается резкое падение уровня грунтовых вод, осушение болотистых пойм и, возможно, озерной литорали.

Предложенная выше последовательность событий бронзового века для окрестностей Плещеева озера основывается как на этих двух «вехах», так и на относительной «стратиграфии» культур, центры которых расположены вне пределов изучаемого района. Однако главный интерес, на мой взгляд, вызывает не уточнение этой последовательности, а вопрос о существовании автохтонного населения, генетически связанного с более ранними неолитическими культурами. От того или иного ответа на вопрос зависит и точка зрения, и интерпретация описанных фактов; от этого зависит возможность понять, как возникла и распространилась на огромных пространствах лесной полосы Восточной Европы культура «ложнотекстильной» керамики, и ее значение для истории этих мест. При всей сложности и масштабности проблемы мне представляются небезынтересными факты, которые имеются в нашем распоряжении для Плещеева озера.

Выделенный для IV тысячелетия до н. э. древнейший культурный комплекс («ямочно-гребенчатый неолит I» III раскопа Польца) [43] сохраняет свои существенные признаки еще на рубеже III—II тысячелетий до н. э.

---

[42] *А. Л. Никитин.* Дикариха... МИА, 110, 1963, стр. 214, рис. 6; *его же.* Могильник Дикариха.

[43] *А. Л. Никитин.* Многослойное поселение Польцо.

(«ямочно-гребенчатый неолит II» I раскопа Польца) [44], несмотря на вторжение нескольких мощных инокультурных групп («волосово I», культура типа «берендеево I» и т. п.). Таким образом, создателей культуры ямочно-гребенчатого неолита я считаю возможным рассматривать как автохтонных обитателей Волго-Окского междуречья и как тот «субстрат», на который накладывались позднейшие культуры, появлявшиеся на этой территории.

Однако насколько последнее может быть верным? При рассмотрении событий II тысячелетия до н. э. создается впечатление, что на указанной территории происходит полная смена населения. Даже простой перечень культур, оставивших свои следы на берегах Плещеева озера, казалось бы, убеждает в этом. Причина такой ошибочной картины в той «аберрации сознания», когда в течение долгих десятилетий все внимание исследователей древней истории Волго-Окского междуречья оказывалось сосредоточенным на ярком и редком материале чужих культур эпохи бронзы, а невзрачные и многочисленные следы аборигенов незаметно оказывались оттеснены в более раннее время. Только в конце II тысячелетия до н. э. эти действительные хозяева междуречья внезапно предстают перед нами в своем этническом и культурном единстве, оказавшемся способным принять и «переварить» все то многообразие внешних влияний, которыми была заполнена прошедшая эпоха. В том же, что перед нами именно они, коренные обитатели этих земель, мне кажется, не возникает сомнения. Достаточно вспомнить традиционные формы и технику гончарного дела предшествующих эпох, приемы обработки и формы каменных орудий. Древнейшее население Волго-Окского междуречья, которое я считаю индоевропейским, явилось тем субстратом, который давно уже отметили лингвисты [45] и признали, было, археологи [46]. Именно на нем как итог всех разнокультурных влияний выросла единая культура «ложнотекстильной» керамики, столь быстро и широко распространившаяся по всей лесной полосе Восточной Европы [47]. Тщетно искать «центр» ее возникновения — можно указывать лишь направление влияний.

Эта культура явилась как бы мгновенным результатом долгого и сложного этнокультурного процесса, в котором приняли далеко не равное участие самые различные компоненты с разным успехом и долей вклада. Природные факторы оказали на сложение ее не меньшее влияние, чем факторы этнические, производственные и социальные. Она возникла в эпоху консолидации племен, в эпоху сложения мощных племенных союзов, подобных тем, что мы знаем по письменным источникам чуть более позднего времени для Западной Европы.

Несколькими веками позже прочность и жизненность этих социальных новообразований оказались решающими в сохранении территории Волго-Клязьминского междуречья от глубокого проникновения с востока финно-

[44] Там же.

[45] *Б. А. Серебренников.* Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР. ВЯ, 1955, 6. В этой интересной и перспективной статье автор приходит к выводу, что древнее автохтонное население Волго-Окского бассейна не принадлежало к финно-угорской языковой семье, но останавливается перед признанием его индоевропейской общности (Ук. соч., стр. 20). Как видно из самой работы, Б. А. Серебренников вынужден был остановиться на полпути, так как пытался согласовать свои выводы с устаревшей археологической схемой А. Я. Брюсова и М. Е. Фосс о расселении племен Восточной Европы в VIII—I тысячелетиях до н. э. Еще большую неудачу потерпел Ф. П. Филин (*Ф. П. Филин.* Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962) в попытках согласовать лингвистику и археологию, хотя еще Э. Н. Сетеле указывал, что выход к морю предков современных прибалтийских финнов произошел только «около рубежа нашей эры» (цитирую по указанной работе Ф. П. Филина, стр. 130).

[46] *П. Н. Третьяков.* Волго-Окская топонимика и некоторые вопросы этногенеза финно-угорских народов Поволжья. СЭ, 1958, 4. К сожалению, в дальнейшем автор поспешил отказаться от этой прекрасной работы.

[47] *C. F. Meinander.* Die Bronzezeit in Finland. SMYA, 54. Helsinki, 1954, S. 180—195 и др.

угорских народов. Памятниками этого многовекового сопротивления служат укрепления верхневолжских городищ, возникших сначала в Костромском Поволжье, а затем повсеместно до берегов Балтики. Подобные городища, вроде широко известной Александровой горы, имеются во многих местах Переславского района, но они составляют предмет уже иной темы, так как их возникновение для нас, как и для бессмертного латинского поэта, служит предупреждением, что здесь уже иная эпоха, когда —

«С вредным железом тогда железа вреднейшее злато
Вышло на свет, и война, что златом крушит и железом,
В окровавленной руке потрясая со звоном...» [48]

A. L. Nikitine

L'EPOQUE DU BRONZE SUR LE LAC PLECHTCHEIEVO

Résumé

Cet article donne une vue d'ensemble des résultats de l'étude des monuments de diverses cultures de l'époque du bronze, rencontrés sur les rives du lac Pléchtchéiévo. Dans l'ordre chronologique, l'auteur y rapporte les cultures suivantes: 1) de Fatianovo; 2) de Volossovo II; 3) d'Abachévo; 4) de Pozniakovo; 5) La culture de la céramique incisée. Cette dernière exceptée, toutes les cultures énumérées, pour la région comprise entre la Volga et la Kliazma (ainsi que pour la région du lac Pléchtchéiévo) sont de provenance étrangère, coexistant avec la population néolithique. La stratigraphie des couches et des découvertes incite l'auteur à croire à l'apparition, plus ancienne ici qu'on ne le pense généralement, de représentants de la culture de Fatianovo (début du IIIe millénaire av. n. è.); alors qu'il est enclin à considérer la culture pozniakovienne proprement dite, sur le cours de l'Oka, seulement comme dérivée des cultures sylvo-steppiques et steppiques de l'Age du Bronze. L'auteur restreint son territoire au cours moyen de l'Oka. Tout en reliant l'apparition des cultures d'autres tribus entre Volga et Kliazma aux changements climatiques et surtout hydrogéologiques (modifications du régime des réservoirs d'eau naturels et du niveau des eaux souterraines), l'auteur considère que la culture dite «au peigne et à fossettes», au Néolithique, a eu pour origine le substratum influencé par des groupes d'autres cultures, qui a donné naissance, à la fin du IIe et au Ier millénaire av. n. è., à la culture à décor incisé, largement diffusée, et qui est devenue par la suite la culture dite «des goroditchés de la haute Volga».

[48] *П. Овидий Назон.* Метаморфозы. Л., 1937, I, стр. 141—143.

Г. Е. АРЕШЯН

ЖЕЛЕЗО В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ И БАССЕЙНА ЭГЕЙСКОГО МОРЯ

(по данным письменных источников)

Дошедшая до наших дней литературная традиция Древнего Востока и античности содержит две группы источников о древней металлургии, в том числе и о металлургии железа. К первой группе относятся многочисленные мифы о богах-кузнецах, покровителях металлургии: Птахе, Гефесте, Индре, Аменешпент Кшатра Вайрийе, Тубалкаине, Вулкане, Циклопах и т. п. Эта категория мифологических источников, о которой существует обширная литература по истории религии [1], исключительно сложна для культуроведческого исследования.

Вторая группа свидетельств предстает непреломленной сквозь призму религиозного сознания. В свою очередь она распадается на две подгруппы. Первая состоит из легенд, приписывающих изобретение сидерургического процесса, его совершенствование, интенсификацию той или иной этнической группе в конкретной географической области. Вторая подгруппа свидетельств, которой и посвящается настоящая статья, объективно констатирует в связи с тем или иным событием существование железных артефактов, технологических процессов, конкретных памятников материальной и духовной культуры. Эти последние источники разновременны, многообразны и гораздо более достоверны сравнительно с первыми.

Развитие индустрии железа в Древнем Египте началось сравнительно поздно, со времен завоевания Ашшурбанипала (VII в. до н. э.). Все же, исходя только лишь из письменных источников, очевидно, что египтяне были знакомы с железом на протяжении II тысячелетия до н. э. Железо это — исключительно метеоритного происхождения, о чем свидетельствует термин bj ȝ.n.pt., т. е. «металл неба», появившийся со времен гиксосского владычества. Археологические находки свидетельствуют о том, что железные предметы спорадически появлялись в Египте еще с IV тысячелетия до н. э., однако они никак не повлияли на производство.

Одно из писем, обнаруженных в Телль-эль-Амарне, сообщает о посылке железных изделий митаннийским царем Тушратта фараону Аменхотепу III. Среди даров Тушратта наряду с другими железными предметами упомянут кинжал с клинком из parzillu, рукоять которого покрыта лазуритом, оправленным в золото. После воцарения на египетском престоле Аменхотепа IV — Эхнатона Тушратта вновь посылает, теперь уже молодому фараону, драгоценности, и в том числе десять железных перстней, покрытых золотом, что указывает на ценность железа, направляемого в качестве царского подарка. С такой посылкой, вероятно, следует связывать и часть железных изделий из гробницы Тутанхамона, которые также

[1] *R. J. Forbes.* Studies in Ancient Technology, t. VIII, second ed., Leiden, 1971, p. 80–85. Там же см. основную литературу по металлургической мифологии.

выступают либо в роли драгоценностей, либо в виде сакральных предметов [2].

Железо, известное в древнейшие времена в Месопотамии и Эламе, своим происхождением также связывалось с метеоритами. Об этом свидетельствует шумерская терминология: AN.BAR.— железо, дословно «небесный камень»; ZID.ZID.AN.BAR.— железный порошок; ^{za}ANBAR.— железный камень, железная руда.

Сакральное значение, придававшееся железу народами Древнего Востока в III—II тысячелетиях до н. э., было обусловлено представлением о металлической «тверди небесной», о небе, выкованном из меди, или даже железном небе (древнегреч. σιδήρεος οὐρανός). Закономерно, что падение «небесных камней» — метеоритов (большую часть найденных на земле случайно метеоритов составляют сидериты — около 60%) — должно было объяснить появление железа сверхъестественным путем. Падение метеоритов и в античное время рассматривалось как божественное предзнаменование. В связи с этим существенный интерес представляют свидетельства Плиния Старшего о «железном дожде» в Лукании, что считалось дурным предзнаменованием [3], и о почитании метеоритов в разных городах [4]. Значительный материал о связи железа с космической мифологией можно найти в работе Б. Е. Деген-Ковалевского [5].

В отдельных месопотамских и эламских текстах первой половины II тысячелетия до н. э. также засвидетельствовано железо. Табличка времен Первой династии Суз наряду с золотом, серебром и слоновой костью упоминает железную каску — hullam pa-ar-zi-li [6]. Во времена Хаммурапи железо ценилось в восемь раз дороже серебра. Ряд других документов относится к северо-западной Месопотамии и Сирии. Тексты из Мари сообщают о посылке царем Кархемиша Аплахаида железного браслета в виде подарка «своему брату», правителю Мари. В списки сокровищ храма богини Нин-Эгаль в Катна (совр. Мишриф) отмечены семь маленьких кусочков железа, шесть из которых были оправлены в золото. Этот список храмового инвентаря относится ко времени Тутмоса III (около 1475 г. до н. э.). К XV столетию до н. э. относится и одно из древнейших упоминаний железного оружия в табличках из Аллалаха. Среди захваченной добычи царь Аллалаха Аммитаку перечисляет и оружие ŠUKUR, изготовленное из железа.

Обращаясь к Малой Азии, следовало бы ожидать, исходя из теории хеттской прародины железоделательной индустрии, значительного числа письменных свидетельств об употреблении железа в середине II тысячелетия до н. э. Деловые документы торгового объединения в Канише XIX—начала XVIII в. до н. э. упоминают металл amutum, который в пять раз дороже золота и в сорок — серебра [7], вероятнее всего, что amutu(m) обозначало «метеорное железо» [8]. Одно из писем-распоряжений показывает, что железные кольца могли выдаваться в виде залога: «Кольцо метеоритного железа, которое за 15 сиклей серебра залогом они будут депонировать...» [9].

Если эти документы, говорящие о железе, были связаны с «межнациональной» торговой организацией, то почти одновременная им древнейшая

---

[2] *И. Лурье, К. Ляпунова, М. Матье, Б. Пиотровский, Н. Флиттнер.* Очерки по истории техники Древнего Востока. М.— Л., 1940, стр. 91; *R. J. Forbes.* Op. cit., t. IX. Leiden, 1972, p. 238—241, 268.

[3] См. *Plin.* Nat. Hist. II, 147.

[4] Ibid., 149, 150.

[5] *Б. Е. Деген-Ковалевский.* К истории железного производства Закавказья, ИГАИМК, 120. М.— Л., 1935, стр. 241—243, 396—417.

[6] *V. Scheil.* Pa-ar-zi-lu, «fer» sous la première dynastie. RA, t. XXV, 1928, p. 42.

[7] *R. J. Forbes.* Op. cit., p. 244, 260, 265.

[8] *W. von Soden.* Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1959, S. 47.

[9] *Н. Б. Янковская.* Клинописные тексты из Кюль-Тепе в собраниях СССР. «Памятники письменности Востока», XIV. М., 1968, стр. 169, № 68.

хеттская надпись царя Анитты Куššарского, сына Питханы, вводит нас в круг малоазийской культуры: «И я пошел к городу... И человек из города Пурушханды... Он мне принес железный трон и железный скипетр, как было велено. Когда же обратно в город Несу (я шел), тогда человека из города Пурушханды я (назад) с собой привел» [10]. Железный трон и железный скипетр Пурушханды стали сокровищами древнехеттских царей. Другие сведения о железе можно почерпнуть из анализа хеттских законов и текстов времен Нового царства (период империи — XV—XIII вв. до н. э.).

Основным источником, неоднократно приводившимся для доказательства «изобретения» железоплавильного дела хеттами в XV в. до н. э., является следующий отрывок царского письма (KBoI, 14): «Что касается хорошего железа, о котором ты писал мне, хорошее железо в Киццуватне в доме моей печати иссякло. Время плохое для изготовления железа (об этом.— *Г. А.*) я писал. Когда они закончат, я пошлю (его) тебе. Сегодня нынче я направляю тебе лезвие железного кинжала». Как показал А. Гётце [11], данный текст не имеет никакого отношения к XV в. до н. э., а является письмом Хаттусилиса III, наследника Урхи-Тешупа, к ассирийскому царю Салманасару I и, следовательно, датируется XIII в. до н. э., т. е. эпохой, очень близкой к начальному этапу индустриального освоения железа в обширных регионах Западной Азии. Однако прежде чем было сделано это существеннейшее хронологическое уточнение, точка зрения на хеттов как на первых сидерургов Древнего мира уже получила права гражданства и по сей день остается господствующей в археологической литературе. Из письма, очевидно, следует, что направляемый в качестве подарка железный кинжал считался царской драгоценностью, а «плохое время для изготовления железа» объясняется гораздо лучше культовыми канонами, нежели причинами производственного характера. Сказанное вполне подтверждается и другими источниками.

Особый интерес представляют так называемые хеттские «Дарственные тексты». Одна из этих грамот после перечисления даримого заканчивается следующим образом: «*Слова* табарны Арнуванда, великого царя, Асмуникал, великой царицы, и Тутхалия, царевича, tuḫukanti [12] — *из железа* (курсив наш.— *Г. А.*). (Их) нельзя отбросить, нельзя разбить. Кто (их) изменит, лишится своей головы» [13]. Здесь мы впервые встречаемся не с упоминанием какого-либо железного предмета, а со сравнением, где железо выступает эпитетом, определяющим нерушимость, твердость царского слова. Таким образом, железо перестает быть только лишь осязаемым предметом, которому во многих случаях придавалось сакральное значение, его физические свойства приобретают в мышлении древних совершенно самостоятельное значение и образно переносятся на различные явления и объекты, ничего общего не имеющие с металлом. Это означало новый уровень знакомства с железом в Западной Азии. С аналогичными представлениями о железе мы столкнемся при анализе гомеровских поэм.

Не меньшее значение имеют хеттские «Строительные тексты». В одном из них указаны конкретные пункты добычи полезных ископаемых, и среди них: «...черное небесное железо (AN.BAR.GE$_6$ nepsis) с неба получили, медь (и) бронзу из «города» Аласия (и) с горы Таггата принесли» [14]. Текст, очевидно, указывает, что метеориты являлись едва ли не основным источником хеттского железа.

Культовое значение железа во времена Новохеттского царства подтверждается списками храмового инвентаря. В них упоминаются железные

---

[10] «Хрестоматия по истории Древнего Востока». Под ред. В. В. Струве и Д. Г. Редера. М., 1963, стр. 304—306.

[11] *A. Goetze.* Kizzuwatna and the Problem of Hittite Geography. YOSR, t. XXII, 1940, p. 27—33.

[12] Титул наследника царского престола.

[13] *Э. А. Менабде.* Хеттское общество. Тбилиси, 1965, стр. 55.

[14] *Э. А. Менабде.* Ук. соч., стр. 61, 62.

фигурки людей, животных, птиц и т. д. Наиболее важные документы записывались на железных табличках. Однако нет в отличие от других металлов никаких сведений ни о добыче железа, ни о железном оружии, за исключением тех редких случаев, когда оно являлось драгоценностью (как, например, в письме Хаттусилиса III), ни об орудиях труда, ни тем более о какой-либо железной индустрии. Весьма показательно, что во время действия хеттских законов соотношение стоимости металлов: меди — серебра — золота — железа выражалось как 1 : 160 : 1280 : 6400 [15].

Насколько метеоритное происхождение железа, его баснословно высокая стоимость, а также отсутствие упоминаний о производстве могут свидетельствовать в пользу теории хеттской прародины сидерургии — пусть судит сам читатель. Мы же обратимся к анализу свидетельств «Илиады», во многом перекликающихся с хеттскими письменными памятниками.

Уже давно было подсчитано и неоднократно отмечалось в филологических и археологических исследованиях, что железо упоминается в «Илиаде» и «Одиссее» 49 раз, в первой 24, во второй 25. В «Илиаде» на одно упоминание о железе приходится 14 свидетельств о бронзе, а в «Одиссее» 4. Эти данные, без анализа их содержательной стороны, использовались для доказательства отражения гомеровскими поэмами культуры и общества Греции исключительно начала I тысячелетия до н. э. Они же привлекались для утверждения о более позднем времени создания «Одиссеи» по сравнению с «Илиадой». Не нам оспаривать разноплановость и различие источников этих двух поэм. Д. Пэйдж подчеркивает более развитую ступень языка «Одиссеи» по сравнению с «Илиадой». Словарный запас «Илиады» отличен от «Одиссеи». Существенны и различия в идеях собственно поэтического материала поэм [16].

Основные стороны «гомеровского вопроса», остро дискутируемого на протяжении последних двух столетий (если не считать античных и средневековых критиков), приобрели в настоящее время совершенно новую окраску, а многие из них потеряли существенную часть своего познавательного интереса. Однако перед тем как перейти к анализу интересующих нас упоминаний о железе в поэмах, правомерно поставить вопрос: отражают ли они металлургическую ситуацию в Пелопоннесе, Средней Греции и на западе Малой Азии в XI—IX вв. до н. э. или же в основном восходят к предшествующей, додорийской эпохе?

Уже замечательные открытия Шлимана показали, что в основе поэм Гомера лежали реальные события, целая исчезнувшая цивилизация. Выдающийся шведский ученый Мартин Нильссон в ряде капитальных трудов по истории греческой религии и культуры обстоятельно показал ахейские истоки существеннейшей части сказаний, вошедших в «Илиаду» и «Одиссею». Он же обосновал микенское происхождение важнейших культов древнегреческой религии [17]. В свете этих исследований становится очевидным, что певцы-аэды отдавали предпочтение именно ахейскому этносу. Ионийские центры находятся как бы на втором плане, тогда как дорийцы, появившиеся позднее, практически не фигурируют в эпосе.

Еще Т. В. Аллен, исследовавший «Каталог кораблей» второй песни «Илиады», подчеркивал наличие в нем развернутой картины политических, географических и этнографических условий, существовавших именно в героический период XIV—XIII вв. до н. э. Позднее В. Бурр отмечал, что все ахейские города, перечисляемые «Каталогом», в действительности существовали в третьей четверти II тысячелетия до н. э., тогда как названия Акарнании, Мессении, Мегары, Озолийских Локр и др., появившиеся позднее, не упоминаются текстом. Не меньший интерес с точки зрения

---

[15] *Э. А. Менабде.* стр. 67.

[16] *D. Page.* The Homeric Odyssey. Oxford, 1955, p. 148, 152, 157.

[17] *M. P. Nilsson.* Homer and Mycenae. London, 1933; *Idem.* The Mycenaean Origin of Greek Mythology. Berkeley (Calif.), 1931; *Idem.* The Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion. London, 1950.

совмещенного филолого-археологического исследования представляет работа С. М. Боура об эпитетах Трои в поэмах. Ряд эпитетов бесспорно доказывает знакомство их авторов с обликом Приамовой Трои, что могло иметь место около 1275—1240 гг. до н. э., но никак не позднее 1100 г. до н. э., так как около этого времени город был окончательно покинут и разрушен.

В настоящее время в результате археологических изысканий установлен целый перечень памятников культуры, описанных или упомянутых в «Илиаде» и «Одиссее», которые существовали только лишь в ахейскую эпоху. Причем, по мнению Т. В. Блаватской, археологические источники позволяют выделить в поэмах два ахейских пласта: XVI—XV и XIV—XIII вв. до н. э.[18]. Даже гиперкритики, отрицающие принадлежность основного содержания гомеровских поэм к ахейской эпохе, такие, как Лоримэр, пытавшаяся доказать формирование эпоса в VIII—VII вв. до н. э., оказались вынужденными признать, что лишь в «Одиссее» можно усмотреть два «...конкретных предмета, ...которые не могут найти места до VII века до н. э.». Один из этих предметов — лампа, которой Афина освещала дорогу Одиссею и Телемаху[19], другой — бляха-фибула, украшавшая одежду Одиссея[20] во время его отправления под Трою[21]. Однако, как показал Бизли, именно этот тип ламп был обнаружен в микенских гробницах[22].

Данные археологов все более подтверждались новыми исследованиями филологов и лингвистов. Необходимо признать, что отнесение гомеровских поэм к ахейскому эпосу в настоящее время все более основывается на лингвистических разработках, хотя толчком для них в значительной степени послужили археологические изыскания. Наиболее вероятной датой «Илиады» и «Одиссеи» в их завершенном виде следует признать VIII в. до н. э.[23] Еще в прошлом столетии Ф. Ричль и вслед за ним Г. Гинрихс показали преемственность эпического песнопения от эпохи, изображенной в поэмах до периода их окончательного оформления. В результате лингвистических исследований А. Мейе и его последователей было установлено наличие трех стадий греческого эпоса: ахейской, эолийской и ионийской, причем именно последняя приходится на первую треть I тысячелетия до н. э. и завершается окончательным сложением текста в VIII в. до н. э.

Эти выводы подготовили переворот в диалектологической оценке поэм, который произошел в результате дешифровки крито-микенского линейного письма В. Уже в первом сообщении о результатах дешифровки М. Венрис и Дж. Чэдвик подчеркивали, что новообнаруженный вариант древнейшего греческого языка близок языку Гомера.

И. М. Тронский писал: «...гомеровский язык заставляет постулировать в качестве своего предшественника устно-поэтический язык микенского времени... Гомеровской «эпохи» как некой синхронной реальности, изображаемой в эпосе, не существует; в эпосе отражена не отдельная эпоха, а огромная перспектива исторического развития. Это справедливо и по отношению к содержанию поэм, и в плане их языка»[24].

Исходя из сказанного, представляется вполне обоснованным утверждение о реальном отражении «Одиссеей», и в особенности «Илиадой», металлургической ситуации в бассейне Эгейского моря в XIV—XIII вв. до н. э. Однако, как отмечается, эти поэмы не являются историческим повествованием, в них существует определенный асинхронизм явлений и фактов. При этом поздние наслоения XI—IX вв. до н. э. неизбежно будут носить

[18] *Т. В. Блаватская.* Ахейская Греция. М., 1966, стр. 8—16.
[19] Od. XIX, 34.
[20] Od. XIX, 226—231.
[21] *H. L. Lorimer.* Homer and the Monuments. London, 1950, p. 509—511.
[22] JHS, t. LX, 1940, p. 22.
[23] *И. М. Тронский.* Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973, стр. 116, 125.
[24] *И. М. Тронский.* Ук. соч., стр. 103—162, 133, 150, 151.

вне зависимости от их объема случайный характер. Именно здесь при выявлении социокультурных реалий третьей четверти II тысячелетия до н. э. в гомеровских поэмах приходит на помощь теория Милмана Пэрри, развитая его учеником А. Лордом. Эта теория сама по себе явилась важнейшим этапом в доказательстве микенской принадлежности основных частей гомеровского эпоса.

Устная поэзия по способу своего сложения прямо противоположна письменной. В обществах, в которых искусство письма не применяется для фиксации поэтического творчества, поэт слагает свои стихи из метрических формул — фиксированных групп слов, традиционных фраз описательного характера, логико-поэтических стандартизированных отрезков. Запас таких формул, постепенно накопленный за длительный период, «снабжает» сказителя при необходимости целой группой строф или одной строфой, или частью строфы в готовом виде. Что бы ни захотел воспеть сказитель в пределах определенной традиционной тематики — все это могло быть, и зачастую должно было быть выражено в строфах, задолго до того предназначенных для этой цели и немедленно продиктованных аэду его тренированной памятью. М. Пэрри подчеркивал, что в процессе устного стихосложения поэт «отказывает себе в каком-либо другом (кроме метрически-формализованного и образно-типического.— *Г. А.*) способе выражения мысли».

В «Илиаде» и «Одиссее» полностью тождественны друг другу или обладают практически незаметными отличиями 9253 стиха, т. е. почти треть объема поэм. Среди них эпитеты людей, богов, вещей являются наиболее часто повторяющимися элементами [25].

Важная заслуга М. Пэрри заключалась в доказательстве теснейшей связи формул, состоящих из имен собственных и сопровождающего эпитета, с метрической структурой эпического стиха — гекзаметром [26].

Таким образом, устность гомеровских поэм требовала повторяемости содержательной стороны формул, обусловленных в свою очередь формально-метрическими закономерностями стихосложения. В гомеровском эпосе «...одна формула, как правило, не может занять место другой, в той же части стиха, без изменения смысла декламируемого» [27].

Исходя из сказанного, можно обратиться к краткому рассмотрению метрических формул сидерургического содержания. Их логический анализ позволяет выделить три основные функции железа в микенскую эпоху. Формульное упоминание железа содержится в следующих стихах «Одиссеи»:

> «Ты своей головы не жалеешь,
> В город сбираясь идти к женихам беззаконным, которых
> Буйство, бесстыдство и хищность дошли до железного неба» [28].
>
> (*перевод В. Жуковского*)

Далее опять мы видим повторение того же стиха [29].

В другом отрывке «Илиады» опять-таки очевидно проявляется представление о «небесном» железе, его сакральном значении в связи с небесной твердью. Во время битвы над телом Патрокла:

> «Яростно бились воины; гром, раздаваясь железный
> К медному небу всходил по пустынным пространствам эфира» [30].
>
> (*перевод Н. Гнедича*)

---

[25] *C. E. Schmidt.* Parallel-Homer. Göttingen, 1885.

[26] Перечень трудов Милмана Пэрри см. в статье А. Б. Лорда в AJA, t. LII, 1948, p. 43.

[27] *D. Page.* Op. cit., p. 139.

[28] Od. XV, 328—329.

[29] Od. XVII, 560, 564, 565.

[30] Il. XVII, 424, 425.

Железо фигурирует как металл богов и при описании колесницы Геры. Из него изготовлена ось колесницы [31]. В другой ойме Зевс угрожает ослушникам низвержением в сумрачный Тартар, «где и медяный помост, и ворота железные...» [32].

Другая функция железа обусловлена его практической ролью в ахейском обществе. В самой распространенной формуле, связанной с этой функцией, ему сопутствует эпитет πολύκμητος, означающий «изготовленный с большим трудом» [33], что переводилось Н. Гнедичем как «хитрое изделие», «красивое изделие». Менелай, повергнув Адраста, собирается поразить его копьем. Адраст обещает выкуп за помилование: «Много и меди и злата, и хитрых изделий железа» [34]. Сыны Антимаха сулят Агамемпону за свое спасение «Много и меди, и злата, и хитрых изделий железа» [35].

А в «Одиссее» Пенелопа направляется в сокровищницу, где хранятся «Золото, медь и железная утварь чудесной работы» [36]. Во всех этих случаях соответствующий стих передается стандартной строфой: χαλκός τε χρυσός τε πολύκμετός τε σίδηρος. Данная метрическая формула, помимо цитированных отрывков, несколько раз повторяется в «Илиаде» и «Одиссее» [37]. Она служит средством образного описания сокровищ и не подлежит ни малейшим изменениям. Очевидно, что в приведенном стихе ни медь, ни золото, ни «многотрудное железо» не несут самостоятельной смысловой нагрузки и выступают вместе для определения драгоценностей. Медь неоднократно упоминается в гомеровских поэмах в разных словосочетаниях, описывающих оружие, орудия и т. п., в то время как основная практическая функция железа — роль драгоценного металла. Менее часты упоминания «седого железа» в качестве эквивалента меновой стоимости [38].

В третьей группе типичных свидетельств железо выступает в виде метафорического эпитета. Приам сообщает Гекубе о своем намерении направиться к Ахиллесу для выкупа тела Гектора. Та ему возражает: «...Хочешь один ты, старец, идти к кораблям мирмидонским?... У тебя не железное ль сердце?» [39]. Σιδήρειόν νύ τοι ἦτορ повторяется еще [40]. «Железное сердце», «железная душа» в различных метрических формулах неоднократно встречается в поэмах [41]. В других отрывках железу приписывается сверхъестественная сила, характерная для героев, а также тех или иных явлений. Гектор объявляет о намерении сразиться с Ахиллесом:

«Я на Пелида иду, хоть огню его руки подобны,
Руки подобны огню, а душа и могучесть — железу!» [42].

(*перевод Н. Гнедича*)

Во время сожжения тела Патрокла Ахиллес:

«...костер предоставивши огненной силе железной,
Громко Пелид возопил, именуя любезного друга...» [43]

(*перевод Н. Гнедича*)

Свидетельства о железе, сохраненные «Илиадой» и «Одиссеей», показывают, что в культурной среде Греции и Западной Малой Азии XV—XII вв.

---

[31] Il. V, 723.
[32] Il. VIII, 13—15.
[33] *И. Х. Дворецкий.* Древнегреческо-русский словарь, т. II. М., 1958, стр. 1346.
[34] Il. VI, 48.
[35] Il. XI, 132, 133.
[36] Od. XXI, 8—10.
[37] Il. X, 379; Od. XIV, 324.
[38] Il. VII, 473; Od. I, 184.
[39] Il. XXIV, 200—205.
[40] Il. XXIV, 521.
[41] Il. XXII, 357; Od. IV, 293; V, 191; XXIII, 172.
[42] Il. XX, 371—372.
[43] Il. XXIII, 177, 178.

до н. э. этот металл выполнял три основные функции: сакральную, в которой железо тесно связывалось с религиозными представлениями, материально-ценностную, когда оно выступало в качестве сокровища или рассматривалось как драгоценность и, наконец, образно-метафорическую, проявляясь в мышлении древних, что было обусловлено определенной степенью знакомства со свойствами данного металла.

Некоторые упоминания о железе в «Илиаде» и «Одиссее» выпадают из этой классификации. Вне зависимости от того, являются ли они интерполяциями эолийского времени или нет, при рассмотрении выявляется их случайный, несистематический характер [44].

В целом функция железа, по данным гомеровских поэм, мало отличается от его роли в культуре Западной Азии третьей четверти II тысячелетия до н. э. Более того, место железа в ахейской культуре почти тождественно тому положению, которое оно занимало в хеттской. В мышлении хеттов времен империи, как следует из цитированного выше «дарственного текста» Арнуванда, железо начинает играть ту же образно-метафорическую функцию, что в «Илиаде» и «Одиссее». Вместе с тем приведенные материалы не позволяют постулировать существование индустрии железа в XIV—XIII вв. до н. э., которая могла бы отразиться на производстве оружия и орудий в каком-либо центре Западной Азии. Герои «Илиады» сражаются исключительно бронзовым оружием, и основные орудия известные ахейскому эпосу, также изготовлены из бронзы.

Следующим, более поздним источником, рисующим картину становления сидерургии, является Ветхий Завет. Несмотря на то что Числа, Первая книга Самуила и, естественно, Второзаконие показывают качественно новый уровень знакомства общества с железом и возникновение индустрии, все же в этих частях Ветхого Завета встречаются упоминания, аналогичные по смыслу разобранным выше. Достаточно очевидно сакральное значение, придававшееся железу израильтянами в последние века II тысячелетия до н. э.: «Тогда Иисус устроил жертвенник господу, богу Израилеву на горе Гевал...— жертвенник из камней цельных, на которые не поднимали железа; и принесли на нем жертвы господу...» [45]. Или же: «И устрой там жертвенник господу, богу твоему, жертвенник из камней, не поднимая на них железа» [46]. Несколько иначе звучит следующий отрывок, в котором сакральное значение железа выступает в формуле проклятия: «Если же не будешь слушать гласа господа, бога твоего,... Проклят ты (будешь) в городе, и проклят ты (будешь) на поле... И небеса твои, которые над головою твоею, сделаются медью, и земля под тобою железом» [47].

Когда в XIII столетии до н. э. или около этого времени Израиль захватывал города и земли хананеев, железо считалось дорогостоящим метал-

---

[44] В «Илиаде» дважды со всей определенностью засвидетельствовано оружие из железа: булава Арейфоя (Il. VII, 141, 144) и железная стрела Пандара (Il. IV, 123). Если подходить к «Илиаде» как к многослойному эпическому памятнику, основное ядро которого сложилось в микенскую эпоху, эти упоминания не могут нарушить предложенную классификацию. О том же говорит и статистическая закономерность фиксации железа в «Илиаде». Кроме того, «железную стрелу Пандара», по-видимому, можно считать поздней интерполяцией, поскольку та же стрела чуть ниже (Il. IV, 132) названа медной. Чтение строф 123 и 124 четвертой оймы еще в античную эпоху подвергалось сомнению Зенодотом. Все оружие, которым сражались герои «Илиады», исключительно бронзовое (медное), в том числе и стрелы (Il. XIII, 650, 662). Гомеровскому языку совершенно неизвестны такие выражения, как σιδηρίτης πόλεμος — «железная война», «война, ведущаяся железным оружием» (Пиндар), или σῖδηροφορέω — «носить оружие», «быть вооруженным» (Фукидид, Аристотель и др.). Упоминание железа в Il. XXIII, 826, 834 трудно поддается интерпретации. В нем говорится о «круге самородного железа» (перевод Н. Гнедича) —σόλος αὐτοχόωνος. Некоторые гомероведы его переводят даже как «кусок метеоритного железа». Несмотря на неопределенность, данное упоминание неоднократно служило основанием для различных спекуляций в археологической литературе.

[45] Книга Иисуса Навина, VIII, 30, 31.

[46] Второзаконие, XXVII, 5.

[47] Там же, XXVIII, 15, 16, 23.

лом, и изделия из него перечисляются среди сокровищ. Иисус Навин, захватив Иерихон, предает его проклятию: «Город будет под заклятием... И все серебро и золото, и сосуды медные и железные, да будут святынею господу и войдут в сокровищницу господню» [48]. И далее: «...только серебро и золото и сосуды медные и железные отдали в сокровищницу дома господня» [49]. Другое интересное свидетельство сохранено Второзаконием. Несмотря на то что критика Пятикнижия предлагает в данном отрывке понимать под «железом» Септуагинты «базальт» или какой-нибудь другой камень, упоминание «железного ложа», при сопоставлении с «троном» Анитты и сидением Пиндара (см. ниже) само по себе представляет интерес: «И предал господь, бог наш, в руки наши и Ога, царя Басанского... Вот ложе его, ложе железное, и теперь в Раббе, у сынов Аммоновых; длина его девять локтей, а ширина его четыре локтя, локтей мужеских» [50].

В последней четверти II тысячелетия до н. э. в Палестине железо начинает фигурировать в одном ряду с другими металлами. Теперь оно уже представляет ценность как и всякий металл вообще: «И когда отпускал их Иисус... то сказал им: «С великим богатством возвращаетесь вы в шатры ваши, с великим множеством скота, с серебром, с золотом, с медью и с железом, и с великим множеством одежд»...» [51]. Неудивительно, что во Второзаконии — архаизованном памятнике, фиксирующем законодательство времен Иосии, мы находим упоминания и о железоплавильной печи [52], и железо рассматривается уже как полезное ископаемое [53]. Задолго до Иосии, если судить по Первой книге Самуила, началось производство железного оружия.

В XII в. до н. э. израильтяне вели длительные войны с филистимлянами: «Филистимляне собрали войска свои для войны и собрались в Сокхофе, что в Иудее... И выступил из стана филистимского единоборец, по имени Голиаф, из Гефа; ростом он был шести локтей и пяди. Медный шлем на голове его; и одет он был в чешуйчатую броню, и вес брони его — пять тысяч сиклей меди. Медные наколенники на ногах его, и медный щит за плечами его. И древко копья его, как навой у ткачей, а самое копье его — в шестьсот сиклей железа...» [54].

Данный отрывок, по-видимому, описывает более или менее обычный доспех тяжеловооруженного воина. В нем акцентированы не медь или железо, которые представляются автору обыденными, а исключительный вес брони или же величина копья. Начало индустриального производства железных артефактов, определяемое появлением в последние два столетия II тысячелетия до н. э. более или менее распространенного недрагоценного оружия и несколько позднее орудиями труда из железа, нашло отражение и в других частях Ветхого Завета [55].

Ряд упоминаний о железе содержат и ассирийские источники последней четверти II — первой трети I тысячелетия до н. э. Именно они непрерывно рисуют картину возникновения и развития индустрии железа, насколько можно судить о ней по памятникам культуры, фиксированным текстами. В XIII в. до н. э. таблички из железа в Ашшуре носили коммеморативную функцию. Об этом свидетельствует надпись Салманасара I (1274—1245 гг. н. э.), повествующая о восстановлении храма Эхарсагкуркурра: «Великолепный храм... я восстановил с большой заботой для Ашшура, моего господина. Против его фундаментов (таблички из) камня, серебра, золота, железа, бронзы, свинца... я заложил» [56]. Тексты Тукульти-

[48] Книга Иисуса Навина, VI, 18.
[49] Там же, VI, 23.
[50] Второзаконие, III, 3, 7, 10, 11.
[51] Книга Иисуса Навина, XXII, 7, 8.
[52] Второзаконие, IV, 20.
[53] Там же, VIII, 9.
[54] Первая книга Самуила, XVII, 1, 3—7.
[55] Числа, XXXV, 16.
[56] ARAB, 1, § 120.

Нинурты I (1244—1208 гг. до н. э.), упоминающие орудия труда, в качестве материала, из которого они изготовлены, отмечают бронзу [57].

Во времена Тиглатпаласара I (около 1100 г. до н. э.) мы застаем уже несколько изменившуюся ситуацию. Хотя в Надписи на призме говорится: «Я собрал мои колесницы и моих воинов и по крутой горе и сквозь тяжелые тропы я провел дорогу бронзовыми заступами» [58], а в другом месте еще раз упоминаются бронзовые орудия [59], тот же текст содержит и другие свидетельства.

Описывая охоту, Тиглатпаласар сообщает: «четырех туров... моим могучим луком, моим железным копьем и моими острыми дротиками я убил» [60]. На первый взгляд кажется, что качественно новое упоминание железного копья не влечет за собой количественной характеристики металлургических изменений. Однако среди упоминаний железного оружия, часто рассматривавшегося как сокровище, в текстах середины II тысячелетия до н. э. не упоминаются копья, и археологические находки служат тому подтверждением: среди находок драгоценного железного оружия III — середины II тысячелетия до н. э. нет пока что ни одного наконечника копья. Наконец, это свидетельство хорошо перекликается с цитированным выше описанием доспеха Голиафа. Эти данные подтверждают начало индустриального производства оружия из железа в Западной Азии в XII—XI вв. до н. э.

А теперь перенесемся через полтора столетия, в эпоху ассирийских царей Тукульти-Нинурта II (890—884 гг. до н. э.), Ашшурназирпала II (883—859 гг. до н. э.), Салманасара III (858—824 гг. до н. э. по Майсснеру). Здесь читатель попадает в пору развитой индустрии, эпоху широкого освоения железа. Тукульти-Нинурта II, совершив поход против стран Напри, получил в виде дани медь, свинец, железо, дерево, лошадей, мулов [61]. Более того, его же анналы сообщают о массовом использовании орудий труда из железа [62]. Тукульти-Нинурта II повествует: «20 мин золота, 20 мин серебра, 32 таланта свинца, 130 талантов меди... 1 талант железа...— вот дань Лакейца Хаматайи» [63].

Преемник Тукульти-Нинурта II Ашшурназирпал II широко пополняет запасы железа с помощью накладываемой дани. Под пятым годом царствования его анналы описывают поход на Кутмухи (Коммагена) и Замани. «Два таланта серебра, два таланта золота, 100 талантов свинца, 100 талантов меди, 300 талантов железа, 100 сосудов из бронзы, 3000 медных чаш, медные кубки, медные котлы... я получил» [64]. В том же походе использовались железные орудия для расчистки дороги [65]. Во время походов ассирийцев к Аману и побережью Средиземного моря Ашшурназирпал II получил в виде дани от Сангара, царя Кархемиша и страны Хатте, 100 талантов меди, 250 талантов железа и другое, а от Лубарны Хаттинского близ города Кунулуа — 20 талантов серебра, 1 талант золота, 100 талантов свинца, 100 талантов железа и пр. [66]

Следующий ассирийский царь Салманасар III во время походов против городов Киликии и на Хаттину взымал дань, среди которой фигурировало железо «без меры» [67]. Надпись на Монолите из Курха сообщает о том, что Салманасар III получил в виде дани от царя хаттинитов 300 талантов же-

---

[57] Ibid., I, § 160, 165.
[58] Ibid., § 222.
[59] Ibid., § 236.
[60] Ibid., § 247.
[61] ARAB, I, § 405.
[62] Ibid., § 411.
[63] Ibid., § 412.
[64] ARAB, I, § 466.
[65] Ibid., § 461.
[66] Ibid., § 476, 477.
[67] Ibid., § 583, 585.

леза, от Хайану, сына Габбари, «что живет у подножья горы Амман»,— 30 талантов, а Сангара, царь Кархемиша, поднес ему 100 талантов железа [68].

Как видно из приведенных текстов, основными областями, откуда ассирийцы получали железо, были Хатте, Хаттина, Аманские горы и Коммагена. Здесь следует отметить, что ассирийцы получали также запасы индустриального железа из района, примыкавшего с северо-востока к указанной территории, т. е. из юго-западной части Армянского нагорья. В этом отношении интерес представляет надпись Ашшурназирпала II на монолите из Курха.

Текст Монолита сообщает: «дань страны Шупре: серебро, золото, медь, свинец, железо...» [69].

В более позднее время железо настолько прочно вошло в повседневную жизнь, что упоминания о его количестве практически исчезают в ассирийских царских анналах. Иногда, правда, оно мельком отмечается в некоторых летописях. Так, Саргон II сообщает, что он пожертвовал вавилонским храмам «несчетное количество железа». Это, однако, не означает, что слово «железо» больше не встречается в аккадских текстах.

С X—IX вв. до н. э. под влиянием развитой индустрии в мышлении древних народов Западной Азии метафоризуются уже не свойства железа как металла, а типы изделий, созданные в процессе сидерургического производства. В анналах Ашшурназирпала II читаем: «Вершина горы, вздымалась, как острие железного кинжала, и ни одна птица небесная, что летает, не могла достичь ее» [70].

То же выражение встречается в Анналах при описании подавления восстания в Замуа [71]. Постепенно понятие «железный кинжал» становится синонимом оружия вообще. В одном из писем Куюнджикской библиотеки Набушумлишир пишет царю: «...но когда слуги царя, моего господина, завоевали их, те, кто избег железного кинжала, подыхают от голода» [72]. В письме Беликиши царю Ашшурбанипалу patar parzilli «железный кинжал» опять-таки фигурирует как синоним всякого оружия [73]. Небезынтересно отметить, что это последнее понятие скрещивается с сакральной функцией железа. Ашшурбанипал (668—626 гг. до н. э.) писал Белибни и народу Ниппура: «Вам известно, что (подобно тому) как железным кинжалом Ашшура (и) моих богов, страна была истреблена огнем...» [74]. Аналогичное выражение содержит и письмо Ашшурбанипала, посланное им Набуушшебши и народу Урука [75].

Тексты, охватывающие промежуток времени от Саргона II (721—705 гг. до н. э. по Майсснеру) до Ашшурбанипала, содержат некоторые материалы об организации железоплавильного дела за пределами сидерургических центров (в данном случае в Ассирии) в первые века господства железной индустрии. Так, мы узнаем, что запасы ассирийского железа и меди хранились в bît riduti [76]. В письме Табцил-эшарра царю Саргону упоминается железоплавильная печь, находящаяся при дворце в городе Ашшур [77]. В данном случае примечательно, что железоделательное производство выступает элементом ассирийского царского хозяйства VIII в. до н. э. Письмо является ответом правителя города на запрос Саргона, который беспокоится о состоянии железоплавильного комплекса (в тексте, кроме печи, упомянуты и другие сооружения) дворцового хозяйства.

---

[68] Ibid., § 601.
[69] ARAB, I, § 501, 502.
[70] Ibid., § 440.
[71] Ibid., § 450.
[72] RCAE, 350.
[73] Ibid., № 85, об. ст. *7*.
[74] Ibid., № 292.
[75] Ibid., № 297, *5—6*.
[76] Ibid., № 447, *10, 11*.
[77] Ibid., № 91.

Урартские надписи, относящиеся без исключения к периоду развитой металлургии железа, только однажды упоминают данный металл. Он засвидетельствован летописью царя Сардури II (середина VIII в. до н. э.): «Железную печать я приготовил, надпись я установил в городе Илдамуша» [78]. Очевидно, что в данном случае железная печать имела коммеморативное значение.

В VIII—VII вв. до н. э. применение железа сильно расширяется. Одно из писем Куюнджикского архива сохранило требование трех талантов этого металла для строительных работ [79]. Распространение железных деталей в архитектуре VI в. до н. э. установлено в Нововавилонском царстве. Геродот пишет: «Вторая царица (Вавилона.— *Г. А.*), которую звали Нитокрис ...велела построить мост из вырубленных камней, камни были скреплены железом и свинцом» [80]. Это сообщение дублируется отрывком из «Исторической Библиотеки» Диодора Сицилийского [81]. Описания Вавилона заимствованы Диодором у Ктесия Книдского [82]. Что же касается археологических свидетельств об этом сооружении,— на них останавливался еще Р. Кольдевей [83]. Наконец, следует вспомнить поэмы Гесиода, жившего около 700 г. до н. э. и называвшего свою собственную эпоху пятым веком истории человечества — железным веком. Его произведения отражают состояние развитой индустрии железа в Греции.

На этом можно было бы завершить рассмотрение упоминаний о железе в древнейших письменных источниках, если бы мы не располагали еще одной группой важных документов. Речь идет о сравнительно поздних, реминисцентных фактах проявления функций железа доиндустриальной эпохи, зафиксированных письменной традицией. Число этих свидетельств весьма обширно. Приведем лишь некоторые из них. Описывая Дельфы, Павсаний отмечает: «Недалеко от жертвенника стоит седалище (трон) Пиндара; оно сделано из железа, и, говорят, на нем восседал Пиндар» [84]. В тот же Дельфийский храм фракиянка Родопис, современница Сафо принесла «редкий» дар — железные вертела [85]. Геродот упоминает и о другом дарении Дельфийскому оракулу, поднесенном лидийским царем Алиаттом [86]. Это посвящение, однако, лучше описано Павсанием: «Из тех даров, которые сюда (в Дельфы.— *Г. А.*) посылали лидийские цари, ничего не осталось, кроме железной подставки для чаши Алиатта. Это произведение Главка с Хиоса, который изобрел способ паять железо» [87].

Сакральное значение, придававшееся железу, очевидно, проступает в рассказе Геродота о борьбе фокеян с персидским полководцем Гарпагом. Фокеяне были вынуждены эмигрировать на Корсику. При этом «они изрекли страшные проклятия тем, кто отстанет от похода. Затем погрузили в море кусок железа и поклялись, что не вернутся в Фокею прежде, чем это железо не всплывет на поверхность» [88]. В разряд этих фактов попадают и некоторые сообщения Плиния Старшего [89].

Можно много говорить о железной монете в форме слитков, прутьев и т. п., имевшей хождение в Греции и особенно широко распространенной в Спарте даже во времена Ликурга [90]. Наконец, далеко не праздный

---

[78] *Г. А. Меликишвили.* Урартские клинообразные надписи. М., 1960, № 155 D, *2—15.*
[79] RCAE, № 566, об. ст. *1.*
[80] *Her.*, I, 185, 186.
[81] *Diod. Sic.*, II, 8, *2.*
[82] Ср. *Diod. Sic.*, II, 7, *4*; II, 8, *4* и др.
[83] *R. Koldewey.* The Excavations at Babylon. London, p. 197—199.
[84] *Paus.*, X, XXIV, 5.
[85] *Her.*, II, 135.
[86] *Her.*, I, 25.
[87] *Paus.*, X, XVI, 1, *2.*
[88] *Her.*, I, 165.
[89] *Plin.* Nat. Hist., XXXIV, 141.
[90] *Plut.* Lyk., IX, XIX.

интерес представляет то обстоятельство, что в реестре драгоценностей английской короны упомянуты железные сосуды, вертела и сковороды. Список этот относится к XIV в. ко времени царствования Эдуарда III Плантагенета [91].

Приведенные свидетельства письменных источников позволяют, хотя и несколько схематично, обрисовать историю знакомства с железом древних народов Западной Азии. На рубеже III—II тысячелетий и в первой половине II тысячелетия до н. э. железные предметы в изучаемой области крайне редки. Они рассматриваются в роли драгоценностей, и сам металл по причинам, указанным выше, зачастую несет сакральную функцию. В середине II тысячелетия до н. э. число железных изделий в Передней и Малой Азии и Эгеиде увеличивается, человек лучше знакомится со свойствами железа. Данный процесс нашел отражение в мышлении, характеристики металла становятся метафоричными, переносятся на другие предметы. Это, однако, касалось лишь физических свойств железа, в эпитеты не проникает ни одного выражения, связанного с тем или иным типом — результатом индустриального производства. Ни одна из областей Западной Азии не может считаться обладательницей железоделательной индустрии в XV—XIII вв. до н. э.

В XII—XI вв. до н. э. происходят важнейшие изменения в металлургии. В это время начинает свое развитие индустрия железа в первичных горно-сидерургических центрах Западной Азии. Сталь начинает применяться для производства различных видов оружия. С IX в. до н. э. железные изделия становятся общеупотребительными, основная масса орудий труда уже производится из этого металла. Развитие индустрии раннего железа в XII—X вв. до н. э. находит свое отражение в духовной культуре последующего периода (первая треть I тысячелетия до н. э.). Теперь литературные памятники уже содержат сравнения, метафоры, вытекающие из знакомства их авторов с продуктами сидерургического производства. К концу первой трети I тысячелетия до н. э. индустрия железа уже являлась фундаментальной основой ремесленного производства Западной Азии.

G. E. Arechian

LE FER DANS LA CULTURE ANCIENNE DE L'ASIE ANTERIEURE ET DU BASSIN DE LA MER EGEE (D'APRES LES SOURCES ECRITES)

Résumé

La manière dont les peuples antiques de l'Asie Antérieure et de la Méditerranée orientale ont appris a connaître le fer et ses propriétés, la formation de la métallurgie du fer dans cette région, se sont diversement reflétées dans les sources écrites, ce qui les rend l'objet d'une étude archéologique spéciale. Ces sources se subdivisent en trois catégories principales: 1) mythes sur des dieux-forgerons, protecteurs de la métallurgie; 2) légendes sur l'invention et le perfectionnement de l'industrie du fer; 3) mentions précises de la production et de l'emploi de tel ou tel objet de fer. Le troisième groupe de témoignages fait le sujet du présent article. On y détermine la place occupée par le fer dans la culture antique de l'Asie Antérieure. La connaissance des propriétés du fer a débuté par de timides essais de travailler les météorites ferreux, et a abouti à son emploi dans l'architecture des VIIe et VIe ss. av. n. ère. La naissance de la métallurgie du fer, à son tour, s'est reflétée de manière particulière dans la pensée figurative des Anciens.

---

[91] *R. J. Forbes.* Op. cit., t. IX, p. 224.

Е. И. ЗАХАРИЕВА

ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНА АРЖАН

В работах советских и зарубежных специалистов, касающихся дендрохронологии, за период XX столетия появилось много оригинальных решений по абсолютному и относительному датированию исторических памятников. Наиболее значимыми исследованиями в СССР следует считать работы сотрудников Института археологии АН СССР. Однако ранее выполненные работы проводились только на материалах V—III вв. до н. э. из раскопок на Алтае [1] и с IX по XVII в. н. э. на материалах северной части Восточной Европы [2]. Древесина более раннего времени для дендрохронологических исследований не использовалась. В большом количестве древесина VIII—VII вв. до н. э. получена в 1971—1973 гг. при раскопках царского кургана Аржан в долине р. Уюк Тувинской АССР экспедицией Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории и Института археологии АН СССР, возглавляемой М. П. Грязновым и М. Х. Маннай-оолом. Экспедицией была раскопана грандиозная постройка, состоящая из множества деревянных камер и откоса, представлявшего собой стенку, сооруженную из бревен, косо приставленных к наружной части всей постройки. Образованная таким способом огромная деревянная платформа сверху была завалена камнями. Диаметр получившегося каменного кургана 120 *м*, высота около 3—4 *м*. Под каменной насыпью находились четырехугольные камеры-срубы, образованные сложенными клетью бревнами. Срубы поставлены прямо на поверхности земли, но они вдавились в почвенный слой на глубину до 30 *см* под тяжестью уложенной сверху огромной массы камней. Камеры расположены радиальными и кольцевыми рядами вокруг центральной камеры. Как видно на рис. 1, форма и размеры их различны, в зависимости от положения в общей конструкции. Срубы-клетки сооружены из окоренных, ровных толстых бревен лиственницы. Их средний диаметр 40 *см* у комля, а некоторые стволы достигают даже 50—60 и 85 *см*.

Для дендрохронологических исследований в 1971 г. взято 10 образцов, в 1972 г.— тоже 10, а в 1973 г. автором статьи, участвовавшим в раскопках кургана, взято еще 22. Всего взято 42 образца из разных частей сооружения: из камеры 1-й — 8, из 2-й — 5, из 6-й — 2, из 7-й — 2, из 10-й — 1,

---

[1] *И. М. Замоторин.* Относительная хронология Пазырыкских курганов. СА, 1959, 1, стр. 21.

[2] *Б. А. Колчин.* Дендрохронология Новгорода. Тр. Новгородской археологической экспедиции, III. МИА, 117, 1963, стр. 5; *его же.* Дендрохронология построек Неревского раскопа. Тр. Новгородской археологической экспедиции, IV. МИА, 123, 1963, стр. 166; *его же.* Дендрохронология Восточной Европы. Сб. «Археология и естественные науки». М., 1965; *его же.* Дендрохронология Новгорода 1970 г. Сб. «Проблемы абсолютного датирования в археологии». М., 1972, стр. 113 сл.; *Н. Б. Черных.* Абсолютная дендрохронологическая шкала древнего Белоозера. Сб. «Археология и естественные науки». М., 1965; *ее же.* Дендрохронология построек древнего Смоленска. КСИА АН СССР, 110, 1967.

из 13-й — 3, из 17-й — 2, из 20-й — 1, из 33-й — 1, из 34-й — 1, из откоса — 16 образцов. Всего произведено 9088 измерений толщины годичных колец.

Все образцы одной породы — лиственницы сибирской (Larix sibirica Ldb.). Лиственница является стойким строительным материалом. Повышенная влажность способствовала хорошей сохранности бревен нижних венцов построек, которые находились в почве. Переувлажнению почвенных горизонтов способствовал родничок посредине кургана в небольшом

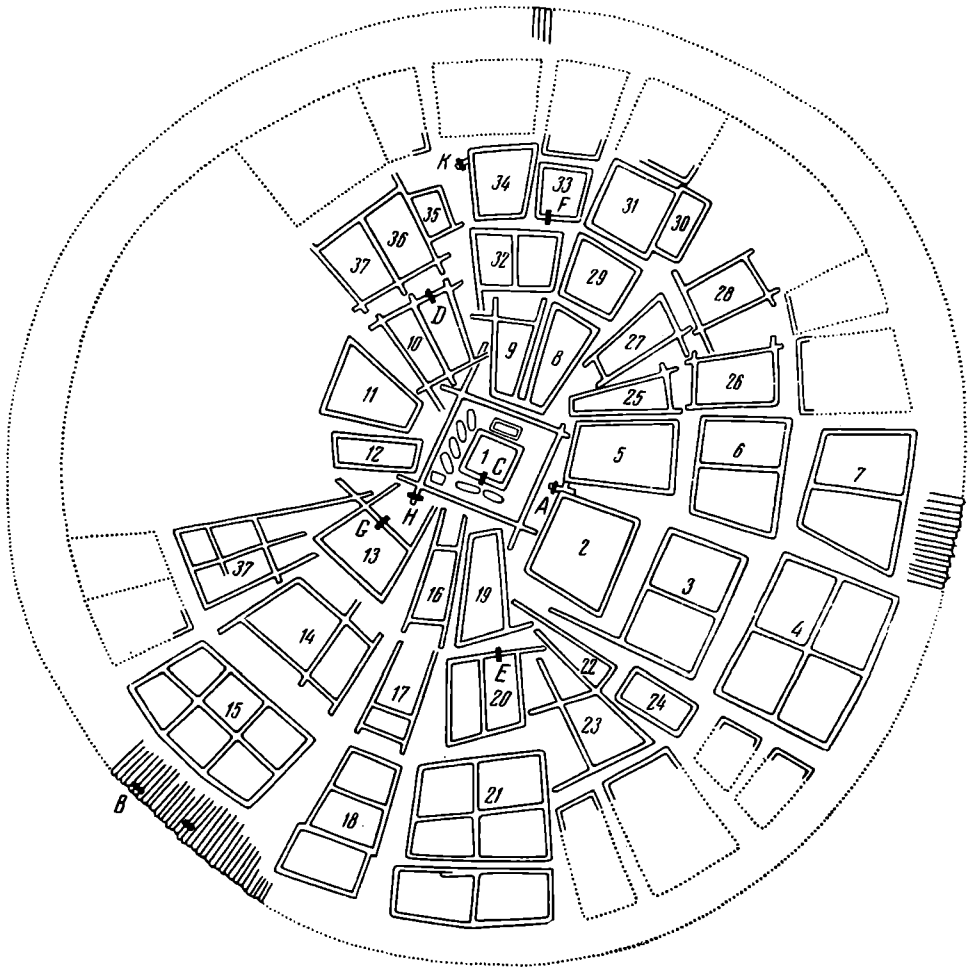


Рис. 1. Общий план раскопок кургана Аржан

углублении — уровень воды в нем был на 2,5 *м* выше поверхности окружающей степи[3]. Верхняя часть деревянных сооружений, соприкасавшаяся с массой каменной насыпи кургана, представляла собой рыхлую, сильно увлажненную аморфную массу гнилого дерева.

Срезы брались из самого толстого конца бревна, имевшего наилучшую сохранность, а также последнее годичное кольцо (годичный слой, образовавшийся в последний год жизни дерева). Для пополнения серии образцов и временной протяженности исследования были взяты образцы и без наружного слоя. Число недостающих колец восстановлено перекрестным датированием путем наложений графиков. Из рассматриваемых образцов только у 31-го сохранился последний годичный слой. У остальных — 1, 2, 3, 5, 8 и 11 колец. Образцы, использованные для анализа, представляют собой поперечные спилы, которые дают возможность увидеть все особен-

[3] *В. Ф. Дергольц.* Древнее сооружение Тувы — конденсатор паров наземной атмосферы. «Природа», 1964, 8.

ности распределения прироста древесины по диаметру. Толщина спилов (3—5 *см*) была такой, чтобы обеспечивалась сохранность древесины и образец не ломался при транспортировке и обработке. Была сделана попытка высверливания кернов древесным возрастным буром, но для археологической древесины этот способ оказался непригодным, так как древесина аржанских бревен из-за неравномерной влажности, плотности и расслоения при сверлении сильно деформировалась и рассыпалась на мелкие части.

Все измерения делались под бинокулярным микроскопом с универсальным штативом МБС-2 (увеличение — 2, окуляр-микрометр — 8×, точность 0,005 *мм*), по двум радиусам, которые дают более достоверную ширину годичного прироста (исключая возможные аномалии в тех или иных участках кольца), а также обеспечивает возможность сравнения и взаимной проверки, когда размеры сильно варьируют. Очень узкие кольца измерялись при других увеличениях с последующим переводом данных в масштаб, принятый ранее. Замеры начинались с внешнего (последнего) кольца дерева, т. е. от периферии к центру. Для определения у образца возможных двойных и выпавших колец и проверки правильного счета каждое 10-е кольцо одного радиуса связывалось с соответствующим кольцом второго радиуса и т. д. Толщина годичных колец любой породы зависит от различных факторов, таких как температура, влажность, солнечная активность, положение в древостое, нападение насекомых и т. д. Каждый из этих факторов может быть причиной ухудшения прироста деревьев и образования узких колец, которые наиболее важны для дендрохронологии. Дендрохронологические исследования проводятся различными методами. Немецкий ботаник Б. Губер в 1942 г. впервые предложил полулогарифмические диаграммы для составления графиков колебаний толщин годичных колец. В дальнейшем (в 1945 г.) этот метод развил и дал ему математическое обоснование Т. Руден. Дендрохронологи Норвегии, ФРГ, а в Советском Союзе Б. А. Колчин и Н. Б. Черных, изучающие археологическую древесину, применяют полулогарифмические графики. Специалисты по дендроиндикации природных процессов свои построения выполняют по абсолютным значениям прироста годичных колец или расчетным величинам отклонений от графической (А. Е. Дуглас[4], С. Г. Шиятов[5]) или средней скользящей многолетней нормы (В. Е. Рудаков[6], Н. В. Ловелиус[7]). Для того чтобы различить области использования годичных колец, Н. В. Ловелиус предложил под понятием «дендрохронология» закрепить только те исследования, которые выполняются для датировки объектов. Все же многообразие работ по годичным кольцам предложено отнести к «дендроиндикации», в которую дендрохронология входит самостоятельной составной частью[8].

При выполнении исследований по Аржану средние значения прироста получены по двум радиусам. Для каждого образца строился полулогарифмический график годичных колец (рис. 2). По оси абсцисс откладывались

---

[4] *A. E. Douglass.* Dating Pueblo Bonito and Other Ruins of the South-West. «National Geographie Society, Contributed Technikal Papers», No. 1, Washington, 1935.

[5] *С. Г. Шиятов.* К методике расчета индексов прироста деревьев. «Экология», 1970, 3.

[6] *В. Е. Рудаков.* Метод изучения влияния колебаний климата на толщину годичных колец деревьев. Докл. АН АрмССР, 1951, 13, вып. 3.

[7] *Н. В. Ловелиус.* Изменение климата по данным дендрохронологического анализа. Краткое содержание докладов XX межвузовской конференции «Герценовские чтения». Л., 1967; *его же.* О дендрохронологических исследованиях в горах Путорана. Краткое содержание докладов XXVI межвузовской конференции «Герценовские чтения». Л., 1969; *его же.* Колебания прироста древесных растений в 11-летнем цикле солнечной активности. Ботанический журнал, т. 57, 1972, 1, стр. 64—68; *его же.* Ритмическая изменчивость прироста деревьев. Доклады на ежегодных чтениях памяти Л. С. Берга, XV — XIX, 1967—1971, Ритмичность природных явлений, Л., 1973.

[8] *Н. В. Ловелиус.* К методике дендроиндикационных исследований. Изучение биогеоценозов тундры и лесотундры. Л., 1972, стр. 69—73.

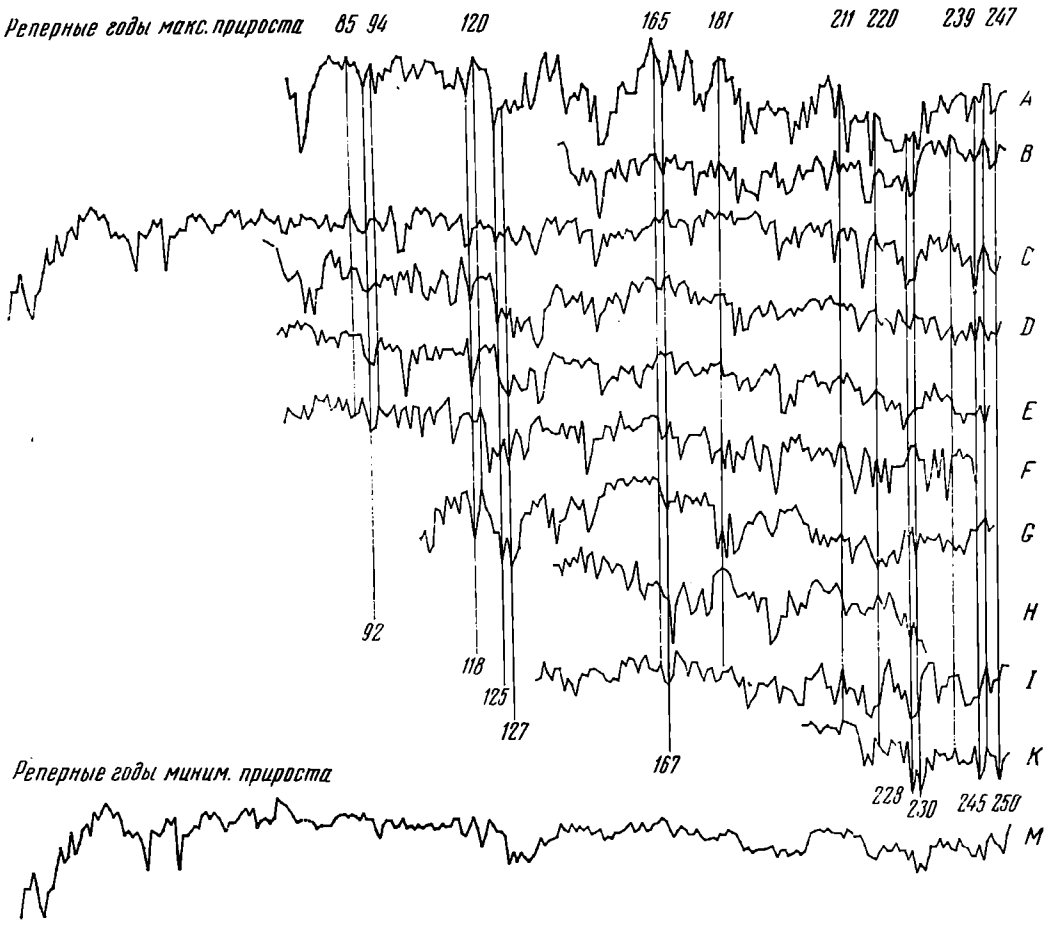


Рис. 2. Полулогарифмический график годичных колец. *A* – из камеры 2, бревно второго венца в северо-западном углу; *B* – с откоса 15; *C* – из камеры 1, нижнее бревно северо-западной стены сруба; *D* – из камеры 10, нижнее бревно северной стены; *E* – из камеры 20, нижнее бревно северной стены; *F* – из камеры 33, нижнее бревно южной стены; *G* – из камеры 13, нижнее бревно северной стены; *H* – из камеры 1, пол могилы 1, *I* – с откоса 39; *K* – из камеры 34, короткое бревно, подложенное под угол сруба; *M* – обобщенный полулогарифмический график

годы, а по оси ординат — логарифмы толщин колец начиная от времени начала жизни дерева. Каждый график вычерчивался на кальке, и путем визуального перекрестного датирования мы находили положение, при котором ход кривых роста во времени согласуется. Таким образом, путем сопоставления всех графиков мы получили точные годы минимального и максимального прироста — реперные годы (табл. 1):

После перекрестного датирования образцов были выбраны 10 из них, взятые из разных мест деревянного сооружения Аржана (рис. 2), а именно: *A* — из камеры 2, бревно второго венца в северо-западном углу; *B* — из откоса; *C* — из камеры 1, нижнее бревно северо-западной стены сруба; *D* — из камеры 10, нижнее бревно северной стены; *E* — из камеры 20, нижнее бревно северной стены; *F* — из камеры 33, нижнее бревно южной стены; *G* — из камеры 13, нижнее бревно северной стены; *H* — из камеры 1, пол могилы 1; *I* — из откоса; *K* — из камеры 34, короткое бревно, подложенное под угол сруба.

Данные измерений записывались по календарным годам их образования для получения средних величин обобщенной плавающей серии годичных колец по материалам кургана Аржан за 253 года (табл. 2). Построение обобщенной дендрохронологической серии оказалось возможным выполнить благодаря четко проявившимся аномалиям в приросте

годичных колец. При этом за реперные годы были приняты не только годы минимумов, но и годы максимального прироста (см. рис. 2 и табл. 1). Такой подход несколько отличается от использовавшегося ранее многими специалистами и, по мнению автора, облегчает уточнение положения отдельных серий при перекрестном датировании. Кроме того, создается как бы эталонная шкала распределения значительных аномалий с взаимным исключением влияния местных экологических условий на рост деревьев. Построение обобщенных серий для многих районов СССР было выполнено ранее Н. В. Ловелиусом в 1970—1974 гг., но археологами СССР этот прием не использовался.

Таблица 1

Реперные годы аномальных приростов по деревьям кургана Аржан *

Год максимального прироста	Год минимального прироста	Год максимального прироста	Год минимального прироста
86	94	211	228
92	119	220	230
120	125	239	244
165	127	248	250
181	167		

* Годы даны от начала жизни самого старого дерева в кургане Аржан (образец *С* — камера 1, западная стена, нижнее бревно первого венца сруба).

По данным анализа амплитуд изменчивости прироста деревьев можно проследить изменения метеорологических условий этого времени в районе исследований. Современное соотношение прироста и метеорологических элементов дает возможность говорить об амплитуде этих изменений в период раннескифского времени. Если допустить, что взаимоотношения леса и климата достаточно устойчивы во времени, то представления о климатических условиях прошлого могут быть существенно расширены на основании информации, собранной автором. Принципиальный подход к реставрации метеорологических условий последнего тысячелетия по годичным кольцам деревьев уже разработан ленинградскими специалистами В. Н. Адаменко и Н. В. Ловелиусом [9].

Для проверки синхронизации графиков был вычислен процент сходства по принятой в археологии формуле. Он составляет от 60,0 до 72,0. Эта цифра свидетельствует о том, что изменчивость ширины годичного слоя у отдельных деревьев синхронна, т. е. все исследованные деревья росли одновременно, в одном узком районе и сходных экологических условиях. Кроме процента сходства автор исследовал возможности уточнения метода перекрестного датирования путем использования современных количественных методов регрессионного анализа, реализованных на ЭВМ типа «Минск-32». Идея метода заключается в следующем. Чтобы установить соответствие каждой из имеющихся серий последовательно измеренных под микроскопом годичных колец отдельных спилов, на ЭВМ осуществлялся сдвиг по времени на 1, 2, 3, 4, ... лет и рассчитывалась взаим-

[9] *В. Н. Адаменко, Н. В. Ловелиус.* Использование дендрохронологических данных для изучения многолетней изменчивости метеорологических элементов последнего тысячелетия. Материалы Всесоюзного совещания по вопросам дендрохронологии и дендроклиматологии. Вильнюс, 1968; *их же.* Опыт реконструкции метеорологических условий последнего тысячелетия по дендрохронологическим данным. Тезисы IV Всесоюзного симпозиума. Терскол, 1968.

Таблица 2

Обобщенная схема прироста годичных колец на деревьях кургана Аржан

Толщина колец каждого года, *мм*											Число наблюдений по каждому году										
год	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	год	0	1	2	3	4	5	6	7	8	9
0		0,35	0,35	0,55	0,35	0,20	0,15	0,30	0,35	0,60	0		1	1	1	1	1	1	1	1	1
10	1,65	0,75	0,85	1,85	1,00	1,30	2,00	2,25	1,60	3,25	10	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
20	2,70	3,25	4,10	3,50	2,80	3,25	2,50	1,65	1,85	1,60	20	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
30	1,75	1,50	1,15	0,60	1,90	1,80	1,65	1,95	2,65	2,25	30	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
40	2,70	0,60	1,60	1,60	1,85	2,10	2,00	2,90	3,10	2,60	40	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
50	3,00	2,70	2,20	1,85	2,25	2,25	2,50	3,00	3,25	2,75	50	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
60	3,30	1,90	2,35	2,50	2,25	2,50	4,41	3,99	3,68	3,10	60	1	1	1	1	1	1	2	2	2	3
70	2,62	2,16	2,29	3,32	2,25	2,15	1,87	1,95	1,91	1,99	70	4	4	4	5	5	5	5	5	5	5
80	2,12	2,41	2,57	2,60	2,52	2,57	2,41	2,23	2,61	2,34	80	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
90	2,31	1,60	1,30	1,90	2,12	2,15	1,79	1,85	2,23	1,67	90	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
100	1,82	1,59	1,86	1,66	1,82	1,86	1,61	1,65	1,84	1,79	100	5	5	5	5	6	6	6	6	6	6
110	1,78	2,16	2,16	1,39	1,32	1,76	2,25	1,61	0,91	1,38	110	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6
120	2,11	1,75	1,45	1,41	1,20	0,85	0,75	0,59	0,77	0,67	120	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6
130	0,62	0,72	0,86	1,21	0,98	1,65	1,12	1,21	1,87	1,50	130	6	6	6	7	7	7	7	7	8	8
140	1,47	1,80	1,42	1,61	1,49	1,61	1,28	1,38	1,44	1,14	140	8	9	9	9	9	9	9	9	9	9
150	1,17	1,66	1,32	1,29	1,35	1,55	1,66	1,37	1,48	1,76	150	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9
160	1,46	1,48	1,70	1,76	2,04	1,91	1,46	1,25	1,42	1,59	160	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9
170	1,50	1,27	1,34	1,47	1,23	1,13	1,16	1,15	1,15	1,34	170	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9
180	1,26	1,46	1,30	1,26	1,02	0,82	0,86	0,76	0,82	0,83	180	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9
190	0,83	0,88	0,88	0,74	0,67	0,67	0,62	0,69	0,75	0,68	190	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9
200	0,73	1,22	1,24	1,37	1,40	1,36	1,43	1,29	1,28	1,27	200	9	10	10	10	10	10	10	10	10	10
210	1,13	1,42	1,28	1,15	1,48	0,92	0,68	0,63	0,59	0,78	210	10	10	10	10	10	10	10	10	10	10
220	0,85	0,74	0,77	0,96	0,78	0,67	0,58	0,76	0,41	0,50	220	10	10	10	10	10	10	10	10	10	10
230	0,42	0,62	0,84	0,84	1,07	0,84	0,96	0,79	0,78	1,09	230	10	10	10	9	9	9	9	9	9	9
240	0,86	0,79	0,66	0,63	0,87	0,67	0,80	1,22	0,94	0,87	240	9	9	9	9	9	9	8	8	8	7
250	0,72	1,20	1,60								250	6	6	4							

но корреляционная функция по формуле [10]

$$R_{xy\tau} = \frac{1}{\sigma_x \sigma_y (n-\tau)} \sum_{i=1}^{n-\tau} x_i y_i + \tau \quad (\tau = 0, 1, \ldots, \tau_m),$$

где x_i — значение отклонения от среднего значения с номером для первой совокупности; $y_i+\tau$ — значение отклонения с номером для второй совокупности; im — максимальное число сдвигов; n — число членов каждой совокупности; σ_x — среднеквадратичное отклонение для первой совокупности; σ_y — среднеквадратичное отклонение для второй совокупности.

Величина $R_{xy\tau}$ является мерой согласования каждой из анализируемых серий (спилов) при временном сдвиге τ. В случае идеального соответствия $R \to 1$ при заданном сдвиге τ, что означает полную синхронизацию и успешность перекрестного датирования. Таким образом, наибольшая величина коэффициента корреляции при заданном сдвиге τ может рассматриваться как количественный показатель успешности перекрестного датирования. При этом сдвиг во времени на τ лет выявил коэффициенты корреляции $R \geqslant 0{,}6$. Таким образом, количественные методы, примененные автором для дендрохронологических целей, позволили объективизировать процедуру перекрестного датирования археологических образцов древесины, увеличить его разрешающие возможности и количественно оценить степень надежности датирования.

Анализ графиков древесины кургана Аржан показывает, что все изученные бревна вырублены в один год. Спилы были взяты от бревен центральной камеры, построенной самой первой на памятнике, а также от первого и второго кольцевых рядов камер и от бревен откоса, который в сооружении делался последним. На основании проведенной работы можно предположить, что все деревянные сооружения в кургане Аржан, начиная с центрального сруба и кончая откосом, были построены в один год. Было проведено исследование последнего годичного слоя всех имевшихся образцов, на которых он сохранился. Судя по тому, что процесс полного формирования годичных колец не завершен, можно сказать, что бревна были вырублены не позже конца сентября.

В итоге работы путем перекрестного датирования построена плавающая дендрохронологическая серия в 2,5 столетия раннескифского времени. Дендрохронологические исследования материалов данного региона позволили автору связать шкалу Аржана со шкалой Туэкты и пяти курганов Пазырык и получить дендрохронологическую серию протяженностью более 500 лет в период времени VIII—III вв. до н. э. Для Туэкты получена дендрошкала на 209 лет. Сравнение дендрограмм Туэкты и Аржана дает хорошее совпадение их на протяжении 73 лет с коэффициентом корреляции рядов, равным 0,58. Деревья Туэкты срублены на 136 лет позже деревьев Аржана. Поэтому автор считает, что Аржан древнее Туэкты на 136 лет. Через 105 лет после Туэкты сооружается пятый Пазырыкский курган, а за ним на протяжении 53 лет воздвигаются один за другим четыре остальных кургана [11].

Дальнейшая разработка проблем дендрохронологии на археологической древесине и живых моделях позволит связать ряды годичных колец плавающей и современной серий и, таким образом, даст возможность решить многие спорные вопросы по определению возраста деревянных памятников Саяно-Алтая и других районов.

---

[10] *М. А. Романов.* Инструкции по использованию рабочих программ для решения типовых задач статистической обработки информации. Под ред. К. Е. Чернина. Л., 1974.

[11] *Е. И. Захариева.* Археологическое дерево как исторический источник. Автореф. канд. дисс., Л., 1974.

E. I. Zakharieva

ETUDE DENDROCHRONOLOGIQUE DU KOURGANE ARJAN

Résumé

De 1971 à 1974 on a procédé aux fouilles du kourgane Arjan, à Touva, datant des VIIIe et VIIe ss. av. n. ère. Sous l'amoncellement de pierres du kourgane, on a découvert une construction en bois très compliquée abritant la sépulture. L'auteur a étudié 42 échantillons de bois différents provenant des diverses parties de cette charpente. L'analyse en a été effectuée par la méthode habituelle de coupes transversales. L'importance moyenne de l'accroissement a été déterminée par deux rayons. Pour chaque échantillon on a établi un graphique semi-logarithmique de l'accroissement des couches annuelles. Après avoir établi la grille de datation des échantillons, on en a choisi dix prélevés sur diverses parties de la charpente (fig. I). On a obtenu une moyenne graphique générale d'une série approximative des couches annuelles pour 253 ans (pl. 1, fig. 2). Sur ce graphique on voit nettement les anomalies de la croissance des couches annuelles. Comme années repères, ce ne sont pas seulement les années des minima qui y sont marquées, mais encore celles de l'accroissement maximum. L'étude au microscope de la dernière couche annuelle montre que les arbres ont été abattus à la fin de leur pleine végétation, c.à.d. au début de l'automne (pas plus tard que septembre). La concordance générale des graphiques est de 60,0% à 70,0%. On a étudié les possibilités de préciser la méthode de datation au moyen de l'utilisation des méthodes quantitatives modernes de l'analyse régressive, réalisées sur un ordinateur, modèle «Minsk 32». Le coefficient de corrélation est de 0,60. L'analyse des graphiques établis permet de conclure que toutes les poutres ont été coupées la même année. Le progrès des recherches dans la domaine de la dendrochronologie a permis pour cette région, de rattacher l'échelle d'Arjan à celle de Touekta, ainsi qu'à celle des cinq kourganes de Pazyryk, et d'obtenir une série dendrochronologique pour une durée de plus de cinq cents ans, entre le VIIIe s. et IIIe s. av. n. ère.

Е. А. ПОПОВА

ОБ ИСТОКАХ ТРАДИЦИЙ И ЭВОЛЮЦИИ ФОРМ СКИФСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ

Монументальное скифское искусство, и в частности антропоморфные каменные изваяния, давно интересовали исследователей. Но до последнего времени публиковались главным образом сведения об отдельных памятниках. Единственной обобщающей работой явилась статья П. Н. Шульца [1]. В настоящее время количество материала заставляет считаться с этой категорией памятников как с самостоятельной отраслью изобразительного искусства скифов, не менее важной, чем, например, звериный стиль в изучении истории скифской культуры. Антропоморфные каменные изваяния становятся важным источником для исследования последней. Очень существенным моментом является уникальность этих памятников, их локализация только на территории Северного и Западного Причерноморья и Прикубанья, тогда как звериный стиль распространен от Черного моря до Дальнего Востока.

В свое время исследователями было отмечено совпадение не только территорий распространения изваяний эпохи бронзы и скифского времени, но и форм и иногда набора атрибутов [2]. Связь этих двух категорий памятников несомненна, но однозначный ответ на вопрос о традиции скифской скульптуры кажется недостаточно исчерпывающим.

В археологической литературе бытуют две точки зрения на происхождение скифских племен. Одни исследователи считают их потомками носителей срубной культуры, другие выводят скифов из Поволжья и Сибири. Поэтому прежде всего представляется наиболее логичным искать корни традиций монументального скифского искусства именно на этих территориях. В срубной культуре антропоморфные изваяния отсутствуют. Правда, В. В. Отрощенко относит к антропоморфным изображениям каменную поделку [3], которую, по всей видимости, надо причислить к разряду каменных грузил, подобных найденным на Нижнем Дону [4]. Ранее они также были приняты некоторыми исследователями за антропоморфные изображения, но ошибочность этой точки зрения убедительно доказана [5]. В Поволжье и Сибири мы не знаем изваяний ни эпохи бронзы, ни раннего железа, которые могли бы послужить прототипом для скифских.

Появление же в Причерноморье антропоморфных изваяний уже в VI в. до н. э., т. е. одновременно с ранними памятниками скифской культуры, должно было быть чем-то подготовлено. В связи с этим необходимо вспомнить о пребывании скифов в Азии. Оно было длительным. М. И. Артамо-

[1] *П. Н. Шульц.* Скифские изваяния Причерноморья. Сб. «Античное общество». М., 1967.

[2] *П. Н. Шульц.* Ук. соч., стр. 236, 237; *А. А. Формозов.* Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. МИА, 165, 1969, стр. 188.

[3] *В. В. Отрощенко.* Элементы изобразительности в искусстве племен срубной культуры. СА, 1974, 4, стр. 77, рис. 4, *8*.

[4] *Э. С. Шарафутдинова.* Заключительный этап позднего бронзового века на Нижнем Дону. СА, 1973, 2, рис. 11, *6, 7*.

[5] Там же, стр. 11.

нов говорит не о серии походов скифов в Азию, а о «переселении с расчетом остаться в оккупированной стране» [6].

Ближний Восток дает нам развитое и разнообразное монументальное искусство. Здесь мы видим и примитивные антропоморфные изваяния ранней бронзы [7], и раннеиранскую скульптуру с изображением косо подвешенного акинака [8], и многочисленные рельефы [9].

П. Н. Шульц неоднократно говорил о влиянии ближневосточного, в особенности хеттского, искусства на скифское, убедительно это доказывая [10]. Но здесь, как кажется, надо пойти дальше и видеть в этом не просто влияние одного искусства на другое, а корни традиций скифского монументального искусства на Ближнем Востоке. Не была ли традиция установки надгробий частью погребального обряда, воспринятого скифами в Азии?

Вернувшись на территорию Северного Причерноморья, скифы обратили внимание на многочисленную категорию антропоморфных каменных изваяний эпохи бронзы, которые и повлияли в свою очередь на иконографию изготовлявшихся ими памятников.

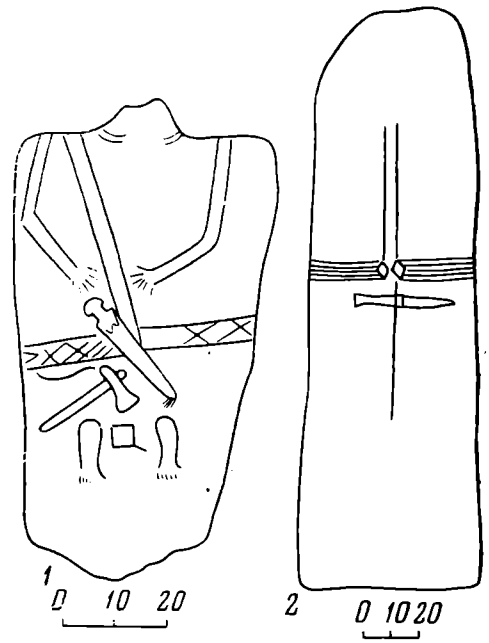


Рис. 1. *1* – Калиште; *2* – Белоградец

Уникальными являются два памятника из Болгарии: Калиште и Белоградец (рис. 1). Г. Тончева считает их фракийскими [11]. Но доказательства ее неубедительны. Отметив сходство плиты из Калиште со стелами эпохи бронзы, Г. Тончева тем не менее сравнивает меч, изображенный на плите, со скифским оружием и датирует ее VI—V вв. до н. э. Форма же меча, изображенного на изваянии, напоминает скорее тип, характерный для рубежа бронзового и железного веков (с грибовидным навершием и перекрестьем с крыльями), который датируется VII в. до н. э. [12] Ареал такого типа мечей обширен: они встречаются и на Кавказе, и в Прикубанье [13]. Таким образом, вероятнее, что стела из Калиште относится к началу железного века.

Стела из Белоградец также неверно датирована Г. Тончевой V—IV вв. до н. э. на основании ошибочного сравнения кинжала, изображенного на ней, с греческими короткими ножами [14]. Не правильнее ли было бы сравнить кинжал с изваяния с позднебронзовыми [15]?

---

[6] *М. И. Артамонов.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974, стр. 24.

[7] *В. Н. Даниленко.* Энеолит Украины. Киев, 1974, стр. 84, рис. 56.

[8] *R. Ghirshman.* Iran. Universum der kunst. München. 1964, S. *31*, fig. 33.

[9] *Н. Д. Флиттнер.* Культура и искусство Двуречья. М., 1958, рис. на стр. 226; *E. Akurgal, M. Hurmer.* Die Kunst der Hethiter. München, 1961, Taf. 64, 65, S. 771.

[10] *П. Н. Шульц.* Ук. соч., стр. 237; *П. Н. Шульц, Н. И. Навротский.* Прикубанские изваяния скифского времени. СА, 1973, 4, стр. 194, 195.

[11] *Г. Тончева.* Два надгробных монументальных памятника фракийским вождям. Thracia, I, Serdicae. 1972, стр. 103, 106.

[12] *А. Х. Халиков.* Железные кинжалы с бронзовыми рукоятками из Волго-Камья. Древности Восточной Европы, МИА, 169, 1969, стр. 281.

[13] *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; *Н. В. Анфимов.* Кинжалы кабардино-пятигорского типа из Прикубанья. МИА, 130, 1965.

[14] *Г. Тончева.* Ук. соч., стр. 114.

[15] *О. А. Кривцова-Гракова.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, рис. 12, *8*.

Такого рода памятники также могли повлиять на иконографию скифских изваяний, так как о походах скифов в Западное Причерноморье хорошо известно. В начале V в. до н. э. они на некоторое время подчинили себе некоторые его районы [16]. Население обкладывалось данью, взимание которой требовало применения постоянного военного нажима [17]. Для его осуществления на завоеванных территориях оставлялись, вероятно, группы скифов во главе с военачальниками, места погребений которых и отмечались установкой надгробий.

В связи с этим нужно коснуться вопроса об этнической принадлежности западных памятников. В. Канараки называет румынские изваяния гето-скифскими [18], А. Александреску — фрако-скифскими [19]. П. Н. Шульц считает недостаточно точными подобные двойные термины, называя эти памятники западноскифскими [20]. Этой же точки зрения придерживается А. И. Мелюкова, считающая, что изваяния эти сделаны скифами для скифов [21]. Она опровергает попытку Д. Берчу приписать статую из Сибиоары фракийцам, доказательством чего, по его мнению, служит изображенная на изваянии секира, якобы фрако-иллирийская [22]. А. И. Мелюкова справедливо возражает, что подобные секиры есть на ждановском и донецком изваяниях, где манера изображения ничем не отличается от сибиоарской [23]. К этому доказательству мы можем добавить, что изображение точно такой же секиры есть на Прикубанской статуе из ст. Бесскорбной [24].

Хронологически скифские памятники делятся на три группы: VI—V вв. до н. э., IV—III вв. до н. э. и I в. до н. э.— IV в. н. э. Объем статьи не позволяет разобрать подробно каждое изваяние с приведением аналогий атрибутам из археологического материала, поэтому особо будут рассматриваться только те памятники, датировка которых почему-либо вызывает сомнения.

К VI—V вв. до н. э. относятся следующие изваяния: Эрделевка [25], Станишино [26], Грушевка, Киев, Днепропетровск-1 [27], Бесскорбная, Галайты [28], Медерово [29], Первомайск [30], Надежда [31], Терновка, Калиновка [32], Краснодар-1 [33], Сибиоара [34], Кировоградский музей [35].

---

[16] *Т. В. Блаватская.* Греки и скифы в Западном Причерноморье. ВДИ, 1948, 1, стр. 206.

[17] *И. В. Яценко.* Скифия VII—V вв. до н. э. М., 1959, стр. 95.

[18] *V. Canarache.* Consideratii a supra unei statui inedite din timpul orändarii comunei primitivein Dobrogea. SCIV, IV, No. 3, 4, 1953, 709—773.

[19] *A. Alexandrescu.* Doua statui traco-scitice din Dobrogea. SCIV, IX, No. 2, 1958, p. 291—302.

[20] *П. Н. Шульц.* Скифские изваяния Причерноморья, стр. 229.

[21] *А. И. Мелюкова.* Скифские элементы в гетской культуре. КСИА. АН СССР, 105, 1965, стр. 38.

[22] *D. Berciu.* Des coperirile getice de la Cernavoda si unele aspecte ale in ceputului formarii ailturii latenne geto-dace in Dunarea de Jos. Materiale, IV, 1957, p. 124.

[23] *А. И. Мелюкова.* Ук. соч. (сноска на стр. 38).

[24] *Н. И. Навротский.* Каменное изваяние воина из ст. Бесскорбной. АО – 1970, М., 1971, стр. 109.

[25] *В. Н. Ястребов.* Каменная баба. ТМАО, т. XI, вып. II, М., 1886.

[26] *Он же.* Раскопки близ с. Станишино. ТМАО, т. XIII, вып. I, М., 1889.

[27] *T. Passek, B. Latynine.* Sur al question des «Kamennye baby». ESA, IV, Helsinki, 1929, p. 290—311.

[28] *В. И. Марковин, Р. М. Мунчаев.* Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии. СА, 1964, 1, стр. 158—164.

[29] *Н. М. Бокий.* Скифский курган у села Медерово. СА, 1974, 4, стр. 264.

[30] *П. В. Харлампович.* Материали з археологii Первомайщини. Вісник Одеськоі комісii краезнавства. Вип. 4, 5, Одеса, 1930, стор. 66.

[31] *П. Н. Шульц.* Ук. соч., стр. 227.

[32] *Н. Г. Елагина.* Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея. СА, 1959, 2.

[33] *А. А. Миллер.* Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом. ИРАИМК, IV, Л., 1925.

[34] *A. Alexandrescu.* Doua statui..., p. 291.

[35] Хранится в Кировоградском музее. Автор благодарит Н. М. Бокий за разрешение упомянуть это изваяние.

Датируются эти памятники по изображенным на них акинакам, представленным следующими типами: с брусковидным навершием и почковидным и бабочковидным перекрестьями; с брусковидным навершием и прямым перекрестьем; с антенновидным навершием и бабочковидным перекрестьем; с овальным навершием и почковидным перекрестьем (рис. 2, 3, 4). Эти типы мечей бытуют в VI—V вв. до н. э.[36]

Даты двух изваяний — Терновского и Краснодарского-1 — уточняются и другими деталями. На Терновском — это изображение на ритоне[37]. Дата Краснодарского-1 изваяния по мечу подтверждается характером изображенных на оплечьях грифонов и оленя в центре панциря[38].

Трудно датировать изваяние из Грушевки. Нечеткость изображения во всех публикациях, разночтение на прорисовках не дают возможности сказать что-либо определенное о перекрестье меча с изваяния. П. Н. Шульц называет его сердцевидным, сравнивая с акинаком из Келермесского кургана, так как они «близки по общим очертаниям». Такое сравнение представляется возможным и позволяет пока принять датировку акинака, предложенную П. Н. Шульцем — VI в. до н. э.[39]

Рис. 2. *1* — Киев; *2* — Медерово

Изваяния IV—III вв. до н. э.: Днепропетровск-2[40], Жданов[41], Ольховчик[42], Донское[43], 1 и 2 Черноморские[44], хут. Ковалевский[45], Буторы[46].

На первых четырех изваяниях присутствуют изображения мечей, которые являются основой для датировки. Дата изваяния с хут. Ковалевского также определяется П. Н. Шульцем по мечу. Мечи на этих изваяниях представлены следующими типами: с когтевидным навершием; с брусковидным навершием и ложнотреугольным перекрестьем; с округлым выступом в нижней части ножен; с боковыми выступами треугольной и прямоугольной формы (рис. 5, 6). Такие мечи распространены в IV—III вв. до н. э.[47] На изваянии из с. Ольховчик изображен шлем аттического типа IV в. до н. э.

---

[36] *А. И. Мелюкова.* Вооружение скифов. САИ, вып. Д1—4, М., 1964, стр. 49, 50, 53.
[37] *Н. Г. Елагина.* Скифские антропоморфные стелы..., стр. 191.
[38] *П. Н. Шульц.* Скифские изваяния Причерноморья, стр. 232.
[39] Там же, стр. 230.
[40] *T. Passek, B. Latynine.* Sur la question..., p. 292.
[41] *А. И. Мелюкова.* Каменная фигура скифа-воина. КСИИМК, 48, 1952, стр. 125—129.
[42] *О. К. Тахтай.* Скіфська статуя з с. Ольхивчик Донецькоі області. «Археологія», XVII, Київ, 1964, стр. 205, 206.
[43] *А. А. Миллер.* Ук. соч., стр. 100.
[44] *П. Н. Шульц.* Ук. соч., стр. 230, 233.
[45] *П. Н. Шульц, Н. И. Навротский.* Прикубанские изваяния..., стр. 195, рис. 3.
[46] По датировке А. И. Мелюковой. Автор пользуется случаем поблагодарить А. И. Мелюкову за предоставленную возможность учесть это изваяние.
[47] *А. И. Мелюкова.* Вооружение скифов..., стр. 51.

Черноморские изваяния датировать несколько сложнее. На первом Черноморском плохо сохранился меч, дату его определить практически невозможно. П. Н. Шульц считает, что здесь изображено волютообразное навершие, датируя изваяние V—IV вв. до н. э.[48] Форма горита, напоминающая горит с сакского рельефа, изображающего Геракла[49], заставляет отнести изваяние не ранее, чем к IV в. до н. э.

Второе Черноморское изваяние также определенно датировать трудно. Единственной деталью, которую можно взять за основу для приблизитель-

Рис. 3. *1* – Станишино; *2* – Грушевка; *3* – Днепропетровск-1; *4* – Надежда; *5* – Калиновка; *6* – Терновка

ной датировки, является панцирь. Вероятно, здесь изображен пластинчатый панцирь, как считает П. Н. Шульц[50]. Трудно согласиться с Е. В. Черненко, возражающим против этого. Он предлагает считать этот панцирь кожаным, приводя аналогии: панцирь воина с Солохинского гребня и изображение на ритоне, приобретенном А. А. Бобринским[51]. Эти аналогии не кажутся убедительными, так как на одном из этих панцирей (Солохинский гребень) один ряд складок, а на панцире воина с изображения на

[48] *П. Н. Шульц.* Ук. соч., стр. 231.

[49] *М. А. Наливкина.* О некоторых памятниках античной эпохи северо-западного Крыма. СА, VI, 1940, рис. 1.

[50] *П. Н. Шульц.* Скифские изваяния..., стр. 233.

[51] *Е. Придик.* Два серебряных ритона из коллекции Имп. Эрмитажа. ЗООИД, XXX, Одесса, 1903, стр. 175, табл. IV; V, *3*.

ритоне их вообще нет, тогда как Е. В. Черненко берет за основу аналогий именно этот признак. На панцире же с изваяния изображены два ряда пластин, расположенных так, что ребро каждой пластины приходится не совсем точно на ребро пластины нижнего ряда. В свою очередь каждая пластина в обоих рядах немного закрывает бок соседней с ней пластины. Именно так пришивались пластины на кожаную основу панциря[52]. П. Н. Шульц, используя панцирь и оплечья в качестве датирующего материала, относит изваяние к IV—III вв. до н. э.[53]

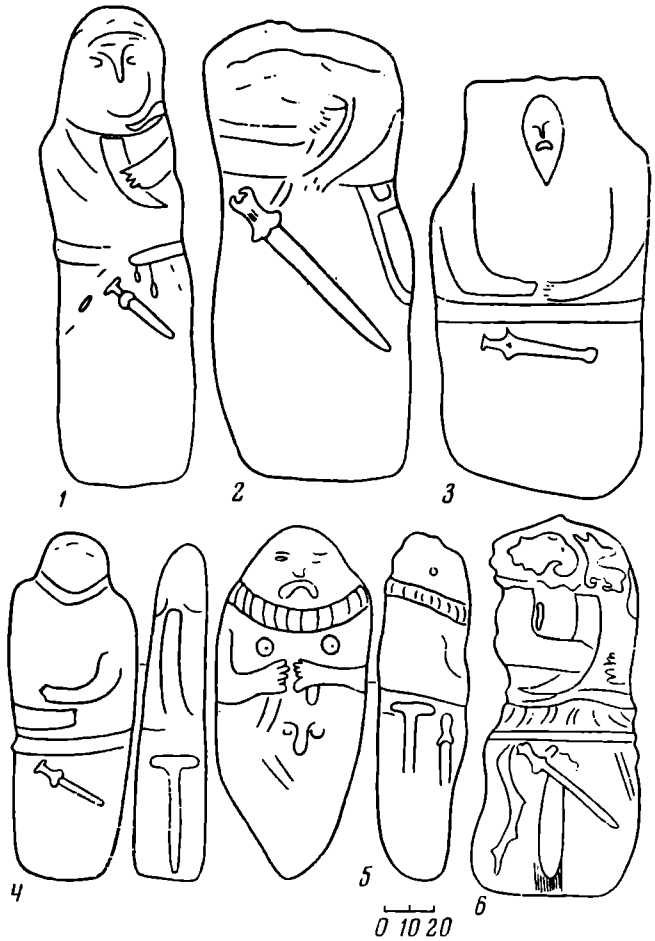


Рис. 4. *1* – Эрделевка; *2* – Первомайск; *3* – Галайты; *4* – Сибиоара; *5* – Бесскорбная; *6* – Краснодар-1

Некоторые памятники не поддаются твердой датировке. К таким относятся следующие изваяния: Ступина[54], Добруджа-3[55], Краснодар-2[56], Чайка[57], Вишневка[58] (рис. 7). На некоторых изваяниях изображение меча очень плохо сохранилось (Ступина, Краснодар-2). На остальных же (Добруджа-3, Чайка, Вишневка) изображение меча отсутствует, а других деталей для совершенно твердой датировки нет.

[52] *Н. И. Веселовский.* Бронзовый панцирный нагрудник с изображением головы Медузы. ИАК, 65, 1918, стр. 2.

[53] *П. Н. Шульц.* Скифское изваяние, найденное у городища «Чайка». Сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л., 1968, стр. 329.

[54] *A. Alexandrescu.* Doua statui..., p. 291.

[55] Там же.

[56] *А. А. Миллер.* Новый источник..., стр. 106.

[57] *П. Н. Шульц.* Скифское изваяние..., стр. 325.

[58] *Е. Н. Черепанова, А. А. Шепинский.* Там, где пройдет Северо-Крымский. Симферополь, 1966, стр. 79.

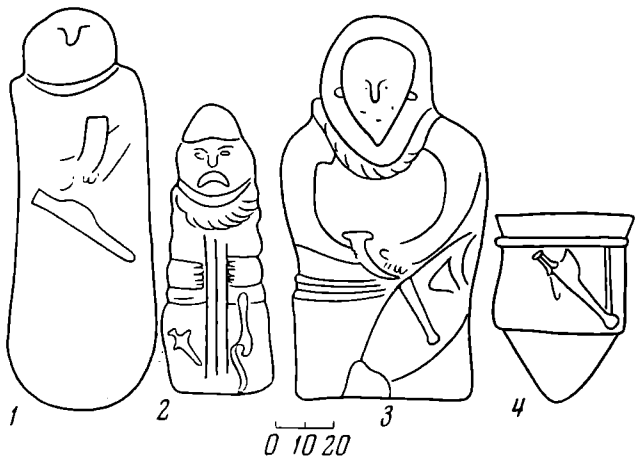


Рис. 5. *1* – Донское; *2* – Ольховчик; *3* – Днепропетровск-2; *4* – Жданов

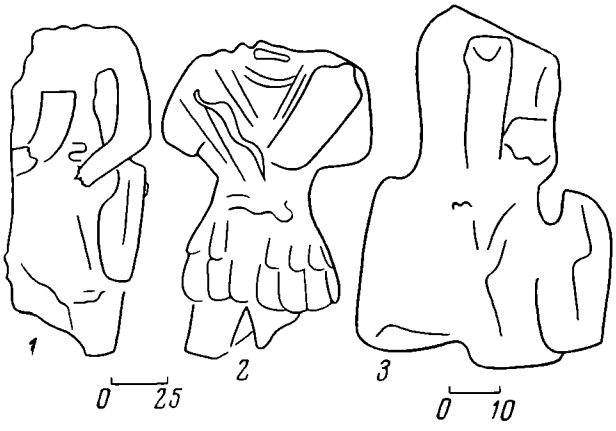


Рис. 6. *1* – 1-е Черноморское; *2* – 2-е Черноморское; *3* – хут. Ковалевский

Изваяния из Ступины и Добруджа-3 А. И. Мелюкова предлагает датировать IV—III вв. до н.э.[59] Аргументов для такой датировки автор не приводит. А. Александреску считает их относящимися ко второй половине V в. до н.э.[60] Это кажется более правильным, но в качестве доказательства этой точки зрения она приводит аналогию боковому выступу меча со ступинского изваяния, сравнивая его с акинаком из Меджидии и с мечом ждановского изваяния. Этот признак не может быть взят за основу при датировке меча, так как выступы существовали, вероятно, одновременно разных форм. Так, ждановский меч датируется IV в. до н. э. Поэтому датировать это изваяние можно только по общему облику. То же можно сказать и о Добрудже-3.

Таким образом, румынские памятники, по-видимому, надо датировать по общему облику V в. до н. э. Только по общему облику можно примерно датировать и Краснодарское-2 — V в. до н. э.

Изваяния чайкинское и вишневское резко отличаются от рассматривавшихся выше памятников. Оба они являются «статуарными рельефами». Чайкинское датируется П. Н. Шульцем III в. до н. э.[61]. За основу для датировки взят горит. Но аналогии, приводимые П. Н. Шульцем, представляются неверными. Форма горита с изваяния не совпадает с формами гоитов на монетах Ольвии III в. до н. э. и горита с сакского рельефа с отдыхающим Гераклом, который также датируется III в. до н. э. Горит с чайкинского изваяния отличается «жесткостью» форм, тогда как у горита с рельефа, напротив, округлые очертания. Кроме того, с правой стороны у горита с рельефа выступ. Горит же с изваяния представляет собой почти прямоугольник, лишь слегка суживающийся книзу. Таким образом, кажется неправомерным называть эти гориты даже похожими, а тем более тождественными, как пишет П. Н. Шульц.

Представляется возможным предложить другие аналогии гориту с изваяния. Прежде всего это изображения на монетах Боспора I в. до н. э. (рис. 8). Одна из них датируется первой третью I в. до н. э., вторая —

[59] *А. И. Мелюкова.* Скифские элементы в гетской культуре. КСИА АН СССР, 105, 1965, стр. 38.
[60] *A. Alexandrescu.* Op. cit., p. 300.
[61] *П. Н. Шульц.* Скифское изваяние..., стр. 330.

до 63 г. до н. э.[62] Кроме того, подобной формы гориты мы видим на боспорских стелах I в. до н. э.— I в. н. э.[63] Здесь мы видим тот же принцип построения, что и у горита с изваяния: прямые, жесткие линии, не скругленные углы, большой размер.

Указанные аналогии как будто заставляют думать о более поздней датировке горита, чем предложенная П. Н. Шульцем. Поскольку горит является единственной датирующей деталью, следует осторожно подходить к вопросу о дате изваяния, поэтому пока предлагается отнести его к I в. до н. э.— I в. н. э. только предположительно.

По общему облику вишневское изваяние очень напоминает чайкинское: оно сделано также в виде статуарного рельефа. Набор атрибутов тоже совпадает: в правой руке изваяния — ритон, на левом боку — горит. К сожалению, принять во внимание горит пока не представляется возможным, так как в публикации он не показан достаточно хорошо. Одежда вишневского изваяния также похожа на чайкинское: это кафтан и длинные штаны. Поэтому вишневский памятник пока предположительно надо отнести тоже к I в. до н. э.— I в. н. э.

Изваяния I—IV вв. н. э. очень сильно отличаются от ранних. В эту группу входят следующие памятники: Керменчик[64], стелы Заветнинского могильника[65], Арабатская стрелка, Демидово, Одесский музей[66], Скалистое[67].

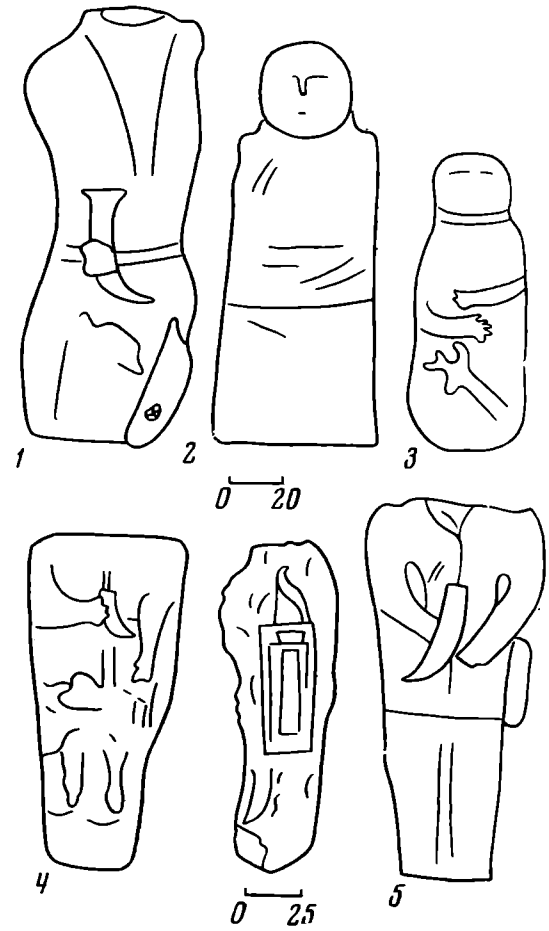


Рис. 7. *1* — Краснодар-2; *2* — Добруджа-3; *3* — Ступина; *4* — Чайка; *5* — Вишневки

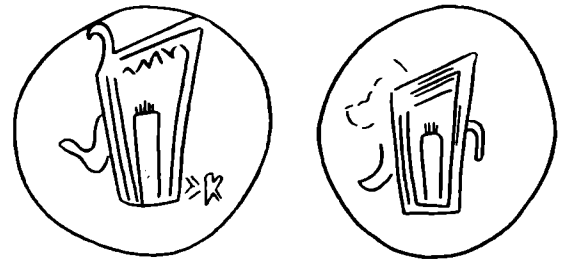


Рис. 8. Боспорские монеты I в. до н. э.— I в. н. э.

---

[62] *А. Н. Зограф.* Античные монеты. МИА, 16, 1961, табл. XLIII, *22*; табл. XLIV, *1*, стр. 246.

[63] *G. Kieseritzky und C. Watzinger.* Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909. Taf. LIII; *А. П. Иванова.* Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961, стр. 142, табл. 74.

[64] *О. Д. Дашевская.* Скифское городище Красное. КСИИМК, 70, 1957, стр. 116.

[65] *Н. А. Богданова.* Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму. СА, 1961, 2; *ее же.* Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника. СА, 1965, 3.

[66] *П. Н. Шульц.* Антропоморфная стела сарматского круга, найденная на Арабатской стрелке. ЗОАО, т. I (35), Одесса, 1967.

[67] *Е. І. Соломоник.* Нові па'мятки з сарматськими знаками. АП УРСР, XI, Київ, 1962, стр. 163.

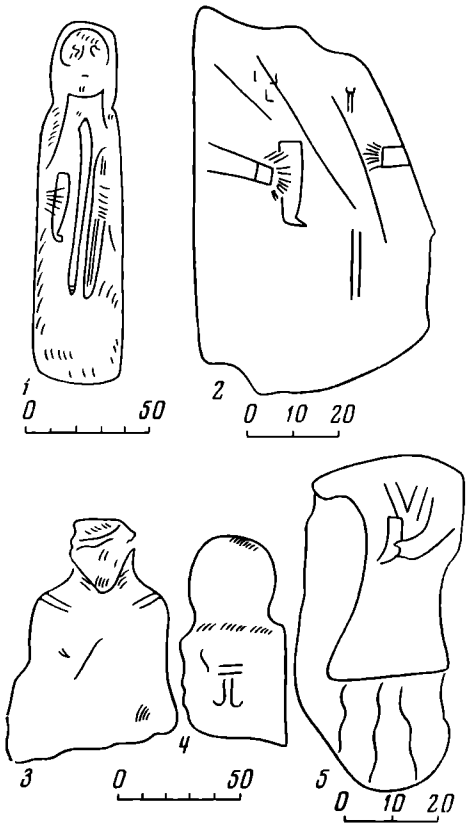


Рис. 9. Стелы Заветнинского могильника: *1* – стела 1; *2* – стела 4; *3* – стела 5; *4* – стела 6; *5* – стела 3

Стелы 1 и 4 Заветнинского могильника объединяет общность стиля. Н. А. Богданова относит их к сарматским, тогда как они являются ярким примером продолжения скифских традиций в монументальном искусстве Крыма. Об этом говорит прежде всего общий облик памятников, напоминающий ранние изваяния (рис. 9, *1*, *2*). Кроме того, мы видим тот же набор атрибутов, что также делает очень близким иконографическое сходство.

Стела 3 из Заветного сделана в виде статуарного рельефа (рис. 9, *5*). П. Н. Шульц датирует его I—II вв. и считает, что здесь изображена сцена побратимства [68]. Трактовать так определенно сюжет этого памятника, возможно, и рискованно из-за того, что сохранившийся фрагмент слишком невелик, но скифская основа его несомненна — ритон, прижатый к груди, одежда. Н. А. Богданова справедливо усматривает следы греческого влияния, которое несет на себе эта стела [69]. Она причисляет этот памятник к кругу скифских Северного Кавказа, сравнивая его с краснодарским, которое, по ее мнению, также является статуарным рельефом. Но в Крыму нам также известны статуарные рельефы, ближе по времени к стеле 3 (Чайка, Вишневка), поэтому вряд ли стоит связывать ее именно с прикубанским кругом памятников.

Стела 5 также отнесена Н. А. Богдановой к кругу скифских памятников. По ее мнению, со скифскими стелу сближает и бородатое лицо, и головной убор, напоминающий скифские шапки с опушкой [70] (рис. 9, *3*). Кроме того, сохранились следы гривы. Стела 6 напоминает антропоморфные надгробия с Боспора [71], на ней изображен сарматский знак (рис. 9, *4*). Все стелы Заветнинского могильника датируются первыми тремя веками нашей эры.

Кермен-кырское изваяние обликом напоминает боспорские надгробия с «шипом» и, вероятно, здесь надо видеть влияние боспорских традиций на скифское искусство (рис. 10, *4*).

Следующая группа памятников — примитивные антропоморфные изваяния. К ним относятся изваяния: арабатское, демидовское, Одесского музея, из Скалистого (рис. 10). Все эти памятники отличаются упрощенностью и схематизмом, почти полным отсутствием изображений. У арабатского изваяния намечены контуры лица, в верхней части — сарматский знак. П. Н. Шульц датирует изваяние по характеру знака II—III вв. [72]

У стелы из с. Демидово также намечено лицо, заметно изображение пояса. На изваянии из Одесского музея нет никаких изображений, только слегка обозначено лицо. Памятник из с. Скалистое сделан из валуна.

---

[68] *П. Н. Шульц.* О скифской монументальной скульптуре. Архив ЛОИИМК, 1933, стр. 280.
[69] *Н. А. Богданова.* Ук. соч., стр. 234.
[70] *Н. А. Богданова.* Ук. соч., стр. 236.
[71] *А. И. Иванова.* Боспорские антропоморфные надгробия. СА, XIII, 1950.
[72] *П. Н. Шульц.* Антропоморфная стела..., стр. 196, 197.

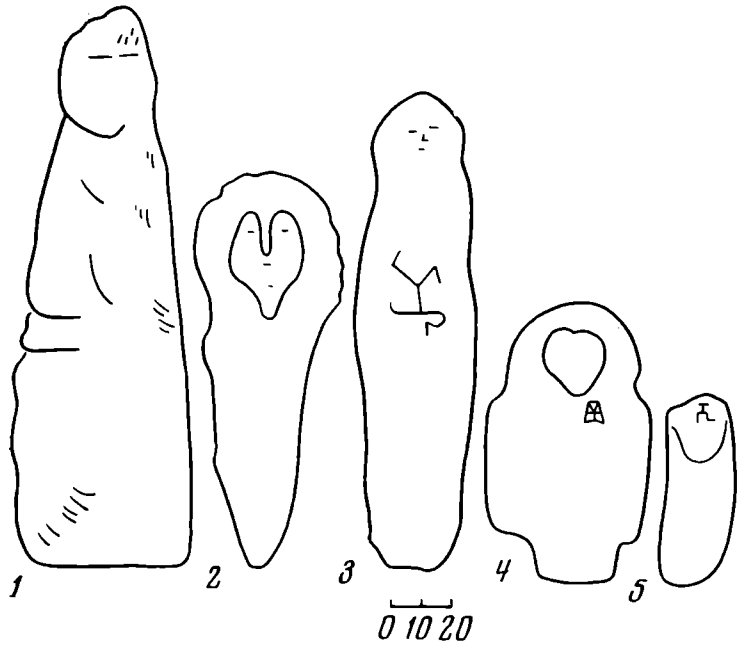


Рис. 10. *1* – Демидово; *2* – Одесский музей; *3* – Арабатская стрелка; *4* – Кермен-Кыр; *5* – Скалистое

Единственное изображение — сарматский знак. Это изваяние, по-видимому, надо считать самым поздним, во всяком случае не раньше IV в. Таким образом, оно как бы завершает ряд антропоморфных изваяний Северного Причерноморья. Возможно, что его надо относить уже не к скифскому кругу памятников.

Следовательно, поздние изваяния можно разделить на памятники, в которых заметна генетическая связь со скифскими VI—III вв. до н. э. (стелы 1,4 и 5 из Заветного); памятники со скифской традицией, но с сильным греческим влиянием (стела 3 из Заветного); памятники характерной для Боспора формы (Кермен-кыр и стела 6 из Заветного) и, наконец, примитивные антропоморфные изваяния (Арабатская, Демидово, Одесский музей, Скалистое).

В тесной связи с хронологической классификацией находится вопрос об эволюции форм скифской скульптуры. Его затронул П. Н. Шульц, предложивший следующий эволюционный ряд: «Изменение формы шло от менгира и антропоморфной стелы к изваянию, а затем к статуе полуфигуре, в которой все больше и больше внимания уделялось изображению головы» [73]. На первый взгляд этот ряд строен и логичен. Но стройность его нарушается, лишь только мы привлечем большее количество памятников.

Скифские изваяния делятся П. Н. Шульцем на следующие территориальные группы: придунайская, буго-днепровская, крымская, донецкая, донская, кубанская, северокавказская [74]. Изваяния VI—V вв. до н. э. есть почти во всех группах. Придунайская — Сибиоара, Ступина, Добруджа-3. Буго-днепровская — Станишино, Эрделевка, Грушевка, Днепропетровск-1, Киев, Медерово, Кировоград, Первомайск, Терновка, Калиновка. Крымская — Надежда. Кубанская — Бесскорбная, Краснодар-1, Краснодар-2. Северокавказская — Галайты. Почти все они отличаются менгирообразностью, подчиненностью плите. Разительно отличаются от остальных толь-

[73] *П. Н. Шульц.* Скифские изваяния Причерноморья, стр. 236.
[74] Там же, стр. 237.

ко изваяния Краснодар-1 и Краснодар-2. Они ближе к круглой скульптуре, в особенности Краснодар-1.

К IV—III вв. до н. э. относятся: донецкая группа — Ольховчик, Жданов; буго-днепровская — Днепропетровск-2; кубанская — хут. Ковалевский; крымская — 1-е и 2-е черноморские. Первые три изваяния сделаны в стиле опять-таки менгирообразного антропоморфного изваяния. Отличается от них памятник кубанской группы, который так же ближе к круглой скульптуре, как и изваяния этой группы VI—V вв. до н. э. П. Н. Шульц убедительно доказал, что подобные памятники появились в Прикубанье в результате влияния ближневосточного искусства на местных мастеров [75]. Крымские изваяния IV—III вв. до н. э. также близки круглой скульптуре, но их облик говорит о влиянии греческого искусства на скифское, что было также отмечено П. Н. Шульцем [76].

Специфическими особенностями, как мы видим, отличаются прикубанская и крымская группы. Остальные же памятники, не повторяя ни разу один другого, тем не менее однотипны. Господствующая форма изваяний VI—III вв. до н. э.— примитивное антропоморфное изваяние с минимальной детализацией. Появление редких памятников, по форме близких к круглой скульптуре, объясняется их присутствием в районах, где сильны влияния ближневосточного и греческого искусства.

Нельзя принять положение П. Н. Шульца о том, что при изготовлении изваяний все большее внимание уделялось моделированию головы, так как уже в VI—V вв. до н. э. встречаются памятники с хорошо проработанной головой и лицом (Терновка). Из более поздних можно привести в качестве примера только изваяние из с. Ольховчик, у остальных же изваяний почти всегда утрачена верхняя часть. Форма антропоморфных изваяний была обусловлена местом их установки на курганах, что само по себе не могло вести к детализации, к тенденции развития примитивных памятников в круглую скульптуру.

Переход к грунтовым могильникам в позднюю эпоху способствовал появлению других типов памятников: распространенными становятся рельефы и небольшие антропоморфные надгробия боспорского и херсонесского типов. Но и в это время встречаются изваяния, продолжающие скифские традиции форм антропоморфных памятников. Изваяния I в. до н. э.— IV в. н. э. почти все происходят из Крыма: Чайка, Вишневка, Кермен-кыр, стелы Заветнинского могильника, Арабатская стрелка, Скалистое. Два происходят из Одесской области — Демидово и стела Одесского музея.

Необходимо коротко сказать о причинах отсутствия подобных памятников во II в. до н. э. Думается, что это надо объяснить внешнеполитическими условиями, сложившимися в это время на территории Северного Причерноморья. В конце III в. до н. э. начинается массовое передвижение сарматских племен на запад. Часть скифских племен передвинулась к югу — в Крым, который стал центром скифской культуры, подвергшейся сильным античным и местным влияниям и в свою очередь повлиявшей на их традиции.

В связи с этим нужно остановиться на вопросе об этнической принадлежности поздних памятников. В археологической литературе существует термин «сарматизация». О правомерности употребления этого термина по отношению ко всем отраслям культуры мы говорить не будем, коснемся его только применительно к монументальному искусству. П. Н. Шульц считает, что антропоморфные стелы типа арабатской «создавались сарматской этнокультурной средой» [77]. О сарматизации говорит также И. И. Гущина [78].

---

[75] *П. Н. Шульц.* Скифские изваяния Причерноморья, стр. 232.
[76] Там же, стр. 233.
[77] *П. Н. Шульц.* Антропоморфная стела..., стр. 201.
[78] *И. И. Гущина.* О сарматах в юго-западном Крыму. СА, 1967, 1, стр. 40.

В связи с этим возникает вопрос, известны ли нам подобные памятники с исконно сарматских территорий — южного Приуралья и Поволжья. К. Ф. Смирнов приводит два таких изваяния: из урочища Бердинская гора и из кургана под г. Элиста [79]. Кроме того, он упоминает памятник из Куйбышевской области [80] и предлагает датировать его сарматским временем [81], тогда как П. Н. Шульц относит последний к гораздо более раннему времени. Так что ничего определенного об этом изваянии сказать нельзя. К савроматским И. И. Ляпушкин относит два изваяния из могильника близ Карнауховского поселения [82]. Но П. Н. Шульц считает их скифскими [83].

Из всего сказанного следует, что у сарматских племен не было столь устойчивой традиции установки надгробных памятников, которая наблюдается у скифов с VI в. до н. э., хотя исследовано много савроматских погребальных комплексов. Одним из главных доказательств принадлежности рассматриваемых памятников сарматам исследователи считают наличие на некоторых из них сарматских знаков. Но сарматские знаки были распространены очень широко. Пользоваться ими могли не обязательно только сарматы. Примером распространенности сарматских знаков может служить стела из с. Заздрость [84]. В Крыму сарматские знаки были, видимо, восприняты всеми этническими группами. Доказательством заимствования скифами этой традиции является стела 4 из Заветного. Изваяния типа арабатского надо, видимо, рассматривать как упрощенный вариант традиционной формы ранних скифских памятников.

В I в. до н. э.—IV в. н. э. мы сталкиваемся в Крыму со смешением культур. И. И. Гущина говорит даже о присутствии иногда в одних и тех же погребениях черт обрядов, принадлежащих разным народам [85]. Смешение это отразилось и на монументальном искусстве, поэтому представляется неправомерным для позднего времени выделять группы изваяний, определенно принадлежащие тем или иным этническим группам, а можно только проследить отголоски традиций раннего искусства.

Количество накопленного материала, как уже говорилось, позволяет относиться к антропоморфным каменным изваяниям как дополнительному источнику для изучения истории скифских племен. Поэтому кажется возможным высказать в качестве предположения некоторые соображения общего характера, в частности в связи с размещением памятников.

Прежде всего относительно территории расселения скифских племен. Вопрос чрезвычайно сложный, исследователи не пришли пока к единому выводу по поводу границ скифского царства. Основная масса ранних изваяний происходит, как мы видим, из районов между Бугом и Ингульцом (рис. 11), что заставляет думать, не был ли здесь центр раннего скифского царства, а не между Днепром и Донцом, где его помещает М. И. Ростовцев [86].

Особенно интересно, что несколько памятников происходят из Кировоградской и даже более северных областей, которые до сих пор некоторые исследователи исключали из границ собственно Скифии [87]. Подобное размещение изваяний, возможно, в какой-то степени свидетельствует о том,

---

[79] *К. Ф. Смирнов.* Савроматы. М., 1964, стр. 172, 173, рис. 75, *21.*

[80] *А. П. Смирнов.* Куйбышевская каменная баба. КСИИМК, XII, 1946, стр. 40—43, рис. 17.

[81] *К. Ф. Смирнов.* Ук. соч., стр. 172, 173.

[82] *И. И. Ляпушкин.* Курганный могильник близ Карнауховского поселения. МИА, 1962, стр. 317, рис. 3.

[83] *П. Н. Шульц.* Скифские изваяния Причерноморья, сноска на стр. 226.

[84] *W. Antoniewicz.* Zelaz ne oszczepy inkrustowane z Kamienicy. PA, t. I, 3, 4, Poznan, 1920, p. 105, ris. 10.

[85] *И. И. Гущина.* Ук. соч., стр. 44.

[86] *М. И. Ростовцев.* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918, стр. 40.

[87] *Б. Н. Граков* и *А. И. Мелюкова.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. ВССА, М., 1953, стр. 62, 63.

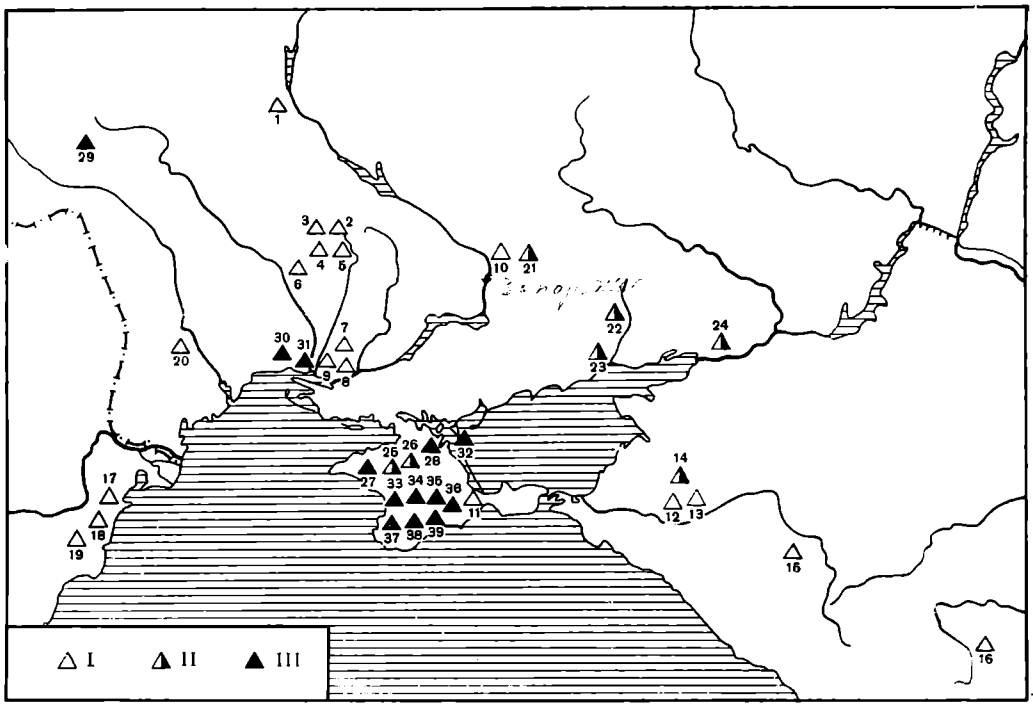


Рис. 11. Ареал антропоморфных каменных изваяний: I – изваяния VI–V вв. до н. э.: II – изваяния IV–III вв. до н. э.; III – изваяния I в. до н. э.– IV в. н. э.

1 – Киев; *2* – Медерово; *3* – Кировоградский музей; *4* – Станишино; *5* – Эрделевка; *6* – Первомайск; *7* – Терновка; *8* – Калиновка; *9* – Грушевка; *10* – Днепропетровск-1; *11* – Надежда; *12* – Краснодар-1; *13* – Краснодар-2; *14* – хут. Ковалевский; *15* – Бесскорбная; *16* – Галайты; *17* – Ступина; *18* – Сибиоара; *19* – Добруджа-3; *20* – Буторы; *21* – Днепропетровск-2; *22* – Ольховчик; *23* – Жданов; *24* – Донское; *25* – 1-е Черноморское; *26* – 2-е Черноморское; *27* – Чайка; *28* – Вишневки; *29* – Заздрость; *30* – Демидово; *31* – Одесский музей; *32* – Арабатская стрелка; *33* – Керменчик-Кыр; *34–38* – стелы Заветнинского могильника; *39* – Скалистое

что северную границу Скифии надо проводить по северной границе украинской лесостепи, как это делает А. И. Тереножкин [88]. В районах же Северного Приазовья нет ранних памятников, что совпадает с положением М. И. Артамонова о более позднем заселении их скифами [89].

Ниже высказываются исключительно предположительные соображения, ни в коей мере не претендующие на окончательное разрешение проблемы. Однако постановка вопроса о месте монументального искусства в истории скифов кажется вполне своевременной и необходимой. Поскольку рассматриваемая категория памятников, безусловно, несет на себе идеологическую нагрузку, хочется сделать попытку проанализировать размещение изваяний с точки зрения общественно-политических событий, происходивших в Скифии VI—III вв. до н. э.

Как уже говорилось, большее количество изваяний датируется VI—V вв. до н. э. и сосредоточено в основном в Буго-Днепровском междуречье. Изваяний IV—III вв. до н. э. из этих районов мы не знаем. Памятники этого времени происходят, как правило, с удаленных от них территорий. Такое размещение памятников, возможно, не совсем случайно.

В связи с этим необходимо затронуть вопрос о назначении изваяний. Здесь у исследователей также нет единого мнения. Б. Н. Граков называл их надгробными стелами, изображающими героизированного умершего [90].

[88] *А. И. Тереножкин.* Об общественном строе скифов. СА, 1966, 2, стр. 33.
[89] *М. И. Артамонова.* Киммерийцы и скифы, стр. 92.
[90] *Б. Н. Граков.* Скифы. М., 1971, стр. 87.

Н. Г. Елагина говорит, что это изображение умершего царя с регалиями, пожалованными ему божеством в знак царской власти [91]. А. И. Мелюкова считала, что изваяния изображали бога войны Арея [92]. Позже она изменила свою точку зрения, говоря о добруджинских изваяниях как о поставленных скифским военачальникам [93].

М. И. Артамонов говорит, что у скифов вообще не было бога войны, и что Геродот примыслил к культу меча антропоморфный обряд божества, подобный греческому Арею, «но не смог назвать скифского имени этого бога, ибо его не знали и сами скифы, у которых не было такого бога» [94]. П. Н. Шульц также склоняется к мысли, что изваяния изображали военачальников-вождей [95]. Такое толкование назначения изваяний кажется наиболее вероятным. Несомненно, что они изображали людей, облеченных властью, об этом говорят атрибуты — ритон, меч, гривна.

В VI—V вв. до н. э. скифские племена были объединены в союз, в который входили три группы племен и каждая имела своего вождя [96]. В IV в. до н. э. в Скифии возникает централизованное государство во главе с Атеем [97]. В связи с этим власть отдельных вождей ослабевает. Поэтому изваяния, служившие символом незыблемости власти родо-племенной знати, почти совершенно исчезают в районе, где находился центр государства Атея со столицей в Каменском городище [98].

Не служит ли это в свою очередь доказательством того, что изваяния были поставлены не богу войны Арею, а вождям? Вряд ли так внезапно могла исчезнуть традиция изображать божество, для этого не было причины. Ведь остальные божества продолжают бытовать (например, змееногая богиня Табити) и есть множество их изображений.

Памятники IV—III вв. до н. э. остаются в удаленных от центра районах, где, возможно, централизованная власть была несколько слабее. Может быть, это надо объяснять и тем, что внешняя политика Атея была направлена на завоевание западных земель, что также ослабляло центральную власть в других районах [99]. В позднее время, с перемещением центра Скифии в Крым, скифская традиция установки надгробий в виде антропоморфных изваяний до некоторой степени возрождается и к IV в. постепенно затухает.

E. A. Popova

LES SOURCES DES TRADITIONS ET DE L'EVOLUTION DES FORMES DE LA SCULPTURE SCYTHE

Résumé

Les sculptures anthropomorphes en pierre des Scythes ont depuis longtemps intéressé les savants. Les traditions de l'art scythe monumental se sont formées, sans doute, sous l'influence de l'art du Proche — Orient. En outre, l'iconographie des monuments scythes a subi l'influence de la sculpture de l'époque du bronze sur le littoral nord de la mer Noire. On peut diviser en trois groupes les sculptures scythes: du VIe s. au Ve s. av. n. ère (fig. 1, 2, 3, 4); du IVe s. au IIIe s. av. n. ère (fig. 5, 6); du Ier s. av. n. ère au IVe s. de n. ère (fig. 8, 9). Quelques monuments ne peuvent être datés exactement

[91] *Н. Г. Елагина.* Антропоморфные стелы..., стр. 195.
[92] *А. И. Мелюкова.* Каменная фигура..., стр. 128.
[93] *А. И. Мелюкова.* Скифские элементы..., стр. 38.
[94] *М. И. Артамонов.* Антропоморфные божества в религии скифов. АСбГЭ, 2, 1961, стр. 77.
[95] *П. Н. Шульц.* Скифские изваяния Причерноморья, стр. 236.
[96] *И. В. Яценко.* Скифия VII—V вв. до н. э. М., 1959, стр. 110.
[97] *Б. Н. Граков.* Скифы, стр. 40, 41.
[98] *Б. Н. Граков.* Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 170.
[99] *Д. Б. Шелов.* Царь Атей. НС, II. Киев, 1965, стр. 24 сл.

(fig. 7). La question de l'évolution des formes de cette sculpture est étroitement liée au classement chronologique. La forme dominante des monuments scythes est la sculpture anthropomophe avec un minimum de détails. Les monuments du Kouban et de Crimée se distinguent par des particularités spécifiques, ce qui est expliqué par leur présence dans des régions où se faisaient fortement sentir l'influence du Proche — Orient et du monde antique. A une époque plus tardive, les sculptures faites suivant les anciennes traditions répètent aussi cette forme (stèles de la sépulture de Savetninski (fig. 9, *1, 2, 3*). Certains savants estiment que les stèles sarmates sont plus tardives, en particulier parce qu'il s'y trouvent des signes sarmates. Mais ces derniers sont très répandus et tous les groupes ethniques de la Crimée ont pu les emprunter. On sait aussi que chez les Sarmates il n'existait pas de tradition bien établie d'élever des monuments funéraires anthropomorphes. La carte des monuments permet d'émettre quelques hypothèses sur les frontières de la Scythie. En particulier, on peut supposer que les bornes septentrionales coïncidaient avec la limite nord de la région sylvo-steppique de l'Ukraine, étant denné qu'un assez grand nombre de sculptures se trouvent dans la région de Kirovograd, et parfois même plus au nord (fig. 10).

Б. А. РАЕВ

К ХРОНОЛОГИИ РИМСКОГО ИМПОРТА В САРМАТСКИХ КУРГАНАХ НИЖНЕГО ДОНА

В комплекс сарматского погребения из 3-го Соколовского кургана, раскопанного в 1970 г., входил импортный римский бронзовый кувшин. Кувшин лежал к юго-западу от могильной ямы, на боку, в составе погребальных даров умершему.

В быту римских граждан подобные сосуды употреблялись для самых различных целей. На стенных росписях в Помпеях, можно видеть, как им пользуются при купании [1] и как столовой посудой [2]. Находка подобного сосуда в римском колодце на юге Франции [3] говорит об использовании подобных сосудов для переноски воды.

В предварительной публикации была дана датировка комплекса в целом, основанная на изучении предметов местного производства, входивших в комплекс — бронзового литого котла на высокой полой ножке с ручками, выполненными в форме фигурок козлов, и красноглиняного кувшина с биконическим туловом и желобчатой ручкой. Время возведения курганной насыпи было определено близким к середине I в. н. э. [4] С этой датой хорошо согласуется и уточненная датировка изготовления бронзового таза — первая половина I в. н. э.

Бронзовый кувшин из кургана имеет высоту 30,5 *см*, диаметр тулова в самой широкой его части 19 *см* и диаметр венчика 12,5 *см* (рис. 1). Тулово сосуда округлое, при переходе в узкое и высокое горло по плечикам его проходит ребро, выше его — поясок лесбийского киматия. Горло сосуда, узкое в своей центральной части, постепенно расширяется к сильно отогнутому горизонтальному венчику. Венчик по краю украшен овами, кроме той его части, к которой прикреплялась ручка. Ручка кувшина литая, массивная, расположена вертикально (рис. 2). Верхняя часть ручки охватывает горло двумя лебедиными головками, которые как бы вырастают из распустившегося трилистника. Сверху на ручке имеются два небольших квадратной формы углубления, расположенные симметрично, вероятно служившие для прикрепления шарнира с крышкой (рис. 3). Средняя, вертикальная часть ручки украшена растительным орнаментом, причем в месте перехода от горизонтальной к вертикальной части хорошо видна стилизованная, выполненная в низком рельефе маска льва. Нижний атташ ручки выполнен в виде маски бородатого Пана.

Как и у большинства сосудов этого типа, ручка соколовского кувшина была инкрустирована вставками серебра (глаза Пана и несколько точек растительного орнамента в средней части ручки). Ручка была припаяна к сосуду. На месте прикрепления атташей сохранились следы припоя.

[1] Real Museo Borbonico, vol. I, tav. I.

[2] Ibid., vol. VI, tav. XXXVIII, *4*.

[3] *S. Reinach.* Antiquités Nationales. Description raisonnée du Musée de Saint-Germain-en-Laye. Bronzes figurés de la Gaule romaine. Paris, 1894, p. 320, № 406.

[4] *Б. А. Раев.* Богатое сарматское погребение 3-го Соколовского кургана. Вестн. ЛГУ, № 20, 4, 1972, стр. 128 сл.

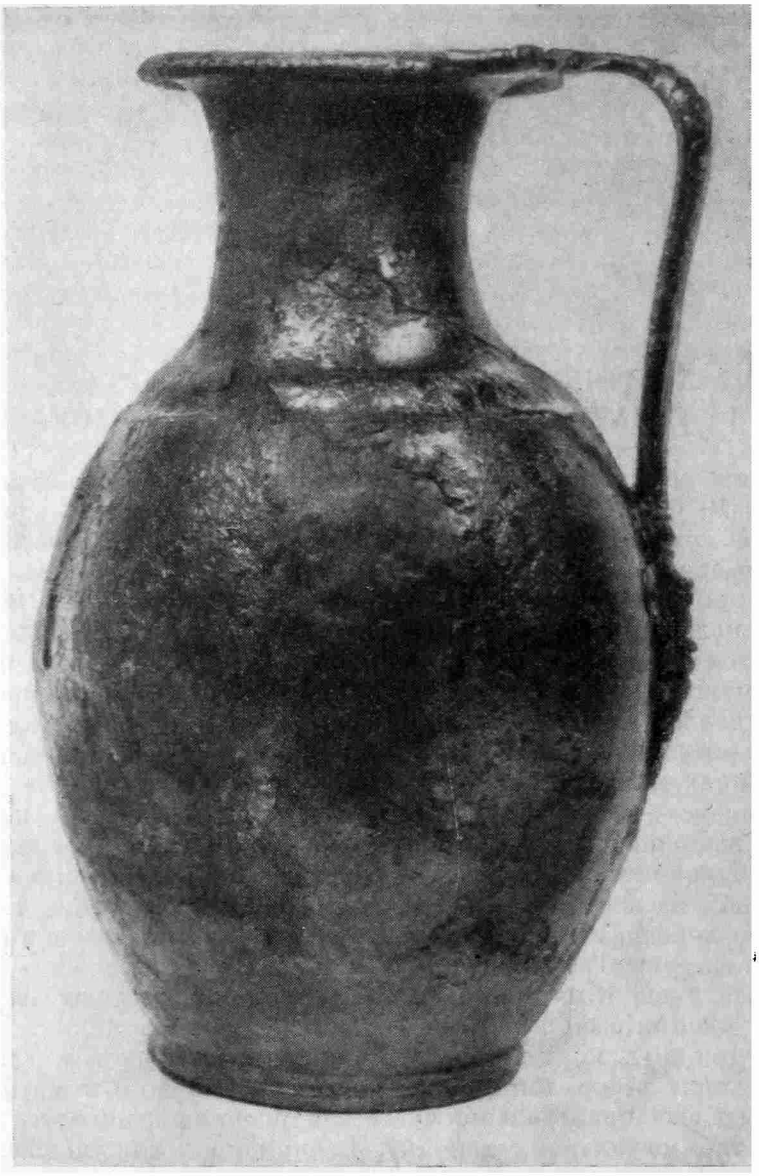


Рис. 1. Бронзовый кувшин из 3-го Соколовского кургана

Припаяны были и три ножки, из которых сохранилась только одна[5], причем отсутствие двух ножек, видимо, не случайно, так как в местах их прикрепления ко дну ясно видны были следы припоя, свидетельствующие о том, что ножки отпали незадолго до погребения. Их отсутствие можно связать с обычаем порчи вещей, в том числе и сосудов, при погребении, широко распространенным у сарматских племен[6]. В этой связи можно в качестве аналогий привлечь не только котлы с пробитым острым орудием боком[7], но и предметы италийского производства: таз из этого же кургана без под-

[5] Подобные ножки см., например: *A. Furtwangler.* Olimpia, IV, No. 1270, Taf. LXVIII; A letter from R. P. Knight to H. C. Englefield. Archaeologia, XV, London, 1806, p. 393–394, pl. XXXIII (черпак из Нортумберленда).

[6] *К. Ф. Смирнов.* Савроматы. М., 1964, стр. 103, 249.

[7] *С. И. Капошина.* Итоги работы Кобяковской экспедиции. КСИА АН СССР, 103, 1965, стр. 50.

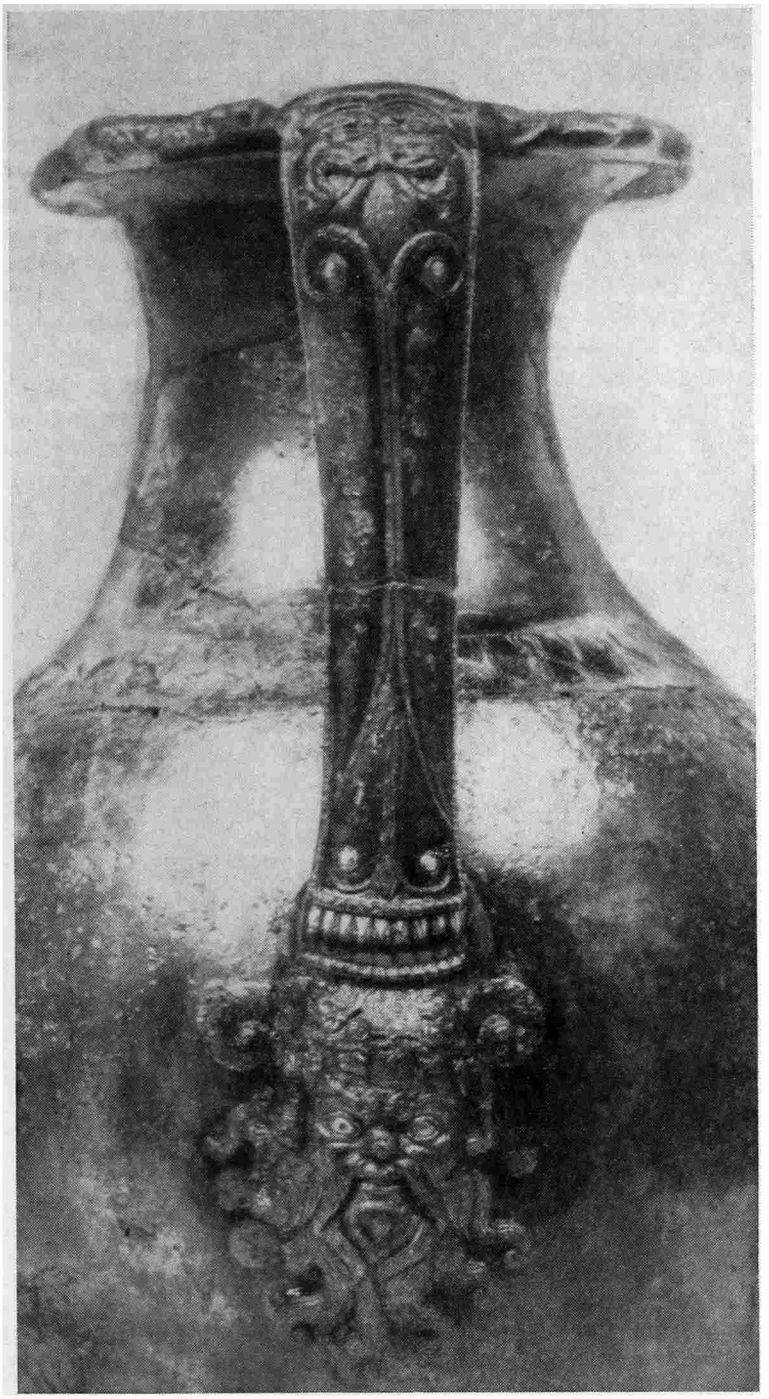


Рис. 2 Ручка кувшина

дона [8], такой же таз без поддона в 13 Багаевском кургане [9], аск без ручки в этом же кургане [10], сосуды без ручек в кургане «Хохлач» [11].

Кувшин из 3-го Соколовского кургана по форме примыкает к типу сосудов, в большом количестве встречающихся на территории Римской импе-

[8] *Б. А. Раев.* Ук. соч., стр. 129, рис. 2.

[9] *С. И. Капошина.* Италийский импорт на Нижнем Дону. ЗОАО, т. II (35), Одесса, 1967, стр. 210, рис. 4, *2*. Таз в кургане стоял вниз дном, и поддон не мог быть снесен бульдозером.

[10] Там же, рис. 3.

[11] Серебряный аск, бронзовая и серебряная амфоры (хранится в ОИПК ГЭ).

Рис. 3. Ручка кувшина. Деталь

рии и прилегающих к ней районов. Кувшины эти были выделены А. Радноти в группу «расчлененных кувшинов с ручкой» (gegliederte Henkelkrüge) [12]. Название это является результатом исследования автором технологии изготовления этих сосудов. Кувшины данного типа составлялись из двух изготовленных отдельно частей (верхней и нижней), которые затем спаивались. Шов в виде резкой грани на месте спайки проходит, как правило, по плечикам сосуда, в месте перехода их в горло. Этим, видимо, следует объяснить то, что кувшин из Соколовского кургана при извлечении из земли распался именно по этой грани.

На нашем кувшине чуть выше места спайки верхней и нижней частей, по краю верхней предварительной заготовки для сосуда, проходит поясок орнамента. Этот тип орнамента часто встречается на эллинистической и

[12] *A. Radnoti.* Die römischen Bronzegefässe von Pannonien. Dissertationes Pannonicae. Ser. II, № 6, Budapest, 1938, S. 159f., taf. XIV, 77.

италийской бронзовой и серебряной посуде [13], причем если на ранних экземплярах он тщательно выполнен [14], то на более поздних уже сильно схематизирован [15].

На подобную же схематизацию указывает и А. Радноти, говоря об изображениях на нижних атташах ручек кувшинов. Он считает, что сосуды, атташи которых выполнены в форме масок (как правило, Медузы или Пана), являются более поздними, чем те, на нижних атташах которых изображены различные сцены. С выводом этим нельзя не согласиться.

Однако для установления даты изготовления этих сосудов нельзя ограничиваться лишь стилистическим анализом избражений на ручках, не учитывая особенностей изготовления самих сосудов. Очень близко по форме к сосудам типа «gegliederte» примыкают кувшины выкованные или иногда отлитые, а затем подправленные на токарном станке. В первом случае, когда сосуд выковывался, он делался не из двух частей, а из цельного куска металла. Сосуды эти имеют литые, украшенные рельефами ручки, атташи которых выполнены в большинстве случаев в виде масок. А. Радноти выделил их в группу «нерасчлененных» (ungegliederte) сосудов [16].

Технология изготовления кувшина из одного листа металла безусловно более совершенна (кроме того, при ней улучшается качество изделия) и можно предположить, что она сменяет предыдущую — отдельное изготовление затем соединяющихся частей. Если попытаться рассмотреть находки сосудов этих двух типов как в Италии, так и на территории провинций, мы получим следующую картину.

а) Сосуды типа «gegliederte». В Британии было найдено четыре подобных сосуда: три на юге острова [17] и один у Вала Адриана, близ г. Карлайл (случайная находка) [18].

В Германии (провинциальной), в областях римского limes'a по Рейну, известны шесть находок подобных сосудов. Кувшины из Рейнцаберн [19] и Вальдкирх [20] были обнаружены в составе случайных находок бронзовых сосудов, которые по инвентарю можно датировать соответственно серединой III и рубежом II—III вв. н. э. Четыре находки не датируются, хотя и известно их происхождение. Один кувшин был найден у Нёйвид [21], второй в римском глиняном карьере у Оттербах [22], и два у Неймегена [23]. Скорее всего, с территории провинции Германия происходит еще один сосуд,

---

[13] A letter from J. Gage to Gurney. Discovery of Roman sepulchral relics at Bartlow, in Essex. Archaeologia, XXVI. London, 1836, p. 303, pl. XXXIV; *H. B. Walters.* Catalogue of the silver plate in the Britich Museum. London, 1921, p. 22, № 80; Real Museo Borbonico, vol. II. tav. XXXII.

[14] См. экземпляры, указанные в сноске 13.

[15] *W. Hübener.* Römische Bronzegefässe in Maximilian — Museum Augsburg. Saalburg Jahrbuch, XVII. Berlin, 1958, S. 73, № 111, Abb. 4—7; *H. J. Eggers.* Römische Bronzegefässe in Britanien. Jahrbuch RGZM, Bd. 13, Mainz, 1966, № 66, Abb. 15a und № 45, Abb. 25b; *A. Frova.* Vasi bronzei romani decorati. Arte Lombarda, VIII, 1. Milano, 1963, p. 33, fig. 1.

[16] *A. Radnoti.* Op. cit., S. 162ff., Taf. XIV, 79, 80.

[17] *H. J. Eggers.* Op. cit., № 4a, Abb. 63; № 89, Abb. 38b. (Байфорд, погребение датируется временем около 200 г.; Тонборо-Бэрроу, погребение второй половины I в. н. э.); A guide to the antiquities of Roman Britain. London, 1922, p. 86, fig. 119—120 (случайная находка, вероятно, из Фавершема). В тех случаях, когда сосуд публиковался несколько раз, ссылка дается на наиболее полную публикацию.

[18] A Guide..., p. 86.

[19] *Fr. Sprater.* Die Pfalz unter den Römern, I. VPGW, Bd. VII, Speier a/R., 1929, S. 84, 93, Abb. 78.

[20] *E. Wagner.* Antiken Bronzen der Grossherzog-Badische Alterthümersammlung in Karlsruhe. Karlsruhe, 1885, Taf. 9.

[21] *W. Dorow.* Römische Alterthümer in und um Neuwied am Rhein. Berlin, 1827, Taf. 17, *1a—c.*

[22] *H. Menzel.* Die Römischen Bronzen aus Deutschland, I, Speyer. Mainz. 1960, № 66, Taf. 46.

[23] *M. H. P. den Boesterd.* The Bronze Vessels. Description of the collections in the Rijksmuseum G. M. Kam at Nijmegen, V. Nijmegen, 1956, № 276, 277.

место находки которого неизвестно[24]. В Германии, вне пределов Римской империи, как это отмечал Г. Ю. Эггерс[25], сосуды подобного типа не найдены, хотя к ним, вероятно, нужно отнести серебряный кувшин из Хильдесгайма[26].

В Галлии может быть датирована только одна находка из Мартиньи[27]. Дата эта может быть установлена только по совместной находке монет и различной бронзовой посуды как близкая к началу III в. н. э. Известно, кроме того, еще несколько кувшинов, найденных в Галлии, но установить их дату невозможно[28]. В собраниях французских музеев хранятся такого типа сосуды, скорее всего тоже происходящие с территории провинции Галлия[29].

На территории провинции Реция был найден в окрестностях современного г. Линц один «расчлененный» сосуд, обстоятельства находки которого неизвестны[30]. В Паннонии также известно несколько сосудов. Большая часть из них была включена А. Радноти в его работу[31]. Два кувшина происходят из датированных комплексов: Калоз — II в. н. э., Кестхей-Уймайор — первая половина I в. н. э.[32] С территории Паннонии (Сисция, современный Сисак) происходит еще один сосуд, приобретенный Археологическим музеем в Загребе[33]. На территории провинции Далмация был найден один «расчлененный» кувшин. Он найден в Шумадии (Босния) и имеет более богатый гравированный орнамент, чем все остальные экземпляры[34].

В Северном и Северо-Западном Причерноморье найдено три таких кувшина: один — случайная находка в Ольвии[35], второй был найден в погребении у с. Сливен в Болгарии[36], третий в Соколовском кургане.

В Италии известно всего четыре подобных сосуда[37]. Все они найдены в Помпеях и для них terminus ante quem — 79 г. н. э. Еще один сосуд, может быть из Помпей, хранился в частном собрании в г. Цёйтене[38].

б) Сосуды типа «ungegliederte». Судя по уже цитированной работе Т. Шрайбера, в Национальном музее в Неаполе хранится 32 (!) сосуда второго типа из раскопок в Помпеях[39]. Кроме того, Т. Шрайбер описывает

---

[24] *H. Menzel.* Op. cit., № 67, Taf. 46.

[25] *H. J. Eggers.* Op. cit., S. 99.

[26] *E. Pernice, Fr. Winter.* Der Hildesheimer Silberfund. Berlin, 1901, S. 46, 47, Fig. 17.

[27] *W. Deonna.* Quelques monuments antiques du Musée de Genève. III, Vaisselle et instruments antiques provenant de Martigni. «Geneva», 11, «Genève, 1933, p. 51 et suiv., № 19. pl. VI.

[28] См. экземпляры из Сен-Жермен-дю-Плен: BAF, 1913, p. 132, fig. 1; Конде: BAF, 1905. p. 157—160; Лильбон: *S. Reinach.* Op. cit., p. 333, № 429; Альтштеттена в окрестностях Цюриха: *T. Schreiber.* Die Alexandrinische Toreutik. Leipzig, 1894, № 116, fig. 96, 97; уже упоминавшийся сосуд из римского колодца у Нерис: *S. Reinach.* Op. cit., № 406.

[29] *A. de Ridder.* Les bronzes antiques du Louvre, II. Paris, 1915, № 2691, 2692, pl. 98; *E. Babelon et J.-A. Blanchet.* Catalogue des bronzes antiques de la Bibl. Nat. Paris, 1895, № 1376—1378, 1382; *A. Commarmond.* Description des antiquités et objets d'art de la ville de Lyon. Lyon, 1857, № 429, pl. 14.

[30] *R. Noll.* Kunst der Römerzeit in Österreich. Salzburg, 1949, S. 26, Abb. 65, 66.

[31] *A. Radnoti.* Op. cit., S. 160f., Taf. XXXIX, *2, 4*; XL, *1, 2.*

[32] *G. Alföldy.* Bronze vessels in the Burial Rites of the Native population in North Pannonia. Archeologia, XI, Warszawa, 1961, № 9, 10.

[33] *B. Vikić-Belančić.* Novonabavljeni brončani vrč u Antiknoj zbirci Archeološkog. muzeja u Zagrebu. Tralčićev zbornik, I. Zagreb, 1955, str. 15—23, tab. 2, 3.

[34] *Lj. B. Popović, D. Mano-Zisi, M. Veličković, B. Jeličic.* Antička Bronza u Jugoslaviji. Beograd, 1969, № 217.

[35] *Э. Р. фон Штерн.* Несколько античных бронз из коллекции Одесского музея. ЗООИД, XXIX, Одесса, 1911, стр. 31, 32, табл. I.

[36] *Ив. Велков.* Нови могилни находки. ИАИ, т. V, София, 1929, с. 30, 31, обр. 32. Погребение может быть датировано рубежом I—II в. н. э.; сосуд имеет следы ремонта, свидетельствующие о его длительном употреблении.

[37] *T. Schreiber.* Op. cit., № 111—113, 115.

[38] Antiken in Deutschem Privatbesitz. Hrsg. von K. A. Neugebauer. Berlin, 1938, № 77, Taf. 35.

[39] *T. Schreiber.* Op. cit., № 69, 71—86, 88—103.

еще два сосуда из окрестностей Болоньи (№ 87 и 105). Список «нерасчлененных» сосудов, найденных в Италии, можно продолжить [40].

При таком неравномерном распределении этих двух типов сосудов в Италии бросается в глаза сравнительно малое количество кувшинов второго типа, найденных на территории провинций или областей, в которые проникало значительное количество импортной бронзовой посуды. Один такой сосуд был найден в Прибалтике [41], один в Северном Причерноморье, в районе Ольвии [42], два сосуда в провинции Фракия [43], три в Германии [44]. Известны четыре сосуда, найденные в Галлии [45], и семь экземпляров — в Паннонии [46].

Таким образом, при картографировании находок мы можем увидеть несомненное преобладание сосудов типа «gegliederte» за пределами Италии (рис. 4, I), тогда как находки кувшинов «ungegliederte» группируются или в Италии (бóльшая часть), или на территории тех провинций, которые в первые века нашей эры были подвержены наиболее сильной романизации и урбанизации (рис. 4, II).

Если обратиться к датировкам отдельных сосудов из документированных комплексов (рис. 5), то можно увидеть, что самые ранние комплексы с сосудами типа «gegliederte» — Кестхей-Уймайор, Соколовский курган, Торнборо-Бэрроу — датируются первой половиной — серединой I в. н. э. Сосуды же второго типа на территории римских провинций появляются не ранее третьей четверти I в. н. э. (погребение в Кёльн-Линденталь). В Италии же сосуды первого типа происходят из Помпей, где было найдено и большое количество сосудов второго типа. Принимая во внимание количественное соотношение сосудов этих двух типов в Помпеях, с большой долей вероятности можно говорить, что производство «нерасчлененных» сосудов было освоено италийскими мастерскими во второй четверти — середине I в. н. э.

В развитии этого типа посуды можно наметить по крайней мере два последовательных этапа. Самые ранние из них — это, вероятно, те, которые еще сохраняют на плечиках или прочерченную линию, подобную шву на «gegliederte» сосудах, или, чаще, поясок киматия [47]. К следующему этапу

---

[40] *A. Frova.* Op. cit., fig. 1, 8. Сосуд из Кремоны найден в сопровождении предметов середины I в. н. э.; *P. E. Arias.* Vasi bronzei di Bazzano. AC, vol. 1, f. 2, Roma, 1949, p. 161, seg., Tav. XLVII, *1, 2*;XLVIII (этот же сосуд у T. Schreiber'a № 87; XLIX, *1—3*; NdS. Ser. 5, vol. 8, f. 7. Roma, 1908, p. 293, fig. 17, 18 (из Помпей); Ibid., Ser. 8, vol. V, f. 1—6. Roma, 1951, p. 29, fig. 14 (Милан); Fasti Archaeologici, vol. XIV. Firenze, 1962, № 4145, pl. XXXIII, *80* — информация о находке в Арреции (совр. Ареццо) двух кувшинов; *Lj. B. Popovic* и др. Op. cit., № 222 — сосуд из г. Пула.

[41] *В. В. Кропоткин.* Римские импортные изделия в Восточной Европе. САИ Д1-21, М., 1970, № 854, рис. 64, *5* — погребение IV в. н. э.

[42] Там же, № 841, рис. 54, *1* — случайная находка.

[43] *Йор. Иванов.* Отчет за разкопките при Кадин-мост (Кюстендилско). ИАД, т. I, София, 1910, стр. 166 сл., обр. 8 — погребение можно датировать концом I в. н. э.; *Д. П. Димитров.* Могилна гробна находка от с. Стралджа, Ямболско. ИАИ, т. VII, София, 1933, стр. 386 сл., обр. 137 — погребение первой половины — середины II в. н. э.

[44] Находки их также сосредоточены в области Limes'a. *F. Fremersdorf.* Zwei römische Brandgräber von der Alteburg bei Köln. «Germania», № 12, H. 1/2, Bamberg. 1928, S. 112f., Abb. I, *5, 5a* — погребение рубежа II—III вв. н. э.; *его же.* Römisches Brandgrab mit Bronzegefässen von Köln — Lindenthal. «Germania», № 17, H. 4, Berlin, 1933, S. 266f., Taf. 22, *3* — погребение третьей четверти I в. н. э.; VII BRGK, 1912. Frankfurt, 1915, S. 206, Abb. 107*a* — по инвентарю погребение можно датировать рубежом II—III вв. н. э. Вероятно, из этого же района происходит сосуд из частного собрания в Майнце: Kataloge West-und Süddeutscher Altertumssammlungen, II, Frankfurt, 1913, № 68, Taf. III *1*.

[45] Из них датирован один: *W. Deonna.* Op. cit., p. 60, № 18, pl. VI; остальные сосуды — случайные находки: *S. Reinach.* Op. cit., № 415 — неизвестного происхождения; *H. Thédenat et H. de Villefosse.* Les trésors de vaisselle d'argent. GA, Paris, 1885, p. 260, fig. 20; *A. Commarmond.* Op. cit., № 430, pl. 13.

[46] *A. Radnoti.* Op. cit., S. 162*f.*, taf. XL, *3*; XLI, *1, 2, 4*; XLIII, *1—3* — из них происхождение трех сосудов не установлено, датирован один (из Енинг) первой половиной III в. н. э.

[47] *A. Frova.* Op. cit., fig. 1, *14.*

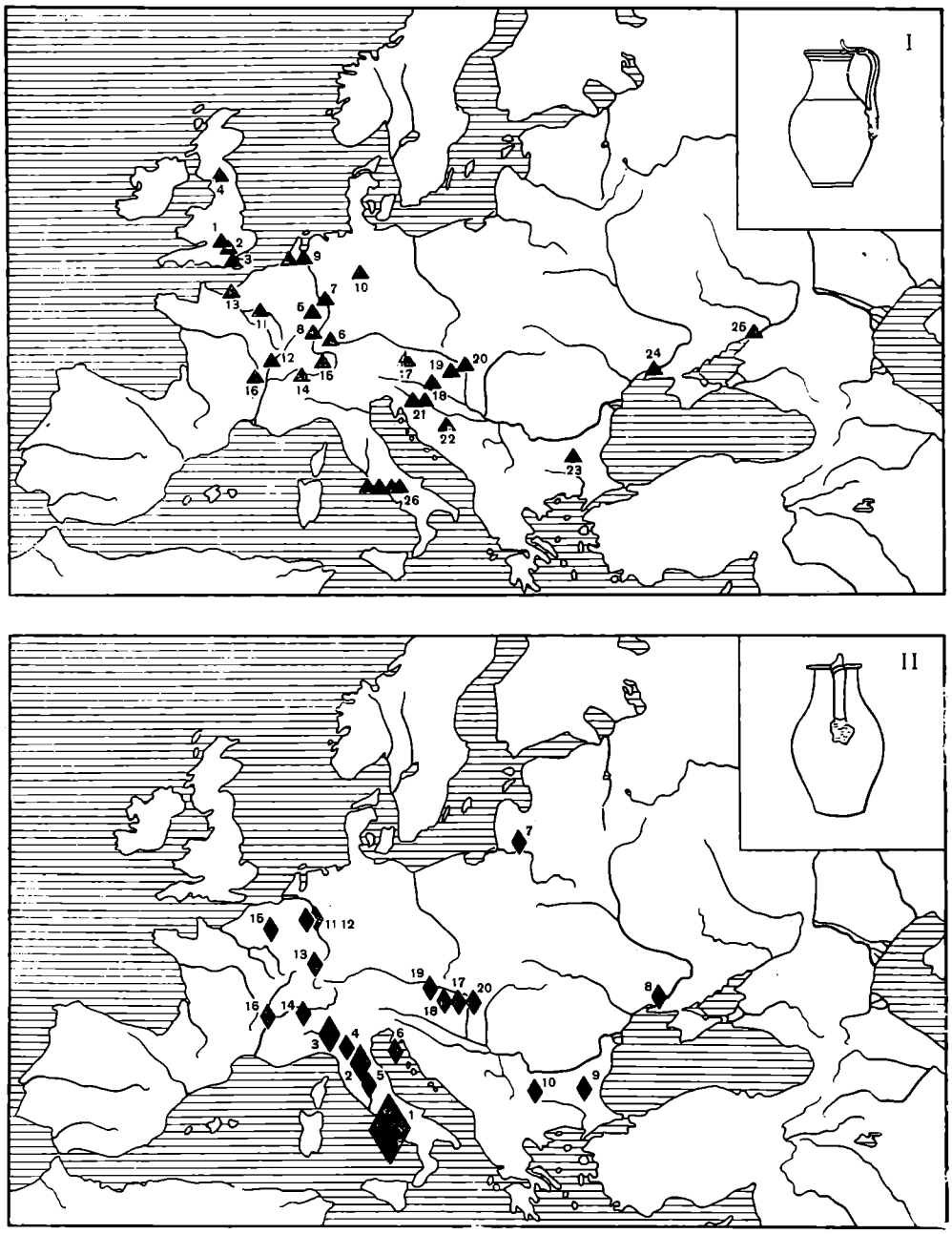


Рис. 4. Находки «расчлененных» (I) и «нерасчлененных» (II) кувшинов

I. *1* – Тонборо Бэрроу, *2* – Фавершем, *3* – Байфорд, *4* – Карлайл, *5* – Рейнцаберн, *6* – Вальдкирх, *7* – Нёйвид, *8* – Оттербах, *9* – Неймеген (2 экз.), *10* – Хильдесгайм, *11* – Конде, *12* – Сен-Жермен-дю-Плен, *13* – Лильбон, *14* – Мартиньи, *15* – Альтштеттен, *16* – Нерис, *17* – Линц, *18* – Кестхей-Уймайор, *19* – Калоз, *20* – Аквинкум, *21* – Сисция (2 экз.), *22* – Шумадия, *23* – Сливен, *24* – Ольвия, *25* – Новочеркасск, *26* – Помпеи (4 экз.). II. *1* – Помпеи (34 экз.), *2* – Бацдано (7 экз.), *3* – Милан (3 экз.), *4* – Кремона, *5* – Ареццо, *6* – Пула, *7* – Вершвай, *8* – Ольвия, *9* – Стралдж, *10* – Кадин мост, *11* – Альтебург, *12* – Кёльн-Линденталь, *13* – Страсбург, *14* – Мартиньи, *15* – Монкорне, *16* – Сен-Рамбер, *17* – Енинг, *18* – Нагьдем, *19* – Скарбантия, *20* – Сада

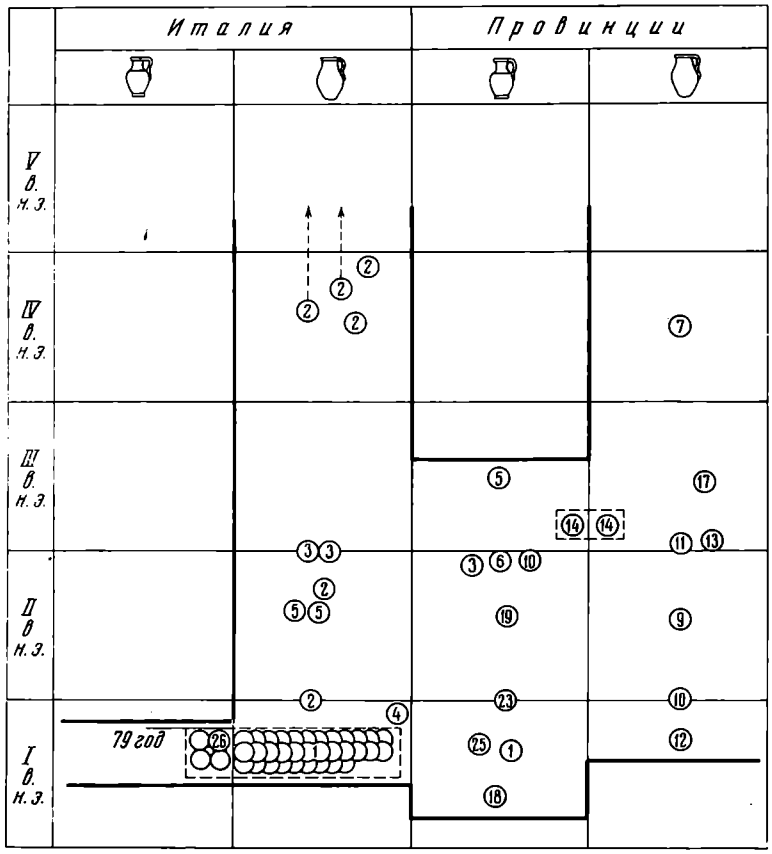


Рис. 5. Хронологическое соотношение «расчлененных» и «нерасчлененных» кувшинов, найденных в Италии и на территории римских провинций. В таблицу включены только датированные экземпляры. Номера сосудов соответствуют номерам местонахождений на картах

можно отнести совершенно гладкие сосуды. Как уже указывалось, атташи ручек второго типа сосудов чаще украшены масками, чем сценами, что подтверждает вывод А. Радноти об относительной хронологии сосудов со сценами и масками на атташах [48]. Эти новые, более прочные сосуды, изготовленные по новой технологии, в конце I — начале II в. н. э. из Италии не вывозились (или вывозились в незначительном количестве), в то время как кувшины, на смену которым они пришли, служили предметом экспорта, отправлялись в провинции.

Производство «расчлененных» кувшинов можно отнести ко времени более раннему — концу I в. до н. э.— началу I в. н. э., а их распространение в провинциях Римской империи во второй половине I — начале II в. н. э. подтверждается и временем изготовления местными мастерами подражания им в глине [49].

Этим выводам не противоречат и верхние даты находок отдельных «расчлененных» кувшинов. Если для территории за пределами Италии самая поздняя находка (Рейнцаберн) может быть датирована серединой III в. н. э., то сосуды второго типа продолжают встречаться в погребениях более позднего времени [50]. В Италии они доживают до V в. н. э., а находок

[48] *A. Radnoti.* Op. cit., S. 161.

[49] *G. Behrens.* Zur «rotbemalten» Ware. R.-g. Korr., VII, Nr. 5, Trier, 1914, S. 71, Abb. 33*b*.

[50] В настоящей работе не учтены сосуды «ungegliederte» типа, выделенные А. Радноти в особую группу по нижнему атташу ручек — он имеет вид ступни человека. Все эти сосуды относятся ко II—IV вв. н. э. и изготовлялись, по-видимому, не в Италии, а в придунайских провинциях, где было найдено большинство из них.

«расчлененных» сосудов, которые бы датировались временем более поздним, чем 79 г. н. э., для этого района неизвестно.

Обращает на себя внимание следующая деталь. В группе «расчлененных» сосудов самые ранние датировки имеют кувшины, происходящие из замкнутых погребальных комплексов, тогда как II—III вв. н. э. датируются случайные находки (кроме погребения в Байфорд, которое датируется концом II в. н. э.). Очевидно, это обусловлено тем, что сосуды, принадлежавшие варварской знати, прослужив небольшой срок, погребались вместе с их владельцем, а сосуды, использовавшиеся в быту римских граждан или романизированного местного населения, продолжали служить еще долгое время. Это свидетельствует и о недолгом бытовании импортных предметов в среде варварской знати, и о нижней дате изготовления этих сосудов.

Не менее важным представляется и вопрос о месте изготовления тех и других сосудов. По стилистическому единству, по совершенству и тщательности выполнения рельефных украшений на ручках «gegliederte» сосудов, по находке ближайших аналогий экземплярам из провинций в Помпеях несомненным является их изготовление в одном центре, и можно предположить, что это скорее южноиталийское производство, чем провинциально-римские мастерские. Если до середины I в. н. э. Южная Италия оставалась основным центром изготовления и экспорта бронзовой посуды, то во второй половине I в. н. э. в Северной Италии появляются свои крупные мастерские [51], с которыми представляется возможным связать производство сосудов второго типа, хотя, судя по находкам в Помпеях, впервые их стали изготовлять в южноиталийских мастерских. Провинциальные же мастерские, и прежде всего мастерские придунайских провинций, которые вообще с середины I в. н. э. попадают под сильное влияние италийских [52], освоили производство «нерасчлененных» сосудов в конце I — начале II в. н. э. Изготовлением значительной части этих сосудов в различных провинциальных мастерских можно объяснить как многообразие форм, так и большую грубость и схематичность изображений на ручках сосудов «ungegliederte» группы.

Отдельно следует остановиться на времени и путях, которыми к сарматам Нижнего Дона могла попадать бронзовая и серебряная италийская посуда. Торговые связи варварских племен, особенно живших в непосредственной близости от границ империи, хорошо известны по письменным источникам [53]. Для первых веков нашей эры торговые связи кочевых племен Нижнего Дона с Танаисом прослеживаются очень отчетливо, и о них можно говорить в тех случаях, когда мы имеем дело с единичными находками бронзовых или стеклянных импортных сосудов на поселениях или в сарматских курганах первых веков нашей эры. Торговый же путь через Танаис, который в качестве основного предполагает Д. Б. Шелов [54], представляется маловероятным и даже почти исключенным не только для наборов дорогого столового серебра, что вполне справедливо отметил В. П. Шилов [55], но и для высокохудожественной бронзовой посуды, которая в богатых погребениях встречается в определенном наборе (чаще всего таз с кувшином или амфорой), т. е. в виде сервизов.

К тем путям, которые указывает и аргументирует в своей работе В. П. Шилов, можно добавить еще один: наборы металлической столовой

---

[51] *A. Frova.* Op. cit., p. 41.

[52] Явление это наиболее определенно было прослежено в области керамического производства (См. *K. Poczy.* Der Einfluss der spätitalischen Sigillata-Werkstätten auf die Fabrikation von pannonischen Prunkgefässen. AAH, T. XI, f. 1/4, Budapest, 1959, S. 143).

[53] Tac., Germ., 23, 41; Caes., De Bell. Gall., IV, *2, 3.*

[54] *Д. Б. Шелов.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, стр. 194 сл.

[55] *В. П. Шилов.* К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху. КСИА АН СССР, 138, 1973 стр. 64, 65.

посуды могли попадать к сарматам Нижнего Дона благодаря прямым контактам с Римской империей. Подобные контакты окружающих варварских племен с империей отражены во многих письменных источниках [56], причем мы имеем даже прямое указание на сарматское посольство, посетившее Рим в правление Августа [57]. Такие же посольства варваров к римлянам засвидетельствованы и для периодов как более ранних [58], так и более поздних [59].

Что же касается времени поступления на Дон бронзовых сосудов из 3-го Соколовского кургана, то оно может быть определено серединой I в. н. э. Известно, что периодами наибольшей активности Рима в Северном Причерноморье было время Августа, и 40—60-е годы, т. е. период Фракийского восстания и время начала активного наступления римлян на северо-восток. Не исключая возможность поступления на Дон предметов римской торевтики в начале нашей эры, в период правления Августа, нужно заметить, что дата эта не может быть принята для бронзовых сосудов из 3-го Соколовского кургана. Это противоречит как датировке бронзового таза из этого кургана, так и времени возведения курганной насыпи.

После превращения Фракии в 46 г. н. э. в римскую провинцию, граница империи передвинулась на Дунай, а в середине 50-х годов на Днестр, когда в Тире был размещен римский гарнизон для охраны северо-восточных границ. Общеизвестно параллельное с этими событиями вмешательство Рима в дела Боспорского царства. Такая политика требовала, безусловно, нейтрального отношения окружающего варварского мира к происходящим событиям. Все это усугублялось тяжелым положением на Западе, из-за чего Рим не мог держать в Северо-Западном Причерноморье большое количество войск [60].

Для подкупа вождей кочевых племен Северного Причерноморья и усиливается в конце первой половины I в. н. э. приток на Нижний Дон дорогой италийской импортной посуды и других предметов римского импорта, поступавших в качестве подарков сарматской знати. К таким подаркам и следует относить набор бронзовой посуды из 3-го Соколовского кургана.

B. A. Raiev

LA CHRONOLOGIE DES OBJETS D'IMPORTATION ROMAINE TROUVES DANS LES KOURGANES SARMATES DU DON INFERIEUR

Résumé

Dans cet article on donne une description détaillée d'un des vases romains en bronze provenant du 3ème kourgane Sokolovski, situé près de la ville de Novotcherkassk.

Cette cruche appartient au type des vases classés par A. Radnoti dans le groupe des «pots articulés» (*gegliederte Henkelkrüge*). Un grand nombre de vases de ce type ont été trouvés dans les provinces de l'ancien Empire Romain, et très peu (4 exemplaires) en Italie même (fig. 4, a). Des vases qui leur ressemblent par la forme (*ungegliederte* d'après A. Radnoti) proviennent au contraire en grande quantité d'Italie, et se rencontrent relativement peu dans les anciennes provinces (fig. 4, b).

---

[56] Tac., Germ., 5, 42; Caes., De Bell. Call., I, *33*, *43*; VIII, *49*; Caes., De Bell. Civ., II, *21*; Suet., Claud., 25 (4); Nero 13; Domit., 2 (2).

[57] Suet., Aug., 21 (3).

[58] *Б. Н. Граков.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, 3, № 18.

[59] *Т. Д. Златковская.* Мезия в I—II веках нашей эры. М., 1951, стр. 72.

[60] *Е. С. Голубцова.* Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951, стр. 129.

Le rapport chronologique entre les vases des deux types (fig. 5) permet de préciser la date de fabrication des «pots articulés», et de considérer qu'ils ont été faits aux environs de notre ère, dans des ateliers de l'Italie méridionale.

Les vases du second type étaient probablement fabriqués dans les provinces elles-mêmes. L'époque d'apparition sur le Danube des vases du kourgane Sokolovski peut être rapportée à la période d'expension de Rome sur le littoral nord de la mer Noire, qui coïncide avec les années 40—60 du Ier s. de n. ère. Ceci n'est pas en contradiction avec l'époque de fabrication des vases, aussi bien qu'avec celle de l'édification du kourgane, époque qui peut être établie d'après des objets de production locale. Cet ensemble de vases de bronze du kourgane Sokolovski est parvenu sur le Don non par voie commerciale, mais plus vraisemblablement comme présent diplomatique à des nobles sarmates, par suite de contacts directs entre les nomades du Don et l'Empire Romain.

А. В. КУЗА, А. А. МЕДЫНЦЕВА

ЗАПИСЬ НИКОЛЫ ИЗ НОВГОРОДСКОГО СОФИЙСКОГО СОБОРА

Надписи-граффити, обнаруженные в конце прошлого века при реставрации новгородского Софийского собора, лишь частично были изданы В. Н. Щепкиным[1]. Большинство их было заново заштукатурено при исполнении новой росписи. Но в процессе реставрационных работ эти надписи были переведены на кальки, на которых иногда отмечалось и местонахождение надписей. Снимки с калек хранятся в фототеке ЛОИА, среди материалов И. А. Шляпкина, долгие годы работавшего над изданием корпуса древнерусских надписей XI—XIV вв. Конечно, прориси не могут дать полного представления об утраченных надписях, так как выполнены они не специалистом, а чертежником-десятником, который порой принимал за буквы случайные царапины, а иногда пропускал многие буквы, покрытые пылью[2]. За годы, прошедшие со времен реставрации собора В. В. Сусловым, в новгородской Софии неоднократно проводились реставрационные и археологические работы. Были заново найдены некоторые надписи, известные по калькам, и открыты новые. Но многие граффити, зафиксированные на кальках, до сих пор не обнаружены. Не исключено, что они навсегда потеряны для исследователей, так как в процессе реставрационных работ, проводившихся В. В. Сусловым, некоторые надписи были залиты цементом или сбиты со стен. Таким образом, часть граффити известна нам только по неточным прорисям на кальках, снимки которых хранятся в фототеке Ленинградского отделения Института археологии. На одном из них[3] представлена надпись, настолько уникальная, что заслуживает самого пристального внимания (рис. 1). Если судить по номеру, поставленному на кальке, она находилась на лестнице или хорах собора. Не исключено, что это граффито уничтожено, так как именно на хорах многие надписи были залиты цементом или сбиты. Четырехстрочная надпись заключена в рамку, которую венчает крест с сиянием. Несмотря на пробелы и явные искажения букв копировщиком, первые строки читаются легко:

сѧтаѣ [со]ѳѣнепом[нл]оун рабл своє(го) нико[л](о)у
пр(н)шиблица не кы(єв)а града [ѿ с]воєго кън(ѧ)зѧ ѣ(р)ославѧ

Контекст и сохранившиеся части букв не допускают другого толкования (рис. 2, реконструкция надписи)[4]. В первой строке отсутствуют на прориси, но легко восстанавливаются буквы «со» в слове соѳѣне, две буквы ил(помилуй). В имени «николоу» не зарисованы «Л» и «О». Возможно также, что вместо «сѧтаѣ» следует читать «святаѣ», так как вторая строка

[1] *В. Н. Щепкин.* Новгородские надписи — graffiti; «Древности». Тр. МАО, т. XIX, вып. 3, 1902.

[2] *И. А. Шляпкин.* Палеография. Лекции, читанные в императорском археологическом институте, 1905/6 гг. СПб., 1905—1906, стр. 9.

[3] Архив ЛОИА, разд. III, № 6, кн. № 6720.

[4] На реконструкции отсутствующие буквы и части букв даны пунктиром, причем их начертания полностью соответствуют одной из сохранившихся букв надписи.

надписи начинается несколько левее первой и над буквой «П» вполне могла поместиться буква «С» [5]. В этом случае вместо «С» должна читаться буква «В». Во второй строке отсутствует левая черта и перекладина буквы «И» (в слове «ПРИШЬЛЬЦА»), лишь частично сохранились є и в (кꙑєва). Посредине вертикальной черты буквы «Г» (града) копировщик изобразил лишний штрих. Кроме того, отсутствует буква «Г» и зарисована лишь нижняя петля буквы «В» (своєго), частично сохранился первый «ѧ» в слове «кънѧзѧ» и «Р» (ѣрослава). Предлога «ѿ» на прориси нет, но контекст подтверждает его восстановление и именно в форме «ѿ»,

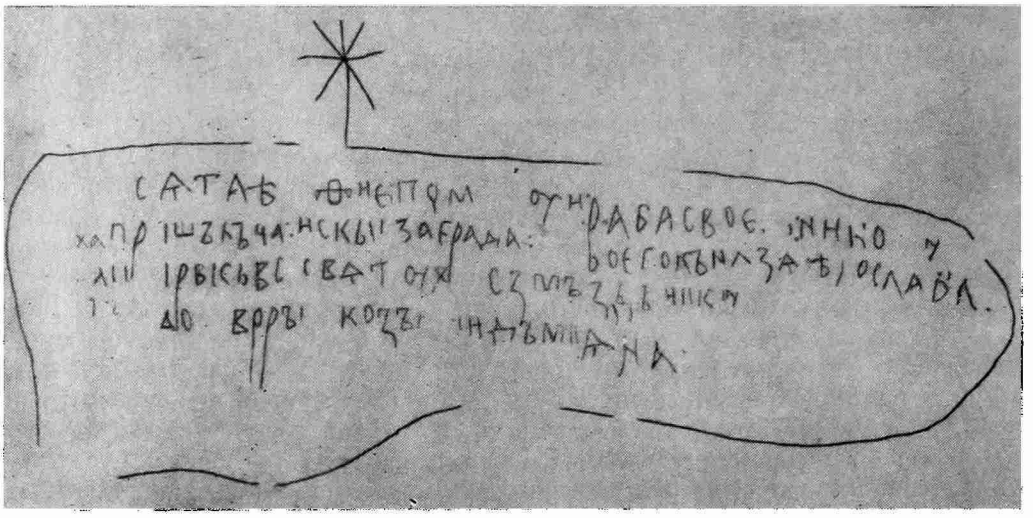


Рис. 1. Запись Николы из новгородского Софийского собора
Фото с кальки из архива В. В. Суслова

так как для «отъ» на прориси места недостаточно. В начале третьей строки на пророси пробел в три или четыре буквы. Буквы «ха» более мелкого масштаба между началом второй и третьей строки, очевидно, к данной надписи отношения не имеют. Затем прорисью фиксируется слово «ЦРЬКЬВЬ, причем зарисована только правая часть буквы «Ц». Конечная буква в этом слове на прориси выглядит как «С». Это могла быть или буква є», или «Ь». Следующее слово» «свѧтоуѫ » читается полностью. Легко восстанавливается отсутствующее «Б» в последнем слове третьей строки «безмъздъникоу». Между словами «ЦРЬКЬВЬ» и «свѧтоуѫ » — небольшой просвет, в котором может поместиться одна буква. В четвертой строке легко читается: «чюдстворъци козъмꙑ и дъмиѧна»[6].

Таким образом, в последних двух строках читается:

. . . (ц)рькьв(ь) — свѧтоуѫ [б]єзмъздъникоу
(и) [чю]до[т]воръ(ц)[и] козъ[мꙑ] и дъм(и)ѧна

Всю надпись можно понять либо: «Святая София, помилуй раба своего Николу пришельца ис Кыева града от своего князя Ярослава в церковь святых безмездников и чудотворцев Козьмы и Демьяна» или «пришельца...» в эту (или твою) церковь (т. е. Софию), а упоминание святых безмездников Козьмы и Демьяна в таком случае следует отнести ко времени (день святых Козьмы и Демьяна), когда Никола прибыл из Киева в Софию.

Несомненно, на прориси искажены многие буквы. Но все же сохранились некоторые характерные начертания. Обращает внимание последова-

[5] Предложено Л. П. Жуковской.
[6] Буквы «ци» (чюдотворци) и «мꙑ» (козъмꙑ) реконструированы Л. П. Жуковской

тельное (два раза) употребление «ятя» вместо иотированного «а» (в слове «святая» и в имени «Ярослав»). Это характерно для глаголических и некоторых старославянских памятников X—XI вв.[7] В древнерусских рукописях такое смешение встречается в Изборниках 1073 и 1076 гг. и в новгородских минеях конца XI в.[8] В обоих случаях «ять» не выступает за уровень строки, а коромысло этой буквы лежит значительно ниже этого уровня, что является особенностью рукописей XI в. Болгаризмом является написание «града» и «црькьвь», но окончание «оуѫ» вместо старославянского «ѫѭ» в слове «святую» — русская особенность. Наличие юса большого датирует надпись XI — первой половиной XII в.[9] Прорись не по-

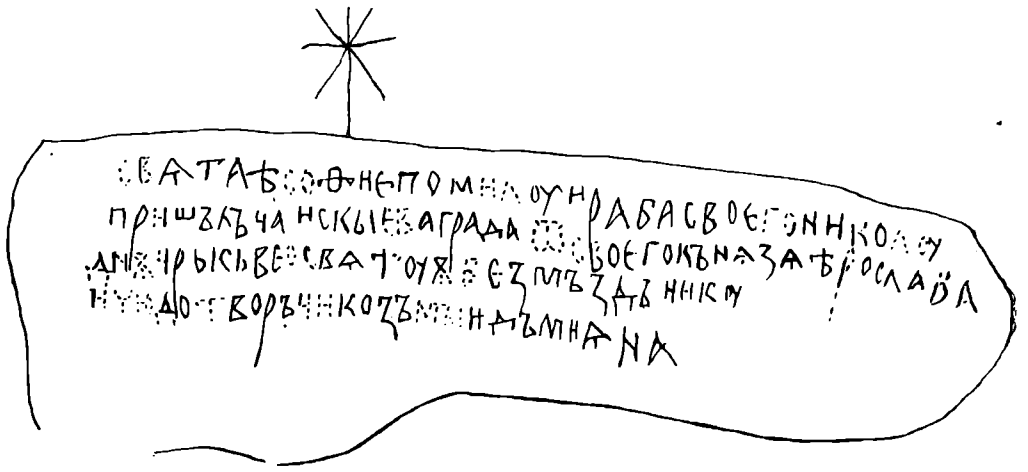


Рис. 2. Запись Николы из новгородского Софийского собора
Прорись и реконструкция

зволяет различать звуки «ъ» и «ь», однако последовательное употребление одного из этих знаков для обозначения сильных и слабых глухих говорит о том, что эти звуки еще не исчезли из речи Николы. Очевидно, Никола употреблял «ъ» для обозначения и «ъ» и «ь». Такое правописание редуцированных в памятниках, отражающих сохранение редуцированных, известно в истории русского языка[10]. Особенно показательно сохранение «ъ» в слове «кънѧзѧ», где «ъ» имеет тенденцию утрачиваться особенно рано[11]. В надписи на Тмутараканском камне 1068 г. «ъ» в этом слове уже отсутствует. Насколько мы можем судить по прориси, «Д» целиком умещается в строке (в двух случаях) и имеет очень маленький основной треугольник, причем в слове «безмезднику» левая линия начинается ниже середины правой, такие формы «Д» свойственны также некоторым древнейшим старославянским памятникам[12]. Таким образом, несмотря на то что надпись Николы сохранилась лишь в неточной прориси, ее можно датировать с уверенностью XI в.

На протяжении XI и первой половины XII в. в Киеве был лишь один князь Ярослав — Ярослав Мудрый. Следовательно, в надписи упоминается Ярослав Мудрый и сама надпись Николы датируется промежутком времени от постройки Софийского собора (1050 г.[13]) до смерти Ярослава (20 февраля 1054 г.) т. е. 1050—1054 гг.

---

[7] *Е. Ф. Карский.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 205.

[8] *И. И. Срезневский.* Славяно-русская палеография. СПб., 1885, стр. 116, 119, 121, 123.

[9] *В. Н. Щепкин.* Русская палеография. М., 1970, стр. 112.

[10] *Л. П. Жуковская.* Новгородские берестяные грамоты. М., 1959, стр. 98, 99.

[11] *В. И. Борковский, П. С. Кузнецов.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 97, 98.

[12] *Е. Ф. Карский.* Ук. соч., стр. 183, 184.

[13] Н1Л, М.— Л., 1950, стр. 181.

Как говорилось выше, пробелы в третьей строке прориси допускают два варианта истолкования надписи: при первом — упоминание Козьмы и Демьяна следует отнести к церкви, куда прибыл Никола. Церковь Козьмы и Демьяна в новгородских летописях упоминается с XII в.: в 1146 г. (на Кузьмодемьянской улице) [14] и с 1271 г. (на Холопьей улице) [15].

Это не значит, что такой церкви не могло быть раньше. В Никоновской летописи под 6563 г. (1055) в дополнение к обычным сведениям о клевете холопа Дудики на епископа Луку Жидяту имеется следующее сообщение: «... и осуди и митрополит Ефрем по Дудикиным речам и злых его другов Демияна и Козьмы клеветам». Под 6565 г. продолжено: «Того же лета епископ Лука Жидята принял престол свой в Новгороде, свою власть, холопу же Дудике оскомины быша, урезаша ему носа и обе руце отсекоша и побежа в Немцы, сице же и его лукавым советникам, Козме и Демиану, достойное воздаша по злодеянию их» [16]. Это дополнение о сообщниках Дудики вызывает сомнение, так как сочетание их имен говорит о смешении с именами святых. Д. С. Лихачев не исключает возможности, что данные сведения Никоновской летописи, восходящие к новгородским летописям, могут быть древними. Он предполагает, что первоначально речь шла о людях из прихода Козьмы и Демьяна [17]. Наиболее вероятно, что источником послужило сообщение не о людях из прихода церкви Козьмы и Демьяна, а из причта церкви Козьмы и Демьяна, которые поддержали клевету холопа Луки-Дудики. И в том и в другом случае сообщение Никоновской летописи является косвенным подтверждением существования в Новгороде церкви Козьмы и Демьяна в середине XI в. Следовательно, в надписи могла упоминаться церковь Козьмы и Демьяна. Но вызывает недоумение, почему посланец Ярослава Мудрого прибыл в Новгород в церковь Козьмы и Демьяна и сделал запись об этом на стене храма Софии. Кроме того, при таком варианте прочтения остается незаполненным просвет между словами «церковь» и «святую». По этим же причинам нельзя признать удачным и такой вариант прочтения надписи: нє цръкъвє свѧтоуѫ безмъздьникоу (из церкви святых безмездников и т. д.) [18]. Между словами «цръкъвє» и «свѧтоуѫ» может поместиться только одна буква. Естественно предположить, что это предлог «О», употреблявшийся с местным падежом для обозначения времени [19]. Более соответствует прориси чтение «є», а не «ь» на конце слова «цръкъвє» (см. рис. 2). При такой реконструкции полностью восстанавливается смысл надписи: «Молитва к святой Софии помиловать Николу, пришедшего из Киева, от князя Ярослава в храм Софии „о святую безмезднику и чудотворци Козьмы и Демьяна“». Указание даты события посредством ссылки на день какого-либо святого обычно не только для надписей-граффити, но и для древнерусских летописей. Таким образом, вполне удовлетворительно восстанавливается отсутствующий предлог между словами «церковь» и «святую». Не попавшие на прорись буквы в начале третьей строки восстановить труднее. На прориси в начале строки видны две смыкающиеся под острым углом линии: это могут быть остатки букв «Л», «Д», «У», нижней петли ъ (ʌ), или нижней части ж. Возможно, здесь следует читать предлог «ДО», т. е. «...пришельца до церкве» (предлог «до» с родительным падежом для обозначения предела движения) [20]. Но в этом случае между «ДО» и на-

---

[14] Там же, стр. 27.

[15] Там же, стр. 89.

[16] Никоновская летопись. ПСРЛ, т. IX—X. М., 1965, стр. 91.

[17] *Д. С. Лихачев.* Комментарии к «Повести временных лет». ПВЛ, т. II. М.—Л., 1955, стр. 390, 391.

[18] К тому же даже поздние источники не сообщают о существовании церкви Козьмы и Демьяна в Киеве.

[19] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1895, стр. 492. «Того же лета о Госпожене дне поиде Витовт с силою Литовскою».— Тверская летопись, 6903 г.

[20] *В. И. Борковский, П. С. Кузнецов.* Ук. соч., стр. 430.

чалом следующего слова « цр҃ькъвє» образуется разрыв в одну-две буквы, недостаточный, чтобы в нем могло поместиться определение к слову «церковь» — святой, сей, твоей и т. д. По этим же причинам нельзя поместить в начале строки предлог «въ». Если судить по сохранившимся штрихам и смыслу надписи, можно думать, что здесь могло быть написано «дн҃ѫ» — внутрь, внутри[21]. Против этого предложения говорит то обстоятельство, что это слово помещается в данном просвете только в форме «дну», без слабого «ъ». Очевидно, достоверно восстановить утраченные буквы в данном случае невозможно, тем более что строки могли быть сдвинуты вправо и влево, из-за чего нельзя точно определить количество отсутствующих букв, а остатки букв могли быть зафиксированы прорисью не совсем точно. По смыслу надписи здесь могло быть слово « сѧѣ » — « сѧѣ цр҃ькъвє » — местный падеж без предлога для обозначения места[22] или »дънѫ», или « стыѣ», но смысл надписи от этого не меняется. Упоминание святых Козьмы и Демьяна следует отнести ко времени, когда Никола прибыл в храм Софии: «Святая София, помилуй Николу пришельца из Киева, от своего князя Ярослава к сей (святой или твоей) церкви в день святых безмездников и чудотворцев Козьмы и Демьяна». День этих святых праздновался трижды в году: летом — 1 июля и осенью — 17 октября и 1 ноября[23]. Из их практическое значение, по-видимому, имели только два дня — 1 июля, и день памяти — 1 ноября, так как 17 октября центральное место занимало празднование памяти пророка Осии[24]. Во всяком случае, в новгородской минее 1096 г. под 17 октября помещена только служба пророку Осии[25], и в месяцеслове, помещенном в Остромировом евангелии, святые Кузьма и Демьян упомянуты только 1 июля и 1 ноября, а в октябре они упомянуты в общем перечне под 29 числом[26]. Следовательно, запись Николы была сделана в какой-либо из дней Кузьмы и Демьяна (1 июля или 1 ноября) в течение четырех лет, начиная от окончания строительства Софии (1050 г.) до смерти Ярослава Мудрого (февраль 1054 г.). Скорее всего молитвенная запись, обращенная к святой Софии, могла появиться на стене храма Софии только после его освящения.

Как известно, новгородские летописи единогласно сообщают о закладке Софии под 1045 г., но называют два года освящения храма — 1050 г.[27] и 1052 г.[28] В. Г. Брюсова высказала предположение, что летописные записи не противоречат друг другу, а отражают сведения о двух церемониях освящения Софийского собора. Первое состоялось 5 августа 1050 г., по окончании строительства (это подтверждается записью в святцах рукописного сборника XVII в.), второе — 13 сентября 1052 г., после завершения отделочных работ по украшению интерьера храма[29]. Однако устойчивость летописных записей об освящении собора 13(14) сентября, слишком короткий срок окончания строительства, который мы должны признать, если принять за дату освящения Софии 1050 г., свидетельство «Сказания о святой Софии новгородской» — все эти аргументы, приведенные самой В. Г. Брюсовой, говорят об освящении храма в 1052 г.

Даже если предварительное освящение собора состоялось еще 5 августа 1050 г., трудно представить, чтобы Никола начертил молитвенную

---

[21] *И. И. Срезневский.* Ук. соч., т. I. СПб., 1893, стр. 760. «Коими же ногами походиша по дну храма святого...», «искаше дну внити...»

[22] *В. И. Борковский, П. С. Кузнецов.* Ук. соч., стр. 442.

[23] *Дм. Вершинский.* Месяцеслов православно-кафолической церкви. СПб., 1856, стр. 266.

[24] Там же.

[25] *И. В. Ягич.* Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. СПб., 1886.

[26] *А. Х. Востоков.* Остромирово евангелие 1056—1057 гг. СПб., 1843, лл. 281 об., 239 об., 231 об.

[27] Н1Л, стр. 16, 181.

[28] Н3Л, СПб., 1879, стр. 180.

[29] *В. Г. Брюсова.* О времени освящения Новгородской Софии. В сб. «Культура средневековой Руси». Л., 1974, стр. 113.

запись, обращенную к святой Софии, на стене храма, в котором шли отделочные работы. Следовательно, наиболее вероятные даты появления надписи Николы: 1 ноября 6560 (1052 г.); 1 июля и 1 ноября 6561 (1053 г.); 1 июля и 1 ноября 6560 (1054 г.).

Раскрыв смысл уникальной надписи, можно датировать ее еще точнее. Обращает внимание желание Николы подчеркнуть связь своей миссии с новгородским Софийским собором: надпись обращена к св. Софии и начертена на стене храма Софии. Автор последовательно строит фазу: за молитвенной формулой называет себя (Никола), затем указывает, откуда он прибыл (из Киева), от кого (князя Ярослава), куда (в церковь Софии) и когда (в день святых Козьмы и Демьяна). Отсюда легко заключить, что целью путешествия Николы в первую очередь был Софийский собор и он пунктуально зафиксировал день своего появления в нем. Но «пришелец» из Киева не забыл упомянуть и пославшего его князя Ярослава. Если бы автор надписи по собственной воле посетил Новгород и из благочестивых побуждений нацарапал на стене недавно отстроенного собора молитвенную запись, во всех отмеченных подробностях не было бы смысла. Автограф Николы выходит за рамки хорошо известных молитвенных надписей: «Господи, помоги рабу своему...» — или еще короче «Писал такой-то». Содержание его напоминает краткий отчет об исполненном долге. Заметим также, что Никола — человек светский, иначе бы он рядом с именем великого князя назвал и киевского митрополита.

Какие же события могли потребовать непременного присутствия личного представителя Ярослава Мудрого в новгородском Софийском соборе? Во-первых, праздник освящения самого храма, построенного, согласно летописи, «повелением князя Ярослава и сына его Володимира» [30]. Однако ни одна из двух возможных дат освящения собора (5 августа 1050 г. и 13 сентября 1052 г.) никак не соответствует дню записи Николы. Во-вторых, такой случай мог иметь место во время провозглашения нового князя или поставления епископа. Но и новгородский князь Владимир Ярославич, и епископ Лука Жидята получили свои столы в Новгороде еще в 1036 г. [31] А другие представители высшей светской и церковной администрации, по данным летописи, появляются в городе уже после смерти Ярослава Мудрого. Наконец, присутствие в Софийском храме посланца Киева легко объяснить участием в церемониях по поводу важных событий в жизни княжеской семьи. В церкви венчали, крестили и хоронили ее членов. Естественно, что киевский князь, верховный сюзерен и отец новгородского князя, не оставался в стороне от подобных дел.

Однако два первых предположения (свадьба и крестины) отпадают по общей причине. Единственный сын княжившего в Новгороде Владимира — Ростислав впервые упомянут на страницах «Повести временных лет» в 1064 г. как вполне зрелый и самостоятельный человек [32]. В этом году он бежит в Тмутаракань, выгоняет оттуда Глеба Святославича, вновь уступает ему город и затем опять прогоняет незадачливого двоюродного брата. Более того, к 1066 в. у Ростислава было уже три сына — Рюрик, Володарь и Василько. Значит, и свадьба его отца Владимира, и рождение самого Ростислава произошли до 1050 г. (древнейшая из всех возможных дат надписи Николы), так как все сказанное несовместимо с представлением о четырнадцателетнем (к 1064 г.) возрасте княжича [33].

---

[30] НІЛ, стр. 181.

[31] ПВЛ, М., 1950, ч. I, стр. 101.

[32] Там же.

[33] Теоретически можно думать, что Никола прибыл в Новгород на свадьбу старшего внука киевского князя. Биография Ростислава Владимировича восстанавливается с трудом. (Подробнее см. *А. В. Куза.* Кто был наследником Остромира в Новгороде? «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 301—304). Приняв эту точку зрения, придется признать, что отец Ростислава Владимир (род. в 1020 г.) женился совсем ребенком 10—12 лет; почти тотчас же у него родился сын, в свою очередь венчавшийся маль-

Остается проверить, не была ли миссия Николы обусловлена неожиданными и печальными обстоятельствами. В связи с этим привлекают внимание два сообщения летописей. Под 1050 г. говорится о смерти в Новгороде жены Ярослава, матери Владимира — знаменитой Ирины-Ингигерды [34]. Ее хоронили в Софийском соборе, и гроб княгини чтили еще и в XV в. [35] Но день смерти Ирины — 10 февраля, сохранившийся в ряде новгородских летописей [36], никак не согласуется с любым из двух возможных дней прибытия Николы.

Зато второе известие, датированное 1052 г. (6660): «Месяца октября въ 4 день, в неделю, преставися Володимиръ, сынъ Ярославль, старейшии в Новгороде; положиша и в Новегороде въ святеи Софеи, юже бе создалъ самъ»,— многое проясняет [37]. Если Никола прибыл в Новгородскую Софию 1 ноября 1052 г., то это случилось спустя четыре недели после смерти Владимира. Расстояние от Киева до Новгорода по прямой составляет около 1000 *км*. Сухопутными дорогами оно на 200—300 *км* больше. Гонцы с печальным известием, меняя лошадей во встречных городах и погостах, должны были преодолеть его за 10—12 дней. Получив срочную весть, престарелый Ярослав, конечно, тут же снарядил в дорогу своего посла. Ведь речь шла не только о родительском долге — почтить память умершего старшего сына и наследника. Безвременная смерть молодого князя в далеком Новгороде оставляла этот важный политический и экономический центр древней Руси без великокняжеского присмотра. А строптивый нрав и сепаратистские тенденции могущественного новгородского боярства были слишком хорошо известны Ярославу.

Вот почему спешил Никола — он потратил на трудную дорогу в осеннюю распутицу немногим более двух недель (если только не выехал в Новгород с известием о болезни Владимира). Вот почему он постарался точно зафиксировать день своего прибытия; никто уже не мог обвинить его в преступной медлительности.

Сложная обстановка в городе, необходимость быстрых решений, печаль по поводу смерти Владимира объясняют пессимистические нотки («пришелец») в записи Николы. Становится понятным наличие в надписи лишь указания, куда и по чьему поручению прибыл посланник Киева, без разъяснения к кому. Новгородский князь был мертв. День похорон Владимира неизвестен. В Новгороде, надо полагать, ждали на этот счет распоряжений Ярослава (еще одна причина спешки). По-видимому, официальное погребение тела Владимира состоялось после приезда Николы.

Таким образом, методом исключения исследуемое граффити почти безусловно датируется 1 ноября 1052 г. Иные варианты датировки не получают сколько-нибудь удовлетворительного объяснения.

Теперь необходимо установить личность «пришельца». Из надписи ясно лишь одно, что он киевлянин и близкий к великому князю человек. Церковнославянизмы и некоторые графические особенности надписи, находящие аналогии в южнославянских памятниках, по-видимому, свидетельствуют об образованности Николы. Христианское имя Николай, переданное в форме «Никола», также говорит о южнорусских особенностях его речи (для новгородца характерно написание «Микула») [38]. К сожалению, письменные источники почти не сохранили имен большинства действующих лиц русской истории древнейшей поры. Николаем в крещении

чиком 7—9 лет. Каждое из этих событий — вероятное в отдельности — вместе опровергает возможность сделанного допущения.

[34] НІЛ, стр. 181; ПВЛ, ч. I, стр. 104; ч. II, стр. 382, 383.

[35] НІЛ, стр. 420.

[36] ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 138.

[37] НІЛ, стр. 16, 181.

[38] *Н. М. Петровский.* О новгородских «словенах». Известия отделения русского языка и словесности, 1920, т. 25, стр. 376.

звали четвертого сына Ярослава — Святослава[39]. Но он должен был написать «от отца своего», а не «от князя». Следовательно, предположение о княжеском происхождении Николы не соответствует действительности. Приходится искать его среди ближних бояр Ярослава, нам мало известных.

По-видимому, окончательно отождествить Николу с одним из «добрых мужей» середины XI в. нельзя. Однако попытка сделать это с определенной долей вероятности не представляется бесплодной.

На страницах «Повести временных лет» несколько раз встречается имя Микулы (Николая) Чудина[40]. У него был двор в древней части Киева, на горе. Его брат Тукы вместе с князьями Изяславом и Всеволодом стоял на сенях во время Киевского восстания 1068 г. Сам Чудин в 1072 г. держал Вышгород и присутствовал на торжествах перенесения мощей святых Бориса и Глеба. Правда, здесь он везде назван своим этническим прозвищем Чудин. Но в заголовке Краткой редакции «Русской правды» — правды Ярославичей его поименовали полностью — «Чудинъ Микула»[41].

Сведения источников не оставляют сомнений — Чудин, владелец двора в Киеве, участник княжеских съездов, правитель второго по значению города Киевской земли, один из авторов сурового феодального свода законов Руси,— лицо значительное, хорошо всем известное, ближайший советник великих киевских князей. Именно такому человеку Ярослав мог дать важное поручение в Новгород. Тем более, судя по имени, Чудин или его предки были выходцами из новгородских земель. Смущает другое. Летопись упоминает Чудина в 60-х — 70-х годах XI в.[42] Создается впечатление, что деятельность этого знатного боярина широко развернулась в указанные годы и был он приближенным Изяслава, а не его отца Ярослава[43].

Рассмотрим вновь данные летописи. О самом Чудине последний раз говорится под 1072 г. Причем текст этот сохранился и в «Новгородской первой летописи младшего извода», отразившей более древний, чем «Повесть», свод 90-х годов XI в. Про Чудина его автор писал в прошедшем времени: «Бе тогда Вышегород держа Чудинъ»[44]. Другими словами, ко времени составления свода Чудина в Вышгороде не было и, вероятно, его уже не было и в живых. Ведь в 1113 г. на совещании, созванном на Берестовом Владимиром Мономахом, присутствовал Иванко Чудинович, Ольгов муж[45]. Есть все основания считать его сыном Чудина, но прямо он так не назван. Это указывает на то, что отец Ивана давно умер, а сын сам стал важным сановником, представляющим своего князя при решении больших государственных дел.

В 1078 г. в битве с половцами на Сожице погиб боярин Тукы[46]. И здесь, и в описании событий 1068 г. летописец именует его братом Чудина. Опять перед нами яркое подтверждение знатности Чудина, прекрасно знакомого современникам. Тукы менее известен, и его принадлежность к феодальным верхам определяется прямым родством с Чудиным. Отсюда ясно, что последний и значительнее, и старше первого. Это хотя и косвенное, но достаточно убедительное свидетельство возможности появления Чудина на государственном поприще в эпоху, более раннюю, чем 60-е годы XI столетия.

---

[39] *Р. Вл. Зотов.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892, стр. 33.

[40] ПВЛ, ч. I, стр. 40, 114, 121, 132.

[41] НІЛ, стр. 177.

[42] См. *М. К. Каргер.* К характеристике древнерусского летописца. ТОДРЛ, XI, М.— Л., 1955.

[43] Именно так думает А. В. Поппэ (см. его статью «Родословная Мстиши Свенельдича». Сб. «Летописи и хроники». М., 1974, стр. 79, 80).

[44] НІЛ. стр. 197. См. также ПВЛ, ч. II, стр. 406, 407.

[45] См. Устав Владимира Мономаха в составе Пространной редакции «Русской правды».

[46] ПВЛ, ч. I, стр. 132.

Подтвердить высказанное предположение помогает анализ вводной части Краткой редакции «Русской правды» — Устава Ярославичей. Обычно исследователи приурочивают ее кодификацию к Княжескому съезду 1072 г. в Вышгороде [47]. Действительно, в пользу такого решения говорят несколько существенных обстоятельств. По крайней мере четверо (Изяслав, Святослав, Всеволод и Чудин) из авторов нового «закона» достоверно присутствовали на съезде.

Народные волнения, охватившие Русь в конце 60-х — начале 70-х годов XI в., также требовали от господствующего класса пересмотра действующего законодательства. Поэтому представляется вполне уместным, что «церковное торжество могло быть связано с разрешением чисто политических вопросов» [48]. Однако другие ученые не менее обоснованно полагают, что Устав Ярославичей создавался до бурных событий 1068 г. [49] Ведь в нем не нашли никакого отражения изгнание князя, разграбление княжеской казны, разгром тюрем; не упомянуты волхвы, будоражившие тогда простой народ.

Если под этим углом зрения взглянуть на перечень авторов Устава, отпадут многие сомнения. Кроме трех старших сыновей Ярослава рядом с ними упомянуты имена четырех бояр — Коснячка, Перенега, Микифора Киянина и Чудина Микулы. Имена трех из них (Коснячко, Никифор, Чудин) встречены и в летописи. Они владели дворами в Киеве и, следовательно, были боярами киевскими [50].

Чем же обусловлено такое внушительное представительство Киева? Вряд ли это объясняется фактом наибольшей заинтересованности, поскольку именно киевские феодалы пострадали в первую очередь во время восстания 1068 г. Ведь после не менее грозного выступления народных масс в 1113 г. Владимир Мономах созвал на совет представителей и Киева, и Белгорода, и Переяславля, и Чернигова. В рассказе о торжествах в Вышгороде в 1072 г. прямо сказано, что «обедаша братья на скупь, каждо с бояры своими» [51].

Действительно, за 18 лет самостоятельного княжения у Ярославичей должны были на местах появиться собственные бояре, а в составлении «Правды» участвуют лишь киевляне. Число бояр — авторов кодекса — вызывало недоумение уже в XII в. Так, в заголовке Пространной редакции «Русской правды» выпало имя Чудина и количество советников-бояр согласовано с количеством князей-законодателей. «По Ярославе же паки собрашася сынови его... и мужи их». Значительно, что позднейшие сводчики видели в этих боярах мужей всех трех князей, хотя в действительности они являлись дружинниками только киевского князя. Странное впечатление в подборе авторов Устава усиливается от сравнения его с составом представителей церкви, присутствовавших при перенесении мощей Бориса и Глеба в Вышгороде в 1072 г. Помимо митрополита Геор-

---

[47] *М. Н. Тихомиров.* Исследование о «Русской правде». Происхождение текстов. М.— Л.. 1941, стр. 62—70; *С. В. Юшков.* «Русская правда». Происхождение, источники, ее значение. М., 1950, стр. 293—303; *Л. В. Черепнин.* Общественно-политические отношения в древней Руси и «Русская правда». В кн. *А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин, В. П. Шушарин, Я. Н. Щапов.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 185, 186.

[48] *М. Н. Тихомиров.* Ук. соч., стр. 64, 65.

[49] *А. А. Зимин.* К истории текста Краткой редакции «Русской правды». Тр. Моск. гос. историко-архивного ин-та, т. 7, М., 1954; стр. 183—195; *его же.* Холопы на Руси, М., 1973, стр. 3, примечание 2, стр. 151—154; *Б. А. Рыбаков.* Первые века русской истории. М., 1964, стр. 105. Мнение А. А. Зимина представляется хорошо обоснованным. Можно лишь уточнить сроки кодификации Устава — не между 1036 и 1054 гг., а в промежуток между 1052 и 1054 гг. (скорее всего после смерти Ярослава. Ведь среди законодателей нет Владимира — старшего сына и наследника Ярослава Мудрого, он умер в 1052 г.).

[50] ПВЛ, ч. I, стр. 40, 114.

[51] ПВЛ, ч. I, стр. 121.

гия там были епископы Переяславский, Черниговский, Белгородский. Юрьевский и игумены многих монастырей.

Возникшие недоумения исчезнут, если согласиться с мнением исследователей, относящих время составления Устава Ярославичей к ближним годам после смерти Ярослава. Сам факт совещания братьев-триумвиров в 1054 г. или несколько позднее, кажется, не вызывает сомнений [52]. Им необходимо было решить ряд существенных вопросов, связанных с новым порядком управления Русской землей и разделом владений. Кто же должен был гарантировать претворение в жизнь и дальнейшее соблюдение принятых решений? Летописи дают однозначный ответ: бояре, старшая дружина. Сподвижники Ярослава, его ближайшие советники, верхушка влиятельного киевского боярства — вот естественные наставники и блюстители согласованных действий молодых князей. Именно в их присутствии надлежало заключать ряд о Русской земле. Так предлагали поступить Олегу Святославичу в 1096 г. Святополк и Владимир: «Поиди к Кыеву, да порядь положимь о Русьтей земли перед епископы, и перед игумены, и перед мужи отець наших» [53].

Теперь понятно, почему в древнейших списках Правды Ярославичей авторы некняжеского происхождения никак не отделены от составителей-князей; они мужи Ярослава, вторая равноправная сторона, располагавшая в тот момент реальной властью и силой.

Несколько мелких фактов подкрепляют сделанный вывод. Летописи не знают Перенега. Вероятно, он сошел с политической сцены, так же как Никифор Киянин, вскоре после утверждения «Правды». Появление Коснячка во главе княжеской администрации после 1068 г. маловероятно. Ведь против него прежде всего был направлен гнев киевлян, его двор подвергся разграблению. Вряд ли Изяслав, лишь с помощью поляков вернувшийся в столицу, вновь навязал народу потерявшего популярность воеводу. Наконец, уже с конца 70-х годов киевские летописцы перестают упоминать наших героев, и их вниманием пользуются другие лица: Ратибор, Ян и Путята Вышатичи, начало деятельности которых приходится на рубеж 60-х — 70-х годов XI в.

Развернутый экскурс о времени составления первого Устава Ярославичей помимо самостоятельного значения важен для решения трудного вопроса о личности Микулы (Николы) [54] Чудина. Обнаружив его в числе ближайших бояр Ярослава Мудрого, мы можем с большой долей вероятности адресовать ему интереснейшую надпись «пришельца из Киева града» в новгородском Софийском соборе.

Предложенная интерпретация этого граффити проливает свет на один из самых затемненных периодов истории Новгорода. До сих пор оставалось загадкой: кто управлял вторым центром Руси после смерти Владимира? Согласно летописи и приписке к Остромирову евангелию, с 1054—1055 гг. Изяслав Ярославич «поручил» Новгород «своему близоку», посаднику Остромиру. Теперь есть основания считать, что до этого момента новгородскими делами ведал Никола Чудин. Попытки «посадить» в Новгород в период между 1052 и 1054 гг. кого-либо из князей опровергаются уже упомянутой припиской Остромира, свидетельствующей, что между Владимиром и Изяславом в городе других князей не было.

Весть о смерти Ярослава призвала Чудина обратно в Киев, где он участвовал в совещании князей, вместе с ними «делил» Русскую землю и провозгласил новый кодекс. Поэтому Изяслав, получив киевский стол и «урядившись» с братьями, немедленно отправился в Новгород, вновь лишившийся княжеской администрации, и назначил посадником Остромира — представителя местного боярства и своего родственника.

---

[52] *Л. В. Черепнин.* Ук. соч., стр. 169—175.

[53] ПВЛ, ч. I, стр. 170.

[54] Микулой Чудин назван в Новгородских списках Правды Ярославичей. Там же Никифор Киянин именуется Микифором.

Конечно, цепь рассуждений и выводов, исходным пунктом которой послужила надпись Николы, не является бесспорной. Ее отдельные звенья трудно аргументировать. Тождество «Николы пришельца» и Николы Чудина лишь предполагается. Однако изложенный вариант расшифровки и исторического осмысления данной записи в силу указанных соображений имеет право на существование.

A. V. Kouza, A. A. Medyntseva

L'INSCRIPTION DE NIKOLA DANS LA CATHEDRALE SAINTE-SOPHIE A NOVGOROD

Résumé

Cet article est un essai de rétablir et d'interpréter historiquement l'inscription de Nikola tracée sur un mur de la cathédrale Sainte — Sophie, à Novgorod. Selon les données paléographiques et les mentions qui y sont faites du prince de Kiev Iaroslav le Sage, le graffito ne peut être postérieur à 1054. Rien que ce fait met cette inscription au nombre des plus anciens et intéressants monuments des lettres russes. Le rétablissement des caractères disparus du graffito ne révèle pas seulement son contenu, mais permet de rapprocher l'autographe de Nikola des événements qui ont suivi la mort du prince de Novgorod Vladimir Iaroslavitch, en 1052. Certaines observations secondaires permettent de supposer que l'auteur de cette curieuse inscription est le célèbre boyard de Kiev, Mikoula Tchoudine.

М. А. ИЛЬИН

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ВИДЕ СОБОРА СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ 1558—1566 годов

Преображенский собор Соловецкого монастыря был построен из камня и кирпича в 1558—1566 гг. на месте сгоревшего деревянного храма. По своим формам он связан с теми соборными храмами, которые возводились в первой половине XVI в., и в то же время существенно отличается от них. В его громадном, почти кубическом объеме (он воспринимается теперь именно как грандиозный куб) достаточно отчетливо ощущается знакомство его зодчих с монументальными храмами первой половины XVI в., возникших под влиянием архитектуры Московского Успенского собора, ставшего образцом для подобного рода зданий более чем на два столетия. Однако эта близость к московскому прототипу самая общая, так как нет ни одной более или менее яркой заимствованной детали.

Наиболее заметной чертой, отличающей храм от подобных зданий, следует считать четыре придела, расположенных по его углам в верхней части собора, как некие оборонительные «форты». Появление такой композиции связано с развитием тех придельных храмов, которые возводились в эти годы.

Сам принцип пристройки к тому или иному храму одного или нескольских приделов отнюдь не может считаться новым. Мы встречаемся с подобной архитектурной композицией как в домонгольской Руси (Борисоглебский храм в Чернигове, собор Княгинина монастыря во Владимире, собор Юрьева-Польского), так и позднее, например в соборе Ивана Калиты в Московском Кремле, не говоря о других более поздних храмах, где приделы оттеняли основной массив здания. В середине XVI в. этот принцип приобрел полную законченность — асимметрия была заменена симметричным расположением придельных храмов-капелл. Таковы: храм в Дьякове, соборы Василия Блаженного и Бориса и Глеба в Старице. Принцип симметрии был с особой четкостью и совершенством воплощен и в ведущем храме эпохи — церкви Вознесения в Коломенском. Однако происхождение пятибашенной композиции Дьяковской церкви, ее идеи и образы еще ждут своего исследования и истолкования. На данном этапе важно лишь то, что архитектура этого храма повлияла на композиции Василия Блаженного и Старицкого собора.

Казалось, что этими тремя произведениями был ограничен круг, где принцип симметричного расположения приделов вокруг центрального храма был выдержан с особой полнотой. Однако в 1945 г. М. В. Щепкина ввела в орбиту грозненских храмов середины XVI в. новый памятник — Преображенский собор Соловецкого монастыря, где не только применен этот принцип, но и получил новое истолкование, существенно отличавшееся от предшествующих примеров. На выходной миниатюре из роскошной рукописи «Жития» Зосимы и Савватия, где была тщательно изображена вся панорама недавно законченного постройкой Соловецкого мона-

стыря во главе с массивом собора [1] (рис. 1), первоначальный вид которого, как выясняется, сильно отличался от позднейшего.

Открытие М. В. Щепкиной, убедительно обосновавшей первоначальную шатровую форму завершения Преображенского собора Соловецкого монастыря, было столь ошеломляющим, что многие исследователи не поверили в это открытие (считая рисунок художника XVI в. фантазией), и автор не смог опубликовать в должное время свое важное наблюдение. Оно подкреплялось и другими графическими изображениями XVI и XVII вв., а также предположением, что церковь Зосимы и Савватия в Троице-Сергиевом монастыре 1637 г., завершенная стройным шатром, была сооружена как память о выдающемся произведении русской архитектуры Севера.

Вследствие игнорирования работы М. В. Щепкиной появившиеся статьи, при реконструкции центральной главы, восстанавливали ее такой, какой она была до пожара 20-х годов [2].

Если О. Д. Савицкая свое сомнение о завершении центральной части шатром изложила лишь в общей форме, ссылаясь на незавершенность исследования собора, то В. И. Курлов отрицает самую возможность существования шатра ввиду якобы малого наклона граней существующего барабана и наличия венчающего наружного декоративного пояса. Его статья снабжена многочисленными чертежами, где центральная глава завершена мощным луковичным куполом, по всему своему облику относящимся, как и другие главы, к формам конца XVII в.

К сожалению, и О. Д. Савицкая, и В. И. Курлов (рис. 2) не обратили внимания на ряд особенностей существующей главы. Ее луковичный допожарный купол по своей форме не отвечает силуэту глав, которыми венчались соборы XVI в., а воспроизводит могучую пучину глав, которая была распространена в конце XVII в., в Ярославской «школе» зодчества. В таком виде он не мог существовать на главе собора середины XVI в. На чертеже разреза собора, выполненного В. И. Курловым, ясно видны сужающиеся вверх внутренние граненые стенки барабана, прорезанные в завершении кольцом окон. Иными словами, восьмигранная внутренняя сужающаяся форма, продиктовавшая восьмигранную форму внешнего объема, начинается почти от самых подпружных арок и подымается высоко вверх. Если бы шатра не было, то строителям не было никакого смысла сужать барабан и «тянуть» его на значительную высоту, придавая ему гранную форму, чего в обычной практике гранных барабанов не существовало (гранные барабаны внутри имели гладкую цилиндрическую поверхность). Наконец, весьма сомнительно мнение В. И. Курлова, что изображенный на титуле рукописи 1596—1599 гг. «Жития» Зосимы и Савватия Вахромеевского собрания [3] шатровый верх каменного собора 1558—1566 гг. воспроизводит деревянный шатер прежнего деревянного храма, будто бы сгоревшего в 1538 г. Он склонен видеть на этой превосходной миниатюре какую-то комбинацию разновременных частей памятников, заимствованную с якобы существовавшей иконы XV — начала XVI в. (?). Этот дере-

---

[1] *М. Щепкина.* Царские лицевые рукописи конца XVI — начала XVII в. Канд. дис. (не опубликовано).

[2] *П. Максимов, И. Свирский.* Новые материалы по древним зданиям Соловецкого монастыря. «Архитектурное наследство», 10, 1958, стр. 111—126; *О. Савицкая.* Некоторые черты северного зодчества на примере архитектурных памятников Соловецкого монастыря. «Архитектурное наследство», 21, 1973, стр. 60—68; *В. И. Курлов.* Преображенский собор Соловецкого монастыря XVI века. СА, 1974, I, стр. 79—101; *М. Мильчик.* Архитектура в древнерусской живописи: «Декоративное искусство СССР», 1973, 2, стр. 24—27. Автор опубликовал икону, на которой собор изображен примерно таким, как и на публикуемой миниатюре (стр. 25). Последняя находится в лицевой рукописи жития Зосимы и Савватия 1623 г., хранящейся в Ленинграде, в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

[3] ГИМ. Отдел рукописей, Вахромеевское собрание, № 71.

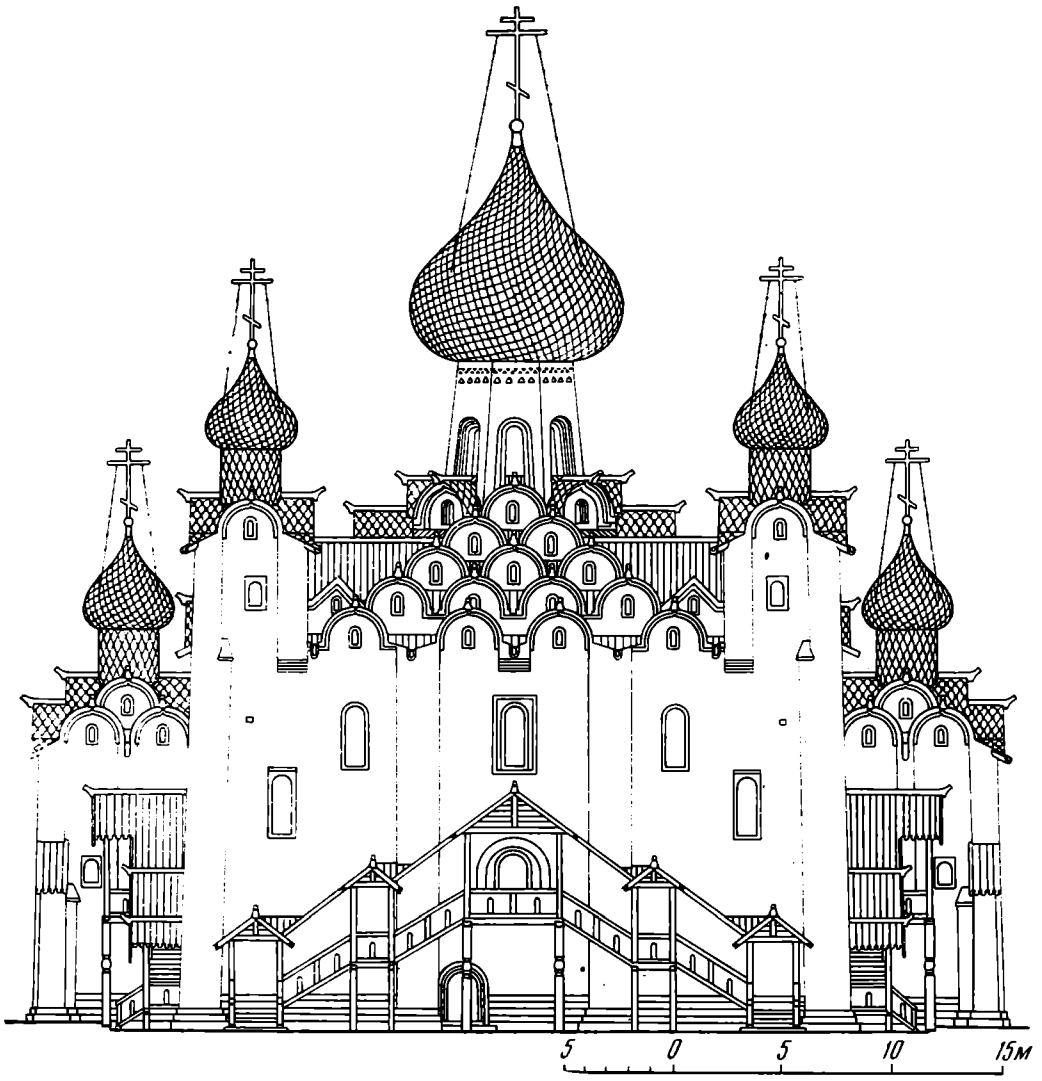


Рис. 2. Реконструкция Преображенского собора Соловецкого монастыря В. И. Курлова /Западный фасад/

вянный шатер датируется 1452 г. и был перенесен миниатюристами, по мнению В. И. Курлова, на каменный собор (так?!).

Иными словами, нагромождены и смешаны друг с другом как реальные факты, так и явно фантастические. Кроме того, сопряжение каменного собора с деревянным шатром в русском зодчестве чрезвычайно редко, тем более в таких капитальных произведениях.

Что же представляет собой Преображенский собор выходной миниатюры рукописи Вахромеевского собрания из отдела рукописей Исторического музея, верхнее завершение его центрального «верха», который, оговоримся, только здесь и рассматривается? Он изображен каменным с четырьмя приделами по углам на верху собора, т. е. после его завершения в 1566 г.

Собор вместе с венчающим его шатром окрашен зеленой краской. Грани шатра «отмыты», т. е. от светло-зеленоватого цвета имеется сравнительно резкий переход к более темному оттенку. Такое разделение каждой грани на две полосы, зрительный упор ребер граней в верхи треугольных кокошников, покрытие нижней части здания и своеобразное двойное зигзагообразное украшение вверху шатра позволяют высказать предположение о его возможной звездообразной ребристости или наличия двойных лопаток на ребрах граней.

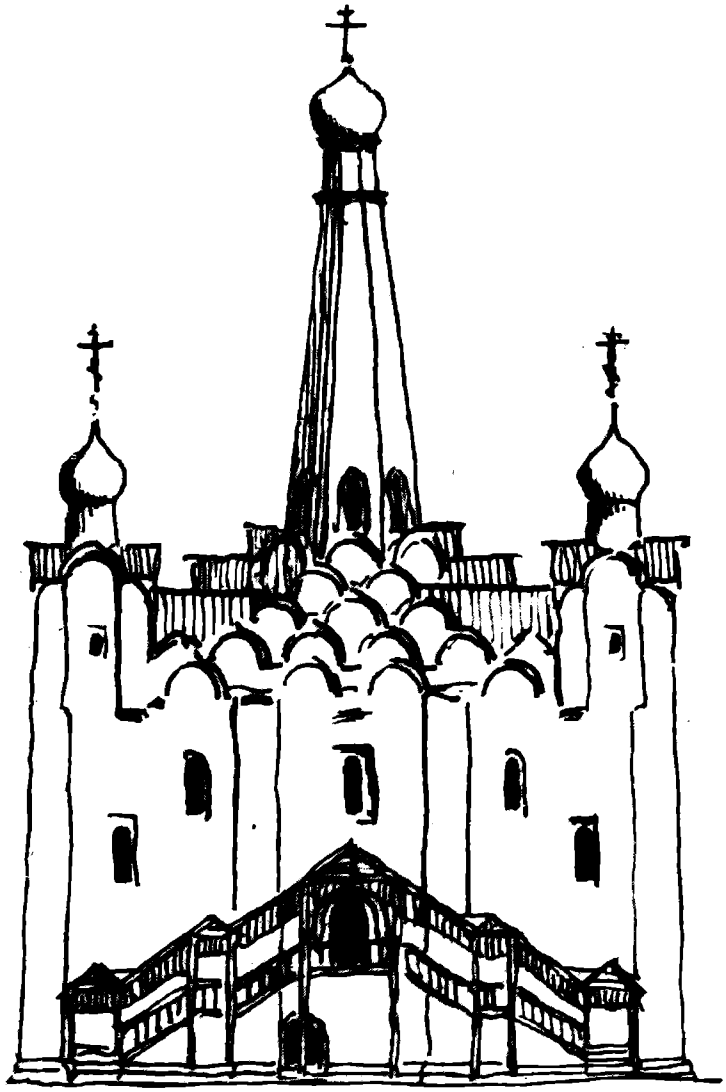


Рис. 3. Схема-реконструкция Преображенского собора Соловецкого монастыря М. А. Ильина

Завершение Соловецкого собора шатром подтверждается приписанной позднее частью рукописи, датируемой 1624 г. На ее 233 листе XVII в. вновь обобщенно изображен Преображенский собор, снова завершенный шатром. Следовательно, этот шатер продолжал существовать еще в начале XVII в. В собрании икон Исторического музея имеется икона Зосимы и Савватия первой половины XVII в. Между двух фигур святых нарисован еще более обобщенный башнеобразный Преображенский собор. Итак, уже три графических источника XVI—XVII вв. изображают Соловецкий собор шатровым. Только с конца XVII в. изобразительные материалы изображают центральную главу собора примерно в том виде, которая нам знакома по допожарным фотографиям.

Приведенные данные дают возможность полагать, что каменный Преображенский собор Соловецкого монастыря, сооруженный игуменом Филиппом, был шатровым (рис. 3). Он входил в круг башенно-шатровых, сложных по композиции памятников времени Грозного (Дьяково, Васи-

лий Блаженный, Борисоглебский собор в Старице). Четыре угловых придела окружали высокую «свечу» центрального шатра. Последний возник в связи с общей архитектурой всего монастырского комплекса. За высокими мощными стенами и могучими башнями собор с обычной главой, как бы велик он ни был, все же не мог играть центрирующей весь ансамбль роли. Высокий стройный шатер придавал центральному храму необходимую выразительность, собирая вокруг себя остальные многочисленные здания монастыря. Однако необходимо отметить, что общее композиционное построение собора существенно отличалось от одновременных ему памятников.

По плану основной части собора его можно причислить к тем двустолпным соборам, которые стали строиться в том же XVI в. Их появление в русском зодчестве было обусловлено развитием высокого иконостаса, который, как в Троицком соборе Троице-Сергиева монастыря 1422—1423 гг., полностью закрывал восточную пару столбов. Эти столбы сливаются со стенками, отделяющими алтарь от жертвенника и дьяконника. Тем самым главный световой купол оказался размещенным над амвоном солеи, что соответствовало требованиям культа. Любопытно, что в Троицком соборе купольный «трансепт» оказался у́же, чем задний, западный, поперечный же «неф». Такая композиция порождала ориентацию пространства храма по оси север — юг, что становится распространенным приемом в строительной практике уже в XVII в. Аналогично спланирован и Соловецкий собор. Его зодчий пошел еще дальше, зрительно отделив с внешней стороны его прямоугольные апсиды, превратившиеся затем в своего рода каменные палаты со двухскатными крышами.

Размеры внутреннего пространства Соловецкого собора, конечно, несоизмеримы с интерьером Троицкого собора. Возносившаяся ввысь в центре собора пространственная граненая «труба» шатра играла важную роль во внутреннем облике собора. Соединение, казалось, несоединимых элементов — мощи единого блока Московского Успенского собора с композицией верха, отдаленно напоминавшей пятибашенность Дьякова или Старицкого собора, обилие декоративных кокошников, близких к декору собора Василия Блаженного, сам высокий шатер, сопоставимый с Сергиевской церковью Богоявленского монастыря в Московском Кремле (отличающейся подобным шатром и ярусами кокошников у основания) или с более поздним памятником, например с «Дивной» трапезной церковью Алексеевского монастыря в Угличе, внутреннее пространственное построение собора — все это, следует предполагать, было непосредственно связано с замыслом заказчика — игумена Филиппа Колычева, незаурядной личности середины XVI в.

Когда же исчез шатер Соловецкого собора и появляется конический барабан с огромной луковичной главой ярославского пошиба?

М. В. Щепкина вполне обоснованно считает, что это произошло после осады восставшего монастыря в 1668—1676 гг., когда собор, как и многие здания монастыря, пострадал от бомбардировки их правительственными войсками. В последней четверти XVII в. остаток шатра был преобразован в конический, со срезанным верхом, гранный барабан с венцом больших окон, которые, возможно, были расширены. На этот новый барабан и была «посажена» огромная луковичная глава.

Несмотря на то, что собор Соловецкого монастыря лишился своего шатрового завершения, он даже в графической реконструкции должен занять свое место среди остальных шатровых памятников грозненского времени. Публикуемая миниатюра дает возможность проследить развитие, а затем угасание подобной многопридельной композиции многошатровых храмов. Она возникла еще в конце XV в. Одним из первых примеров может считаться собор Ферапонтова монастыря, где внутри единого пространства собора был выделен придел Николы. Иконостас главного престола как бы отступил вглубь, в то время как иконостас придела Николы выступил

вперед, тем самым деля внутреннее пространство собора на две части (исследование С. В. Филатова). Это еще внутреннее размежевание пространственных объемов привело к памятникам, где угловые части собора вовне зрительно образовывали самостоятельные объемы. Таковы соборы Рождественского монастыря в Москве и монастырского собора в Киржаче (оба начала XVI в.).

В 30-х годах XVI же столетия собор Успенского монастыря в Старице получил над этими угловыми, пониженными в своем вертикальном измерении «объемами» самостоятельные главы. Они не только усилили пирамидальность построения собора, но, совместно с колончатым фризом то опускающимся вниз на угловых частях, то подымающимся вверх на средних прясла главного подкупольного средокрестия, зрительно заставили воспринимать собор как тесно поставленную группу башнеобразных объемов. Дальнейшая разработка этого мотива привела в конце 40 — начале 50-х годов XVI в. к ясно построенной пятибашенной группе храма в Дьякове. Композиция собора Василия Блаженного завершила развитие подобного композиционного многопридельного построения. Собор на Красной площади в Москве был кульминационным пунктом развития архитектурной мысли в этом направлении.

Однако тяготение, любовь к сложным башнеобразным шатровым храмам оставалась. Новый шаг был сделан в Борисоглебском соборе Старицы. Тут на высокий подклет, зрительно близкий к подклету и обширному гульбищу храма Вознесения в Коломенском, была поставлена тесная пятишатровая группа высоких башнеобразных объемов. Последующие зодчие обратились к созданию пяти-, трех- и однобашенных шатровых храмов (вплоть до трехшатрового трапезного — храма Алексеевского монастыря в Угличе 1628 г.).

К этой же мысли обратился и заказчик Соловецкого собора игумен Филипп. Однако заложенный им собор не стоял в свободном пространстве обширного городища или царской усадьбы. Его тесно окружали шатровые верхи стоявшей рядом звонницы, главы трапезного храма и приделов, мощные пирамидальные шатры относительно низких, но мощных башен. Поставить тут собор, родственный Борисоглебскому собору в Старице, в архитектурно-художественном отношении было бы неверным шагом. Так возникла идея сооружения собора в виде массивного большого куба, увенчанного высоким шатром, как бы опирающимся на пирамиду относительно крупных кокошников. Для большей цельности композиции и связи ее с многочисленными главами и шатрами тесно застроенного монастыря на углах собора были поставлены небольшие приделы, фиксирующие углы соборного куба. Завершающие их кокошники и небольшие главы перекликались с основными декоративно-архитектурными элементами верха собора, в свою очередь находившего себе соответствие в «верхах» других монастырских построек.

Благодаря такой композиции завершение собора играло ведущую роль как элемент, «державший» весь сложный ансамбль монастыря, где были так многочисленны главы, шатры и даже простые двухскатные кровли. Горизонталь крыши, защищавшей верхний «бой» крепостных стен, подчеркивала этот суровый, необычайный по своему внешнему виду облик монастыря-города.

Завершение постройки Соловецкого собора в 1566 г. при всей новизне интерпретации его пятиверхого объема было конечным пунктом развития той композиции, которая наметилась за полвека до того. Любовь к шатровым завершениям оставалась. Их по-прежнему стремились пространственно связать с внутренним пространственным объемом храмов, но развитию архитектурной мысли в этом направлении пришел конец. Это можно объяснить разгулом опричнины, вызвавшей не только экономический, военный и политический кризис в стране, но и отразившийся в искусстве, которое не движется вперед, а возвращается к монументальным, по существу

консервативным формам обширных соборов рубежа XV—XVI вв. Построенный в 1570 г. Софийский собор в Вологде свидетельствует об уже начавшемся регрессе художественно-архитектурной мысли.

M. A. Iline

L'ASPECT ORIGINEL DE LA CATHEDRALE DU MONASTERE DE SOLOVKI

(1558—1566)

Résumé

La cathédrale de la Transfiguration (Préobrajenski) du monastère de Solovki a toujours attiré l'attention par son originalité. Mais dans les travaux publiés on ne l'étudiait, la plupart du temps, que dans ses détails et non dans son ensemble (en particulier, v. l'article de V. I. Kourlov dans la revue «Archéologie Soviétique», № 1, 1974, dans lequel l'auteur donne une restitution de cette cathédrale avec des coupoles typiques pour le XVIIe s., ce qu'on ne peut tenir pour exact). La miniature publiée reproduit l'aspect initial de la cathédrale, couronnée d'un toit pyramidal aigu, ce qui range ce monument parmi les plus remarquables ouvrages d'art du milieu du XVIe s., lorsque se sont élevés les édifices à l'architecture la plus originale, terminés par une ou plusieurs pyramides.

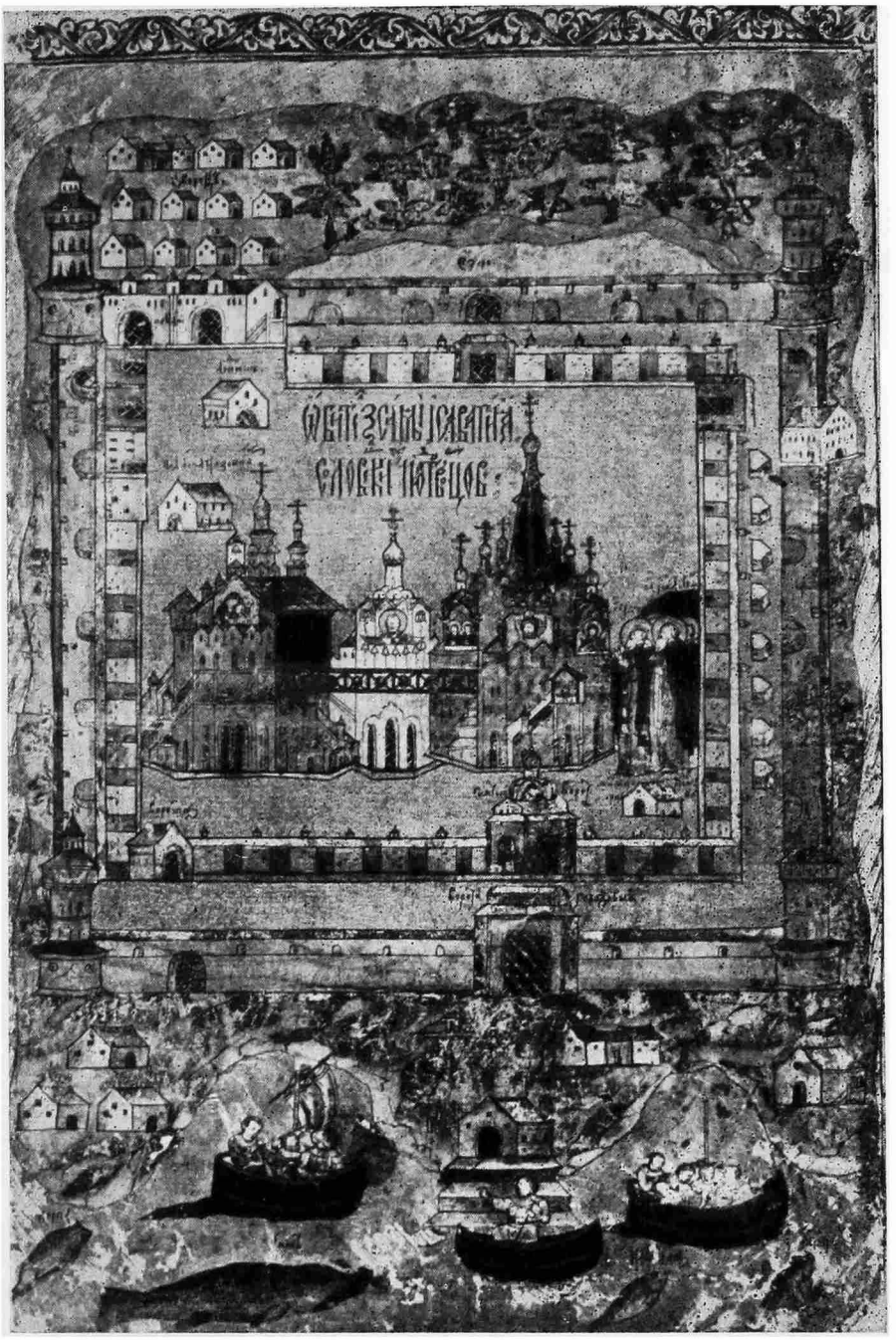


Рис. 1. Миниатюра, изображающая Соловецкий монастырь 1596—1599 гг. ГИМ. Отдел рукописей. Вахрамеевское собрание, № 71. Выходной лист

Вклейка к статье В. А. Падина, стр. 204

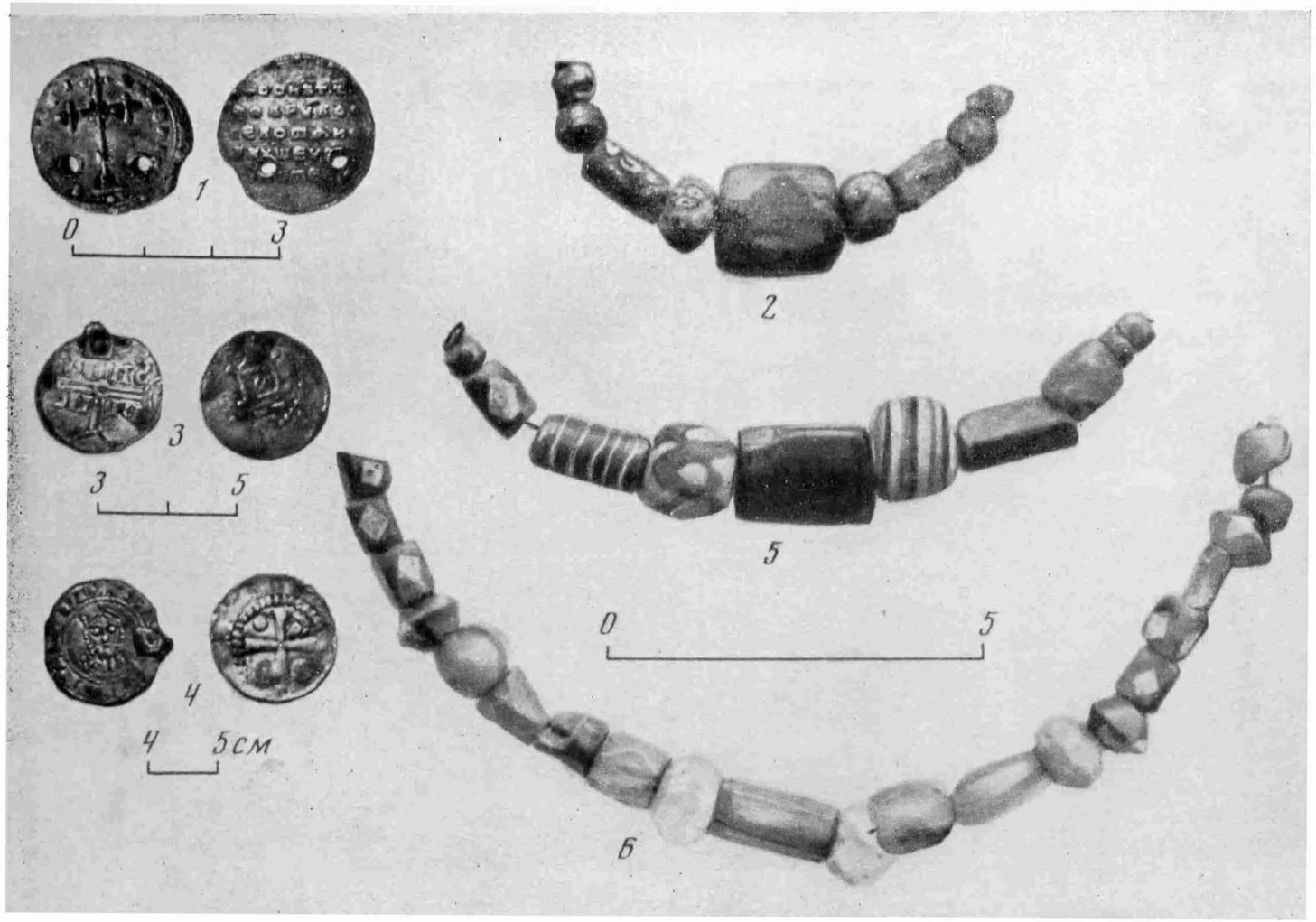


Рис. 4. Кветунский могильник. *1* – монета Константина VII, кург. 28; *2* – ожерелье, кург. 27; *3*, *4* – германские монеты, кург. 84; *5* – ожерелье, кург. 46; *6* – ожерелье, кург. 126

Публикации

В. Т. ПЕТРИН

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПИСАНИЦАХ С БЕРЕГОВ оз. БОЛЬШИЕ АЛЛАКИ

Некоторые материалы о писаницах с берегов оз. Большие Аллаки уже были опубликованы [1]. Наша работа вызвана тем, что в иллюстрациях и описании писаницы, сделанном В. Н. Чернецовым [2] (1972) по материалам В. Я. Толмачева, имеются отдельные неточности в изображении фигур, а некоторые рисунки вообще отсутствуют.

Писаницы на оз. Большие Аллаки самые южные на восточном склоне Урала в отличие от остальных — в лесостепной зоне. Писаниц на оз. Аллаки обнаружено четыре. Первая расположена на невысокой скале на мысу западного берега. Скальный навес, под которым были обнаружены изображения, может служить убежищем от непогоды. Разжигаемые здесь костры закоптили скалу и безнадежно испортили рисунки. В настоящее время видно лишь несколько нечетких красноватых пятен.

Вторая и третья писаницы расположены на скалах юго-восточного берега озера. Там же расположена и четвертая писаница, найденная нами в 1969 г. Скалы известны у местного населения под названием «Каменные палатки». Они резко выделяются среди лесостепного рельефа.

Каменные палатки удалены от берега озера на 30—40 *м*, их абсолютная высота над уровнем воды 14 *м*. Скальные останцы выступают из рыхлых отложений на высоту не более 8 *м*. Останцы сложены из горизонтальных плит крупнозернистой породы.

Рисунки II и III писаниц найдены на крайней северо-западной скале, а IV писаницы — на крайней юго-западной (рис. 1). Крупнозернистая фактура скальной поверхности затрудняла нанесение рисунков и ухудшала их качество и сохранность. Краска сохранилась лишь на гранях кристалликов и отсутствует в углублениях между ними. Многие рисунки, особенно при приближении к ним, кажутся нечеткими. Наиболее понятен рисунок, когда наблюдатель находится в 3—4 *м* от изображения.

II писаница [3] расположена на вертикальной скальной плоскости, обращенной на север, в сторону озера. Большинство рисунков находится под скальным козырьком, защищающим их от дождя и снега. Площадь, занятая ими, 1,5×2 *м*. Верхняя граница — 2,8 *м*, нижняя — 1,3 *м* от земли. Следы краски зафиксированы и на выступах в 1,5 и 3 *м* левее. Рисунки, как правило, занимают выпуклости гранитных пластов толщиной 0,4—0,6 *м*, разделенных вертикальными трещинами. Фигуры, нанесенные близко к трещинам, находятся к зрителю не во фронтальной плоскости (рис. 1, фиг. *13*, *14*).

---

[1] *В. Я. Толмачев.* О работах В. Я. Толмачева на Урале в 1914 г. ОАК за 1913—1914 гг. Пг., 1918.

[2] *В. Н. Чернецов.* Наскальные изображения Урала, ч. II, САИ, В4-12, М., 1972.

[3] Под этой писаницей нами был заложен раскоп площадью 20 *м*². Каменные, бронзовые изделия, преимущественно наконечники стрел, фрагменты керамики лежали в перемешанном слое. Вещевой материал датируется очень широким хронологическим диапазоном — ранний неолит — средневековье.

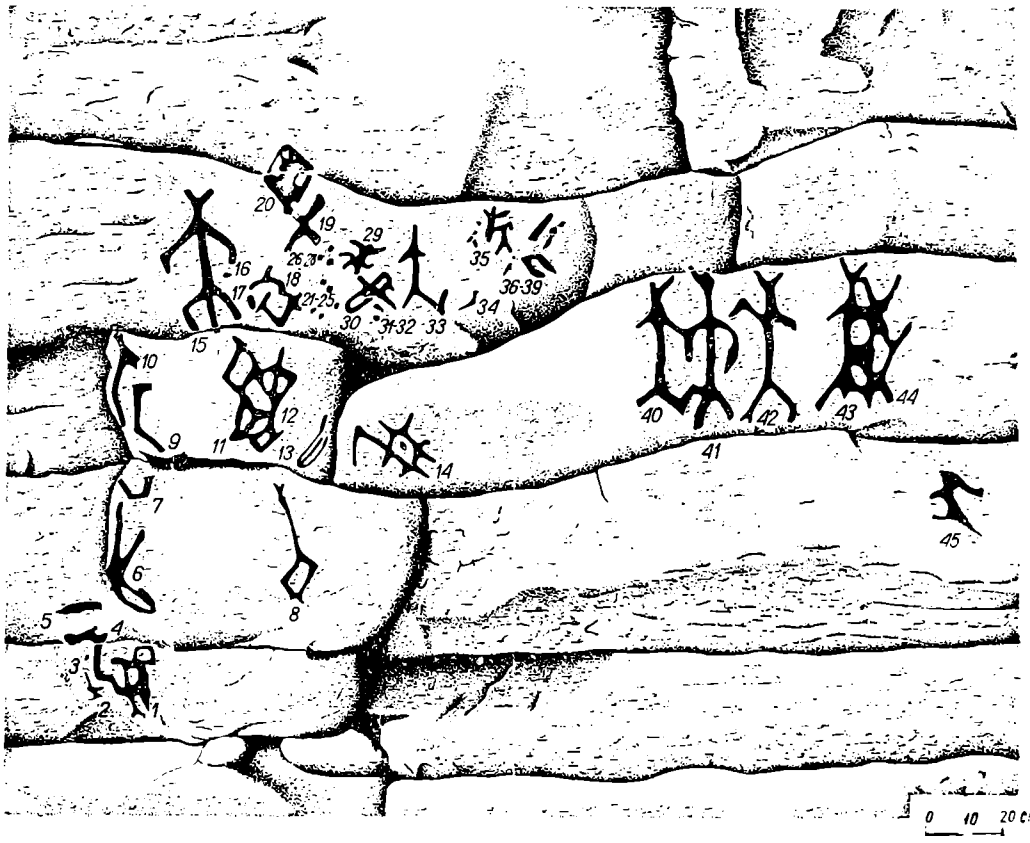


Рис. 1. I группа изображений восточного берега

Техника нанесения рисунков одинакова. Это линии толщиной в человеческий палец, иногда несколько шире. Стиль рисунков также почти лишен вариаций, все они выполнены в одной традиции. Изображения двух цветов, фигуры (рис. 1, фиг. *10—14*, *18*, *33*) имеют цвет бордо, а все остальные — светло-красный. Пространство скалы, где находится основная масса изображений I писаницы, во многих местах закрашено бледно-красной охрой. Всего в этой писанице зафиксировано 45 рисунков. Нумерация велась слева направо, таким образом, что каждый рисунок, а также любое пятно краски, отделенное от других незакрашенной поверхностью, получали порядковый номер. Лишь отдельные изображения сохранились полностью (рис. 1, фиг. *8*, *11—15*, *40—44*), немногие могут быть распознаны по сохранившимся контурам, большинство же сохранилось фрагментарно.

Из 17 фигур, смысл которых ясен, 10 антропоморфных (рис. 1, фиг. *11*, *12*, *15*, *33*, *40—45*). За исключением четырех изображений (рис. 1, фиг. *11*, *12*, *33*, *45*), все они нарисованы в одной манере: удлиненное туловище с раскинутыми в стороны руками и ногами, верхнюю часть фигур венчают два «уха» или «рога». Из других важных деталей данных фигур отметим изображение фаллоса (рис. 1, фиг. *15*, *41*). Эту группу изображений будем в дальнейшем условно называть «ушастые люди».

«Ушастые люди» расположены в двух местах. Одинокая, хорошо сохранившаяся фигура в левом верхнем углу плоскости с рисунками изображена в динамике: ее правая нога согнута в колене, руки тоже согнуты в локтях. Фигура дана как бы в полоборота к наблюдающему, во время стремительной пляски. У этой фигуры обращает на себя внимание хорошо проработанный цветом, подчеркнуто преувеличенный фаллос (рис. 1, фиг. *15*).

Пять «ушастых людей» нарисованы рядом. Три (рис. 1, фиг. *40—42*)

Рис. 2. II группа изображений восточного берега

изображены вплотную, средняя фигура (рис. 1, фиг. *41*) с гипертрофированным фаллосом несколько крупнее других. Композиционное единство этих рисунков несомненно. Два изображения справа (рис. 1, фиг. *43*, *44*) отделены от описанных выше. Фигура (рис. 1, фиг. *44*) в верхней своей части вполне соответствует изображению «ушастых людей». Она (рис. 1, фиг. *44*) имеет «ушастую голову», но туловище ее в виде ромба, куда упирается отросток, идущий от фигуры 43.

Антропоморфные фигуры (рис. 1, фиг. *11*, *12*) выполнены в другом стиле. Оформление верхней части туловища, рук совсем иное, по размерам они также уступают «ушастым людям». Фигуры 11, 12 можно отнести к типу антропоморфных и «фертообразных фигур», но у них имеется отличие от последних в изображении ног, которые обозначены фигурой, приближающейся к ромбу. Фигуры примыкают друг к другу, но относятся ли они к одному сюжету — неясно.

У другой антропоморфной фигуры (рис. 1, фиг. *33*) плохо сохранилась верхняя часть. По очертаниям туловища и ног она близка к «ушастым людям».

Фигура (рис. 1, фиг. *45*) плохой сохранности. Возможно, антропоморфная.

Фигура (рис. 1, фиг. *8*) сохранилась полностью. Нижняя часть, видимо туловище, изображена ромбом, средняя — длинной вертикальной линией, а верхняя часть — как у «ушастого человека». Если принять во внимание

Размеры рисунков

№ рисунка	Ширина	Высота	№ рисунка	Ширина	Высота
1	16	21	39	1,5	5,4
2	5	7,8	40	11,9	36
3	1,5	2	41	14,5	43
4	11,2	5	42	17,5	38,5
5	12	3	43–44	22	39
6	9,1	30	45	14	21
7	9,8	5	46	1,3	1,5
8	10	32	47	1,5	1,5
9	5	19,6	48	11,2	8,5
10	5,6	24,5	49	2	2,6
11	9,1	28	50	5,3	3,5
12	10,5	28,3	51	2,8	2,1
13	8	12,8	52	9	7
14	20	16,5	53	11,5	8,5
15	20,5	38,5	54	15	9
16	2,1	1,4	55	20	16
17	1,9	4,2	56	24	10
18	13	16,8	57	12	7
19	9,8	15,5	58	10	17,5
20	13	18,2	59	28	16
21–28	Диаметр	1,5–2,5	60	17	9
29	10,5	9,1	61	15	4
30	13	10,5	62	29,5	13
31	1,5	1,5	63	4,2	4
32	2,8	1,5	64	18	8
33	12,6	24,5	65	8,5	16
34	2,1	5,5	66	11,8	14
35	12,5	13	67	11,9	18
36	1	3	68	11,2	16
37	14	7	69	10,5	10
38	1,8	5,5			

широко распространенный на Урале в эпохи неолита и бронзы сюжет с изображениями птиц, то вполне вероятно будет, что фигура обозначает водоплавающую птицу, предположительно гуся или лебедя.

Две хорошо сохранившиеся фигуры (рис. 1, фиг. *13*, *14*) нанесены как бы друг против друга, по обеим сторонам вертикальной трещины. Рисунок 13 — Ш-образная фигура. Рисунок 14 — ромб с выступающими за края линиями боковых сторон. Один из отрезков длиннее других и загнут под острым углом вниз. В центре ромба пятно краски. Смысловое значение обеих фигур непонятно, поскольку нет признаков, которые помогли бы связать эти рисунки с натуральными объектами или понятиями. Сохранившаяся частично фигура (рис. 1, фиг. *18*) отдаленно напоминает рис. 14, но у нее в середине нет пятна краски.

Остаются загадочными фигуры (рис. 1, фиг. *29*, *35*, *36—39*). Это объясняется тем, что они отражают совершенно новый сюжет среди известных уральских наскальных изображений. Фигура 35 может быть интерпретирована как изображение ползущего вниз рака с раскрытыми клешнями. Рисунки 29 и 36—39 сохранились плохо, но в них также можно видеть подобные же изображения.

Рисунки III писаницы находятся с противоположной стороны той же скалы, где нанесены изображения II писаницы. В небольшой нише на площади 1,05×0,95 *м* присутствуют рисунки, сделанные светло-красной охрой, сходной по цвету с рисунками II писаницы, но несколько бледнее. То же можно сказать о четкости и сохранности рисунков. III писаница выгодно отличается от II писаницы: ее рисунки нигде не налегают друг на друга, что создает хорошую возможность для изучения отдельных фигур.

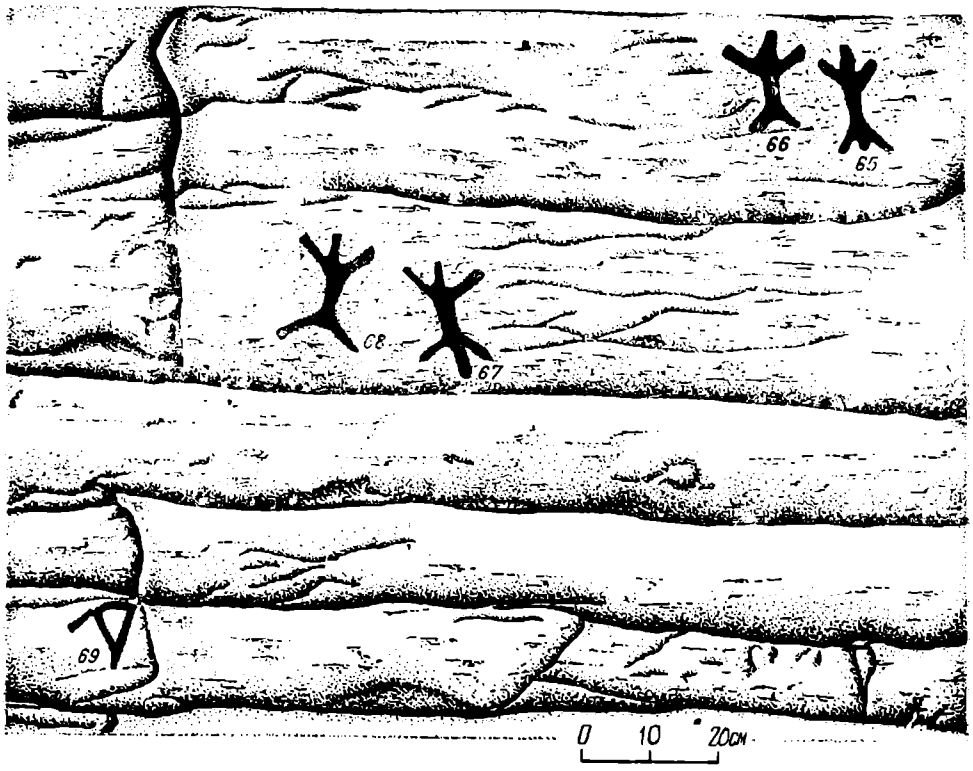


Рис. 3. III группа изображений восточного берега

Тематика рисунков III писаницы, как уже было отмечено В. Н. Чернецовым [4], резко отличается от тематики рисунков I и IV писаниц. Всего здесь насчитывается 18 рисунков, кроме них зафиксирован рисунок нечетких очертаний в 2,5 *м* вправо.

Шесть фигур, сохранивших более четкие очертания. Из них четыре изображения (рис. 2, фиг. *56, 57, 59—62*) загородок, которые обычно понимаются как охотничьи и рыболовецкие сооружения. «Загородки» изображены горизонтальной чертой, от которой в обе стороны отходят чередующиеся отрезки.

Часть наблюдений В. Н. Чернецова, проанализировавшего эту группу изображений, не подтвердилась. В частности, мне не удалось обнаружить изображение лягушки. Внимательный осмотр того места, где, согласно публикации, должна находиться эта фигура, не обнаружил следов краски. За прошедшие полвека она не могла исчезнуть совсем. Отсутствуют и изображения косуль. В целом, однако, можно повторить вывод В. Н. Чернецова [5] об известной близости III писаницы к изображениям писаниц р. Режа.

IV писаница расположена на самой западной скале Каменных палаток. Плоскость, на которую нанесены рисунки, ориентирована на восток. На высоте от 0,7 до 1,7 *м* от земли зафиксировано пять изображений, нарисованных бледно-красной охрой (рис. 3). Техника рисования та же, что и во всех других группах Аллакской писаницы восточного берега.

Антропоморфные изображения (рис. 3, фиг. *65—68*) нанесены попарно. Пятая фигура по форме напоминает букву А (рис. 3, фиг. *69*). Антропоморфные изображения выполнены в одном стиле — это фигурки с раскинутыми в стороны руками и ногами. В обеих парах антропоморфных изображений, судя по фаллосу, справа нарисован мужчина (рис. 3, фиг. *65, 67*).

[4] *В. Н. Чернецов.* Наскальные изображения Урала..., стр. 44.
[5] Там же.

Интересно и то, что фигуры IV писаницы не находят аналогий ни по размерам, ни по форме с антропоморфными изображениями II писаницы. Можно предполагать, что в основе подобных различий лежат разные стили, определенные культурными особенностями разных групп населения. Это тем более вероятно, если учесть, что писаница лежит в контактной полосе между степной и лесной зонами.

В целом об Аллакских писаницах восточного берега можно сказать, что они насыщены антропоморфными сюжетами. Именно в особенно подчеркнутом антропоморфизме и заключается отличие Аллакских писаниц от других писаниц Урала, где преобладают зооморфные темы, а изображение человека является элементом композиции.

Небезынтересно сравнение изображений Аллакской писаницы и изображений с побережья озера Джасыбай в Северо-Восточном Казахстане [6]. Обе писаницы относятся к кругу наскальных изображений северной части евразиатского материка. Но сходство между ними гораздо большее, нежели, к примеру, между Уральскими и Ленскими писаницами. Как и на оз. Джасыбай, рисунки восточного берега оз. Аллаки сделаны в нишах или под навесами скал. Там и здесь преобладают антропоморфные изображения вытянутых пропорций; кроме того, в обоих случаях есть и другие сходные фигуры неясного значения. Намечаемая связь между столь удаленными памятниками очень важна, особенно при решении проблемы происхождения наскальной живописи Уральского региона.

V. T. Pétrine

NOUVELLES DONNEES SUR LES DESSINS RUPESTRES DES RIVES DU LAC BOLCHIE ALLAKI

Résumé

On publie ici les résultats des travaux sur le terrain, effectués de 1969 à 1972.

Les dessins étudiés par nous sont les plus méridionaux parmi ceux qu'on a trouvés sur le versant oriental de l'Oural. Ils se trouvent dans la zone sylvo-steppique.

Sur les rives du lac on a découvert en tout quatre groupes de dessins. Un, sur la rive occidentale, et les trois autres sur la rive orientale. Le deuxième groupe de dessins est le plus important par le nombre de figures, qui sont surtout anthropomorphes: sur 17 figures on peut en distinguer 10 représentant des hommes (fig. 1, *11, 12, 15, 33, 40—45*). Le troisième dessin présente un groupe de figures traditionnel pour l'Oural. Ce sont des sortes de barrières, où l'on peut voir des dispositifs pour la chasse et la pêche (fig. 2, *56, 57, 59—61*). Le quatrième dessin comprend seulement 5 figures, dont deux groupes sont anthropomorphes, et dans les deux cas à droite est représenté un homme (fig. 3, *65, 67*).

Ainsi, ce sont justement les figures anthropomorphes qui distinguent les dessins du lac Allaki des autres peintures de l'Oural. On peut supposer que, sur la rive orientale de ce lac, ont eu lieu d'importants événements sociaux, qui ont été fixés dans ces dessins.

---

[6] *П. Л. Драверт.* Грот с писаницей на озере Джасыбай в окрестностях Баянаула. Изв. ЗСГО, т. VII. Омск, 1930.

А. Т. СИНЮК, В. В. КИЛЕЙНИКОВ

КУРГАН У СЕЛА ВВЕДЕНКИ НА ДОНУ

В 1974 г. был исследован одиночный курган, располагавшийся на первой надпойменной террасе левого берега Дона, в 3 *км* к западу от с. Введенки Хлевенского района Липецкой области [1]. Высота насыпи от современной поверхности 1,5, диаметр 24 *м*. В центре ее находилась округлая западина до 4 *м*, в поперечнике — след любительского раскопа [2]. Частично разрушена и южная пола кургана, через которую проходила грунтовая дорога. Курган раскопан с помощью бульдозера послойно на снос, с оставлением центральной бровки по линии запад — восток. Нулевая точка, откуда велись все замеры, взята по центру кургана на месте старого шурфа.

Поверхность кургана задернована. Под дерном залегал однородный насыпной слой чернозема, местами прорезанный песчанистыми кротовинами. В южной половине кургана на глубине 105—110 *см* отмечено кольцо материкового выброса. Аналогичное кольцо выброса, только меньшего размера, находилось и в северо-западном секторе кургана. Под ними достаточно четко фиксировалась погребенная почва толщиной до 25 *см*. Материк под насыпью — уплотненный желтый песок. В целом мощность наслоений от репера до уровня материка составила 180 *см* (рис. 1, *б*).

В заполнении насыпи, в юго-западном секторе, на глубине 118 *см* встречены зубы и фрагменты челюсти животного, не связанные с каким-либо погребением; однако само их присутствие косвенным образом позволяет предполагать периодичность в возведении кургана. На различной глубине в насыпи встречены также отдельные угольки. В профиле центральной бровки ясно прослеживались контуры любительского шурфа. В его заполнении на глубине 135—150 *см* встречены обломки лепного плоскодонного сосуда кувшинообразной формы (рис. 2, *3*). Поверхность кувшина сглажена, темно-коричневого цвета; тесто грубо промешано. У днища с внешней стороны имеются следы пальцевых вдавлений и ангобные наплывы. Сосуд относится к эпохе раннего железа.

Здесь же, в заполнении шурфа, найден в обломках еще один сосуд (рис. 2, *2*). Высота его около 17, диаметр верха 16, диаметр дна 9 *см*. Сосуд горшковидной формы со слабо профилированным венчиком. Поверхности темно-коричневого цвета, со следами беспорядочной штриховки; промес теста грубоватый, с песком. Под срезом венчика сосуда располагается орнаментальный пояс, составленный из оттисков среднего зубчатого штампа и сегментовидных вдавлений. В целом орнамент нанесен довольно небрежно. Не вызывает сомнения принадлежность данного сосуда срубной культуре.

Остается лишь предполагать, что в насыпи кургана шурфом уничтожены два разновременных погребения.

---

[1] Работы проведены отрядом № 1 (руководитель А. Т. Синюк) Воронежской лесостепной скифской археологической экспедиции ИА АН СССР.

[2] По сообщению старожилов, курган копал в 30-е годы местный житель Павлов.

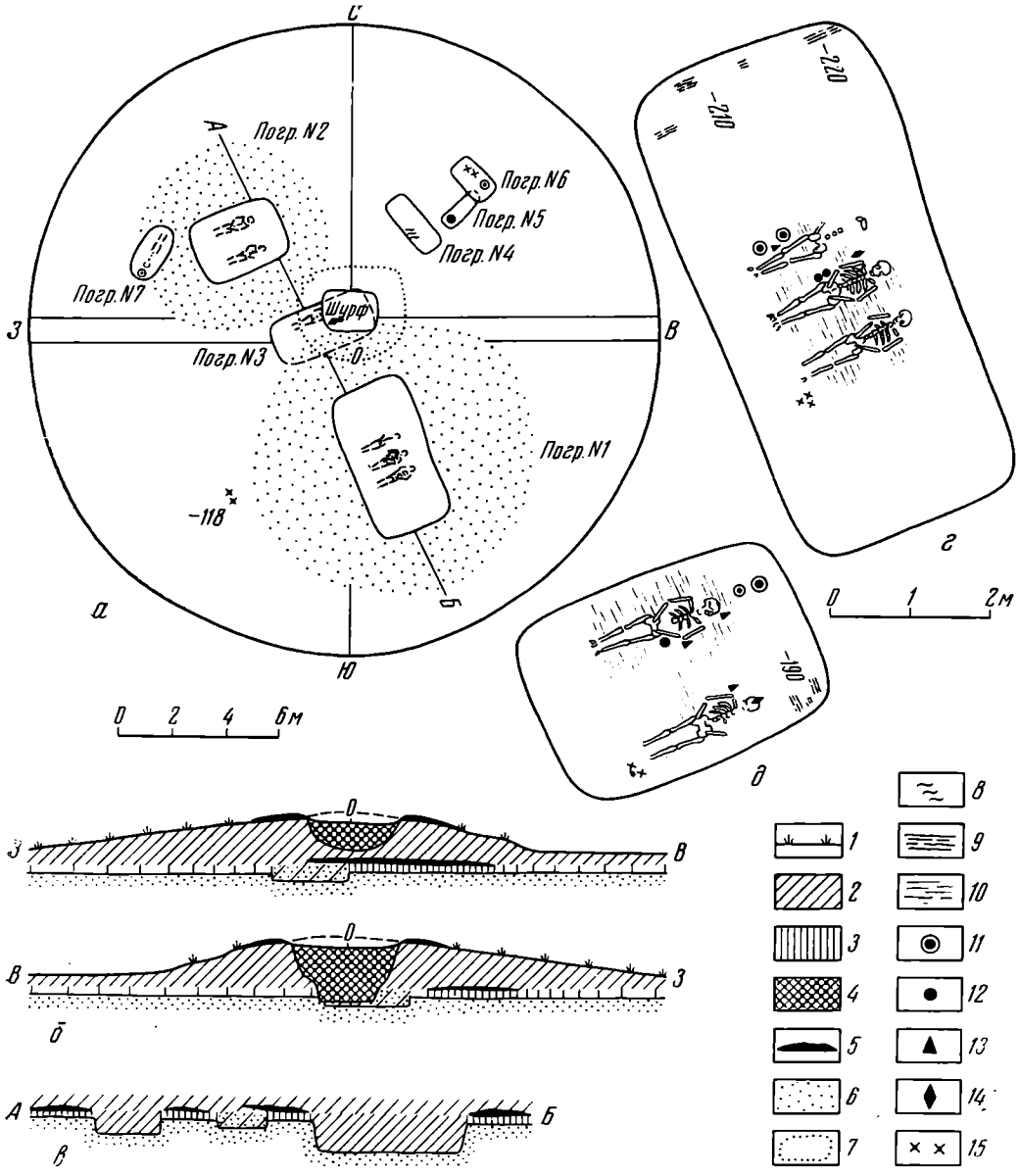


Рис. 1. План и профили кургана у с. Введенки.

а – план кургана; *б* – профили кургана; *в* – разрез по линии А – Б; *г* – план погр. 1; *д* – план погребения 2 (*1* – дерновый слой; *2* – чернозем; *3* – погребенная почва; *4* – заполнение шурфа; *5* – материковый выброс; *6* – песок; *7* – внешний контур шурфа; *8* – обгоревшая солома; *9* – дерево; *10* – берестяная подстилка; *11* – сосуды; *12* – костяные пряжки; *13* – медные изделия; *14* – наконечники стрел; *15* – кости животных)

После снятия насыпи в материке выявлено семь могильных ям. Примечательно, что прослеживается стратиграфическая цепочка последовательности произведенных захоронений. Так, два кольца материкового выброса, единые структурно и залегавшие на одном уровне, принадлежали ямам 1 и 2, несомненно синхронным. Выброс ямы 1 частично перекрывал пятно ямы 3, в связи с чем последнюю следует признать наиболее ранней, сооруженной в виде грунтовой могилы еще до возведения насыпи. Выброс же ямы 2 прорезан ямой 7; впускная яма 5 в свою очередь частично перекрывалась ямой 6 (рис. 1, *а*).

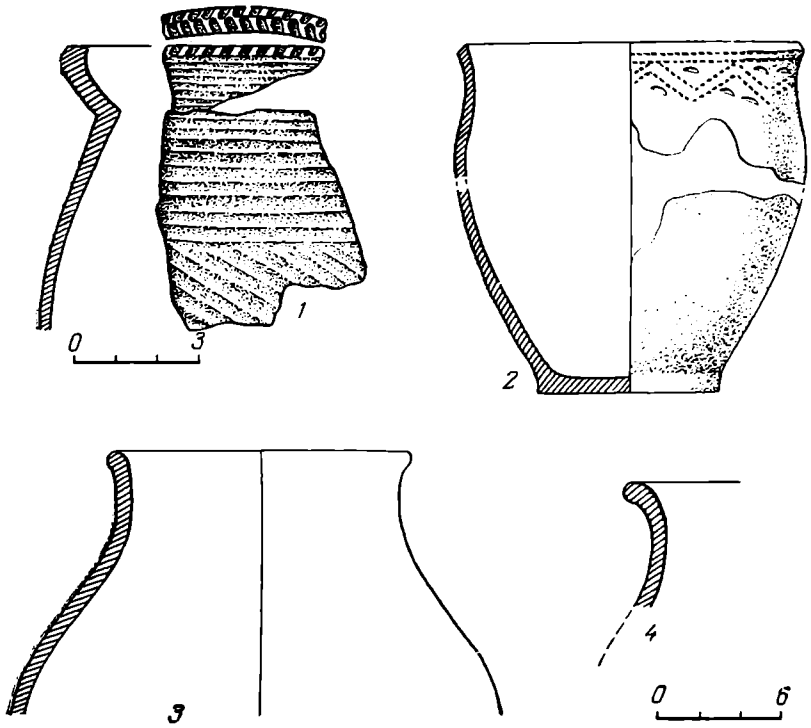


Рис. 2. Сосуды из кургана у с. Введенки.
1 – из погр. 3; *2–3* – из заполнения шурфа; *4* – из погр. 7

Погребение 1 располагалось в юго-восточном секторе кургана. Большая прямоугольная яма (6×3 *м*) ориентировалась длинными сторонами по линии ССВ – ЮЮВ. Как было отмечено, ее окружал материковый выброс. Стенки ямы слегка пологи, дно ровное; глубина от уровня материка 115 *см* (от уровня погребенной почвы — 140 *см*). Верхняя часть ее заполнения включала органические остатки от сгнившего деревянного перекрытия. Отдельные фрагменты деревянных плах встречены у северной стенки ямы на глубине 210—220 *см*. Здесь же находились кости животного, положенного, видимо, с ритуальными целями на могильный настил. На полу ямы на частично сохранившейся берестяной подстилке лежали в ряд три мужских костяка вытянуто на спине, головой на северо-восток. Сохранность погребенных плохая. У двух из них зафиксирована легкая согнутость рук в локтях и расположение кистей в области таза. Видимо, такое же расположение рук было и у третьего, лежавшего ближе к северной стенке костяка. У ног с правой стороны стояли два сосуда; здесь же, у голени, лежало медное изделие плохой сохранности, вероятно, плоский листовидный ножичек (рис. 3, *5*). Длина его 5,5, наибольшая ширина 2 *см*. В области правого предплечья среднего костяка найден кварцитовый двусторонне обработанный наконечник стрелы с выделенным черешком (рис. 3, *10*), а с правой стороны у тазовых костей — две костяные пряжки с большими по центру и маленькими боковыми отверстиями (рис. 3, *12*). Какой-то медный предмет был положен близ локтя левой руки третьего погребенного, на что указывало характерное окисление костей. С левой стороны у ног лежали кости животного.

Большой интерес представляют найденные здесь сосуды. Один из них (рис. 4, *5*) горшковидной формы, с отогнутым венчиком, верх которого косо срезан во внешнюю сторону. Раздутое тулово с едва намеченной ребристостью резко переходит в небольшое плоское дно. С внутренней стороны венчик имеет два проглаженных горизонтальных желобка и ребро

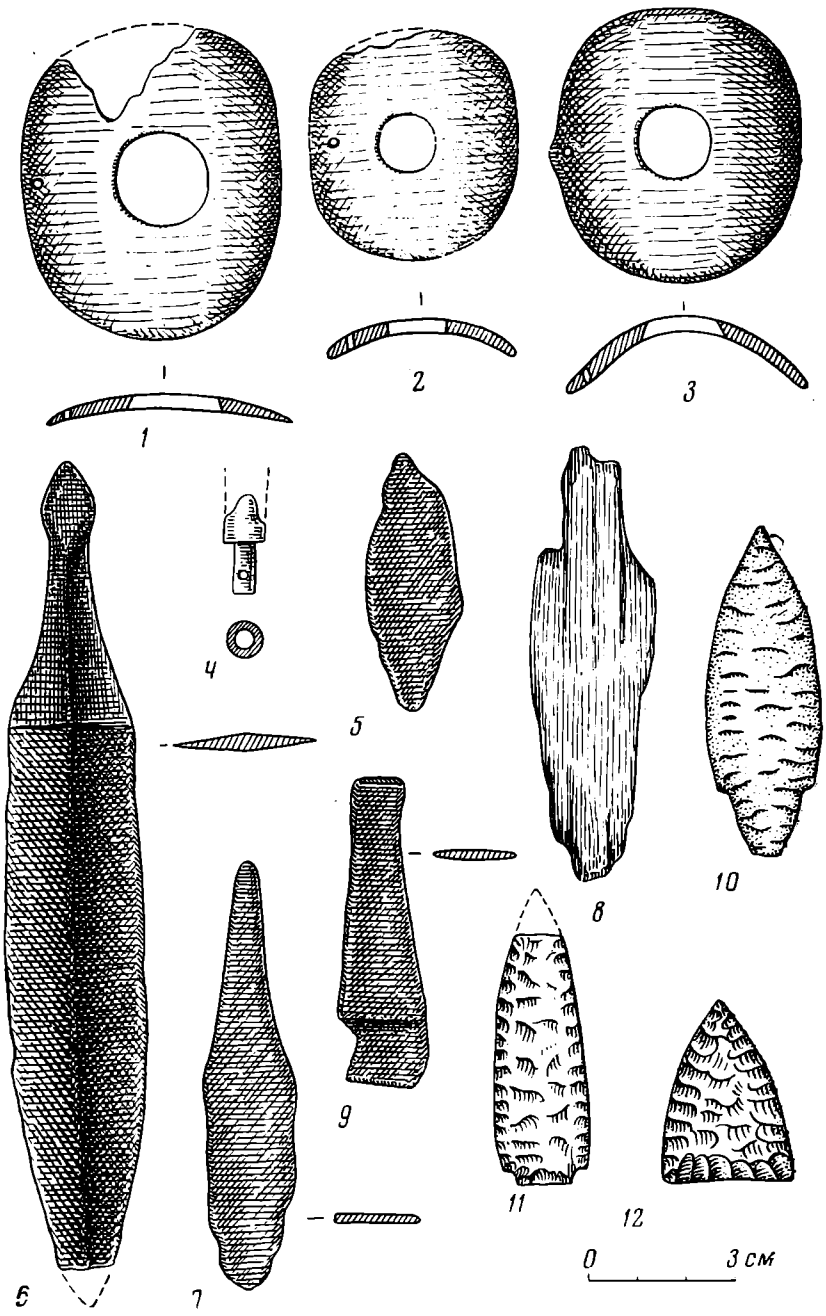


Рис. 3. Материалы из погребений кургана у с. Введенки.

1, *2*, *4*, *5*, *10* – из погр. 1; *3*, *6–9*, *11* – из погр. 2; *12* – из погр. 3 (*1–4* – кость; *5–7*, *9* – медь; *8* – дерево; *10–12* – камень)

при переходе к тулову. Высота сосуда 16, диаметр верха 20, диаметр дна 9 *см*, толщина стенок около 0,5 *см*. Поверхности серо-желтого цвета, пористые от выгоревшей ракушечной примеси, но хорошо сглажены. Сосуд имеет довольно сложную орнаментацию. Выделяются три горизонтальные зоны орнамента, разграниченные поясами из тройных проглаженных бороздок: под венчиком широких, а ниже середины туловы узких и менее глубоких. Верхняя орнаментальная зона — наклонные гладкие насечки под срезом венчика, сгруппированные по пяти. Средняя зона состоит из трех опоясывающих зигзагов, каждый из которых составлен тройными нарезными линиями. Углы верхнего зигзага подчеркиваются налепными

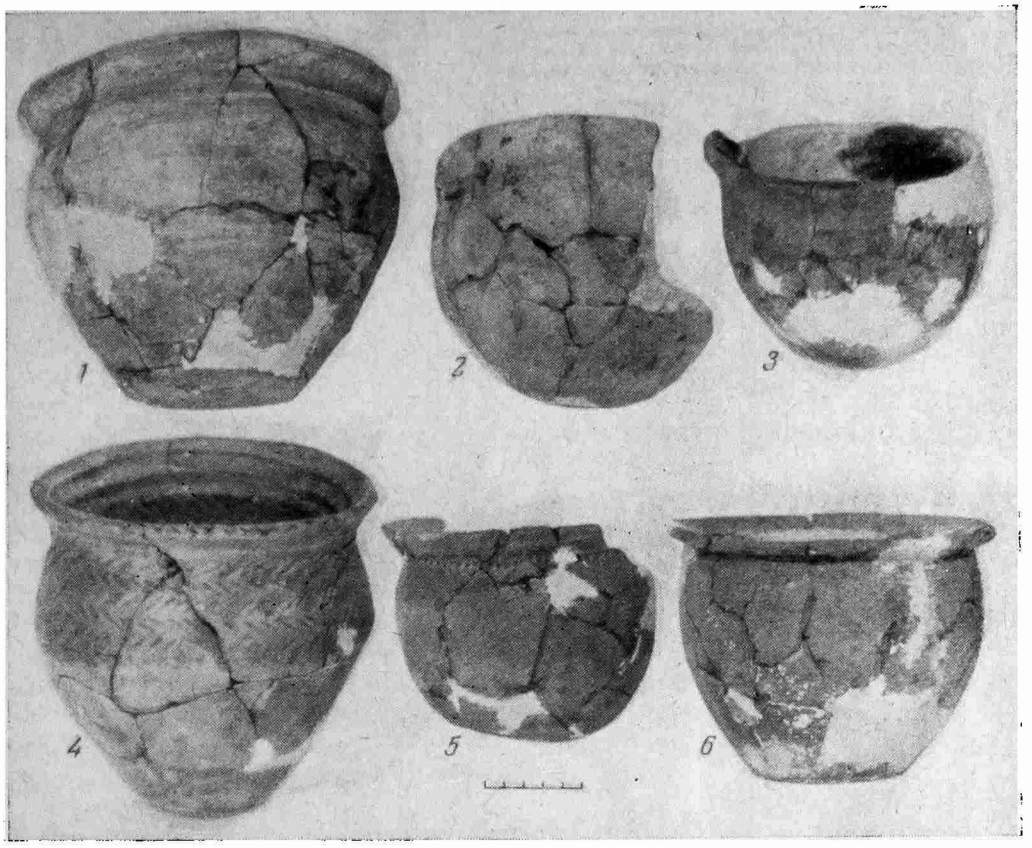


Рис. 4. Сосуды из погребений кургана с. Введенки.
1, 2 – из погр. 1; *3, 4* – из погр. 2; *5* – из погр. 5; *6* – из погр. 6

шишечками. Кроме того, над ним расположены уголки вершинами вниз из тех же тройных нарезок, а между нижними зигзагами подобные «плавающие уголки» обращены вершинами вверх. Нижняя зона орнамента составлена из узких равнобедренных треугольников основаниями вниз, заполненных горизонтальными линиями гребенчатого штампа. Вершины треугольников венчаются налепными шишечками с мелкими каплевидными вдавлениями — лучиками вокруг них.

Второй сосуд (рис. 4, *2*; 5, *2*) круглодонный, с едва выделенным, благодаря широкой бороздке, проделанной пальцами, венчиком. С внутренней стороны намечено ребро при переходе венчика к тулову. Высота сосуда 14, диаметр верха 16, толщина стенок 0,5—0,7 *см*. Поверхности желтого цвета, пористые от выгоревшей ракушечной примеси. На внешней стороне имеются бессистемные следы крупных расчесов. Такие же расчесы покрывают и внутреннюю сторону венчика, но в горизонтальном направлении. Под венчиком, близ старого излома имеется сквозное отверстие для скрепления. Сосуд не орнаментирован.

Инвентарь и некоторые конструктивные признаки погребения в целом имеют абашевский облик. Однако наличие ряда черт указывает на определенную зависимость всего комплекса от традиций местной позднекатакомбной культуры.

Погребение 2 выявлено в северо-западном секторе кургана. Могильная яма (350×260 *см*) прямоугольной формы с закругленными углами ориентировалась длинными сторонами с ЗЮЗ на ВСВ. Вокруг нее также располагался материковый выброс. Заполнение ямы аналогично рассмотренному погребению: в верхней части встречались отдельные кусочки дерева от перекрытия. Стенки ямы отвесные, пол ровный; глубина от уровня мате-

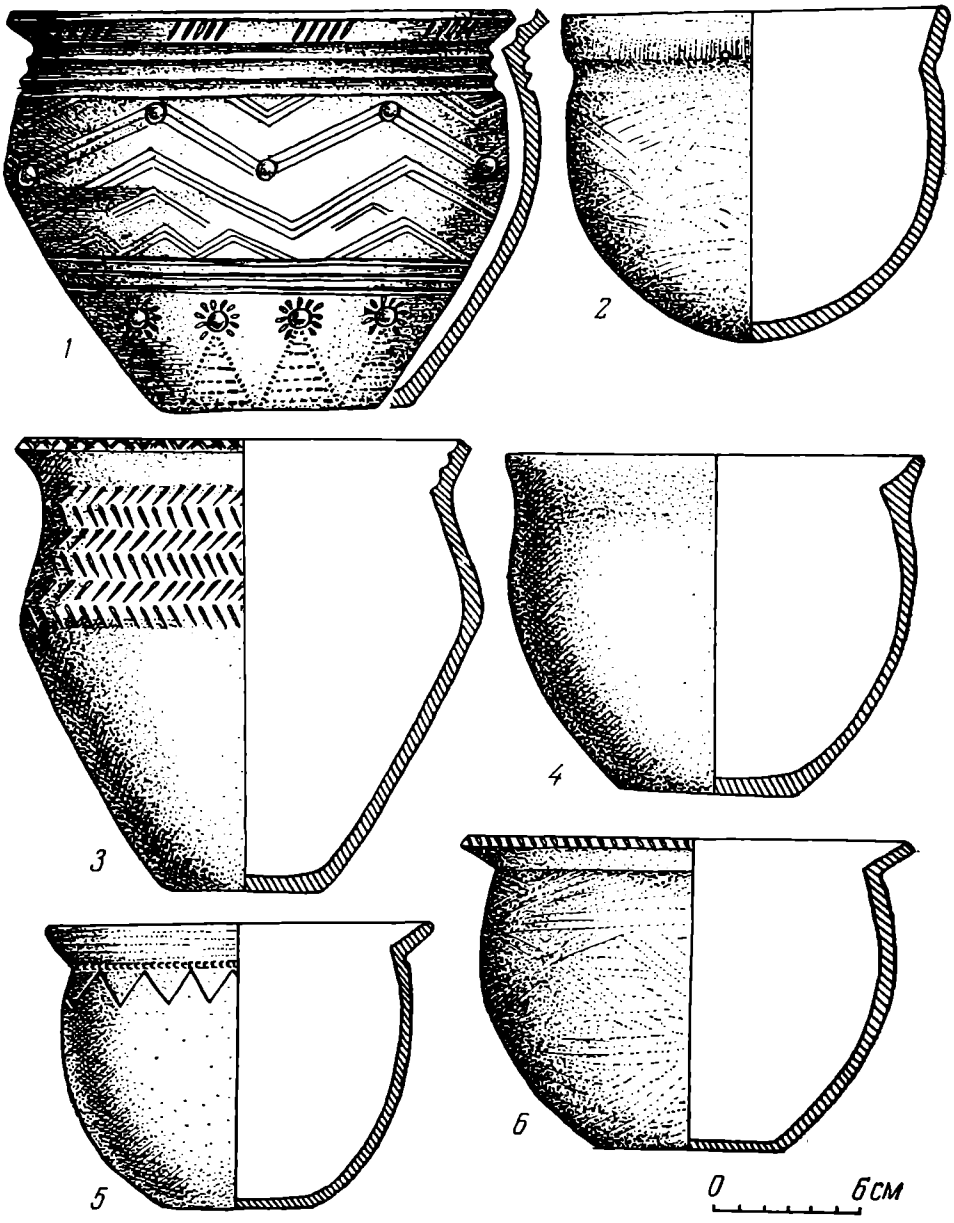


Рис. 5. Сосуды из погребений кургана у с. Введенки.
1, 2 – из погр. 1; *3, 4* – из погр. 2; *5* – из погр. 5; *6* – из погр. 6

рика 60 *см* (от уровня погребенной почвы — 85 *см*). Могила содержала парное захоронение мужчин. Умершие были положены на расстоянии 80 *см* друг от друга вытянуто на спине, с кистями рук в области таза. Оба ориентированы на восток-северо-восток. Под костяками прослежены остатки берестяной подстилки. Около головы скелета, лежавшего ближе к северной стенке, стояли в ряд два сосуда; под черепом найден медный нож плохой сохранности (рис. 3, 7) и фрагмент деревянной обкладки — ножен (рис. 3, *8*). Длина ножа 9 *см*, ширина при переходе черенка к лезвию 2 *см*. У локтя левой руки обнаружен второй медный нож (рис. 3, *6*), тоже с деревянной обкладкой. Лезвие удлиненно-листовидной формы, обоюдоострое, со слабо намеченным ребром и перехватом. На конце черенка имеется треугольное расширение в виде «змеиной головки». Длина ножа 17, ширина лезвия 3 *см*. С левой стороны под тазом умершего лежала костяная

пряжка (рис. 3, *3*), совершенно аналогичная пряжкам из погр. 1. Близ черепа найден фрагмент костяной поделки (псалия ?) — круглый ступенчатый стерженек с боковым отверстием (рис. 3, *4*). У правого плеча второго скелета лежал медный нож с широким черенком и плоским лезвием (рис. 3, *9*). Длина сохранившейся части ножа 6,5 *см*, ширина при переходе черенка к лезвию 1,8 *см*. В самом черепе погребенного находился кремневый двусторонне обработанный наконечник стрелы с черешком и слегка намеченными шипами (рис. 3, *11*), повторяющий форму наконечника из предыдущего погребения. В ногах погребенного лежали кости животного.

Сосуд, стоявший ближе к голове первого скелета, имеет удлиненные пропорции, слегка выделенный желобчатый венчик и небольшое уплощенное дно (рис. 4, *3*; 5, *4*). Высота сосуда 14, диаметр верха 17, диаметр дна около 7, толщина стенок 0,4—0,6 *см*. В тесте имеется ракушечная примесь. Внешняя поверхность светло-коричневого цвета, хорошо сглажена. Сосуд не орнаментирован.

Второй сосуд (рис. 4, *4*; 5, *3*) имеет форму горшка со сравнительно высоким раструбовидным горлом, плавно переходящим в биконическое тулово. Верх сосуда косо срезан наружу. С внутренней стороны горловины пальцами выдавлены три желобка. Высота и диаметр верха сосуда 19, диаметр плоского дна 7, толщина стенок — 0,5—0,7 *см*. В тесте наблюдается незначительная примесь толченой раковины. Внешняя поверхность коричневого цвета, сглажена до лощения. Косой срез венчика украшен перекрещивающимися или расположенными под углом двойными насечками, а от линии перегиба венчика и до ребра расположен орнамент из рядов наклонных клиновидных насечек в «елочку».

Рассмотренные два погребения по всем признакам безусловно составляют единый культурно-хронологический комплекс.

Погребение 3 располагалось под центром кургана, между погребениями 1 и 2. Прямоугольная могильная яма (400×190 *см*) ориентирована длинными сторонами с ЗЮЗ на ВСВ. Стенки могилы отвесные, глубина от уровня материка 28—30 *см* (от уровня погребенной почвы — 55 *см*). Мы уже отмечали, что яма частично перекрывалась выкидом ямы 1. Погребение деревянного настила, видимо, не имело, признаков дерева здесь не обнаружено. Косвенно говорит об этом и характер заполнения ямы — смесь чернозема с материковым песком, в связи с чем и само могильное пятно едва выделялось на фоне материка. Не обнаружено и каких-либо других признаков надмогильного сооружения, хотя внешний ориентир должен был в древности существовать, так как трудно объяснить случайностью выбор центра кургана над ранней грунтовой могилой. Северо-восточная часть погребения оказалась разрушенной при шурфовке. Но благодаря тому что шурф в глубину не достиг 5—6 *см* до уровня пола могилы, удалось выявить реальные ее контуры и сделать зачистку пола по всей площади. Ближе к северо-западной стенке ямы лежал скелет очень плохой сохранности. Выявлены лишь кости ног, а общее положение определяется по следам костного тлена. Не исключено, что череп и, возможно, другие предметы, возвышавшиеся над уровнем пола, были извлечены во время любительских раскопок. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на восток-северо-восток. При зачистке дна ямы примерно в области головы найден кремневый наконечник стрелы подтреугольной формы (рис. 3, *12*) и фрагменты сосуда, позволяющие графически восстановить его верхнюю часть (рис. 2, *1*). Надо полагать, что сосуд был удлиненных пропорций с выпуклым туловом. Верх желобчатого венчика оформлен идущими под углом скосами. Сосуд тонкостенный, с обильной ракушечной примесью в тесте. Внешняя поверхность серо-желтого цвета, покрыта крупными расчесами. Ребристый срез венчика орнаментирован вдавлениями.

Рассмотренное погребение, как и предыдущие, имеет черты, характерные для абашевской культуры.

Погребение 4 (впускное) выявлено в северо-восточном секторе кургана. Яма (250×90 *см*) прямоугольной формы с отвесными стенками, глубиной от материка на 40 *см*. Ориентирована длинными сторонами по линии СЗ — ЮВ. На глубине 185 *см* у юго-западной стенки обнаружено компактное скопление обгоревшей соломы. Скелет и вещи отсутствовали.

Погребение 5 находилось в непосредственной близости от предыдущего. Ввиду специфики заполнения и отсутствия материкового выброса, погребение является впускным. Яма (165×60 *см*) прямоугольной формы, углублена в материк на 10 *см*, ориентирована длинными сторонами с ЮЗ на СВ. На полу у юго-западной стенки стоял сосуд (рис. 4, *5*; 5, *5*) с резко отогнутым наружу венчиком и уплощенным дном. В тесте его имеется незначительная примесь толченой ракушки. Высота сосуда 12, диаметр верха 15,5, диаметр округлого дна около 7, толщина стенок 0,4—0,5 *см*. Верхняя поверхность коричневого цвета, гладкая, и лишь на венчике имеются следы горизонтальных расчесов. Под венчиком сосуда расположен поясок из углублений, нанесенных архаичным приемом «отступающей лопаточки». К пояску примыкает зигзаг из тонкой нарезной линии, в связи с чем орнамент образует пустые треугольники вершинами вниз. Скелета в погребении не обнаружено. Сосуд указывает на принадлежность погребения абашевской культуре.

Погребение 6 (впускное) представляло собой подпрямоугольной формы яму (170×100 *см*), углубленную в материк на 45 *см*. Ориентирована яма с СЗ на ЮВ. Яма прорезала край погр. 5. На глубине 210 *см* находился глиняный сосуд (рис. 4, *6*; 5, *6*). В тесте его имеется ракушечная примесь, цвет поверхностей темно-коричневый; на внешней стороне бессистемные крупные расчесы. Срез венчика украшен насечками. Высота сосуда 13, диаметр верха 18, диаметр дна 8, толщина стенок 0,4—0,5 *см*. Погребение абашевское. Важно отметить находки костей животного в нижней части заполнения могилы. Следовательно, условия ее заполнения не исключают сохранение органических остатков, в связи с чем небезосновательно предполагать символический характер сооружения ямы. Кенотафами могли быть и две предыдущие ямы.

Погребение 7 (впускное) прослежено в северо-западном секторе кургана, где оно прорезало материковый выброс погребения № 2. Могильная яма овальной формы (220×120 *см*), углублена в материк на 45—50 *см*, длинными сторонами ориентирована с СВ на ЮЗ. Стенки ямы отвесные.

Погребенный, если судить по сохранившимся частям скелета, был положен на спину в вытянутом положении, головой на юго-запад. В головах был поставлен сосуд (рис. 2, *4*) с профилированным венчиком, раздутым туловом и широким плоским днищем с закраинами, близкий морфологически сосуду из заполнения шурфа. Погребение относится к раннему железному веку.

Таким образом, раскопками кургана получен новый материал, расширяющий источниковедческую базу для изучения прежде всего донской абашевской культуры, в частности для решения вопросов ее хронологии, происхождения и этапов развития.

Отправной точкой для датировки абашевских материалов кургана может служить инвентарь погребений 1 и 2. Как отмечалось выше, в его составе помимо абашевских проявляются и элементы катакомбной культуры [3], что дает основание провести их хронологическое коррелирование. Абашевский компонент в комплексе бесспорно доминирует, о чем говорят формы трех сосудов (рис. 5, *2*, *4*, *6*), некоторые композиции орнамента, ракушечная примесь в тесте, а также типы наконечников стрел и медных ножей (рис. 3, *5—11*). К этому следует добавить наличие берестяных под-

[3] Говоря о катакомбной культуре, мы имеем в виду памятники с многоваликовой керамикой, которые на Среднем Дону не могут рассматриваться вне рамок катакомбной культурной общности (см. *П. Д. Либеров.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, стр. 82—110).

стилок и некоторые конструктивные данные о могильных сооружениях (неглубокие прямоугольной формы ямы с деревянным перекрытием) — признаки, соответствующие основным показателям абашевского погребального обряда [4].

С другой стороны, сосуд из погр. 1 (рис. 4, *1*; 5, *1*) по пропорциям и намечающейся ребристости может быть сопоставлен с некоторыми многоваликовыми сосудами катакомбной культуры донской территории. Сходство усиливается присутствием налепных шишечек, столь характерных для последних. Еще большее сходство обнаруживается в форме (вытянутое биконическое тулово) и орнаментации (елочная композиция, украшение среза венчика) сосуда из погр. 2 (рис. 4, *4*; 5, *3*). Лишь такие детали, как оформление бороздками внутренней поверхности венчика и ракушечная примесь в тесте, не позволяют интерпретировать его как собственно катакомбный. Видимо, с влиянием данной культуры можно связывать и более общие признаки отмеченных сосудов — плоскодонность и сглаженность поверхности.

Важное значение для хронологической взаимосвязи двух культур имеют и костяные пряжки так называемого срубного типа. Думается, такое наименование их не совсем верно, если учесть, что в Нижнем Поволжье — центре срубного мира — находки пряжек этого типа единичны и к тому же в комплексах не бесспорно срубных [5]. С другой стороны, пряжки неоднократно встречались в комплексах с многоваликовой керамикой на широкой территории [6], включая и Средний Дон [7]. Надо полагать, они вошли в обиход только у тех групп населения, которые непосредственно соприкасались с племенами катакомбной культуры. Ярким примером тому служит нахождение их в погребениях смешанного катакомбно-срубного типа в Северном Причерноморье [8].

На Среднем Дону помимо анализируемого памятника пряжки встречены в абашевских погребениях из курганов у с. Платавы [9] и с. Нижней Ведуги [10]. В срубных же памятниках они отсутствуют. Учитывая при этом целый ряд стратиграфических наблюдений [11], сейчас можно с уверенностью говорить о том, что на Дону в непосредственный контакт с катакомбными вступили не срубные, а абашевские племена. Они же и заимствовали пряжки — специфический атрибут катакомбной культуры.

Диапазон бытования пряжек определяется довольно широко, в пределах XVI—XII вв. до н. э. [12], и, таким образом, время их начального распространения вполне сопоставимо с датировкой, принятой для памятников с многоваликовой керамикой — XVI—XV вв. до н. э. [13]

---

[4] *О. Н. Евтюхова.* К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры. МИА, 97, 1961, стр. 35—40 (табл. 1).

[5] *К. Ф. Смирнов.* Курганы у сел Иловатки и Политотдельское. МИА, 60, 1959. стр. 239, рис. 15, *2*.

[6] *С. Н. Братченко.* Пям'ятки богатоваликовоі кераміки. «Археологія Українскоі РСР». I, Київ, 1971, стр. 340, рис. 96, *2*; стр. 341.

[7] *А. Д. Пряхин.* Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971, стр. 179, рис. 41, 9.

[8] *В. В. Дворниченко.* Погребения с подбоями эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье. «Сб. докладов на IX и X Всесоюзных археологических студенческих конференциях». М., 1968, стр. 8, рис. 2. Именно такие смешанные памятники в свое время были привлечены Б. А. Латыниным для обоснования «срубного» происхождения материалов с многоваликовой керамикой, в том числе и рассматриваемых пряжек (*Б. А. Латынин.* К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой. АСб. ГЭ, 6, 1964, стр. 65, рис. 2).

[9] *А. Д. Пряхин.* Ук. соч., стр. 179, рис. 41, *18*.

[10] *Б. А. Латынин.* Ук. соч., стр. 66. Исследователь интерпретирует материал этого погребения как смешанный срубно-катакомбный на основании все той же посылки о «срубной» принадлежности пряжки и якобы срубных признаках в сосуде. В действительности же сосуд лишен черт этой культуры. Он почти аналогичен нашему сосуду из погр. 1 (см. *Б. А. Латынин.* Ук соч., стр. 67, рис. 4, *3*).

[11] *А. Д. Пряхин.* Ук. сов., стр. 186—189.

[12] *В. В. Дворниченко.* Ук. соч., стр. 14, 15.

[13] *С. Н. Братченко.* Ук. соч., стр. 342.

Архаичен рассматриваемый комплекс и в остальной своей части. Медный нож с расширенным концом черенка (рис. 3, *6*) сближается с абашевскими ножами Средней Волги [14] и Урала [15], где их датируют XVI в. до н. э. [16] Примерно такое же время устанавливается и для наконечников стрел [17], представленных в абашевских памятниках Поволжья [18] и Подонья [19].

Следовательно, ни один из компонентов комплекса не противоречит принятию для него даты не позднее середины II тысячелетия до н. э.

Погребение 3 кургана по стратиграфическим признакам самое раннее. Древность его доказывается и обликом инвентаря — фрагментами сосуда и наконечником стрелы. Последний, например, морфологически сближается с энеолитическими материалами степи и лесостепи [20]. В то же время само присутствие грунтового погребения на площади, занятой курганом, а также сходство его с погребениями 1 и 2 по форме и ориентировке ям, способу положения умерших и т. д. указывают на отсутствие большого хронологического интервала в их сооружении. Все это позволяет относить время сооружения погр. 3 к первой половине II тысячелетия до н. э.

Ранние погребения кургана могут быть привлечены и для решения вопроса о генезисе абашевской культуры Подонья. Не затрагивая всех сторон этой сложной проблемы, отметим некоторые аналогии только для тех признаков, которые не получили широкого распространения в абашевских памятниках других территорий. К ним относятся прежде всего обряд грунтового захоронения, северо-восточная ориентировка и положение умерших вытянуто на спине. Эти признаки имеют параллели в памятниках донодненровских энеолитических культур [21]. Интересно отметить, что и на Среднем Дону сейчас уже имеется серия энеолитических погребений, с аналогичными чертами обряда (за исключением грунтовых захоронений) [22]. Для собственно древнеямных памятников они как будто не характерны. Однако еще раз [23] необходимо обратить внимание на сходство между раннеабашевскими сосудами (особенно из погр. 3) и сосудами типа поселения у хут. Репина на Дону, включаемыми в круг материалов древнеямной общности. Близость прослеживается в форме (желобчатый венчик, круглодонность, вытянутость пропорции), технологии (ракушечная примесь, крупные расчесы поверхностей) и даже в некоторых приемах орнаментации. Как известно, сосуды из поселения у хут. Репин широко представлены на донских и нижнеднепровских поселениях, а в подкурганных погребениях они почти отсутствуют [24]. Такое обстоятельство вряд ли объясняется только тем, что они не входили в набор древнеямного погребального инвентаря. Но это же не исключает предположения о принадлежности сосудов группе населения, придерживавшегося бескурганного обряда захо-

[14] *И. П. Ефименко, П. Н. Третьяков.* Абашевская культура в Поволжье. МИА, 97, 1961, стр. 58, рис. 9, *9*.

[15] *К. В. Сальников.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 28, рис. 4, *10*.

[16] *М. М. Чередниченко.* Питання хронолигії абашівсвкої культури Середнього Дону. Археологія, 1972, 6, стор. 28.

[17] *А. П. Смирнов.* К вопросу о формировании абашевской культуры. МИА, 97, 1961, стр. 24.

[18] *П. Рыков.* К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье. ИСНИК, 11, Саратов, 1927, стр. 20, рис. 22; *П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков.* Ук. соч., стр. 57, рис. 8; *Н. Я. Мерперт.* Абашевские курганы северной Чувашии. МИА, 97, 1961, стр. 138, рис. 16, *3*.

[19] *В. И. Сизов.* Скорняковские курганы в Воронежской губернии, Задонского уезда. ТМАО, XII, вып. 11, М., 1888, табл. А, 7.

[20] *Д. Я. Телегин.* Середньо-стогівська культура епохи міді. Київ, 1973, стор. 66, рис. 39.

[21] *Д. Я. Телегин.* Ук. соч., стор. 102—118; *В. Я. Кияшко.* Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореф. канд. дисс., М., 1974, стр. 12.

[22] *А. Т. Синюк.* Павловский курганный могильник древнеямного времени на Среднем Дону. АО 1970, М., 1974, стр. 57—58.

[23] *А. Д. Пряхин.* Абашевская культура, стр. 173.

[24] *Б. А. Латынин.* Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка. АСб. ГЭ, 1967, 9, стр. 66, рис. 65, *3*; *К. Ф. Смирнов.* Быковские курганы. МИА,

ронений, что имело место и в среде абашевских племен [25]. К сказанному можно добавить, что в Подонье, при сравнительно малом количестве выявленных абашевских погребений, положение умерших вытянуто на спине фиксировалось неоднократно [26]. Возможно, что названные признаки рассматриваемого памятника являются типичными для местной абашевской культуры.

Сопоставление ранних абашевских материалов Подонья с энеолитическими может вызвать основное возражение ввиду якобы значительного хронологического разрыва между ними. С одной стороны, преемственность эта обусловливалась несомненно сложными процессами, включавшими консервативность традиций, реминесцентные проявления и т. д. С другой стороны, хронологический разрыв мог быть и не таким существенным. Как уже отмечалось, абашевские материалы типа погр. 3 скорее всего должны датироваться первой половиной II тысячелетия до н. э. Элементы же энеолитических культур фиксируются на Среднем Дону в смешанных ямно-катакомбных комплексах, примером чему служат материалы кургана 2 Сасовской группы [27], для которых наиболее реальная дата — рубеж III — начало II тысячелетия до н. э.

Введенский курган впервые для донской территории фиксирует соотношение абашевских погребений, где выделяются четыре стратиграфических горизонта. Этот факт имеет прямое отношение к вопросу о периодизации донской абашевской культуры. Естественно, что материал одного кургана не решает всей проблемы. Однако он показывает, что постановка такого вопроса имеет под собой реальную основу и что к абашевским памятникам Подонья правильнее подходить с позиции признания относительно широкого их бытования во времени.

A. T. Siniouk, V. V. Kileinikov

LE KOURGANE DU VILLAGE DE VVEDENKI SUR LE DON

Résumé

Cette étude est consacrée au mobilier provenant d'un kourgane situé près du village de Vvédenki (district de Khlévensk, région de Lipetsk, sur la rive gauche du Don), étudié par l'auteur en 1974. On a mis au jour sept sépultures: six appartenaient à la culture d'Abachévo, et une au début de l'Age du Fer. En outre, dans le tertre du kourgane, on a relevé les traces d'une inhumation datant de la culture des tombes à charpente. Ce kourgane est le premier dans le bassin du Don qui rappelle par sa stratigraphie les sépultures d'Abachévo. Deux des inhumations de ce kourgane, avec des déblais de sol vierge (inhumations 1 et 2), recouvraient l'inhumatien 3 pratiquée dans le sol. Lei autres inhumations sont introduites; de plus, l'inhumation 5 a en partie entamé l'inhumation 6. Ainsi, on peut établir quatre niveaux stratigraphiques, ce qui offre un certain intérêt pour élaborer une périodisation de la culture d'Abachévo sur le cours du Don.

Le rite et le mobilier des inhumations 1 et 2 peuvent être confrontés d'une part avec les plus anciens matériaux de la culture d'Abachévo en d'autres régions; et de l'autre, avec le mobilier de la culture des catacombes possédant une céramique dite «à bourrelets» sur le cours moyen du Don. Tout ceci permet de faire dater les sépultures du milieu du IIe millémaire av. n. ère. L'inhumation 3, la plus ancienne, dont le mobilier conserve des traits archaïques, peut être rapportée à la première moitié de ce millénaire. L'ensemble fourni par le mobilier et les particularités du rite funéraire montre la justesse des recherches relatives aux sources génétiques de la culture Abachévo – Don, au sein des cultures steppiques et sylvo-steppiques à l'époque énéolithique, y compris la première culture «à fossettes».

78, 1960, стр. 200, рис. 13, *3а, 3б*; стр. 227, рис. 22, *3*. Примечательно, что в Поволжье в обоих случаях сосуды связываются с вытянутыми на спине захоронениями.

[25] *О. Н. Евтюхова.* Ук. соч., стр. 33.

[26] *П. Д. Либеров.* Ук. соч., стр. 136, 137; *А. Т. Синюк, А. Д. Пряхин.* Курган у пос. Хохольский. АО 1968, М., 1969, стр. 39.

[27] *П. Д. Либеров.* Отчет о работе Воронежской лесостепной скифской археологической экспедиции за 1972 год. Архив ИА АН СССР р-1, 4809 (раскопки отряда А. Т. Синюка).

В. Я. КИЯШКО, В. А. КОРЕНЯКО

ПОГРЕБЕНИЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА У г. КОНСТАНТИНОВСКА-НА-ДОНУ

В 1968 г. во время раскопок энеолитического поселения у г. Константиновска на Дону Ростовской области археологическая экспедиция Ростовского государственного университета исследовала погребение раннего железного века, прорезавшее слой поселения [1]. Погребение располагалось на вершине холма, входящего в цепь возвышенностей коренной правобережной террасы Дона. Никаких следов курганной насыпи не было прослежено, однако местоположение могилы и наличие вокруг нее кольцевого ровика позволяют предполагать существование небольшой, скорее всего земляной, насыпи, впоследствии снивелированной.

Могильная яма имела форму, близкую к квадрату (3,2×3,0 *м*, глубина 2,25 *м*). Углы ямы были закруглены. Стенки ориентированы по странам света (рис. 1, *1*, *2*). Южная стенка, вероятно, имела неглубокий нишеобразный подбой по всей длине. Его верхняя часть прослежена в культурном слое и в почве нечетко [2]. Основанием подбоя служила ступенька шириной 0,60 *м* и высотой от дна могилы 0,85 *м*. В западной и восточной частях яма несколько расширялась кверху. Вдоль восточной стенки имелась узкая ступенька (ширина 0,10—0,12 *м*) на той же глубине, что и вдоль южной стенки.

Заполнение ямы состояло из рваных глыб серого песчаника местного происхождения и песка с содержанием культурных остатков эпохи энеолита из слоя поселения. В нижней части заполнения, на уровне ступенек, были зафиксированы комья обожженной земли, зольные пятна и угли, сливающиеся в сплошной слой гари (рис. 1, *1*). В северо-восточном и северо-западном углах ямы прослежены остатки деревянных столбиков диаметром 10—13 *см*. На уровне слоя гари они обуглились [3].

В южной части ямы, на ступеньке и под нею, находились остатки погребального инвентаря: большой серолощеный сосуд, кости быка (кости ног, лопатка, ребра, астрагал). В слое гари на расстоянии 0,60—0,80 *м* от дна могилы были найдены бронзовый наконечник ножен меча и костяная орнаментированная пластинка, может быть, помещенные на перекрытие, впоследствии сожженное.

Погребенный находился на дне ямы в северной ее половине. Скелет лежал на правом боку, головой на запад. Правая рука была вытянута и слегка отброшена в сторону, левая согнута в локте и лежала поверх туло-

[1] Предварительное сообщение см.: *В. Я. Кияшко.* Раскопки Константиновского поселения. АО — 1968, М., 1969, стр. 106.

[2] По этой причине подбой не показан на рис. 1, *1*.

[3] А. И. Тереножкин, ссылаясь на предварительное сообщение автора раскопок, делает вывод о наличии каменной насыпи, деревянных столбов по углам и деревянного полусожженного перекрытия (*А. И. Тереножкин.* Скифская культура. Проблемы скифской археологии, М., 1971, стр. 19). Материалы раскопок, на наш взгляд, не позволяют сделать столь категоричных утверждений. Зафиксированы остатки лишь двух столбов, о наличии каменной насыпи никаких данных нет.

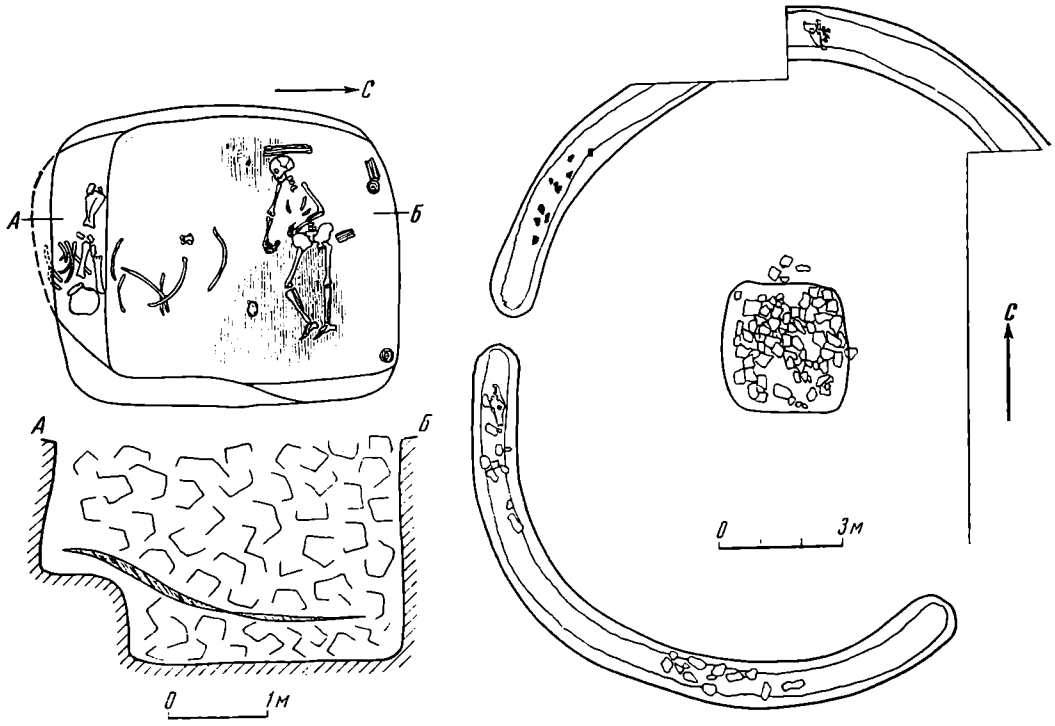


Рис. 1. План погребения (*1*) и кольцевого ровика (*2*)

вища, кистью на тазе. Левая нога вытянута, а правая слегка согнута в колене. Череп лежал на правом виске, лицевой частью к югу. Сохранность костей плохая, многие мелкие кости скелета отсутствовали. На дне ямы под костяком и вокруг него были заметны остатки белесой подсыпки (мел или известь). Большой комок мела был найден у колена правой ноги. У черепа и в кисти левой руки находились гальки черного песчаника.

Могильную яму окружал эллиптический ровик (диаметр 15 *м*, ширина до 1 *м*, глубина 0,60 *м*). В сечении ровик представлял собой равнобедренную трапецию, сужаясь ко дну до 0,60 *м*. В западной и юго-восточной частях его имелись две перемычки шириной 0,60—0,80 *м*. Восточная часть (около трети) осталась неисследованной. Заполнение ровика — мешаная гумусно-песчаная земля со значительным содержанием культурных остатков из энеолитического слоя. В юго-западной части ровика отмечались развалы камней, похожих на камни из заполнения могилы. В западной части такие камни были встречены вместе с остатками конского черепа. В северо-западной части по дну ровика были разбросаны обломки разбитого перед погребением каменного блюда, а в северной части — остатки второго конского черепа и фрагменты лепного горшка (рис. 1, *2*).

Представляет интерес сопоставление обрядов константиновского захоронения и Малого кургана, раскопанного А. А. Иессеном в 1959—1960 гг. у поселения Кямил-Тепе в Мильско-Карабахской степи [4]. Малый курган также стоит в определенном смысле особняком среди синхронных памятников Азербайджана. С константиновским погребением его сближает форма могильной ямы, наличие подбоя, поза и ориентировка погребенного. Часть инвентаря, прежде всего лощеные глиняные сосуды, находилась в нишеобразном углублении на земляной ступеньке в пределах подбоя.

Кроме отличий во второстепенных элементах обряда, Малый курган имел более обширную могильную яму и более богатый инвентарь, чем кон-

[4] *А. А. Иессен.* Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. МИА, 125, 1965, стр. 22—30.

стантиновское погребение. А. А. Иессен относил комплекс Малого кургана ко времени пребывания скифов в Передней Азии (хотя, вполне понятно, не считал его скифским) и определял его как опорный «для времени VII в. до н. э., более точно — для его второй половины, т. е. для 650—600 гг. до н. э.» [5]. Отметим, что заполнение погребальных камер камнями, как и сооружение каменных насыпей, очень характерно для азербайджанских захоронений конца эпохи бронзы и начала железного века.

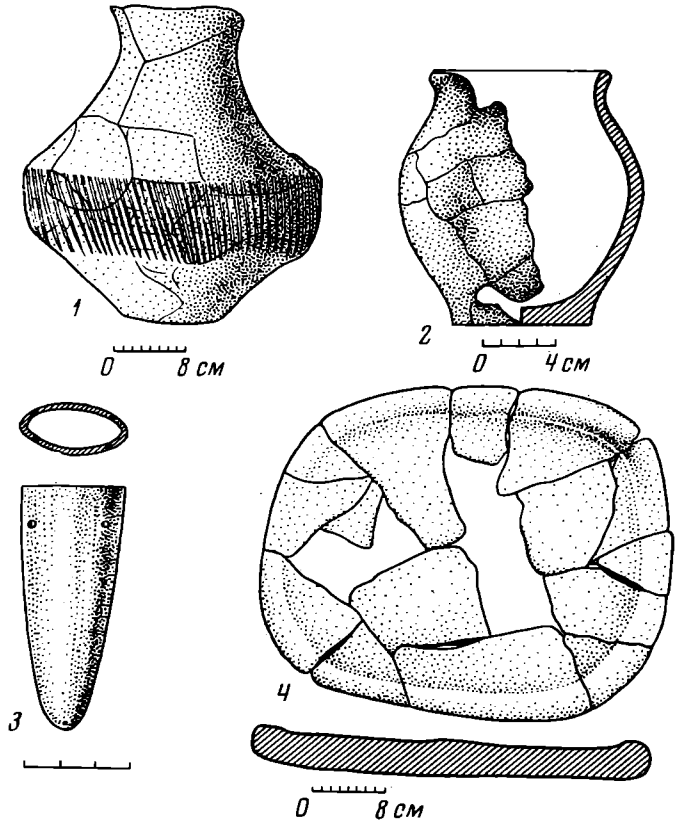


Рис. 2. Инвентарь погребения
1 — лощеный сосуд; *2* — горшок; *3* — наконечник ножен; *4* — каменное блюдо

Определенные, но менее основательные параллели можно провести между характером погребального обряда константиновского захоронения и Моздокских курганов [6].

Сосуд, найденный на ступеньке у южной стенки могилы (рис. 2, *1*), представляет собой кувшин-корчагу с биконическим туловом, довольно узким горлом и дном, с отогнутым наружу венчиком. Овальная в сечении ручка была отбита еще в древности. Высота сосуда 26,5 *см*, наибольший диаметр тулова 23,5 *см*, диаметр устья 8 *см*, диаметр дна 6 *см*. Сосуд изготовлен из хорошо отмученного теста с примесью песка и известковых частиц, имеет тонкий плотный черепок. Серолощеная поверхность сосуда за время пребывания в могиле покрылась известковой пленкой. Тулово сосуда в месте наибольшего расширения опоясано орнаментальной полосой (ширина около 5 *см*) из косых параллельных пролощенных линий.

[5] *А. А. Иессен.* Ук. соч., стр. 30. С мнением А. А. Иессена полностью согласен А. И. Тереножкин (*А. И. Тереножкин.* Дата мингечаурских удил. СА, 1971, 4, стр. 71, 72).

[6] *Б. Б. Пиотровский, А. А. Иессен.* Моздокский могильник. Л., 1940, стр. 11—15; вывод о предпочтительной датировке курганов VI в. до н. э.— на стр. 49.

Сосуд имеет некоторое сходство по форме и пропорциям с лощеными сосудами начала эпохи железа, найденными на Дону и Нижней Волге [7]. Более близок он к керамике VI—V вв. до н. э. из могильников Центрального и Восточного Предкавказья (Моздокский, Нестеровский и другие могильники, погребение у Бык-горы в Пятигорье и т. п.) [8]. Сходство константиновского сосуда с керамикой этих памятников заставляет отказаться от мысли о его местном происхождении и предположить, что сосуд был вывезен на Нижний Дон из Предкавказья.

Литой массивный наконечник ножен меча имеет уплощенно-коническую форму и овальное сечение (рис. 2, 3). Толщина стенок 0,2 см, длина наконечника 6,9 см, ширина у обреза 3 см, наибольшая толщина 1,6 см. В стенках наконечника имеются пять сквозных отверстий для крепления к ножнам, диаметры отверстий 1,5—2,0 мм. Аналогии найденному наконечнику датируются в основном первой половиной и серединой VI в. до н. э. (Старшая могила, курган 5 у с. Рыжановки и др. [9]).

Каменное блюдо, обнаруженное в ровике в 1970 г., имело форму трапеции с закругленными углами или эллипса. По краю шел невысокий бортик (рис. 2, *4*). Длина блюда 45,3 *см*, ширина в среднем 37 *см*, толщина от 3,0 до 4,5 *см*, высота бортика от 0,2 до 0,5 *см*. Блюдо было изготовлено из очень рыхлого желтого мелкозернистого песчаника. Как уже говорилось, оно было разбито перед помещением в ровик.

Из нижнедонских находок каменных блюд в захоронениях отметим каменное блюдо в погребении 1 кургана 5, раскопанного в 1967 г. на западной окраине Ростова-на-Дону. Погребение четко датируется VI в. до н. э. [10] В самаро-уральском регионе похожие каменные блюда и их фрагменты происходят из памятников VI—IV вв. до н. э. [11] Наиболее существенные и четко датируемые аналоги сконцентрированы в Среднем Приднепровье. Здесь они найдены в памятниках главным образом VI в. до н. э., реже V в. до н. э. [12]

Сосуд, фрагменты которого были найдены в ровике в 1973 г., имел (рис. 2, *2*) раздутое тулово и слабо отогнутый венчик. Тулово плавно переходило к плоскому дну, диаметр которого (8,5 *см*) немного уступал диаметру устья (9,5 *см*). Высота сосуда 14,5 *см*. Он изготовлен из плотного теста с примесью шамота и песка, обожжен слабо. Бугристая грубая поверхность слегка закопчена. Сосуд может быть условно сопоставлен с III и IV отделами плоскодонной керамики савроматов [13].

Особо ценной находкой является костяная пластинка-накладка (рис. 3). В настоящее время она имеет длину около 25 *см* (верхняя часть пластины не сохранилась), ширину вверху 7 *см*. Оборотная сторона пластины не

---

[7] *А. А. Иессен.* Раскопки курганов на Дону в 1951 г. КСИИМК, 53, 1954, стр. 65, рис. 29, *5*; *К. Ф. Смирнов.* Савроматы, М., 1964, стр. 352, рис. 60, *1, 4—6*.

[8] *Б. Б. Пиотровский, А. А. Иессен.* Ук. соч., табл. VII, X, XI, XIII, *2*; *Е. И. Крупнов.* Археологические памятники Ассинского ущелья. Тр. ГИМ, 12, 1941, стр. 179, 197, табл. VI, *1*; *его же.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 140, рис. 39, *1, 2*; *М. П. Абрамова.* Погребения скифского времени Центрального Предкавказья. СА, 1974, 2, стр. 195.

[9] *В. А. Іллінська.* Курган Старша Могила — пам'ятка архаїчної Скифії. Археологія, V, 1951, стр. 199, табл. I, *1*; *А. И. Мелюкова.* Вооружение скифов. САИ, Д 1—4, М., 1964, табл. 15, *8, 11*; *А. И. Тереножкин.* Погребения раннего скифского времени у с. Рыжановки. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 213—215, рис. 3, *2*; *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 177, рис. 21, *5* (из Нестеровского могильника).

[10] *И. Б. Брашинский.* Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону. КСИА АН СССР, 133, 1973, стр. 54—57, рис. 20.

[11] *К. Ф. Смирнов.* Ук. соч., стр. 164, 165, 367, рис. 75, *8—12, 16*.

[12] *Б. З. Рабинович.* О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья. СА, 1, 1936, стр. 93, 95—97, 99; *К. Ф. Смирнов.* Савроматы, стр. 166; *В. Г. Петренко.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. САИ, Д 1—4, М., 1967, стр. 36.

[13] *К. Ф. Смирнов.* Ук. соч., стр. 112, 354, рис. 62; стр. 355, рис. 63.

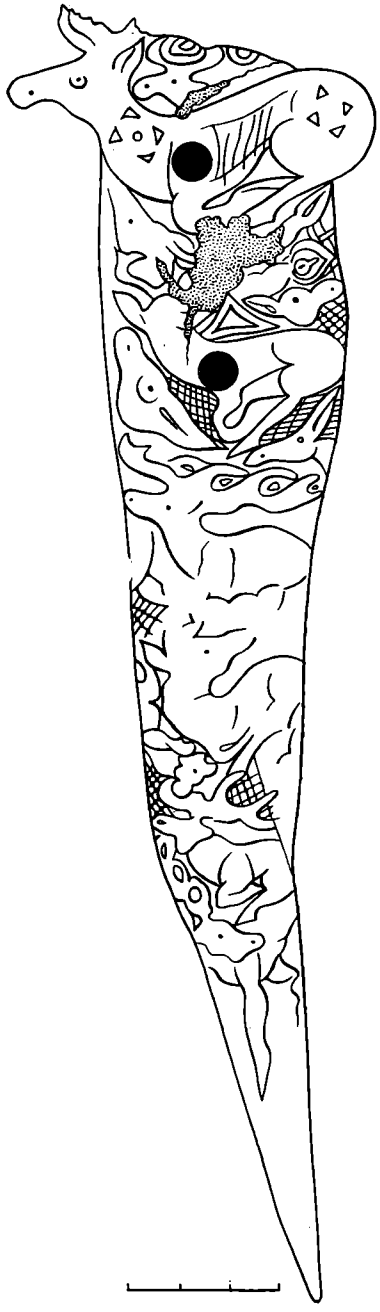


Рис. 3. Костяная пластина

имеет орнамента, обработана грубым абразивом. На ней заметен ряд четких параллельных борозд, образовавшихся при стачивании лишнего слоя кости. Нижняя часть пластины обработана в виде конуса. В верхней имеются два круглых отверстия диаметром 0,7—0,9 *см*. Вся лицевая сторона пластины покрыта орнаментом. Здесь изображены не менее 12 оленей (рогатые и комолые особи) и один хищник из семейства кошачьих. Изображения выполнены в технике резьбы с максимальным использованием площади пластины, редкие свободные пространства заштрихованы косой сеткой. Олени изображены в позах, традиционных для скифского звериного стиля, рога заметно стилизованы. Очень небрежная трактовка фигур и сверх предела насыщенная композиция делают затруднительным сопоставление с другими произведениями подобного рода раннескифского времени. Однако заметно сходство с резной костью из памятников жаботинского этапа скифской культуры на правобережье Среднего Днепра [14].

На шее «главной» фигуры оленя нанесен солярный знак, состоящий из четырех треугольных углублений и круглой выемки в центре. На крупе животного имеется второй солярный символ из четырех треугольников. Над спиной другого оленя изображен треугольный знак, который также, но с меньшими основаниями, можно считать солярным символом. Именно наличие солярных знаков и их приблизительное толкование дали основание определить дату константиновского погребения в предварительном сообщении как рубеж VIII—VII вв. до н. э. [15] По этой же причине В. А. Ильинская отнесла публикуемый нами комплекс к жаботинскому этапу развития скифской культуры [16].

Солярные символы вообще характерны для эпохи бронзы и часто встречаются на различных вещах переходного периода от бронзы к железу (VIII—VII вв. до н. э.) [17].

---

[14] *М. И. Вязьмитина.* Ранние памятники скифского звериного стиля. СА, 1963, 2, стр. 160, рис. 2, стр. 162, рис. 4, стр. 163—165; *В. А. Ильинская.* Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля. СА, 1965, 1, стр. 105; *А. И. Шкурко.* Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии. СА, 1969, 1, стр. 32—34, 39. Ср.: *В. А. Ильинская.* Относительная хронология раннескифских курганов бассейна реки Тясмин. СА, 1973, 3, стр. 11, рис. 5, стр. 12, 13.

[15] *В. Я. Киящко.* Раскопки Константиновского поселения, стр. 106.

[16] *В. А. Іллінська.* Золоті прикраси скифського архаїчного убору. Археологія, 1971, 4, стор. 78; А. И. Тереножкин («Скифская культура», стр. 19) датировал константиновское погребение временем «не позднее второй половины VII в. до н. э.».

[17] Специальную работу см.: *И. К. Свешников.* О символике вещей Михалковских кладов. СА, 1968, 1, стр. 10—16, 20, 21. Более краткую сводку см.: *В. А. Іллінська.* Скіфська вузда VI ст. до н. е. (за материалами Посулля). Археологія, т. XIII, 1961, стор. 57—59; см. также: *Р. Попов.* Могилнитѣ гробове при с. Ендже. Известия на

Однако немало их можно встретить и в памятниках VI в. до н. э. Ножны мечей из Литого и Келермесского курганов, обкладка рукояти келермесской секиры и скульптуры туров на ее обухе имеют солярные символы, но несколько иного вида: кружочек с отходящими от него лучами. Хотя, как известно, эти вещи могли быть изготовлены значительно раньше сооружения курганов, в данном случае важна твердо установленная дата Литого и Келермесских курганов — вторая четверть VI в. до н. э.[18] Солярный знак имеется, кроме того, на уздечной пронизке из келермесских курганов, причем форма знака иная, чем на оружии, более близкая к форме значков на публикуемой нами пластине[19].

В Уйгаракском могильнике в Восточном Приаралье все курганы, где найдены изделия с солярными символами, входят в основную группу комплексов и датируются VI в. до н. э. (курганы 29, 38, 60, 70)[20].

Солярные знаки константиновской пластины можно отнести к «четырехлепестковым розеткам» — наиболее распространенному варианту солярных символов в VIII—VI вв. до н. э. Но они настолько схематизированы, что целостность символа исчезла. Данная черта сближает их со значками на костяных псалиях VI в. до н. э. из роменской группы курганов[21]. Если учесть, что на предметах V в. до н. э. солярных знаков близкого вида уже не встречается, то можно предположить (конечно, весьма условно) некоторую эволюцию солярных символов VIII—VI вв. до н. э. в сторону схематизации. В системе этой эволюции значки константиновской пластины и роменских псалиев займут, конечно, отнюдь не первое место.

Наличие солярных знаков, композиция и трактовка изображений животных, чередование рогатых и комолых особей и присутствие хищника позволяют предположить, что рассматриваемое изображение имело не только декоративное назначение, но и несло определенную информацию. Расшифровка изображения требует специального исследования и не входит в задачу данной публикации.

Все сказанное выше дает определенные основания утверждать, что погребение на правом берегу Дона могло быть оставлено кочевниками, вступавшими в оживленные контакты с населением Закавказья, Восточного (Дербентский проход) и Центрального (Дарьяльский проход и Мамисонский перевал) Предкавказья. Возможно, что погребальный обряд, и прежде всего те его черты, которые связаны с сооружением могилы и положением покойника, были в какой-то мере развитием погребальных традиций, отразившихся в Малом кургане. С другой стороны, аналогичное положение костяка неоднократно встречено в захоронениях переходного периода[22] и даже эпохи поздней бронзы по Нижнему Дону и Нижней

българския археологически институть, т. VI, София, 1932, стр. 92, 93, 104; *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа, табл. XXXVII; *А. Н. Мелентьев.* Некоторые детали конской упряжи киммерийского времени. КСИА АН СССР, 112, 1967, стр. 39, рис. 7; *В. В. Отрощенко.* Про зображення на сокирці доби пізньої бронзи з Керчі. Археологія, 3, 1971, стор. 64—67.

[18] *Е. Придик.* Мельгуновский клад 1763 года. МАР 31, СПб., 1911, табл. IV, 1; *М. И. Артамонов, В. Форман.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага — Л., 1966, рис. 8, табл. 12, 15, 17, 18. Ср.: *М. И. Вязьмитина.* Ук. соч., стр. 166—168. См. также: *В. А. Іллінська.* Золоті прикраси..., стр. 76, 77.

[19] *М. И. Артамонов, В. Форман.* Ук. соч., стр. 12.

[20] *О. А. Вишневская.* Культура сакских племен низовья Сырдарьи в VII — V вв. до н. э. (по материалам Уйгарака). М., 1973, стр. 122, табл. I, *3*, XI, ч, XVII, *1, 2*, XVIII, *33*. Датировка кургана 55 могильника Южный Тагискен (где на предметах конской упряжи также имеются солярные символы) VII в. до н. э. кажется нам недостаточно аргументированной. *С. П. Толстов, М. А. Итина.* Саки низовьев Сырдарьи. (по материалам Тагискена). СА, 1966, 2, стр. 160, рис. 7, стр. 161, рис. 8, *5*, стр. 163 (ср. *О. А. Вишневская.* Ук. соч., стр. 123).

[21] ДП, вып. III, Киев 1900, табл. L, № 530; *М. И. Вязьмитина.* Ук. соч., стр. 159, 160.

[22] *К. Ф. Смирнов.* Ук. соч., стр. 26—31. См. также недавно открытое погребение VII в. до н. э.; *В. Я. Кияшко, В. Е. Максименко.* Погребение раннежелезного века у хутора Верхне-Подпольного. АО-1967, М., 1968, стр. 77—79.

Волге, где оно, видимо, явилось плодом саморазвития системы погребальной обрядности позднебронзовой поры [23]. В таком случае погребение могли оставить представители того степного населения, которое участвовало в походах через Кавказ. Судя по инвентарю, погребальный комплекс мог сложиться не раньше возвращения скифов и их союзников-савроматов в степи Юго-Восточной Европы [24]. Вполне может быть, что своеобразие этноисторической ситуации этого времени проявилось и в том, что ни инвентарь, ни погребальная обрядность еще не имеют достаточно четких признаков, которые позволили бы однозначно определить этническую принадлежность публикуемого памятника [25].

Таким образом, погребение у Константиновска можно датировать предположительно первой половиной VI в. до н. э. Этим же и более поздним временем, на наш взгляд, можно датировать и небольшую группу погребений раннескифского времени на Нижнем Дону. Отдельными своими чертами с константиновским погребением сближаются погребение у хутора Краснодворского под Новочеркасском [26], погребение в кургане у слободы Криворожье [27], погребение в кургане у хутора Тузловского [28], погребение в кургане 10 Аксеновского могильника [29]. Имеются захоронения, которые можно довольно уверенно синхронизировать с константиновским. Одно из них было вскрыто недалеко от константиновского поселения археологами Ростовского университета в 1967 г. (погр. 8 в кургане 2) [30]. Погребение было впущено на уровень древнего горизонта. Костяк лежал головой на запад, на левом боку, завалясь на живот. Левая нога была чуть согнута в колене, правая лежала вытянуто. Над костяком имелась сплошная каменная закладка, бесформенная в плане (1,55×1,20 *м*). К сожалению, в погребении отсутствовали вещи, что делает сопоставление его с захоронением на константиновском поселении условным.

В кургане, разрушенном в Ростове-на-Дону в 1939 г., Б. В. Лунин и С. А. Вязигин исследовали подпрямоугольную камеру с остатками деревянного сооружения и с множеством камней в заполнении. К погребению относились бронзовые стремечковидные удила и трехпетельчатые псалии, а также фрагменты лощеного сосуда [31].

При разрушении кургана у хут. Арбузова на правом берегу Сала в 1968 г. была обнаружена квадратная яма, заполненная крупными камнями. Скелет человека, по словам очевидцев, лежал головой на запад.

---

[23] *И. В. Синицын.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 97—100; *К. Ф. Смирнов.* Ук. соч., стр. 183; *его же.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. МИА, 60, 1959, стр. 226—228.

[24] Подробное обоснование возможности участия савроматов в этих походах см.: *В. Б. Виноградов.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII—IV вв. до н. э.). Грозный, 1972, стр. 39—59.

[25] Ср. трудности в этническом определении Келермесских, Ульских, Костромского курганов.

[26] ESA, XI, Helsinki, 1937, p. 207, fig. 1.

[27] *Т. Н. Книпович.* К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Таиаиса в VII—V вв. до н. э. ИГАИМК, 104, 1935, стр. 98 сл.; *А. П. Манцевич.* Головка быка из кургана VI в. до н. э. на р. Калитве. СА, 1958, 2, стр. 196—202. Несмотря на то, что инвентарь погребения относится к VII в. до н. э., практически все исследователи датируют само погребение VI в. до н. э., аналогично Литому и Келермесским курганам.

[28] *Х. И. Попов.* Каталог Новочеркасского музея. Новочеркасск, 1914 (?), гранки неосуществленного издания, хранящиеся в Новочеркасском музее истории донского казачества, стр. 212.

[29] *В. П. Шилов.* Отчет Астраханской археологической экспедиции за 1966 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4625, стр. 77—80, рис. 151—157.

[30] *В. Я. Киященко.* Отчет о работах Константиновского отряда археологической экспедиции Ростовского гос. ун-та в 1967 г. Архив ИА АН СССР, р-1, д. № 3607, стр. 21.

[31] *Б. В. Лунин.* Археологические раскопки и разведки в Ростовской области в 1938 и 1939 гг. Сб. «Археологические раскопки на Дону». Ростов-на-Дону, 1940, стр. 13, 14. Ср.: *А. М. Лесков.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья. Проблемы скифской археологии. М., 1971, стр. 87. Автор датирует ростовское погребение 1939 г. VIII—VII вв. до н. э., но без сколько-нибудь веских аргументов.

Среди камней в заполнении были замечены зола и угли. В могиле был зафиксирован мел и обнаружены фрагменты грушевидного лепного сосуда, который по размерам, характеру обжига и обработки поверхности, составу теста близок к сосуду из константиновского погребения [32].

Константиновское погребение, видимо, является одним из самых ранних в данной группе. Этот яркий памятник, несомненно, должен привлекаться для решения различных вопросов истории и культуры степного населения в начале железного века.

V. Ya. Kiiachko, V. A. Koreniako

UNE SEPULTURE DU DEBUT DE L'AGE DU FER PRES DE LA VILLE DE KONSTANTINOVSK SUR LE DON

Résumé

En 1968, lors de fouilles effectuées dans un établissement énéolithique, près de la ville de Konstantinovsk sur le Don (région de Rostov), on a procédé à l'examen d'une sépulture du début de l'Age du Fer, introduite dans la couche culturelle de cet établissement. Il n'y avait pas trace de tertre. L'inhumation avait été pratiquée dans une vaste fosse rectangulaire. Le squelette gisait sur le côté droit, la tête à l'ouest. La fosse avait été comblée de pierres. On a décelé les vestiges d'une charpente (fig. 1, 5, 6). Le mobilier de cette sépulture se composait d'une cruche à glaçure grise (fig. 1, 1); d'un pot modelé à la main (fig. 1, 2); de la pointe en bronze d'une lame de glaive (fig. 1, 3); d'un plat de pierre brisé (fig. 1, 4); et d'une plaquette d'os, spécimen exceptionnel du premier «style animalier» scythe (fig. 2). La date supposée de cette sépulture est la première moitié du VIe s. av. n. ère.

---

[32] Сведения о погребении и остатки сосуда были переданы в кабинет археологии Ростовского университета преподавателем местной школы Б. П. Тодоновым.

ИГРАР АЛИЕВ, В. Г. АЛИЕВ

О САРМАТО-АЛАНСКИХ ПАМЯТНИКАХ НА ТЕРРИТОРИИ НАХИЧЕВАНСКОЙ АССР

В 1972 г. во время осмотра района водохранилища у с. Беюкдюз Нахичеванской АССР нам удалось выявить погребения в каменных ящиках, частично размытые прибрежными водами.

Предварительная рекогносцировка показала, что площадь, занятая под некрополь, равна приблизительно 700 *м*^{2}. Следует отметить, что территория, на которой обнаружены погребения, равнина с песчаной, солончаковой почвой, непригодной для земледелия и оседлой жизни. Нами было вскрыто восемь каменных ящиков, в четырех из них обнаружен погребальный инвентарь.

Останки погребенного сохранились лишь в одной могиле. На поверхности каменные ящики не отмечены никакими наземными сооружениями. Ящики составлены из поставленных на ребро двух длинных и двух коротких плит серого песчаника или известняка. Сверху обычно перекрыты одной или двумя большими плитами. Первый каменный ящик имел четырехугольную удлиненную форму. Длина ящика 1,9 *м*, ширина 80 *см*, глубина 70 *см* (рис. 1).

В погребении найдены глиняная посуда, стеклянные флаконы, бронзовые украшения, алебастровые пряслица (рис. 2).

Глиняная посуда представлена кувшинчиками с выпуклым туловом, невысоким горлышком, широким венчиком и плоским дном (рис. 2, *1*). Поверхность сосудов хорошо сглажена. У одного из них имеется полукруглая ленточная ручка, соединяющая горлышко с туловом. Поверхность венчика покрыта красной краской. На сосуде сохранились следы копоти.

Стеклянные флаконы (6 шт.) светло-зеленого и синего цвета (рис. 2, *2—7*). Тулово грушевидной или шарообразной формы. Горлышко высокое, цилиндрическое. Венчик в виде плоского кольца, выступающего наружу. Донышко плоское, в центре слегка вогнуто. Внутри некоторых флаконов остались следы вещества черного цвета. Флаконы являются изделиями сирийских мастерских.

Украшения изготовлены из бронзы. К ним относятся два колокольчика конической формы с треугольными прорезями и петлей для подвешивания (рис. 2, *8*, *9*).

Подвеска яйцевидной формы (рис. 2, *10*) сделана из бронзовой проволоки, средняя часть охвачена как бы пояском. В местах соединения вертикальных проволочек с пояском на колечках из железной проволоки подвешены восемь маленьких колокольчиков. Тут же найден фрагмент бронзового браслета с плоским концом, напоминающим головку змеи (рис. 2, *11*). Обнаружены два маленьких бронзовых колечка с плоской, эллипсовидной жуковиной (рис. 2, *12*). Алебастровые пряслица (рис. 2, *13*, *14*) с шероховатой поверхностью имеют диаметр 3—4,5 *см*. Одна крупная стеклянная пуговица (диам. 2 *см*) белого цвета в форме усеченной пирамиды с вертикальным отверстием в середине (рис. 2, *15*). На ее поверхности видны спиралевидные линии.

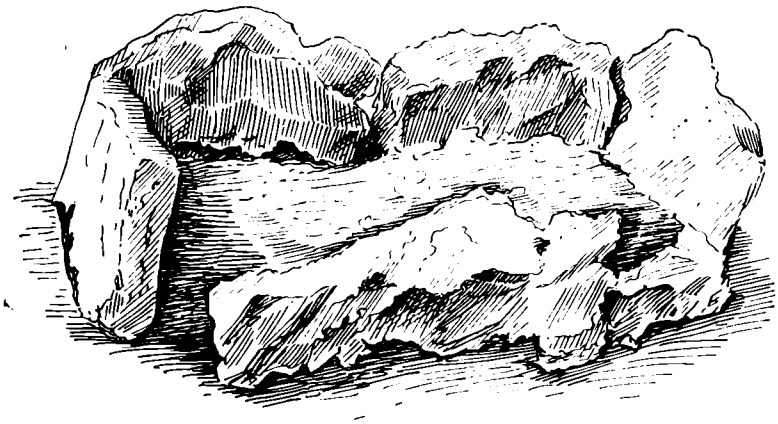


Рис. 1. Погребение 1

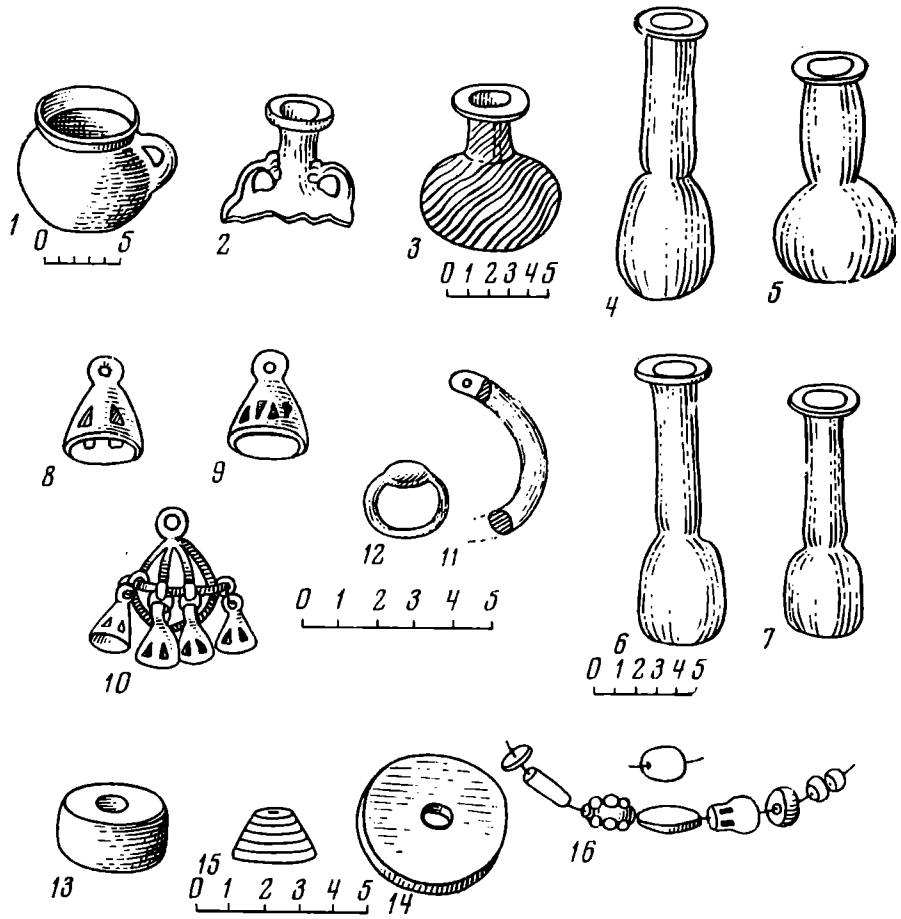


Рис. 2. *1* – кувшинчик; *2–7* – стеклянные флаконы; *8–9* – бронзовые колокольчики; *10* – бронзовая подвеска; *11* – фрагмент бронзового браслета; *12* – бронзовое колечко; *13–14* – алебастровые пряслица; *15* – стеклянная пуговица; *16* – бусы

Среди украшений имеются еще 24 бусинки различного типа (рис. 2, *16*). Часть из них изготовлена из красного сердолика; они круглой формы. Одна бусинка в форме усеченной пирамиды сделана из минерала серого цвета.

Большинство бусинок изготовлено из стекла и имеет ромбовидную, шаровидную или цилиндрическую формы. Ромбовидные бусы – синего, шаровидные – черного, а цилиндрические – белого цвета. Некоторые бусы из белого стекла имеют шаровидные выступы. Второй каменный ящик

(рис. 3) по форме идентичен первому. Длина 1,6 *м*, ширина 90 *см*. Материалы состоят из одного стеклянного флакона и керамических изделий в форме чаши, кувшинов, четырехугольных сосудов и одного светильника (рис. 4). Чаша серого цвета, с чуть выпуклой верхней частью, прямым и широким венчиком и плоским донышком. Стенки тонкие с хорошо сглаженной поверхностью. На внутренней части венчика остались следы копоти (рис. 4, *6*). Другая чаша по размеру несколько меньше. Венчик широкий и прямой. Поверхность шероховатая. На поверхности и внутри остались следы копоти (рис. 4, *7*).

Глиняный кувшин коричневого цвета, с шарообразным туловом, с узким и коротким горлышком, край венчика чуть отогнут назад, донышко широкое и плоское. Сделан вручную, но симметричен, поверхность хорошо сглажена. На тулове и на донышке остались следы копоти (рис. 4, *3*).

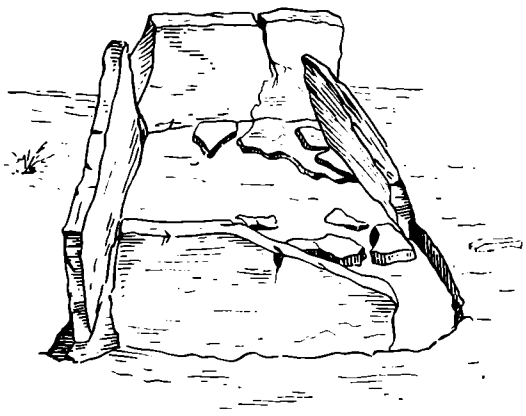


Рис. 3. Погребение 3

Кувшинчики черного и серого цвета с тонкими и хорошо сглаженными стенками корпуса. В глину примешан мелкий песок. Тулово их выпуклое, горлышко короткое и широкое. Края венчика чуть загнуты назад. Донышко широкое и плоское. Поверхность заглажена, хотя и не гладко (рис. 4, *5*).

Горшок черного цвета с туловом овальной формы, с коротким и широким горлышком, с плоским донышком. Край венчика чуть загнут назад. Поверхность лощеная, с небольшим блеском (рис. 4, *1*).

Интересны три маленьких сосуда — красного, черного и серого цвета. Поверхность и внутренняя сторона их слегка заглажены (рис. 4, *8—10*).

Внутри сосудов — остатки красок, в одном желтой, другом — синей, третьем — красной. На сосуде черного цвета имеются следы копоти.

В комплекс входит один глиняный светильник треугольной формы с прямыми и низкими стенками корпуса и с плоским основанием. Поверхность шероховатая; на ней остались следы копоти. Размеры 10×10×2 *см* (рис. 4, *4*).

Третий каменный ящик (рис. 5) по строению не отличается от других. Длина 1,7 *м*, ширина 1 *м*. Погребенным был мужчина. Материалы состоят из разнообразного железного оружия, фрагмента удил, железных длинных ножниц для стрижки овец и железного предмета типа булавки или гвоздя (рис. 6).

Оружие состоит из длинного железного меча, трехлопастных наконечников стрел, кинжалов и ножей. Меч двулезвийный, длинный, без металлического навершия и перекрестия. Клинок в сечении линзовидный. Длина меча 85 *см*, ширина у пяты 5 *см*. Лезвия от пяты идут параллельно, несколько сужаясь только в последней трети клинка, конец которого заострен. Штырь заметно расширяется книзу, переходя постепенно в клинок (рис. 6, *1*). Меч был преднамеренно сломан.

В погребении обнаружено 18 экз. трехлопастных железных наконечников стрел с цилиндрическим черешком и ромбическим пером (рис. 6, *2*).

Железные кинжалы (2 экз.) по форме идентичны железным мечам. Клинки кинжалов почти плоские, черенки плоские и узкие. Кинжалы сломаны (рис. 6, *4*).

Железные ножи однолезвийные, в сечении треугольные (рис. 4, *3*). Обнаружен фрагмент удил (рис. 4, *6*). Среди этих материалов имеются железные ножницы с широким лезвием. Лезвия обломаны. Длина их 14 *см*.

В погребении найдены гвоздеобразные удлиненные, напоминающие булавки, железные предметы. Они изготовлены из четырехгранной и цилиндрической по форме проволоки (рис. 6, *5*).

Четвертый каменный ящик был сильно разрушен. В этом погребении сохранились лишь две маленькие золотые пуговицы. Они круглые и выпуклые в середине. На обратной стороне имеется ушко (рис. 4, *11*, *12*).

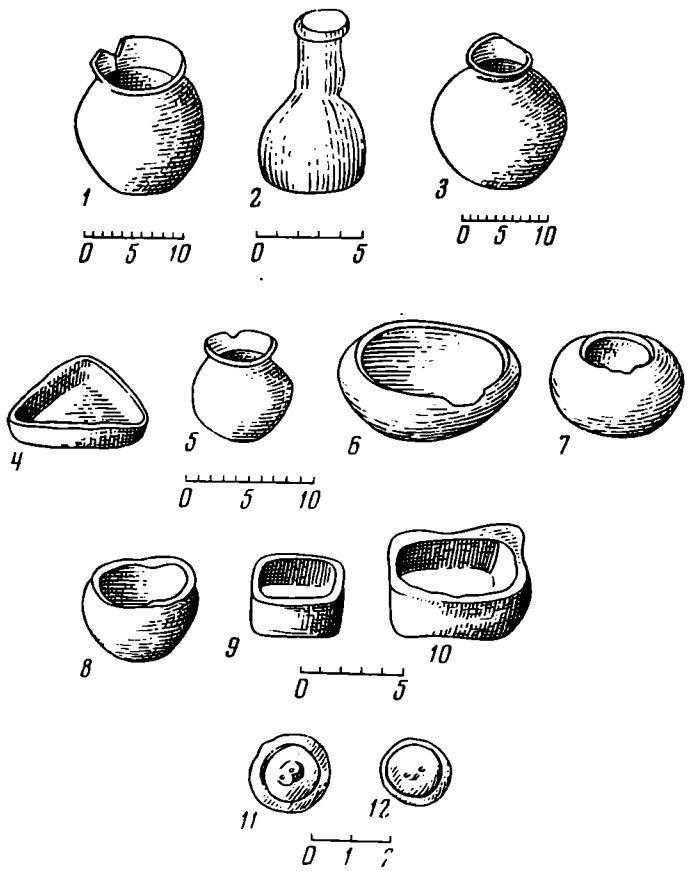


Рис. 4. *1* — горшок черного цвета; *2* — стеклянный флакон; *3* — глиняный кувшин; *4* — глиняный светильник; *5* — кувшинчик; *6* — чаша; *7* — чаша; *8* — маленькая чаша; *9* — четырехугольный сосуд; *10* — четырехугольный сосуд; *11—12* — золотые пуговицы

Каменные ящики являются новым типом погребального сооружения для интересующего нас района [1]. Появляются они здесь внезапно и, кажется, ненадолго. Часть погребального инвентаря не имеет аналогий в материальной культуре местных племен. Указанные обстоятельства, как

[1] Необходимо указать, что в эпоху бронзы и раннего железа каменные ящики были распространенным типом погребальных сооружений на территории Азербайджана. Однако к середине I тысячелетия до н. э. они уже выходят из погребальной практики местных племен. Погребения в ящиках появляются вновь в Азербайджане уже в первые века нашей эры.

Следует отметить, что аналогичные беюкдюзским каменные ящики обнаружены в Гарнийском некрополе. Относятся они к тому же времени, что и наши. (*Б. Н. Аракелян.* Гарни II. Ереван, 1957, стр. 13 сл., 20—22). Б. Н. Аракелян датирует их I—II вв. Хотя там в отличие от беюкдюзских нет четко выраженных сарматских комплексов, но уже одно то, что на могильном поле встречаются относящиеся к одному и тому же времени разные типы погребений, из числа которых грунтовые и кувшинные должны быть признаны местными, позволяет думать, что каменные ящики Гарнийского некрополя, возможно, также не являются погребальными памятниками местных племен.

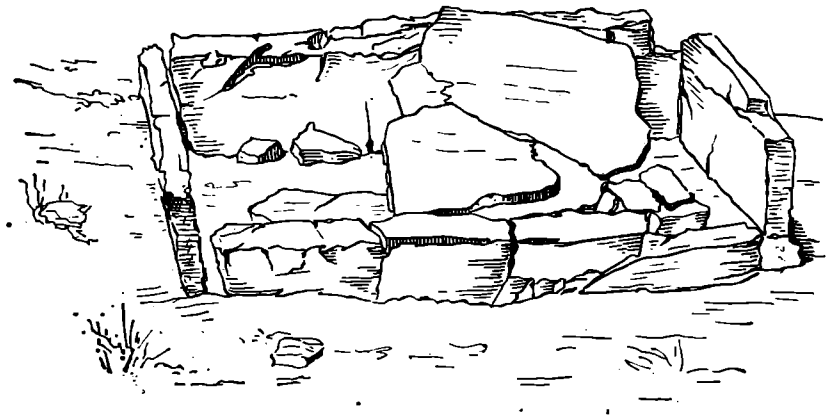


Рис. 5. Погребение 4

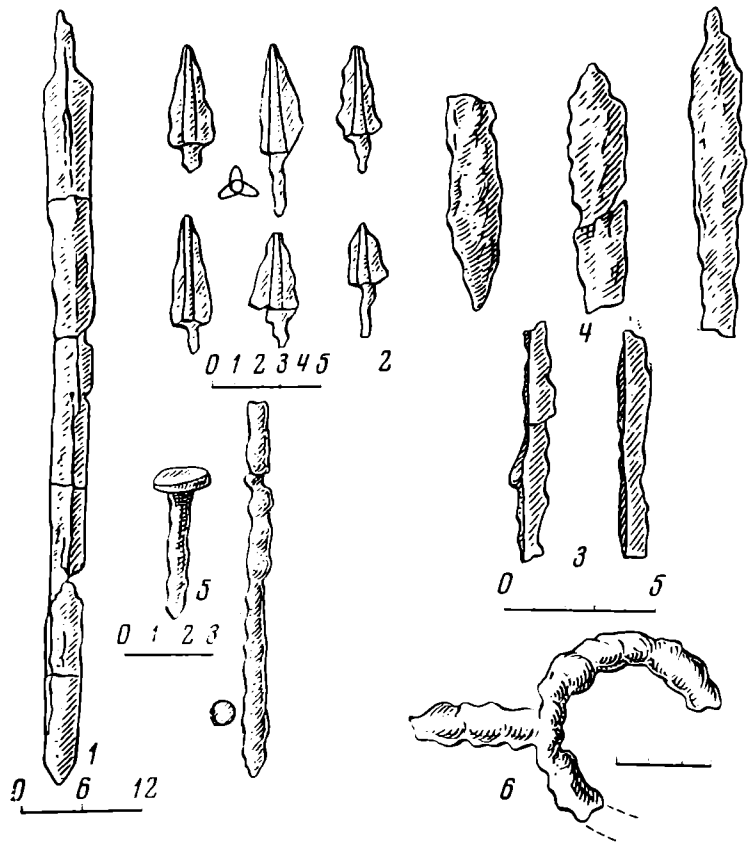


Рис. 6. *1* – меч; *2* – наконечники стрел; *3* – фрагменты ножей; *4* – фрагменты кинжалов; *5* – булавки (?); *6* – фрагмент железных удил

кажется, должны свидетельствовать о проникновении в район Беюкдюза нового этнического элемента.

Набор оружия из обследованных нами погребений носит выраженный сармато-аланский характер [2].

Обнаруженный нами меч должен быть отнесен ко II типу сарматских мечей по классификации К. Ф. Смирнова — А. М. Хазанова [3]. Этот тип мечей был широко распространен в I—II вв. в Поволжье [4], Средней Азии [5], Прикубанье [6], на Северном Кавказе [7]. Такие мечи в свое время были выявлены в погребениях Мингечаурского некрополя начала нашей эры. Недавно близкие к этому типу мечи найдены японской археологической экспедицией в Дайламане [8].

Эти мечи, широкое распространение которых, по-видимому, следует связывать с аланами [9], были оружием всадников [10]. Не случайно, видимо, в могиле, где был обнаружен наш меч, найден и фрагмент железных удил.

Чрезвычайно важно и то, что обнаруженный нами меч по сарматскому погребальному обычаю [11] преднамеренно разломан.

Сарматскими же являются и кинжалы, которые также преднамеренно сломаны.

Бесспорно, сармато-аланскими являются железные трехлопастные черешковые наконечники стрел с ромбическим пером [12]. Правда, попадаются наконечники стрел, по форме несколько отличающиеся от упомянутых, но все они железные трехлопастные черешковые и укладываются в серию среднесарматских наконечников стрел [13]. Нельзя не отметить, что наконечники с ромбическим пером были широко распространены и в позднесарматское время [14].

Нашему заключению о сармато-аланском характере исследованных материалов не противоречит и остальной инвентарь.

Ножи, насколько можно судить по их фрагментам, по существу не отличаются от среднесарматских.

Ножницы для стрижки овец хорошо известны с территорий, где в первые века нашей эры засвидетельствованы элементы кочевого хозяйства. Такие ножницы известны, в частности, из нескольких катакомб и других погребений Мингечаурского некрополя, из Дайламана и других мест [15].

Для сармато-аланских погребений первых веков нашей эры характерно также наличие описанных выше колокольчиков [16], имевших, возможно, апотропеическое значение [17].

---

[2] Авторы отдают себе отчет в том, что оружие, обнаруженное в рассмотренных выше погребениях, было широко распространено в первые века нашей эры и не всегда может отражать этническую принадлежность погребенных.

[3] *А. М. Хазанов.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971, стр. 17, табл. X, XI.

[4] Там же, стр. 20.

[5] Там же, стр. 23.

[6] Там же, стр. 21.

[7] Там же.

[8] *Namio Egami and Shinji Fukai, Seiichi Masuda.* Dailaman, II. The University of Tokyo, 1966, tabl. XXXVII. См. также: *Ю. А. Заднепровский* (рец.). Namio Egami... СА, 1969, 1, стр. 305.

[9] *А. М. Хазанов.* Ук. соч., стр. 21.

[10] Там же, стр. 16.

[11] *К. Ф. Смирнов.* Савроматы. М., 1964, стр. 249; *М. И. Пикуль.* Хабадинский могильник. МАД, II, Махачкала, 1961, стр. 162; *ее же.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, стр. 165, 169.

[12] *А. М. Хазанов.* Ук. соч., стр. 38, табл. XIX.

[13] *А. М. Хазанов.* Ук. соч., стр. 40.

[14] Там же.

[15] *Namio Egami and Shingi Fukai, Seiichi Masuda.* Op. cit., pl. XXXVIII, XXXIX.

[16] *Д. Б. Шелов.* Некрополь Танаиса. МИА, 98, 1961, стр. 78; *В. Б. Виноградов.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, стр. 75. Колокольчики, так же как и описанное выше оружие, были широко распространены в первые века нашей эры и не обязательно должны свидетельствовать о сармато-аланской принадлежности самих погребенных.

[17] *Н. В. Анфимов.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, стр. 201; *Т. М. Минаева.* Археологические памятники на р. Гиляч в верховь-

Чрезвычайно интересны сосуды кубической и несколько удлиненно-прямоугольной формы, напоминающие сарматские жертвенники и ритуальные сосудики, измененные, однако, в среде кавказских племен, подвергшихся сарматизации [18]. Быть может, в наших сосудах хранились косметические принадлежности. Важно, что в них хорошо сохранились следы красной, желтой и синей краски, что напоминает палитру красок, характерную для сармат [19].

Светильник, упомянутый выше, также может быть признан сарматским. Близкий к нашему по форме светильник обнаружен в Дайламане [20].

Весьма характерны для сарматских женских погребений I в. до н. э.— I в. н. э. [21] и несколько более позднее время [22] плоские дисковидные алебастровые пряслица. Наши пряслица абсолютно тождественны сарматским.

Типы бус из беюкдюзских ящичных погребений, которые в целом укладываются в рамки римского времени, также близки материалам сармато-аланских погребальных комплексов первых веков нашей эры [23].

Весь перечисленный выше инвентарь в комплексе носит выраженный сармато-аланский характер и должен быть отнесен к первым столетиям нашего летосчисления — не ранее, чем к I и не позднее, чем ко II—III вв. Нашей датировке не противоречат также и находки стеклянных сосудов — изделий сирийских мастеров [24].

Судя по письменным источникам, кочевые сармато-аланские племена в этот период делали набеги на области Закавказья и прилегающих стран [25]. Сообщения письменных источников подтверждаются данными археологии, а также иными материалами, свидетельствующими о пребывании на этих землях алан [26].

В I в. н. э. аланы захватили Камбисену или часть ее. В зону Мингечаура, как об этом свидетельствуют археологические данные, значительной массой вторгаются племена с деформированными черепами — носители культуры катакомбных погребений, несомненно являющиеся аланами [27].

В это же время или даже несколько раньше массагето-аланы обосновываются в Прикаспийской полосе Дагестана и Азербайджана, где ими было создано Мазкутское царство [28].

В последней трети I в. н. э. сармато-аланы проникают на территорию Атропатены, о чем кроме сведений античных авторов, теперь, как кажется, говорят и материалы Дайламанского некрополя [29].

На обследованной нами территории Нахичеванской АССР встречаются поселения, которые были разрушены именно в первые века нашей эры.

ях Кубани.— там же, стр. 297; *Играр Алиев.* Сармато-аланы на пути в Иран. История Иранского государства и культуры. М., 1971, стр. 205.

[18] Авторы выражают свою благодарность К. Ф. Смирнову за консультации по вопросу о сарматских курильницах.

[19] *К. Ф. Смирнов.* Ук. соч., стр. 161.

[20] *Namio Egami and Shinji Fukai, Seiichi Masuda.* Op. cit., pl. XXXIX.

[21] *К. Ф. Смирнов.* Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, 23, 1951, стр. 260, рис. 17, *11*; 18, *3, 4*.

[22] *М. И. Пикуль.* Эпоха раннего железа в Дагестане, стр. 130.

[23] Хронологическое определение бус принадлежит А. Карахмедовой.

[24] Такие сосуды были широко распространены в первые три века нашей эры, см. *A. Kisa.* Das Glas im Altertum, III. Leipzig, 1903; *M. C. Edgar.* Greco-Egyptian Glass. La Caire, 1905; *N. Toll.* The Excavations at Dura — Europas. New Haven, 1916; *Г. А. Тирацян.* О торговых связях Армении с Сирией в античное время. Палестинский сборник, 4, 1959; *Б. Н. Аркелян.* Гарни, I—II, Ереван, 1951—1957; *М. Н. Сагинашвили.* Стеклянные сосуды Урбнисского могильника (каталог). Тбилиси, 1970.

[25] Об этом сообщают Иосиф Флавий (о войне иудейской, VII, 7, 4), Дион Кассий (Римская история, LXIX, 15), Моисей Хоренский, (История Армении, II, 50) и другие авторы. См. также *Т. Моммзен.* История Рима. М., 1949, стр. 356, 357, 365; *N. Debevoise.* Political History of Parthia. Chicago, 1938, p. 20 сл.; *Г. А. Меликишвили.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 355; *В. Б. Виноградов.* Ук. соч., стр. 165 сл.

[26] *Играр Алиев.* Сармато-аланы..., стр. 200.

[27] Там же, стр. 201.

[28] Там же, стр. 200.

[29] Там же, стр. 206.

Небезынтересно указать еще на одно важное обстоятельство. Судя по сведениям Иосифа Флавия [30], аланы, будучи в последней трети I в. в союзе с иберийским царем [31], прошли через Дарьяльский проход и картлийские земли и напали «...огромной массой на ничего не подозревавших мидян, стали опустошать многолюдную и наполненную всяким скотом страну [32]..., произведя грабеж с большой легкостью и без сопротивления, они дошли до Армении, все опустошая... Аланы... опустошили страну [33] и возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычей из обоих царств».

Для нас в данном отрезке важно указание современника событий на то, что аланы опустошили Армению. Очень важно и то, что Моисей Хоренский, несомненно на основании достоверных источников, также сообщает, что «...аланы... огромными толпами распространились по нашей земле» [34] (т. е. Армении). Эти сведения подтверждаются и сводом древнегрузинских летописей «Картлис цховреба», где сообщается о вторжении овсни (осетин) [35] в Армению [36].

События эти имели место в 70-е годы I в. Однако аланы вторгались в Мидию — Атропатену и Армению и в 30-е годы II в. [37] Дион Кассий сообщает о том, что «...другая война с аланами, которые являются массагетами, была вызвана Фарасманом и принесла много горя Мидии, коснулась также Армении и Каппадокии...» [38].

Итак, оба раза аланы в своих грабительских походах достигли Армении [39]. Даже на основании этих данных можно было предположить, что аланы должны были побывать и в зоне Нахичевани, ибо трудно допустить мысль, что аланы, «огромными толпами» распространившиеся по Армении и грабившие ее, не задели бы интересующую нас территорию Нахичевани. Теперь уже от предположения можно перейти к утверждению, ибо в пользу этой точки зрения говорят неоспоримые археологические данные.

Исходя из вышеизложенного, можно высказать уверенность в том, что каменные ящики у Беюкдюза — свидетельство одного из походов сармато-аланских племен и их союзников, которые они предпринимали в страны Кавказского перешейка и в более южные области в первые столетия нашей эры.

Учитывая то, что каменные ящики, выявленные нашей экспедицией, не являются типично аланскими погребальными сооружениями [40], можно

---

[30] *Иосиф Флавий.* О войне иудейской. VII, 7, 4.

[31] У Иосифа Флавия: «царь гирканов». Это место прежде вызывало всякого рода недоумения. Находились исследователи, полагавшие, что поход этот мог начаться с южного берега Каспия .Однако уже давно разъяснено, что «Hyrcania» происходит от армянского названия Иберии — Virkan (см. *J. Marquart.* Beiträge zur Geschichte und Sage von Iran. ZDMG, XLIX, 1895, S. 663; Idem. Eransahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. Berlin, 1901, S. 101; Idem. Iberer und Hyrcanier. Caucasica, 8, 1931, S. 79.

[32] Имеется в виду Мидия — Атропатена.

[33] Имеется в виду Армения.

[34] *Моисей* Хоренский, II, 50.

[35] Так называют алан древнегрузинские источники. (*Ю. С. Гаглойти.* Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966, стр. 181 сл.).

[36] Картлис цховреба, 45—47. Новейшее издание источника принадлежит С. Г. Каухчишвили — Картлис Цховреба, Тбилиси, 1955.

[37] *N. Debevaise.* Op. cit., S. 242.

[38] *Дион Кассий,* LXIX, 15.

[39] Возможно, походов в Армению было несколько: ср. Картлис цховреба, 45: «Овсы начали мстить армянам... и *беспрерывно* (курсив наш — *Авторы*) воевали с армянами».

[40] Прежде полагали, что носители культуры каменных ящиков Северного Кавказа — культуры, которая синхронна аланской, были также аланы. (См. *Т. М. Минаева.* Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, 23, 1951, стр. 237 сл.; *Е. П. Алексеева.* Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов. Тр. ЧНИИ, II. Черкасск, 1954, стр. 225; *В. А. Кузнецов.* Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962, стр. 89 сл.).

думать, что они были оставлены представителями какого-либо северокавказского племени, участвовавшего вместе с аланами в их грабительском набеге. Хорошо известно, что в походах алан принимали участие и некоторые из северокавказских племен, часть которых, судя по археологическим данным, подверглась сарматизации [41], особенно проявившейся в заимствовании сармато-аланского оружия, украшений и т. д.

Уже Амвросий Медиоланский знал, что аланы были не одни [42]. Моисей Хоренский утверждает, что «...аланы, соединившись с горцами и привлекши на свою сторону почти половину Иберии [43], огромными толпами распространились по земле нашей» [44]. А в Картлис цховреба эти «горцы» прямо называются: «Цари овсов... привели пачаников и джиков. Пришел царь леков и привел он с собой дурдзуков и дидойцев» [45].

Итак, письменные источники со всей определенностью свидетельствуют об участии в упомянутых походах алан и представителей северокавказских вейнахско-дагестанских племен [46]. Именно среди этих племен, начиная со II тысячелетия до н. э., на протяжении более чем трех тысяч лет, хорошо представлен обряд погребения покойников в каменных ящиках [47].

Вопросы, поднятые в статье, окончательно могут быть решены, разумеется, только с помощью дальнейших археологических исследований на интересующей нас территории. Но уже теперь не вызывает сомнения, что сармато-аланы и их союзники во время своих грабительских походов в первых веках нашей эры достигали территории Нахичеванской АССР.

Igrar Aliev, V. G. Aliev

LES MONUMENTS SARMATO-ALAINS SUR LE TERRITOIRE DU NAKHITCHEVAN

Résumé

En 1972, près du village de Béioukdiouz (République socialiste soviétique autonome de Nakhitchévan) on a mis au jour des sépultures en cistes. Dans quatre sur huit dee tombes étudiées, on a trouvé un mobilier funéraire composé de différents objets d'argile, de vases de verre provenant d'ateliers syriens, de bijoux, d'armes, etc.

Une partie de ce mobilier n'a pas d'analogies locales. Le rite d'inhumation en cistes est aussi emprunté. L'ensemble des armes découvertes ici a un caractère nettement sarmato-alain, et doit être daté du Ier au IIIe s. de n. ére. A cette époque, à en juger par les sources écrites, les tribus sarmato-alain et leurs alliés effectuaient des incursions dans les régions transcaucasiennes et les pays avoisinants.

Sans doute, les sépultures de Béioukdiouz ont été laissées par des alliés sarmato-alains — des tribus du Caucase septentrional,— lors d'une expédition.

Теперь погребенных в каменных ящиках относят к местной кавказской этнокультурной среде. (*В. А. Кузнецов.* Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII веках. СА, 2, 1973, стр. 73).

[41] *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 391; *его же.* Новый памятник культур Дагестана. МИА, 23, стр. 224—226; *К. Ф. Смирнов.* Археологические исследования в районе Дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг.— там же, стр. 271; *М. И. Пикуль.* Эпоха раннего железа в Дагестане, стр. 115; *В. Б. Виноградов.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, passim. См. также *Е. И. Крупнов, В. И. Марковин, В. И. Козенкова, Р. М. Мунчаев, В. Б. Виноградов.* Северо-Кавказская экспедиция. АО-1966, М., 1967, стр. 63, 64.

[42] *Амвросий.* О разрушении города Иерусалима. V, I.

[43] *Г. А. Меликишвили.* К истории древней Грузии, стр. 347.

[44] *Моисей Хоренский,* II, 50.

[45] Картлис цховреба, 45. Средневековая этническая номенклатура нас не должна смущать (см. *Г. А. Меликишвили.* Ук. соч., стр. 85 и *В. Б. Виноградов.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, стр. 133, 134).

[46] Там же, стр. 170.

[47] *В. А. Кузнецов.* Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962, стр. 103.

Ш. Р. ПИДАЕВ

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О РАСКОПКАХ КУШАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ АК-КУРГАН В СЕВЕРНОЙ БАКТРИАНЕ

Одной из важных проблем древней истории Средней Азии является вопрос о положении сельского поселения, об аграрных отношениях в деревне. Эта проблема для Средней Азии, в частности для античной Бактрианы, совершенно не изучена, что объясняется отсутствием первоисточников, эпиграфических данных, а также недооценкой археологического изучения остатков самих сельских поселений. Поэтому один из отрядов Бактрийской археологической экспедиции Института археологии АН УзССР и ЛОИА АН СССР, возглавляемой В. М. Массоном, проводил в 1973 г. археологическое изучение небольших поселений кушанского времени, расположенных на территории Северной Бактрианы [1].

Объектом стационарных раскопок было поселение Ак-курган [2], расположенное в 13 *км* к юго-западу от г. Шерабада в кишлаке Ходжакия. Тепе имеет подквадратную форму (80×70 *м*), ориентировано по сторонам света и возвышается над уровнем окружающей местности на 3—4 *м*. Края тепе сильно изрезаны. Внутренний рельеф тепе довольно ровный с небольшим понижением к центру. Судя по рельефу, поселение имело два въезда. Один из них находился в юго-восточной части, другой в северо-западной.

Перед началом раскопок в юго-западной части тепе был заложен стратиграфический шурф размером 3×2 *м*. Выяснилось, что мощность культурных слоев здесь достигает 6 *м*, но на уровне материка выступила грунтовая вода. В шурфе выявлены четыре основных строительных горизонта, которые, судя по керамике, относятся к кушанскому времени, т. е. к I в. до н. э.— IV в. н. э. Говорить о существовании на памятнике греко-бактрийского слоя пока трудно, хотя некоторые керамические формы из шурфа можно отнести к более ранней эпохе. В разрезе, сделанном в северной части тепе с целью выявления крепостной стены поселения, был обнаружен клад монет «варварского Гелиокла». Вся керамика из шурфа и разреза хорошей ремесленной выделки, покрыта красным и коричневым ангобом различных оттенков. Черепок в изломе красновато-розовый, хорошо отмученный и обожженный. Встречены следующие формы: миски, чаши, бокалы, кубки, фрагменты кувшинов и хумов. Среди других находок из шурфа следует отметить терракотовую статуэтку лошади и монету так называемого «безымянного царя».

Для выявления планировки самого верхнего строительного горизонта тепе было подвергнуто сплошному вскрытию. В процессе раскопок выяснилось, что верхний строительный горизонт сильно пострадал от дефляции, в результате чего стены помещений сохранились на небольшую высоту,

[1] *В. М. Массон.* Изучение кушанских памятников на юге Узбекистана, АО — 1973, М., 1974, стр. 484—486.

[2] Среди местного населения этот памятник известен еще как и Ялпак-Тепе (Б-19). Памятник был обнаружен археологом Э. В. Ртвеладзе (*Э. В. Ртвеладзе.* Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана. Сб. «Древняя Бактрия», Л., 1974, стр. 76. К сожалению, описание и размеры тепе приведены в статье неточно).

а местами полностью разрушены. Однако нам удалось выделить на памятнике пять основных хозяйственно-жилых комплексов, которые характеризуют последний период обживания Ак-кургана. Эти комплексы названы условно южный, центральный, северный, восточный и юго-восточный. Друг от друга эти комплексы отделены широкой улицей. Каждый включает в себя ряд многокомнатных домов, состоящих из хозяйственных и жилых помещений (рис. 1).

Ядром поселения был, видимо, «южный» комплекс, включающий помещения 1—16 [3]. Общая площадь комплекса не менее 550 *м*². В этот комплекс входило большое парадное помещение 1. Это помещение выделяется на фоне других большими размерами (6,75×5,25 *м*) и толстыми пахсовыми стенами, стоящими на пахсовой платформе. С внутренней стороны помещение было оштукатурено толстой глиняной промазкой с саманом, поверх которой была нанесена еще ганчевая штукатурка, расписанная черной и красной красками. К сожалению, сюжет росписи выяснить не удалось из-за плохой сохранности. Вход в помещение шириной 1,75 *м* находился почти в середине северной стены. С восточной стороны помещения проходил широкий коридор, как бы отгораживавший помещение 1 с востока, где располагался въезд в поселение. С южной стороны к помещению примыкает еще одно, также изолированное помещение 2. Вход в него расположен со стороны коридора. С южной и западной сторон находились жилые помещения. Выяснить, какие строения расположены к северу от помещения 1 не удалось, ибо этот участок не был вскрыт из-за стоящей здесь тригонометрической вышки. В состав «южного» комплекса входило и помещение 13 с алтарем. В нем у северной стены в центре на пахсовом постаменте, оштукатуренном ганчем, был установлен небольшой ганчевый алтарь. Помещения «южного» комплекса значительно превосходят по размерам и толщине стен комнаты других комплексов. В помещениях часто встречаются хумы, вкопанные в землю по венчик или до половины тулова. По-видимому, в этих хумах хранили зерно.

«Центральный» комплекс состоит из трех небольших групп строений, которые включают помещения 19—35. Общая площадь комплекса, включая двор, составляет 450 *м*². Две группы строений этого комплекса разделены двором, сплошь выстланным камнем и фрагментами керамики. Третья группа помещений отделена от других групп мощной стеной. Вход в комплекс находился со стороны улицы. Большинство помещений «центрального» комплекса небольшие по размеру. Стены имеют толстую глиняную промазку с саманом. Некоторые помещения поверх глиняной штукатурки имеют ганчевую. Обычно помещения с ганчевой штукатуркой очень небольшие по размеру. В одном из них (20) были найдены четыре целых кувшина, а в помещении 28 — интересный большой овальный керамический сосуд, вкопанный в культурный слой. К западу от сосуда расположена длинная суфообразная площадка, с трех сторон оконтуренная небольшим валом-бортиком. Сама площадка разделена на три части неглубокими канавками со скатом в сторону сосуда и покрыта алебастром. Это помещение мы условно назвали «винодельней». Винодельня очень похожа по устройству на винодельню Дальверзин-Тепе [4]. В западной части комплекса на краю тепе обнаружено впущенное в культурный слой и сильно разрушенное средневековое погребение. Ориентировка костяка не установлена. Рядом с черепом найдены две золотые серьги.

Немаловажный интерес представляет «северный» комплекс, куда входят 12 помещений (1—12) и коридор. Общая площадь комплекса около 250 *м*². В отличие от вышеописанных, помещения этого комплекса сосредоточены вокруг длинного коридора, который начинается в небольшом

[3] Нумерация помещений комплексов дана по отдельности — в пределах каждого раскопа.

[4] *Г. А. Пугаченкова, Б. А. Тургунов.* Исследования Дальверзин-Тепе 1972 г. Сб. «Древняя Бактрия», Л., 1974, стр. 71.

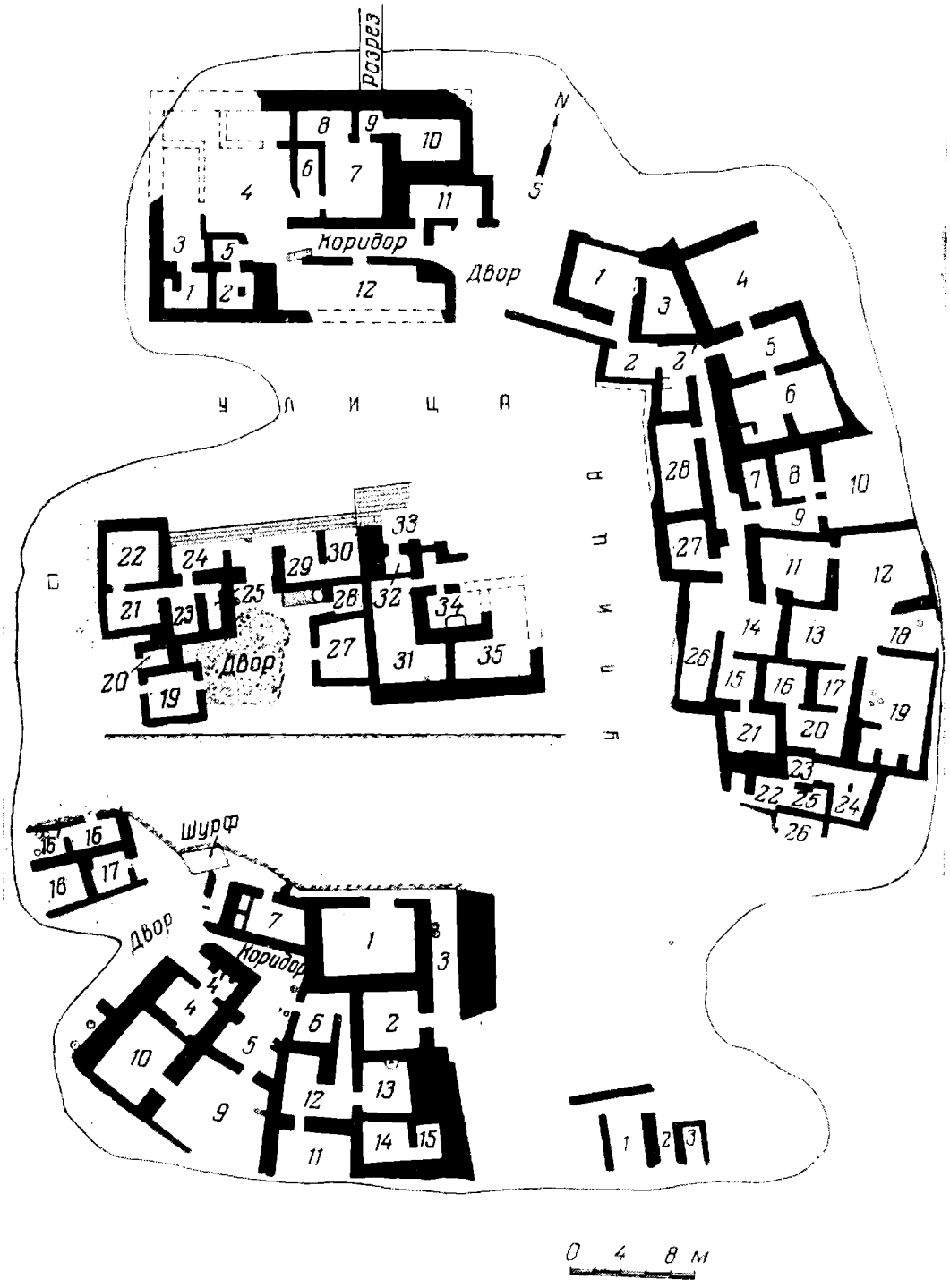


Рис. 1. Общий план раскопок поселений Ак-курган

дворе и кончается большим квадратным помещением 4, самым интересным во всем комплексе. Внутри помещение сплошь заполнено песком, большими продолговатыми, реже круглыми, не обтесанными камнями, которые, судя по всему, служили сырьем для изготовления каменных зернотерок. Здесь же найдено 9 целых зернотерок, а также их обломки. Очевидно, это помещение было своего рода мастерской для изготовления зернотерок и каменных пряслиц. Последние здесь встречены также в большом количестве. Маленькие помещения комплекса, так же как и комнаты центрального комплекса, имеют поверх глиняной штукатурки ганчевую. Коридор длиной около 15 *м* заполнен золой. В нем найдено много фрагментов терракотовых очажков и котлов, которые, как правило, отсутствуют в помещениях. Это дает основание предположить, что коридор одновременно выполнял и функцию кухни. Зольным слоем заполнен и двор. Северный комплекс дал много монет кушанского и кушано-сасанидского времени.

Помещения «восточного» комплекса (1—29) также сосредоточены вокруг длинного коридора. Общая площадь комплекса около 700 $м^2$. Коридор, подобно коридору северного комплекса, заполнен золой. Среди строений «восточного» комплекса следует отметить помещение 19, где найдены три хума, один оригинальный краснолощеный кувшин и терракотовая статуэтка Будды. В соседнем помещении найдены три ритуальные курильницы с сильно закопченными резервуарами. В других комплексах находки курильниц отсутствуют.

Юго-восточный комплекс сохранился очень плохо. Здесь выявлены остатки трех прямоугольных помещений, расположенных параллельно, и выходящих в четвертое продолговатое помещение. Находок здесь нет, и не исключено, что эти помещения служили загоном для скота.

Уровень полов во всех комплексах лежит почти на одной высоте, что указывает на их одновременное функционирование. Высота наиболее сохранившейся стены не более 80 *см*. Толщина внутренних стен до 70 *см*, а наружных до 2 *м*. Основным строительным материалом служила битая глина-пахса. Лишь северная наружная стена «центрального» комплекса возведена из сырцового квадратного кирпича размером 32×32×10 *см*. Часто на раскопе встречались и жженые квадратные кирпичи, но где они использовались, выяснить не удалось. Судя по небольшому размеру помещений, они имели плоское балочное перекрытие. В больших помещениях перекрытия, видимо, опирались и на колонны, базы от которых, по словам местных жителей, часто встречались на территории памятника. Одну из таких баз удалось найти. Ее профилировка не очень сложная. База имеет круглый плинт, поясок, скоцию и вал. В верхней части базы, в центре, имеется небольшое округлое углубление, куда ставилась ось колонны.

Внутренняя планировка комплексов подчинена единому заранее продуманному плану. Однако ярко выраженной и характерной для античной архитектуры симметричности нет, она наблюдается лишь в помещениях «северного» комплекса.

Археологический материал, отражающий культуру, быт и занятия жителей поселения в последний период его обживания, довольно разнообразен. Интерес представляют собой терракотовые статуэтки, украшения, костяные шилья, ножи железные, серьги, пряслица и прочие находки. Доминирующее положение среди находок занимает керамика и монеты. Последних на памятнике найдено более 150 экземпляров.

Вся керамика очень хорошего качества, тонкостенна и хорошо обожженная, в изломе черепки имеют красно-розоватый цвет и покрыты различными оттенками красного и коричневого ангоба (рис. 2). Большинство сосудов имеют вертикальное, горизонтальное и сетчатое лощение. Столовая посуда изготовлена на гончарном круге и ее ассортимент довольно разнообразен. Преобладают чаши с характерным перегибом у венчика, кубкообразные чаши, столовые тагора, кувшины и горшки. Кухонная керамика менее разнообразна. Это в основном хумы, крышки, котлы. Очень

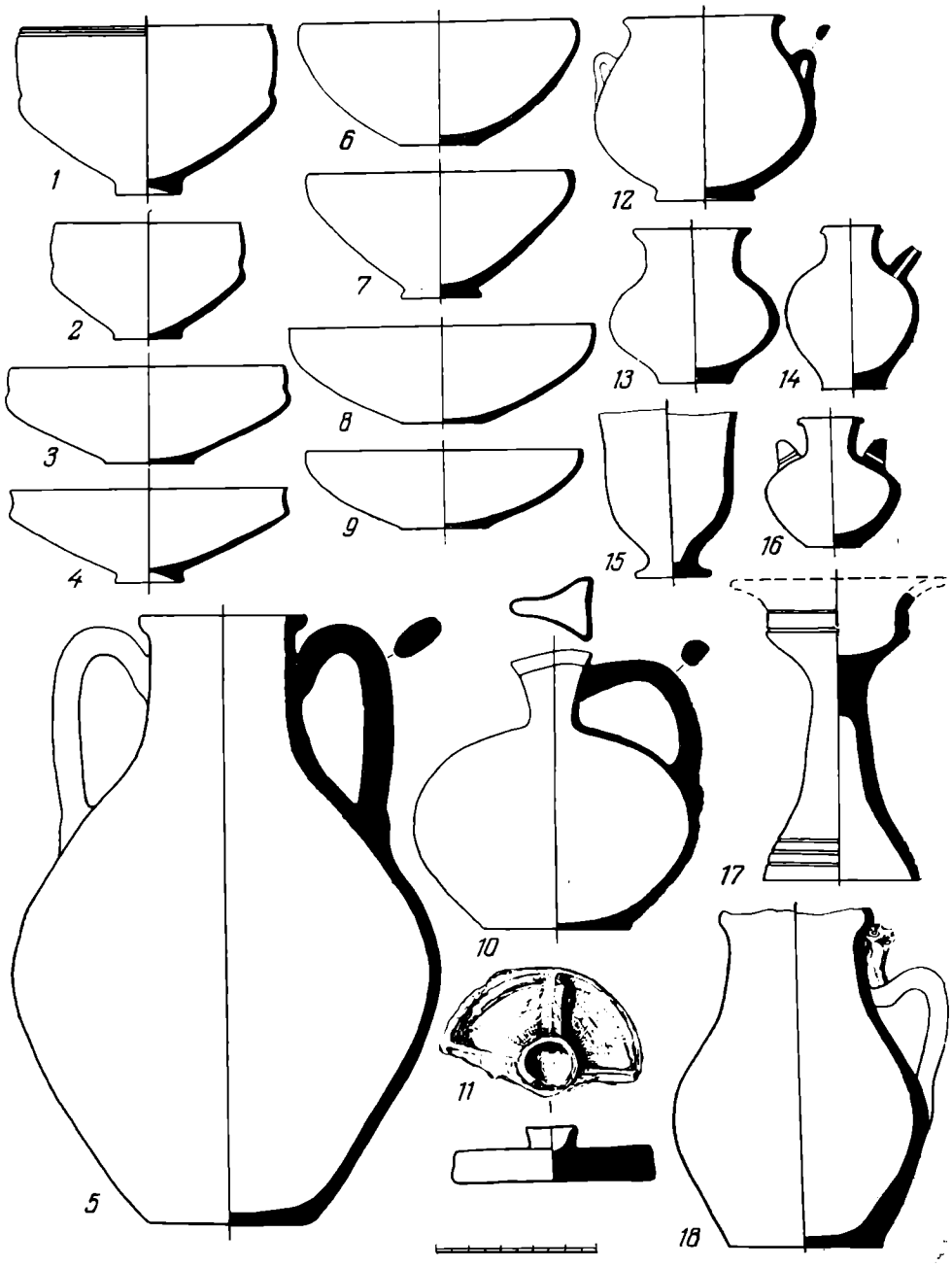


Рис. 2. Керамика верхнего горизонта Ак-курган

интересен фрагмент стенки, видимо, горшкообразного сосуда, обнаруженный в помещении 19 «восточного» комплекса. Черепок в изломе светло-коричневый, снаружи покрыт желтым ангобом. Орнамент нанесен черной краской и имеет вид горизонтальной линии, под которой идет один ряд волнистых полос. Весьма своеобразен и длинный узкогорлый грушеобразный кувшин на устойчивом профилированном пьедестале, который также был обнаружен в помещении 19 восточного комплекса (рис. 3). Черепок в изломе красный, снаружи кувшин покрыт шелушащимся красным ангобом и лощением. Заслуживают особого внимания ручки кувшинов с налепными изображениями обезьян, хищников и фантастических животных, отличающиеся высоким мастерством изготовления. Часто встречаются тонкостепные чаши с расположенными под венчиком налепами в виде голов антропоморфизированных львов. Обычно чаши имели три или четыре таких налепа. Аналогичные антропоморфизированные головы львов

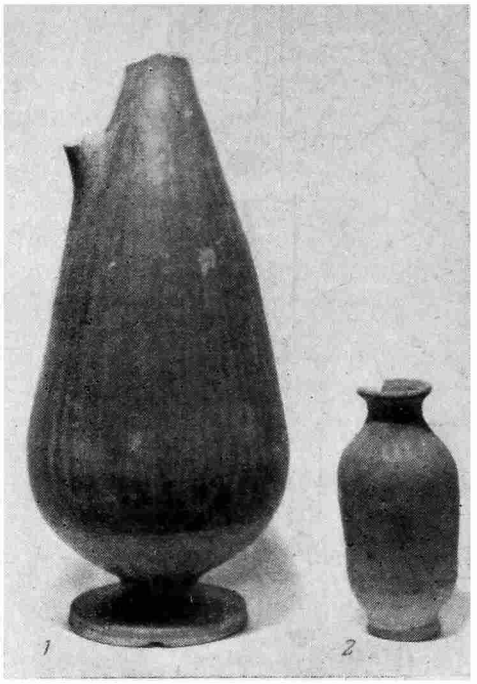


Рис. 3. Керамика верхнего горизонта

ранее были найдены на городище Зар-Тепе и на Чингиз-Тепе в Термезе [5]. Часто встречаются сосуды, украшенные различного рода штампами, в основном геометрического и растительного характера. Сосуды со штампованным орнаментом обычно покрыты ангобом. Преобладают штампы в виде «елочки». Один миниатюрный красноангобированный кувшинчик имеет очень интересную орнаментацию. У горла кувшинчика располагался налеп, который отлетел, но сохранился расположенный по бокам налепа штампованный орнамент. На штампе изображен человек, руки которого приподняты на уровень плеча. В каждой руке он держит длинные предметы, видимо копья.

Керамический материал Ак-кургана имеет большое сходство с керамикой позднеантичных памятников Северной Бактрианы, в частности Кобадианом IV—V [6], с комплексом керамики верхнего слоя Яванского городища [7], Дальверзин-Тепе [8] и многими другими [9]. Не менее значительное сходство прослеживается и с керамикой Афганистана [10]. К сожалению, эти материалы не всегда полно освещены в публикациях. К тому же существуют большие разногласия среди исследователей относительно времени бытования ряда керамических форм.

Терракотовые статуэтки Ак-кургана делятся на две группы: антропоморфные и зооморфные (рис. 4). К первой группе относятся голова богини (рис. 4, *1*), статуэтка музыкантши, играющей на четырехструнном инструменте (рис. 4, *2*), статуэтка женщины с пышным бюстом (рис. 4, *3*). Голова у статуэтки отбита. Само изображение несколько схематично. Женщина левой рукой поддерживает грудь, правая рука прижата к плечу. Самой интересной статуэткой, которая заслуживает особого внимания, является изображение Будды (рис. 5), выполненное в горельефе. Будда облачен в одежду, целиком закрывающую все тело. Вокруг шеи материя лежит

[5] *Л. И. Альбаум.* Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, стр. 18, 19.

[6] *М. М. Дьяконов.* Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кабадиан) (1950—1951 гг.). МИА, 37, 1953, стр. 288, 289; *А. М. Мандельштам, С. Б. Певзнер.* Работы Кафирниганского отряда в 1952—1963 гг., МИА, 66, 1958, стр. 288—304.

[7] *Э. А. Юркевич.* Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии. СА, 1965, 4, стр. 161—164; *Т. И. Зеймаль.* Вахшская долина в древности и в раннем средневековье. Автореф. канд. дис. Л., 1969, стр. 6, 7.

[8] *Г. А. Пугаченкова.* Новое в изучении Дальверзин-Тепе. СА, 1971, 4, стр. 196—203.

[9] *М. И. Вязьмитина.* Керамика Айртама времени кушанов. Труды ФАН Узбекской ССР, серия I, история, археология, 2. Ташкент, 1945, стр. 35—53; *Н. С. Сычева.* Сравнительный анализ керамики из комплексов А и Б Кара-Тепе в Старом Термезе. Сообщ. ГМИНВ, I, М., 1969, стр. 68—74; *ее же.* Керамика из кельи пещерного храма II – II. Сообщ. ГМИНВ, II, М., 1969, стр. 89—106. В 1973 г. В. А. Козловский, работая в составе Бактрийской археологической экспедиции, производил раскопки на цитадели Старого Термеза, где было получено огромное количество керамики времени кушан, имеющей очень близкие параллели керамике Ак-курган.

[10] *R. Ghirhman, Begram,* recherches archeologiques et historiques sur les Kouchans, MDAFA, v. XII, Caire, 1946, pl. LII—LI; *J. C. Gardin.* Ceramiques de Bactres, MDAFA, XV, Paris, 1957, p. 18—21.

Рис. 4. Терракотовые статуэтки

овальной складкой, а ниже груди треугольной и падает двумя складками, рельефно выделяющимися у запястья. Основание фигуры плоское. В целом иконографический тип Будды аналогичен монументальным скульптурам Будды, известным на территории Бактрии и Индии. Но изображения Будды на горельефе встречаются очень редко. Одна фигурка Будды такого рода известна по Кара-Тепе близ Термеза [11]. Ко второй группе терракот относятся фигуры баранов (рис. 4, *6*), лошадей, всадников (рис. 4, *9—11*), голова оленя (рис. 4, *7*), леопарда (рис. 4, *12*), выполненные с большим мастерством. Изображения реалистичны, фигуры очень эмоциональны, подвижны, даны в поворотах и в движении.

[11] *В. А. Мешкерис.* Терракоты из Кара-тепе. Сб. «Кара-Тепе». М., 1969, стр. 131.

Предварительное изучение нумизматического материала показало, что монеты, происходящие из верхнего слоя, в основном принадлежат чекану кушанского царя Васудевы I и к числу подражаний эмиссии этого правителя. Трудно что-либо сказать до очистки об относительно мелких монетах, которые, судя по внешнему виду, являются кушано-сасанидскими. При раскопках встречены также монеты ранних кушанских царей: Вимы Кадфиза, Канишки, Хувишки и др.

Рис. 5. Статуэтка Будды

На поселении Ак-курган встречены и стеклянные изделия, к сожалению, правда, во фрагментарном виде. Это стенки флакончиков и миниатюрных бутылкообразных сосудов.

Украшения представлены в основном различными бусами: сердоликовыми, пастовыми, стеклянными и др. Имеются бронзовые кольца. Заслуживают особого внимания и костяные шилья, один конец которых украшался нарезным орнаментом.

Помимо вышеописанных находок на раскопе найдено более 30 целых зернотерок, обломки жерновов и пряслиц. Последних на раскопе около 200 экземпляров. Все они различны по фактуре, по размерам и по форме, но преобладают среди них каменные. В целом, базируясь на керамических

и нумизматических материалах, последний период обживания поселения Ак-курган можно отнести к позднекушанскому времени. В эфталитский период поселение, видимо, было уже в руинах, о чем говорит отсутствие материалов этого времени. Позднее в XII или XIII вв. на тепе были сделаны три захоронения. Остатки одного костяка нами обнаружены на территории «центрального» комплекса. Два других погребения расчищены на территории «восточного» комплекса. Один костяк лежит в прямоугольной яме, второй в овальной, обе вырублены в культурном слое. Костяки лежат на спине, лицом вверх, ориентированы головой на юг с небольшим отклонением на запад. Руки вытянуты вдоль туловища. Только в одном из погребений на груди костяка обнаружено бронзовое зеркало. Других находок не сделано.

Таким образом, Ак-курган вырисовывается перед нами как поселение со сложной и интересной планировкой, с богатыми памятниками материальной и духовной культуры. Основным занятием жителей этого поселения были земледелие и скотоводство. Судя по находкам зерен, выращивалась пшеница, ячмень, просо и виноград. Поля орошались водой Шерабаддарьи при помощи канала. Протяженность магистрального канала, на берегу которого расположен Ак-курган и еще 8 других поселений, судя по косвенным данным, составляла не менее 20 *км*. Головное сооружение канала, судя по топографии, находилось в той части реки, где она выходит на равнину из горных ущелий. Подобное устройство головных сооружений далеко вверх по реке давало возможность самотечному движению воды на поля. Не менее важную роль в жизни жителей поселения играло скотоводство, причем разводили мелкий, крупный рогатый скот и лошадей, о чем свидетельствует обилие костей этих животных на поселении.

Интересно наличие производств, направленных на обеспечение потребностей земледельческого хозяйства, в частности изготовление зернотерок. Керамическую посуду жители, видимо, приобретали на стороне, так как следы гончарного производства отсутствуют. О развитии денежной торговли свидетельствуют находки на поселении огромного количества монет в основном мелкого номинала. Находка более 150 экземпляров монет для такого маленького сельского поселения, каким является Ак-курган, весьма высокая цифра. Это лишний раз указывает на то, что денежное обращение получило широкое распространение в среде всего населения страны и играло важную роль в экономике. Известно, в кушанский период Бактриана занимала первое место по развитию денежного обращения среди других областей Средней Азии [12].

Как мы видели, поселение Ак-курган состояло из нескольких многокомнатных домов, насчитывающих не более четырех-пяти помещений. Судя по характеру планировки и размерам, такие дома принадлежали индивидуальным семьям. Дворы и коридоры, видимо, были общими для нескольких семей. Всего на памятнике раскопаны остатки примерно 15—17 домов. Если считать, что одна семья состоит в среднем из 5—6 членов, то численность жителей поселения будет около 85—100 человек. Их коллективные усилия должны были обеспечивать устойчивое ведение ирригационного земледелия. Вероятно, все население в целом можно рассматривать как общину, не касаясь пока вопроса об ее внутренней структуре. Как уже отмечалось на Ак-кургане выделяется по планировке и убранству «южный» комплекс. Возможно этот комплекс служил жилищем состоятельной семьи — общинного старосты. Вхождение Бактрианы вместе с северными областями Индостана в общественно-политическую систему Кушанской державы позволяет в качестве косвенной аналогии привлекать материалы об общине в древней Индии. Как известно, сельская община в древней Индии играла большую роль и обладала общим пастбищем [13], а пахотные

[12] *В. М. Массон.* Денежное хозяйство в древней Средней Азии, ВДИ, 1955, 2, стр. 40.

[13] Законы Ману. М., 1960, IV, 3; VIII, 237.

земли обрабатывались в основном отдельными семьями и считались их частной собственностью [14], но община контролировала их использование и отчуждение [15]. Во главе таких общин в Индии стояли общинные старосты (грамани), должность которых в античный период была наследственной и лишь в общинах, возникающих на царских землях, должность старосты была назначаемой [16].

Рекогносцировочное исследование Южного Узбекистана свидетельствует о том, что памятники типа Ак-кургана, которые, как нам кажется, есть основание рассматривать в качестве общинных поселений, были здесь широко распространены в кушанский период. В частности, изучение Шерабадского оазиса показало, что он именно в кушанское время был густо заселен, причем особенно часто здесь встречаются небольшие поселения типа Ак-курган. Их систематическое изучение несомненно даст ценные вещественные материалы для изучения мало разработанной проблемы — роли и характера общины в структуре кушанской державы.

Ch. P. Pidaiev

QUELQUES DONNÉES SUR LES FOUILLES DE SETTLEMENT KOUCHANIENNE FAITE A AK-KOURGAN DANS LA BACTRIANE DU NORD

Résumé

Le présent article expose brièvement les résultats des fouilles effectuées dans la localité d'Ak-kourgane, datant de l'époque de Kouchan, située à 13 km au sud-ouest de Chérabad. Ak-kourgane a été presque entièrement fouillé au niveau du plan supérieur des constructions. Ceci a permis d'obtenir un ensemble caractéristique de matériaux archéologiques. On a dégagé les restes de cinq ensembles d'habitations et dépendances, dont chacun comportait des maisons de plusieurs pièces servant de locaux d'habitation et de service. Les matériaux archéologiques qui reflètent la culture, les moeurs et les occupations, sont très variés. Parmi eux se trouvent des ustensiles de table et de cuisine en céramique, plus de 150 pièces de monnaies, des statuettes de terre cuite, y compris une figurine de Bouddha, des bijoux, des couteaux de fer, un peson, un racloir, etc. Le caractère du plan d' Ak-kourgane et l'emplacement des objets qui y ont été recueillis permettent de considérer ce lieu comme l'habitat d'une communauté agricole. En se basant sur l'analogie des pièces de céramique et sur la présence de monnaies kouchaniennes de basse époque et kouchano-sassanides, le niveau supérieur de construction de la localité d'Ak-kourgane peut être daté de la fin de l'époque de Kouchan.

---

[14] Там же, VIII, 241, 252—264.

[15] «Артхашастра или Наука политики». М.— Л., 1959, III, 9.

[16] *Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин.* Древняя Индия. М., 1969, стр. 367, см. также Законы Ману, VII, 115.

В. А. ПАДИН

КВЕТУНСКИЙ ДРЕВНЕРУССКИЙ МОГИЛЬНИК

Кветунский могильник вошел в научный оборот еще в 40-е годы [1]. В 50-е годы в связи с изучением истории г. Трубчевска началось планомерное исследование этого памятника, появилась более полная публикация материала [2]. Территория могильника занимала около 3 *км*. М. В. Воеводский писал, что в прошлом этот могильник насчитывал не одну тысячу насыпей [3].

Могильник находится у дер. Кветунь, Трубчевского района, Брянской обл. на правом коренном высоком берегу Десны (рис. 1). Здесь пойма достигает 6—7 *км* ширины. С юга курганная группа Гай почти соприкасается с остатками огромного рва, отделявшего в древности от плато раскинувшееся на 10 *га* поселение VIII—XIII вв., к которому с востока примыкает двойная площадка (8000 *м*²) городища. За городищем, на склоне берега, находятся курганы «Литовские могилы». Курганы были и на соседней Жаденовой горе, близ которой в пойме располагалась исследованная Л. В. Артишевской группа курганов VI—VII вв.

Кветунский археологический комплекс поражает своими большими размерами. По 1968 г. включительно было исследовано 195 насыпей. В настоящее время на территории могильника осталось 20 курганов.

В северном конце Кветунского могильника находились три кургана эпохи бронзы, исследованных мной в 1953 г. [4] Еще три кургана выделялись из массы других обрядом погребения [5], относясь к роменской культуре, остальные 192 кургана — X—XIII вв.

В статье из-за ограниченности ее размера приводятся материалы лишь 25 курганов, которые, на наш взгляд, являются наиболее выразительными, однако при обобщении результатов раскопок учитываются данные по всем исследованным курганам.

В девяти курганах умершие были сожжены, в остальных находились остатки трупоположений в ямах и на горизонте. При этом отдельные костяки были обожжены (кург. 50, 88, 104, 142). Трупоположения как в ямах, так и на горизонте были ориентированы головой на запад и лишь в одном случае на юг (кург. 68). Все могильные ямы вытянуты в направлении запад — восток.

Курганы с кольцевыми ровиками и оградками. Курган с поясным набором. Вероятно, когда-то насыпь имела значительную высоту. Сложен на всхолмлении. Диаметр кургана 20 *м*. В юго-западной поле́ найдены обломки роменского горшка и два фрагмента круговой посуды. Под ССВ полой в материке замечен кольцевой ровик с пологими стенками шириной

[1] *В. П. Левенок.* Археологические работы Трубчевского музея. КСИИМК, X, 1941, стр. 99.

[2] *В. А. Падин.* Материалы из раскопок Кветунских курганов X—XIII вв. СА, 1958, 2, стр. 218.

[3] *М. В. Воеводский.* Городища Верхней Десны. КСИИМК, XXIV, 1949, стр. 77.

[4] *В. А. Падин.* Курганы эпохи бронзы около Трубчевска. СА, 1963, 1, стр. 289—292.

[5] Краткая информация о них дана в сб. Древние славяне и их соседи (*В. А. Падин.* Ранние курганы Кветунского могильника. М., 1970, стр. 97, 98).

0,60—0,70 *м*, глубиной 0,40 *м*, заполненный землей, смешанной с золой и угольной пылью, прослеживающийся лишь на протяжении 12—13 *м*. На некоторых участках древнего горизонта обнаружены остатки костра (зола, угольная пыль, уголь) мощностью от 2 до 25 *см*, в которых найдены обломки челюсти кабана со следами огня и челюсти какого-то животного. В центре кургана на древнем горизонте находилось гробовище со следами огня, длиной 2,8 *м*, шириной 2 *м*, сделанное из брусьев или бревнышек толщиной около 0,10 *м*. В нем обнаружены скопления кальцинированных костей и нетронутые огнем несколько фаланг рук и позвонок.

В захоронении находились: серебряный пластинчатый перстень, два обломка такого же перстня; две маленькие поясные бронзовые позолочен-

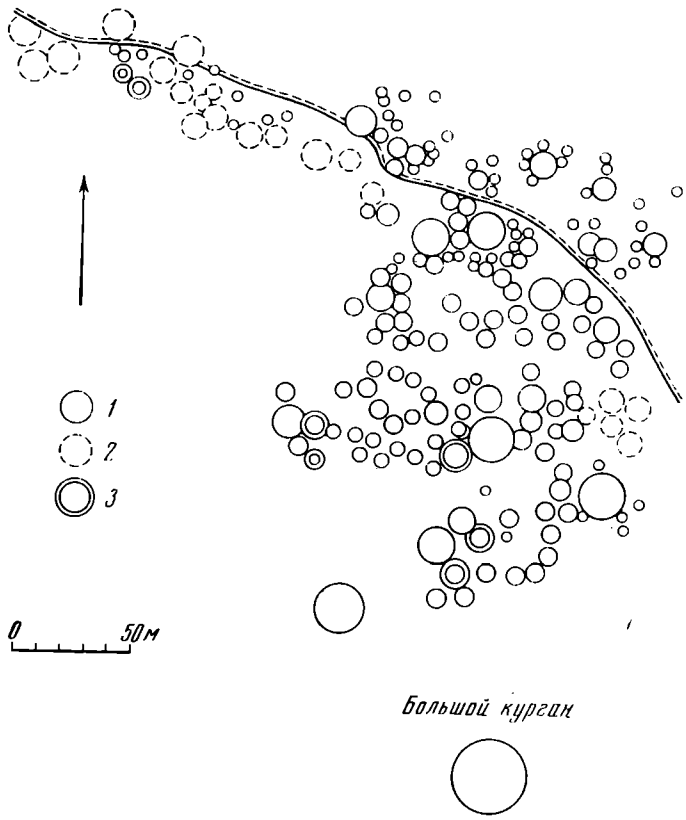


Рис. 1. Схематический план. 1 — исследованные курганы; *2* — неисследованные курганы; *3* — раскопки прошлых лет

ные пряжки; оригинальный бронзовый поясной полый приемник-застежка с концевой бляшкой пояса (рис. 2, *1*); два бронзовых поясных кольца и 30 поясных бронзовых позолоченных бляшек со шпеньками, на которых заметны остатки ремня и обрывки ткани; калачевидное кресало, имевшее с внутренней стороны, в середине ударного лезвия, вытянутый язычок; обломок дужки, 22 гвоздя со шляпками, 2 лепных и 1 круговой обломок керамики. Такой тип кресала характерен для слоев X—XI вв. Новгорода-Великого [6]. Вещи не имели следов огня, так как пояс положен после помещения сожжения в гробовище. Вероятно, сожжение произведено на стороне. По комплексу вещей захоронение датируется второй половиной X в. Такой датировке не противоречат и гвозди со шляпками, известные в ранних слоях Новгорода-Великого [7]. Инвентарь явно мужской. Богатый поясной набор говорит о знатности погребенного.

[6] *Б. А. Колчин.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода-Великого. МИА, 65, 1959, стр. 101.

[7] Там же, стр. 113.

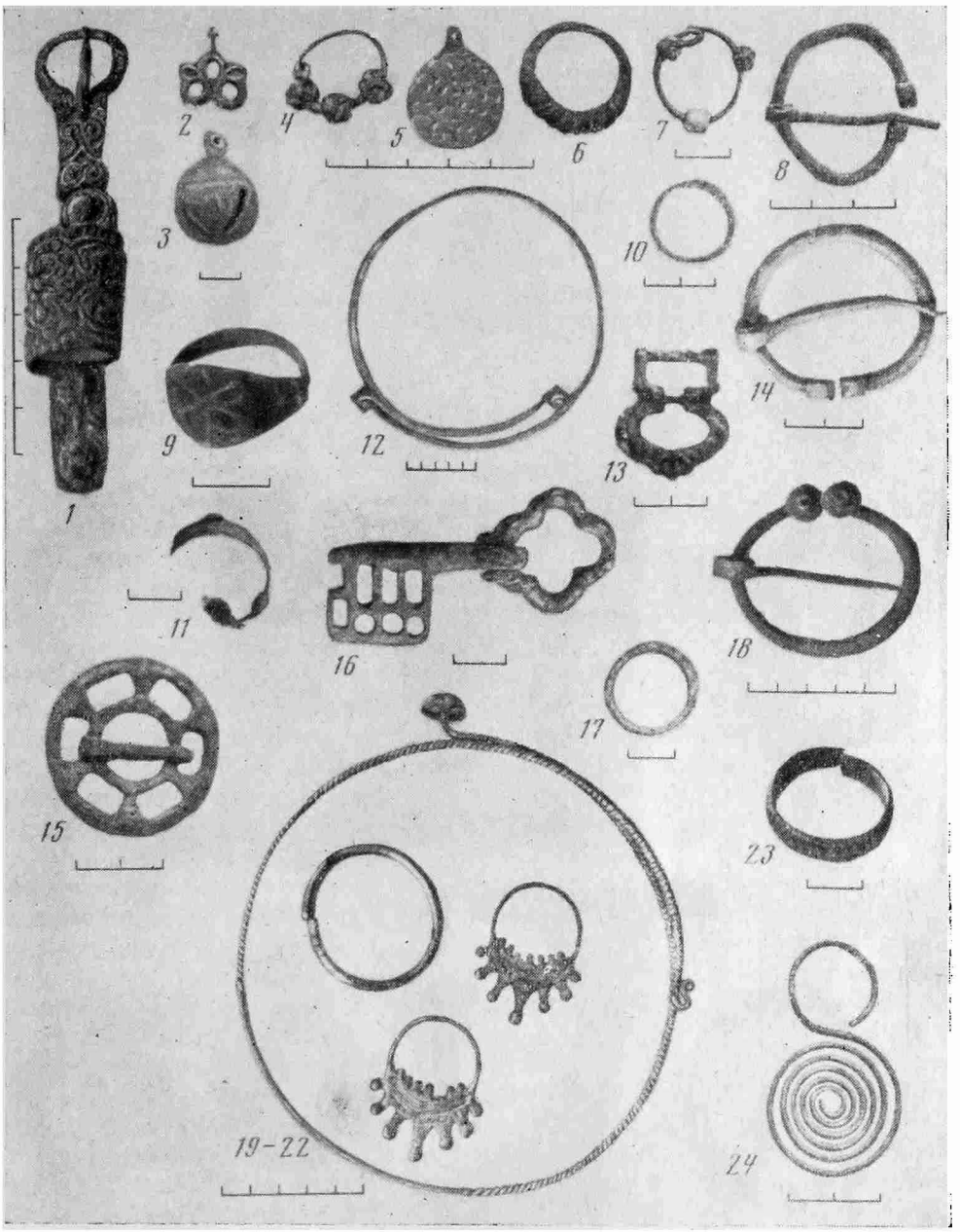


Рис. 2. Кветунский могильник. *1* – часть поясного набора, «курган с поясным набором»; *2* – привеска; *3* – бубенчик, кург. 141; *4* – височное кольцо; *5* – монетовидная привеска; *6* – перстень; *7* – височное кольцо, кург. 6; *8* – фибула, кург. 142; *9*, *13*, *16*, *17* – перстень, поясное кольцо, поясная пряжка, ключ, кург. 135; *10* – кольцо, кург. 1; *11* – перстень, кург. 28; *12* – шейная гривна, кург. 25; *14* – фибула, кург. 1; *15* – застежка; кург. 126; *18* – фибула, кург. 177; *19* – *22* – шейная гривна, браслет, височные кольца, кург. 53; *23*, *24* – перстень, височное кольцо, кург. 122

Курган 88. Диаметр 12 *м*, высота 1,5 *м*. Окружавшая его группа (в нее входил курган с монетой Константина Багрянородного) состояла из курганов меньших размеров. Под насыпью обнаружена кольцевая канава шириной до 2 *м*, глубиной 0,4 *м* без следов изгороди. Вся площадка (диам. 8 *м*), окруженная канавой, перекрывалась слоем суглинка толщиной 2–3 *см*. Там, где подсыпка соприкасалась с канавой, она утолщалась до 0,25 *м*, что создавало оградку шириной около 2 *м*, высотой около 0,25 *м*.

Костяк находился на древнем горизонте. Сохранились остатки гроба, полусожженного на месте. Следы огня хорошо заметны и на костяке. В за-

Рис. 3. Кветунский могильник. Железные изделия. *1* – топор, кург. 82; *3* – боевой топорик, кург. 1; *2*, *4*, *5–7* – наконечники стрел, костяные поделки, ножницы, кург. 142; *8* – пряжка, кург. 25; *9–13* – обломки молотка и кольца, нож и другие предметы, кург. 119; *14* – фибула, кург. 130; *15*, *16* – топор, гвоздь, кург. 177; *17* – кольца, кург. 135

хоронении найдены два гвоздя, нож, два бронзовых поясных кольца. Судя по ритуальным сооружениям и находке в одном из курганов этой группы монеты Константина VII, памятник относится к X в.

Курган 141. Сложен на естественной небольшой возвышенности. Диаметр 10 *м*, высота 0,8 *м*. На древнем горизонте — кольцевая оградка (внутренний диам. 5 *м*), перекрытая слоем лёссовидного суглинка толщиной 15—20 *см*, длиной 3, шириной 1,4 *м*. В западной части имелся вход.

На окруженной оградкой площадке — скопление (1×1,4 *м*) древесного тлена, золы, углистой пыли, кальцинированных костей, остатков черепа и обломков костей ног. Здесь же находилось разбросанное ожерелье из бусин желтого рубленого бисера (126 шт.), синего бисера (31 шт.), бронзовых пуговиц (15 шт.), бронзовых привесок (4 шт.), сердоликовых призматических восьмигранных бусин (2 шт.), обломков призматических 4-гранных каменных, бронзовых 14-гранных (куб со срезанными углами) (4 шт.) и округлой хрустальной (1). Несколько в стороне от захоронения найдены 4 грушевидных с крестовидной прорезью и нарезкой внизу бронзовых бубенчика (рис. 2, *2—3*), пластинчатый широкосрединный бронзовый перстень, обложенный по краям медной проволокой, и обрывок какого-то бронзового украшения, возможно перстня (сплющенная проволочка, навитая на пеньковую толстую нитку).

Эти украшения, видимо, находились в деревянном футляре, о чем говорят следы древесного тлена. В 1 *м* восточнее захоронения найдены нож и обломок обожженной человеческой челюсти, возможно остаток второго погребения. На основании комплекса украшений ранних типов курган можно датировать концом X — началом XI в.

Курганы с деревянными сооружениями. К этому типу относятся курганы с трупосожжениями и трупоположениями в яме и на горизонте, датирующиеся X—XII вв.

Курган 82. Диаметр 14 *м*, высота 1,2 *м*, сложен на небольшой естественной возвышенности, Могильная яма длиной 3,4 *м*, шириной 1,9 *м*, глубиной 1,2 *м*, ее стены «обмазаны» слоем глины толщиной 10—25 *см*. Такая «обмазка», видимо, достигалась установкой в яме какой-то деревянной, может быть плетневой, конструкции и засыпкой или заливкой густо замешанным раствором лёсса зазоров между конструкцией и стенками могильной ямы (следы деревянной конструкции обнаружены в погребении кург. 113). У дна — узкая (3—4 *см*) полоса угля. Среди остатков дубового гробовища (длина 3 *м*), скопления угольной пыли и золы, кальцинированные человеческие кости, окислившийся боевой топор (рис. 3, *1*), шесть гвоздей, из которых четыре шляпковых. Топор (лезвие обломано) фигурный, с удлиненным обухом, относится к типу «чеканов», известному в Польше и Венгрии. М. Х. Алешковский такие топоры датирует X в.[8] Курган относится к X в.

Курган 102. Диаметр 18 *м*, высота 1,65 *м*. В центре кургана с глубины 1,2 *м* начиналось кострище диаметром 5,6 *м*, толщиной около 0,45 *м*, утончавшееся к краям, состоявшее из серой золы, иногда смешанной с землей (перенесены остатки костра со стороны) и угольками. Кострище находилось на глинистой подсыпке толщиной 2—10 *см*, перекрывавшей подкурганную площадку диаметром 12 *м*. В центре его обнаружены останки сожженного на стороне покойника. Кальцинированные кости занимали вытянутую с востока на запад площадку 1,4×0,8 *м* овальной формы. При этом в западном ее конце кости были положены в виде небольшого кольца, явно имитирующего человеческую голову. Под сожжением и над ним встречены обломки гнилого дерева — остатки стоявшего на древнем горизонте сооружения, сделанного из брусьев; у «головы» найдены два серебряных семилучевых височных кольца, в районе захоронения найдено было еще два таких же кольца. У «шеи» лежало ожерелье из синего бисера (193 шт.) и ожерелье из бусинок желтого рубленого бисера (139 шт.) и бронзовых пуговиц с ушками (50 шт.). На основании сильной стертости зуба можно предположить пожилой возраст погребенной.

По находкам в Новгороде бисер датируется X — первой половиной XI в.[9], а желтый рубленый и синий бисер из Старой Ладоги — VIII—X вв.[10] Следовательно, курган можно отнести к X — началу XI вв.

[8] *М. Х. Алешковский.* Курганы русских дружинников X—XII вв. СА, 1960, 1, рис. 1, *11*.

[9] *Ю. Л. Щапова.* Стеклянные бусы Древнего Новгорода. МИА, 55, стр. 173.

[10] *Ф. Д. Гуревич.* Древнейшие бусы Старой Ладоги. СА, XIV, 1950, стр. 174.

Курган 103. Диаметр 14 *м*, высота 1,6 *м*. На глубине 0,9 *м* — нарушенное кладоискательской ямой вторичное захоронение. Материковая яма длиной 3,2 *м*, шириной в восточном конце 2,8 *м*, в западном — 2,6 *м*, глубиной 1,6 *м*, перекрывалась глинистой прослойкой толщиной 3—10 *см*, диаметром около 8 *м*. В яме много древесного тлена — остатков прямоугольного дощатого погребального сооружения (длина 2,94 *м*, ширина в западном конце 1,3 *м*, в восточном — 1,2 *м*, высота 1,4 *м*) и обкладки ее стенок досками. В восточном конце ямы следы столба диаметром 0,2 *м*, стоявшего в сооружении и выступавшего, судя по пятну на 0,45 *м*. Возможно, столб был выше, но следы его уничтожены кладоискателями. Костяк (пожилой мужчина) засыпан серо-фиолетовой золой.

Курган 113. Находился в центре группы окружавших его курганов меньшего размера. Диаметр 14 *м*, высота 1,6 *м*. На древнем горизонте обнаружено кострище высотой 0,8 *м*, диаметром 6 *м*, с измельченными кальцинированными костями. Земля под кострищем сильно прокалена. Кострище перекрывало могильную яму длиной 3 *м*, шириной около 1,6 *м*, глубиной 1,3 *м*, в которой вылеплено из лёссовидного суглинка своеобразное погребальное сооружение — гробница со строго вертикальными стенками (толщина 10—40 *см*) и прямыми углами (2,4×0,8 *м*) высотой около 1,6 *м*; сделана из хорошо промешанного суглинка. Верх, видимо сводчатый, возвышался на 0,3 *м* над ямой, по этой причине низ кострища на этом участке был рыхлым, пористым, имел пустоты, что связано с гниением деревянной конструкции, поддерживавшей верх гробницы.

На стенках заметны горизонтальные отпечатки досок шириной 15 *см*. В гробнице много древесного тлена, золы, кальцинированные кости, полуистлевшая человеческая челюсть (нижняя), остатки какого-то сильно окислившегося железного предмета. Судя по аналогии с кург. 103, 104, в гробнице был похоронен мужчина, видимо пожилой. Кремация совершена явно на стороне. Часть же сожжения осталась на погребальном костре. О переносе костра свидетельствует его перемешанность с лёссом. Костер переносился в горящем виде, отчего прокалилась подкостровая площадка и лёссовые стенки гробницы, частично сгорела их деревянная обкладка. Обряд кремации и погребальное сооружение могут датировать памятник X в.

Курган 142. Диаметр 8 *м*, высота 0,7 *м*. В северо-западной полé кургана на древнем горизонте обнаружено вторичное захоронение пожилого человека. В погребении обнаружена бронзовая пуговица. У правой руки костяка — второй череп, рядом с которым две бронзовые пуговицы. В центре кургана находилась материковая могильная яма 3,4×1,6 *м*, глубиной около 1 *м*, с лёссовой «обмазкой» толщиной 10—20 *см*. Дно ямы на площади, ограниченной обмазкой, выстлано деревом. На древесном тлене — остатки костяка со следами огня, засыпанные углем и золой. Видимо, труп полусожгли на стороне. В массе угля встречались кальцинированные кости. Похоронен мужчина среднего возраста. У костяка находился черешковый ромбовидный наконечник стрелы с куском костяного древка (рис. 3, *2*), боевой нож с костяной рукоятью, подковообразная бронзовая круглая в сечении фибула со спиралевидными концами и длинной тонкой изогнутой иглой (внутренний диаметр 3,5 *см*), принадлежащая раннему типу подковообразных фибул (рис. 2, *8*). Аналогичная фибула (внутренний диам. около 4,5 *см*) из Нукшинского могильника датируется IX—X вв. Аналогичный наконечник происходит из Киевского некрополя IX—X вв, найденный в комплексе с топориком, «типичным для погребений IX—X вв.» [11]. Захоронение датируется X в.

Под восточной полой насыпи обнаружилась вторая материковая могильная яма 2,3×0,8 *м*, глубиной 0,7 *м*, с погребением мужчины, которое не датируется.

[11] *М. К. Каргер.* Древний Киев. М.— Л., 1958, стр. 153, табл. XII, *2*.

Курган 6. Диаметр 6 *м*, высота 0,5 *м*. Материковая могильная яма имеет размеры 2,8 *м* с запада на восток и 3,4 *м* с юга на север; глубина 1,4 *м*, стенки обложены досками. В 20—40 *см* от ее стенок с глубины 0,7 *м* от верха ямы и по ее дну проходил слой древесного тлена толщиной около 2 *см* — следы большого деревянного сооружения. В яме обнаружены три захоронения.

Костяк 1. Кисти рук находились на лобковой кости. Череп раздавлен, теменной частью повернут к позвоночнику, кости таза лежали у колен. Мужчина среднего возраста.

Костяк 2. Находился в 1 *м* севернее мужского захоронения. Руки на животе. На шее три зонные сердоликовые бусины, семь височных колец из сплава и пять медных проволочных (три с заходящими концами) на правой руке медный рубчатый перстень с заходящими неспаянными концами. Молодая женщина.

Костяк 3. Примыкал с севера ко второму. Принадлежал, видимо, девушке. Хорошо сохранилась прядь волос. Найдены серебряная монетовидная привеска, два крупных серебряных трехбусинных зерненых височных кольца, три сканных, три трехбусинных (на одном золоченая стеклянная бусина), два двухбусинных, два однобусинных сканных (скань завязанная) медных загнутоконечных узелковых височных кольца, которые относятся обычно к XI в.[12] (рис. 2, *4—7*). На правом виске этого костяка было крупное отверстие, напоминавшее пробоину. Женские захоронения одновременны. При совершении их было нарушено основное мужское погребение. Курган датируется XI—XII вв.

Курганы с трупоположением в яме (без деревянных сооружений).

Курган 1. Высота 0,3 *м*, диаметр 6 *м*. В центре кургана в материке прямоугольная могильная яма 3,2×1,2—1,4 *м*, глубиной 1 *м*. Костяк сильно разрушен. Зубы незначительно изношены. На животе лежала бронзовая подковообразная спиралеконечная фибула, чечевицевидная в сечении, с длинной изогнутой тонкой иглой (рис. 2, *14*). У левого бока — боевой топорик малого размера, близкий к типу топоров, относимых М. Х. Алешковским к X в.[13] (рис. 3, *3*), у черепа — бронзовое проволочное височное кольцо с заходящими концами (рис. 2, *10*). Погребение датируется концом X в.

Курган 25. Диаметр 6 *м*, высота 0,6 *м*. Под южной подсыпанной полой на древнем горизонте находились совершенные разновременно вторичные погребения пожилых людей. У таза одного из костяков железная вогнутая с боков пряжка (рис. 3, *8*), у колен — гвоздь. В 1,6 *м* севернее захоронений обнаружена яма 1,1×2,4 *м*, глубиной 1 *м*, в которой лежал костяк среднего возраста женщины. Замечены следы гроба. У скелета находилась бронзовая, покрытая серебром пластинчатая гривна с розетками на заходящих концах (рис. 2, *12*), тонкое серебряное проволочное височное колечко с разомкнутыми концами, бронзовый бубенчик с крестовидной прорезью и с косой нарезкой внизу, две стеклянные золоченые боченковидные бусины, пять битрапецоидных из синего стекла, одна удлиненная пастовая, восемь бисеринок из зеленого стекла и две крупные серебряные орнаментированные монетовидные привески, аналогичные привеске из кург. 6. Памятник датируется XI в.

Курган 27. Диаметр 6 *м*, высота 0,4 *м*. Под курганом обнаружена материковая могильная яма 2,9—3×1,2—1,4 *м*, глубиной 0,7 *м*; в 0,6 *м* южнее этой ямы находилась пустая яма 1,8×0,8 *м*, глубиной 0,7 *м*. В первой лежал полуистлевший костяк, видимо женский. Здесь нож с костяной рукоятью, ожерелье, в которое входили стеклянная синяя 14-гранная (вид куба со срезанными углами) бусина, бусина белоромбическая, желтый, главным образом рубленный бисер (97 шт.), серый бисер (8 шт.,) неболь-

[12] *В. П. Левашова.* Височные кольца. В кн.: «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», М., 1967, стр. 21, рис. 4, *8*.

[13] *М. А. Алешковский.* Курганы русских дружинников X—XII вв., рис. 1, *19, 20*.

шая серая округлая бусина, обломок серой призматической 4-гранной бусины, крупная рубчатая голубая бусина, две рельефные крупные, одна синяя нарезная стеклянная, одна синяя стеклянная двухчастная. Здесь же найдено несколько обломков каких-то серых бусин, большая уплощенная 6-гранная, призматическая 4-гранная из синего стекла. Бусы 14-гранные из синего стекла, появившись на территории Руси на рубеже IX—X вв., существовали непродолжительное время [14]. В комплексе с другими ранними формами бус (рубчатая, рельефная, призматическая, белоромбическая) и желтым рубленым бисером они датируют погребение X началом XI в.

Курган 28. Данный участок могильника меньше подвергался распашке, и поэтому здесь лучше сохранились насыпи. Диаметр 6 *м*, высота 0,5 *м*. Могильная яма 3×1—1,4 *м*, глубиной 0,8—0,85 *м*. Прослеживаются остатки гроба (древесный тлен). Костяк истлел. Ожерелье, находившееся на шее, состояло из 155 бисеринок (в том числе 6 желтых рубленых, 1 зеленая, 148 серых), стеклянных золоченых маленьких боченковидных бусин (4 шт.), шиферных призматических (2 шт.), обломка бусины и привески из серебряной монеты Константина Багрянородного, скреплявшейся с ожерельем двумя бронзовыми коваными колечками (рис. 4, *1*, см. вклейку к стр. 149), на участке левого виска — три проволочных бронзовых кольца, у правого — два (одно с заходящими, одно с загнутыми концами). На животе бронзовая пуговица — остаток одежды, на участке кистей рук по одному пластинчатому широко-срединному перстню с завязанными концами (один бронзовый, другой серебряный), (рис. 2, *11*). Судя по украшению, захоронение женское, небольшая изношенность зубов указывает на средний возраст. Монетой курган датируется третьей четвертью X в. (монета не потерта, видимо, в ожерелье она носилась недолго). Такую датировку подкрепляет инвентарь: один из перстней, например, имеет орнамент «волчий зуб», характерный для конца X—XI вв. [15]

Курган 46. Диаметр 8 *м*, высота 0,7 *м*. На древнем горизонте находился костяк старой женщины. Под плечами прослойка угольной пыли толщиной 2—3 *мм*. У черепа три многогранные мозаичные бусины, одна шаровидная сердоликовая, четыре височных серебряных массивных кольца с заходящими концами, одна бусинка шаровидная сердоликовая, одна большая сердоликовая плитчатая многогранная бусина, три мозаичные призматические восьмигранные (грани изношены), обломок стеклянной двух- или трехчастной пронизки (рис. 4, *5*) у левой руки — маленький железный нож. Мозаичными бусами в комплексе с шаровидными сердоликовыми курган датируется X в.

Курган 68. Диаметр 8 *м*, высота 1,2 *м*. Насыпь хорошо сохранилась. Материковая яма 2,45×0,8 *м* имела глубину 0,4 *м*. Сильно разрушенный мужской костяк лежал головой почти на юг, у черепа несколько угольков и часть кругового горшка, а у ног — комок серы (?), бронзовая лировидная поясная пряжка (рис. 2, *13*), брусочек, кремень, железные наконечники стрел (черешковый с упором ромбовидный (рис. 3, *4*) и трехгранный «бронебойный»), костяная поделка «муфта» с нарезанными кольцеобразными бороздками, аналогичная поделке из Тимеревского могильника [16], пружинные ножницы (рис. 3, *7*), два окислившихся железных предмета, обломок железного пояспого кольца, у правой тазовой кости бронзовое височное кольцо с заходящими концами, служившее, видимо, перстнем, костяная пластинка с тремя отверстиями, возможно деталь колчана (рис. 3, *6*), и здесь же древесный тлен. Пластинка чем-то напоминает так называемые

[14] *М. В. Фехнер.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. В кн.: «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», стр. 170.

[15] *Н. Г. Недошивина.* Перстни. В кн.: «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», стр. 257.

[16] *М. В. Фехнер.* Тимеревский могильник. В кн.: «Ярославское Поволжье X—XI вв.», М., 1963, стр. 13.

петли, опубликованные С. А. Плетневой [17]. Ромбовидный наконечник стрелы аналогичен наконечнику из Киевского погребения IX—X вв. [18] На основании находок ромбовидного и трехгранного наконечников стрел курган датируется концом X — началом XI в., чему не противоречат находки пружинных ножниц.

Курган 84. Распахан. В центре кургана обнаружены две ямы.

Яма 1. Размеры 3×1,7 *м*, глубина 0,7 *м*. Хорошо прослеживается лессовая «обмазка» толщиной 0,1—0,4 *м*. Захоронение старой женщины сопровождали: бронзовое височное кольцо, две сердоликовые плитчатые многогранные (ромбические) бусины, одна мозаичная, одна стеклянная золоченая маленькая боченковидная. У ног — гвозди (целый и обломок). Под костяком — древесный тлен и угольная пыль. Дата X—XI вв.

Яма 2. Размеры 1,9×1,4 *м*, глубина 1 *м*, хорошо прослеживается лессовая «обмазка» толщиной 0,10—0,45 *м*. В заполнении ямы измельченный уголь и древесный тлен. Прерывающиеся полосы измельченного угля и древесного тлена ограничивали площадку длиной (восток — запад) 1,9 *м*, шириной (север — юг) 0,7 *м* и являлись остатками гроба, видимо местами обожженного. Захоронение женщины среднего возраста. Коленные суставы сильно утолщены (ревматизм?). У черепа 3 западноевропейских монеты-привески, 17 стеклянных золоченых боченковидных бусин, 3 сердоликовые бипирамидальные бусины, шиферная бипирамидальная, обломок такой же шиферной бусины, две серые бисеринки, обломок височного кольца из сплава. Один денарий чеканен в Вормее при Оттоне III (983—1002 гг.), второй — Дуисбурге при Генрихе III — (1039—1056 гг.) (рис. 4, *3—4*). Захоронение датируется второй половиной XI—XII вв.

Курган 119. Яма 2,4×0,9 *м*, глубина 0,9 *м*. В древесном тлене лежал полуистлевший скелет мужчины среднего возраста. На фалангах правой и левой рук находилось по височному проволочному кольцу-перстню, на животе — маленькая бронзовая лировидная пряжка, у ног — два кремня, кусок пемзы, слева у таза — нож с костяной рукоятью, у ног найден брусок, обломок молотка, восемь обломков железных предметов, среди которых обломок кольца (рис. 3, *9—13*). Это захоронение столяра (пемза, молоток, обломки инструментов). Датируется курган XI—XII вв.

Курган 126 (распахан). Раскопками обнаружены две материковые могильные ямы, расположенные параллельно. Яма северная, 2×0,6 *м*, глубина 0,7 *м*. Костяк (разрушенный) сопровождался ожерельем из 98 бусин желтого бисера и 16 бронзовых пуговиц. Судя по инвентарю, захоронение женское. Яма южная, 2,4×1,4 *м*, глубина 0,7 *м*. Костяк плохой сохранности. На правой руке серебряный пластинчатый с заходящими концами перстень, на левом плече части набора амулетов-привесок, бронзовая круглая застежка (рис. 2, *15*), нож, на правом плече, у груди, рифленый бубенчик из сплава (без полости), видимо служивший пуговицей, у висков по 3 серебряных семилучевых височных кольца. На участках шеи и груди находилось ожерелье из 82 бисерных бусин, восьми сердоликовых (две плитчатых многогранных, два обломка и одна целая призматические восьмигранные, шаровидная и др.), одной синей стеклянной призматической, синей стеклянной пронизки, двух хрустальных округлых многогранных и девяти синих стеклянных белоромбических, призматических и битрапецоидных бусин, нескольких обломков белоромбических бусин (рис. 4, *6*). У кистей рук — по одной бронзовой пуговице. Инвентарь говорит о женском захоронении. Комплексом находок это погребение может датироваться началом XI в.

Курган 130. Распахан, Могильная яма 2,75×1,20 *м*, глубиной 0,90 *м*. Захоронение мужчины среднего возраста. У пояса найдена железная с четырехугольным ромбическим сечением подковообразная загнутоконечная

---

[17] *С. А. Плетнева.* Кочевнический могильник. МИА, 109, 1963, рис. 1, *2*.

[18] *М. К. Каргер.* Древний Киев. М.— Л., 1958, стр. 153, табл. XII, *5*.

фибула, дуга которой (внутренний диам. 4—3,5 *см*) имела всюду одинаковую толщину (рис. 4, *14*). Аналогичные фибулы найдены преимущественно в трупосожжениях X — начала XI в. (Гнездово, Смоленщина и т. д.) [19] Датируется курган X — началом XI в.

Курган 135. Вокруг кургана находилось несколько распаханных маленьких курганов с захоронением на древнем горизонте. Диаметр кургана 8 *м*, высота 0,5 *м*, могильная яма 2,6×1,2—1,3 *м* глубиной 0,8 *м*, ее стенки «обмазаны» лёссом. У пояса полуистлевшего костяка найдены бронзовые лировидная пряжка, ключ с поясным колечком (рис. 2, *16*, *17*), железный нож с костяной рукоятью, набор железных колец для подвешивания к поясу инструментов (рис. 3, *17*), на левой руке — бронзовый широкосрединный сомкнутый (рис. 2, *9*), на правой — бронзовый широкосрединный с завязанными концами перстни. Инвентарь мужской, датирует захоронение XI—XII вв.

Курган 177. Распахан. Видимо, был маленьким и в древности. Материковая могильная яма 2,3×1,55 *м*, глубиной 1,2 *м*. В ней найдены остатки истлевшего костяка, боевой топор (рис. 3, *15*), большая (диаметр дуги около 6 *см*) чечевицевидная в сечении бронзовая фибула с маковидными головками и тонкой длинной иглой (рис. 2, *18*), нож, девять бляшек, маленькая пряжка со шпеньком, поясной наконечник, окислившийся ромбовидный наконечник стрелы, два костылевидных и шесть шляпковых гвоздей (рис. 3, *16*). В заполнении ямы по линии, проходившей параллельно стенкам, находились угольки — имитация гроба. Датируется захоронение фибулой в комплексе с ромбовидным наконечником стрелы и топором концом X — началом XI в.

Курган 180. Диаметр 8 *м*, высота 0,3 *м*. Вторичное захоронение женщины среднего возраста с остатками гроба встречено на глубине 0,65 *м* от древней поверхности (границ ямы проследить не удалось). При нем находилось 580 бусин желтого рубленого бисера, 6 сердоликовых призматических восьмигранных, две округлые многогранные (хрустальная и сердоликовая), одна кубическая многогранная ромбическая из синего стекла (14-гранная), 60 бронзовых пуговиц, 13 бронзовых двустворчатых бубенчиков, 6 семилучевых височных колец из хорошего серебра. У черепа сохранилось много волос. Волосы распределены на пряди, 7 из которых хорошо прослежены. Близ центра кургана находился детский череп — остаток детского захоронения, а также боевой нож (засапожник) и железная подковообразная фибула со спиралевидными концами, видимо связанные с разрушенным основным захоронением (мужским), остатки которого найдены ниже женского костяка.

На основании находок желтого рубленого бисера, двустворчатых бубенчиков, сердоликовых призматических бус, 14-гранной синей бусины и железной фибулы захоронение датируется X в.

Курганы с захоронением на горизонте (без деревянных сооружений и оградок).

Курган 53. Хорошо сохранился. Диаметр 12 *м*, высота 0,85 *м*. На древнем горизонте находился костяк плохой сохранности, принадлежащий пожилой женщине, у ног стоял грубо сделанный раннегончарный горшок с неровным линейным орнаментом на тулове, с довольно высоким прямым венчиком, похожий на посуду из могильника у села Волынцево (рис. 5, *1*).

В 15 *см* выше правой руки найден серебряный дротовый круглый в сечении браслет с прокованными утолщенными концами и более тонкой тыльной частью, близкий браслетам из русского комплекса Зарайского клада IX—X вв. [20] У правой ноги серебряное семилучевое кольцо. На черепе венчик из серебряной ленты, шириной 3 *см*, с крючками (до этой находки такие венчики считались принадлежностью лишь северянского убора) и

[19] *В. А. Мальм.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. В кн.: «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», стр. 156.

[20] ГИМ, № 54746.

серебряная дротовая крученая (тордированная) гривна с петлей на одном конце и с головкой в виде цветка — на другом. Тыльная часть прокована, концы далеко заходят. У черепа находились: многогранная хрустальная округлая бусинка, сердоликовая призматическая восьмигранная, две голубоватые бисерные бусинки, маленькое бронзовое височное кольцо с сомкнутыми концами и одна распавшаяся голубоватая бисеринка, три семилучевых серебряных височных кольца (рис. 2, *19—22*).

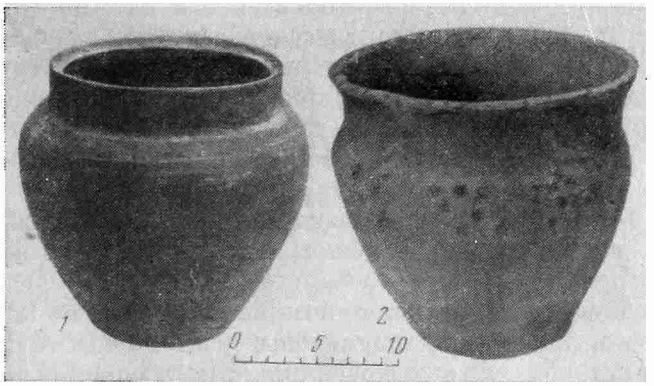


Рис. 5. Кветунский могильник. *1* — круговой горшок, кург. 53; *2* — лепной горшок, кург. 158 (1/3 натуральной величины)

Гривна, как и браслет, принадлежит к типу гривн, встречающихся в кладах IX—X вв.[21]; браслет, височные кольца и гривна сделаны из хорошего серебра. Курган датируется X в.

Курган 122. Судя по размерам, курган являлся центральным среди нескольких малых курганов. Насыпь, несмотря на распашку, хорошо сохранилась; ее диаметр 10 *м*, высота 1 *м*. На древнем горизонте находился мужской костяк плохой сохранности, вокруг — следы древесного тлена. Под насыпью, с юго-восточной стороны, обнаружено вторичное захоронение в яме (3,10×1,50—1,60 *м*, глубиной около 0,60 *м*). На фаланге правой руки пластинчатый бронзовый перстень (рис. 2, *23*). У черепа шесть серебряных спиральных (рис. 2, *24*) и дно маленькое проволочное бронзовое височное кольцо с заходящими концами, две плитчатые ромбические многогранные сердоликовые бусины, одна бипирамидальная хрустальная, шесть маленьких цилиндрических каменных, две четырехгранные призматические металлические и 240 бисерных (есть желтый и черный). Захоронение женское. Возраст средний. Датируется XI—XII вв.

Курган 158. Насыпь хорошо сохранилась. Диаметр 16 *м*, высота 1,55—1,60 *м*. На глубине 1,3 *м* (в одном метре к северу от центральной точки) найден череп лошади, связанный с разрушенным временем вторичным захоронением. На древнем горизонте в центре кургана — остатки черепа, рядом с ними пять бисерных бусин, три из которых голубовато-зеленые, а две желтые (рубленые). Видимо, это захоронение принадлежало женщине и было основным в кургане.

Возможно, что это полусожжение, хотя следов огня ни в насыпи, ни на остатках черепа не прослежено. На юго-западном участке подкурганной площадки стояли два лепных горшка, напоминающие горшки из рязанских могильников с трупосожжением[22] (рис. 5, *2*). Стоявший на древнем горизонте меньший горшок был накрыт бо́льшим. Подобное встречено в Но-

[21] *М. В. Фехнер.* Шейные гривны. В кн.: «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», стр. 58.

[22] *А. Л. Монгайт.* Рязанская земля. М., 1961, рис. 32, *6*.

во-Быховском могильнике, расположенном на территории Радимичей[23]. Рубленый бисер и лепная керамика датируют курган X в.

Из раскопанных курганов — семь оказалось разрушенными вспашкой (107—109, 112, 129, 144, 148), к роменскому времени относятся 3, к X в.— 12, к X—XI вв.— 25, к XI в.— 39, к XI—XII вв.— 17, к XII—XIII вв.— 2; один курган (105б Большой), расположенный в 100 *м* южнее могильника, является возможно, святилищем. Остальные 88 курганов не имеют датирующих материалов.

Следовательно, к X—XIII вв. относится 183 насыпи (не считая святилища), в которых было вскрыто и исследовано 183 основных погребения и 44 вторичных, в том числе совершенных по обряду трупосожжения в глубоких ямах — 2, на горизонте — 4, по обряду трупоположения в яме — 108, на горизонте — 110. Из 227 погребений 140 захоронений сопровождались вещами. Курганов с кольцевыми земляными оградками и ровиками оказалось 5.

Ровики (диаметр кольца, глубина и ширина указаны выше) имели самостоятельное ритуальное назначение, так как в них не встречено следов деревянной изгороди.

Оградки кветунских курганов напоминают «огненные кольца» курганов Гомельщины[24], а также крады, отмеченые у славян Б. А. Рыбаковым[25].

В 18 курганах обнаружены деревянные могильные сооружения (облицовка стен ям досками, брусьями или плахами, вымостка деревом дна ямы — кург. 142, установка на горизонте подобия домовины). Из вскрытых таким образом погребений 12 оказалось мужскими (9 в яме, 3 на горизонте), 6 женскими (5 в яме, 1 на горизонте). Возраст всех захороненных — пожилой и средний.

За исключением № 48, 113, 142, все курганы с деревянными сооружениями находились на южном участке могильника. В то же время насыпи № 2, 3, 6 тяготели к кург. 104, а насыпи № 11, 20, 21 — к кург. 103 (кург. 2, 3, 6, 20, 21 с погребениями в яме, 11 — на горизонте).

Курганы с деревянными сооружениями датируются X—XIII вв., два из них содержат трупосожжения (№ 82, 102), 16 — трупоположения.

В 22 курганах с трупоположениями (№ 31, 43, 58, 62, 78, 82, 84, 90, 92, 93, 96, 97, 111, 135, 139, 142, 150, 155, 159, 179, 198) стенки могильных ям (с вторичными погребениями 27 ям) покрыты слоем лесса толщиной 10—40 *см*. В 13 ямах находились мужские костяки, в 14 — женские (возраст различный). Датируются они X—XII вв. Такие курганы разбросаны по всей территории могильника.

Гробы и костяки некоторых ранних погребений с трупоположением обожжены на стороне. Любопытно, что мелкие и глубокие могилы в Кветуни бытовали как в X, так и в XI—XII вв. Например, в курганах X в. № 28, 180, 177, 31 (не вошел в данную статью), глубина ям колебалась от 0,65 до 1,2 *м*, в курганах XI—XII вв. № 174, 163 (не вошли в статью), 6 глубина ям колебалась от 0,5 до 1,4 *м*.

Около половины всех погребений совершены на горизонте. В то же время этот обряд сосуществует с ямным. В курганах заметно влияние Киевщины и Черниговщины (ямный обряд, не характерный для исследуемой территории, обмазка глиной или обкладка деревом стенок могильных ям, большой размер этих ям, глиняные «шапки» на насыпях, кости животных и др.).

Находки же в ряде курганов костей лошади, видимо, связаны с тем, что население исследуемого района общалось с кочевниками.

Южный и северный участки Кветунского могильника как бы делились на отдельные группы курганов: среди нескольких небольших (диаметр

[23] *Ю. В. Кухаренко.* Памятники Зарубинецкой культуры в области Верхнего Поднепровья. МИА, 70, 1959, стр. 29.

[24] *Г. Ф. Соловьева.* Славянские курганы близ с. Демьянки, СА, 1967, 1, стр. 194.

[25] *Б. А. Рыбаков.* Нестор о славянских обычаях. МИА, 176, 1970, стр. 42, рис. 1.

6—7 *м*, высота 0,3—0,5 *м*) насыпей находилась насыпь бóльших размеров (диаметр до 20 *м*, высота до 2,1 *м*), являвшаяся как бы центром группы. Почти все эти центральные курганы содержали мужские захоронения (№ 38, 47, 88, 82, 105а, 122, 128), совершенные в яме или на горизонте, и лишь два кургана (№ 102, 158) — женские.

Три центральных кургана принадлежали роменскому времени (№ 66, 137, «курган с четырьмя погребениями»).

В курганах, окружавших центральные бóльшие насыпи, находились мужские, женские, иногда детские погребения в яме или на горизонте. Например, в девяти курганах (№ 9, 11, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24), окружавших кург. 103, с мужским погребением шесть погребений было в яме, три на горизонте; в пяти курганах, окружавших кург. 128, с мужским трупоположением на горизонте ямных — два, на горизонте — три; в четырех курганах, окружавших кург. 82, с мужским сожжением в яме ямных — два, на горизонте — два; в восьми курганах, окружавших курган 104, с захоронением в яме ямных было семь, на горизонте — два. Эти комплексы располагались в различных районах могильника.

Видимо, каждая группа курганов являлась кладбищем родственников, центральное место в котором занимало захоронение древнего предшественника рода. Большинство центральных мужских курганов бедно инвентарем, что, однако, указывает не на их позднее происхождение, а на какой-то особый погребальный обряд, существовавший на исследуемой территории в более древнее время. Центральные курганы с датирующим инвентарем в основном относятся ко времени в пределах X и XI вв. Центральные курганы, не имеющие датирующих вещей, принадлежат к этому же, а возможно, и более раннему времени, так как курганы, их окружавшие, насыпанные явно после центральных, относятся к X, X—XI вв. Например, кург. 1 X в. входил в группу с центральным кург. 104. В ряде случаев насыпи, окружавшие большие курганы, находились в лощинах, образованных выборкой земли для этих курганов. Величина Кветунских курганов не связана с имущественным неравенством, о чем свидетельствуют маленькие насыпи над погребениями, сопровождавшимися большим количеством украшений (кург. 6, 25 и др.), и наоборот.

Возможно, в этом следует видеть влияние христианства. В то же время из четырех дружинных курганов лишь один имел значительные размеры — центральный в группе (№ 82).

В 33 курганах на различных участках могильника обнаружено 40 вторичных захоронений, совершенных в существующий курган по обряду трупоположения. Пол и возраст похороненных различный, в 23 случаях их погребальный обряд совпадает с обрядом основного захоронения (в яме, 10, на горизонте 13).

Значительная часть инвентаря близка к украшениям радимичей (бисер, бусы стеклянные позолоченные и стеклянные разноцветные, подвески-амулеты, двустворчатые бубенчики, миниатюрные решетчатые, петлеобразные привески и др.). Ряд захоронений имеет близость к радимичам и по погребальному обряду (положение на горизонте, подсыпка золы, глины, гробовища, ритуальные кострища, случаи неполного трупосожжения, характерные для радимичей [26], и т. д.).

Выше говорилось, что некоторые деревянные сооружения Кветунских курганов напоминали домовины. Как известно, домовины встречены в радимичских курганах при раскопках П. М. Еременко [27], Г. Ф. Соловьевой [28].

Известно, что северянских курганов с ритуальными кострищами не об-

---

[26] Древности железного века в междуречье Десны и Днепра, САИ, Д1-12, 1962, стр. 61, 65—68.

[27] *А. А. Спицын.* Курганы, раскопанные П. Е. Еременко в Суражском уезде. ЗГАО, VIII, вып. 1—2: СПб, 1895, стр. 85.

[28] *Г. Ф. Соловьева.* Славянские курганы близ с. Демьянки, стр. 194.

наружено[29]. Северянские же украшения Кветуни объясняются пограничным положением этого могильника и его городским характером.

Захоронение в ямах и на горизонте, разнообразие в погребальном обряде (обмазка глиной, обкладка деревом стенок могильных ям, сооружение подобия деревянных и глиняных гробниц, сводов[30], конструктивные особенности деревянных погребальных сооружений, использование бересты, характерное для Северной Руси[31] и др.), а также разнообразие инвентаря объясняются неоднородностью этнического состава населения, оставившего Кветунский могильник. Эта неоднородность обусловлена условиями городской жизни, так как исследованный могильник является некрополем Трубчевска X—XII в., когда последний находился в районе Кветуни.

Во второй половине — конце XII в. Трубчевск переносится на новое место, и на Кветунском могильнике захоронения прекращаются. Можно полагать, что исследуемая территория вошла в состав Киевского государства до похода Владимира Святославича на радимичей в 984 г.[32], так как, судя по материалам раскопок, Трубчевск как город оформился на основе развития производительных сил к концу третьей четверти X в., когда он начинает играть в Подесенье большую роль.

V. A. Padine

LES VIEILLES SEPULTURES RUSSES DE KVETOUNE

Résumé

Le champ funéraire de Kvetoune occupait une superficie de 3 km². On a fouillé 195 tertres, dont trois appartenant à la culture de Romny. On a trouvé des tombes d'hommes avec des haches de combat, des pointes de flèches, des fibules de bronze et de fer à bout recourbé. C'est au Xe s. qu'appartiennent des tombes de femmes, avec des colliers du genre «mosaïque» et «à yeux», une monnaie de Constantin VII, et avec un torque torsadé, un bracelet à bouts épais, des bagues à l'anneau renflé et à bouts tressés, tous ces derniers objets en argent. Ce champ funéraire peut être situé chronologiquement entre le VIIe et le XIIIe siècle. Le rite funéraire est varié: incinération et inhumation à fleur de sol, ainsi qu'en fosses; grandes fosses funéraires (3,5×2,4) à parois enduites d'argile et à boisage; sortes de tombeaux de bois et d'argile; emploi d'écorce de bouleau; couches de cendre et d'argile; bûchers; cercles de délimitation en terre; demi-incinération; incinération sur place ou à l écart. Le rite et le mobilier funéraires appartiennent nettement aux Radimitchs; il y a des sépultures comportant des anneaux temporaux heptaèdres. Ce champ funéraire était la nécropole de Troubtchevsk, dont le kremlin et le faubourg sont situés à proximité, et occupent environ 15 hectares.

---

[29] *В. В. Седов.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, стр. 131.

[30] *Г. Ф. Соловьева.* Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII – XIV вв. СА, XXV, 1956, стр. 155; *П. Н. Третьяков.* Костромские курганы. ИГАИМК, X, вып. 6–7, 1931, стр. 14.

[31] *М. К. Каргер.* Ук. соч., стр. 158.

[32] ПСРЛ. I, 1926, стр. 83.

Е. А. РЯБИНИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВОТСКОЙ ЗЕМЛИ

В 1971—1974 гг. было проведено археологическое обследование западных районов Ленинградской области [1]. Основная задача полевых работ определялась программой Ленинградского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и заключалась в фиксации существующих археологических памятников Волосовского, Кингисеппского и Гатчинского районов. Наряду с разведочными работами были предприняты раскопки курганно-жальничных могильников Ижорской возвышенности.

В течение трех полевых сезонов были обследованы Ижорская возвышенность, нижнее течение р. Луги, верховья рек Оредежа, Вруды и Лемовжи, большая часть бассейнов рек Систы и Суммы (рис. 1). Район охватил в основном территорию летописной Вотской земли, характеризующуюся обилием средневековых курганных могильников. В конце XIX в. здесь производил археологические исследования Л. К. Ивановский, раскопавший за 12 лет 5877 курганных насыпей [2]. К сожалению, раскопки Л. К. Ивановского проводились без соответствующей полевой фиксации и огромное количество исследованных им средневековых погребений представлено лишь покурганным перечнем находок. Отсутствие планов могильников, сведений об особенностях погребального ритуала захоронений крайне затрудняет изучение древностей Водской пятины.

Нами обследовано местоположение 32 курганных групп, частично исследованных Л. К. Ивановским. В настоящее время сохранилось лишь 18 могильников (Пиллово, Именицы, Беседа, Котино, Волгово, Муратово, Сумино, Плещевицы, Сяглицы, Рабитицы, Большая Вруда, Смердовицы, Горицы, Вопша, Кобрино, Межно, Большово, Ново-Сиверская); 14 погребальных памятников уничтожены распашкой в последние десятилетия.

В ходе разведок были выявлены новые курганные группы у селений Пружицы, Чирковицы, Гомонтово, Буяницы, Фьонатово, Горки I и Горки II, Везниково, Даймище, Старое Поддубье, Елицы, Погост, Белогорка, Селивановка, Покровка, Мельница, Дивенский, проверено состояние памятников, уже известных в археологической литературе (курганы у деревень Бегуницы и Вырицы, городище у дер. Кайболово). В общей сложности отрядом зафиксировано 37 погребальных памятников, включающих 3313 курганных насыпей и жальничных могил.

Наиболее крупные курганные кладбища концентрируются в центральной части Ижорской возвышенности. Здесь сосредоточены могильники, насчитывающие многие десятки и даже сотни захоронений. Среди них — курганные группы у деревень Гомонтово (373 насыпи), Пружицы (333),

[1] Археологическое обследование осуществлялось Ижорским отрядом Северо-Западной экспедиции ЛГУ и ЛОО ВООПИК (1971 и 1973 гг.) и Четвертым отрядом Староладожской экспедиции ЛОИА АН СССР (1974 г.) под руководством автора.

[2] *А. А. Спицын.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, 20, СПб., 1896, стр. 13.

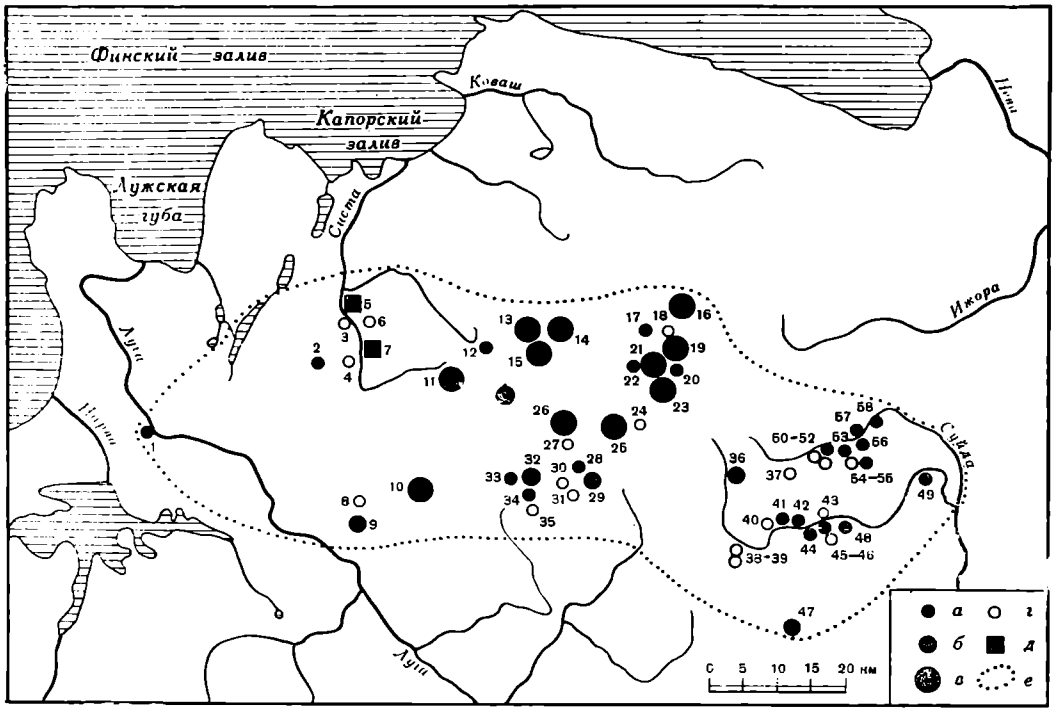


Рис. 1. Район археологического обследования в 1971, 1973–1974 гг. Условные обозначения: *а* – могильники, состоящие из 1–50 погребений; *б* – могильники, состоящие из 50–100 погребений: *в* – могильники, включающие свыше 100 погребений; *г* – уничтоженные могильники; *д* – поселения; *е* – район обследования.

1 – Извозы; *2* – Пиллово; *3* – Пумолицы; *4* – Войносолово; *5* – Неппово; *6* – Унотицы; *7* – Кайболово; *8* – Мануйлово; *9* – Именицы; *10–11* – Беседа (2 группы); *12* – Пружицы; *13* – Чирковицы; *14* – Гомонтово; *15* – Бегунницы; *16* – Буяницы; *17* – Фьюнатово; *18* – Котино; *19* – Ожогино; *20* – Горки Первые; *21* – Горки Вторые; *22* – Волгово; *23* – Муратово; *24* – Везниково; *25* – Будино; *26* – Сумино; *27* – Плещевицы; *28* – Коноховицы; *29* – Сяглицы; *30* – Рабитицы; *31* – Ямки; *32* – Русковицы; *33* – Большая Вруда; *34* – Смердовицы; *35* – Горицы; *36* – Летошицы; *37* – Даймище; *38–39* – Рождествено (2 группы); *40* – Выра; *41* – Межно; *42* – Старо-Сиверская; *43* – Большево; *44–45* – Ново-Сиверская (2 группы); *46* – Селивановка; *47* – Вырица; *48* – Вопша; *49* – Белогорка; *50* – Елицы; *51* – Покровка; *52* – Мельница; *53* – Кобрино; *54* – Старое Поддубье; *55* – Дивенский

Бегунцы (230), Беседа (179), Фьюнатово (172), Сумино (161), Волгово (154), Горки I (152), Везниково (131). Огромный могильник, состоящий из 764 погребальных комплексов, обнаружен у дер. Плещевицы. На окраинах возвышенности встречаются, как правило, небольшие курганные кладбища (до 50 насыпей).

По-видимому, такие различия в размерах древнерусских кладбищ не случайны. В эпоху средневековья Ижорское плато было важным сельскохозяйственным районом, плотно заселенным земледельческим населением[3]. Многие из современных деревень рассматриваемой территории упоминаются в писцовых книгах XVI в.[4] Наличие рядом с ними курганных могильников X–XI–XIV вв. свидетельствует о непрерывном обитании земледельческого населения Вотской земли в одних и тех же местностях начиная с рубежа I–II тысячелетий н. э.

Район к западу и северо-западу от возвышенности представляет собой низину, почти лишенную курганных кладбищ. Последнее обстоятельство может объясняться как характером почв, малопригодных для земледелия

[3] *С. С. Гадзяцкий.* Вотская и Ижорская земли Новгородского государства. Истор. зап., 6. М., 1940, стр. 100–103.

[4] *К. А. Неволин.* О пятинах и погостах Новгородской земли в XVI в. ЗРГО, кн. VIII. СПб., 1853, «Приложение I», стр. 30–44.

и поэтому не привлекавших к себе внимания древнерусских колонистов, так и наличием на этой территории финноязычного населения, еще не перешедшего к курганному обряду захоронения. Имеются исторические и этнографические данные, свидетельствующие об этническом и хозяйственном своеобразии рассматриваемого района. Еще в конце XVII в. земли от низовьев Луги до Ижорской возвышенности были заняты иноязычным населением: ижора жила на западной окраине возвышенности, водь занимала северо-западную оконечность плато, смешанное водско-ижорское население обитало в низовьях Луги [5]. Малоплодородность почв отразилась на экономике этого района, в которой большую роль играли рыболовство и другие подсобные промыслы.

Изучение топографии могильников позволяет проследить развитие курганного обряда, выражающееся в постепенном изменении размеров и формы погребальных сооружений. В качестве примера подобной эволюции можно привести топографическое соотношение разновременных насыпей в могильнике у дер. Плещевицы. Наиболее крупные курганы этого средневекового кладбища сконцентрированы в центральной и юго-восточной части могильника, образуя его древнейшее ядро. Это насыпи полусферической формы с диаметром основания 8—12 *м* и высотой 1—2,7 *м;* по основанию курганов прослеживается обкладка из крупного камня. К ним примыкают курганы меньшей величины, диаметром 4—6 *м* и высотой 0,6—1 *м*. Далее — к краям могильного поля — располагаются насыпи диаметром 2—3 *м* и высотой 0,4—0,6 *м*. Северная оконечность могильника занята жальничными могилами — круглыми в плане, а на самой окраине — четырехугольными.

Прослеживаемое в Плещевицком могильнике развитие погребального обряда полностью совпадает со схемой, разработанной А. А. Спицыным: постепенный переход от захоронений в насыпи или в основании кургана к погребениям в грунтовых жальничных могилах осуществлялся через курганные насыпи с неглубокими могильными ямами; каменные кольца в основании ранних курганов превращаются в поверхностную обкладку жальничных захоронений [6].

В целях изучения погребального обряда было предпринято исследование курганов и жальников Вотской земли.

Курган 56 у дер. Бегуницы представлял собой насыпь полусферической формы высотой 0,8 *м* и диаметром около 6 *м*. В основании насыпи, на слое погребенной почвы, обнаружено женское захоронение, ориентированное головой на восток. В области грудной клетки найдена бронзовая витая фибула с гранчатыми головками (рис. 2, *11*). У шейных позвонков лежала бронзовая овальная бусина с широким поясом из трех рядов рельефных «глазков» (рис. 2, *5*). В ногах погребения находился железный серп. У пояса найдена медная оковка ножен с сохранившимися остатками кожи (рис. 2, *17*). Инвентарь захоронения позволяет датировать исследованный комплекс XII—XIII вв., с большей долей вероятности — XII в. Обычай погребения умерших с орудиями труда был особенно распространен среди славяно-русского населения Водской пятины в XI—XIII вв. [7] Однако восточная ориентировка захоронения и наличие в погребальном инвентаре орнаментированных металлических ножен свидетельствуют о принадлежности данного погребения к «обрусевшей» води [8].

К более позднему типу погребальных сооружений относятся исследованные нами курганы у деревень Плещевицы, Беседа, Горки и Фьюнатово.

---

[5] *Х. А. Моора, А. Х. Моора.* Из этнической истории води и ижоры. Сб. «Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений». Таллин, 1965, стр. 72—85.

[6] *А. А. Спицын.* Курганы Гдовского уезда в раскопках В. Н. Глазова. МАР, 29, СПб., 1903, стр. 14—16.

[7] *Е. А. Рябинин.* Погребения с орудиями труда на северо-западе Новгородской земли. КСИА АН СССР, 139, 1974, стр. 23—26.

[8] *Он же.* Финно-угорские элементы в культуре Северной Руси X—XIV вв. Автореф. канд. дис. Л., 1974, стр. 8.

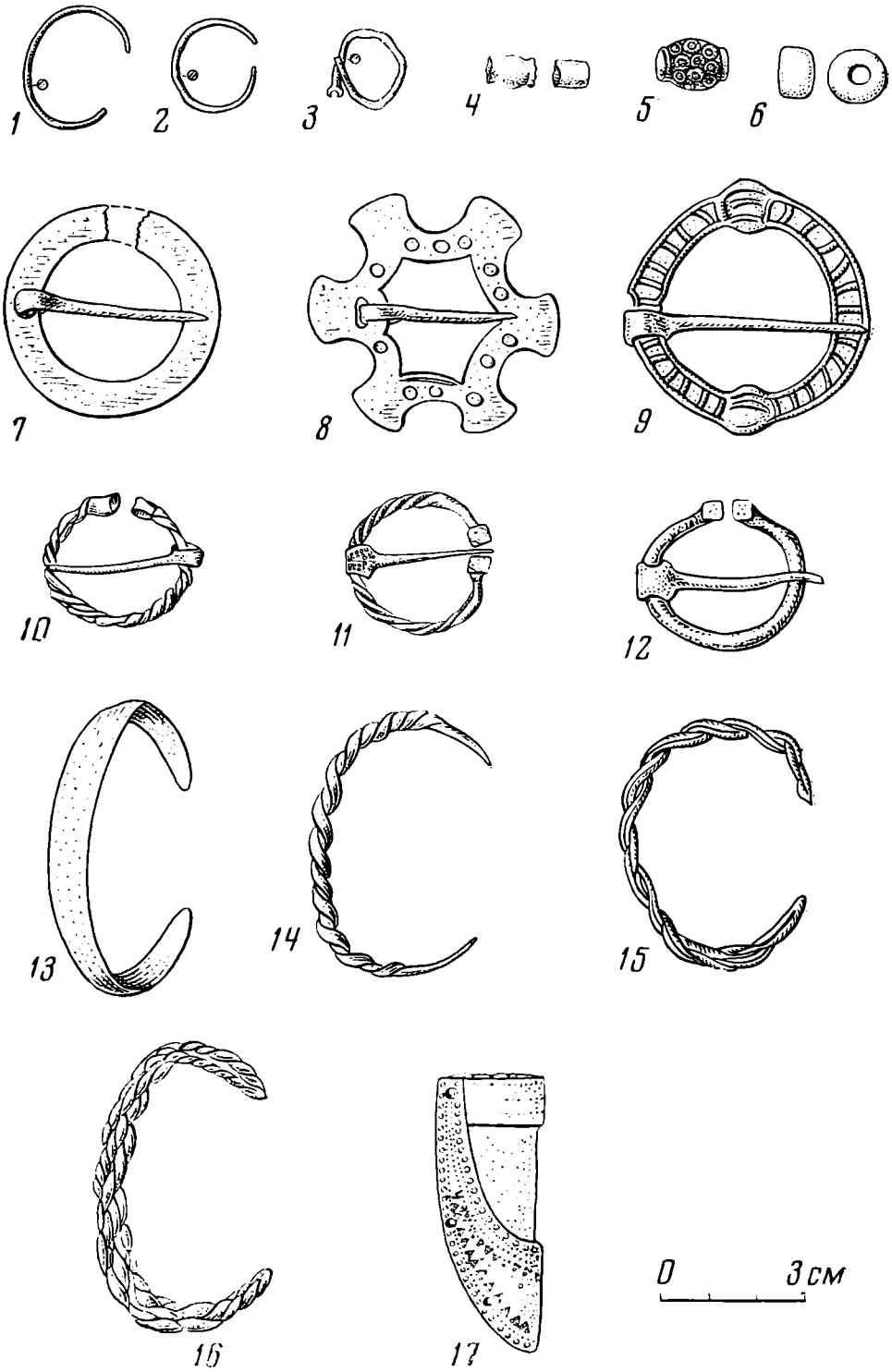


Рис. 2. Вещи из погребений Вотской земли: *1*, *2*, *7*, *13*, *14* – Плещевицы, кург. 1; *3*, *9*, *15* – Беседа, кург. 1; *4*, *10* – Плещевицы, кург. 2; *5*, *11*, *17* – Бегуницы, кург. 56; *6* – Горки, кург. 2; *8* – Фьюнатово, жальник 2; *12*, *16* – Фьюнатово, кург. 1

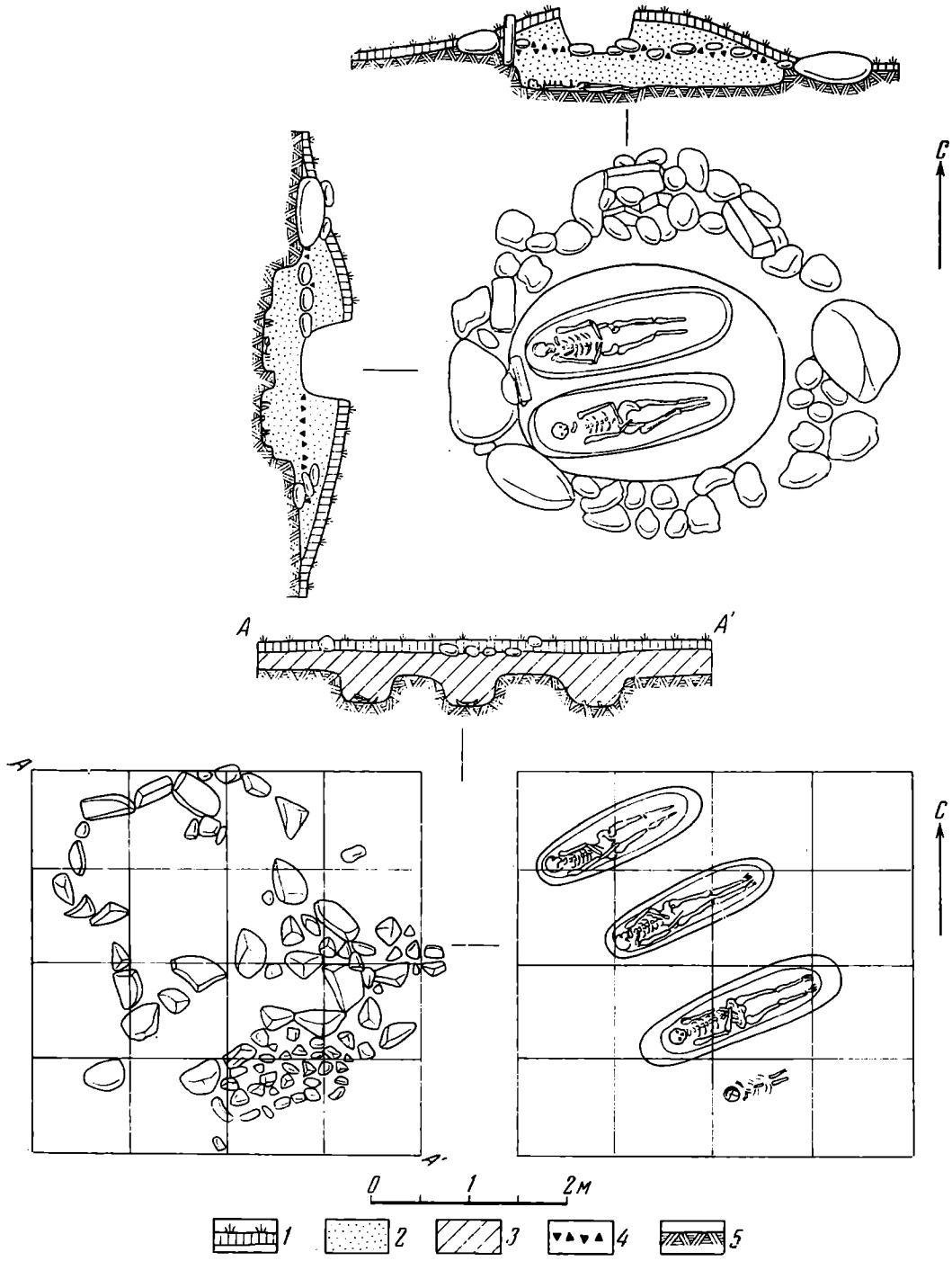


Рис. 3. Планы и разрезы погребальных сооружений Вотской земли: вверху — кург. 1 у дер. Плещевицы, внизу — жальник 2 у дер. Фьюнатово
1 — дерн; *2* — песок; *3* — суглинок; *4* — уголь; *5* — материк

Курган 1 у д. Плещевицы расположен на северо-восточной окраине могильника. Он представлял собой округлую, слегка вытянутую в меридиональном направлении насыпь, густо заросшую травой. Высота кургана 0,4 *м*, диаметр около 5 *м*. По основанию насыпи прослеживались обкладочные камни. Насыпь состояла из мешаного песка темно-желтого цвета. На глубине 0,3—0,4 *м* расчищена площадка из плитнякового и валунного камня, лежавшая на уровне древней дневной поверхности. Ее ограничи-

вало внешнее обкладочное кольцо, состоящее из крупных валунов (рис. 3). Наиболее крупные камни располагались в головах и ногах погребений. При расчистке каменной площадки встречены скопления крупного угля, фрагменты гончарной керамики и кости животных. Сами камни были покрыты углистым слоем. Под каменной кладкой выявлена яма овальной формы. На глубине 0,76—0,8 *м* в ней обнаружены два погребения, располагавшиеся в отдельных неглубоких могильных ямах. На перемычке между двумя ямами в головах погребений находился каменный крест новгородского типа. Мужской и женский костяки лежали головой на запад (с небольшим отклонением к югу). Мужское захоронение — безынвентарное. У черепа женского погребения встречена россыпь речных раковин; справа и слева от черепа находились два проволочных височных кольца (рис. 2, *1—2*). В области шейных и грудных позвонков найдено семь бус от ожерелья, в том числе хрустальные, пастовые и стеклянные бусины. У правой ключицы обнаружена бронзовая кольцевидная фибула (рис. 2, *7*). На левой руке был встречен пластинчатый браслет (рис. 2, *13*), на правой — ложновитой браслет с уплощенными концами (рис. 2, *14*). В ногах женского костяка найден бронзовый пластинчатый перстень с заходящими концами.

Погребальный комплекс 2 у дер. Плещевицы располагался в непосредственной близости от кургана 1. Он представлял собой едва различимую на поверхности насыпь с хорошо прослеживаемой кольцевой обкладкой. Высота насыпи 0,2 *м*, диаметр около 2 *м*. Данное погребальное сооружение может быть отнесено к числу жальничных могил круглой формы — непосредственных преемников невысоких курганов с могильными ямами типа Плещевицы I. После снятия дернового слоя была обнаружена каменная выкладка, аналогичная площадке в первом кургане. Однако следов кострища выявлено не было. Грунтовая могила имела в плане прямоугольную форму, вытянутую с запада на восток, со слегка закругленными краями. На глубине 0,65 *м* встречено женское погребение, ориентированное головой на запад. У шейных позвонков найдена бронзовая кольцевидная фибула из перекрученного дрота с завернутыми в спираль концами (рис. 2, *10*). На пальце левой руки находился бронзовый широкосрединный перстень с заходящими концами. В районе шейных позвонков и у правой ключицы встречены две целые и одна фрагментированная бусины (рис. 2, *4*).

Обе исследованные насыпи относятся к XIII—XIV вв. Курган 1 у дер. Плещевицы можно датировать XIII в.

Курган 1 у дер. Беседа находился в центральной части могильника. Высота насыпи 0,3 *м*, диаметр 4 *м*. Размеры и конструктивные особенности позволяют отнести данное сооружение или к поздним курганам-жальникам или к собственно жальничным могилам. По основанию насыпи прослеживается кольцевая обкладка из валунов. На глубине 0,55 *м* выявлены контуры могильной ямы размерами 1,8×2 *м*. На глубине 1,1—1,2 *м* встречено парное — мужское и женское — захоронение. Погребения ориентированы головой на северо-запад. У черепа женского погребения обнаружено серебряное проволочное кольцо среднего размера с обломанной петелькой (рис. 2, *3*). В районе шейных позвонков у правой ключицы встречена бронзовая кольцевидная фибула (рис. 2, *9*). На правой руке женского костяка найден бронзовый витой браслет из двойной проволоки (рис. 2, *15*), на левой — бронзовый пластинчатый браслет. Вещественного инвентаря у мужского погребения не обнаружено. Оба захоронения, несомненно, одновременны, и весь комплекс может быть датирован по инвентарю женского погребения XIII в.

Насыпь 3 у дер. Беседа находилась в непосредственной близости от кургана 1. Высота насыпи 0,5 *м*, диаметр 5 *м* (по линии З—В) — 6 *м* (по линии С—Ю). Следов обкладки на поверхности встречено не было. После снятия дернового слоя выяснилось, что исследуемое погребальное соору-

жение относится к жальничным, хотя и имеет свою специфику. Оно состояло из трех могильных ям, окруженных каменной обкладкой. Центральное положение занимала могильная яма размерами 1,4×1,9 *м*, содержащая двойное захоронение. К ней примыкали с запада две грунтовые могилы длиной 1,7—1,8 *м* и шириной 0,6—0,7 *м* с одиночными погребениями. Центральный комплекс не только окружен кольцом из валунов. Его обноска представляет собой кладку из трех рядов валунного камня высотой 0,4—0,5 *м*, т. е. является своеобразной каменной стеной, сооруженной вокруг могилы. В центральной могильной яме обнаружены два детских костяка, ориентированных головами на северо-запад. Одно погребение встречено на глубине 0,95 *м*, второе — на глубине 1,2 *м*. В боковых могилах открыты два взрослых захоронения, лежавшие головой на северо-запад. Одно из них встречено на глубине 1,05 *м*, второе на глубине 1,4 *м*. В центральной могиле найдены фрагменты двух гончарных и одного лепного сосудов. Керамика, сделанная на кругу, представлена сосудами с резко отогнутым венчиком и волнистой орнаментацией стенок. Лепной сосуд характеризуется слабо выраженным венчиком и наличием ребра в верхней части тулова. Находка в заполнении могильной ямы керамики относительно ранних типов весьма интересна, так как позволяет выдвинуть предположение о появлении некоторых грунтовых погребений с каменными конструкциями уже в XI—XII вв. Однако этот вопрос вряд ли может быть решен без дополнительных исследований погребальных комплексов у дер. Беседа.

На юго-восточной окраине могильника у дер. Горки 1 раскопаны одно курганное и одно жальничное погребение.

Курган 5 имеет высоту 0,5 *м*, диаметр основания 3 *м*. Окружен сплошной кольцевой обкладкой из валунов. На уровне древней дневной поверхности выявлены контуры могильной ямы четырехугольных очертаний длиной 2 *м* и шириной 0,6 *м*. На глубине 0,85 *м* обнаружено женское захоронение с западной ориентировкой. В районе шейных позвонков и грудной клетки расчищена россыпь речных раковин. Слева от черепа найден фрагмент бронзового перстнеобразного височного кольца; справа у таза обнаружен фрагмент железного ножа.

Жальничное погр. 3 находилось рядом с курганом 5. Его высота 0,2 *м*, диаметр 2,5 *м*. На поверхности отчетливо прослеживалась кольцевая обкладка из крупных валунов. В грунтовой яме на глубине 0,4 *м* открыто детское захоронение, ориентированное головой на запад, без погребального инвентаря.

Курган высотой 1 *м* и диаметром 4,5 *м* исследован в северо-восточной части могильника у дер. Фьюнатово. Часть насыпи уничтожена полевой дорогой. На глубине 0,8—1 *м* расчищена кольцевая обкладка из валунов. В центральной части основания кургана прослежена могильная яма подчетырехугольных очертаний, вытянутая с юго-запада на северо-восток. Ее длина 2 *м*, ширина 0,6 *м*, глубина 0,27—0,32 *м*. В яме находилось женское погребение, ориентированное головой на юго-запад. У левой ключицы обнаружена круглопроволочная пряжка со спиральными концами. У правой ноги был положен железный нож с сохранившимися остатками деревянной рукоятки. Данное погребение датируется XII—XIII вв.

В южной части могильника (рис. 3), после снятия дернового слоя была расчищена конструкция из камней, вытянутых с северо-запада на юго-восток и с юго-запада на северо-восток, и образующих, таким образом, систему перегородчатых могил. В южной части вскрытой площади зафиксирована сплошная вымостка из мелкого камня. Длина исследованной системы каменных конструкций (с северо-запада на юго-восток) — 4 *м*, ширина 3 *м*. Под дерном начинается слой гумусированного суглинка толщиной 20—25 *см*, сменяющийся материковой глиной. Под каменной вымосткой на материке обнаружен плохо сохранившийся костяк ребенка, без вещей, ориентированный головой на юго-запад. При зачистке матери-

ковой поверхности выявлены контуры трех могильных ям, вытянутых с юго-запада на северо-восток. Глубина ям с заполнением из гумусированного суглинка — около 0,3 *м*. В них открыты одиночные захоронения с юго-западной ориентировкой. Северное погребение — безынвентарное. У шейных позвонков среднего захоронения найдена серебряная кольцевидная фибула с шестью наружными лопастями, украшенная циркульным орнаментом (рис. 2, *8*). Ближайшими, хотя и не полными, аналогиями этой находки являются нагрудные пряжки с четырьмя выступами на кольце и лучистые неорнаментированные фибулы, известные в ленинградских древностях [9]. В. А. Мальм датировала первые из них XIII—XIV вв., вторые — XIII в.; А. А. Спицын отнес фибулы с выступами на кольце к XIV в. [10] Инвентарь соседнего женского погребения включал бронзовую подковообразную фибулу с плоскими четырехугольными головками (рис. 2, *12*), крупные пастовые бусы (рис. 2, *6*) и витой трехпроволочный браслет с петлями на концах (рис. 2, *16*). Последний датирован А. А. Спицыным XIV—XV вв. [11] Совокупность вещественных находок позволяет отнести исследованные жальничные захоронения к XIV в.

Интересной особенностью каменных конструкций жальничного поля является сочетание перегородчатых секций с плоскими каменными вымостками. Перегородчатые могилы и захоронения под вымостками, известные в Новгородской земле, связываются В. В. Седовым с памятниками финского (водского) населения [12]. В этом случае средневековое кладбище у дер. Фьюнатово включает захоронения «обрусевшей» води.

Поиски поселений, синхронных курганно-жальничным могильникам, пока не дали значительных результатов. Одно селище было обнаружено в Кингисеппском районе, в 150 *м* к северу от дер. Нешово. Поселение расположено на высокой надпойменной террасе, образованной излучиной р. Систы. Мощность культурного слоя, представляющего собой темно-коричневый суглинок с включением угля, 0,25—0,4 *м*. По керамическому материалу селище может быть отнесено к эпохе позднего средневековья.

Рассмотрение древностей Вотской земли было бы неполным без упоминания еще двух разновидностей археологических памятников, обследованных в 1971—74 гг.: скоплений каменных крестов и грунтовых захоронений XVII в. Большое скопление каменных крестов новгородских типов было обнаружено у д. Войносолово Кингисеппского района. Кресты, по-видимому, были свезены в одно место во время распашки и уничтожения средневекового могильника, располагавшегося рядом с деревней. Нами зафиксирована целая серия крестов и надмогильных плит, относящихся к новгородскому времени и представляющих важный и пока еще слабо изученный вид исторических источников. Следует отметить, что вплоть до недавнего времени это скопление средневековых крестов являлось объектом поклонения, о чем свидетельствуют многочисленные находки русских и западноевропейских монет XVIII—XIX вв.

У дер. Извозы, расположенной в нижнем течении р. Луги, обследован могильник, разрушенный карьером. По сведениям местных жителей, здесь сохранялись каменные кресты, а могилы были обложены камнями. При зачистке поверхности выявились контуры могильных ям, расположенных в тесном соседстве друг с другом. Лишь на небольшой части могильника было зафиксировано около 10 погребений. Было исследовано одно грунтовое захоронение. Костяк, лежавший головой на северо-запад, сопровождался шведской монетой 1676 г. На месте могильника найдены бронзовая

---

[9] *А. А. Спицын.* Курганы С.-Петербургской губернии, табл. X, *1*, *2*, *14*.

[10] *В. А. Мальм.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. Тр. ГИМ, 43, 1967, стр. 189, 190; *А. А. Спицын.* Курганы Гдовского уезда..., стр. 117.

[11] *А. А. Спицын.* Курганы Гдовского уезда..., стр. 115.

[12] *В. В. Седов.* Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.). СА, XVIII, 1953, стр. 224—229; *его же.* Новгородские сопки. САИ, Е1-8, М., 1970, стр. 17, 18.

четырехугольная пряжка с железной иглой, бронзовая шаровидная пуговица с пластинчатым ушком, ряд железных изделий.

В результате археологического обследования западных районов Ленинградской области был получен интересный материал эпохи русского средневековья. Разведочные работы 1971—1974 гг. дали возможность установить, что Вотская земля насыщена многочисленными и разнообразными памятниками, дальнейшее изучение которых может привести к решению многих важных и спорных проблем археологии Северо-Запада.

E. A. Riabinine

LES MONUMENTS ARCHEOLOGIQUES SUR LA TERRE DE VODE

Résumé

De 1971 à 1974, on a effectué des investigations archéologiques dans les districts ouest de la région de Léningrad (districts de Volossovo, de Kinghisepp et de Gatchina). Ces travaux ont permis de classer 3313 tertres et jalniks (fosses aux parois garnies de moellons) laissés par la population du pays Votsk au Moyen Age (fig. 1). Les plus nombreuses et importantes sépultures ont été découvertes sur les collines d'Ijora, qui faisaient partie des terres cultivées de l'ancienne Russie. La topographie des sépultures permet de suivre l'évolution des rites funéraires illustrés par le remplacement progressif des tertres par des tombes-jalniks creusées dans le sol.

Sept tertres ont été fouillés, ainsi que deux jalniks et une inhumation en pleine terre, datant du XIIe au XVIIe s., qui ont fourni plusieurs objets intéressants de différentes époques (fig. 2—3). On a étudié une localité de la fin du Moyen Age, située près du village de Neppovo sur la rivière Sista, et un groupe de croix de Novgorod, trouvées près du village de Voïnosolovo. Les fouilles ont montré que la terre de Vode était riche en monuments funéraires datant du Moyen Age russe, dont l'étude peut permettre de résoudre bien des problèmes intéressants, encore en suspens, concernant l'archéologie du Nord — Ouest de la Russie.

И. И. ВЛАСОВ

ЖИВОПИСЬ 1233 Г. В ДИАКОННИКЕ РОЖДЕСТВЕНСКОГО СОБОРА СУЗДАЛЯ И ЕЕ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Собор Рождества Богородицы, построенный в 1225 г., в 1233 г. расписали фресковой живописью[1]. В 1938 г. А. Д. Варгановым были открыты некоторые фрагменты росписей 1233 г.[2] Об этих фресках упоминают В. Н. Лазарев[3], Н. Н. Воронин[4], Г. К. Вагнер[5], М. К. Каргер[6].

Летом 1967 г. реставраторами Владимирской реставрационной мастерской фрески XIII в. в диаконнике собора были окончательно раскрыты. Живопись этого периода сохранилась также в юго-западном аркосолии, на нижней части юго-западного пилона, на северо-восточном пилоне за иконостасом, на северо-восточном пилястре и на торцовой части стены, стыке алтаря и диаконника.

За свою многовековую историю собор претерпел многократные разорения, пожары и перестройки. Самые значительные изменения в изначальной архитектуре и живописи собора произошли в результате его перестройки в 1530 г. епископом Геннадием. Стены собора XIII в. были разобраны до аркатурного пояса и надстроены из кирпича. Вместо трех глав сделали пять. Изначальная живопись сохранилась только на нижних частях стен собора.

После пожара в 1719 г. в южной апсиде сделали межэтажное коробовое перекрытие, а от остальной части собора ее отделили стеной. До этой перестройки внутреннее пространство диаконника было оформлено двумя широкими пилястрами, переходящими на своде в арку.

На пилястрах в диаконнике было изображено по две фигуры в рост. На фрагменте фрески на северном пилястре видны пальцы ног и нижний край власяницы (рис. 1). Контуры пальцев и пряди власяницы уверенно прочерчены глубокой графьей. Так же прографлены обнаженные ноги верхней фигуры на южном пилястре. Изображения выполнены на голубом фоне и заключены в орнаментальное аркатурно-колончатое обрамление.

От нижней фигуры на северном пилястре сохранилось изображение головы с нимбом и часть орнаментальной арки (рис. 1). По колориту и технике исполнения фреска на южном пилястре во многом сходна с изображенем старца на северном пилястре. Старец на южном пилястре изо-

---

[1] « В лето 6741. Написана бысть церкы Святая Богородица в Суждали, и измощена моромором красным разноличным». ПСРЛ, т. I, 2. Л., 1927, стр. 459, 460.

[2] *А. Д. Варганов.* Фрески XI–XIII вв. в Суздальском соборе, КСИИМК, 15, 1940, стр. 39.

[3] *В. Н. Лазарев.* Живопись Владимиро-Суздальской Руси. История русского искусства. I, М., 1953, стр. 460; *его же.* Древнерусские мозаики и фрески XI–XV вв. М., 1973, стр. 38.

[4] *В. Н. Воронин.* Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польский. М., 1967, стр. 170.

[5] *Г. К. Вагнер.* Декоративная система «золотых дверей» Суздальского собора и вопрос об их датировке. СА, 1973, *1*, стр. 108.

[6] *М. К. Каргер.* История культуры древней Руси. I, II, М.– Л., 1951, стр. 391, 392

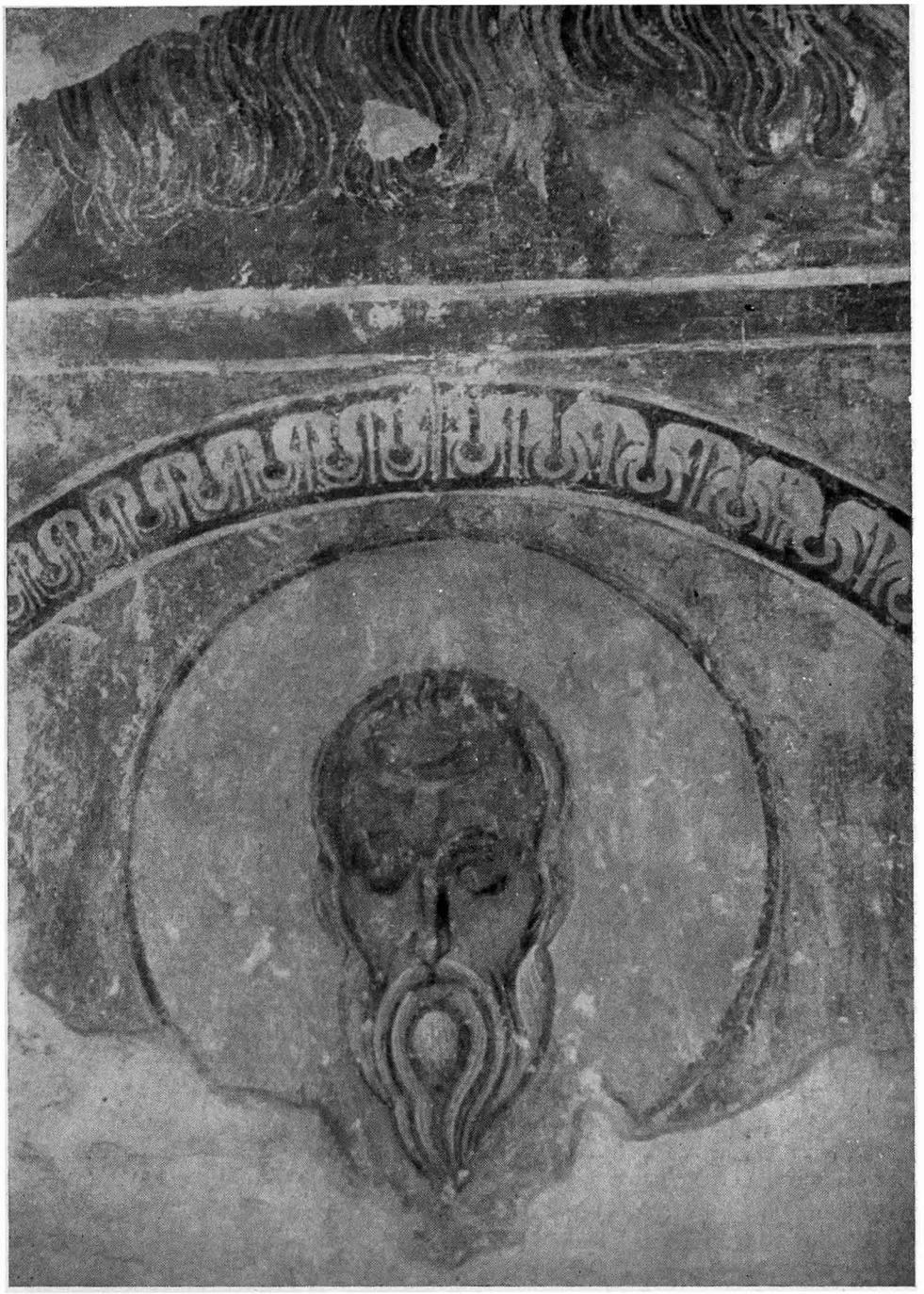


Рис. 1. Фреска 1233 г. на северном пилястре диаконника

бражен фронтально в красновато-коричневом плаще со свитком в левой руке.

На южной и северной стенах диаконника сохранились впервые открытые и исследованные А. Д. Варгановым наиболее значительные фрагменты орнаментальных росписей 1233 г. Орнаменты расположены вертикальными полосами на верхней части стен (рис. 2) и сплошным ковром на нижней. Левая полоса орнамента южной стены состоит из желтых шестилепестковых розеток на темно-малиновом фоне.

Ширина полосы 50 *см*. Орнамент обозначен графьей по сырой штукатурке с помощью циркуля. Красочные слои нанесены на штукатурку без подготовки. Средняя полоса орнамента шириной 17 *см* — темно-малиновые

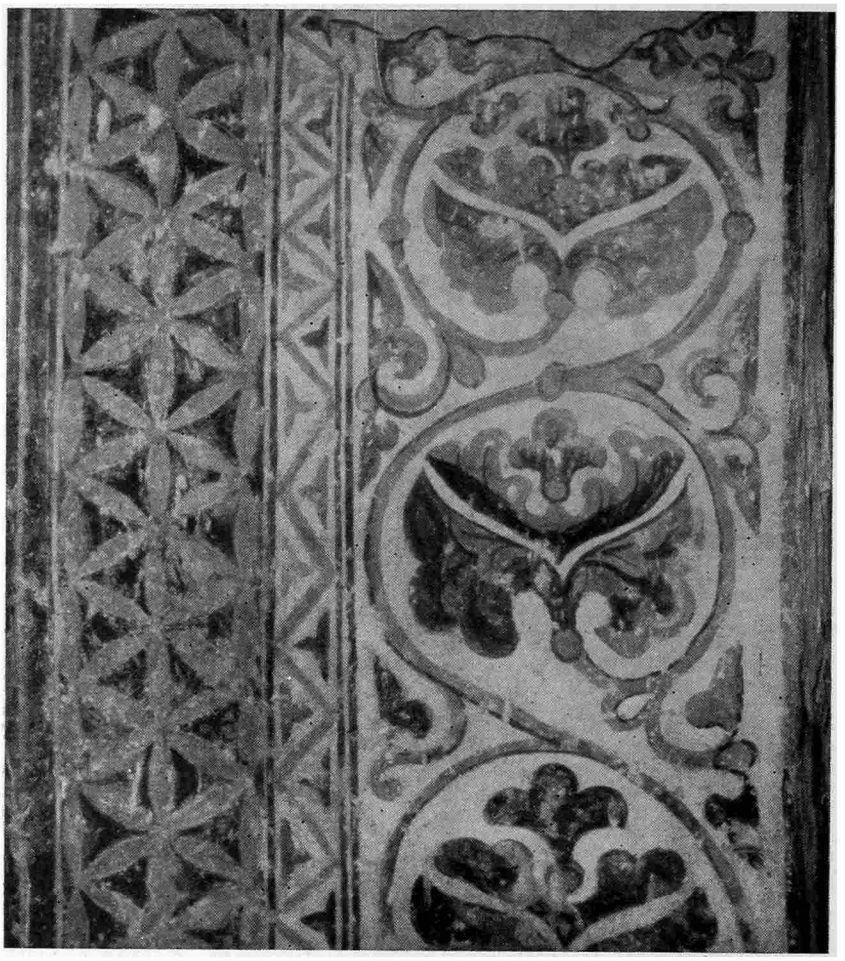


Рис. 2. Фрагмент фрески 1233 г. на южной стороне диаконника

и голубые трилистники на белом фоне. Графьи нет. Простота орнамента дала возможность художнику выполнить его широкой кистью без предварительной разметки. Третья полоса (85 *см*) — это вьющийся желтый стебель с листьями в завитках. Разметка орнамента выполнена желтой охрой. Графьи нет. Темно-малиновые, темно-зеленые и желтые цвета взяты в полную силу и нанесены на штукатурку без подготовки. Такой же орнамент выполнен на своде и стене юго-западного аркосолия. Небольшой фрагмент такого орнамента обнаружен на южной стене правее пилястра в диаконнике. Подобные орнаменты мы встречаем на валиках южных «золотых дверей» Рождественского собора, в рельефах Георгиевского собора Юрьева-Польского. Темно-малиновым цветом выполнены росписи на откосе окна и нижних частях стен диаконника. Голубой цвет применен в росписи фона на северо-восточном пилоне за иконостасом.

В 1967 г. реставраторами Владимирской научно-реставрационной мастерской был раскрыт фрагмент композиции 1233 г. на южной стене диаконника, западнее пилястра. Сохранилась левая половина композиции, где представлены две лежащие на постелях фигуры. Вверху изображен кувшинчик, а справа от него волнистый занавес (рис. 3). Изображена композиция исцеления, иконографический тип которой неизвестен. Евангельские сцены с исцелениями известны по многим памятникам, начиная с живописи катакомб [7].

[7] *Ф. И. Шмидт.* Кахрие-джами. «Известия русского археологического института в Константинополе», XI, София, 1906, стр. 174; *Н. П. Кондаков.* Памятник христианского искусства на Афоне. СПб., 1902, стр. 291.

Рис. 3. Фрагмент фрески, изображающей исцеление больных на южной стене

Рис. 4. «Исцеление больных» — рисунок южных «золотых дверей» XIII в. Рождественского собора Суздаля

Рис. 5. Схема реконструкции живописи 1233 г. в диаконнике Рождественского собора Суздаля

Сцена с исцелением больных изображена на одном из клейм южных «золотых дверей» Рождественского собора в Суздале (рис. 4). В симметричной композиции изображены больные, лежащие на постелях. Один представлен в купели, воду в которой возмущает архангел. Надпись гласит: «Архангел господень Михаил възмущаетъ купель да и целить болящая». Исцеление больных, изображенное на фреске 1233 г., отличается от этих композиций. При восстановлении ширины картины по размерам арки в картине не останется места для купели и архангела.

В процессе реставрационных работ 1967 г. на северной стене диаконника, западнее пилястра, на уровне современного пола и ниже его мной были раскрыты фрагменты орнаментальных украшений «завес» (рис. 5).

Схема реконструкции живописи 1233 г. в диаконнике Рождественского собора 1225 г. выполнена в развертке. Линиями и сплошной тушовкой обозначены на схеме фрагменты сохранившихся фресок 1233 г. Исходной точкой реконструкции явились сохранившиеся фрагменты фресок 1233 г. Вспомогательными материалами послужили фрески XVII в. в диаконнике, фреска 1189 г. «св. Авраамий» в Успенском соборе во Владимире, росписи южных дверей XIII в. Рождественского собора и миниатюры Университетского евангелия 1220 г., Лаврского кондакаря XIII в. из Государственной библиотеки им. В. И. Ленина и Толкового Апостола из Государственного Исторического музея.

Верх орнаментальных полос росписи заканчивался на уровне пят свода, а нижняя часть доходила до «завес». Фигуры на пилястрах реконструированы на основе сохранившихся фрагментов фресок 1233 г. Высота фигур равнялась 220—230 *см*. В росписях диаконника каждая группа орнаментов, расположенная на стене в ином направлении, ограничена со всех сторон широкой полосой разгранки.

В нижней части орнаментальных росписей, около «завес», следов разгранки не обнаружено[8]. Основываясь на сохранившейся росписи 1233 г. на торцовой части стены, образованной диаконником и алтарем, можно предположить, что орнаментальные росписи диаконника также отделялись от «завес» только широкой разгранкой.

I. I. Vlassov

DES FRESQUES DE 1233 DANS LE DIACONIQUE DE LA CATHEDRALE DE LA NATIVITE DE LA VIERGE A SOUZDAL, ET LEUR RESTITUTION

Résumé

En 1938, dans la cathédrale de la Nativité de la Vierge, à Souzdal, ont été découvertes des fresques datant de 1233. La plus grande partie des peintures s'est conservée sur les pilastres (fig. 1) et les murs du diaconique. Dans les peintures des murs prédomine un motif décoratif (fig. 2). La scène de la guérison des malades est très curieuse (fig. 3). On peut voir une scène semblable sur les «portes d'or» sud de la cathédrale, datant du XIIIe s. (fig. 4). A partir des fragments qui subsistent de ces fresques de 1233, l'auteur a pu rétablir les peintures du diaconique (fig. 5).

---

[8] В. Н. Лазарев предположил в реконструкции живописи 1233 г. существование разгранки, отделяющей орнаменты от «завес», и предложил автору статьи еще раз исследовать подольные части стен. Следов разгранки в диаконнике обнаружить не удалось, так как штукатурка в местах стыка орнаментальных росписей и «завес» почти везде оказалась сбитой. Существование этой разгранки подтверждается аналогиями.

Приношу глубокую благодарность В. Н. Лазареву за консультации, данные автору.

Б. И. МАРШАК

МАТЕРИАЛЫ ПО СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ТОРЕВТИКЕ

С каждым годом в поле зрения исследователей попадают все новые и новые памятники восточной торевтики. В своей книге о согдийском серебре [1] я предложил методику определения памятников такого рода и свел в типологическую таблицу известные мне сосуды. Здесь я пытаюсь, используя методические правила, изложенные в книге, дать определение ранее не входивших в таблицу вещей. Читатель этой статьи должен использовать книгу, поскольку в журнале невозможно воспроизвести обширную типологическую таблицу. (Номера вещей на таблице даются с буквой Т, например: Т10, Т40 и т. д.).

После выхода книги началась самая жестокая проверка типологии — проверка новым материалом. Если методика неправильна, а типология неверна, то, как хорошо знают археологи, новые находки разрушают все построения. Между тем сейчас таблицу можно пополнить более чем на четверть, доведя число сосудов от 50 (на таблице с аналогиями — 53 предмета) до 67. Речь идет прежде всего о двух кладах: Афанасьевском [2], хранящемся в Горьковском музее, и Кудымкарском 1934 г., хранящемся в Эрмитаже [3]. Кроме того, оказалось возможным включить в сводку чашу из Монголии, хранящуюся в Исламском отделении берлинских музеев [4], чашу из Архиерейской заимки в Томске [5], фрагмент чаши неизвестного происхождения, переданный мне на определение Д. В. Наумовым, и блюдце из жертвенного места на реке Море-Ю в Коми АССР, с рисунком которого меня любезно ознакомил А. А. Каприелов [6].

Уже по общему сходству, до детального рассмотрения можно сказать, что чарка Кудымкарского клада (инв. № S 301, диам. 9,3 *см*, рис. 1) близка к Т40, ложчатая кружка того же клада (инв. № S 302, диам. 9 *см*, рис. 2) — к Т46, 47, тогда как найденный вместе с ними «светильник» (инв. № S 254, диам. 8,2 *см*, рис. 3, 4) близок к Т48. Труднее определить кружку-кувшин тоже из Кудымкыра (инв. № S 300, выс. 12 *см*, рис. 5). Общая форма напоминает Т20, но техника явно другая.

На том же первом этапе классифицирования можно приблизительно распределить и остальные вещи. В частности, сосуды Афанасьевского клада распределяются так: ведерко [7] — близ Т35, чаша с двумя головами слонов на ручке [8] — близ Т25 с похожей ручкой, чарка [9] — около Т44, округ-

[1] *Б. И. Маршак.* Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., 1971.
[2] *В. П. Даркевич, В. Ф. Черников.* Новое в изучении среднеазиатской торевтики (Афанасьевский клад). КСИА АН СССР, 128, М., 1971.
[3] Издана только одна кружка (*V. Lukonin.* Persia II. Geneva, 1967, fig. 162).
[4] *J. H. Schmidt.* Sasanian silverwork.– II. Apollo, vol, XV, March, 1923, p. 126, fig. XII. (Инв. № J5557, диам. 12, 7 *см*, рис. 7.)
[5] *А. А. Спицын.* Материалы по доисторической археологии России. ЗРАО т. XI, вып. 1–2, 1899, табл. IV, *15*.
[6] О месте находки см. *В. И. Канивец.* Древнее святилище в Большеземельной тундре. Тезисы финно-угорской конференции, 1970 г.
[7] *В. П. Даркевич, В. Ф. Черников.* Ук. соч., рис. 44.
[8] Там же, рис. 46, 47.
[9] Там же, рис. 49.

Рис. 1. Кудымкарская чарка. *1* – общий вид, *2* – деталь

лодонная чаша [10] по гравированному орнаманту из пальметт — около Т44, чаша с розеткой на дне [11] — около Т38 тоже со сложной розеткой. Наконец, кружки-кувшины [12] — там же, где кудымкарская кружка-кувшин. Чаши Д. В. Наумова (диам. 15 *см*, рис. 6) и из Архиерейской заимки по форме ложатся около чаши с гравировкой из Афанасьевского клада, а по неглубокому сплошному рифлению — близ Т25, 26. Блюдце из Коми АССР имеет розетку, похожую на розетку Т36. Наконец, берлинская чаша близка к Т16.

Теперь переходим к выявлению других связей и оценке их сравнительной значимости, чтобы установить, по какую сторону должны стоять но-

[10] Там же, рис. 50, *1*.
[11] Там же, рис. 50, *2*.
[12] Там же, рис. 51, *1*, *2*.

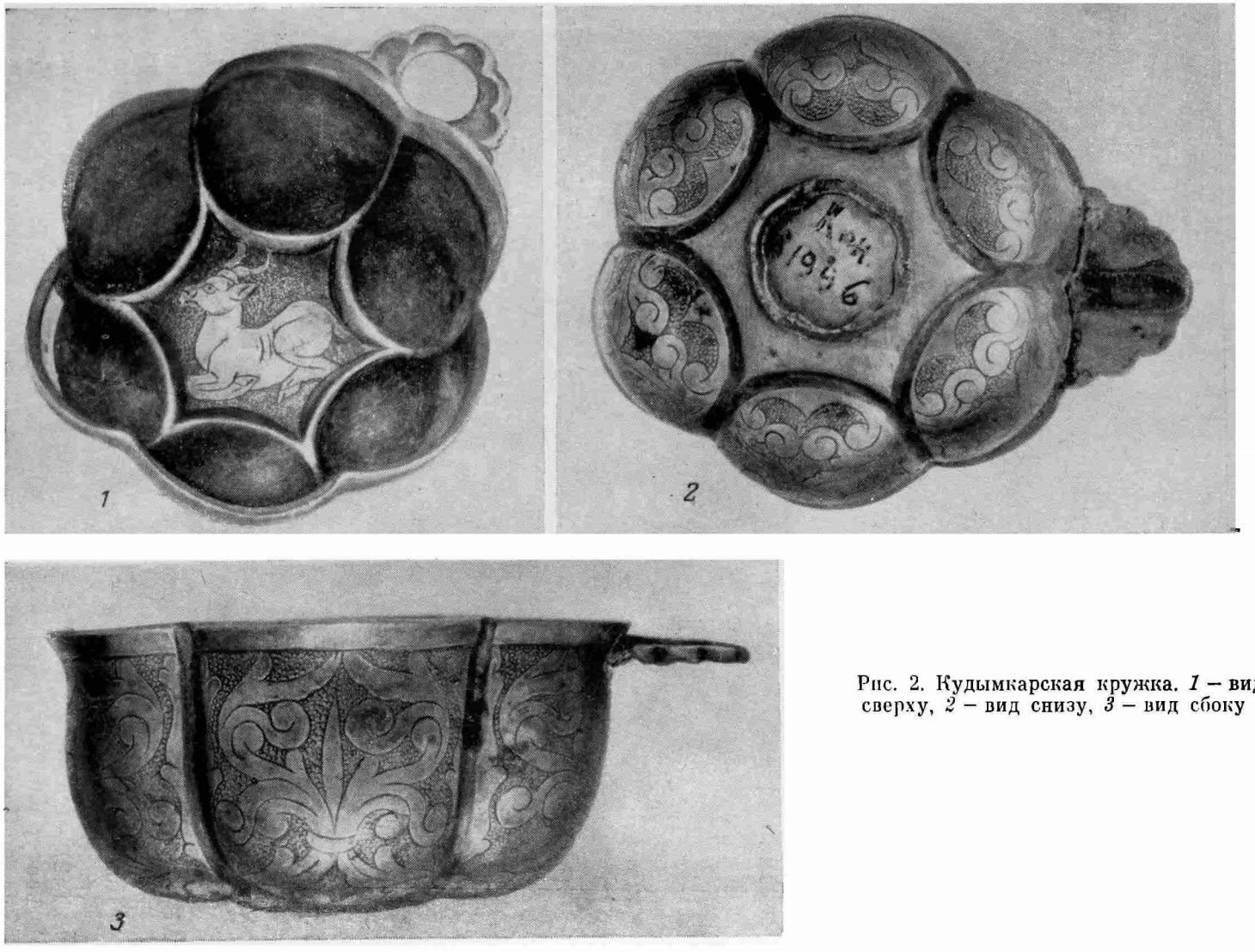
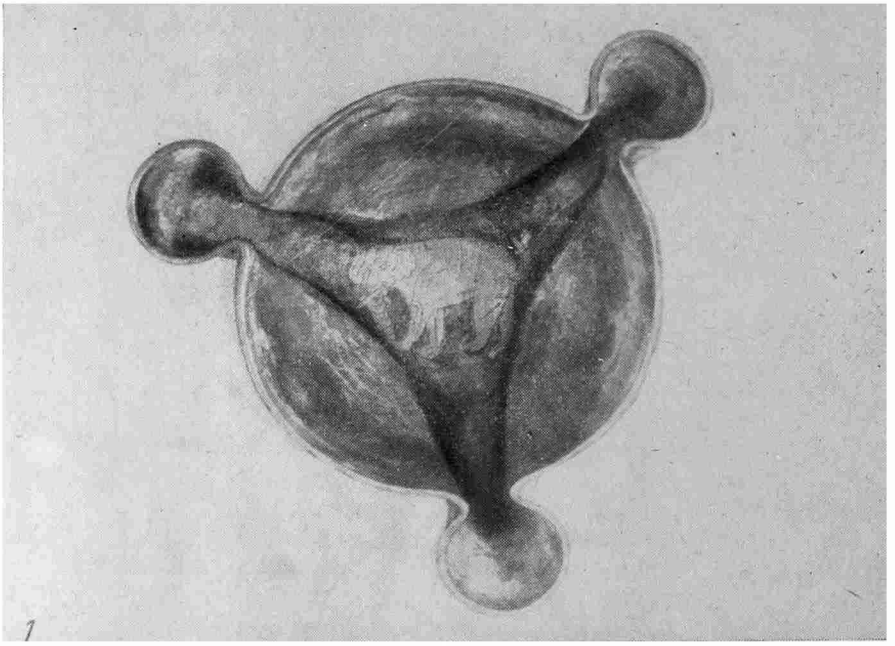


Рис. 2. Кудымкарская кружка. *1* – вид сверху, *2* – вид снизу, *3* – вид сбоку



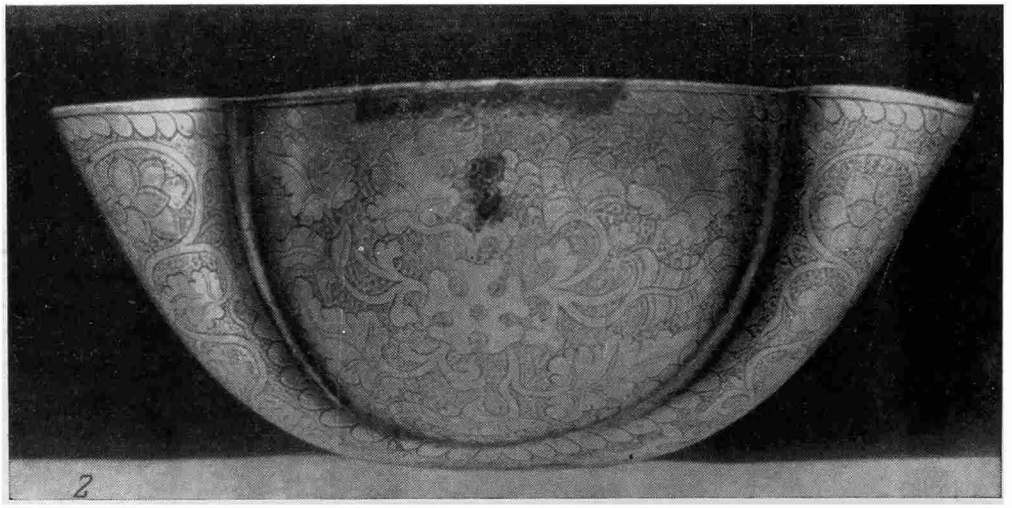


Рис. 3. Кудымкарский «светильник». *1* – вид сверху, *2* – вид сбоку

вые вещи от похожих вещей таблицы и насколько они должны быть сдвинуты в эту сторону. Кудымкарская чарка по точкам на концах линий сближается с единственным сосудом, близким к школе С—Т42. Все направления связей, определившие место Т42 на таблице (и, конечно, на рис. 2 в «Согдийском серебре»), прослеживаются и у кудымкарской чарки. Пояски с насечками сближают оба сосуда с Т25, 26, разные признаки (расположение декора и форма у чарки, контур щитка ручки у кружки Т42) — с Т40, такие разные признаки, как приостренный фестончатый контур щитка в сочетании с рельефным изображением у Т42 и рельефная фигурка льва на щитке чарки, — с Т34. Два пояса насечек и неокаймленный щиток — типологически более ранние признаки, которые не встречаются на поздних этапах, заставляют поместить кудымкарскую чарку немного ниже, чем Т42.

Узор в виде поворачивающейся то одной, то другой стороной ленты из длинного листа — отдаленный типологический «родственник» орнамента бордюра ковра в сцене пира на Т31. Маленький лист, образующий округ-

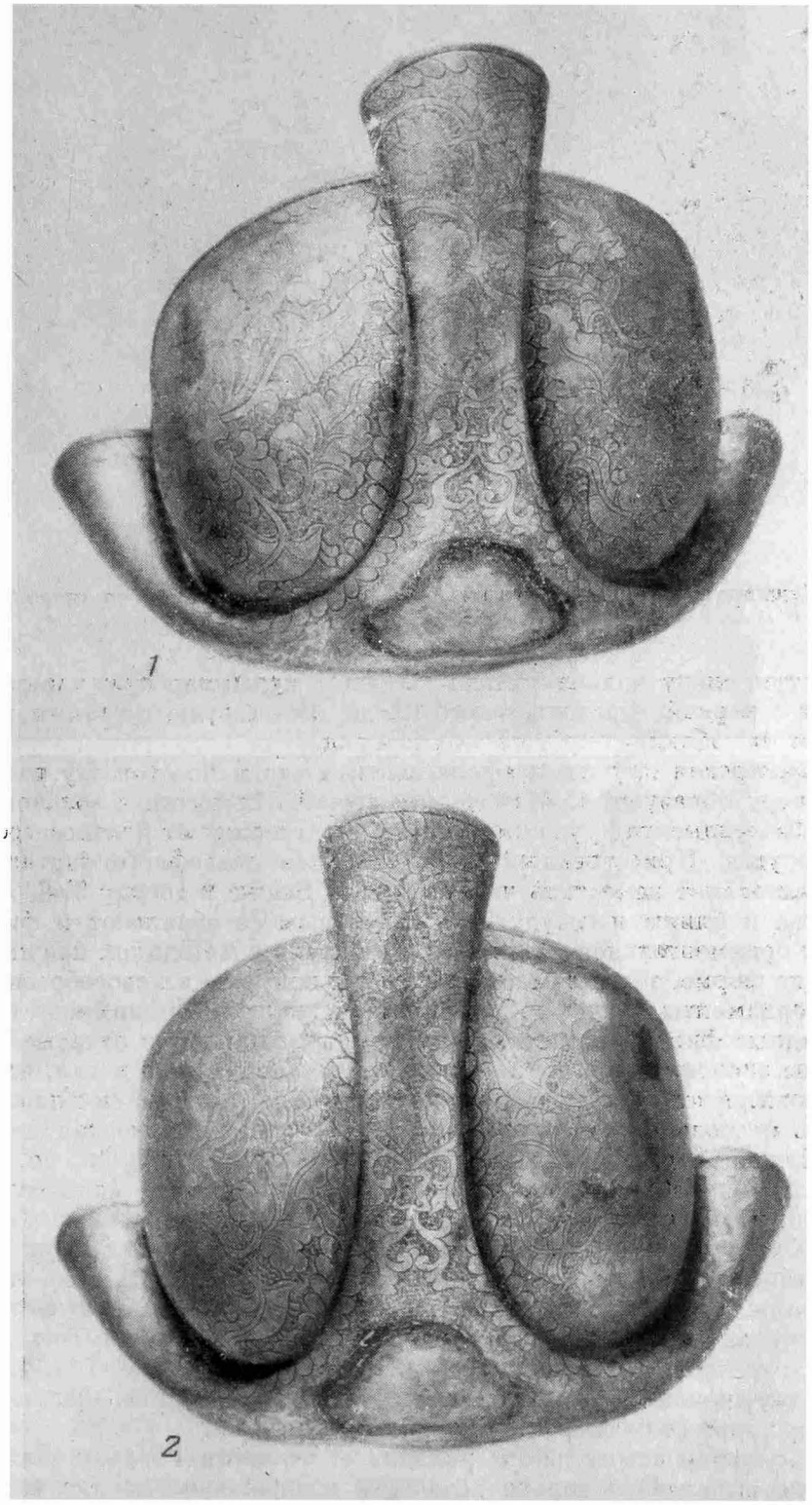


Рис. 4. Кудымкарский «светильник». *1, 2* **– детали декора**

Рис. 5. Кудымкарская кружка-кувшин. *1* – общий вид, *2* – вид со стороны ручки

лый выступ внизу кольца ручки, сближает кудымкарскую чарку с Т12, 25, 45 и с чаркой Афанасьевского клада. Все сосуды с такими ручками занимают на таблице непрерывающийся ряд.

Кудымкарская кружка и афанасьевская чарка по схожему растительному декору образуют особую группу вещей. Их ручки с золоченым, но лишенным орнамента кружком на щитке подтверждают близкое «родство» обоих сосудов. Приостренный и лишившийся рельефного бортика край щитка заставляет поместить чарку выше и ближе к сосуду Т46, а кружку — ниже и ближе к сосуду Т44, с которым ее сближают и фигурные бордюры орнаментального поля. В соответствии с методикой предпочтение оказано не форме, а деталям декора. Узоры при всем их своеобразии напоминают орнаменты сосуда Т42 («линзы» между расходящимися стеблями, сердцевидные фигуры из перевязанных полупальметт) и отчасти Т45, 47.

Особое значение этой группы в школе С заключается в том, что через нее становится отчетливее связь школ В и С, которая до сих пор прослеживалась несколько слабее, чем этого требовала историческая интерпретация. Лежащий джейран, выгравированный на дне кружки, по пропорциям и позе (особенно по прижатым к телу передним копытам) схож с рельефными козлами на кружке Т20, тогда как мотив джейрана находит аналогию только в Т10, а расположение животного в звездчатом, образованном ложка́ми медальоне заставляет вспомнить Т16 и особенно Т21, 40-а. Концы трехчастных пальметт чарки с одинаковыми округлыми крайними завитками нехарактерны для школ А и С, но они есть на Т19, 37 и среди разнообразных пальметт более позднего блюда Т43, в декоре которого встретились разные традиции. Этот привнесенный признак отличает декор чарки от более раннего орнамента кружки.

Кудымка́рский «светильник» находит место левее Т48, так как на нем появляется выделенное только позолотой изображение на дне и подтреугольные листья, как у Т46, а с другой стороны — шестилепестковые цветы, как на Т43, тогда как пальметты похожи и на детали Т42, 43. Этим отнюдь не исчерпываются признаки Т42, 43, 46, 47, 48 и 52, которые легко обнаруживаются в декоре кудымкарского «светильника». Все они закрепляют его место на таблице между Т48, Т46 и Т43.

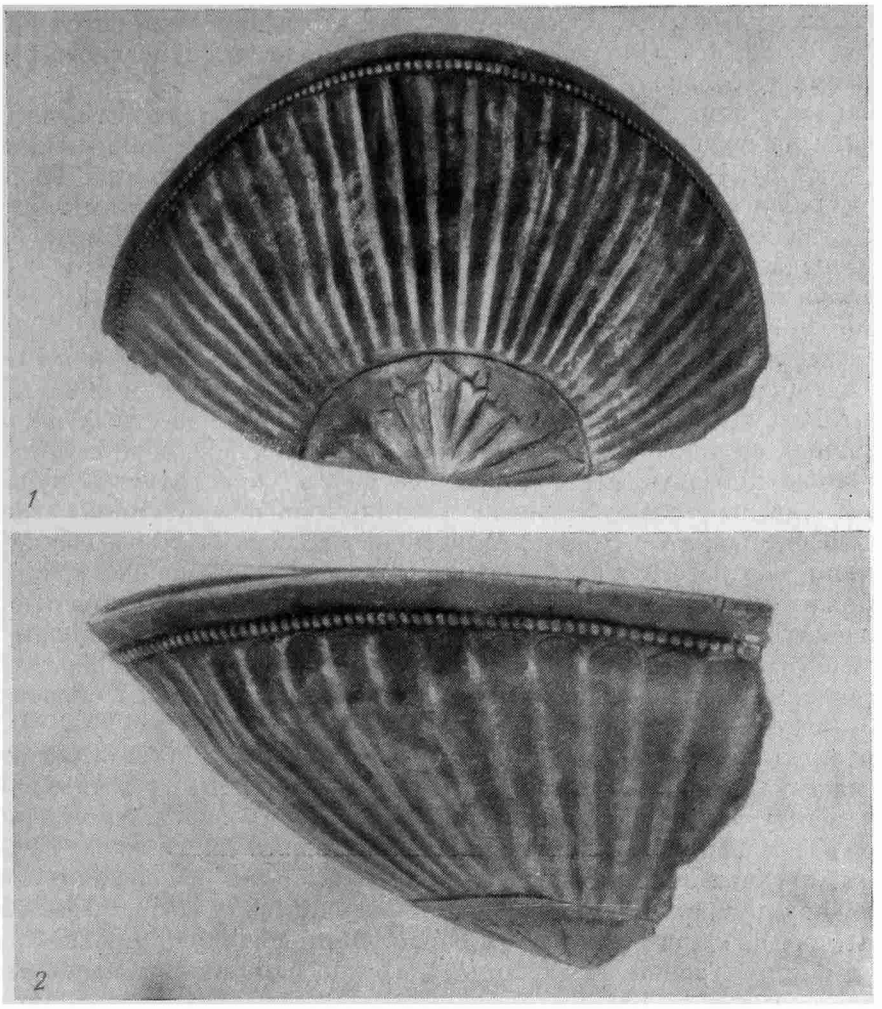


Рис. 6. Фрагмент каннелированной чаши. *1* – вид снизу, *2* – вид сбоку

Важно, что здесь объединены признаки разных вариантов школы С, которая ранее казалась недостаточно цельной. Надо отметить, что изображение слона на дне дает еще одно подтверждение связи ранних и поздних этапов школы С, на этот раз на уровне сюжета (ср. головы слонов на Т25).

Ведерко Афанасьевского клада, как и аналогичное ему Т35, тесно связано со школой В (с Т20 — по розетке дна, с Т39, 40-а — по фигуркам птиц). Отсутствие характерных для верха таблицы лепестковых бордюров и сходство розеток ведерка и Т20 позволяют считать его типологически более ранним, чем Т35, и поэтому помещать на таблице немного ниже. Каких-либо новых направлений связей здесь не выявляется.

Ведерко, как и упоминавшиеся ручки чарок, позволяет напомнить о еще одном способе проверки таблицы. Если типология верна, то на отдельных участках таблицы соседствуют «родственные» вещи. Поэтому могут быть найдены признаки, которые не были учтены при построении таблицы, но характерны для ее компактных зон. Так, прямоугольные рамки орнаментальных полей ведерок едва ли случайно соседствуют на таблице с квадратным устьем светильника Т34 и прямоугольным ковром Т31. Вообще же прямоугольные очертания весьма редки на произведениях торевтики. С другой стороны, птицу на афанасьевском ведерке можно сопоставить с изображениями птиц на сосудах, занимающих правый верхний угол таблицы.

Блюдце из Коми АССР интересно тем, что в нем сочетаются признаки Т35, 36, 37, 38, а это подтверждает справедливость совместного размещения предметов на значительном участке таблицы [13].

Фрагмент чаш, любезно предоставленный Д. В. Наумовым, как и схожая чаша из Архиерейской заимки, оказывается более важным для типологии (рис. 6). По каннелюрам и пояску перлов он похож на Т25, 26. По мотиву стебля с трехчастным концом и по самим очертаниям таких стеблей, составляющих довольно неловко скомпонованную розетку на дне, чаша попадает на незаполненное место таблицы между Т25 и Т47. При этом вновь подтверждается связь Т19 со школой С по мотивам таких же стеблей.

Другие новые сосуды, находя себе по общему сходству и по мотивам место в таблице, в то же время по приемам исполнения и по деталям должны быть выделены как представители ранее неизвестных школ, хотя и связанных со школами А, В и С, но в значительной мере самостоятельных. Чтобы показать место таких сосудов в «пространстве культуры», недостаточно не только плоской таблицы, но и «объемной» схемы на стр. 35 «Согдийского серебра», так как необходимо было бы ввести новые измерения, соответствующие новым школам, а многомерное пространство невозможно представить в легко обозримом виде. Однако по мотивам мы можем найти на таблице зоны, наиболее близкие к новым школам на тех этапах, когда были изготовлены изучаемые сосуды. Характерно, что и это сопоставление приводит к небольшим участкам таблицы, подтверждая обоснованность ее составления.

Три кружки-кувшина по двойному бордюру из валиков с редкими косыми насечками и по приклепанным на трех шпеньках деталям близки к Т37; между валиками здесь не поздний заимствованный ряд лепестков, как на Т37, а выпуклые полушария, характерные для школы В. С более ранними этапами школы В кружки сближаются и сердцевидной формой щитков под ручками (ср. Т15) и отгибающимся к дну профилем низа тулова (ср. Т11) при простом, без обрамления венчике (ср. Т11, 12). Глубокие и широкие каннелюры лишь отдаленно напоминают мелкие и узкие ложбинки сосудов школы С.

Так же точно к родственным между собой сосудам ведут связи чаши с ручкой из Афанасьевского клада. Кольцо ее ручки такое, как у Т12, Т44, афанасьевской и кудымкарской чарок, тогда как щиток ручки соединяет черты Т25, 26 и Т28, 42 (слоны и «силены»). Лежащие, повернув голову назад, звери заставляют вспомнить ручку кудымкарской чарки, а то, что среди них есть олени и джейраны, — школу В и кудымкарскую кружку. Полоса перлов под венчиком соответствует аналогичной детали Т25 и кудымкарской чарки. Общая схема соединения чередующихся больших и малых пальметт проще, чем на сосудах таблицы с этим мотивом (ср. Т28, 44, 45, кудымкарскую кружку). Трехчастные окончания пальметт при этом приближаются к пальметтам афанасьевской чарки. Рельефная голова в медальоне дна своеобразна. Ограничение рельефа волнистой линией по нижнему краю шеи — это античный прием, он заставляет вспомнить медальон Т12, хотя и не имеющий этого признака, но тоже восходящий к античному образцу. Рельефная разделка наружной стороны низкой чаши напоминает фрагмент чаши школы С. В таблице чаша с ручкой связана с Т12, 25, 26, 28, 42, кудымкарскими чаркой и кружкой, афанасьевской чаркой. Место чаши между Т25 и Т42 хорошо согласуется со всеми направлениями связей, но техника нанесения декора (по В. П. Даркевичу и В. Ф. Черникову — литье) резко выделяет этот сосуд из круга аналогий. Манера передачи деталей также не находит прямого соответствия на каких-либо ранее известных вещах.

[13] Еще одно недавно изданное блюдо этой группы (*В. Ю. Лещенко, В. А. Оборин.* Новые находки восточного серебра в Прикамье. СА, 1966, 3, стр. 241—243, рис. 1) во всем подобно ранее известному сосуду (см. *И. А. Орбели, К. В. Тревер.* Сасанидский металл. М.— Л., 1935, табл. 34).

Афанасьевская чаша в форме сферического сегмента, которая предварительно была помещена близ Т44, по технике (гравировка и канфарение фона) и по форме (близкой к каннелированным чашам) примыкает к школе С. Восьмилучевая розетка дна заставляет вспомнить о школе В. Наиболее характерно для декора чаши упрощение рисунка пальметт и стеблей с трехчастными завершениями. О том, что это не более ранний простой вариант, а именно огрубление, связанное с копированием рисунка мастером другой традиции, свидетельствуют перевязи у основания пальметт. Их исходная форма — прямая или изогнутая лента, однако нередко перевязи трактовали и как чашечку с фестончатым краем на месте сочленения колен стебля растений (Т42, 44). На афанасьевской чаше фестоны сохранены, но перевязь перестала обходить вокруг стеблей и сделалась выпрямленной полоской чисто декоративными дужками. Потеряв первоначальное значение, полоска с фестонами превратилась в элемент узора, не играющий изобразительной роли. Поэтому почти такая же полоска соединяет концы разделенных просветом лопастей потерявших свою динамику больших пальметт. Типологически чаша более ранняя, чем Т42, 44. Она связана со школой С и в какой-то мере со школой В, но неизобразительный и статичный растительный узор с обилием простых коротких дужек по общему характеру своей выразительности не находит аналогий, заставляя относить и эту чашу к какой-то до сих пор неизвестной традиции. Впрочем, во всех школах, представленных на таблице, статичность нарастает на поздних этапах.

Чаша из Монголии (рис. 7) свидетельствует о таком же использовании чужих форм и мотивов. По форме она близка сосудам Т1 и Т16. Возможно, приподнятость площадки среднего медальона связана с такой же особенностью сосуда Т3. Однако трактовка почти гротескного зверя не находит аналогий на таблице.

Наконец, чаша с розеткой из Афанасьевского клада по сложной розетке и по уплощенным ложкам примыкает к школе В на ее поздних этапах. Почти вертикальный борт чаши тоже находит аналогию на поздних этапах школы В. Украшающая борт полоска, идущая зигзагом, как уже отметили В. П. Даркевич и В. Ф. Черников, похожа на занимающую гораздо меньше места аналогичную полоску Т46. Связь со школой В и гораздо более тесная связь со школой С (через Т46) еще не определяют облик чаши. Пристрастие мастера к углам и прямым линиям заставляет и эту чашу отнести к какой-то новой школе, которая родственна школе В.

Теперь без каких-либо затруднений разместив сосуды, надо проверить, не противоречат ли их местам в таблице даты и локализации аналогий. Сосуды, относящиеся к уже представленным на таблице школам, не находят других аналогий, чем их соседи по таблице. Надо отметить, что недавно найденный в Сиани великолепный клад драгоценной посуды, спрятанный в середине VIII в.[14], полностью подтвердил мнение Б. Гюлленсвэрда, что лепестковых бордюров не было вплоть до середины VIII в.[15]. В «Согдийском серебре» я при проверке типологии в значительной мере опирался на это положение. Кроме того, новый клад дал прекрасные аналогии формам Т26 и Т46, 47[16], что соответствует датировкам в «Согдийском серебре».

Однако видно, что сами китайцы считали эти формы «западными». Так, на граненых чарках мастер изобразил целый оркестр «хуских музыкантов». Орнаменты китайских сосудов гораздо дальше от орнаментации школы С, чем их формы от форм сосудов этой школы. Как известно, китаисты обычно объясняли появление таких форм в Китае влиянием Ирана.

---

[14] *W. Watson.* The Genius of China. London, 1973, № 305–328, p. 137, 145–147; Вэньхуа дагэмин цицзянь чугу вэньу, 1972, стр. 8, 44–65.

[15] *B. Gyllensvärd.* T'ang Gold and Silver. Stockholm, 1957, p. 134, 135, pl. 12, *e*, 20, *a*, *d*, 21, 22, *в*.

[16] *W. Watson.* Op. cit. № 306; Вэньхуа, стр. 51, 52; Каогу 1972, № 1, вклейка 11, рис. 1.

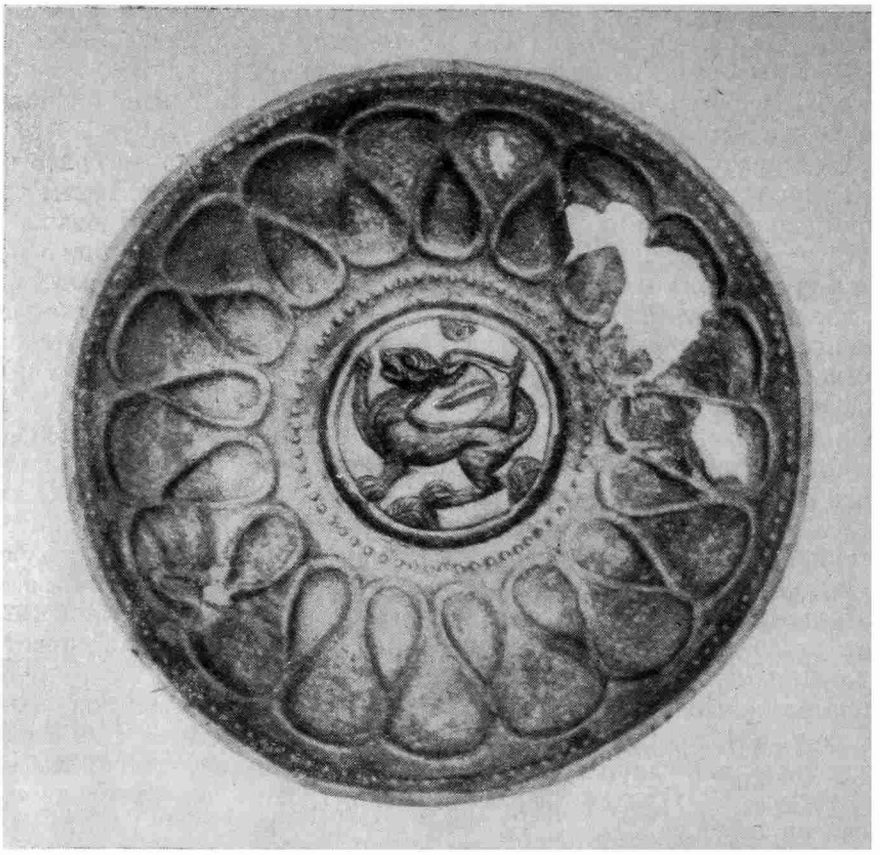


Рис. 7. Чаша из Монголии

Вопрос о среднеазиатском влиянии на танскую торевтику был поставлен в одном и том же плане как в «Согдийском серебре», так и в вышедшей одновременно с ним статье Асадуллаха Сурена Меликян-Ширвани [17], который при этом относит в основном к Согду (и шире — к землям восточноиранских народов) наши Т7, 11, 17—20, 26, 28, 29, 34, 35, 40—42, 46, 47, т. е. треть таблицы, в основном приходящуюся на школы А и С; Т16, по его мнению, скорее не согдийский сосуд, зато одну ложчатую чашу с явно индийскими признаками, которую я не привлекал, иранский исследователь считает возможным отнести к Согду [18]. Однако он сам отмечает аналогии ее декору на территории Афганистана. Мне кажется, что чаша была изготовлена в странах к югу от Согда. Она была вполне обоснованно сопоставлена с афанасьевской рельефной чашей по сходству фигур оленей и джейранов [19].

Афанасьевская чаша, как и другие представители ранее неизвестных школ, позволяет существенно пополнить набор аналогий. Рельефный медальон с профильным изображением на дне и рельефный декор снаружи на сферической поверхности ведут к «бактрийской» группе чаш эфталитского времени [20].

Именно связи с югом определили своеобразие чаши, хотя указать место ее изготовления пока невозможно. Связи между Тохаристаном, Семи-

[17] *A. S. Melikian-Chirvani.* Iranian silver and its influence in T'ang China.– Pottery and Metalwork in T'ang China. A. colloquy held 29 June to 2 July 1970 (Colloquies in Art and Archaeology in Asia № 1), L., 1971, p. 9–15.

[18] Ibid., p. 11; *И. А. Орбели, К. В. Тревер.* Ук. соч., табл. 58.

[19] *В. П. Даркевич, В. Ф. Черников.* Ук. соч., стр. 108. Рога оленей в виде короны находят аналогию в танском искусстве (*B. Gyllensvärd.* Op. cit., fig. 71).

[20] *Б. И. Маршак, Я. К. Крикис.* Чилекские чаши. Тр. ГЭ, X, 1969.

речьем, Восточным Туркестаном, в которых был распространен буддизм, видимо, отличались по своему характеру от их связей с согдийской метрополией, где буддистов в VII—VIII вв. было очень мало. Появление на ручке чаши голов слонов объяснили влиянием «буддийской мифологии»[21]. Надо отметить, однако, что трон в виде двух смотрящих в разные стороны голов слонов входил в иконографию одного из согдийских богов, изображавшегося в короне и с лирой или кифарой в руке[22].

Чаша в форме сегмента шара из Афанасьевского клада по профилю идентична двум гладким чашам с согдийскими надписями по краю[23]. Тот же профиль известен и по найденным в Пенджикенте бронзовым чашам. Орнамент афанасьевской чаши позволяет связать с таблицей эти неукрашенные сосуды согдийцев.

Чаша с розеткой на дне обособляется от других сосудов таблицы обилием острых и прямых углов, сохраняя при этом наибольшее сходство со школой В и слабую связь со школой С. Керамическая чаша из Кувы[24], подражание металлическому блюду, украшена похожей розеткой из заостренных, нарисованных прямыми линиями лепестков. Там тоже видна близость к школе В (по розетке и по трем полушариям на местах заклепок).

Чаша, вероятнее всего, ферганская. Связь с более поздними, чем начало VIII в., этапами школы В позволяет датировать ее временем ближе к концу VIII в.

Кружки-кувшинчики заставляют вспомнить не только сходно декорированные, хотя и отличные по форме, хотанские керамические сосуды[25], но и более похожие по профилю и ручкам каннелированные кружки согдийской керамики VIII в.[26] и серебряные каннелированные кружки аваров Паннонии[27].

Изображенные на стенных росписях Средней Азии VI—VIII вв. металлические сосуды обычно украшены такими же каннелюрами и крупными перлами[28], хотя более близкие по форме и способу крепления кольцевидной ручки кружки пенджикентский живописец снабдил декором с фигурами танцоров вместо каннелюр (рис. 8). Традиция крепления ручки через щиток хорошо известна по степным тюркским металлическим сосудам. Она засвидетельствована и на китайских фарфоровых сосудах — подражающих металлическим кружкам с округлым туловом[29]. Низ тулова также находит аналогии в профиле тюркских кружек со щитком-прокладкой под ручкой[30], а не только в особенностях Т 11, 22. Появление кудымкарской и афанасьевских кружек-кувшинов — результат тюркско-согдийских контактов, хотя определять этническую принадлежность мастеров было бы еще преждевременно. Во всяком случае, новый материал подтверждает, что намеченное в книге направление связей между Согдом и тюрками действительно играло большую роль в развитии прикладного искусства Средней Азии.

Наконец, найденная в Монголии чаша по изображению тигра резко отличается от средневосточных образцов. Здесь отразилась не вполне по-

---

[21] *В. П. Даркевич, В. Ф. Черников.* Ук. соч., стр. 112.

[22] *A. Belenitsky.* Central Asia. Geneva, 1968, pl. 103.

[23] *Я. И. Смирнов.* Восточное серебро. СПб., 1909, рис. 71, 72.

[24] *Д. П. Вархотова.* Об одном керамическом блюде VII–VIII вв. из Кувы. СА, 1964, 3.

[25] *В. П. Даркевич, В. Ф. Черников.* Ук. соч., стр. 116.

[26] *Б. И. Маршак.* Влияние торевтики на согдийскую керамику VII–VIII вв. Тр. ГЭ, V, 1961, табл. 2.

[27] *G. Laszlo.* Etudes archéologiques sur l'histoire de société des avars, AH, XXXIV. 1955.

[28] *В. А. Шишкин.* Варахша. М., 1963, табл. XIV; *Л. И. Альбаум.* Балалык-тепе. Ташкент, 1960, рис. 132, 133.

[29] *B. Gyllensvärd.* Chinese Gold, Silver and Porcelain: The Kempe Collection. N. Y. 1971, Cat. n°80.

[30] Например, кружки Курая и Туяхты (С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. LII).

нятая китайская трактовка этого зверя. Общие пропорции фигуры, изгиб длинной шеи, пучки волос у локтей и пяток и другие особенности ближе всего к суйской и раннетанской версии (конец VI — первая половина VII в.), позже тигры и львы получают совсем другую иконографию [31]. Странно вывернутая задняя нога восходит к изображениям драконов, показанных как бы сверху [32]. Одинаковые «горы» внизу и вверху издревле включались в китайские композиции с животными [33]. Дата ближайших аналогий хорошо согласуется с типологической датой. Локализация затруднительна. Несмотря на иконографическое сходство, манера исполне-

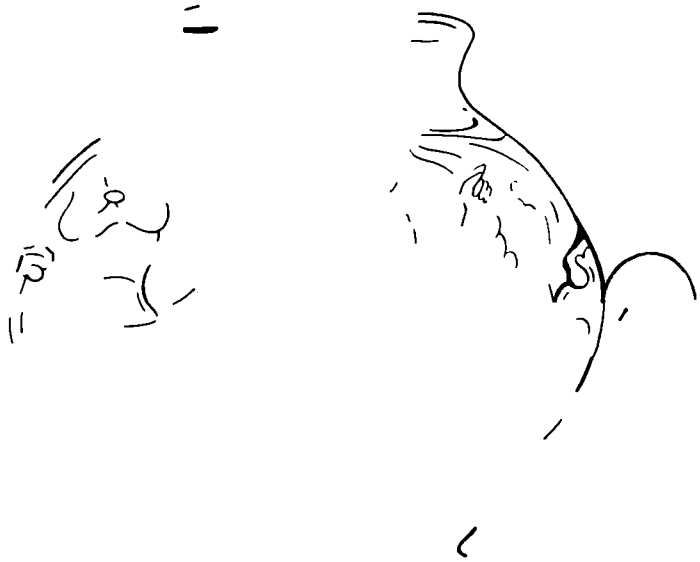


Рис. 8. Изображение золотой кружки в пенджикентской живописи (объект XXIV, пом. 1, около 740 г.)

ния явно не китайская. Нет сходства в деталях и со школой В. Скорее всего, чаша, найденная на территории Монголии, была изготовлена в первом тюркском каганате, центр которого был в Монголии. Согдийцы играли важную роль в политической, экономической и культурной жизни этого государства [34].

Итак, новый материал не требует каких-либо перестановок в таблице. Однако интерпретация безусловно обогащается и уточняется. Прежде всего оказывается, что в начале IX в. в школе А происходит еще более резкая перемена, чем написано в «Согдийском серебре». В технике декорирования блюд от чеканки с оборота возвращаются к сасанидскому снятию фона [35]. Такой отход от среднеазиатской традиции, видимо, связан с «сасанидским ренессансом» в Хорасане эпохи Мамуна, ко времени правления которого были отнесены сосуды пятого этапа школы А. Усиление связей с иранской средой в эту эпоху отмечено в книге, однако масштаб его был больше, чем предполагалось. Кроме того, связи всех школ оказались гораздо более тесными. В частности, многие особенности, выделявшие из

[31] *B. Gyllensvärd.* Op. cit., p. 101, 117, 118, fig. 57, 70.
[32] Ibid., fig. 56 c.
[33] *W. Watson.* Op. cit., p 111, № 175 (I в. до н. э.).
[34] *С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц.* Согдийская надпись из Бугута. Сб. «Страны и народы Востока», X, М., 1971. Специально о тюрко-согдийских связях, проявившихся в торевтике, см. *Б. И. Маршак, К. М. Скалон.* Перещепинский клад. Л., 1972, стр. 12–18.
[35] В результате фотографирования в рентгеновских лучах проф. П. Мейерс (Метрополитанский музей) выяснил, что блюда ВС 63, 64, как и эфталитская чаша из Чилека, выполнены в этой технике, а не спаяны из двух листов серебра, как это казалось ранее.

таблицы Т 43, нашлись у новых сосудов. Идентичная по форме афанасьевской чаше с гравировкой и чашам с согдийскими надписями чаша была найдена в 1909 г. в дер. Малая Аниковка. Ее декор близок к Т 43, а детали человеческого изображения — к пятому-шестому этапам школы А. Между тем в декор введена куфическая надпись X в. на языке фарси [36]. Это подтверждает близость Т43 к позднесогдийской и раннетаджикской культурам, хотя заметны, как это отмечено в книге, и более западные элементы.

Отсутствие единого для всего региона канона при тесных и разнообразных связях многочисленных школ, из которых школы А, В и С лишь лучше всего представленные в коллекциях,— существенная черта среднеазиатской торевтики эпохи торгового и культурного преобладания согдийцев в VII—VIII вв. Чаша из Монголии относится к VII в., а остальные рассмотренные сосуды — к первой половине VIII в. (кудымкарская кружка и, может быть, кружки-кувшины) и к середине или второй половине этого столетия соответственно своим местам на таблице. Афанасьевское ведерко и кудымкарский «светильник» датируются рубежом VIII—IX вв.

Керамика и живопись также отражают разнообразие ремесленно-художественных традиций в отдельных центрах согдийской культуры, разделенных всего лишь одним или несколькими днями пути.

В то же время влияние согдийской культуры достигает весьма отдаленных областей. Монеты Хорезма, Тохаристна, Ферганы, Семиречья с согдийскими легендами, согдийские надписи Семиречья и Монголии, согдийские рукописи Восточного Туркестана показывают, что согдийцы представляли собой активный культурный элемент, сближавший различные народы Средней и Центральной Азии. Общность в торевтике также естественнее всего объяснить тем, что в ней проявилась эта выходящая за пределы Согда роль согдийцев, хотя, конечно, часть вещей могла быть выполнена представителями других народов, входивших в тот же историко-культурный регион.

Эта статья посвящена проблеме атрибуции, что не позволяет останавливаться на значении изображений и их художественном своеобразии. Надо все же отметить, что при всем их разнообразии рассматриваемые сосуды составляют определенное стилистическое единство. Множество нитей связывает между собой среднеазиатские школы на протяжении VII—IX вв., причем связывают гораздо теснее, чем с изделиями соседних стран. Несколько более обособлен только Хорезм с его своеобразной культурой.

Вопрос об истолковании значения фигур животных на сосудах — это часть более обширной проблемы согдийской (и отчасти вообще восточноиранской) культовой иконографии. Почти все животные, изображенные на чашах, кружках и кувшинах, украшают троны богов на росписях и в терракоте Согда, Уструшаны, Ферганы. При этом в Хорезме серебряные чаши с изображениями богов и нанесенными при изготовлении надписями, возможно, относились к культовой утвари. В странах расселения согдийцев зооморфные символы богов на сосудах соответствовали аналогичным изображениям живописи не только в сценах поклонения богам, но и в батальных или пиршественных композициях [37]. Поэтому торевтика не становилась культовой, а символы имели, скорее всего, благопожелательный характер, что и помогло длительному сохранению этих сюжетов в условиях арабского завоевания.

---

[36] *Б. И. Маршак.* Серебряные сосуды X–XI вв., их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии. Тезисы докладов II Всесоюзной конференции по искусству Ирана на тему «Проблема периодизации искусства Ирана и его взаимосвязь с искусством других народов в средние века». 19–23 ноября 1973. М., 1973, стр. 20–22; ОАК за 1909–1910 гг., стр. 227.

[37] О зооморфных символах см. *A. M. Belenitski et B. I. Marshak.* L'art de Piandjikent à la lumière des dernieres fouilles (1958–1968). «Arts asiatiques». XXXIII, 1971, p. 12–16.

Однако сюжеты изображений (равно как и стиль вырисовывающейся все более определенно школы С) заслуживают специального исследования. Здесь же я хотел только показать, что методика атрибуции, предложенная в книге «Согдийское серебро», выдерживает проверку достаточно обширным новым материалом.

B. I. Marchak

NOUVELLES INFORMATIONS SUR LA TOREUTIQUE DE L'ASIE CENTRALE

Résumé

Dans cet article on publie le trésor trouvé dans le village de Koudymkar (région de la Kama) (fig. 1—5), et encore quelques vases provenant de différents endroits. Tous ces objets ont été étudies au moyen de la méthode proposée par l'auteur dans son livre «Argenterie Sogdianne» (Moscou, 1971). Il en résulte que la majorité de ces vases ont pu être attribués à des artisans de la région historique et culturelle de la Sogdiane. La coupe représentée sur la fig. 7, a été peut-être exécutée dans le kaghanat Turque, à la limite des VIe et VIIe siècles. Les autres vases datent du VIIIe s. et de la fin du VIIIe, début du IXe siècle.

В. Л. ВОРОНИНА, Н. Н. НЕГМАТОВ

РЕЛЬЕФНЫЕ ГОЛОВКИ ИЗ ДВОРЦА АФШИНОВ УСТРУШАНЫ

(Шахристан)

Одним из самых выдающихся памятников архитектуры и изобразительного искусства раннесредневековой Средней Азии оказался раскопанный в 1965—1972 гг. Северо-Таджикистанским археологическим отрядом Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР дворец в шахристане города Бунджиката — столицы Уструшаны, развалины которого ныне расположенные в пос. Шахристан Ленинабадской области, состоят из трех частей и известны среди населения как Калаи Кахкаха. Великолепно спланированные обширные залы, комнаты и коридоры дворца были украшены многокрасочной настенной монументальной живописью и разнообразной деревянной скульптурой и рельефами (колонны, потолки, дверные конструкции и мебель). Большой пожар, охвативший почти все помещения дворца при покорении Уструшаны и уничтожении династии ее афшинов войсками Исмаила Самани в 893—894 гг., разрушил почти полностью все произведения живописи и резного дерева. Однако и та небольшая часть памятников искусства, которая сохранилась на некоторых стенах и в завалах и была извлечена при раскопках, представляет большой интерес, раскрывает многие стороны материальной и духовной культуры уструшанцев. Из числа обнаруженных и ныне изучающихся памятников искусства, среди которых имеются несколько десятков квадратных метров настенной живописи, огромное количество ее обломков, а также около 200 фрагментов обугленного дерева [1], в данной статье мы рассмотрим лишь три близких по своему характеру памятника, а именно, найденные в тронном зале дворца доски с вырезанными на них рельефными головками (рис. 1). Доски лежали рядом на полу у западной суфы. Самый крупный из трех кусков дерева длиной 58 *см* представляет обломок большой композиции, где голова фигуры (видимо, сидящей) упиралась в дугу широкой арки. Две другие доски — прямоугольные, размером 25×15 *см*. Головки на этих филенках были заключены в ромбические рамки шириной 2,5—3 *см*, украшенные перлами между двух гладких полосок. Углубленное внутреннее поле занимает по горизонтальной оси 16 *см* и 11—12 *см* по вертикали, где и расположены головки, упиравшиеся сверху и снизу в тупые углы ромба.

---

[1] Краткую характеристику дворца и некоторых его памятников искусства см.: *Н. Н. Негматов.* Исследования в Северном Таджикистане в 1970 г. Сб. «Археологические работы в Таджикистане», X, 1970 год. М., 1973, стр. 97—102; *его же.* Раскопки уструшанской столицы Бунджиката. Сб. «Средневековые города Средней Азии и Казахстана (тезисы к совещанию в г. Фрунзе)». Л., 1970, стр. 45—49; *его же.* О живописи дворца афшинов Уструшаны (предварительное сообщение). СА, 1973, 3, стр. 183—202; *Н. Негматов, В. Соколовский.* Два фрагмента стенной росписи с изображением многорукой богини из Шахристана. Сообщ. ГЭ, XXXVII, 1973, стр. 58—60; *Н. Н. Негматов.* Эмблема Рима в живописи Уструшаны. Изв. АН Таджикской ССР (отделение обществ. наук,), 1968, 2 (52), стр. 21—32; *его же.* Эмблема Рима в живописи Уструшаны и древневосточная мифологическая традиция.— там же, 1973, 1 (71), стр. 3—10; *его же.* К вопросу о роли Востока в сложении древнеримской легендарной традиции.— там же, 1974, 1 (75), стр. 3—10.

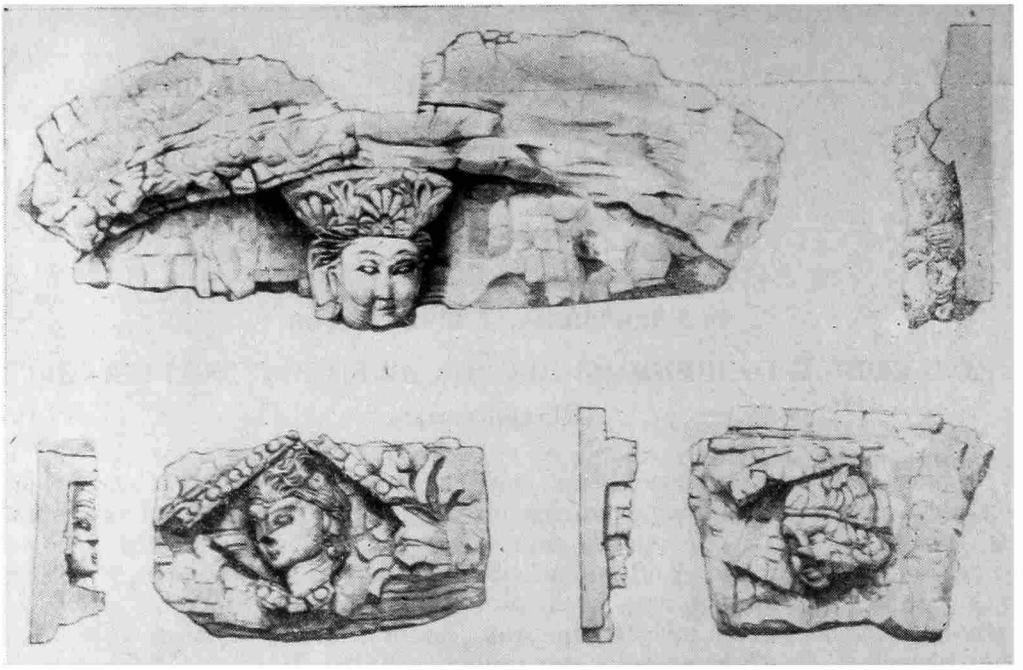


Рис. 1. Фрагменты обугленных досок с рельефными головками

Все три головки выполнены высоким рельефом и плоское лицо несит признаки монголоидного типа: миндалевидные глаза с припухшим верхним веком, плавные дуги бровей, сросшиеся над переносицей, прямой сплюснутый нос с маленькими ноздрями, небольшой слабо выступающий подбородок. Щеки опускаются от крыльев носа к подбородку резко выраженными складками. От углов рта поднимаются к вискам параллельные рубцы, напоминающие татуировку (отчетливо видны на правой щеке). Небольшие ушные раковины полностью видны и хорошо проработаны. На мочке левого уха видна серьга в форме стручка. Подбородок и левая щека плотно обтянуты тканью (шарфом?), которую не видно с правой стороны. Волосы, лежащие на лбу кольцами, распадаются за ушами прямыми прядями. На голове круглая корона, украшенная тремя полукружиями с многолепестковыми пальметками. Верхний край короны, отмеченный полоской треугольных зубчиков, упирается в валик арки. Возможно, что по краю короны (уже поверх валика) шли крупные зубцы с перлами на концах (один из них как будто просматривается среди выщербленных углей).

Архивольт арки, видимо, изображал собой гирлянду, но рисунок ее неясен. Валик гирлянды шириной 4 *см* и высотой примерно 2,5 *см* отделял внешнюю гладкую дугу в 7 *см*. Вдоль края валика на этой дуге слегка намечена резцом узкая полоска, снабженная кое-где косыми штрихами. Толщина доски на уровне гладкого фона около 3 *см*, рельеф головки достигает 5 *см*.

Несомненно, описанный фрагмент составляет лишь верхнюю часть сложной композиции, о характере которой позволяет судить пенджикентский арочный фриз. В арках фриза изображены сцены из мифологии, где главный персонаж восседает на троне или колеснице. Шахристанская головка принадлежала именно такой фигуре, занимавшей центральное положение в поле арки и окруженной соответствующими аксессуарами: по обе стороны головки видны остатки каких-то деталей сцены. Округлый предмет, который фигура держала в левой руке, мог быть солнечным диском, как это предполагается в отношении одного из персонажей пенджи-

Рис. 2. Первая рельефная головка

кентского фриза, и в таком случае она изображала солнечное божество [2]. По другую сторону головки намечаются неясные контуры еще каких-то деталей (крайний слева напоминает ухо животного).

Но в отличие от арок фриза, образующих непрерывный ряд и ограниченных сверху прямым краем доски, шахристанская арка представляла собой самостоятельную композицию. Контуры уцелевшей части арки слишком неопределенны, чтобы точно воссоздать ее профиль и размеры. Но исходя из масштабов изображения, можно примерно подсчитать ее пролет и высоту, составлявшие соответственно около 1,25 и 0,75 *м*. Учитывая ширину валика и внешнего края, следует допустить, что полная ширина арки достигала 1,50 *м*, а высота — примерно 86 *см*.

Вторая головка (рис. 3) несколько меньше первой — лицевая часть от волос до подбородка соответственно 7,5 и 5,5 *см*. Лицо с тонкими чертами, широкой нижней челюстью, маленьким, четко очерченным подбородком. Разрез глаз серповидный, верхнее и нижнее веко отчеркнуто тонким глубоким штрихом резца, брови расходятся от переносицы двумя широкими дугами. Прямой сильно выступающий нос (в нижней части не сохранился). Изящно очерчен пухлый рот. Волосы крупными волнами поднимаются к затылку, а нижняя прядь зачесана вниз и назад, прикрывая маленькое ухо с круглой серьгой. Основная масса волос ниспадает вдоль несколько изогнутой шеи. Рельеф изображения возвышается на 1,5—3 *см* над фоном ромбического поля. Рамка с перлами в нижней части сбита. Размеры прямоугольной филенки 25×15 *см*, оставшиеся свободными уголки были заполнены пальметками (от них остались лишь слабые следы). Толщина доски (без рельефа) до 3—3,5 *см*.

Третья головка (рис. 4) сильно разрушена. Бросается в глаза существенное отличие от первых двух изображений: грубый нос, рот с толстыми губами, внешний угол глаза круто поднят к виску. Волосы стянуты на лбу лентой или обручем, из-под которого выбиваются сзади густой массой, закрывая уши. Головка такого же размера, как и предыдущая, но рамка оказалась для нее тесна и шея не поместилась. Сама рамка сохранилась лишь в верхней левой части. Высота рельефа головки (и рамки) 2—2,5 *см*, толщина доски без рельефа 2,5 *см*. Нижний и боковые края филенки обломаны: сохранился верхний край с западающей ступенькой 2 *см* шириной.

Любопытно отметить, что ракурс в три четверти оборота давался резчику с некоторым трудом. У первой головки нос показан анфас, а рот — в труакар, причем левый уголок рта заметно приподнят и укорочен, чтобы подчеркнуть впечатление поворота лица. У второй головки нос показан

[2] *А. М. Беленицкий.* Результаты раскопок на городище древнего Пенджикента в 1960 г. Сб. «Археологические работы в Таджикистане», 8, Душанбе, 1962, стр. 113.

правильно, но рот как и у первой, с внутренней стороны укорочен и уголок приподнят. У третьей головки дан почти анфас. Вообще у всех трех головок сторона лица, повернутая от зрителя, как бы «врастает в фон», детали вылеплены условно и частью опускаются. Зрачок глаза у всех трех головок отсутствует.

Изображение в рамке из перлов было свойственно декору позднесасанидского Ирана — стуковые облицовочные плитки зданий Киша, Дамгана, Ктесифона несут горельефы звериной или человеческой головы в круге из перлов, и свободные уголки заполнены пальметками. Та же трактовка стала каноном в резном дереве Средней Азии VII—VIII вв. для филенок потолка. Более того, рисунки тканей на одежде персонажей живописи Варахши, Пенджикента, Афрасиаба, Балалыктепа тоже содержат круги из прелов, обрамляющие изображения птицы, человеческой или кабаньей головы [3]. Но сюжеты пластики значительно расширились, включая многофигурные композиции, а перлы чаще заменяются четырех- и пятилепестковыми розетками. Для шахристанских филенок можно указать и более точную аналогию — одна из пенджикентских дощечек снабжена ромбической рамкой из перлов (однако внутри рамки плоским рельефом изображен лев, а уголки орнаментированы крестиками) [4].

Если общая композиция шахристанских фрагментов подчинена устоявшейся традиции, бытовавшей в широких географических границах, то характер горельефа и индивидуален. Трактовка прически отошла от образцов Гандхары, ясно отразившихся в деревянных скульптурах древнего Пенджикента со спиральными завитками или прямым зачесом волос вверх. Прически шахристанских головок не находят прямых аналогий в среднеазиатской иконографии. Еще в большей степени это относится к типу лица, который не встречает сколько-нибудь близкого подобия в искусстве Пенджикента, Варахши, Афрасиаба, Аджинатепа и других памятников раннего средневековья и древности.

Едва ли нуждаются в доказательствах высокие художественные достоинства головок. Мастерство скульптора не только в точных движениях резца, но и в воплощении определенного этнического типа. Все три головки наделены индивидуальными чертами — овал лица, нос, разрез глаз, веки в каждом случае неповторимы по рисунку.

Кого же изображали горельефы? Если принять, что персонаж в арке являлся солнечным божеством, то живопись Пенджикента представляет божества астрального культа в женском образе [5]. Две другие головки, очевидно, мужские. Если предположить, что дощечки с головками в ромбической рамке принадлежали установленному в тронном зале дворца большому тахту и ограничивали его с боков, то, очевидно, их первоначальное количество должно быть не меньше четырех, может быть шесть или даже восемь. Вероятнее всего, головки составляли своего рода «галерею народов», подобно дароносцам на лестницах персепольского дворца. Это могли быть представители дружественных стран, с которыми Уструшана поддерживала сношения, или побежденные враги. Во всяком случае, эта галерея типов охватывала значительный географический регион, о чем свидетельствует головка с косым разрезом глаз, имеющая монголоидный облик.

Наблюдения в процессе раскопок Бунджиката, Пенджикента и других археологических объектов свидетельствуют о том, что подобные детали не использовались для украшения потолка или стен помещений. Правда, в том же зале обнаружен великолепный полукруглый тимпан, но он помещался над входом, а других проемов в зале не было. В силу своих обособленных контуров и размеров арка не могла являться и частью венчающего

---

[3] Мотив изображения в круге из перлов довольно широко распространен в орнаментике тканей сасанидского Ирана и омейядского халифата. Вернее всего, отсюда он и перешел в архитектурный декор.

[4] *А. М. Беленицкий.* Ук. соч., рис. 20.

[5] «Скульптура и живопись древнего Пенджикента». М.– Л., 1959, табл. XX, XXI.

Рис. 3. Вторая рельефная головка

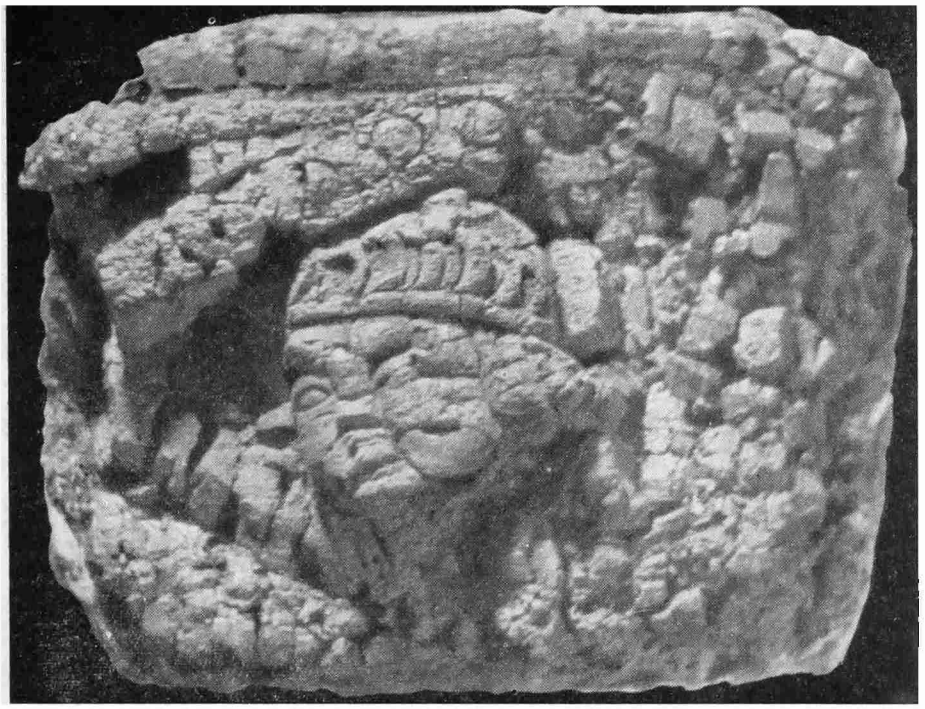


Рис. 4. Третья рельефная головка

настенного фриза. Две деревянные пластины слишком малы, чтобы служить филенками потолка, и лишены характерных гладких закраин, которыми филенки укладывались на балки. Остается поэтому предположить, что все три детали принадлежали одному предмету — как уже отмечалось выше, деревянному ложу-тахту. Возможно и другое предположение о принадлежности этих досок — филенок створкам входных дверей тронного зала, тем более, если учесть, что этот вход выше украшал уже упомянутый

тимпан — резное панно, то следует думать о возможности художественного оформления и самих дверей.

На существование таких тахтов указали в свое время находки деревянных стоек-кариатид в раскопках древнего Пенджикента [6]. Четыре таких фигуры предположительно стояли по углам тахта, образуя опоры и крепление барьера. Судя по наличию кариатид в парадных четырехстолпных залах жилищ знати, тахт был обычной принадлежностью таких помещений, причем стоял всегда на полу, а не на суфе. Характер использования тахта поясняет один из сюжетов настенной живописи древнего Пенджикента: сидя на тахте, беседуют знатные мужчины и дамы [7]. Убедительную аналогию в быту современных таджиков дает «кат» — обнесенный с трех сторон барьером дощатый помост, на котором спят и едят всей семьей. В зарубежной археологии в какой-то мере могут служить параллелью деревянные кресла, открытые в раскопках селений III в. под песками Хотана [8].

Трудно сказать с уверенностью, какое место занимали шахристанские детали с головками в композиции тахта — облик этого сооружения пока неясен. Можно допустить, что большая глухая арка служила стенкой тахта, а дощечки с ромбами были вмонтированы в барьер боковых сторон (на торце одной из филенок выступал край, назначенный для закрепления в стойку).

К предполагаемому тахту могли иметь отношение некоторые другие предметы, лежавшие поблизости на полу тронного зала. Прежде всего барельеф женской фигуры. Эта доска размером 86×32 *см* не могла быть деталью покрытия, так как поза кариатиды, в которой изображена фигура, оправдана лишь при вертикальном положении. Ближе к середине зала найдена сильно фрагментированная объемная скульптура — мужской торс почти в натуральную величину. Плоская тыльная сторона с большим гнездом от шипа указывает на то, что это деталь какой-то конструкции. Может быть, она служила одной из лицевых стоек, в которые упирался боковой барьер? В качестве отдаленной аналогии вспомним деревянные кресла Хотана с подлокотниками, оформленными поясной фигуркой или звериной протомой [9].

V. L. Voronina, N. N. Negmatov

PETITES TETES EN RELIEF DU PALAIS DES AFCHINES D'OUSTROUCHANA (CHAKHRISTAN)

Résumé

Dans cet article on poursuit la publication et l'explication des monuments artistiques du palais des afchines (rois) d'Oustrouchana dans le goroditché de Kalaï Kakhkakha Ier, chakhristan de sa capitale au début du Moyen Age, la ville de Boundjikat. On donne la description détaillée de trois panneaux de bois carbonisés (fig. 1—4), portant d'admirables représentations de petites têtes humaines, placées dans des niches en forme d'arc et de losange. Ces panneaux constituaient ou bien une partie des parois d'un grand takhta (divan de parade) en bois, ou les battants des portes de la salle du trône. L'analyse artistique de ces trouvailles permet d'y voir des oeuvres hors pair de l'art vivant et dynamique d'Oustrouchana (Asie Centrale), parvenu très tôt à maturité, mais disparu tragiquement lors de la pénétration de l'Islam.

[6] *В. Л. Воронина.* Кариатиды в архитектуре Средней Азии. Труды XXV Междунар. конгресса востоковедов. III, М., 1963, стр. 117—124.

[7] «Живопись древнего Пенджикента». М.— Л., 1954, табл. XXVI.

[8] *M. A. Stein.* Ancient Khatan. Vol. II, Oxford, 1907, LXX.

[9] Ibid.

Н. М. БУЛАТОВ

О ТРЕХ ГОНЧАРНЫХ ПЕЧАХ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

Археологические исследования последнего десятилетия на Селитренном городище, в частности, раскопки гончарной мастерской, дали возможность выявить целый ряд интересных особенностей, связанных с развитием керамического производства [1].

Через всю площадь открытого участка мастерской на протяжении десятков метров по линии СВ—ЮЗ тянется сырцовая стена в четыре кирпича (около 24×24 *см*). Стена стоит на материковом грунте. К западу от нее, строго параллельно и почти вплотную к ней расположены две огромные землянки (6×3,6 *м*, открытая в 1968 г., и 7,5×4,4 *м*, открытая в 1971 г.), с отопительными системами и суфами для ремесленников-керамистов. Еще дальше к западу расположены две канавы с системой мощных труб из долбленных стволов деревьев диаметром до 60 *см*. Канавы также строго параллельны сырцовой магистральной стене и продольным стенкам землянок. К востоку от сырцовой стены располагался большой комплекс гончарных печей различных конструкций и размеров.

В настоящей статье речь будет идти о трех горнах, (№ 1 открыт в 1966 г., № 8 — в 1969 г., № 14 — в 1971 г.), расположенных к востоку от магистральной стены и отличающихся от остальных горнов как конструктивными особенностями, так и отсутствием прямых аналогий в других средневековых памятниках.

Особую важность представляет открытие горна 14, так как он наиболее хорошо сохранился, благодаря чему удалось понять назначение и особенности горнов 1 и 8.

Все три горна расположены примерно на одинаковом расстоянии от сырцовой стены (около 3 *м* до устья топочной камеры) и все обращены устьями к ней.

Наименее сохранившимся до нас дошел горн 1. От него остались лишь фрагменты нижних слоев кладок из половинок жженого золотоордынского кирпича со следами глиняной обмазки снаружи и изнутри. Горн состоял из двух камер — внутренней и наружной. Внутренняя имела в плане каплеобразную форму и служила топочной камерой. Наружная, заключенная между внешней поверхностью обкладками топочной камеры и внутренней поверхностью внешней обкладки в виде слегка вытянутого овала, охватывающего топочную камеру, являлась обжигательной камерой. Топочное устье внутренней камеры располагалось в западной сужающейся части горна. Топочная камера горна имела двухслойное заполнение. Верхний рыхлый золистый слой содержал находки фрагментов поливной и неполивной керамики, костей домашних животных, нижний, рыжеватый плотный слой с включениями золы, угля, шлаков был насыщен находками фрагментов кашинной поливной керамики. В обжигательной камере горна и около него были найдены также заготовки кашинных ангобированных и расписанных, но лишенных глазуровки и вторичного обжига пиалообразных чаш.

[1] *Н. М. Булатов.* Отчет о раскопках на Селитренном городище за 1971 г. Архив ИА АН СССР, р-1/4572.

Двухслойное заполнение горна дает повод говорить о двух периодах бытования горна 1. В первый период горн использовался по назначению, во второй — в качестве кухонного очага для варки пищи [2].

Горн 8 находился южнее горна 1 на расстоянии около 10 *м*.

В плане он имел слегка вытянутую подковообразную форму. Так же, как и предыдущий, горн имел две камеры, причем и здесь отопительная

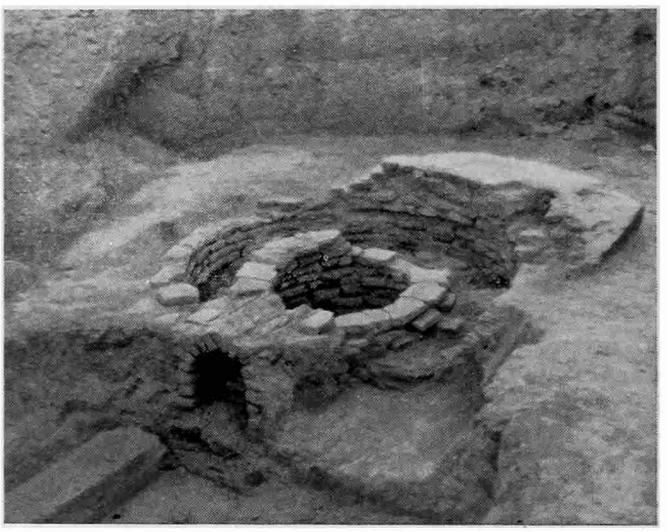


Рис. 1. *1* — горн 14, общий вид; *2* — вид спереди.

камера была помещена также внутри обжигательной. Стенки внутренней камеры, имевшей форму сильно вытянутой капли, были выложены из жженых кирпичей. Размеры камеры в поперечнике 70 и 130 *см* по продольной оси. Стенки внутренней отопительной камеры были сложены из

[2] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Отчет о раскопках и разведках золотоордынских городищ в Волгоградской и Астраханской областях в 1966 г. Архив ИА АН СССР, р — 1/3289, М., 1967 (о раскопках Селитренного городища см. отчет Л. Л. Галкина на стр. 76–81).

сырцового кирпича. Внешняя камера была оформлена более округлой стенкой из сырцового кирпича и имела размеры 140×190 *см*. Между этими стенками по кругу шел под обжигательной камеры, выложенный жженными кирпичами. Устье топочной камеры было ограничено по сторонам вертикально поставленными жженными кирпичами. В конструкции топочного устья в верхней части был использован штырь, лежащий поперек. В заполнении горна (около 65 *см*) были найдены фрагменты кашинной керамики, предметы «печного припаса» (штырей, раструбов, дисков, сепая и

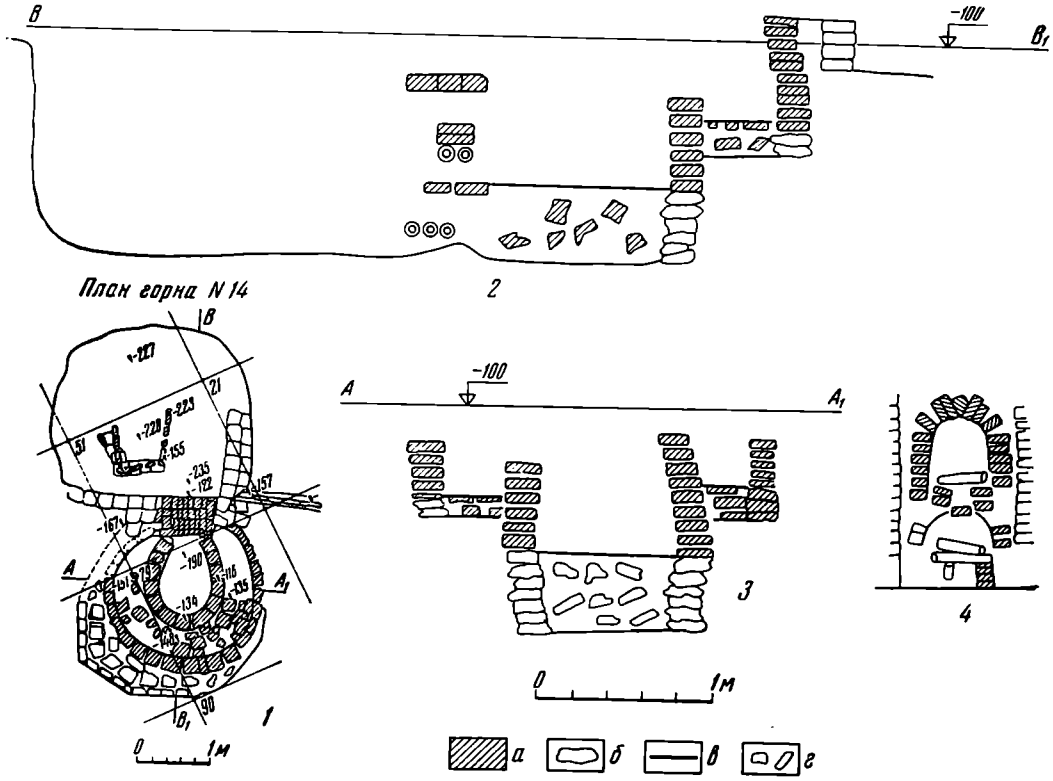


Рис. 2. *1* – план горна 1; *2* – продольный разрез горна 14; *3* – поперечный разрез горна 14; *4* – разрез топочного устья горна 14; *а* – жженые кирпичи, *б* – сильно ошлакованные кирпичи, *в* – под; *г* – забутовка шлаками, кирпичами и печным припасом.

т. д.), шлаки и кирпичи. Здесь же были обнаружены целые бракованные поливные кашинные сосуды и архитектурные детали. Перед топочным устьем находилась яма с нечетко прослеживаемыми границами и служившая, очевидно, предтопочной камерой, откуда закладывали топливо в горн.

Как уже было сказано, лучше других сохранился горн 14 (рис. 1, *1*, *2*; 2, *3*). Все его основные конструкции и детали были прослежены достаточно четко. Весь комплекс сооружений горна имел два ярко выраженных строительных периода (рис. 2, *4*, *5*), отразившихся на всех его составных частях и конструкциях. Переделки второго периода сведены к тому, чтобы в точности воссоздать на остатках горна первого строительного периода копию более раннего сооружения, за исключением некоторых деталей.

Нижний ярус горна 14 состоял из четырех частей: топочной и обжигательной камер, продолговатого топочного устья с параллельными стенками и оформленного арочным перекрытием, предтопочной камеры размером 260×240 *см*, подпрямоугольной формы в плане с отвесными материковыми стенками.

Топочная камера имела в плане форму вытянутого овала размером 70×110 *см* (без устья топочной камеры) и была ограничена стенкой шириной в 22 *см* из сильно оплавившихся жженых кирпичей в 6—7 слоев. Под

топочной камеры первого строительного периода материковый. Он был сильно прокален на глубину 9—12 *см*.

Обжигательная камера округлой формы в плане ограничена кладкой в один кирпич, шириной в 22 *см*. Кирпичи этой кладки, также со следами оплавления, сохранились в 1—2 слоя, а нижний слой кладки лежал на уровне пода обжигательной камеры. Ширина пода вокруг стенки топочной камеры колеблется в пределах от 24 до 30 *см*. Под этой камеры, расположенный на 70 *см* выше пода топочной камеры, был выложен жженым кирпичем в один слой по горизонтальной материковой поверхности. Высота кладки первого строительного периода стенок топочной камеры находится ниже уровня пода обжигательной камеры этого периода. Способ соединения стенки топочной камеры с подом можно проследить по кирпичной кладке следующего строительного периода. Стенки топочной и обжигательной камер как в первом, так и во втором строительном периоде соединялись с аркообразной кладкой топочного устья. Причем соединение этих двух стенок было произведено таким образом, что устье топочной камеры имело непосредственную связь только с топочной частью горна. Обжигательная же камера была изолирована как от устья топочной камеры, так и от самой топочной камеры сплошной кладкой жженого кирпича. Таким образом, возможность попадания пламени, образующегося при сжигании топлива в топочной камере, в обжигательную часть горна исключалась. Жар из топки в обжигательную камеру поступал, очевидно, как можно судить по остаткам горна для обжига поливной архитектурной керамики Царевского городища, при помощи цилиндрических керамических продухов, вмонтированных в кладку стены топочной камеры на более высоком уровне кладки, не сохранившейся в селитреннских горнах.

Устье топочной камеры длиной в 60 *см* и шириной в 70 *см* было ограничено параллельными сырцовыми стенами, между которыми было оформлено арочное отверстие, выложенное сырцовыми и жженными кирпичами. Размеры топочного отверстия 45×50 *см*. В нем был проделан еще один прямоугольный вход, стенки которого, сооруженные из торцовой кладки половинок жженых кирпичей (южная) и вертикально поставленных обломков штырей, опирались на под устья топочной камеры, а сверху были перекрыты рядом горизонтально положенных таких же обломков штырей со следами поливы. Аналогичная конструкция была зафиксирована и в горне 8. Размеры этого отверстия 10×15 *см*.

Итак, уже разбор конструкций первого строительного периода горна 14 дает основание видеть в нем необычную керамическую печь. Казалось бы, по вскрытым остаткам горн сближается с широко известными в древности двухъярусными керамическими печами, где топочная часть делилась овальными или подковообразными стенками на центральные и боковые участки для равномерного распределения жара в обжигательной (верхней) камере. Такие конструкции горнов открыты в средневековом Мингечауре, на Райковецком городище и т. д. Известны они и на золотоордынских городищах. Однако описанный горн Селитренного городища принципиально отличается от двухъярусных горнов следующими чертами.

1. Полным отсутствием следов перекрытия, разделяющего горн на два яруса.

2. Под обжигательной камеры, расположенный вокруг наружной части стенки топочной камеры (а не над ней), находится намного выше уровня пода топочной камеры (разница достигает 70—80 *см*). Уже одно это дает возможность считать его боковым каналом топочной камеры. К тому же обжигательная камера (а следовательно, и ее под) наглухо изолирована кирпичной кладкой от топочной камеры.

3. Под обжигательной камеры по материковой поверхности вымощен слоем жженого кирпича, что было бы бессмысленно, если пространство вокруг центральной топочной части служило бы лишь боковым отводным каналом той же части. И, наоборот, в обжигательной части такое устройст-

во оправдано, если учитывать, что на этой вымостке с помощью различных предметов печного припаса устанавливалась для обжига поливная посуда.

4. Заполнения центральной (топочной) части горна второго строительного периода и боковой (обжигательной) имеют существенные отличия. Если в центральной части преобладают шлаки и оплавленные кирпичи, то в пространстве вокруг топочной части ограниченной наружной кладкой, преобладают предметы печного припаса и фрагменты поливной посуды (в том числе и со следами производственного брака) [3].

Горн, очевидно, был разрушен и вновь восстановлен. По-видимому, перерыв в работе горна был непродолжительным, так как после поднятия уровня пода топочной камеры путем забутовки его шлаком, обломками кирпичей, предметами «печного припаса», фрагментами бракованной и небракованной поливной кашинной керамики почти на 50 *см* должны были подняться внутренняя и наружная кладки, а также приподнят под и обжигательной камеры на 15—20 *см* точно по абрису более раннего сооружения.

Отличие второго строительного периода от первого заключается в сооружении вокруг внешней стороны стены обжигательной камеры многоугольной платформы из сырцового кирпича. Сооружение такой платформы вызвано, очевидно, тем, что после восстановления горна часть его конструкций оказалась выше уровня материкового грунта и появилась необходимость в создании искусственного жароизолирующего устройства, роль которого в первый период выполняла материковая глина.

В яме предтопочной камеры во второй строительный период зафиксировано два сооружения. Это П-образная сырцовая кладка в три слоя, чуть южнее топочного отверстия и вдоль северной границы ямы была выложена подпорная стена из сырцовых кирпичей в два слоя и в два ряда. И П-образное сооружение, и сырцовая стенка были поставлены в предтопочной камере на более ранее заполнение ямы из большого количества обломков штырей и других предметов «печного припаса», огромного количества мелких и крупных фрагментов бракованной и небракованной поливной кашинной керамики, выбросов золы и шлаков.

Таким образом, все описанные горны имели общие детали конструкций: овальные топочные камеры, округлые — обжигательные, продолговатое топочное устье, оформленное арочным покрытием. Горны 8 и 14 перед топочным отверстием имели ямы предтопочных камер. Эти же горны в топочном отверстии были снабжены прямоугольными поддувалами, сложенными на скорую руку из предметов печного припаса (штырей) и обломков кирпича. В горнах 1 и 14 зафиксированы два четких строительных периода, которые хорошо увязываются с двумя строительными периодами в землянках [4].

Принципиально новым в конструкциях всех трех печей является тот факт, что топочные камеры помещены внутри обжигательных в отличие от остальных горнов Селитренного городища (как и других средневековых центров [5]), имеющих двухъярусную конструкцию: нижний ярус — топочная камера, верхний — обжигательная камера, куда тепло, необходимое для обжига сосудов, поступало через отверстия-продухи, проделанные в горизонтальном перекрытии топочной камеры.

В заполнении горна 14 и его предтопочной камеры было найдено большое количество фрагментов поливной и неполивной керамики. Преобладали находки поливной: из 691 фрагмента 523 относились к поливной керамике, 166 — к красноглиняной неполивной и только два фрагмента —

---

[3] *Н. М. Булатов.* Ук. отчет (см. таблицу).

[4] Там же.

[5] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло Древней Руси. М., 1948; *Л. Л. Якобсон.* Гончарные печи средневекового Херсонеса. КСИИМК, X, 1941, стр. 52; *О. С. Хованская.* Гончарное дело города Болгара. МИА, 42, 1954, стр. 340.

Таблица

Полива	Тип по способу орнаментации	Количество
Прозрачная бесцветная	С подглазурной полихромной росписью и рельефом	25/29
	С подглазурной полихромной росписью	130/6
	Подглазурная роспись синими точками	64/10
	Подглазурная роспись «кобальтом»	29/41
	С сквозным ажурным орнаментом	25/112
Прозрачная бирюзовая	С черной подглазурной росписью	2/0
	С зеленой подглазурной росписью	0/6
	Без росписи	8/10
	Без росписи с белыми рельефными точками	7/2
Глухая бирюзовая	Без росписи и рельефа	6/0
Прочие	Прочие	6/0

Примечание: в знаменателе — количество фрагментов производственного брака.

к неполивной керамике с серым цветом излома черепка. Из 523 фрагментов поливной керамики 518 имели кашинную основу и только пять красноглиняную. Причем из всей массы поливной и неполивной керамики из горна 14 только в составе поливной кашинной керамики встречается (иногда в большом количестве) производственный брак[6]. Статистика находок поливной кашинной керамики из горна 14 выглядит после выделения групп по цвету поливы следующим образом.

[6] *Н. М. Булатов.* Ук. отчет.

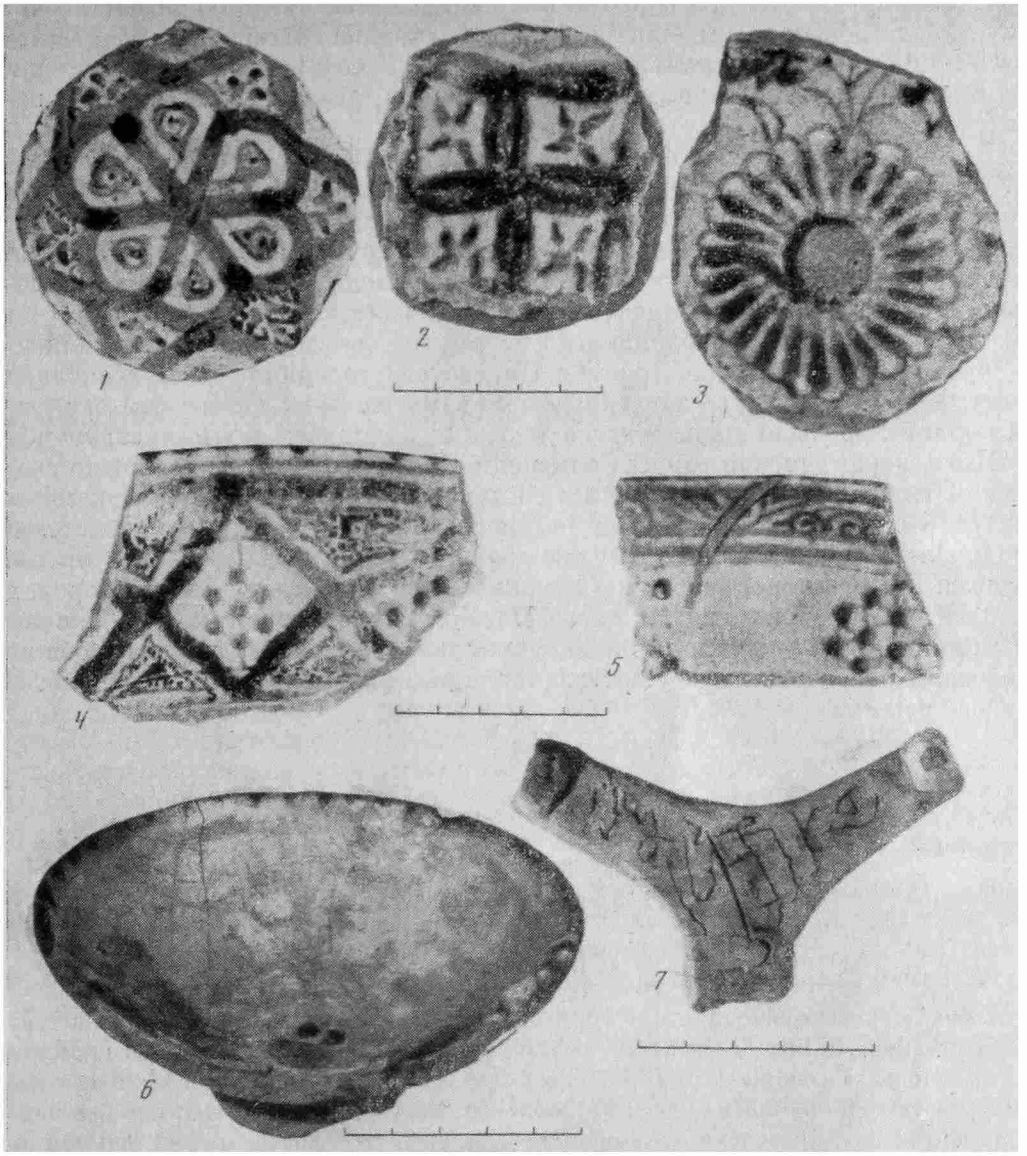


Рис. 3. Поливная кашинная керамика из горна 14 *1*, *2* – донышки кашинных сосудов с полихромной росписью под прозрачной поливой; *3* – донце кашинного сосуда с росписью «кобальтом» под прозрачной поливой, *4* – фрагмент стенки кашинного сосуда с полихромной подглазурной росписью и сквозным ажурным орнаментом, *5* – фрагмент стенки кашинного сосуда с подглазурной росписью «кобальтом» и сквозным ажурным орнаментом, *6* – фрагмент пиалообразной кашинной чаши с подглазурной росписью по дну и венчику синими точками, *7* – сепая с прорезным письмом

Таким образом, вполне очевидно, что в горне 14 обжигалась в основном кашинная поливная керамика с прозрачной бесцветной поливой. Комплекс предметов «печного припаса», содержащий сепая — треножники различных размеров (27 штук), на одном из которых была обнаружена процарапанная по сырой глине надпись (рис. 3, 7)[7], штыри со следами поливы (28 фр.), плоские керамические диски (160 фр.), керамические «пальцы» для прокладки между сосудами (235 шт), «коромысла» С- и S-образные (18 фр.), раструбы (34 шт.) также указывают на то, что в горне 14 обжи-

[7] По определению Л. Ю. Тугушевой, некоторые знаки на треножнике относятся в древнеуйгурскому письму.

гали поливную посуду [8], а находки в его заполнении около 30 деталей сборных алебастровых форм еще раз дают возможность говорить об обжиге здесь лишь кашинной поливной керамики [9]. Об этом же говорят и находки крупных фрагментов чаш-заготовок из кашина, лишенных глазурного покрытия.

Нам известен лишь один горн аналогичной конструкции, открытый в 1962 г. на раскопе III золотоордынского Царевского городища [10]. В этом горне топочная камера также была помещена внутри обжигательной, имелось продолговатое топочное устье, и вся конструкция горна, возведенная на культурном слое старого строительного периода, была окружена жароизолирующей прямоугольной платформой, выложенной из сырцового и жженого кирпича и укрепленной по периметру горизонтально положенными бревнами. Назначение горна с Царевского городища было несколько иным: в нем обжигались кашинные поливные изразцы (побочным занятием керамистов было производство и обжиг поливных детских игрушек).

Итак, керамические горны Селитренного и Царевского городищ по своим конструктивным особенностям, а именно, помещение топочной камеры внутри обжигательной, а не под ней, и развитием в связи с этим системы поддувал, уникальное явление для средневекового керамического производства. Вызвано оно, очевидно, налаживанием в золотоордынских городах производства нового для Нижнего Поволжья вида керамики — поливной на кашине, приготовление которой, формовка, роспись, глазуровка и обжиг требовали разработки и осуществления принципиально нового технологического режима.

N. M. Boulatov

TROIS FOURS DE POTIER DANS LE GORODITCHE DE SELITRENNOYE

Résumé

Dans cet article on publie des fours de potier, entièrement nouveaux par le type de construction, de la ville de Saraï — Batou, première capitale des khans de la Horde d'Or. Ces fours, à conduit de fumée vertical dans les foyers, étaient destinés à la cuisson de la vaisselle de table à glaçure. Ils ont été découverts pour la première fois dans le goroditché de Sélitrennoye. L'Europe Orientale et l'Asie Centrale n'en offrent pas de semblables au Moyen Age. Jusqu'à présent on n'en avait rencontré d'analogues que dans le goroditché de Tsarév, datant du XIVe s., qui dépendait aussi de la Horde d'Or.

---

[8] Об использовании части предметов см. *Л. И. Альбаум.* О гончарном производстве на Афрасиабе в X–XI вв. Сб. «Афрасиаб», I, 1969.

[9] *Н. М. Булатов.* Алебастровые формы с Селитренного городища. СА, 1, 1972, стр. 271.

[10] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Отчет о раскопках на Царевском городище за 1962 год. Архив ИА АН СССР, р-1/2540

Заметки

Б. Д. МИХАЙЛОВ

ЯМНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С ПОЛИСУАРОМ НА МЕЛИТОПОЛЬЩИНЕ

В изучении культурного комплекса Каменной Могилы в Северном Приазовье вблизи Мелитополя особняком стоят полисуары, расположенные на поверхности больших песчаниковых плит и в их расщелинах [1].

В отличие от известных шлифовальных камней, открытых М. Я. Рудинским на Лоханском острове в Приднепровье, которые располагались на одном стратиграфическом уровне [2], здесь они располагаются в разных точках наверху каменного холма [3].

Исследования М. Я. Рудинского на Каменной Могиле позволили выявить 14 местонахождений и определить типы и механику нанесения полисуаров: яйцевидные, овальные и круглые, по-видимому, для шлифования плоских орудий и узкие и глубокие — для шлифования острых частей орудия [4].

Чрезвычайно важным оставался вопрос датировки полисуаров. В частности, В. Н. Даниленко полагает, что имеющийся в распоряжении археологический материал не позволял определить время их появления на холме Каменная Могила [5]. Иную точку зрения высказал М. Я. Рудинский, который относил полисуары к культурно-хронологической принадлежности не ранее эпохи ранней бронзы [6] и полагал, что их «...следует поставить... в связь с параллелями скандинавскими и британо-ирландо-английскими для значительной части изображений Каменной Могилы и, идя дальше, не следует ли видеть в полисуарах Каменной Могилы памятников шлифовальной техники более позднего времени?» [7]

Таким образом, датирование полисуаров оставалось спорным из-за отсутствия прямых археологических данных, хотя, как полагал М. Я. Рудинский, они могли бы стать первичным ключом в интерпретации петроглифов Каменной Могилы. В этой связи он писал: «Если бы нам удалось убедиться, что эти полисуары созданы после разрушения того или иного грота или навеса с изображениями, мы получили бы достаточно прочные обоснования наших хронологических предположений хотя бы о части изображений» [8].

Особое значение в датировании каменномогильских полисуаров имеет погр. 5 в кург. 1 в Северо-Западном Приазовье, открытое автором в 1972 г.

---

[1] *О. М. Бадер.* Петрогліфи Кам'яної Могили. Палеоліті і неоліт України, Київ 1947, т. I, стор. 303, табл. VII, 3.

[2] *М. Я. Рудинський.* Пам'ятки Лоханського острова. Антропологія, Київ, 1928, 1, стор. 143–164.

[3] *В. М. Даниленко.* Про наскельні зображения Кам'яної Могили. Археологія, т. IV, 1950, стор. 81.

[4] *М. Я. Рудинський.* Кам'яна Могила. Київ, 1961, стор. 96.

[5] *В. М. Даниленко.* Ук. соч.

[6] *М. Я. Рудинський.* Каменная Могила. КСИА АН УССР, 1, 1952, стр. 29.

[7] *Он же.* Кам'яна Могила, стор. 97.

[8] *Он же.* Каменная Могила.

на восточной окраине с. Новофилипповка Мелитопольского района Запорожской области [9].

Курган находился на левом берегу поймы реки Молочной в 1 *км* к востоку от Каменной Могилы. Могильной яме предшествовало кострище в насыпи, ориентированное по линии запад — восток, размером 0,7×1,70 *м*, связанное с погр. 5. В кострище в развале лежал фрагмент большого глиняного толстостенного сосуда с округлым туловом и круглым дном (рис. 1, *4*). Тесто содержит крупные включения. Высота сосуда 30 *см*, ширина по тулову 47 *см*. Венчик Т-образный, на верхней площадке венчика, шириной 3 *см*, имеются мелкие насечки. В верхней части тулова нанесен орнамент в виде больших треугольников, которые лучами расходятся вверх и испещрены по всей площади крупными насечками. В центре

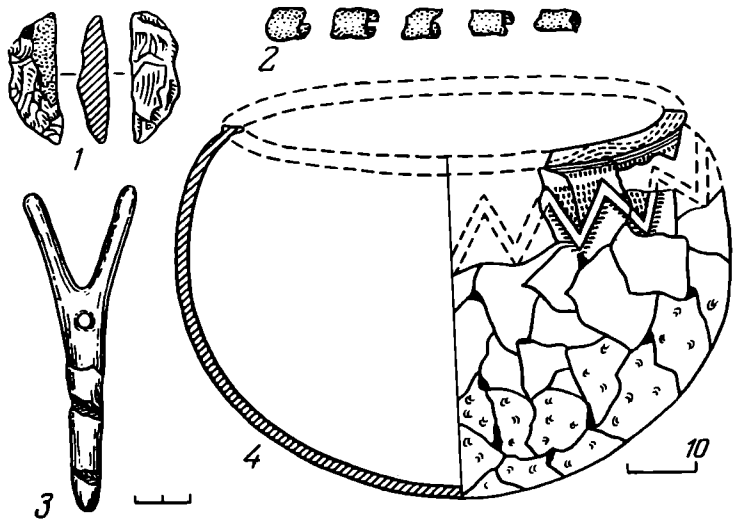


Рис. 1. Инвентарь погр. 5 кург. 1 вблизи с. Новофилипповка на Мелитопольщине: *1* **– кремневый отщеп;** *2* **– медные обоймы;** *3* **– костяная подвеска-рогатина;** *4* **– глиняный сосуд-зерновик**

тулова рисунков нет, на дне большое количество рисунков в виде вытянутого полукруга.

Могильная яма прямоугольной формы, размером 1,10×1,90 *м* находилась на уровне погребенной почвы и ориентирована по линии восток — запад. На ее стенках прослеживаются удары орудия, ширина которого 0,04××0,06 *м*. Вблизи ямы, на дневной поверхности, находился выброс материковой почвы, у основания которого лежал кремневый отщеп дымчатого цвета (рис. 1, *1*). Костяк, сильно окрашенный красной охрой, лежал на спине на камышовой подстилке, головой на восток, лицом к северу, с небольшим отклонением к югу, со скорченными ногами, руки вытянуты вдоль туловища. Слева от головы находились два куска красной охры, размером 1,2×1,2 *см* каждая. На нижней части грудной клетки лежало пять медных обойм (0,5×1—1,5 *см*), пробитых с внутренней стороны мелким точечным штрихом (рис. 1, *2*). Между обоймами лежала костяная рогатина-подвеска длиною 11,7 *см*, шириною через рогатину 3,9 *см* с отверстием в центре (рис. 1, *3*). Подвеска напоминает собой своеобразную миниатюрную копию рогатины из погребения 1 в кург. 1 г. Приморска, датируемой ямно-катакомбным временем [10].

---

[9] *Б. Д. Михайлов.* Раскопки на Мелитопольщине. АО–1972, М., 1973, стр. 310.

[10] *Он же.* Поховання доби бронзи в Північному Приазов'ї. Археологія. 6, 1972, стор. 81, 82, рис. 1, *5*.

Погребальная яма была перекрыта двумя плитами из песчаника местного происхождения. Плита с восточной стороны, размером 0,90×1,70 *м*, раскололась под давлением надмогильной насыпи, и обе половины просели в яму, где находились под углом 80°. На второй, западной плите, размером 1,10×1,90 *м*, на боку находился полисуар с широкой и плоской шлифованной поверхностью размером 18×30 *см* (рис. 2), относящийся к первому типу полисуаров, по Рудинскому [11].

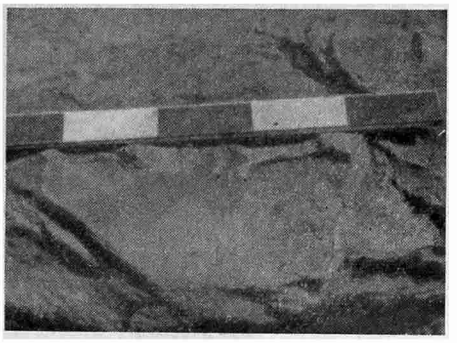


Рис. 2. Полисуар на плите-перекрытии погр. 5 кург. 1 вблизи с. Новофилипповка на Мелитопольщине

Описанное погребение датируется позднеямным временем, т. е. концом III — началом II тысячелетия до н. э., и появление полисуара на плите-перекрытии следует отнести к предшествующей или ямной эпохе. Этим же временем, по-видимому, должны быть датированы и полисуары на Каменной Могиле.

[11] *М. Я. Рудинський.* Кам'яна Могила, стор. 96.

С. Л. ДУДАРЕВ

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА У сел. АХКИНЧУ-БАРЗОЙ (Чечено-Ингушетия)

Осенью 1972 г. в сел. Ахкинчу-Барзой Ножай-Юртовского района Чечено-Ингушской АССР при рытье ямы были обнаружены человеческие кости и комплекс бронзовых вещей (двухлопастный наконечник копья с двумя выпуклыми поясками на втулке и пластинчатый браслет с граненой внешней плоскостью). Найденные предметы были собраны учителем С.-Э. Эбиевым и переданы проф. Чечено-Ингушского государственного университета В. Б. Виноградову (рис. 1, *1—2*).

На месте находок были произведены разведочные раскопки в сел. Ахкинчу-Барзой под руководством В. Б. Виноградова и с участием автора [1].

Могильник находится на юго-восточной окраине села, расположенного на лесистых возвышенностях правого берега р. Басс. Почти вся территория памятника застроена или занята под посевы. Раскопки удалось произвести лишь на небольшом участке площадью 66 *м*², между домами и садом [2].

Вначале были заложены четыре разведочные траншеи, затем работы продолжались сплошным раскопом. В ходе раскопок удалось установить, что данная территория неоднократно перекапывалась и перепахивалась, поэтому обнаруженные погребения оказались сильно потревоженными. Но, учитывая компактность расположения и незначительную стратиграфическую разницу в уровнях залегания находок, можно уверенно относить их к определенным комплексам.

Доследование места нахождения бронзовых наконечника копья и браслета показало полную разрушенность погребения, совершенного, очевид-

[1] *В. Б. Виноградов, С. Л. Дударев, Х. М. Мамаев, В. А. Петренко.* Археологические разведки в Чечено-Ингушетии. АО — 1973. М., 1974, стр. 101. Приношу благодарность В. Б. Виноградову за предоставление права опубликования материалов могильника.

[2] *В. Б. Виноградов, С. Л. Дударев, Х. М. Мамаев, В. А. Петренко.* Отчет об археологических разведках, раскопках и охранных работах в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1973, стр. 2—10.

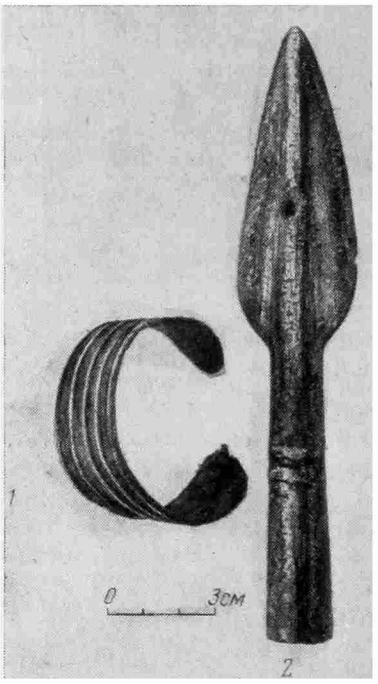


Рис. 1. Бронзовые предметы из погр. 1: *1* – браслет, *2* – наконечник копья

но, в простой грунтовой яме (никаких следов иных форм погребального сооружения не было обнаружено).

Остатки **погр. 2** были расчищены на участке (1,8×1,6 *м*) между южной стенкой траншеи 3 и северной стенкой раскопа. Уровень залегания древних предметов и разрозненных остатков скелета погребенного колебался от 0,70 до 0,85 *м*. Судя по всему, захоронение было совершено в грунтовой яме.

В числе находок были: фрагментированный ребристый горшок усеченно-биконической формы с чуть отогнутым горлом, украшенный двумя парными сосцевидными налепами (рис. 2, *1*); фрагментированный горшок усеченно-биконической формы, с чуть отогнутым горлом, украшенный сосцевидным налепом (рис. 2, *2*); небольшая фрагментированная миска усеченно-биконической формы (рис. 2, *3*); фрагмент горла сосуда с налепом (рис. 2, *4*); два бронзовых спиральных накосника (рис. 2, *10*, *11*); бронзовая ворворка (рис. 2, *12*); бронзовая подвеска из согнутой пополам толстой проволоки с несомкнутыми концами (рис. 2, *8*); массивный браслет из бронзы, овального в сечении, с несходящимися концами (рис. 2, *9*). Кроме того, в погребении были обнаружены отдельные кости и зубы лошади.

Потревожено было и **погр. 3**. Инвентарь его и остатки костей погребенного располагались на участке размерами 1,25×1,25 *м*, залегая на глубине от 0,6 до 0,7 *м*. Данное захоронение, как и предыдущие, произведено в простой грунтовой яме.

Здесь были найдены: фрагментированный горшок усеченно-биконической формы (горло украшено двумя небольшими сосцевидными налепами — рис. 2, *5*); крупный фрагментированный горшок баночной формы, орнаментированный четырьмя короткими налепами (рис. 2, *6*); фрагментированный горшок усеченно-биконической формы, украшенный по горлу композицией из трех рядом расположенных сосцевидных выпуклин (рис. 2, *7*); два фрагментированных браслета из тонкой листовой бронзы, выпукло-вогнутого сечения (рис. 2, *14*, *15*); бронзовая бляшка (рис. 2, *16*); две бронзовые подвески в 1,5 оборота разных размеров (рис. 2, *13*, *17*).

Добытые материалы интересны и достаточны для ряда рассуждений. Простая грунтовая могила — стабильный тип погребального сооружения в равнинно-предгорных памятниках кобанской культуры, в том числе и в прилегающих районах Чечено-Ингушетии (Исти-су, Сержень-Юрт, Аллерой, Шали, Алпатово, пос. им. Гикало и др.)[3]. Грунтовые могилы встречены и в некрополях харачоевского (ичкеринского) варианта каякентско-харачоевской культуры и близких им памятниках[4], причем в Зандакском могильнике они составляли около половины общего числа захоронений.

[3] *О. А. Артамонова-Полтавцева.* Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. СА, XIV, 1950, стр. 20 сл.; *В. И. Козенкова.* Раннекобанский могильник у села Сержень-Юрт. СА, 1969, 4, стр. 171; *В. Б. Виноградов.* Раскопки памятников раннего периода железного века в Чечено-Ингушетии. АО – 1969, М., 1970, стр. 96; *его же.* Новые комплексы скифского времени из Чечено-Ингушетии. СА, 1970, 3, стр. 204; *его же.* Центральный и Северо Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, стр. 236.

[4] *В. И. Марковин.* Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, стр. 35; *В. Б. Виноградов.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ, стр. 264–283.

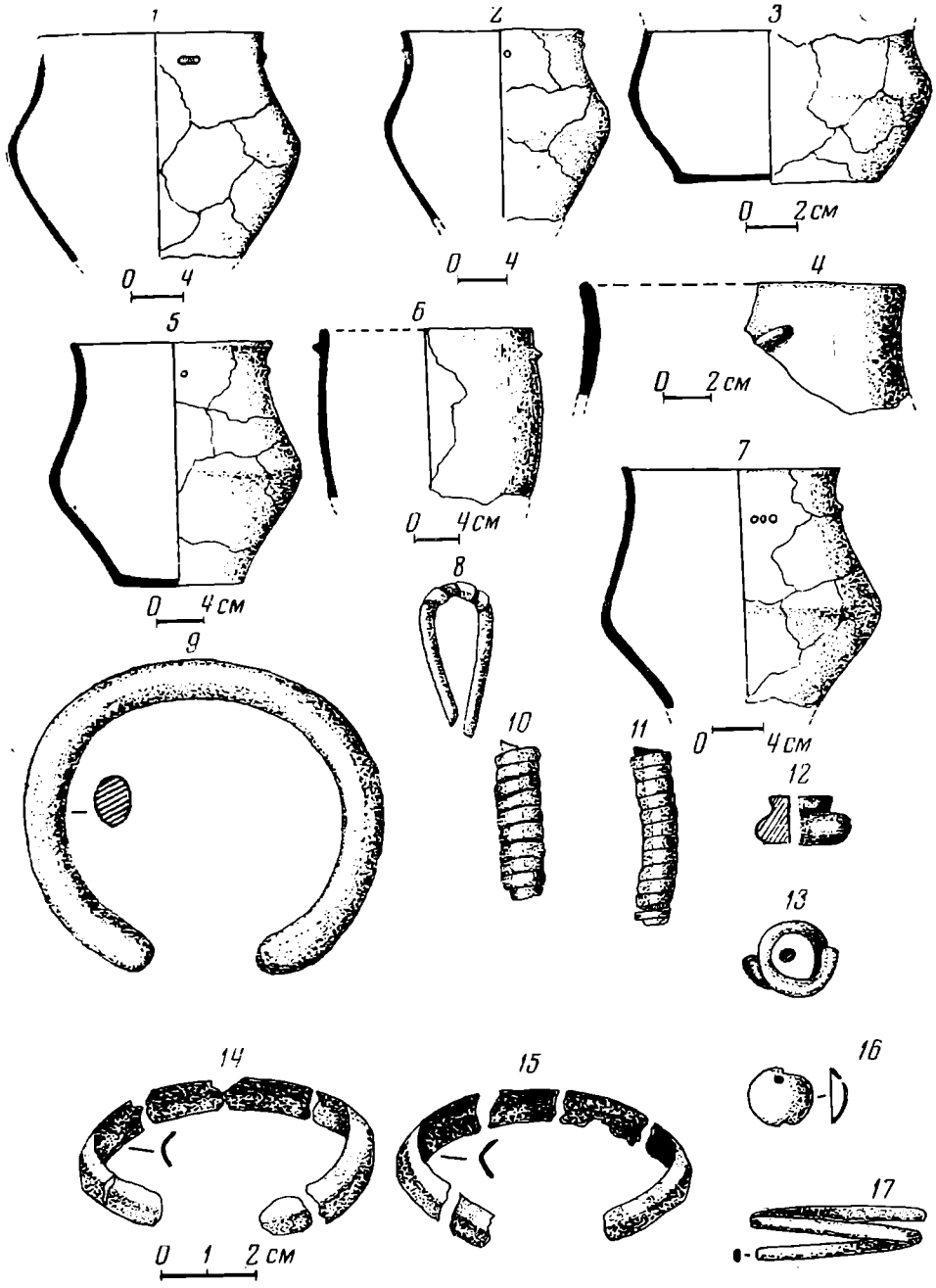


Рис. 2. Инвентарь погр. 2 и 3 Ахкинчу-Барзоевского могильника

Обряд погребения в раскопанных комплексах во всей полноте зафиксировать не удалось. Но некоторые его черты нам известны. В погр. 2 встречены следы угольной засыпки. Наличие угольков в могиле — частое явление в погребениях каякентско-харачоевской культуры (Харачой, Талги, Ак-Яр)[5]. То же явление известно в могилах из слоя Сержень-Юртовского поселения и, видимо, получило свое отражение в обычае помещать в могилы ритуальные плошки с углем (Сержень-Юртовский могильник, погр. 20, 21)[6].

[5] *В. И. Марковин.* Дагестан. и горная Чечня..., стр. 39, 40.
[6] *В. И. Козенкова.* Раннекобанский могильник..., стр. 173.

В погр. 2 и 3 найдены соответственно кости лошади и коровы. В. И. Марковин отмечает, что кости животных — остатки заупокойной пищи — найдены во всех памятниках каякентско-харачоевской культуры [7]. Редкие находки костей лошади требуют иного объяснения. Известны два захоронения коней со всадниками в Зандакском могильнике и конский череп возле погр. 35 в могильнике Тарки-1 [8]. Конские черепа сопровождали два погребения предскифского времени раскопанного В. Б. Виноградовым Аллероевского первого могильника. Погребения с конем раскопаны в Сержень-Юртовском могильнике [9]. Надо полагать, что здесь мы имеем дело с традицией погребения коня с его владельцем, не чуждой аборигенам Северного Кавказа в предскифское время [10].

Предметы погребального инвентаря дают возможность более определенно судить о времени сооружения ахкинчу-барзойских захоронений и об облике материальной культуры населения, оставившего данный могильник.

Посуда Ахкинчу-Барзоевского могильника представлена в основном лепными сосудами усеченно-биконических форм (рис. 2, *1—3*, *5*, *7*). Среди керамического инвентаря имеется и сосуд баночной формы (рис. 2, *6*). Обжиг керамики неровный; фрагменты окрашены в красно-серый, черный и темно-серый тона. Тесто слабое, со значительными примесями груботолченого шамота. Посуда украшена простыми сосцевидными налепами.

По всем морфолого-технологическим признакам посуда Ахкинчу-Барзоевского могильника близко соответствует посуде Сержень-Юртовского поселения и могильника из слоя и погребений доскифского времени [11].

Наконечник копья (рис. 1, *2*) сходен с закавказскими образцами XIII—X вв. до н. э. [12] и отличается от них, пожалуй, более узким и заостренным пером. Он полностью аналогичен экземпляру из слоя Сержень-Юртовского поселения [13]. Близкие по форме наконечники имеются в Сержень-Юртовском и Зандакском могильниках [14]. Они датируются В. И. Козенковой X—VIII вв. до н. э. [15]

Бронзовая ворворка (рис. 2, *12*), возможно, единственная пока в могильнике принадлежность конского снаряжения, так как мы склонны связывать ее с находкой костей и зубов лошади в погр. 2. Она имеет точные аналогии в Аллероевском первом могильнике, а также могильниках Пятигорья: «Индустрия» и Березовском четвертом [16]. Для скифского времени подобные формы ворворок уже нетипичны.

Из погребений могильника происходят **три типа височных колец.** I тип (рис. 2, *8*) оригинален, и аналогии ему пока нам неизвестны. II тип (рис. 2, *13*) близок височным подвескам первой группы каякентско-харачоевской

---

[7] *В. И. Марковин.* Ук. соч., стр. 40.

[8] Там же, стр. 93.

[9] *В. И. Козенкова.* О раскопках Сержень-Юртовского могильника. АО – 1969. М., 1970, стр. 95; *ее же.* Раскопки могильника у сел. Сержень-Юрт. АО – 1970. М., 1971, стр. 107; *ее же.* Сержень-Юртовский могильник кобанской культуры. АО–1971. М., 1972, стр. 128.

[10] *В. Б. Виноградов.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ, стр. 130, 131.

[11] *В. И. Козенкова.* Раннекобанский могильник..., стр. 180, 181, рис. 3, *4*, *6*, *7*, *ее же.* Кобанская культура на территории Чечено-Ингушетии, стр. 11; *А. А. Иерусалимская, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов.* Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии. КСИА АН СССР, 94, 1963, стр. 45, рис. 11, *2*, *3*.

[12] *Р. М. Абрамишвили.* К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике. ВГМГ т. XIX-А и XIX-В. Тбилиси, 1957, стр. 140, табл. 1, *180*, *225*, *226*.

[13] *Е. И. Крупнов, В. И. Марковин, В. И. Козенкова, Р. М. Мунчаев, В. Б. Виноградов.* Северо-Кавказская экспедиция. АО – 1966, М., 1967, стр. 59.

[14] *В. И. Козенкова.* Раннекобанский могильник..., стр. 174, рис. 1, *1*; *В. И. Марковин.* Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни. КСИА АН СССР, 98, 1964, стр. 85, рис. 24, *1*.

[15] *В. И. Козенкова.* Ук. соч., стр. 175.

[16] *В. Б. Виноградов.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., стр. 334, рис. 18, *3*; стр. 356, рис. 40, *5*.

культуры (по В. И. Марковину)[17]. III тип (рис. 2, *17*) в общих чертах сходен с указанной группой каякентско-харачоевских височных колец.

Спиральные накосники (рис. 3, *10*, *11*) одинаково множественны как в ранне-, так и позднекомбанских памятниках (Верхняя Рутха, Аллероевский, Нестеровский, Новогрозненский и другие могильники)[18]. Бронзовые бляшки, подобные найденной в могильнике (рис. 2, *16*), широко бытовали в кобанской культуре и столь же нейтральны в хронологическом отношении.

Три типа выделяются среди найденных браслетов. К первому относится браслет из погр. 1 (рис. 1, *1*). Круг аналогий ему достаточно велик, так как он принадлежит к числу хорошо известных кобанских браслетов, которые Е. И. Крупнов относил к IX—VIII вв. до н. э.[19]. На территории Чечено-Ингушетии такие же браслеты известны в Сержень-Юртовском и Аллероевском могильниках, а также в могильнике Яман-су и в составе Майртупского клада бронзовых изделий[20]. Браслет второго типа (рис. 2, *9*) на территории Чечено-Ингушетии имеет аналогии только из Зандакского могильника (погр. 38, датированное В. И. Марковиным VIII — первой половиной VII в. до н. э.)[21]. Сходный браслет известен в Султангорском могильнике VIII—VII вв. до н. э. в Пятигорье[22]. Другие, сравнительно удаленные аналогии известны в Тлийском могильнике (Южная Осетия) из погребений X—IX вв. до н. э.[23] Третий тип браслетов (рис. 2, *14*, *15*) напоминает третий тип височных колец Сержень-Юртовского могильника (по В. И. Козенковой)[24], так как имеет такое же выпукло-вогнутое сечение.

Таким образом, Ахкинчу-Барзоевский могильник имеет ряд черт, позволяющих сближать его с плоскостными памятниками кобанской культуры в Чечено-Ингушетии, особенно с Сержень-Юртовским могильником (грунтовые могилы, керамика, некоторые типы бронзовых предметов), но одновременно и с культурой предгорных районов Ичкерии (типы височных колец).

Вещи, найденные в погребениях, позволяют датировать могильник X — VIII (может быть, самым началом VII в. до н. э.).

---

[17] *В. И. Марковин.* Дагестан и горная Чечня..., стр. 64, рис. 28, *7*.

[18] *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, табл. XXXVIII, рис. 1, *3*; рис. 48, *19—21*; *В. Б. Виноградов.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ, стр. 357, рис. 41, *2*; *В. Б. Виноградов, С. Л. Дударев, Х. М. Мамаев, В. А. Петренко.* Отчет об археологических разведках..., стр. 27, рис. 30, *14*.

[19] *Е. И. Крупнов.* Древняя история..., стр. 236.

[20] *В. И. Козенкова.* Раннекобанский могильник..., стр. 177, рис. 2, *17*, *18*; *В. Б. Виноградов.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ, стр. 356, рис. 40, *17—19*; *В. Б. Виноградов, С. Л. Дударев, Х. М. Мамаев, В. А. Петренко.* Отчет об археологических разведках..., стр. 41, рис. 41, *8*; *В. Б. Виноградов.* Новые комплексы скифского времени из Чечено-Ингушетии. СА, 1970, 3, стр. 203, рис. 1, *7—10*.

[21] *В. И. Марковин.* Дагестан и горная Чечня..., стр. 84.

[22] *В. Б. Виноградов, А. П. Рунич.* Новые данные по археологии Северного Кавказа. АЭС, т. 3. Грозный, 1969, стр. 133, рис. 13, *14*.

[23] *Б. В. Техов.* Тлийский могильник и проблема хронологии культуры поздней бронзы – раннего железа Центрального Кавказа. СА, 1972, 3, стр. 30, 31, рис. 2, *217*, *218*.

[24] *В. И. Козенкова.* Ук. соч., стр. 176, 177, рис. 2, *2*.

Е. Н. СИМОНОВА

НОВЫЙ МОГИЛЬНИК ПОЗДНЕАВАРСКОГО ВРЕМЕНИ В ОБЛАСТИ ШОМОДЬ

Область Шомодь, лежащая в Юго-Западной Венгрии, начиная с первобытности в археологическом отношении развивалась так же, как и другие области Карпатского бассейна. Расположенная на окраине юго-восточной Европы, в месте сосредоточения сухопутных и водных путей, она явилась местом стыка культур Средней Европы и Балкан.

За последние годы на территории области Шомодь, мало исследованной в археологическом отношении, увеличилось количество находок аварского времени. Особенно важен тот факт, что преобладают не случайные находки, а могильные комплексы, происходящие из двух позднеаварских могильников — Топонар (Toponár) и Фейсерлак-пуста, расположенных на расстоянии 1.5 *км* друг от друга. Остановимся на рассмотрении материала могильника Топонар.

Могильник расположен в 9 *км* к ВСВ от г. Капошвара, на склоне невысокого холма у железнодорожной линии Капошвар — Тасар. Большая часть могильника уничтожена песчаным карьером. Раскопками 1968—1970 гг. удалось исследовать 148 могил, из которых первые 13 были вскрыты И. Эрдели.

Погребенные, как правило, были помещены в продолговатых ямах со скругленными углами. Глубина погребальных ям колеблется от 0,4 до 3 *м*. Преобладают ямы с вертикальными стенками, продолговатые в плане, с ровным или же имеющим наклон в ту или другую сторону дном, реже с мисковидным или выпуклым. Размеры могильных ям различны. За исключением одного случая, покойники лежали головой на запад с некоторыми отклонениями к северу.

В неглубоких могилах умершие были положены на землю, в глубоких— часть дна, где лежал погребенный, была покрыта или обложена с боков, а иногда сверху досками. Исключение представляют четыре погребения (40, 51, 114, 136), где умершие лежали в гробах, о чем свидетельствует древесный тлен, железные скобы, обручи и гвозди (рис. 1). Погребенные лежали вытянуто на спине, лицом кверху, руки вытянуты вдоль туловища, ноги близко сдвинуты. В некоторых могилах череп смещен вправо или влево. В одном случае (погребение 40) череп находился на груди скелета.

Значительные отклонения наблюдаются в положении рук: правая или левая рука согнута в локте и лежит на тазовой кости, или обе руки находятся в этом положении. Иногда руки несколько разведены или покоятся на туловище. В ряде случаев правая или левая рука лежит под тазовой костью или на груди. Кости ног обычно близко сдвинуты, но бывают и широко раздвинуты. Иногда они согнуты в коленях внутрь или перекрещиваются. Погребение 133 — единственное, имеющее иную ориентировку. Скелет в этом погребении лежал на животе, между 11-м и 12-м ребрами найден наконечник трехлопастной железной стрелы.

Большое количество ограбленных могил (треть всех вскрытых погребений могильника) и материал, полученный при раскопках, свидетельствуют о богатстве могильника. Наличие грабительских ходов наблюдалось в профиле стенок только трех могил (94, 103, 106). В ограбленных могилах нередко отсутствуют черепа. Зафиксировано пять таких случаев. В двух случаях из пяти были найдены нижние челюсти. Вероятно, в остальных трех случаях похищение черепов произошло вскоре после погребения.

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие следов заупокойной пищи в погребениях, столь характерной для могильников аварской эпохи. Среди 148 погребений нашего могильника остатки заупокойной пищи встречены лишь в трех могилах (в нарушенной 95 — лопатка лошади (?), в нарушенной 134 — кости барана, в детской 110 — неопределимая кость животного). Яичная скорлупа и кости птицы отсутствуют. К числу необычных находок относится пять панцирей черепахи, обнаруженных в заполнении трех могил (21, 40, 51). Таким образом, в двух из трех случаев черепахи (по две в каждой) были помещены в тех могилах воинов, которые сопровождались конскими захоронениями. Аналогичный случай зафиксирован в аварском могильнике VI—VIII вв. Бадьог, недалеко от Дьёра. В нем, согласно сообщению О. Дели, в могиле 75 было найдено два панциря черепахи, помещенных у левого плеча и левого бедра [1].

[1] *O. G. Dely.* Schildkrötenreste (Emys orbicularis L.) aus einem Awarengrabe. Országos Természettudományi Muzeum évkönyve. II, 1952, S. 163—167; *K. Sági.* A vörsi lan-

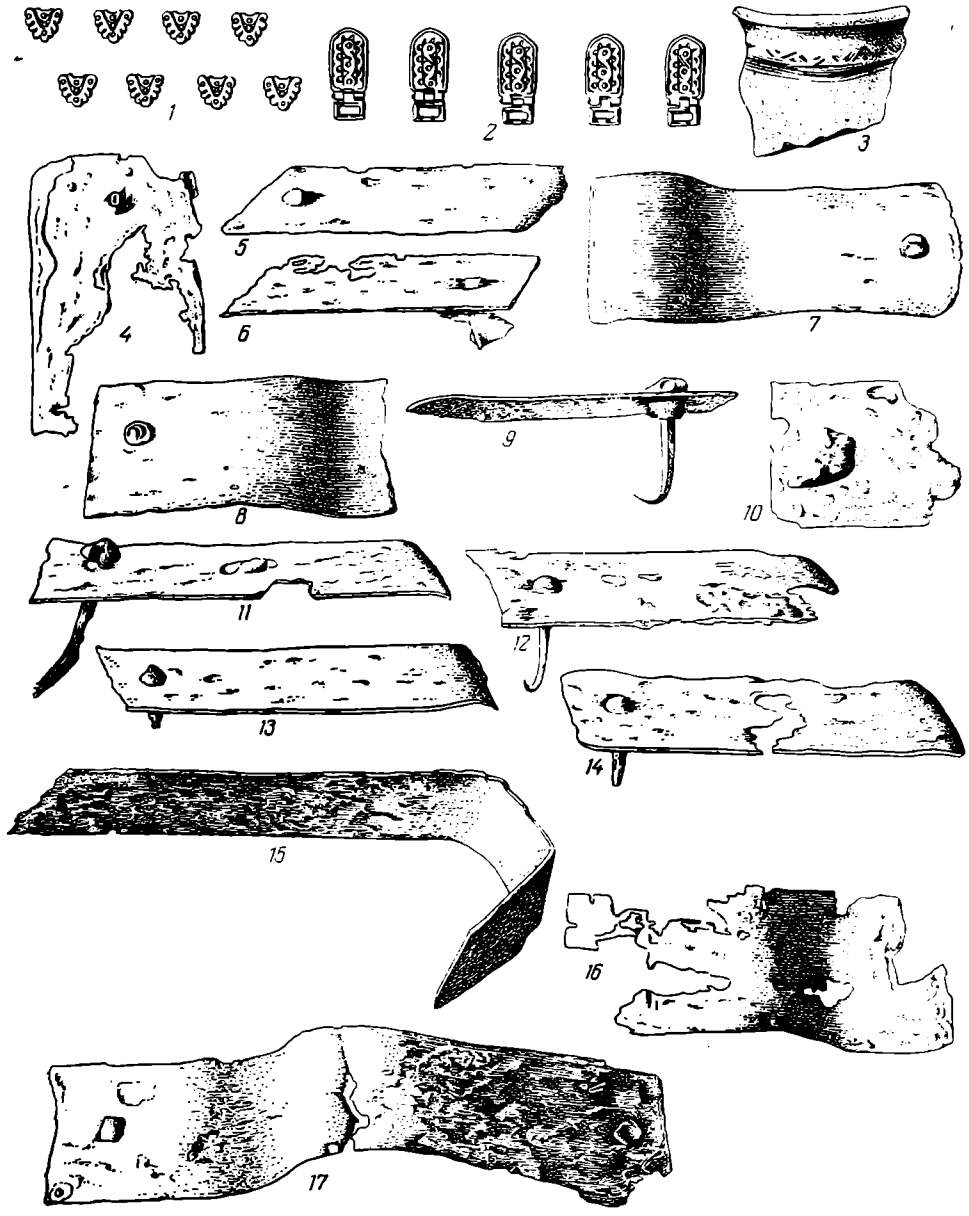


Рис. 1. Погребение 51. *1* – 8 бронзовых треугольных поясных накладок; *2* – 5 бронзовых сложных накладок пояса; *3* – венчик сосуда, украшенного линейно-волнистым орнаментом; *4–17* – обломки железных обручей от гроба

Было вскрыто три конских погребения в отдельных ямах рядом с могилами мужчин: 39 относится к могиле 40, 52 — к могиле 51. Причем в могиле 39 находилось двойное конское захоронение. Во всех трех случаях конские могилы в отдельных ямах как бы в подтверждение типологии А. Кишша, разработанной им в 1962 г., находились справа от человеческих[2]. Все они отличаются богатым инвентарем, частью разграбленным (рис. 2).

Вероятно, проявлением семейных связей в погребальном обряде надо объяснить особенности трех пар могил: 25, 28; 80 и 88; 145 и 147. В пер-

gobárd temető újább ásatási eredményei. A Veszprém megyei muzeumok közleményei kötétből 1963 (6 sz. sir.).

[2] *A. Kiss.* Az avarkori lovas – temetkezés szokásának vizsgálata. A J. P. M. évkönyve. 1962, VII. Pécs, 1963, 153–162 old.

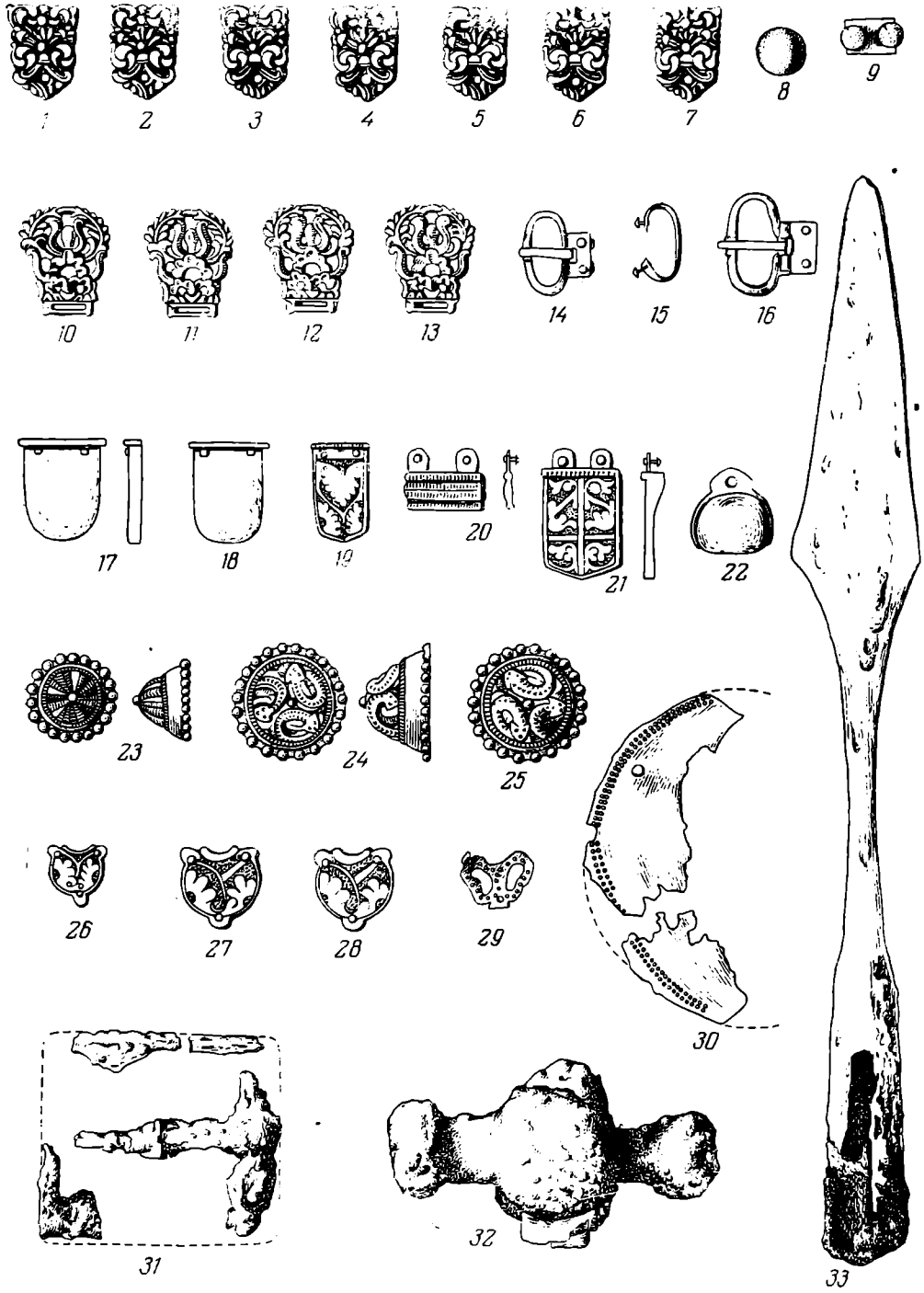


Рис. 2. Погребение 52 («самостоятельное конское захоронение»). *1–7*, *10–13*, *17*, *18* – литые бронзовые позолоченные украшения конского убора, *8* – бронзовая пуговица; *9* – обломок пластинчатой бронзовой накладки конского убора; *14–16* – литые бронзовые позолоченные пряжки с петлей, *19–21* – бронзовые позолоченные наконечники ремней конского убора; *22* – бронзовый позолоченный бубенчик; *23–25* – бронзовые позолоченные округлые бляхи; *26–28* – литые бронзовые позолоченные накладки ремня с орнаментом «блатницкого типа»; *29* – украшение из тонкой бронзовой пластины с орнаментом; *30* – обломки фалеры; *31* – обломки железной пряжки; *32* – молотообразный железный предмет; *33* – литой бронзовый наконечник копья

вом случае в раннем погребении был захоронен мужчина, а в более позднем захоронении находилась женщина; во втором случае — двое детей; в третьем случае — в более раннем погребении была захоронена женщина, в более позднем — ребенок. По-видимому, населению, хоронившему своих покойников в этом могильнике, было точно известно расположение и глубина погребений, так что спустя несколько лет, а может быть, и десятилетий, захоронение происходило без нарушения могилы ранее погребенного. Большой интерес представляет также проблема парных могил. Вероятно, совершенно справедливо замечание И. Эрдели, сделанное им на основании данных из могильника Яношхида, что умерших маленьких детей хоронили около матери[3]. С подобным явлением мы встречаемся в двух случаях (погребения 91 и 106, 98 и 99). Помимо этого, еще в двух случаях мы встречаемся с захоронением маленьких детей рядом с мужчиной (погребения 33 и 34, 125 и 133).

Наш могильник, так же как Юташ и Ёшко, беден керамикой[4]. Все 148 могил дали только семь сосудов, из которых один относится к желтой керамике. Это кувшин без ручки, две трети поверхности тулова которого покрывает линейный орнамент, на дне стоит клеймо. Обнаружен у ног мужского костяка. Размещение шести грубых сосудов серого цвета не обнаруживает никакой связи ни с полом, ни с возрастом погребенных. Эти сосуды были обнаружены в трех детских могилах, в двух мужских и одной женской. Во всех случаях они находились у ног погребенного.

Для полного представления о погребальном инвентаре следует коротко остановиться на металлическом инвентаре, обнаруженном при раскопках могильника. В мужских погребениях в большом количестве встречены железные ножи и пряжки, кресала, кремни, предметы поясных наборов. Целый поясной набор, состоящий из 30 предметов, является единственным в могильнике и происходит из могилы № 119, где была похоронена женщина (согласно определению антрополога Ш. Венгера). Из женских могил происходят различные украшения: серьги, S-образные височные кольца, бусы, браслеты, нагрудные бляхи. Перстни не встречены.

Из вышесказанного следует, что по способу погребения, а также по инвентарю могилы в общих чертах можно разделить на две группы. К первой группе принадлежат погребения в неглубоких и узких могилах с очень бедным инвентарем или безынвентарные. Ко второй группе принадлежат погребения, тщательно оформленные, произведенные в глубоких ямах, в гробах или при наличии отдельных деревянных конструкций, с богатым инвентарем. Характер могил и их инвентарь показывают, что в них отражались не только религиозные представления, а прежде всего социально-экономические отношения и общественное положение погребенных. Это можно видеть в погребениях воинов, их жен и детей, которые принадлежали к господствующему классу, отличавшемуся от остального населения богатым погребальным инвентарем.

Важны единичные находки оружия. Среди 148 погребений только три могилы (11, 52 и 133) дали две стрелы и одно копье. Среди предметов конского снаряжения полностью отсутствуют удила, псалии и стремена. О присутствии лука свидетельствуют остатки роговых накладок. В погребении 40 справа от погребенного находилось 11 роговых накладок лука. Все они с покрытой бороздками внутренней поверхностью для прикрепления их к деревянной основе лука — кибите. Лук с 11 роговыми накладками характерен для аварской эпохи Венгрии и других стран. С течением времени происходил процесс уменьшения размеров роговых накладок и их количества в связи с уменьшением размера лука. Найденный нами лук относится еще к классическим образцам.

---

[3] *I. Erdélyi.* A jánoshidai avarkori temető. Régészeti Füzetek. M. N. M. 1958, 440 old.
[4] *N. Fettich.* Jutas und Öskü. Skythika, IV. Prague, 1931. Rhé Gy.

Что касается погребений без инвентаря, то они представлены 51 могилой (имеются в виду ненарушенные погребения). Среди них большинство (33) детских, 10 женских и 8 мужских.

Чрезвычайно важен и интересен вопрос, связанный с системой захоронения нашего могильника. В целом могильник Топонар не может быть отнесен к типу таких позднеаварских могильников, как Чунь [5], Гатейри [6], Дьори [7], где четко прослеживаются ряды могил. В нашем могильнике могут быть намечены отдельные ряды, но в целом для него более характерно то, что могилы разделяются на группы. Предположительно можно говорить о наличии восьми групп. Самая характерная по своему положению и по погребальному инвентарю группа находится в центре могильника, на самой вершине холма. Она представлена наиболее богатыми могилами трех мужчин с конями (39, 51, 116 — мужские захоронения с литыми поясами и 39, 52, 120 — конские захоронения в отдельных ямах), а также с примыкающими к ним женскими, детскими и мужскими захоронениями. Остальные семь групп представляют собой сосредоточение женских и детских могил вокруг основного ядра — одного или нескольких мужских погребений.

Литые поясные наборы, конские могилы и т. д. обычны для позднеаварских памятников, но полное отсутствие удил, псалий, стремян, минимальное количество керамики и заупокойной пищи — отличительная черта Топонара.

Материал хронологически относится к третьему периоду, согласно периодизации Д. Чалланя [8], в узких рамках — к VIII — началу IX в. В то же время он является наследием двух предшествующих периодов. Большой интерес вызывает то, что наряду с главным декоративным мотивом третьего периода — грифоно-лозовым орнаментом — широко распространен узор, характерный для вещей круга Надь-Сент-Миклош [9], Кишкереш, Престовац [10]. Некоторые вещи нашего могильника близки не только находкам из позднеаварских могильников Венгрии, но также находят аналогии в могильниках Словакии (Блатница, Шали II и т. д.) [11], Моравии (Микульчацы), Югославии (Новый Сад, Ада, Врбаш) [12], Австрии (Крунгл, Хохенберг, Мистельбах) [13] и в салтово-маяцкой культуре [14] VIII—IX вв. Наряду с позднеаварскими находками упомянутые могильники содержат предметы с восточной (иранской?) орнаментацией, которая не находит себе местных аналогий [15]. Эта интересная черта заставляет придавать особое значение указанной группе памятников.

---

[5] *A. Sőtér.* Csunyi és orosvári ásatások. AÉ, 1894, 306–310 old.

[6] *E. Kada.* Gátéri (Kun – kisszállási) temető a régibb közepkorból. AÉ, 1905, XXV. 360–384 old; AÉ, 1906, XXVI, 135–155 old.

[7] *N. Fettich, J. Nemeskeri.* Győr története népvandorláskorban. Gyor, 1943, 3–57 old.

[8] *O. Csallány.* Kora–avarkori sirleletek. A szegedi városi muzeum kiadványai. Szeged, 1939, 30–33 old. *N. Mavrodinov.* A Nagyszentmiklósi ősbolgár kincs. AH, XXIX, MTM, Budapest, 1943.

[9] *N. Fettich.* Nagyszentmiklósi kincs. Müvészeti Lexikon, II, Bp. 1935. *J. Hampel.* A nagy — szent — miklósi kincs. AT, IV, 1884, 1 – 166 old....

[10] *D. Csallány.* Opt. cit.

[11] *Zl. Čilinská.* Dve predvel'komoravské pohrebiská v Šali, okr. Galanta. AR, XXV, 1973, 5, str. 527–539.

[12] *S. Nagy.* Le cimetiére de Vrbas l'époque avare et ses rapports avec le trésor de Nagyszentmiklós et la tasse en argent d'Ada. Conférence Internationle 1971 á Szeged, Budapest 1972, p. 111–114.

[13] *N. Fettich.* A honfoglao magyarság fémmüvészsége. AH, XXI, 1937;
H. Mitscha-Märheim. Die frühmittelalterlichen Gräberfunde von Mistelbach, Katzalsdorf, Münchendorf und Schwechat. Niederdonau, Natur und Kultur. VIII (1941), S. 1–58.

[14] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. М., 1967.

[15] *J. Bures.* Islamská ornamentika ze Skalice. MUSAICA, XV (IV), Bratislava, 1964, str. 44;
Б. И. Маршак. Согдийское серебро. М., 1971, стр. 55, 78, 80.

В. С. ФЛЕРОВ

ЧЕТЫРЕХЛИСТНИК В ОРНАМЕНТАЦИИ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КЕРАМИКИ

Орнаментация салтово-маяцкой столовой керамики чрезвычайно разнообразна и в то же время устойчива. Это горизонтальные каннелюры, волна, косая сетка, чередование лощеных и нелощеных вертикальных зон на тулове сосуда, треугольники сплошные и штрихованные, оттиски зубчатого штампа в сочетании с пролощенным орнаментом или без него и ряд других. Каждый элемент орнамента может применяться как самостоятельно, так и в сочетании с другими элементами. В большинстве случаев фигуры орнамента выполняются пролощенными линиями на нелощеном фоне или углубленными линиями лощения на лощеной же поверхности сосуда.

Подавляющее большинство прототипов орнаментов салтово-маяцкой столовой посуды распространено на территории северо-кавказской Алании, где они появляются с IV в. н. э.[1] Северокавказское происхождение столовой посуды салтово-маяцкой культуры и ее орнаментики в настоящее время доказано и не вызывает сомнений[2]. Это признано большинством специалистов.

Указанные виды орнамента распространены на территории всех основных вариантов культуры, в степной и лесостепной зонах, в Приазовье. Наиболее полное представление об орнаменте столовой лощеной керамики дают раскопки катакомбных могильников. Характерной особенностью катакомбного обряда погребения средневековых алан бассейна Северского Донца является почти полное отсутствие среди погребального инвентаря привозной, импортной посуды. Предпочтение отдано местной и притом только столовой посуде (кухонные горшки — редкая находка в катакомбных погребениях). В качестве характерного примера можно указать на Дмитровский могильник в Белгородской области, многолетние раскопки которого провела С. А. Плетнева[3]. Такое негативное отношение к импортной керамике характерно только для погребального обряда, но отнюдь не для быта салтовских племен. Свидетельством тому служит широкое распространение на кочевьях, поселениях и городищах круглодонных амфор северопричерноморского типа[4], одним из центров производства которых был Крым[5]. Гончарные мастерские Северного Причерноморья, особенно Крыма, на всем протяжении существования салтово-маяцкой культуры служили главным поставщиком импортной керамики. Распространению амфор крымского производства по Приазовью и бассейну Дона в значительной мере способствовало расселение болгар в Крыму[6].

В свете контактов между Крымом и Приазовьем—Доном, как мне представляется, следует решать вопрос о происхождении очень редкого для салтовской керамики орнамента — четырехлистника, стоящего особняком

---

[1] *В. А. Кузнецов.* Аланские племена Северного Кавказа. МИА, 106, 1962, рис. 3, 15, 17, 24, 27.

[2] *И. И. Ляпушкин.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, 62, 1958, стр. 145, 146; *Б. А. Шрамко.* Древности Северного Донца. Харьков, 1962, стр. 289; *А. С. Плетнева.* От кочевий к городам. МИА, 142, 1967, стр. 184.

[3] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 116, 123, 124; *С. А. Плетнева, Т. И. Макарова.* Работа Северско-Донецкой экспедиции. АО – 1973, М., 1974, стр. 69, 70.

[4] *А. Я. Якобсон.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV 1951.

[5] *А. Я. Якобсон.* Раннесредневековые гончарные печи в Восточном Крыму. КСИИМК, 54, 1954, стр. 164–172; *его же.* Средневековые гончарные печи в районе Судака. КСИИМК, 60, 1955, стр. 102–109; *его же.* Раннесредневековый Херсонес, МИА, 63, 1959, стр. 306–309; *М. А. Фронджуло.* О раннесредневековом ремесленном производстве в Юго-Восточном Крыму. Сб. «Археологические исследования средневекового Крыма». Киев, 1968, стр. 133–142.

[6] *А. Я. Якобсон.* Крым в средние века. М., 1973, стр. 36.

в орнаменте салтово-маяцкой керамики, для которой характерны линейные геометрические композиции.

Автором просмотрено несколько сот столовых лощеных сосудов, происходящих из разных памятников салтово-маяцкой культуры, в том числе из Саркела, Правобережного Цимлянского городища, Суворовского поселения, Верхне-Салтовского могильника, Дмитровского могильника и селища, Маяцкого городища, городища Маяки, Фанагории и ряда поселений и ко-

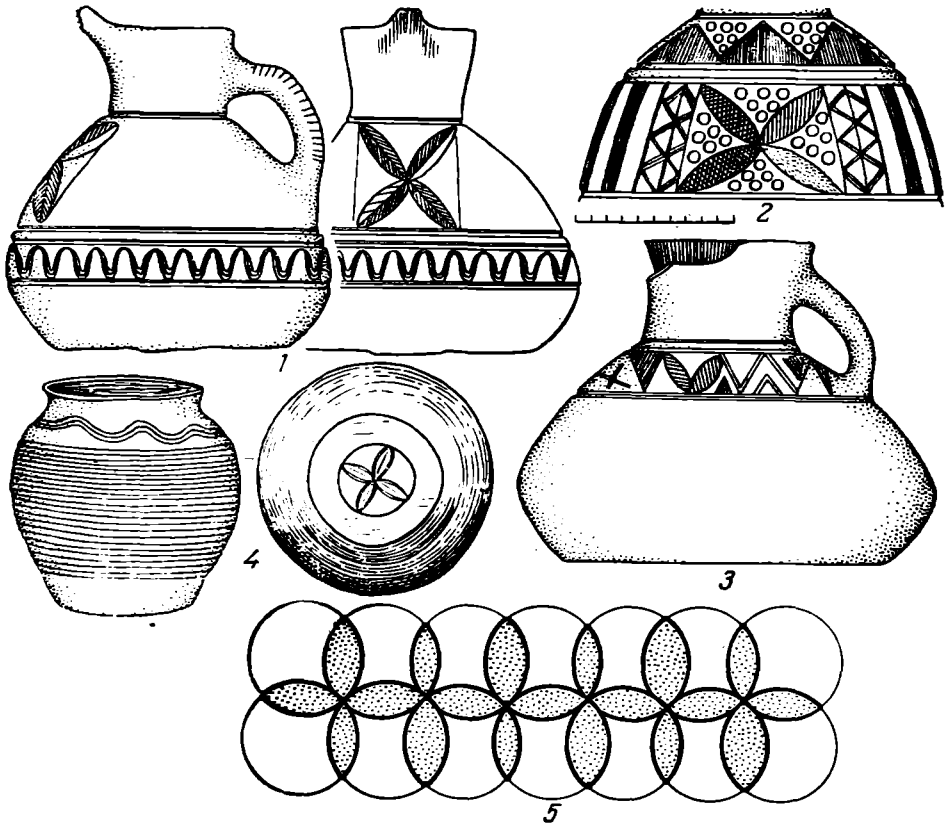


Рис. 1. Четырехлистник в орнаментации салтово-маяцкой керамики. *1* – Морской Чулек; *2* – Верхний Салтов, поселение; *3* – Дмитровский могильник; *4* – Херсонес, некрополь; *5* – схема четырехлистного орнамента полов раннесредневековых базилик Херсонеса

чевий Дона, Северского Донца и Приазовья. Удалось обнаружить только три сосуда с изображением четырехлистника.

Первый является случайной находкой в районе станции Морской Чулек в районе устья Дона на северном берегу Таганрогского залива [7]. Чернолощеный кувшин высотой 20 *см*, с широким приземистым туловом и низким горлом. На дне клеймо в виде рельефного четырехугольника. Орнамент кувшина состоит из крутой волны между горизонтальными каннелюрами, проходящими по наиболее широкой части тулова, пролощенных горизонтальных линий на внешней стороне ручки и четырехлистника, выполненного лощением на передней части тулова (рис. 1, *1*).

Второй сосуд происходит из поселения в Верхнем Салтове [8]. Фрагменты тулова кувшина покрыты сплошным орнаментом. На верхней части тулова треугольники с заключенными в них кружочками, образующими гроздья, средняя основная часть тулова, ограниченная снизу и сверху горизонтальными каннелюрами, покрыта широкими вертикальными полосами лоще-

[7] Хранится в музее-заповеднике «Танаис».

[8] Раскопки Д. Т. Березовца, 1961. Поселение Подол, раскоп. VII, кв. 8–9, шт. 2–3, № 194, хранится в ИА АН УССР.

ния. На передней части изображен четырехлистник, с гроздьями между листьев. По бокам четырехлистника вертикальные композиции из соединенных вершинами ромбов (рис. 1, *2*).

Третий сосуд происходит из Дмитровского могильника [9]. Это чернолощеный кувшин высотой 20 *см* с приземистым туловом диаметром 26 *см*. На верхней части тулова между горизонтальными каннелюрами узкая лента орнамента, состоящая из треугольников, косого креста и двух листьев, соединенных основаниями, которые можно трактовать как элемент четырехлистника (рис. 1, *3*).

Не исключено, что ряд сосудов с четырехлистным орнаментом остался автору неизвестным, однако редкая встречаемость четырехлистника как элемента орнамента салтово-маяцкой посуды не вызывает сомнений.

Самым ярким и широко известным среди населения средневекового Крыма, особенно Херсонеса, образцом использования четырехлистной композиции являются мозаичные полы раннесредневековых херсонесских базилик [10]. На мозаичных полах хорошо видно, что четырехлистник образуется пересечением четырех окружностей в одной точке [11] (рис. 1, *5*), что можно рассматривать как исходную форму этого мотива. Весьма примечательна находка на херсонесском некрополе типичного салтовского горшка с линейно-волнистым орнаментом, который А. Я. Якобсон относит к IX в. [12] На дне горшка рельефный оттиск клейма в виде четырехлистника (рис. 1, *4*). Это клеймо-четырехлистник является уникальным среди гончарных клейм салтово-маяцкой культуры. Четырехлистник не встречается ни среди клейм Северного Кавказа, ни среди клейм Волжской Болгарии [13]. Нет четырехлистника и среди знаков на кирпичах Саркела [14] и Семикаракорского городища [15]. Единственный такой знак происходит из Капидавы (Румыния) [16]. Его появление М. Комша связывает также с влиянием городской цивилизации [17].

Четырехлистник бытует в качестве орнамента на керамике в Крыму и в последующее время, в период позднего средневековья [18].

Возникает вопрос, где были произведены кувшины с четырехлистным орнаментом — на месте или же привезены из Крыма? Формы сосудов, их пропорции, техника исполнения и основной орнамент (исключая четырехлистник) говорят о том, что они были произведены там же, где найдены.

Для салтово-маяцких памятников, как уже отмечалось, вообще не характерен импорт столовой посуды. Исключение составляют лишь невысокие тонкостенные красноглиняные кувшинчики — ойнохои, как и амфоры, поступавшие из мастерских Северского Причерноморья. В редких случаях они помещались в катакомбные погребения [19], что можно объяснить некото-

---

[9] Раскопки С. А. Плетневой. 1966. Катакомба 81, дромос.

Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность С. А. Плетневой за предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы Дмитровсого могильника.

[10] *А. Я. Якобсон.* Раннесредневековый Херсонес, стр. 176–177, рис. 84, 85, стр. 227. рис. 118; стр. 229, рис. 119.

[11] Там же, стр. 226.

[12] Там же, стр. 311, 312, рис. 165.

[13] *С. А Плетнева.* От кочевий к городам, стр. 126, рис. 32. Карта распространения клейм на Дону, Северном Кавказе, в Волжской и Дунайской Болгариях.

[14] *М. И. Артамонов.* Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК, 131, 1935, стр. 92, рис. 39; *А. М. Щербак.* Знаки на керамике и кирпичах из Саркела – Белой Вежи. МИА, 75, 1959, табл. XXI–XXV.

[15] Раскопки автора в 1971–1974 гг.

[16] *М. Комша.* О значении гончарных клейм раннефеодальной эпохи. «Dacia», V, 1961, стр. 456, рис. 4.

[17] Там же, стр. 458.

[18] *А. Я. Якобсон.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). МИА 17, 1950, табл. XIV–XXII; *О. И. Домбровский.* Средневековые памятники на Бойке. Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968, стр. 90, рис. 7, *а*.

[19] Дмитровский могильник. Раскопки С. А. Плетневой. Катакомбы 98 (1967 г.), 126 (1970 г.), 154 (1972 г.).

рой близостью их форм с лощеными кувшинами и общим назначением — столовая посуда для жидкостей. Наиболее вероятно, что описываемые кувшины с четырехлистным орнаментом были изготовлены мастерами, побывавшими в Крыму или выходцами из алано-болгарской среды Крыма, переселившимися в бассейн Северного Донца и в Приазовье.

Крымское происхождение четырехлистного орнамента салтово-маяцкой керамики интересно не только само по себе. Во-первых, оно лишний раз иллюстрирует связи населения бассейна Дона и Приазовья в VIII—IX вв. с Крымом. Во-вторых, подчеркивает самостоятельное происхождение салтово-маяцкой орнаментики, ее традиционную невосприимчивость к чужеродному влиянию. Именно таким элементом для салтово-маяцкого гончарного производства является четырехлистник, не получивший, несмотря на его использование отдельными мастерами, широкого распространения.

Предположение М. А. Фронджуло о причерноморско-крымском происхождении некоторых форм салтово-маяцкой керамики и ее волнистого орнамента лишь на том основании, что он известен и в Крыму[20], выглядит малоубедительным.

[20] *М. А. Фронджуло.* Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское 1957—1959 гг. Сб. «Археологические исследования средневекового Крыма». Киев. 1968, стр. 129.

Г. К. ВАГНЕР

ОБ ОТКРЫТИИ РЕЗНЫХ НАДПИСЕЙ СРЕДИ ФАСАДНОЙ СКУЛЬПТУРЫ ДМИТРИЕВСКОГО СОБОРА ВО ВЛАДИМИРЕ

В 1974 г. предпринята расчистка наружных стен Дмитриевского собора во Владимире (1194—1197 гг.), украшенных многочисленными рельефами. При этом, как и предполагалось[1], были сделаны очень интересные открытия. Несомненно, самым интересным является раскрытие под позднейшими известковыми наслоениями резной надписи ДА ВЪ (Давид) около головы рельефного изображения царя-псалмопевца в центральной закомаре западного фасада[2]. Этим самым кладется конец давним сомнениям ученых: кого представляет данный рельеф — Давида или Соломона?

Как известно, многие исследователи и раньше считали, что на упомянутом рельефе (а также на его повторениях на южном и северном фасадах) изображен царь Давид. Основанием служило сходство этих рельефов с заглавной фигурой в фасадной скульптуре церкви Покрова на Нерли, где, согласно надписям, изображен Давид. Однако Н. П. Кондаков высказал мысль, что в рельефах Дмитриевского собора следует видеть не Давида, а Соломона[3]. Той же мысли придерживался Н. В. Малицкий[4], а в последнее время она развита мной в монографии, посвященной владимиро-боголюбовской скульптуре[5]. Мною сказано, что от понимания рельефов центральных закомар зависит очень многое[6]. Значит ли это, что окончательное возвращение к определению фигуры царя как Давида, а не Соло-

[1] *Г. К. Вагнер.* Скульптура древней Руси. XII век. Владимир. Боголюбово. М., 1969, стр. 425.

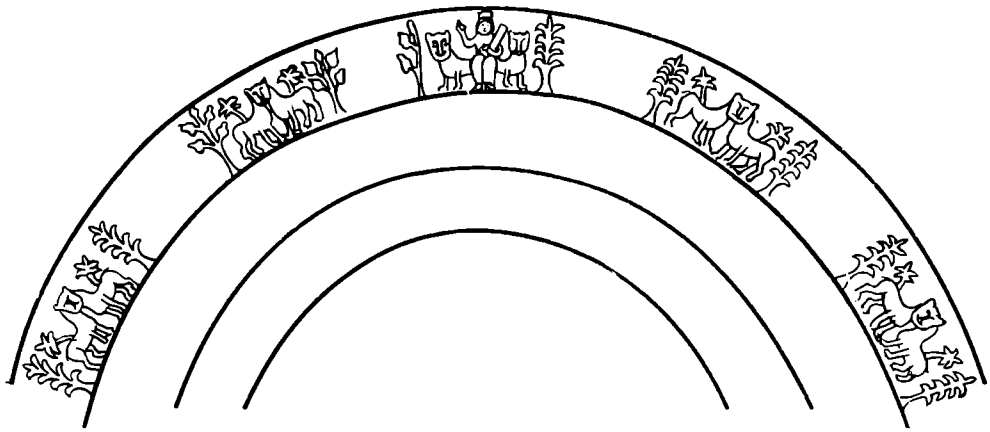
[2] Надпись раскрыта реставратором Алексеем Орловым.

[3] *И. Толстой и Н. Кондаков.* Русские древности в памятниках искусства, вып. VI СПб., 1899, стр. 31.

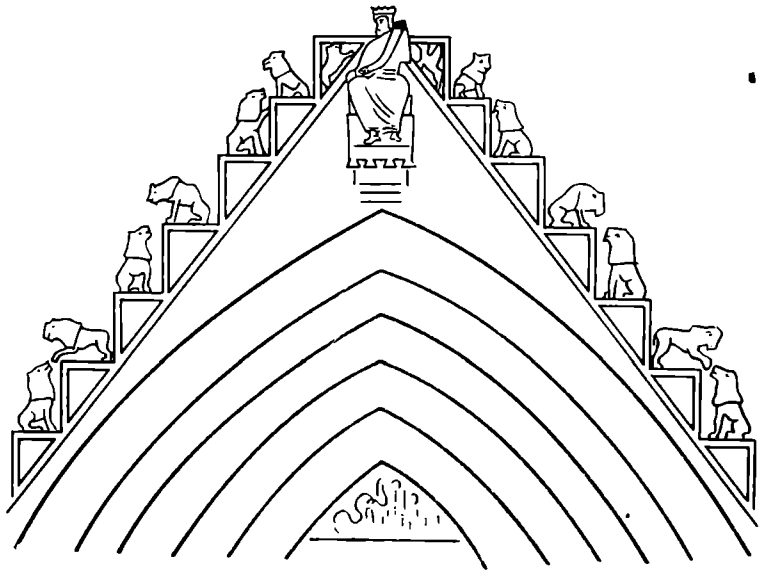
[4] *Н. Малицкий. Fanina W. Halle.* Die Bauplastik von Wladimir – Ssuzdal. Сообщения ГАИМК, 1931, 2, стр. 33.

[5] *Г. К. Вагнер.* Ук. соч., стр. 250 сл.

[6] *Г. К. Вагнер.* Ук. соч., стр. 250.



а



б

Рис. 1. *а* – Соломон на троне. Резьба южного портала Дмитриевского собора во Владимире (схема), *б* – Соломон на троне. Скульптура портала Страсбургского собора (схема)

мона разрушает предложенную мной концепцию об отражении в фасадной скульптуре Дмитриевского собора идеи мудрого устроения Вселенной, с которой могла ассоциироваться Владимиро-Суздальская земля?

Вполне вероятно, что в рельефе царя-псалмопевца не только западного, но и других фасадов изображен также Давид. Но остаются еще три важных сюжета, в которых участвует Соломон. Этого нет в скульптуре храма Покрова на Нерли. Напомним эти три сюжета с участием Соломона.

В левой закомаре западного фасада Дмитриевского собора изображены два царя, шествующие вправо (в сторону центральной закомары)[7]. Я предполагал, что Давид ведет Соломона к трону, на котором Соломон (по моей концепции) и изображен восседающим в центральной закомаре[8]. Теперь

[7] Там же, стр. 256, илл. 182.
[8] Там же, стр. 262 сл., илл. 193.

выяснилось, что на троне восседает сам Давид. Соломон, однако, изображен (вторично!) на своем знаменитом троне с изваяниями львов на центральном рельефе южного портала (рис. 1, *а*). Эта атрибуция, в которой я следовал за Н. В. Малицким [9], остается непоколебленной. Конечно, роль Соломона здесь далеко не центральная, но не надо забывать, что южный портал был «княжеским», так что идейная нагрузка на этот небольшой рельеф была большая. Иначе говоря, идея царя-мудреца (Соломона) из скульптуры не исключается, но она выступает как подчиненная по отношению к образу царя Давида.

Образ царя Соломона отразился еще в одном сюжете. Я имею в виду небольшой рельеф слева от западного окна северного фасада Дмитриевского собора. На нем изображен восседающий на троне человек с поднятой правой рукой и с подобием свитка в левой. Перед восседающим на троне персонажем изображен поднявшийся на дыбы зверь [10]. Поскольку я считал, что в центральной закомаре данного фасада изображен Соломон, то видеть повторение образа Соломона в рассматриваемом малом рельефе было нелогично. Это не мог быть и Давид. Возникла трудность, выход из которой я нашел в том, что условно принял рассматриваемую фигуру за изображение Еммануила, которому одним апокрифическим сказанием приписываются следующие слова: «я совершенный муж, и надлежит всем диким зверям делаться ручными предо мною» [11]. Теперь же, с заменой Соломона Давидом (в центральной закомаре), становится совершенно ясным, что сходный малый рельеф близ западной закомары представляет Соломона, знавшего (по апокрифу) язык всех зверей. Таким образом, идея Соломоновой премудрости выражена и в скульптуре северного фасада. Но она оказывается тоже не центральной, а второстепенной. Такое уточнение, конечно, важно, его можно только приветствовать.

Может возникнуть вопрос: поскольку центральной фигурой фасадной пластики Дмитриевского собора оказывается не Соломон, а Давид, то должна быть иначе истолкована и вся окружающая скульптура? Нет, в своей монографии я отмечал, что все фасадные рельефы, соприкасающиеся с фигурой центральных закомар, «в одинаковой степени относятся и к Давиду и к Соломону» [12]. Но теперь следует признать, что общий замысел скульптуры Дмитриевского собора носил, пожалуй, более теократический характер, что нисколько не снижает его государственного значения для Владимиро-Суздальской Руси. Наоборот, это значение даже увеличивается.

Одновременно с раскрытием надписи «Давид», около рельефа одного из скачущих на конях святых воинов западного фасада раскрыта резная надпись, свидетельствующая о том, что перед нами св. Георгий. Именно так и был определен мною данный рельеф [13].

Раскрытие под позднейшей штукатуркой резных надписей среди скульптуры Дмитриевского собора уточняет идейное содержание последней. Однако эти надписи не могут служить основанием для существенного пересмотра ранее предложенной автором трактовки общего замысла скульптурного декора.

---

[9] *Н. Малицкий.* Ук. соч., стр. 33, 34.
[10] *Г. К. Вагнер.* Скульптура древней Руси. Илл. 149.
[11] *Вега.* Апокрифические сказания о Христе, т. II. СПб., 1912, стр. 103.
[12] *Г. К. Вагнер.* Ук. соч., стр. 254.
[13] Там же, илл. 175.

Критика и библиография

А. И. Мартынов. Археология СССР. «Высшая школа», М., 1973, 295 стр. с илл., тираж 37 000 экз.

Создание нового пособия по археологии СССР для студентов педагогических институтов в соответствии с программой, утвержденной для этих учебных заведений, само по себе, несомненно, является положительным фактом и должно только приветствоваться. Впервые в подобного рода издании уделено довольно большое внимание археологическим памятникам Восточной Сибири и Дальнего Востока. Такое расширение границ территории, обычно освещаемой в учебниках по археологии, является несомненной заслугой автора. Рецензируемая книга невелика по объему, структурно построена достаточно четко.

Однако учебник должен прежде всего отвечать определенным требованиям, предъявляемым к научной литературе вообще и к учебной в частности. Он должен отражать современный уровень науки, существующую в ней проблематику, грамотно, без искажений излагать определенную сумму фактов. Постараемся разобраться, в какой степени книга А. И. Мартынова отвечает этим требованиям.

В первую очередь следует отметить, что рецензируемое пособие далеко не отражает современного состояния археологической науки и тех проблем, которые обсуждаются и решаются археологией на современном этапе ее развития. Подавляющее большинство разделов книги как по использованию фактического материала, так и по постановке основных вопросов написано на уровне знаний 40—50-х годов. Правда, в некоторых местах книги имеются упоминания о новых открытиях. Они относятся в большинстве случаев к археологическим исследованиям древних культур Сибири, которыми занимается сам А. И. Мартынов. Но все эти упоминания имеют случайный характер и не затрагивают наиболее значительных, сложных и актуальных проблем современной археологии. Чтобы эти серьезные обвинения не были голословными, приведем несколько примеров, взятых из различных разделов работы.

Говоря о мустьерской эпохе, автор утверждает (стр. 38), что охота становится в это время основным занятием человека. Тем самым возрождается давно отвергнутое наукой представление о собирательстве как об основе хозяйства на всем протяжении нижнего палеолита.

В книге по существу не рассматривается чрезвычайно важный вопрос о переходе от присваивающего хозяйства к производящему, к земледелию и животноводству. Этой проблеме в археологии сейчас справедливо уделяется большое внимание, она подробно обсуждается и освещается уже много лет в научной литературе, как советской, так и зарубежной. Отдельные фразы, которые можно связать с этим вопросом, разбросанные в разных разделах учебника, могут лишь дезориентировать читателя. Неолит здесь связывается с охотничьим хозяйством, а эпоха бронзы — с земледелием и скотоводством (стр. 84), что никак нельзя считать правильным. О развитии земледелия и скотоводства в культурах южного неолита говорится очень глухо, о зачатках этих видов хозяйственной деятельности в мезолите не сказано совсем. Изобретению бронзы приписывается большее значение, чем сложению производящего хозяйства (стр. 81).

Автор приводит совершенно устаревшие, выработанные еще в 30-х годах критерии для выделения энеолитических культур (стр. 84). В результате он относит к периоду энеолита только часть энеолитических культур, отвечающую этим кри-

териям, за пределами периода остаются такие культуры, как афанасьевская, ямная и др.

Раздел о скифах, которым открывается глава о раннем железном веке Европейской части СССР, не дает даже самого общего представления о скифском обществе и скифской культуре и не отражает современного уровня их изучения. Вопрос о происхождении скифов изложен крайне невразумительно, читатель не сможет уяснить из текста, какие существуют гипотезы о происхождении скифов и на чем они основываются. Между тем в настоящее время достаточно четко сформулированы и аргументируются две наиболее распространенные точки зрения по этому вопросу — об автохтонности и миграционном происхождении скифов и их культуры. Совершенно выпал из поля зрения автора вопрос о киммерийцах и киммерийской культуре, тесно связанный со скифской проблемой. Неясно, какие племена входили в состав Скифии и какой из существующих точек зрения на границы Скифии придерживается автор, тем более, что он противоречит сам себе, то относя лесостепные племена к скифам (стр. 129), то исключая их из Скифии (стр. 134). Не нашел отражения в учебнике усиленно разрабатываемый сейчас вопрос о возникновении государственности у скифов, как и вся проблема динамики развития социального строя скифов.

Автор возрождает давно отвергнутую теорию о торговом характере греческой колонизации Северного Причерноморья (стр. 186), распространенную в 30-х годах, но теперь никем из исследователей не разделяемую. Устарело и выдвинутое в 1930 г. С. А. Жебелевым предположение о постепенном экономическом и политическом ослаблении Боспора с середины III в. до н. э. (стр. 190), опровергнутое позднее археологическими исследованиями.

Одной из самых сложных, самых дискуссионных и самых значительных проблем советской археологии является проблема происхождения славян, проблема установления связи тех или иных археологических комплексов со славянским или праславянским населением. Автор рецензируемой книги, по-видимому, не имеет представления о сложности и современном состоянии этой проблемы, о том, как ее пытаются решать различные авторы. В основу изложения этой проблемы А. И. Мартынов берет достаточно гипотетические представления П. Н. Третьякова, выдавая их за окончательно установленные и принятые в науке взгляды. Точки зрения других исследователей не упоминаются, спорность многих положений не оговаривается. Впрочем, имя самого П. Н. Третьякова также не упомянуто. В результате праславянскими или славянскими безоговорочно объявляются лужицкая, пшеворская, милоградская, зарубинецкая культуры (стр. 239—243), хотя связь всех этих археологических общностей со славянами еще далеко не доказана. Черняховскую культуру А. И. Мартынов безоговорочно исключает из славянского этногенеза (стр. 243—244), что вряд ли можно считать правильным, во всяком случае безусловно доказанным. Автор не ставит вопроса об этнической принадлежности носителей черняховской культуры и не пытается ввести читателя в круг вопросов, связанных с ее интерпретацией. Между тем эти вопросы вот уже четверть века волнуют всех советских археологов. В то же время в книге даже не упомянуты бесспорно славянские культуры VI—VII вв. типа Корчак и Пеньковка, связанные с общеславянской культурой, характеризуемой керамикой пражского типа. Относительно славянской этнической принадлежности носителей этих культур в науке нет никаких споров. Эти памятники известны уже более 20 лет, нашли достаточно полное и всестороннее освещение в публикациях. Приходится только удивляться, что они остались неизвестными А. И. Мартынову. Такая трактовка принципиально важного вопроса о происхождении славян по археологическим данным в учебном пособии совершенно недопустима.

При характеристике культуры Киевской Руси в книге не нашлось места для такого вопроса, как введение христианства и вытеснение им язычества. За пределами внимания автора оказались и другие вопросы идеологии и культуры Древнерусского государства, например византийское влияние в церковной архитектуре и других явлениях культурной жизни, хотя именно археологические памятники дают материал для решения этих вопросов. Не сказано достаточно ясно о гибельной роли татаро-монгольского нашествия в истории русской культуры. Даже не упомянуты такие яркие археологические свидетельства этого, как Райковецкое городище, древний Изяславль и другие.

Казалось бы, что разделы книги, посвященные археологии Сибири, должны бы быть написаны на более высоком и более современном уровне, поскольку автор считается специалистом по сибирской археологии. Однако и в этих разделах мы находим все то же безнадежное отставание на целые десятилетия от современного состояния науки. По А. И. Мартынову, например, западносибирский неолит — это Андреевская стоянка, Кузнецкий, Самусьский и Яйский могильники. Ни слова не сказано об изучении неолита Сибири за последние 15—20 лет. Между тем за это время были сделаны важные открытия в этой области, раскопано много новых памятников, выделены новые культуры, намечены большие этнокультурные ареалы.

Работы последнего десятилетия показали, что прежняя точка зрения о существовании в бронзовом веке на юге Урала, в Южной Сибири и Казахстане единой андроновской культуры не получила подтверждения. Большинство специалистов считает, что на этой территории следует выделять федоровскую, алакульскую, замараевскую и другие группы памятников, отличающиеся не только в культурном, но, видимо, и в этническом отношениях. Мартынов и здесь не находит нужным сообщить читателю новые данные; создается впечатление, что он вообще не в курсе новых материалов. Томский могильник в поселение Самусь-IV А. И. Мартынов, пользуясь явно устаревшими данными, объединяет в единую «томскую» культуру, хотя от этого термина археологи (в том числе и его автор В. И. Матющенко) давно отказались и причисляют эти памятники к разным культурным комплексам. Знакомя читателя с железным веком Западной Сибири, автор относит к эпохе раннего железа потчевашскую культуру низовьев Тобола, хотя сибирские археологи уже давно установили, что первоначальная датировка ее I тысячелетием до н. э. была ошибочной и что памятники потчевашского типа следует относить в основном к раннему средневековью.

Приведенные примеры трактовки А. И. Мартыновым ряда принципиально важных вопросов археологической науки ни в какой мере не исчерпывают тех претензий, которые могут быть в этом отношении предъявлены автору. Они лишь в какой-то степени демонстрируют тот уровень, на котором рассматриваются эти вопросы в рецензируемом учебном пособии.

Если изложение ряда проблем археологии в книге устарело и не отвечает современному состоянию науки, то некоторые разделы вообще выпали из поля зрения автора. Так, в учебнике совершенно отсутствуют данные о Северном Кавказе в эпоху раннего железа. В книге нет никаких материалов о раннесредневековых памятниках Среднего Поволжья, Прикамья, центральных и западных районов Европейской части СССР. Этого нельзя объяснить недостаточной изученностью или малой выразительностью указанных памятников. Ведь среди них — хорошо изученные, весьма многочисленные, богатые и своеобразные памятники мордвы, марийцев и других финно-угорских народов Поволжья, древняя и средневековая история которых может быть изложена только по археологическим данным. Нет в книге и раздела о средневековых культурах лесной полосы Сибири, хотя благодаря исследованиям последних десятилетий эти памятники, по крайней мере в Западной Сибири, выявлены с достаточной полнотой. Существенным пробелом является отсутствие в учебнике хотя бы краткого описания археологических памятников Владимиро-Суздальской Руси, тем более странное, что в программе курса археологии для педагогических институтов, составленной самим же А. И. Мартыновым, этим памятникам отведен специальный раздел.

Конечно, можно сказать, что любую работу проще всего критиковать за то, что в ней отсутствует. Но если для монографий это будет в значительной мере справедливо, то в отношении учебников или учебных пособий этого сказать нельзя: книги такого рода должны равномерно освещать все основные разделы изучаемой дисциплины, и авторским предпочтениям или пристрастиям в них не должно быть места.

В книге имеется немало неясностей и существенных ошибок, касающихся относительной и абсолютной хронологии археологических памятников самых различных эпох, что в учебнике по археологии совершенно недопустимо. При всей сложности и недостаточной разработанности археологической хронологии, в учебном пособии должна быть в этом отношении определенная четкость, даты должны сообщаться читателю без противоречий, относительная хронология тех или иных явлений долж-

на быть выдержана, а новые поправки к хронологии учтены. К сожалению, и этому критерию рецензируемый учебник не отвечает.

Так, на стр. 9 сообщается, что каменный век продолжался 600—800 тысяч лет, на стр. 23 — около 1 млн. лет. В примечании на той же странице речь идет уже о 2,5 млн. лет, что ближе к истине. На стр. 27, 36—38 материал о погребениях мустьерского времени на территории СССР изложен так, что последовательность во времени важнейших антропологических находок (Киик-Коба — Тешик-Таш — Староселье) остается совершенно неясной читателю. Кстати, отнесение ребенка, погребенного в Староселье, к числу неандертальцев (стр. 28) неверно: он относится к Homo Sapiens с отдельными неандерталоидными чертами. На стр. 44 Верхоленская гора названа палеолитическим памятником, а на стр. 55 — мезолитическим, что вернее. Неверно положение, что начало неолита относится «почти повсеместно — к концу VI — началу V тысячелетия до н. э.» (стр. 56). К какому же периоду следует относить в таком случае ближневосточный неолит и среднеазиатский Джейтун?

В разделе «Неолит лесной территории и Дальнего Востока» (само название раздела представляется нам неточным) либо в результате неудачного построения текста, либо в результате неосведомленности автора перепутана относительная хронология рассматриваемых культур. Получается, что льяловская культура (стр. 64) старше Оленеостровского могильника (стр. 67, 68), хотя в действительности дело обстоит как раз наоборот. Такая же картина наблюдается в разделе «Бронзовый век лесной полосы Европейской части СССР»: здесь изложение начинается с абашевской культуры и турбинско-сейминских памятников (стр. 105, 107), а затем рассматриваются бесспорно более ранние памятники фатьяновской культуры (стр. 107). Никаких оговорок по этому поводу не сделано, общепринятые абсолютные даты памятников не названы, и студентам просто невозможно понять, каково истинное хронологическое соотношение этих культур.

Из-за отсутствия в учебнике синхронистических таблиц и каких-либо оговорок в соответствующих местах текста читатель не сможет усвоить и еще одно весьма важное положение археологии — что лесной неолит Восточной Европы синхронен степной бронзе. Отсутствие синхронистических таблиц, совершенно необходимых в подобного рода изданиях, — один из существеннейших недостатков книги.

Неверно отнесение кобанской культуры только к эпохе поздней бронзы (стр. 94), ее существование захватывает и эпоху раннего железа. Характерное для этой культуры оружие, изображенное на рис. 27, принадлежит как раз позднему этапу кобанской культуры, синхронному ранним скифским древностям.

В разделе «Сарматы» дается неверная периодизация савромато-сарматских памятников (стр. 135). Савроматский период следует датировать не VIII—IV, а VII—IV вв. до н. э. Прохоровская культура является раннесарматской, а не позднесарматской и датируется IV—II вв. до н. э., а не III в. до н. э. — IV в. н. э., как пишет автор. Позднесарматская культура, существовавшая во II—IV вв. н. э., отличается рядом существенных признаков не только от раннесарматской (прохоровской), но и среднесарматской, предшествовавшей ей хронологически. Остается совершенно непонятным, на какие источники опирался автор, предлагая свою периодизацию, тем более, что в сарматской археологии разногласий на этот счет нет.

Неверна дата раннего железного века в лесной полосе Европейской части СССР, приведенная на стр. 140—VII—II вв. до н. э. Судя по контексту, именно эту дату автор считает справедливой для всех археологических культур раннего железного века на рассматриваемой территории. Но это — дата ананьинской культуры, одной из культур раннего железа в лесной полосе. Верхняя дата других культур этого периода, упомянутых и не упомянутых в названном разделе, выходит далеко за пределы II в. до н. э., по крайней мере, на четыре столетия.

Перечень содержащихся в учебнике крупных и мелких ошибок, относящихся к абсолютной и относительной хронологии, можно намного увеличить. К некоторым из таких ошибок мы вынуждены будем вернуться ниже.

И все-таки основной недостаток книги в том, как освещены рассматриваемые в ней вопросы.

Для любого учебника или учебного пособия чрезвычайно важно, просто необходимо четкое и ясное, не искаженное изложение как основных понятий излагаемой

дисциплины, так и фактического материала. Если с этой точки зрения подойти к рецензируемой книге, то окажется, что она не выдерживает никакой критики. Определения различных понятий в большинстве случаев очень приблизительны, неточны, подчас неверны. Описания археологических культур и характерных для них вещей часто даны непродуманно, без необходимой логической последовательности, в столь общих выражениях и настолько расплывчато, что уловить общее и особенное в них трудно, а порой и невозможно. Может ли, например, студент составить какое-либо представление о различиях дьяковской и городецкой культур из того описания, которое приведено на стр. 140, 141? Нельзя представить себе ананьинскую керамику из той характеристики ее, которая дается на стр. 143, тем более, что соответствующих иллюстраций в книге нет. Подобных примеров можно привести много.

Но самое главное — это то, что в книге имеется громадное количество различного рода и различной степени важности фактических ошибок, неточностей, неудачных, а нередко и археологически и исторически неграмотных выражений. Они встречаются во множестве в каждом разделе учебного пособия, почти на каждой странице. Это настоящий «бич» рецензируемой книги. Именно такие ошибки прежде всего бросаются в глаза сколько-нибудь знакомому с предметом читателю и практически полностью обесценивают книгу. Трудно указать главную причину, объясняющую этот печальный факт: тут и авторская небрежность, спешка, с которой, по-видимому, писалась книга, и то, что автор имеет весьма приблизительное представление о том, что он хочет сообщить читателю, и плохое редактирование. Ограничимся лишь небольшим количеством примеров из огромной массы подобных фактов.

Автору следовало бы знать, что глубина залегания культурного слоя далеко не всегда определяет давность жизни в том или ином месте, где имеется культурный слой (стр. 6), и слои каменного века иногда выходят непосредственно на поверхность.

Неверно, будто указы Петра I были первыми в мире правительственными распоряжениями, имевшими целью охрану памятников археологии (стр. 12). Известны и более ранние документы такого рода, например норвежские акты XVI в. о кладах. Известный русский археолог И. А. Стемпковский не вел раскопок на горе Митридат и в керченском некрополе, как это утверждает автор на стр. 13. «Обобщающий труд К. Ф. Смирнова», о котором говорится на стр. 18, посвящен не сарматам, а савроматам.

Никаких женских статуэток, относящихся к палеолиту, в Иркутске найдено не было, как это сообщает автор на стр. 48. Имеются сведения лишь о находках резной кости, отнесение которой к палеолиту достаточно спорно. Слишком большим преувеличением следует считать и сделанное здесь же утверждение автора, что «женские статуэтки являются принадлежностью почти каждой верхнепалеолитической стоянки».

На неолитических стоянках Одиши, Кистрик и Нижнешиловская кости животных не сохранились, поэтому нет никаких оснований утверждать, что жители этих поселений «разводили... свиней, коров и овец» (стр. 62). Вопреки утверждениям автора на памятниках трипольской культуры не найдено металлических серпов (стр. 86), поселение Очамчири не относится к раннему энеолиту (стр. 90), в нагорном Карабахе не известны поселения майкопской культуры (стр. 92), Кобяковское поселение на нижнем Дону не относится к катакомбной культуре (стр. 99). Нельзя говорить, что «конструкция могил, обряд погребения и сосуды» ямной культуры «всецело связаны с предшествующей неолитической культурой» (стр. 98) — разрыв здесь очень велик. Вряд ли можно считать правильной мысль о «небывало раннем» развитии «бронзолитейного дела и строительной деятельности» у срубников (стр. 101). На стр. 103 автор говорит, что булавка и кинжал из известного Бородинского клада «близки по форме и орнаменту вещам древнего Востока». Но аналогии этим предметам имеются в крито-микенской культуре, которую никак нельзя считать древневосточной.

Неверно представлена у автора локализация отдельных скифских племен по Геродоту. Царских скифов автор почему-то помещает в устье Дона (стр. 125), тогда

как по Геродоту, они жили к востоку от скифов-кочевников до Меотиды и Танаиса, а также в степном Крыму, что подтверждается и археологическим материалом. Нет никаких оснований для локализации алазонов в устье Буга. Утверждение, что «большинство сосудов простые скифы делали без помощи гончарного круга» (стр. 131), неточно — не большинство, а все собственно скифские сосуды лепные, ведь скифы не знали гончарного круга. Круговая керамика в Скифии была только привозная. На Каменском городище среди амфорных обломков преобладают амфоры не с острова Родос, как пишет автор на той же странице, а фасосские.

Непонятно, что хотел сказать автор следующей фразой, которая как будто должна характеризовать особенности хозяйственной деятельности скифов: «Племена занимались сельским хозяйством, производили зерно, разводили скот, жители же поселений были в первую очередь ремесленниками» (стр. 132). Разве «жители поселений» не принадлежали к «племенам»? Разве те племена, которые «производили зерно», не имели поселений? Если же автор под «поселениями» подразумевает крупные городища типа Каменского, то нелишне будет напомнить, что даже античные города были центрами не только ремесла, но и земледелия.

Много неточностей имеется в описании известных скифских царских курганов (стр. 127—129). Так, в Чертомлыцком кургане при скелете грабителя не было найдено похищенное им золото, как пишет А. И. Мартынов на стр. 127. В кургане Солоха не две, а только одна могила имела две камеры по сторонам входной ямы. Вторая могила была более сложного устройства. Следы тризны обнаружены не на склоне кургана Гайманова могила, как сказано на стр. 129, а в насыпи и рядом с курганом.

Как могла быть у савроматов выточенная из дерева посуда «собственного изготовления» (стр. 135), если ни савроматы, ни другие кочевники в тот период не знали токарного станка? «Так называемые грифоны» — это не хищные птицы, как думает автор (стр. 137). Непонятно, откуда А. И. Мартынов почерпнул сведения о сарматских поселениях с «оборонительными сооружениями из нескольких линий рвов, валов и крепостной стены» (стр. 139). Сарматское господство продолжалось в Северном Причерноморье не до IV в., как это пишет автор на стр. 140, а до нашествия готов в середине III в.

Непонятно, как представляет себе автор кузнечное ремесло, если относит его к домашнему производству (стр. 141)! Тацит никогда не упоминал о территории, занятой дьяковской культурой, как об этом сообщается на той же странице. Сведения, на которые ссылается А. И. Мартынов, относятся к другому району — юго-восточной Прибалтике. Курганных могильников, относящихся к эпохе раннего железа, по Неману и Западной Двине нет (стр. 142). Первая Луговская стоянка на нижней Каме относится не к ананьинской культуре раннего железного века, как это пишет автор на стр. 143, а к эпохе поздней бронзы.

Про государство Урарту никак нельзя сказать, что оно «на протяжении всего тысячелетия (имеется в виду I тысячелетие до н. э. — *Авт.*) занимало главенствующее положение среди других государств Передней Азии» (стр. 175). Хорошо известно, что такого положения оно никогда не занимало, да и существовало менее трех столетий, а не целое тысячелетие.

Трудно перечислить все те фактические ошибки, а иногда и явные нелепости, которые встречаются в главе о греческих городах Северного Причерноморья. Как, например, фронтоны греческих храмов могли быть «окружены со всех сторон колоннами» (стр. 179)? Уместно спросить, знает ли автор, что такое фронтон?

Автор неясно представляет себе, что такое полис (греческий город — государство), если смог написать такие фразы: «Греческие поселения являлись проводниками греческой культуры. Прилегающие к ним территории, населенные колхами, были полисами» (стр. 182). Видимо, для А. И. Мартынова остается неясным и характер античного домостроения, планировка античного дома, если он пишет: «Каждый дом обносился глухой стеной, за которой находился открытый двор» (стр. 187). Структура херсонесских сельских наделов — клеров также описывается им неверно: то все они вместе называются сельским поселением, то это название прилагается к каждому клеру в отдельности, то к существовавшей на каждом клере укрепленной усадьбе (стр. 195).

Автор сообщает на стр. 186, что на острове Березань были исследованы остатки греческой торговой фактории. И это неточно: здесь существовало обычное для своего времени поселение, жители которого занимались не только торговлей, но также ремеслом и сельским хозяйством. Безосновательно утверждение, что «верховным божеством в Боспорском царстве была богиня земледелия Деметра» (стр. 187). Действительно, культ Деметры был весьма распространен на Боспоре, но нет никаких данных, чтобы называть ее верховным божеством этого государства.

Совершенно искаженное представление дается автором об истории греческого керамического производства. «Все греческие сосуды, — пишет автор, — хорошо заглажены» (стр. 189). Известно, что греческая керамика никогда не подвергалась лощению, это как раз признак негреческого гончарного дела. Греческие чернолаковые сосуды изготовлялись не в VIII—VI в. до н. э., как считает автор, а в VI—II вв. до н. э. Краснофигурные сосуды появляются, вопреки мнению автора, не в IV, а в конце VI в. до н. э.

На стр. 190 даются неверные сведения о времени появления монет на Боспоре: они чеканились здесь еще в VI в. до н. э., на два столетия раньше, чем указывает автор. Неверны приведенные на стр. 191 сведения, что Ольвия была окружена оборонительной стеной только в IV в. до н. э.: известны остатки оборонительных стен города более раннего времени. Фантастично заявление автора о том, что при раскопках в Ольвии была открыта судоремонтная мастерская (стр. 192). Неверно описано разрушение Ольвии гетами; нельзя писать, что после этого «Ольвия восстанавливалась в основном соседними скифскими племенами» (стр. 193): город восстанавливали сами ольвиополиты. Неправильно утверждение, будто Херсонес «на протяжении всей своей истории оставался исключительно греческим» (стр. 194). Если бы это было так, то каким образом главным божеством херсонеситов стала местная, негреческая богиня, о чем сам автор пишет на стр. 196?

Целый ряд ошибок мы встречаем на стр. 180—182. Фантастична мысль автора о наличии в Колхиде «прославленных золотых рудников». Их здесь никогда не было. Монеты колхидки были не золотыми, а серебряными, чеканились они не с III, а с VI в. до н. э. Никаких данных о том, что культура колхов испытала значительное влияние киммерийской культуры, нет. Митра, вопреки мнению автора, не богиня, а божество мужского рода.

Не лучше изложены и другие разделы, например глава об археологическом изучении древнерусских городов. Автор сообщает здесь неверные сведения об основных частях древнерусского города: рыночная площадь (торг) никогда не была отдельной частью города (стр. 258), а входила в состав посада. Щиты в древней Руси были деревянными, а не железными, как пишет автор (стр. 259). Неверно приведенное на той же странице утверждение, что на Руси раньше, чем на западе, «были известны все основные приемы украшения ювелирных изделий». Здесь же автор в близком соседстве дает противоречивые фразы: «Больше всего на Руси были распространены изделия, украшенные сканью» и «чаще всего ювелирные изделия украшали зернью». Чему должен верить читатель? На той же стр. 259 скань ошибочно связывается с техникой перегородчатой эмали. На стр. 260 очень примитивно охарактеризовано денежное обращение на Руси; ничего не сказано о преобладании восточных монет в IX—X вв. и западных — в XI в.

Описывая археологические и архитектурные памятники Киева, автор приводит фантастические сведения о том, что «срубы стены XI в. и сейчас возвышаются в ряде мест» (стр. 263). Впрочем дальше на той же странице отмечено, что «от наземных сооружений ничего не осталось». Апсиды церквей называются А. И. Мартыновым «апсидианами» (стр. 264). Здесь же и на стр. 265 автор явно путает Софийские и Золотые ворота, говорит, что киевские полуземлянки якобы имели сводчатые потолки. Нельзя согласиться с мнением автора, что архитектура Софийского собора в Киеве «во многом необычна для византийского зодчества, она ближе к русскому деревянному зодчеству, так ярко подчеркнутому многоглавой динамикой (!), асимметрично поставленными башнями», что «таким образом, архитектура Киевской Руси... развивалась на традициях самобытного древнерусского деревянного зодчества» (стр. 265). Если бы автор имел какое-то представление о развитии русской архитектуры, он знал бы, что для XI в. мы не знаем ни одного памятника древнерусского

деревянного культового зодчества, а многоглавость деревянных церквей на Руси — явление достаточно позднее. Очень большое количество неточностей и прямых искажений содержится в описании раскопок Любеча (стр. 265—267). Автор не имеет представления о топографии Новгорода: Ярославово дворище и вечевая площадь располагались здесь не рядом с кремлем, как пишет автор на стр. 268, а на противоположном берегу Волхова. Ряд ошибочных положений имеется при описании Старой Рязани. Неверно, что Старая Рязань — единственный древнерусский город, остатки которого не перекрыты более поздними слоями (стр. 272), неверно, что при раскопках этого памятника установлено расположение древних площадей (там же), нет данных для того, чтобы считать, что Старая Рязань возникла как феодальный замок (стр. 273), что расцвет города относился к XI в. (там же): ведь в это время существовало только Северное городище, занимавшее небольшую часть позднейшего города. Археология не располагает пока данными о том, что «рязанская посуда часто встречается в других частях Руси» (стр. 274). На стр. 275 приводятся неправильные сведения о количестве кладов, найденных на территории Старой Рязани: не учтены новые, уже опубликованные находки.

Сумбурно, без необходимой хронологической и логической последовательности написан раздел о Москве. Конечно, и здесь автор не смог обойтись без многочисленных ошибок и неточностей, которые вряд ли есть необходимость перечислять. Укажем лишь, что даже дата разорения Москвы татаро-монголами указана неверно, с ошибкой в десять лет (стр. 276).

Нельзя не отметить искажений различных географических названий в книге, прежде всего названий археологических памятников, которые многочисленны и встречаются буквально во всех разделах (см., напр., стр. 36, 62, 89, 119, 250 и др.).

Возможно, что в ряде случаев искажения географических названий являются опечатками. Однако уместно ли в учебном пособии такое количество опечаток?

Несколько слов следует сказать об иллюстрациях, которыми снабжена книга. Их много (85). К сожалению, подбор иллюстраций представляется в общем случайным, далеко не всегда в них отражена специфика описываемых в пособии археологических общностей или памятников. Имеются ошибки и в подписях под рисунками. Изображенная на рис. 15 керамика не имеет отношения к Оленеостровскому могильнику, как это следует из подписи. На рис. 47 приведены изображения Малой Боярской писаницы, а не Большой, как указывает автор. Практически нет сводных таблиц, характеризующих археологические культуры. Совсем нет карт, что, как и отмеченное уже отсутствие синхронистических таблиц, является важным недостатком.

В краткой аннотации к книге отмечено, что «пособие изложено ярким языком». С этим никак нельзя согласиться: язык книги плох, неграмотно построенные фразы, неудачные выражения встречаются недопустимо часто. Вряд ли могут украшать книгу и служить примерами «яркого» языка такие выражения, как «тешущий предмет» (стр. 70), «направление погребенных» (стр. 5), «новгородские церкви... несут в себе строительные приемы» (стр. 268), «грифоны, свернувшиеся в пружину» (стр. 137), «...сфинкс в виде существа, имеющего человеческий бюст и львиный зад» (стр. 152) и многие другие.

Подводя итог, следует отметить, что книга А. И. Мартынова не может служить полноценным пособием для студентов, так как она не отражает современного состояния археологической науки и стоящих перед ней проблем и, самое главное, написана на низком научном уровне, с громадным количеством грубых фактических ошибок. По-видимому, Министерство высшего и среднего специального образования СССР поторопилось, рекомендовав эту книгу в качестве учебного пособия для студентов исторических факультетов педагогических институтов, не проведя предварительно широкого обсуждения ее специалистами-археологами. Издание этой книги массовым тиражом и широкое применение ее в качестве учебного пособия для изучения курса археологии СССР вряд ли может сыграть положительную роль в деле обучения и воспитания советского студенчества.

В. П. Даркевич, Ю. А. Краснов, М. Ф. Косарев, А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, Д. Б. Шелов

Latvijas PSR arheologija. Rigā, 1974, издательство «Zinatne». 374 стр. + 80 табл.

Рецензируемый труд является итогом большой работы коллектива археологов Латвии. В нем систематизирован и исторически обобщен огромный археологический материал, собранный несколькими поколениями исследователей. Последняя сводная работа по археологии Латвии вышла в свет свыше 35 лет назад (Latviešu vēsture, 1, Fr. Baloža un Tentela redakcijā, Rigā, 1938). В течение последующих десятилетий, особенно в послевоенный период, на территории Латвии были произведены большие полевые изыскания, в результате которых количество археологических материалов утроилось. Особое внимание было уделено раскопкам древних поселений, некоторые из них исследованы полностью. Продолжалось планомерное изучение и могильников. В зонах затопления при строительстве Плявинской и Рижской гидроэлектростанций археологами обследованы сплошь целые микрорегионы. Все это позволило археологам не только существенно конкретизировать и детализировать представления о древних периодах истории Латвии, но и разрешить многие исторические вопросы, которые были не под силу исследователям 20—30-х годов. Написание обобщающего исследования по археологии Латвии стало необходимостью латвийской исторической науки.

Во вводном разделе книги его авторы Э. С. Мугуревич и Э. Д. Шноре знакомят читателей с различными видами археологических памятников, имеющихся на территории Латвии, с методикой археологических исследований и раскопок, отмечается сотрудничество археологии с другими научными дисциплинами. Здесь же излагается археологическая периодизация и история археологического изучения Латвии. Завершает введение характеристика природных особенностей латышских земель в древности.

Археология Латвии изложена в шести основных разделах книги. Материал анализируется в хронологической последовательности.

Первый раздел посвящен эпохе камня (от IX тысячелетия до 1700 г. до н. э.) и включает описание мезолитических и неолитических древностей. Написан он Ф. А. Загорскисом и И. А. Лозе. Автором второго и третьего разделов является Я. Я. Граудонис. Во втором разделе, озаглавленном «Период раннего металла», дается характеристика археологических памятников и культуры племен бронзового века. Следующий раздел «Период раннего железа», посвящен древностям Латвии II—IV вв. н. э. Автор утверждает, что в это время происходило разложение родового строя и образование территориальной общины. К этому же периоду относится начало формирования племенных ареалов куршей, земгалов и латгалов — латышских племен, хорошо выявляемых по средневековым материалам. В четвертом разделе охарактеризованы древности Латвии V—IX вв. н. э., или периода среднего железа по классификации прибалтийских исследователей. Авторами его являются Я. Апалс, М. К. Атгазис, А. Я. Стубавс и Э. Д. Шноре.

В каждом из этих разделов последовательно рассматриваются важнейшие поселения, могильники, клады и культовые места соответствующей эпохи, анализируются орудия труда и предметы вооружения, украшения и бытовые вещи, исследуются строительное дело, ремесла, хозяйственная деятельность, обмен, общественные отношения и духовная культура. Выявляются генетические связи (или отсутствие таковых) между археологическими культурами, рассматриваются вопросы этнической и племенной принадлежности древнего населения территории Латвии. В конце разделов, если имеется краниологический материал, дается антропологическая характеристика древнего населения. Автором антропологических подразделов является Р. Я. Денисова.

Пятый, наибольший по объему раздел книги посвящен периоду раннего феодализма (X—XII вв.). В его написании приняли участие М. К. Атгазис, И. В. Дайга, А. Э. Зариня, Э. С. Мугуревич и Э. Д. Шноре. Здесь изложение построено по отдельным племенным ареалам. Сначала характеризуются древности и культура куршей, затем ливов, земгалов и, наконец, латгалов и селов. Для каждой из племенных группировок описываются наиболее исследованные поселения и могильники, характеризуются клады и культовые места. Затем анализируются предметы вооружения, украшения, одежда, бытовые находки, строительное дело и обмен. Характеризуются

племенные особенности, выявляемые в погребальной обрядности и материальной культуре, решаются вопросы этнической истории.

Несколько страниц раздела отведено освещению хозяйственной деятельности и общественным отношениям средневекового населения Латвии. Общественным отношениям и социальной структуре общества латышские исследователи постоянно уделяют большое внимание, прекрасно используя для этой темы обширнейшие археологические данные. В рецензируемой книге еще раз убедительно показано, что период от середины VIII до конца X в., характеризуемый хозяйственным прогрессом, ростом имущественной дифференциации, захватом замков, принадлежащих прежде общине, богатой знатью, является переходным от первобытнообщинного строя к классовому обществу. Следующий период в истории Латвии, X—XIII вв., уже был раннефеодальным, о чем можно судить и на основании письменных источников и археологических материалов [1].

Заключает пятый раздел книги анализ антропологических материалов из могильников X—XII вв., выполненный Р. Я. Денисовой.

В последнем, шестом разделе книги, написанном Э. С. Мугуревичем и А. Э. Зариней, освещаются все стороны материальной культуры населения Латвии в XIII—XVII вв. Кроме археологических материалов авторы широко используют сведения письменных источников. Этот раздел представляет большой научный интерес. Такую обстоятельную характеристику культура Латвии развитого средневековья получила впервые. С XIII в. на территории Латвии параллельно развиваются две культуры — латышская и немецкая. Исследователи убедительно показывают, что первая складывалась на основе культурного наследия местного населения, а не является результатом культуртрегерской миссии немцев в Прибалтике, как утверждалось в прибалтийско-немецкой историографии. Вторая культура в Латвии явилась следствием германской агрессии в конце XII—XIII вв. и затронула в основном центры управления — замки-крепости. Затрагивают авторы и вопрос о формировании латышской народности. В материальной культуре этот процесс проявляется в некотором стирании локальных различий.

Книга богато иллюстрирована. В ней имеются археологические карты по всем хронологическим периодам, много фотографий, планы и рисунки археологических памятников и их раскопок. В конце приложено 80 таблиц с вещевыми находками. Иллюстрации хорошо подобраны. К работе приложен справочный перечень археологических памятников и отдельных находок. Для каждого из них указаны район расположения, литература, место хранения коллекций и датировка. В тексте книги даются необходимые ссылки на научную литературу, а в конце имеется обширная библиография латышской археологии, составленная А. Цауне.

Бесспорно, что рецензируемая книга является фундаментальным трудом. Все сделанные в работе историко-археологические обобщения и наблюдения основаны на тщательном анализе большого фактического материала. Для археологов и историков эта книга станет необходимым справочным изданием. Вместе с тем она найдет

---

[1] Освещение общественных отношений латышского населения в начале II тысячелетия н.э. А. И. Роговым («Экономическое и культурное развитие народов Прибалтики накануне немецкого завоевания». В сб. «Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений». М., 1973, стр. 101—109) можно объяснить только незнакомством автора с прибалтийской историко-археологической литературой. Так, А. И. Рогов говорит об имущественном расслоении в Латвии только в XII в. на основе материалов раскопок А. А. Спицына, произведенных в самом начале XX в. При этом известный Лудзенский могильник называется ливским, хотя уже давно определена его латгальская принадлежность. Свыше 15 лет назад для изучения социальной структуры латгалов археологами были привлечены погребения Нукшинского могильника, аналогичного Лудзенскому (Нукшинский могильник. Рига, 1957). Было показано, что первые признаки имущественной дифференциации общества можно наблюдать в погребениях середины I тысячелетия н.э., а период X—XII вв. нужно рассматривать уже как реннефеодальный. К этому выводу приводит и анализ материалов поселений (например, *Э. Д. Шноре*. Асотское городище. Рига, 1961). А. Н. Рогов же пишет, что латышские племена вступили в стадию раннего феодализма в конце XII в. В изучении экономического развития и связей Латвии с соседними территориями большая работа проведена Э. С. Мугуревичем, монография которого (Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965) осталась А. И. Рогову также неизвестной.

себе широкий круг читателей среди учителей, краеведов, студентов и латышской интеллигенции, интересующейся прошлым своей страны.

По работе можно сделать лишь небольшие замечания.

К разделу, посвященному раннефеодальным древностям, приложена карта распространения погребальных памятников, которые дифференцированы на групповые могильники с трупоположениями, грунтовые могильники с трупосожжениями, грунтовые могильники с двумя видами захоронений, каменные могильники, курганы с ингумированными погребениями и курганы с трупосожжениями. Безусловно, эта карта необходима. Вместе с тем крайне важной для этого раздела была бы детальная карта расселения отдельных латышских племен и ливов, основанная на данных археологии. Ведь в этом разделе описание древностей ведется не в целом для всей территории Латвии, а по отдельным племенным регионам. Поэтому карта расселения племен здесь необходима.

Если образование племенных территорий и культурных особенностей куршей, земгалов, латгалов и селов относится к II—IV вв. н. э., как утверждается в третьем разделе, то при освещении древностей V—X вв. стоило бы уделить больше внимания характеристике этих племен. Анализ погребальных памятников, украшений и одежды здесь следовало бы провести по отдельным племенным ареалам, как это сделано в пятом разделе. Для периода V—X вв. также очень нужна детальная карта расселения латышских племен.

Представляет несомненный интерес карта, на которой локальные группы латышских племен II—IV вв., выявляемые по археологическим материалам, сопоставляются с диалектными ареалами современного латышского языка (рис. 58). Однако следовало бы проследить территориальное соотношение племенных и диалектных регионов и в последующие исторические периоды вплоть до развитого средневековья. Отсутствие подобных карт в главах IV—VI делает карту Я. Я. Граудониса менее авторитетной.

На карте археологических памятников второй половины I тысячелетия н. э. (рис. 59) оказались полностью пропущенными все могильники с длинными курганами. В тексте при описании погребальных памятников им отведено несколько строк (стр. 150 и 151), где длинные курганы вместе с высокими коническими насыпями справедливо расцениваются как славянские.

Авторы отмечают, что в справочный перечень археологических памятников вошли наиболее известные и важные в научном отношении. Перечень включает около 1250 пунктов, около которых есть археологические памятники. Было бы целесообразно дополнить список, включив в него все памятники археологии, когда-либо подвергавшиеся раскопочным исследованиям, и памятники, упоминаемые в тексте. Это увеличило бы перечень лишь на две-три страницы.

Эти замечания нисколько не влияют на общую оценку рецензируемого издания, выполненного на высоком научном уровне.

В. В. Седов

Материалы по археологии Дагестана, т. III. Махачкала, 1973, 133 стр. с илл.

Данный том продолжает традицию издания сборников, представляющих значительный интерес не только для археологов, но и для кавказоведов-историков широкого профиля, и является плодом коллективных усилий научных сотрудников Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, институтов археологии и этнографии АН СССР (Москва).

Сборник открывается статьей В. И. Марковина «Каменные орудия с желобчатыми перехватами на территории Дагестана и Северного Кавказа». Она представляет собой достаточно полный (вплоть до 1967 г.) свод молотовидных предметов и топоров-молотов. Автор впервые предлагает типологию этих находок, устанавливает их генезис, высказывает ценные соображения об относительной и абсолютной датировке конкретных образцов в рамках неолита — эпохи развитой бронзы, убедительно

трактует их назначение. В. И. Марковин безусловно прав, подчеркивая «необходимость и перспективность историко-археологического изучения массовых находок отдельных предметов» (стр. 19).

Обзор В. И. Марковина не представляется исчерпывающим: в него не вошли не только новейшие находки, но и отдельные образцы из фондов музеев, оставшиеся неизвестными автору. Так, список из четырех предметов, предложенный исследователем для Чечено-Ингушетии, можно более чем удвоить, назвав еще пять находок. Весьма проблематичным кажется нам намерение автора прямо вывести из орудий с желобами-перехватами каменные топорики «кабардино-пятигорского типа». Тот единственный «прототип», который приводит В. И. Марковин (стр. 18, рис. 7, *1*), морфологически, очевидно, далек от «кабардино-пятигорских» топориков. Здесь необходимо было систематическое привлечение в качестве аналогий закавказских материалов, которые привлекаются В. И. Марковиным, к сожалению, лишь эпизодически. Сомнительным представляется также сопоставление каменного топорика-клевца с железным оружием скифского времени (стр. 15, рис. 8). Несмотря на эти частные недостатки, анализ и выводы В. И. Марковина выглядят убедительными.

Интересна попытка В. М. Котович, В. И. Марковина и Т. Д. Хехневой выявить соотношение древних и современных ареалов диких копытных на территории Дагестана. Опору для сравнений представляют остеологические материалы эпохи бронзы из раскопок местных поселений и могильников, наскальные изображения. Вне поля зрения авторов остались только изображения диких копытных животных в археологических памятниках I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э.[1], что, безусловно, очень обедняет общую картину.

Результаты этого исследования суммированы в оригинальных картах сравнительного сопоставления древних и нынешних ареалов расселения косули, оленя, безоарового козла, кабана, серны и сайгака. Авторы очень внимательны к причинам заметного изменения, сужения ареала и полного исчезновения диких копытных (например, зубры) в Дагестане, объясняя эти явления прежде всего деятельностью человека.

Предварительная информация о разведочных раскопках поселения эпохи развитой бронзы и поздней бронзы у с. Ирганай дана в статье покойного Д. М. Атаева и М. Н. Погребовой. Наиболее важно установление синхронности названного памятника и рядом расположенного склепового могильника. В связи с дискуссией о датировке каякентско-харачоевской культуры интересен вывод авторов, согласно которому Ирганайское поселение «середины — второй половины II тысячелетия до н. э. относится к периоду, предшествующему формированию каякентско-харачоевской культуры» (стр. 33). Он находится в противоречии со стремлением некоторых археологов Дагестана удревнить период бытования каякентско-харачоевской культуры[2] и близок точке зрения, хорошо обоснованной В. И. Марковиным[3].

В статье покойной М. И. Пикуль подробно публикуются и интерпретируются материалы раскопок Мугерганского могильника. Этот памятник переходного периода от поздней бронзы к эпохе раннего железа, продолжавший использоваться вплоть до середины I тысячелетия до н. э., исключительно интересен и важен, так как восполняет пробел, существовавший прежде в дагестанской археологии. Его принципиальное значение раскрывается, пожалуй, не столько данной работой М. И. Пикуль, сколько тем заслуженно заметным местом, которое он занимает в обобщающих трудах М. И. Пикуль[4] и О. М. Давудова[5]. Последний из названных археологов с достаточным обоснованием объединяет памятники такого типа

[1] См., например: *В. М. Котович.* Новые наскальные изображения горного Дагестана. АО – 1968, М., 1969, стр. 92–95; *Д. М. Атаев.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, и др.

[2] *В. Г. Котович.* Об историческом месте каякентско-харачоевской культуры. Тезисы докладов, посвященных археологическим исследованиям в 1970 году. Тбилиси, 1971, стр. 19–21.

[3] *В. И. Марковин.* Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969.

[4] *М. И. Пикуль.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967 (рец.: В. Б. Виноградова в СА, 1969, 2, стр. 288–291).

[5] *О. М. Давудов.* Культура Дагестана скифского времени (VII–IV вв. до н.э.). Автореф. конд. дис. М., 1969.

в особую «мугерганскую культуру»[6], синхронную в основном памятникам предскифского и скифского времени Северного Дагестана, которые значительно менее убедительно трактуются как объекты еще одной выделяемой автором культуры, названной «зандакской»[7].

Итоги археологических исследований в горном Дагестане в 1962 г. составляют содержание публикации Д. М. Атаева. Особенно выразительны материалы раскопок небольшого, но богатого Ботлихского могильника VIII—X вв. н. э. Специфические особенности погребального обряда и выразительного инвентаря неоспоримо включают его в круг раннесредневековых древностей нагорного Дагестана, связываемых с раннефеодальным объединением Серир. Вместе с тем Ботлихский могильник помогает проследить локальные отличия в культуре горного Дагестана второй половины I тысячелетия н. э.

Однако значение нового интересного памятника и других синхронных объектов Аварии состоит не только в этом. Его яркие материалы проявляют большое сходство с одновременными древностями Ичкерии (юго-восточной Чечни), которые стали достоянием науки в последние годы. В качестве наиболее близких аналогий можно назвать могильники: Рагетинский[8], Харачоевский[9], Верхне-Дайский[10], Кенхинский[11]. Сходство это далеко превосходит возможные результаты простого контакта и взаимодействия населения соседних областей. В нем все более угадывается та этнокультурная общность горной зоны Северо-Восточного Кавказа, которая питалась глубокими традициями предшествовавших эпох[12], нашла отражение в данных лингвистики[13], в средневековых письменных источниках[14] и на протяжении всего средневековья диктовала близость исторических судеб и материальной культуры горского населения, разделенного Андийским хребтом. Выяснение причин, характера и эволюции подобной общности в условиях интенсивных взаимоотношений с плоскостными районами края, входившими в государственные образования алан и хазар, только начинается[15]. Постоянно увеличивающийся объем информации о раннесредневековых археологических памятниках горного Дагестана и Ичкерии делает разработку этой назревшей проблемы перспективной.

В небольшой заметке М. А. Агларова опубликованы и подвергнуты анализу две деревянные чаши и гриф музыкального инструмента, найденные в разрушенных погребениях в селении Анчих. Автор убедительно сопоставил найденные фигурные

---

[6] *О. М. Давудов.* Мугерганская культура. Сб. «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973, стр. 125—129.

[7] *О. М. Давудов.* О месте памятников зандакского облика среди синхронных культур Кавказа. Тезисы докладов IV «Крупновских чтений» по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974, стр. 27, 28.

[8] *В. Б. Виноградов.* Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1965 году. АЭС, 2. Грозный, 1968, стр. 208, 209.

[9] *В. Б. Виноградов.* Раннесредневековый могильник у сел. Харачой в горной Чечне. СА, 1970, 2, стр. 244—252; *М. Х. Багаев, В. Б. Виноградов.* Раскопки раннесредневекового могильника у сел. Харачой. КСИА АН СССР, 132, 1972, стр. 80—86.

[10] *С. Ц. Умаров.* Материалы по археологии юго-восточной части горной Чечни. АЭС, 3. Грозный, 1969, стр. 69—74; *М. Х. Багаев.* Раскопки раннесредневековых могильников у селений Харачой и Дай. АО — 1969. М., 1970, стр. 120, 121; *его же.* Раннесредневековые птицевидные бляхи из Дайского могильника. Сб. «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973, стр. 200—205.

[11] *В. Б. Виноградов, С. Л. Дударев, Х. М. Мамаев, В. А. Петренко.* Археологические разведки в Чечено-Ингушетии. АО — 1973. М., 1974, стр. 102.

[12] *А. П. Круглов.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н.э. МИА, 68. М., 1958; *В. И. Марковин.* Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969; *В. Б. Виноградов.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII—IV вв. до н. э.). Грозный, 1972; *В. Б. Виноградов, В. И. Марковин.* Могильник «Яман-Су» на границе Чечни и Дагестана. АЭС, 2. Грозный. 1968, стр. 153—205; *В. Б. Виноградов, В. А. Петренко.* Могильник сарматской эпохи на горе Лехкч-Корт (Юго-Восточная Чечня). СА, 1974, 1, стр. 171—180; *С. Л. Дударев.* Раскопки Аллероевского 2-го поселения. Тезисы докладов IV«Крупновских чтений» по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974, стр. 29—30.

[13] *Ю. Д. Дешериев.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблема происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.

[14] *Н. Г. Волкова.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.

[15] *В. Б. Виноградов.* Раннесредневековый могильник..., стр. 250—252.

чаши с известными кубачинскими котлами XII—XIII вв., справедливо оценив их как замечательные образцы средневековой культуры Дагестана.

Статья В. Б. Ковалевской «Производство и импорт средневековых бус Дагестана» представляет собой очередной (из многих уже обнародованных автором) опыт разработки сложных вопросов хронологического определения отдельных элементов раннесредневековой материальной культуры, в частности состава ожерелий. В данном случае тщательному изучению подвергнуты коллекции бус из памятников Дагестана. Предложенные автором дробная типология, статистические выкладки суждения по вопросам хронологии, местного производства или импорта бус выглядят в целом обоснованными. Однако мы далеки от безоговорочного признания бус эталонным материалом при датировке конкретных комплексов и объектов. Оставляя в стороне очевидные примеры хронологического несоответствия бус и другого археологического материала в таких памятниках, как Агачкала, Гапшима, Бежта и др., не можем не напомнить и чисто этнографическую деталь: средневековые (и даже современные) ожерелья женщин Дагестана и других областей Кавказа включают в себя более древние бусы (а иногда и состоят из них), сохраняющиеся в обиходе или вторично используемые. Нельзя согласиться с В. Б. Ковалевской и в том, что в аланских могильниках раннего средневековья гиперовые бусы не употреблялись (стр. 66). Кроме примеров, ранее использованных самим автором [16], таковые известны нам в новых раннесредневековых катакомбных могильниках Чечено-Ингушетии (Исти-Су, Мартан-Чу). Вероятно, что они попали к аланам из горного Дагестана, где их достаточно много и где найдены небольшие местонахождения этого камня.

Сведения о примечательном памятнике раннесредневекового Дагестана — оборонительных сооружениях так называемых Андийских ворот — вводятся в научный оборот М. Г. Магомедовым. Анализ фортификационных особенностей, приемов строительства и данные исторических преданий приводят автора к мысли о возникновении Андийской оборонительной стены в эпоху наивысшего расцвета искусства строительства оборонительных сооружений Дагестана (стр. 86). Но определение столь четких рамок — VI—VIII вв.— нуждается в более весомом обосновании, в частности археологическим материалом. Намечающиеся морфологические различия участков стен (судя по описанию автора) — различная толщина кладки, наличие или отсутствие пристенного рва — наводят на мысль о нескольких этапах сооружения укреплений Андийских ворот. Видимо, с этим фактом и связано существование нескольких преданий, указывающих на участие в строительстве оборонительных стен по крайней мере двух правителей Анди (Ануш, Елук), живших в различные исторические эпохи (соответственно VI—VIII и XIV вв.) и преследовавших в своей строительной деятельности различные цели.

Восприятие изложенного М. Г. Магомедовым материала сильно затруднено ввиду отсутствия общего плана сооружений. Предложенная автором локализация в этом районе средневекового Филана, известного из арабских источников, интересна, но не выходит за рамки постановки вопроса. Едва ли правомочно и стремление прямолинейно объявлять Дагестан «аванпостом в общей системе обороны Кавказа» (стр. 85), каковой в действительности не было и быть не могло.

Знаки на керамике Урцекского городища стали объектом изучения М. М. Маммаева. Это интересная категория археологических находок и специальное обращение к ней с использованием широкого круга аналогий вполне оправданно. Оценка большинства знаков как гончарных меток (ремесленных клейм) и дополнительная трактовка таковых на ручках как оберегов в принципе могут быть приняты. Вместе с тем досадно отсутствие в статье настоящей типологии знаков, попытки четкого выделения групп керамики, связанных с албано-сарматским и раннесредневековым периодами. В работе, претендующей на монографическое исследование отдельных категорий находок, хотелось бы видеть более полную библиографию [17].

---

[16] *В. Б. Деопик* (*Ковалевская*). Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. СА, 1961, 3.

[17] *В. Б. Виноградов*. К вопросу об изображении животных на сарматской керамике. «Археологический сборник МГУ». М., 1961; *А. М. Хазанов*. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов. СЭ, 1964, 3; *Б. А. Литвинский*. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968; *М. П. Абрамова*. О керамике с зооморфными ручками. СА,

Случайные археологические находки сарматской эпохи у селения Карабудахкент вводит в научный оборот Г. С. Федоров. Сами вещи очень интересны и выразительны, однако в их интерпретации автор демонстрирует недостаточную подготовленность. Так, неверно объявление простых грунтовых могил типа раскопанных в Тарках и Карабудахкенте сарматскими (стр. 101—103). На самом деле традиция сооружения грунтовых погребений прослеживается задолго до появления в этих местах сарматов, и в названных случаях следует говорить не о сарматах как таковых, а о сарматском влиянии в оформлении грунтовых захоронений [18]. Определяя круг северокавказских аналогий плакетке с фигурой лежащего льва, Г. С. Федоров пользуется отрывочными сведениями, оставляя без внимания имеющуюся сводку по этому вопросу [19]. Зеркало-подвеска, опубликуемое на табл. II, *4*, не относится к зеркалам IX типа (по А. М. Хазанову) [20].

Несколько арабских надписей эпохи средневековья из Южного Дагестана опубликовал А. Р. Шихсаидов. Они существенны для дальнейшего углубления знаний о процессе исламизации различных обществ Дагестана и хорошо согласуются с общей картиной, воссоздаваемой специалистами [21]. Сегодня уже бесспорно, что ислам в Дагестане ранее всего утвердился в округе Дербента и прилегающих к нему районов. Установление его господства в центральных и северных районах Дагестана относится лишь к концу периода XII—XIV вв. В этой связи, высоко оценивая научные изыскания А. Р. Шихсаидова, нельзя согласиться с попыткой объявить ревностными мусульманами и «борцами за веру» вайнахов-ауховцев XIV в., локализуемых в плоскостных и предгорных районах на границе Дагестана и Чечни [22]. Построенная на неверном толковании названия «Аухар» и на сомнительных в своей исторической достоверности выдержках из рукописной «Хроники» современного ауховского «арабиста» (ауховцы провозглашаются единственными мусульманами, воюющими за веру в христианском якобы Дагестане), она не соответствует истине [23], отразившейся, в частности, в письменных источниках и археолого-эпиграфических памятниках данной территории, из которых самые ранние достоверно известные сейчас оказываются не древнее середины XVI в. [24]

Три статьи сборника принадлежат перу антропологов. В. П. Алексеев на основании краниологических материалов приходит к важному выводу о непосредственной преемственности аварцев и удин, с одной стороны, и древнего населения Северного Кавказа — с другой [25]. Интересные, хотя и не бесспорные, суждения о краниологических материалах из древних могильников Чечено-Ингушетии (Гатын-Кале, Бамут, Бети-Мохк, Советское, Итум-Кале) высказал А. Г. Гаджиев. Его заключение «об особом, специфическом сравнительно-самостоятельном этнокультурном процессе, происходящем на названной территории, которая явилась в историческом развитии своеобразным буфером, предохранившим Дагестан от резкого влияния северных культур» (стр. 115) согласуется с другими данными.

1969, 2; *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. МИА, 142, 1967; *В. А. Кузнецов.* Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, и др.

[18] *М. И. Пикуль.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967; *В. Б. Виноградов.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.

[19] *В. Б. Виноградов.* Место египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказцев. АЭС, 2. Грозный. 1968, стр. 39—54.

[20] Последним исследованием зеркал-подвесок, не использованным Г. С. Федоровым, является: *М. П. Абрамова.* Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры. Сб. «История и культура Восточной Европы по археологическим данным». М., 1971, стр. 121—132.

[21] *Д. М. Атаев.* Ук. соч.; *Л. И. Лавров.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XII вв. М., 1966; *А. Р. Шихсаидов.* Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969.

[22] *Х. А. Хизриев.* К истории чеченцев и их борьбы против монголо-татарских завоевателей и Тимура. Изв. ЧИ НИИ ИЯЛ, т. IX, ч. III, вып. 1. Грозный, 1974, стр. 11—18.

[23] *Р. А. Даутова.* Тимур и вайнахи в 1395—1396 гг. Сб. тезисов II Всесоюзной конференции по истории народов Кавказа. Тбилиси, 1969, стр. 16.

[24] *В. Б. Виноградов, Т. С. Магомадова.* Один из северокавказских союзников Руси. ВИ, 1971, 10, стр. 215—219; *М. Б. Мужухоев.* Исследование средневековых погребальных и культовых памятников Чечено-Ингушетии. АО — 1973. М., 1974, стр. 119.

[25] *В. П. Алексеев.* Происхождение народов Кавказа. М., 1974.

Изучение черепов из Верхнечирюртовского могильника позволило Т. С. Кондукторовой поставить вопрос о смешанном характере антропологических признаков населения, оставившего некрополь (аланы и савиры). Смешанный характер археологических признаков этого некрополя общепризнан [26]. Мнение Т. С. Кондукторовой о савирском элементе в нем оспаривается В. П. Алексеевым, считающим, что «антропологический тип погребенных в Верхнечирюртовском могильнике не имеет ничего общего с антропологическим типом гуннов (а савиры — одно из гуннских племен) и сближается скорее с кавказионским» [27].

Завершает том заметка К. Н. Золотова, содержащая некоторые сведения об истории коневодства в Дагестане главным образом в I—II тысячелетиях н. э.

Оценивая III том «Материалов по археологии Дагестана» в целом, следует признать его большой научный интерес. Это несомненно серьезный вклад в археологическое кавказоведение. Приходится только сожалеть, что сборник, подготовленный около 10 лет назад, так задержался в издании и это, естественно, отразилось на качестве содержащейся в нем информации. Если для статей и заметок чисто публикационного свойства эти последствия в глазах специалистов не столь существенны, то для ряда работ с попытками обобщения накопленных материалов (В. И. Марковин, М. М. Маммаев, В. Б. Ковалевская) они очень ощутимы.

Как и в прежних махачкалинских археологических изданиях, оставляет желать много лучшего качество иллюстраций. Встречаются досадные погрешности редакционного характера. Кавказоведы — археологи, этнографы, историки, — с большим интересом ожидающие продолжения издания очень полезных «Материалов по археологии Дагестана», вправе надеяться, что последующие тома будут избавлены от этих досадных недостатков.

В. Б. Виноградов, Х. М. Мамаев

[26] *Н. Д. Путинцева.* Верхнечирюртовский могильник. МАД, II. Махачкала, 1966, стр. 262.

[27] *В. П. Алексеев.* Ук. соч., стр. 31, 32.

С. А. Семенов. Происхождение земледелия. Л., «Наука», 1974, 318 стр. с илл., цена 2 р. 12 к.

Рецензируемая книга касается многих вопросов — истории развития общества и его материальной культуры, ботаники в широком понимании и ее отраслей — исторической географии растений, их интродукции, систематики и морфологии; растениеводства и собственно истории земледелия; почвоведения, мелиорации, сельскохозяйственной механики; зоологии, животноводства и климатологии.

Для построения концепции о закономерности возникновения и развития земледелия как объективной необходимости развития общества автор проработал огромное количество научных работ не только на русском, но и на иностранных языках. Кроме этого, проведены полевые исследовательские работы. В целом проделана огромная работа, которую трудно переоценить. Ознакомление с книгой показывает, что автор много работал над согласованием данных разных наук для приведения своей теории в систему.

Во «Введении» автор справедливо указывает на значение изучения истории происхождения земледелия для современной науки и практики земледелия, что совершенно верно. При этом он ссылается на работы академика Н. И. Вавилова [1] и П. М. Жуковского [2].

В первой главе подробно освещается значение собирательства для развития первобытнообщинного строя. Характеризуются шаги в окультивировании диких растений и животных.

Глава вторая сообщает о главных культурных растениях, возделываемых в древности в Старом Свете. Историю возделывания растений автор рассматривает в свете

[1] *Н. И. Вавилов.* Проблемы происхождения мирового земледелия в свете современных исследований. М.— Л., 1932.

[2] *П. М. Жуковский.* Культурные растения и их сородичи. Л., 1964.

концепции академика Н. И. Вавилова о семи основных центрах происхождения культурных растений. Более подробно рассматривается происхождение пшеницы, ячменя, ржи, овса, проса, пищевых и фуражных бобовых, овощных культур, плодовых и орехоплодных, некоторых технических культур — льна, конопли и хлопчатника.

Глава третья посвящена древнейшим очагам земледелия. Рассматриваются особенности возникновения и развития земледелия в Передней Азии, Средней Азии, на Кавказе, в Средней Африке, Субсахарской Африке, Индии, Таиланде, Индонезии и на Филиппинах, в Китае, Америке и Европе.

В главе четвертой подробно описываются системы раннего земледелия: палочно-мотыжная, подсечно-огневая, ирригационная (горно-террасовая, пойменно-речная). В той же главе приведены данные результатов экспериментального дренирования при помощи деревянных орудий в Литовской опытной экспедиции в Дубингяе в 1969 г. Показана возможность проведения дренажных канав дубовыми заостренными кольями и примитивными деревянными лопатами.

В пятой главе излагается история развития ручных землеобрабатывающих орудий — мотыг, землеройных палок. Показана эволюция земледельческих ручных орудий от землекопной палки до обитой железом деревянной лопаты с двойной педалью. В этой же главе сообщаются результаты экспериментальных исследований ручных землеобрабатывающих орудий, проведенных в Литовской и Оредежской опытных экспедициях. В 1969 г. были изготовлены и испытаны землекопные палки и мотыги с косо срезанным коническим и долотовидным рабочими концами, с роговым наконечником, с педалями, с железными наконечниками, лопаты с наконечниками из древесины самшита, рога, камня и железа. Испытывались орудия переходной формы от землекопной палки к лопате. При работе этими орудиями проведены динамометрические измерения. Подробно описываются ручные орудия римского и китайского земледелия — кирки, мотыги, топоры, лопаты, цапки, вилы, грабли, волокуши и сеялки.

В главе шестой излагается история возникновения плужного земледелия. Приводятся археологические факты. Сообщается об изучении следов работы плугов на древних почвах в Англии, Нидерландах и Норвегии. Затем приводятся результаты экспериментального изучения работы примитивными деревянными плугами в Литовской экспедиции 1969 г.

Автор, следуя за Н. И. Вавиловым и Д. Д. Букиничем, правильно указывает, что разные типы и формы плугов возникали под воздействием разных типов почв (мощности, механического состава, задернованности, влажности). Затронута история возникновения и развития конструкции традиционных пахотных орудий на Русской равнине — сох, косуль.

По мнению С. А. Семенова, вопрос о возможности использования каменных лемехов остается открытым. Кратко разбирается вопрос о происхождении борон. В заключение главы показывается влияние плужного земледелия на преобразование сельского хозяйства и сложение ранних цивилизаций Старого Света. Отмечено, что плужное земледелие связано с возделыванием зерновых, в связи с чем эта отрасль сельского хозяйства отделилась от мотыжного земледелия, надолго сохранившего свое значение в овощеводстве и садоводстве. Плужное земледелие, связанное с использованием тягловой силы животных, повело к расширению посевных площадей, созданию запасов продуктов, развитию обмена и транспорта.

В главе седьмой приводится материал по орудиям и технологии сбора урожая. Описываются каменные серпы разных типов. Под руководством автора книги были изготовлены серпы из дерева, рога и кремня и проведены опыты по сравнению производительности работы этими серпами с бронзовыми и современными. Срезали траву и вели жатву силосных культур и ржи. Производительность каменных серпов при срезании травы оказалась в 37 раз ниже, чем скашивание современной стальной косой.

Оригинальны трассологические исследования каменных орудий, проведенные в Ленинградской лаборатории первобытной техники. Изложены результаты опытов по работе жатвенными и другими каменными орудиями, прикрепленными к деревянным рукояткам с помощью битума, показавшие высокие качества этого связую-

щего материала, применявшегося в древности. Кратко характеризуются керамические и абразивные серпы Передней и Средней Азии. Описывается процесс перехода к металлическим серпам и косам в Азии и Европе. Рассмотрены совершенные римские жатвенные и садовые орудия.

Глава восьмая посвящена развитию техники обмолота зерна, веяния, сушки, рушения и помола. Описываются зернотерки (одноручные и двуручные), мукомольные плиты, ручные, водяные и ветряные мельницы. Кратко сообщается о способах хранения зерна и приготовления пищи.

В главе девятой сообщается о роли животноводства в развитии земледелия.

В «Заключении» автор, ссылаясь на работу В. И. Вернадского [3], пишет, что в конце позднего палеолита на исходе ледникового периода человеком были заняты и освоены все охотничьи угодья и охотничье и собирательское хозяйство достигло предела своего развития. Человечество было вынуждено перейти к окультуриванию и возделыванию растений и одомашниванию животных. Рассматривается влияние на направление и темпы развития земледелия вековых изменений климата, растительного покрова земли и последовательного развития общественных формаций. Показано, что прогрессивное развитие земледельческих орудий и технологических процессов земледелия опиралось на развитие техники.

Автор делает правильный вывод, что изучение истории раннего земледелия в глобальном плане «дает примеры исключительного разнообразия по экологии, степеням интенсивности его, уровням культуры, уникального решения сельскохозяйственных проблем. Заключая в себе опыт не одной тысячи лет многих стран и народов, эта история имеет познавательно-эвристическое значение как для перспективного планирования, так и для повседневной практики сельского хозяйства наших дней» (стр. 314).

Наряду с отмеченными положительными чертами, книга имеет много недостатков, снижающих ее ценность. Рецензенту, как биологу, особенно бросались в глаза многочисленные ботанические ошибки автора. Так, на стр. 34 автор пишет, что среди трав обратили на себя внимание человека стручковые (дикая альфальфа, молочная вика, *Trigonella* и др.) (строки 4—5 снизу страницы). Все эти виды относятся к бобовым [4]. Плоды же стручки характерны для крестоцветных, стр. 388. Альфальфа — это название люцерны на английском языке, не принятое в русской литературе, название *Trigonella* следовало перевести как «пажитник» [5]. Неправильное название «стручковые» применяется и к ряду видов других бобовых на стр. 24, 36, 37, 38, 39, 42, 100 и др.

На стр. 58 автор пишет «при возделывании корнеплодов, подобных ямсу», а ниже — «собирание клубней ямса». Еще ниже — снова «корнеплоды ямса». Ямс не корнеплод, а корнеклубнеплод [6].

На стр. 59 колеусы *Coleus edulis* и *C. rotundifolia* неправильно названы картофелем Хауса и корнеплодами, тогда как это — клубнеплод.

Если на стр. 34 автор называет люцерну (*Medicago*) «альфальфа», то на стр. 81 — «медик»; оба названия на русском языке не приняты. На стр. 15 водяной рис *Zizania aquatica* не точно назван диким рисом. На стр. 23 автор называет *Avena strigosa* черным овсом, однако по Е. В. Вульф и О. Ф. Малеевой [7], этот овес следует называть овсом песчаным.

На стр. 28 *Ficus sycomorus* названа тутовой смоковницей, в то время как принято русское название «сикамора, или ослиный инжир» [8] — *Ziziphus mucronata* и *Z. spina Christi* автор называет сиддер. Откуда взято название, неясно. По-русски первый вид называется «унаби остроконечная», а второй — «унаби Христовы тернии». На стр. 84 *Capsicum annuum* назван чили — это транскрипция английского на-

---

[3] *В. И. Вернадский.* Автотрофность человечества. «Химия и жизнь». 1970, *2*.

[4] *Л. И. Курсанов, Н. А. Комарницкий, К. И. Мейер, В. Ф. Раздорский А. А. Уранов.* Ботаника, т. II. Систематика растений. М., 1951, стр. 230.

[5] *П. Ф. Маевский.* Флора средней полосы Европейской части СССР. М.— Л., 1954, стр. 139.

[6] *Е. Н. Синская.* Историческая география культурной флоры. Л., 1969, стр. 253.

[7] *Е. В. Вульф, О. Ф. Малеева.* Мировые ресурсы полезных растений. Л., 1969, стр. 32.

[8] Там же, стр. 131.

звания, а по-русски он называется перец стручковый мексиканский, о чем сообщает Е. В. Вульф и О. Ф. Малеева. Есть ошибки и по систематике растений. На стр. 54 сообщается о древесном африканском лотосе двух видов (*Celtis australis* и *C. integrifolia*), один из них связан со средиземноморьем, второй – с югом. Первый и в настоящее время выращивается на юге Франции. Плоды его, черные ягоды, употребляются в пищу. На самом деле лотос – *Nelumbo*, а *Celtis* – совсем другое растение. Оно называется по-русски «каркас». *C. australis* – это каркас южный и, по данным А. А. Качалова [9], ареал его – Южная Европа, Северная Африка, Малая Азия, Афганистан, что соответствует приводимым С. Н. Семеновым данным о местах нахождения его плодов при раскопках в Хартуме и Шайхейнабе.

На стр. 62 напечатано «орехи гури (*Kola acuninata*)», точнее – *Cola acuminata* [10]. Русское название, предлагаемое автором, «гури» никогда не использовалось. Растение это, согласно Е. В. Вульфу, О. Ф. Малеевой, «кола заостренная». Плоды этого растения всегда называются «орехи кола» [11]. На стр. 81 напечатано «медик (*Medicago astragalus denticulata*)» – люцерна. Имеется в виду, вероятно, *M. denticulata Willd* – люцерна зубчатая [12]. На стр. 84 *Phaseolus lunatus* – фасоль лимская названа бобами, что неверно, а канна съедобная *Canna edulis* названа ачирой. На стр. 85 фасоль обыкновенная *Phaseolus vulgaris* названа обычными бобами. На стр. 89 *Arachis hypogea* назван лесным орехом, правильное название – земляной орех. На стр. 92 *Amaranthus* отнесен к злакам, хотя он относится к семейству амарантовых *Amaranthaceae*, на что указывают Е. А. Вульф, О. Ф. Малеева. На стр. 103 тыква гигантская *Cucurbita maxima* названа «тыква Калебас» [13].

На стр. 104 написано, что саговая пальма принадлежит к разряду «голосемянных растений». Слово «разряд» должно быть заменено на «тип». На стр. 131 *Maranta arundinacea* названа белым арроурутом, а нужно арроурутом настоящим; *Canna edulis* названа красным арроурутом, а ее нужно называть канной съедобной. На стр. 160 дана следующая неудачная характеристика кактуса опунция: «Опунция – грушевидное растение с оболочкой, покрытой шипами». Далее здесь же – «*Pinus eduli* – род орехов». Во-первых, следует писать «*edulis*» и, во-вторых, это не род орехов, а сосна съедобная. Ее семена съедобны и в быту называются кедровыми орехами.

На стр. 192 упоминается наркотическое растение *Sarbuse*, но ни русского, ни латинского названия не приведено.

Для ряда видов растений даны названия на русском языке, но научные названия на латинском не приведены. Поскольку виды эти редкие, то их трудно идентифицировать. Так, например, на стр. 17, строка 6 снизу, приведены названия растений Монголии «сулькир» и «харсуль», а ниже на три строки «маныр». Что за растения и в каком ботаническом справочнике можно это установить? На стр. 44 сообщается о «горькой вике». Даже в капитальном труде И. В. Ларина [14] такого названия нет. На стр. 142 находим «анатто», но что это такое, не пояснено.

К ботанико-географическим ошибкам относятся следующие: на стр. 26 напечатано, что в тропиках нет яблок (*Malus Mill.*). Однако на острове Тайвань растет дико и возделывается яблоня формозская *M. formosana Rawohami*, о чем сообщает Е. Н. Синская [15]. Правда, это случай единственный.

К ошибкам общебиологического порядка относятся следующие: на стр. 12, строки 8 и 9 сверху, напечатано: «Один из видов *Haemadorum* имеет кислый вкус и вызывает дизентерию при употреблении без других приправ». Известно, что дизентерия – инфекционная болезнь и вызывается микробами нескольких видов, но не пищевыми продуктами, как таковыми. На стр. 141 написано, что «банановыми же деревьями у ягуа занимались мужчины». Все виды банана (*Musa L.*) –

---

[9] *А. А. Качалов.* Деревья и кустарники. М., 1970, стр. 132.
[10] *L. Bailey.* Manual of cultivated Plants. N. Y., 1968, p. 670.
[11] Англо-русский биологический словарь. М., 1965, стр. 133.
[12] *И. В. Ларин, Ш. М. Агабабян, Т. А. Работнов, А. Ф. Любская, В. К. Ларина, М. А. Касименко, В. С. Говорухин, С. Я. Зафрен.* Кормовые растения сенокосов и пастбищ СССР, т. II. Двудольные (хлорантовые-бобовые). М.– Л., 1951, стр. 919.
[13] *Е. А. Вульф, О. Ф. Малеева.* Ук. соч., стр. 144.
[14] *И. В. Ларин и др.* Кормовые растения сенокосов и пастбищ СССР, М.– Л., 1951.
[15] *Е. Н. Синская.* Историческая география, стр. 254.

многолетние травянистые растения[16]. На стр. 62, 81 кунжут называется сезамом, что в русской ботанике не принято. На стр. 110 автор несколько раз называет батат кумарой. На этой же странице новозеландский лен *Phormium tenax* назван «местным диким льном». На стр. 89 канавалия *Canavalia* назван «джеком». Это транскрипция английского названия, не принятая в русской ботанике.

К терминологическим ошибкам относятся следующие. На стр. 74 пишется о пересадке ростков риса. Речь же идет о проростках. На стр. 6, строки 7 и 8 снизу, напечатано: «Изменения некоторых свойств полезных растений без одомашнивания, т. е. без трансплантации». Слово «трансплантация» (прививка, пересадка) здесь неуместно и в кругу понятий интродукции и одомашнивания растений в таком смысле не применяется. На рис. 27 автор пишет о стегании веревочной пращой по головкам финиковой пальмы. Термин «головка» неудачный, это – женские метелки. На стр. 103 автор пишет: «Список трансплантированных сюда человеком культурных растений невелик». Вместо термина «трансплантированных» нужно было написать «интродуцированных».

К ошибкам агрономического значения относятся следующие. На стр. 20 написано: «В настоящее время существуют тысячи разновидностей пшеницы, хотя все они размещаются в трех группах по дюжине видов в каждой». Очевидно, что речь идет не о разновидностях, а о сортах пшеницы. На стр. 24 при перечислении овощных растений указаны порей и лук. Порей тоже лук, и нужно было написать «лука-порея». На стр. 29 написано, что конопля *Cannabis sativa*, а в странах Востока она «рано стала выращиваться для изготовления гашиша». Однако, согласно Е. В. Вульфа, О. Ф. Малеевой (стр. 132), гашиш приготовляется только из конопли индийской *C. indica* (*Lam.*) *Serebr.*

На стр. 72, 73, 74, 75 автор пишет о «культуре мокрого риса». В растениеводстве различаются культуры риса, постоянно затопляемого и периодически затопляемого. Вводить новое понятие «мокрый рис» нецелесообразно. На стр. 79 автор пишет, что рис на юге дает «двукратный урожай». Это неточно. Речь идет о двух посевах в разные сроки и двух сборах урожая риса – раннего и позднего. На стр. 84 автор пишет, что у фасоли вьющиеся лозы. Нужно выражаться точнее, это – вьющиеся стебли[17].

На стр. 129 написано: «Сажали быстро зреющие овощи (тыквы, баклажаны, хлопок)». Хлопчатник (а не хлопок) сеют, это не овощная, а техническая культура.

На стр. 140 написано, что у *Manihot adans* «плоды продолговатой формы». У маниоки не плоды, а клубни, как пишет и сам автор на следующей странице. На стр. 168 дан неверный расчет по ирригации. Написано: «Чтобы затопить гектар поля на 1–2 *м*, требовалось 7–15 тыс. $м^3$ воды». Простой расчет показывает, что при площади 1 *га* в 10 000 $м^2$ и высоте затопления в 1 *м* уже нужно 10 000 $м^3$ воды и, кроме того, часть ее впитывается, а поэтому нужно на 15–20% больше, а не 7000 $м^3$. Соответственно и при 2 *м* – 20 000 $м^3$. На стр. 144 написано: «Но таким способом достигался лишь частичный урожай, даже если за маисом ухаживали путем прополки и вырубания древесных побегов, тщательно оберегая посадки ростков и подъем их (рис. 11)». Древесных побегов у маиса нет. Слова про «посадки» ростков и их подъем – непонятны. Ссылка на рис. 11 неуместна, рисунок к последнему тексту отношения не имеет.

Отмеченные недостатки книги значительно снижают ее ценность, особенно при использовании студентами, аспирантами и зарубежными читателями, так как в ней содержатся неверные названия растений и их характеристики. Поскольку книга издана Институтом археологии АН СССР и в академическом издательстве «Наука», эти ошибки могут быть приняты отдельными учеными на веру и перекочевать в другие исследования. Представляется, что при должной постановке научного рецензирования и редактирования этих упущений можно было бы избежать.

И. К. Фортунатов

---

[16] *Ф. Х. Бахтеев.* Важнейшие плодовые растения, М., 1970, стр. 301.
[17] *Л. И. Курсанов, Н. А. Комарницкий и др.* Ботаника, стр. 234.

І. К. Свєшніков. Історія населення Предкарпаття, Поділля і Волині в кінці III — на початку II тис. до н. е., 13,5 п. л., Київ, 1974.

Книга И. К. Свешникова состоит из краткого вступления и восьми глав. В первых из них рассматривается историография вопроса, дается общая характеристика Прикарпатья и Правобережья Украины в период перехода от энеолита к эпохе бронзы. Последующие главы посвящены описанию известных на территории исследования культур шнуровой керамики – подкарпатской (гл. III), городокско-здолбицкой (гл. IV), стжижовской (гл. V). В конце каждой главы дан общий анализ материала (керамики, орудий труда, украшений) по каждой культуре с привлечением аналогий в соседних родственных культурах. Рассмотрению вопросов хронологии духовной культуры, занятия населения, антропологических данных, происхождения культур ранней бронзы Предкарпатья, Подолии и Волыни и их места среди культур шнуровой керамики Европы посвящены VI—VIII главы работы.

Работа написана на большом материале, собранном И. К. Свешниковым из многочисленных литературных, архивных и музейных источников или же добытом в ходе собственных многолетних полевых исследований автора книги. Последнее имеет прямое отношение прежде всего к памятникам городокско-здолбицкой культуры, а также верхнеднестровской и подольской группам подкарпатской культуры. Характеристика других групп культур шнуровой керамики – краковско-сандомирской, любашевской и др., полностью или в значительной части находящихся за пределами Украины, дана в работе в общем виде.

К сожалению, в книге почему-то не отражена совсем роль некоторых зарубежных ученых в раскопках и изучении культур шнуровой керамики, и прежде всего Т. Сулимирского, вклад которого в разработку вопроса культуры шнуровой керамики Прикарпатья и Волыни несомненный. Т. Сулимирским одним из первых были проведены раскопки поселений и могильников шнуровой керамики на указанной территории. Еще в 30-х годах Т. Сулимирским были написаны первые обобщающие работы о памятниках шнуровой керамики, в которых ставились вопросы их культурной принадлежности, хронологии, занятия населения и т. п.

Основное содержание книги — разработка вопросов культурно-территориального и хронологического членения теперь уже довольно обширного материала культур шнуровой керамики на большой территории Восточной Европы между Карпатами и долиной Припяти — материала давно открытого, но до последнего времени оставшегося необобщенным.

Как известно, на западе и севере Центральной Европы, в Прибалтике, в Поднепровье и Волго-Окском бассейне памятники шнуровой керамики уже давно разделены на отдельные культуры и группы. На территории Прикарпатья, Волыни и Подолии эта работа, к сожалению, до последнего времени не была проделана. Лишь за последние 10—15 лет в вопросе их систематики наметился большой сдвиг, в первую очередь благодаря работам И. К. Свешникова.

В археологической литературе уже принято мнение названного исследователя о выделении на Волыни городокско-здолбицкой культуры. Вероятно, стоит согласиться и с его выделением в рецензируемой работе «подкарпатской» культуры шнуровой керамики, включающей четыре локальные группы — верхнеднестровскую, подольскую, сандомирскую и любашевскую. Выделение И. К. Свешниковым указанных культур и культурных групп, систематизация памятников стжижовской культуры заполняют «белое пятно» на карте культур шнуровой керамики Европы, существовавшее в самом центре большой области культур этого рода. Центральное положение культур шнуровой керамики Прикарпатья, Подолии, Волыни, как и их непосредственный контакт с культурами лесостепного Правобережья Украины, позволяет искать именно здесь решения ряда проблем культур шнуровой керамики, в частности вопросов синхронизации, сложения этих культур и т. п.

Уже при описании материалов каждой культуры И. К. Свешников размещает памятники в хронологической последовательности. Вопросам периодизации памятников, их синхронизации с материалами смежных территорий и определения абсолютного возраста культуры Предкарпатья, Подолии и Волыни посвящена отдельная (VII) глава. На основании стратиграфических данных и исходя из типологического

анализа материалов, автор создает периодизацию каждой из культур и составляет довольно убедительную схему их синхронизации и связей с иными культурами (Триполье, культуры шаровидных амфор, воронковидных сосудов и др.) конца медного века Европы (рис. 51). Надо считать важным вкладом в проблематику хронологии культуры шнуровой керамики Прикарпатья выделение на Верхнем Поднестровье наиболее раннего звена памятников типа Ковпец-Кавско.

Расчленение верхнеднестровских материалов на три хронологические группы не вызывает возражений, хотя древность фазы Ковпец-Кавско еще стратиграфически и не подтверждена.

Датировка культур шнуровой керамики исследуемой территории второй половиной III и первой половиной II тысячелетия до н. э., как кажется, вполне согласуется с хронологией этих культур смежных территорий. Желательно было бы подкрепить выводы о возрасте памятников Украины большим количеством определений по С-14.

Больше замечаний вызывает попытка И. К. Свешникова создания общей периодизации памятников культур шнуровой керамики Европы (стр. 178), которая, к сожалению, дается почти в тезисном плане, без развернутой аргументации, и поэтому здесь многое приходится принимать на веру. Логически трудно представить, например, синхронность памятников типа Ковпец-Кавско с погребениями одиночных могил и ладьевидных топоров Скандинавии и Ютландии. Общего сходства в очертаниях формы некоторых сосудов для такого сопоставления во времени памятников из столь отдаленных территорий, мне кажется, далеко не достаточно, тем более что другие категории изделий, например топоры, в Прикарпатье и на севере Европы различны. Весьма вероятно, что некоторое сходство в керамике культур Украины и Прибалтики является результатом конвергентности в развитии первобытных культур с одинаковым укладом экономики и быта. До получения достоверных дат по С-14 о хронологическом соответствии культур шаровидной керамики Украины и Северной Европы можно говорить лишь условно.

Одним из центральных вопросов в изучении культур шнуровой керамики Европы является проблема их происхождения, которая в настоящее время, к сожалению, еще очень далека от своего разрешения. Не мог, конечно, решить ее на одном своем материале и автор рецензируемой работы, хотя в подходе к разработке этой проблемы у И. К. Свешникова можно отметить ряд весьма удачных положений. Это, во-первых, выделение среди материалов верхнеднестровской группы упоминавшегося уже выше наиболее раннего звена культуры типа Ковпец-Кавско и, во-вторых, конкретное рассмотрение вопроса происхождения культур шнуровой керамики применительно к отдельным культурам, которые далеко не одновременны.

Сопоставляя в хронологическом плане памятники типа Ковпец-Кавско Прикарпатья с наиболее ранними материалами среднеднепровской культуры и энеолитических курганов типа Бурты-Зеленки лесостепного Правобережья, автор подходит, на наш взгляд, к совершенно правильному выводу о сложении наиболее раннего звена культур шнуровой керамики на широкой площади лесостепных районов Восточной Европы в зоне контакта со степными культурами медного века. По-видимому, неоспоримым является и вывод И. К. Свешникова о том, что ранние памятники шнуровой керамики Прикарпатья, а также лесостепного Правобережья в целом предшествовали так называемому первому общеевропейскому горизонту шнуровой керамики. Следовательно, культуры шнуровой керамики Центральной Европы, Скандинавии и Прибалтики, в том числе и те культуры, которые характеризуются наиболее ранними типами вещевого материала (саксо-тюрингская, Злота и др.), выступают перед нами как явления вторичного порядка, что неоспоримо в хронологическом плане и весьма вероятно в генетическом.

Хотя генетическая подоснова наиболее ранних памятников шнуровой керамики Восточной Европы в работе И. К. Свешникова все еще остается неопределенной, автор, как нам кажется, правильно указывает на пути ее поисков где-то в районе лесостепного Правобережья Украины.

Подходя к решению вопроса сложения более поздних культур шнуровой керамики Волыни, Подолии и Прикарпатья — стжижовской, городокско-здолбицкой, автор отмечает важную роль в этом процессе местных культур, в том числе ранних эта-

нов культуры шнуровой керамики, культуры шаровидных амфор, днепро-донецкого неолита с гребенчато-накольчатой керамикой и др.

Рассмотрение проблемы культурно-территориального членения культур шнуровой керамики Волыни, Подолии и Прикарпатья, периодизация и их синхронизация является основным в работе. Их разработка проведена И. К. Свешниковым с привлечением огромного фактического материала, и поэтому сделанные выводы в подавляющей своей части являются прочно аргументированными и, несомненно, будут приняты в науке.

Других вопросов, связанных с историей населения Прикарпатья, Подолии и Волыни в конце III — начала II тысячелетия до н. э., автор касается уже меньше и разрабатывает их порой с меньшей полнотой. В работе много говорится о духовной культуре населения — о культе огня, земли, но почему-то мало затронут вопрос о культе животных, хотя основания для этого в культурах шнуровой керамики (погребения собак) имеются. Можно сделать несколько упреков автору и по части терминологии. В работе нередко одно и то же культурное явление называется то фазой, то периодом, то этапом. Нет четкого разграничения признаков, свойственных различным типам сосудов, — горшок, например, трудно отличить от кратеровидного сосуда или сосуда с S-видным профилем. Некоторые культуры называются по-разному. Например, культура гребенчатой керамики в одном случае и гребенчато-накольчатой — в другом.

Все эти недостатки в работе ни в коей мере не умаляют большого научного значения труда И. К. Свешникова.

Д. Я. Телегин

Д. А. Крайнов. Древняя история Волго-Окского междуречья. Фатьяновская культура. II тысячелетие до н. э. М., 1972

Яркая страница древнейшей истории племен лесной полосы Восточной Европы уже в течение века связывается с так называемой фатьяновской культурой, некогда распространенной от Волхова до Вятки и от южных районов Вологодской области до северных районов Пензенской области. В настоящее время фатьяновская культура представлена сотнями могильников, поселений и случайных находок, собранных, разведанных и раскопанных в основной своей массе уже в советское время.

Еще в начале текущего столетия эта культура привлекала внимание крупнейших исследователей эпохи бронзы Восточной Европы В. А. Городцова, А. А. Спицына, А. М. Тальгрена и др. В довоенный период раскопки памятников этой культуры и их историческое изучение связаны с именами О. Н. Бадера, А. Я. Брюсова, Д. А. Крайнова, О. А. Кривцовой-Граковой и других исследователей.

В рецензируемой монографии Д. А. Крайнова, под руководством которого с 1958 г. развернулись широкие и планомерные исследования фатьяновских памятников в Верхнем Поволжье, мы находим новое решение проблемы истории фатьяновской культуры. Результатом исследований автора рецензируемой книги явились два тома «Свода археологических источников» по фатьяновской культуре [1].

Рассматриваемая монография Д. А. Крайнова является итоговым исследованием по одному из значительных массивов культур «боевых топоров», некогда распространенных на огромной территории Центральной и Восточной Европы, племена которых внесли свой вклад в этногенез целого ряда современных народов Европы, в том числе и славян.

Работа написана на огромном фактическом материале, полученном в значительной степени в результате экспедиций, возглавлявшихся Д. А. Крайновым. Достаточно взглянуть на приводимую в книге карту фатьяновских памятников, чтобы представить себе колоссальный объем проделанной работы. Перечень памятников,

[1] *Д. А. Крайнов.* Памятники фатьяновской культуры. Московская группа. САИ, В 1—19, 1963; *его же.* Памятники фатьяновской культуры. Ярославско-Калининская группа. САИ, В 1—20, 1964.

изученных только Верхневолжской экспедицией, включает 189 наименований: всего их — 422 (без случайных находок, которые также широко включены в работу).

Работа состоит из введения, шести глав и заключения. В первой главе исследования определяется область распространения фатьяновских памятников и дается общая характеристика могильников, поселений и случайных находок фатьяновской культуры.

Более трети работы составляет вторая глава, посвященная исследованию отдельных категорий находок. Ее открывает тщательная и подробная характеристика каменных сверленых топоров-молотов. При их типологическом членении автор стремится учесть весь комплекс признаков, характеризующий данный тип орудия. В то же время иногда в основу выделения типов и подтипов кладутся единичные признаки без учета основных показателей. Так, втульчатые топоры выделяются по наличию втулки, выступающей на лобовой стороне орудия. Однако такие топоры по своей форме включаются в другие типы и, на наш взгляд, вполне могут быть рассмотрены в качестве их разновидностей.

Эти и другие возможные замечания никак не исключают и правомерности принципов классификации топоров, изложенных в рецензируемой работе. Классификация приспособлена к материалу фатьяновской культуры и, как нам думается, не должна распространяться на все топоры, найденные в лесной и лесостепной полосах Восточной Европы. Предложенная Д. А. Крайновым классификация позволила автору превратить каменные сверленые топоры, в массе своей, кстати сказать, происходящие из случайных находок, в одну из важнейших категорий источников по фатьяновской культуре.

В последующих разделах главы автором подробно обоснована и четко изложена классификация еще одной весьма важной категории находок — кремневых клиновидных топоров, специально характеризуются кремневые наконечники стрел и дротиков, скребки, каменные и костяные орудия.

Основную часть главы составляет характеристика фатьяновской керамики. Автор дает подробную типологию фатьяновской керамики. В работе содержится тщательный и подробный анализ орнаментов фатьяновской посуды. Выделены характерные орнаментальные элементы, рассмотрены орнаментальные композиции, показано место «балановской» системы орнаментации среди фатьяновских древностей в целом. Автору удалось охарактеризовать специфику керамики отдельных районов распространения племен фатьяновской общности и, что очень важно, развитие фатьяновской посуды во времени. К разделу по керамике имеются и отдельные замечания. Трудно признать правомерным разделение фатьяновской посуды на две основные категории — круглодонную и плоскодонную (стр. 94). Как заявляет сам автор, плоскодонные сосуды немногочисленны и не составляют классификационных рядов, тем самым они могли быть рассмотрены с определенными оговорками среди типов круглодонной керамики. Типы сосудов в классификации Д. А. Крайнова относятся только к круглодонной керамике, тем самым они не включают всей совокупности фатьяновской керамики. Не представляется оправданным и выделение ряда подтипов. Нельзя признать удачными некоторые терминологические обозначения разновидностей посуды, как, например, бесшейные и амфорные; впрочем автор сам оговаривает их условность.

В третьей главе монографии дается анализ основных видов хозяйственной деятельности фатьяновцев. На значительном материале Д. А. Крайнов убедительно показывает специфический лесной характер скотоводства всего фатьяновского населения и его особенности в зависимости от условий отдельных физико-географических районов, занимаемых фатьяновцами в процессе расселения на восток.

Автор убедительно аргументировал положение, что фатьяновцы — древнейшие скотоводы лесной полосы Восточной Европы. Не касаясь вопроса о времени появления домашних животных на исследуемой территории, следует отметить, что превращение скотоводства в основную отрасль хозяйства на данной территории связано именно с фатьяновцами. Д. А. Крайнов определяет фатьяновское скотоводство как придомное, стойловое (стр. 143). Отсутствие долговременных фатьяновских поселений, особенно на раннем этапе их развития, открытие погребений фатьяновцев с собаками (погребения пастухов), как нам представляется, позволяет предполагать

наличие у них некоторых признаков и подвижного, пастушеского характера скотоводства.

С развитием фатьяновской культуры характер скотоводства в значительной степени видоизменяется. Это хорошо показано автором. Если на раннем этапе ведущую роль в хозяйстве играло свиноводство, то постепенно все большую роль в составе стада приобретает крупный и мелкий рогатый скот. На позднем этапе фатьяновской культуры на территории Среднего Поволжья распространяются долговременные поселения, что, по-видимому, не только свидетельствует о постепенном видоизменении скотоводства, но и о постепенном развитии у них и земледелия.

Что касается наличия земледелия на ранних этапах фатьяновской культуры, то археологических данных для его фиксации пока недостаточно. И в целом Д. А. Крайнов прав, когда пишет, что мы «не можем с полным основанием утверждать наличие земледелия у фатьяновцев, не имея точных исторических источников, но и не можем отрицать его, так как некоторые косвенные данные у нас есть» (стр. 145). Говоря о хозяйстве фатьяновцев, нельзя вслед за Д. А. Крайновым не отметить и определенную роль в жизни фатьяновского населения присваивающих отраслей хозяйства — охоты и собирательства.

Отдельные разделы этой главы посвящены домашним занятиям фатьяновцев: производству каменных, в частности кремневых, орудий труда и оружия, гончарному производству и косторезному делу. Особенно удачен раздел о металлических изделиях и металлургии фатьяновских племен. Сейчас не вызывает сомнения высказанная Д. А. Крайновым еще 40 лет назад и развитая в данной монографии мысль о существовании собственного производства металлических изделий у фатьяновских племен. Серии фатьяновских металлических орудий труда и украшений имеют определенную специфику, а раскопки погребений литейщиков в Чуракинском и Волосово-Данилловском могильниках не оставляют сомнений в правильности такого тезиса. Однако говорить о металлургии у фатьяновцев в полном объеме, как это делает Д. А. Крайнов, пока преждевременно. Хотя на территории расселения фатьяновцев известны месторождения медистых песчаников, сведений об их разработке во II тысячелетии до н. э. нет. С другой стороны, одной из причин продвижения фатьяновских племен на восток, несомненно, были поиски металлургической базы.

Глава об основах хозяйства фатьяновцев была бы еще более полной, если бы автор шире привел весь имеющийся материал с позднефатьяновских поселений. О фатьяновских же поселениях Д. А. Крайнов лишь бегло говорит в разных местах монографии. Иногда в тексте есть и досадные оговорки об отсутствии фатьяновских поселений (стр. 106 и 136). Такие оговорки не могут быть оправданы даже применительно к району Верхней Волги, где выделение такого рода поселений проблематично. Поскольку автор признает, на наш взгляд совершенно справедливо, фатьяновскую культуру единой, то балановские поселения должны были получить в работе более подробное освещение.

В четвертой главе — «Общественный строй и идеология» — приведен детальный анализ погребального обряда фатьяновских племен с вполне оправданной попыткой поисков его истоков в более западных областях. Глава снабжена весьма объемными таблицами 3 и 4, в которых собраны все необходимые сведения по погребальному обряду фатьяновцев, что позволяет четко документировать его характерные черты. На основании рассмотрения погребального обряда автор приходит к закономерному выводу о наличии у фатьяновского населения патриархально-родовых общественных отношений.

В пятой главе монографии Д. А. Крайнов приступает к выяснению вопроса о времени существования фатьяновских памятников. По традиции исчерпывающе проанализировав все накопившиеся за столетие высказывания по данной проблеме, автор аргументирует собственную точку зрения на время бытования фатьяновской культуры и ее внутреннюю хронологию. Ему бесспорно удалось доказать, что ее начала относится к первой четверти II тысячелетия до н. э. И конечно, ни у кого не вызывает сомнения пришлый характер фатьяновских памятников, истоки которых Д. А. Крайнов находит в более западных областях. Причем эта мысль автором аргументируется фактически всем ходом изложения материала в книге.

Автором разработана новая внутренняя хронология всей фатьяновской общности в целом. Приведенные Д. А. Крайновым новые материалы раскопок Волосово-Даниловского могильника и ряда других памятников определенно свидетельствуют в пользу высказанного им тезиса об одновременном существовании сравнительно поздних фатьяновских групп населения не только в Среднем, но и в Верхнем Поволжье.

В главе суммированы рассредоточенные по всей работе общие признаки, которые позволяют говорить о единой фатьяновской культуре или культурно-исторической общности. Такими признаками, по Д. А. Крайнову, являются:

а) грунтовые могильники на береговых скатах рек или холмах с обрядом захоронения в скорченном на боку положении с единообразной ориентировкой могильных ям, имеющих в профиле вид челна;

б) специфический инвентарь, состоящий из боевых сверленых топоров, клиновидных кремневых топоров и других кремневых орудий, особой бомбовидной и шаровидной посуды со шнуровым, нарезным и штампованным орнаментом и др.;

в) единство духовной культуры и верований;

г) общие основы лесного скотоводческого хозяйства с преобладанием в стаде свиньи;

д) общее происхождение, антропологическая и этнокультурная близость (стр. 220).

На протяжении всей работы автор стремится к территориальному и хронологическому членению памятников фатьяновской культуры. Не вызывает возражений выделение трех основных групп памятников — московско-клязьминской, верхневолжской и средневолжской. Исследователь особенно подробно характеризует основные признаки двух первых. Имеющиеся в настоящее время исследования по средневолжской группе памятников (О. Н. Бадер, А. Х. Халиков) свидетельствуют, с одной стороны, о возможности включения последних в единую фатьяновскую культуру, с другой — показывают наличие в них ряда специфических черт, которые свидетельствуют о близости московско-клязьминской и верхневолжской групп и об их существенных отличиях от балановской.

Необходимо было подробнее остановиться на критическом анализе выделенных в работах О. Н. Бадера, П. Д. Степанова и А. Х. Халикова этапах развития средневолжских памятников. Последнее приобретает особенный смысл потому, что на Средней Волге хорошо изучены не только погребальные комплексы, но и поселения с жилыми и хозяйственными сооружениями, массовым керамическим материалом и данными об эволюции хозяйства. К тому же преимущественно на материалах Средней Волги удается выделить поздние этапы фатьяновской культуры, что, конечно, приобретает важное значение при решении вопросов дальнейших судеб фатьяновцев.

Наряду с выделением трех основных групп памятников в окраинных районах и в зонах контактов Д. А. Крайнов пытается наметить окско-деснинскую, нижнеокскую, вятско-ветлужскую и двинско-волжскую (двинско-волховскую) группы. Кроме того, в тексте (стр. 222) названа и нижнекамская группа, для которой почему-то на карте места не нашлось. При современном уровне знаний такого рода группы никак нельзя признать равнозначными трем основным. Являясь зонами стыка с соседними культурами или внутренними контактными зонами, они в своей основе имеют важное значение для решения вопросов происхождения, развития и расселения фатьяновских племен. Но отрывать их от основных трех массивов фатьяновцев не следует.

Выделение такого рода групп памятников чрезвычайно затруднено самим характером материала промежуточных и окраинных памятников, несущих в себе черты как среднеднепровской, так и фатьяновской культур в окско-деснинской группе, например. Не случайно эти группы в работе или охарактеризованы очень бегло, или их отличительные признаки вообще не показаны.

Наиболее уязвимы высказывания автора о дальнейшей судьбе фатьяновского населения. Если вопросу происхождения культуры посвящена не только отдельная глава (глава IV), но в известном смысле работа в целом, то дальнейшая историческая судьба фатьяновцев излагается в виде отдельных замечаний, без стратиграфи-

ческих, статистических наблюдений за соотношением фатьяновских и позднебронзовых комплексов на всей территории распространения культуры. По нашему мнению, остался недоказанным тезис о том, что «сложное смешение культур волосовской, фатьяновской, абашевской, поздняковской культуры с керамикой, близкой к чирковско-сейминской и сетчатой, привели в конечном итоге к образованию на Верхней Волге ранних городищенских культур дьякова типа» (стр. 270).

Думается, что московско-клязьминская и верхневолжская группы фатьяновцев уже не проявляют себя по крайней мере в третьей четверти II тысячелетия до н. э. Тем самым они не могли принять прямого участия в сложении культур раннего железного века. Во всей фатьяновской культуре нет материалов, которые могли бы датироваться последней четвертью II тысячелетия до н. э. Если же обратиться к такой категории вещей, как медные боевые топоры, то нельзя не отметить, что на всей территории Восточной Европы во второй половине II тысячелетия до н. э. происходила замена топоров с округлым проухом на топоры с элипсовидным проухом и более отвислым обухом, т. е. на топоры абашевского и срубного типов. Это же можно сказать о наконечниках копий, которые у фатьяновцев более примитивны, чем поздние литые формы. Если еще вспомнить, что в фатьяновских памятниках полностью отсутствует такой широко распространенный в позднем бронзовом веке тип орудия, как кельт, то можно твердо говорить, что металлургия фатьяновцев связана с более древними традициями и маловероятно ее сохранение до железного века. Что же касается вопроса о поздних памятниках средневолжской группы типа Хула-сюч, то это особый вопрос, не имеющий прямого отношения к дальнейшей судьбе более северных племен фатьяновской общности. Однако и здесь далеко не все ясно. И в дальнейшем вполне может оказаться, что и они бытуют не так долго, как это представляется сейчас.

Сделанные замечания отнюдь не свидетельствуют о каких-то серьезных недостатках работы. Выход в свет монографии Д. А. Крайнова, фундаментального исследования, снабженного солидной источниковедческой базой и наводящего на многие размышления, знаменует собой принципиально новый этап в изучении племен II тысячелетия до н. э. лесной полосы Восточной Европы. Рецензируемая монография Д. А. Крайнова по праву займет место среди выдающихся исследований советских авторов по археологии эпохи бронзы.

А. Д. Пряхин, Б. Г. Тихонов

Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. МИА, 153. «Наука», М., 1972, 160 стр., тираж 1600 экз.

В этой небольшой по объему книге содержится публикация материалов многолетних раскопок на огромной территории от степей Оренбуржья до Среднего Иртыша.

Авторы статей, входящих в этот сборник, старались опубликовать полностью результаты раскопок, снабдить их возможно большим количеством рисунков и фотографий вещей, планов и профилей курганов и погребений.

Материал, содержащийся в статьях, может быть привлечен для анализа культурных влияний, генезиса и миграций различных культур указанного района в середине и второй половине I тысячелетия до н. э. Заслуживает внимания и работа, проделанная авторами по интерпретации археологического материала, хотя некоторые положения и представляются спорными.

Открывает сборник статья К. Ф. Смирнова и С. А. Попова «Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области» (стр. 3—26). Авторы публикуют материалы из курганов, раскопанных в течение двух полевых сезонов у с. Липовка Бузулукского района Оренбургской области. Могильники бассейна р. Бузулук интересны прежде всего тем, что они несут в себе черты сходства как с поволжским, так и с уральским вариантами савроматской культуры. Интерпретируя материал липовских курганов, авторы приходят к выводу о том, что «любимовские савроматы менее всего уральские, а тяготеют к поволжским». Вывод основывается на отсутст-

вии и в поволжских и в липовских курганах каменных жертвенников, что представляется недостаточным. Картографирование аналогий другим липовским вещам свидетельствует об обратном.

Железный акинак из кург. 5, по мнению авторов, наиболее близок к поволжскому варианту — акинакам из Блюменфельдского кургана А12 и Фриденбергского кургана 1, 5. На комплексе находок из Блюменфельдского кургана мы остановимся подробнее несколько ниже, а вот акинак из Фриденбергского кургана имеет просто другое — не антенное, а кольцевое — навершие. Наиболее же близкими типологически представляются экземпляры приуральского варианта, с которыми липовский сближают не только антенное навершие рукояти, бабочковидное перекрестье, клинок с параллельными лезвиями, прямая, не расширяющаяся к перекрестью рукоять, но и такая деталь, как наличие на рукояти двух продольных желобков (ср. экземпляры из могильников у с. Сара, Новый Кумак, пос. Нежинский) [1].

То же можно сказать и о литом бронзовом колчанном крючке, найденном на территории могильника. Приводимые авторами аналогии из Поволжья (Кара-Оба, Заплавное) малоубедительны: крючок из могильника Кара-Оба (кург. 10, погр. 2) [2] иной формы, что же касается крючка из Заплавного, то это просто обломок, не позволяющий судить об общей форме предмета [3]. Остальные же аналогии, как справедливо замечают сами авторы, найдены в Приуралье.

Характеризуя наконечники стрел из погребений Липовского могильника, авторы приводят аналогии им из Приуралья и более восточных районов, что противоречит их выводам, соотнося с поволжскими только набор стрел из кург. 3. И в этом случае аналогии указываются в Блюменфельдском кургане А12 (для наконечников со «змейкой» на лопасти). Однако по непонятным причинам из поля зрения исследователей выпали остальные типы стрел из кург. 3, аналогий которым в Поволжье нет (для стрел типа рис. 2 *Л*, *8*, *9* — погр. 1, кург. 3 у с. Новый Кумак; там же, кург. 6; из кургана у с. Преображенского [4]. Для стрел типа рис. 2 *Л*, *12* — кург. 6 у с. Новый Кумак [5], типа рис. 2 *Л*, *6* — кург. 5 у Бердинской горы, кург. 17 у с. Сара, курган в Бузулукском уезде [6]).

Неясно, на чем базируется вывод о близости лепной керамики Липовского могильника керамике Поволжья. Ведь такая выразительная деталь, как украшение сосудов прочерченными линиями, имеющаяся на большинстве сосудов из Липовского могильника, характерна для посуды Приуралья [7]. Пальцевые же защипы, идущие по венчику сосуда, достаточно часто встречаются как в Поволжье, так и в Южном Приуралье и Оренбуржье. Нужно отметить и несоответствие описания сосудов в тексте их форме: одинаковой формы сосуды в двух случаях названы грушевидными (рис. 3, *1*, *2*), в третьем — яйцевидными (рис. 3, *5*).

Отдельно следует рассмотреть вопрос о комплексе Блюменфельдского кургана А12, находки из которого близки некоторым вещам Липовского могильника (ср., например, акинак, стрелы со «змейкой» на лопасти, зооморфные изображения). Это практически единственный курган, к которому обращаются авторы в поисках аналогий в Поволжье, где они действительно имеются. Но поскольку это единственный на данной территории курган с таким инвентарем, представляется вполне обоснованным говорить о погребении в нем чужеземца, представителя знати, по каким-то причинам (миграция, военный поход) попавшего в Поволжье.

Таким образом, на основе анализа погребального инвентаря можно говорить о близости Липовского могильника к приуральской, а не к поволжской группе памятников савроматской культуры.

Вопросы этнической принадлежности племен Западной Сибири рассматриваются в статье В. А. Могильникова «Кокоиовские и Саргатские курганы — памятники эпо-

---

[1] *К. Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов. М., 1961, стр. 102, рис. 2, *5*, *6*, *8*.
[2] *М. Г. Мошкова.* Памятники прохоровской культуры. САИ, Д1–10, 1963, стр. 50, табл. 20, *9*.
[3] Там же, стр. 50, табл. 20, *2*.
[4] *К. Ф. Смирнов.* Вооружение савроматов, рис. 26, *В*; 24, *А*; 15, Д3.
[5] Там же, рис. 24, А33, 34.
[6] Там же, рис. 22, Б7; 21, А37; 15, Е11.
[7] *К. Ф. Смирнов.* Савроматы, стр. 122.

хи раннего железа западносибирской лесостепи» (стр. 119—133). Автор полностью публикует материалы двух могильников, раскопанных в районе Омска, и привлекает их для решения этого вопроса.

Отступая от существовавших ранее точек зрения на этническую принадлежность лесостепных племен Западной Сибири, в конце статьи автор пишет о сложном процессе метисации угро- и ираноязычного населения в исследуемом районе. Необходимо только добавить, что погребения Кокоповского и Саргатского могильников дают возможность более конкретно говорить о связи того или иного комплекса с определенным этносом: угро- и ираноязычные элементы почти не встречаются вместе в одном погребении.

Курганы лесостепной зоны Западной Сибири безусловно нуждаются в более широком исследовании с применением современной методики, для того чтобы можно было определить вес каждого из этих двух этнокультурных элементов в сложении своеобразной культуры лесостепных племен.

Неубедительно выглядит датировка погр. 1 из первого Саргатского кургана. Автор правильно отмечает нетипичность плоскодонной керамики для племен Западной Сибири в последние века до н. э. и в первые века н. э. (стр 126), а ниже, на стр. 129, пишет о соответствии сосудов из первого погребения остальному комплексу керамики Саргатских курганов, датирующихся II—I вв. до н. э.

Для уточнения этой датировки необходимо обратиться к следующей статье того же автора — «Раскопки 1967 г. в Кокоповке» (стр. 134—149), в которой публикуются материалы еще пяти Кокоповских курганов. Комплекс кург. 12 очень близок комплексу из погр. 1 первого Саргатского кургана (парное погребение, идентичное пряслице). Кокоповский курган 12, судя по конструкции насыпи, синхронен, как считает автор, остальным курганам этой группы и датируется в пределах IV—III вв. до н. э. Этим же временем можно, вероятно, датировать и погр. 1 из первого Саргатского кургана. Датируя остальные погребения Саргатского могильника, исследователь правильно относит их к более позднему времени.

Интересная гипотеза о истоках культа огня у сарматского населения северо-восточного Оренбуржья выдвинута в работе М. Г. Мошковой «Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья» (стр. 49—78).

Прослеживая связь в некоторых деталях ритуала между погребениями Оренбуржья и культом огня у приаральских саков, Мошкова допускает вероятность влияния саков на оренбургских савроматов. Гипотеза подкрепляется некоторыми типами вещей из Аландских курганов, имеющими аналогии далеко на юго-востоке — на территории расселения саков.

Статья дает верное направление для дальнейших исследований в этой области, подчеркивает важность раскопок на широкой территории между Оренбуржьем и Приаральем, материалы которых могут послужить для обоснования этого наблюдения.

Ценным качеством всех статей М. Г. Мошковой, входящих в рецензируемую книгу (а они составляют половину ее объема), является введение в науку материалов раскопанных курганов в неразрывной связи с жизнью племен обширных территорий Западной Сибири, Приуралья, Казахстана. В статье «Сарматские погребения Новокумакского могильника близ г. Орска» (стр. 27—49) кроме публикации материала из уже подвергавшегося ранее раскопкам могильника рассматривается вопрос о возможных истоках круглодонной керамики и погребального обряда прохоровской культуры. Для его решения привлекается большой круг памятников лесостепных племен Зауралья и Западной Сибири, непосредственно граничивших с сарматами на северо-восточной границе их расселения.

Памятники еще более обширной территории рассмотрены в статье «Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири», написанной в соавторстве с В. Ф. Генингом. В своей исследовательской части работа содержит краткую, но достаточно полную сводку могильников и поселений лесостепного Зауралья, которые имеют черты сходства с Абатскими курганами и служат основой для их датировки. Ставя вопрос об основных культурных и торговых связях населения лесостепи в эпоху раннего железного века, авторы приходят к выводу о том, что они поддерживались в основном с более западными районами.

Важной с точки зрения определения этнокультурной принадлежности различных групп населения лесостепи Западной Сибири является работа М. С. Акимовой «Антропология населения лесостепной полосы Западной Сибири в эпоху раннего железа» (стр. 150—159). К исследованию приложены таблицы измерений черепов из могильников и проведено их сравнение с савроматскими и сарматскими черепами из смежных областей.

При всей скудости палеоантропологического материала автор приходит к выводам, подтверждающим содержащееся в статьях М. Г. Мошковой и В. А. Могильникова определение этнической принадлежности населения лесостепи.

Статья П. М. Кожина «Новые материалы сарматского времени на юге Тюменской области» — единственная чисто публикационная работа, исследовательская часть которой не выходит за рамки датировки описываемых погребений. Досадно отсутствие в ней чертежей погребений и рисунков многих датирующих вещей — зеркала, ножа, кельта и др.

Следует отметить имеющиеся погрешности в оформлении статей. Отсутствуют некоторые важные чертежи — погр. 6 (первый Абатский курган), планы и профили курганов у с. Липовка и др.

Необходимы замечания и к части опубликованных рисунков. Насыпи курганов на некоторых из них показаны идеально круглыми, что едва ли соответствует действительности(см. стр. 30, рис. 3; стр. 51, рис. 1; стр. 63, рис. 6). На стр. 29 (рис. 2) нет масштаба, там же план погребения (кург. 20, погр. 1) дан одной линией по границам ямы, хотя из приведенного ниже разреза видно, что яма имела сложную конструкцию с целым рядом ступенек; на этом же рисунке глубина погр. 2 указана 1 *м*, а в тексте (стр. 38) — 1,10 *м*. Это погребение на рисунке отделено от прорезавшего его погребения сплошной линией, а в тексте (стр. 38) говорится о «несохранившейся северной (на самом деле восточной.— *Б. Р.*) стенке».

В некоторых случаях на план не нанесены вещи: на стр. 30, рис. 5 отсутствуют сосуд и позвонки коровы; на стр. 80, рис. 1 не нанесены на план сосуды, найденные в насыпи; «потерянными» оказались и меловая подсыпка, и горшок, и стрелы из погр. 1 кург. 2 третьей Аландской группы (стр. 57, рис. 3, III); а в одном случае в тексте (стр. 82) имеется ссылка на отсутствующий рисунок перстня (рис. 3, стр. 83).

На рис. 1, II (стр. 51) обозначенный на плане мощный могильный выкид в профилях показан или незначительными пятнами (профиль по линии С-Ю), или помещен не на месте (по плану выкид к востоку от ямы находится на расстоянии 2,6 *м*, а на профиле — 3,4 *м*), или вообще не показан (западная часть профиля по линии В-З). С другой стороны на план «не попали» остатки дерева от перекрытия ямы, частично находящиеся на поверхности погребенной почвы (видны в профиле В-З). Могильная яма погр. 1 на рис. 3 (стр. 56), судя по плану, попасть в профиль по линии В-З никак не может.

Недочеты в оформлении статей сборника так подробно перечислены потому, что публикация памятников сарматского времени с территории Приуралья и Западной Сибири является чрезвычайно ценным и необходимым источником для решения многих проблем, связанных с савроматской культурой.

В заключение необходимо отметить, что книга в целом заполняет существенный пробел в археологии раннего железного века Приуралья и Западной Сибири, намечает перспективы и пути решения многих проблем сарматской археологии.

Б. А. Раев

P. Diaconu, D. Vîlceanu. Păcuiul lui Soare — cetatea bizantină. Bucureşti, 1972 (Пэкуюл-луй-Соаре — византийская крепость).

Рецензируемая монография написана коллективом археологов, который долгие годы вел раскопки средневековой крепости X—XV вв. на Нижнем Дунае. В данной книге авторы изучили и изложили только материалы X—XI вв. Остальные материалы будут опубликованы во втором томе издания.

Книга состоит из введения, десяти глав, резюме на французском языке, списка литературы о памятнике, общего указателя и большого количества иллюстраций в виде рисунков и фотографий.

Во введении Петре Диакону описывает место расположения крепости, историю памятника по данным письменных источников, роль крепости в истории этого края.

Крепость была построена византийцами в конце X в. Она расположена на северной оконечности большого острова, разделяющего воды Дуная около мыса с местным названием Дервент. Это слово в языке тюркских народов (печенегов, половцев) означает переход, брод, для охраны которого она и была построена византийцами (стр. 12—14)

Стены крепости, возведенные между 971—976 гг. (стр. 2), сохранились до сих пор до высоты 5—6 *м*.

На стр. 27—46 археолог Раду Попа анализирует и тщательно описывает остатки стен, сохранившиеся северные ворота и порт. Стены были построены из параллелепипедных каменных блоков различной величины, но чаще всего размером 1×0,5 *м*. Стены сложены на растворе трех типов. Один состоит из смеси извести, песка, мелкой речной гальки; другой — из извести, песка и битого кирпича; третий раствор водоотталкивающий, состоящий из извести и мелкотертого кирпича (стр. 37). Автор иллюстрирует главу фотографиями, рисунками и реконструкциями ворот и дебаркадера порта (стр. 40).

В X в. крепость была построена на левом берегу Дуная, а потом, после XV в., когда имело место изменение русла реки, сооружение оказалось на острове, а дебаркадер — на суше.

В раскопках были обнаружены остатки культурных наслоений (стр. 47—58), из которых в монографии рассматриваются только три периода, относящиеся к X—XI вв.

К первому периоду относится строительство крепостных стен, порта и других крупных объектов. Бытовые и хозяйственные постройки жителей крепости не обнаружены.

К XI в. относятся следующие два строительных периода. В первой половине XI в. значение крепости в оборонительной системе границ империи упало (стр 59), и она застраивается, как и остальные поселения этого времени на Нижнем Дунае, жилищами полуземляночного типа. Они составляют второй строительный период. До сих пор было обнаружено 11 жилищ этого типа. Это небольшие, квадратные в плане, площадью около 12 $м^2$ и глубиной 0,5—0,8 *м*. Они состояли из одной комнаты, в которой размещалась прямоугольная или подковообразная в плане печь-каменка (стр. 61); только в одном случае вместо печи был обнаружен очаг, обложенный камнями по периметру (стр. 6, сноска 14).

Во второй половине XI в. полуземлянки были заброшены, засыпаны и построены наземные жилища (стр. 62). Они составляют третий строительный период на памятнике. Были случаи, когда наземные строения перекрывали полуземлянки. На изученной площади обнаружено 14 наземных домов. Они имели прямоугольную в плане форму, а площадь колеблется от 13 до 20 $м^2$ (стр. 62). Среди наземных домов встречаются чаще всего строения с каменными фундаментами (стр. 62). У некоторых жилищ сохранились угловые ямы от столбов, относившихся к каркасу, который оплетался прутьями.

В некоторых жилищах как полуземляночного, так и наземного типов имеются следы глиняной обмазки пола. В одном из углов каждого наземного жилища была обнаружена печь-каменка, подковообразная или прямоугольная в плане (стр. 63). Только в одном жилище с каменным фундаментом (стр. 65, рис. 21, жилище 1) в одном из углов был устроен очаг на полу, обложенный со стороны стенок дома рядом плитчатых камней, уложенных на ребро.

Думитру Вылчану, написавший главу о жилищах, завершает ее небольшим заключением об общих чертах и особенностях жилищ XI в. из Пэкуюл-луй-Соаре (стр. 66—69). Он затрагивает вопрос о происхождении печей-каменок как типе отопительного сооружения. Д. Вылчану полагает, что не обязательно считать печи-каменки славянскими (стр. 68). Он полагает, что тип отопительного сооружения зависит от природных условий, подручного материала, места и времени. Следует отме-

тить, что в Карпато-Днестровских и Карпато-Дунайских землях и в Добрудже, а видимо, и южнее до прихода славян в VI—VII вв. печи-каменки, как и глинобитные печи в останцах, не были известны. Это позволило известному советскому археологу И. И. Ляпушкину, как и многим другим, заключить, что землянки и полуземлянки с печами (каменными или глиняными) типичны для славян лесостепной полосы от Дона до Днестра и далее на запад до Моравии [1].

Другое дело, что позже этот тип отопительного сооружения был воспринят местными жителями, которые до прихода славян, а местами и позже пользовались в быту только очагами, после чего как каменные, так и глинобитные печи перестали обозначать славянский этнический признак в культуре этого региона, оставаясь славянской этнографической традицией и для X в., и для более позднего времени. Этническую принадлежность ее носителей необходимо выяснять в каждом конкретном случае. Так, на территории Прутско-Днестровского междуречья в X—XII вв. имеются две культуры. На памятниках типа Алчедар, Екимауцы и другие, относящихся к древнерусской культуре, единственным типом отопительного сооружения в жилищах была печь-каменка [2].

На поселениях балкано-дунайской культуры (Дриду) известны очаги, печи-каменки, жилища с обоими типами в одном комплексе, печи с очагами перед устьями, а также печи с обогреваемыми лежанками. В первом случае печи-каменки славянские, а во втором они являются отражением славянской традиции в балкано-дунайской культуре наравне с другими традициями различного происхождения.

В книге большое место отведено анализу керамики из раскопок поселения на острове Пэкуюл-луй-Соаре (стр. 71—136). В основе ее классификации нет единого принципа. Одни группы керамики выделены по примесям, другие — по цвету или орнаменту, третьи — по бытовому назначению и т. д.

Самая многочисленная категория керамики — посуда с примесью песка (стр. 71, раздел А). Автор раздела Раду Хархою выделяет среди этой керамики шесть форм посуды с вариантами, которые он называет группами. Материал включает горшки без ручек, миски, светильники, горшки с ленточными ручками и горшки с толстыми цилиндрическими или уплощенными ушками.

Найдено также несколько фрагментов керамики серого цвета с гладкой поверхностью, украшенной орнаментом в виде лощеных линий (стр. 85, раздел В).

Белоглиняная керамика, украшенная красной краской, представлена на памятнике двумя фрагментами. Петре Диакону счел уместным дать очерк об этой керамике, ее истории и генезисе. В конце исследования автор делает вывод, что изготовление белоглиняной посуды IX—X вв., украшенной красной краской, является древней местной традицией на Нижнем Дунае (стр. 88).

Поливная посуда, о которой пишет Думитру Вылчану, составляет около 5% на памятнике (стр. 89, раздел Д). Посуда представлена кувшинами, кружками и другими формами, встречающимися отдельными экземплярами. Эта керамика, как отмечает автор, связана с византийской традицией, но со временем стала элементом культуры местного населения на Нижнем Дунае в X—XI вв.

Кроме поливной посуды на памятнике была найдена высококачественная керамика (стр. 108, раздел Е) красного цвета. Изделия покрыты цветным ангобом. Они представлены кувшинами, кружками, горшками больших и малых размеров, а также сосудами для хранения запасов пищи. Эта керамика, как и поливная, — византийского происхождения, ставшая элементом культуры населения Нижнего Подунавья.

В особой главе (стр. 121) Петре Диакону ставит вопрос о происхождении керамики типа Дриду, т. е. посуду с примесью песка (категория А) и серой, гладкой, с лощеным орнаментом (категория В). Автор раздела отмечает основные точки зрения, существующие по этому вопросу, и четко высказывает свою точку зрения. Он считает, что керамика типа Дриду — местного происхождения и генетически не связана с посудой VI—VII вв. культуры Ипотешть-Кындешть, что зона формирова-

---

[1] *И. И. Ляпушкин.* Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, 104, 1961, стр. 191.

[2] *И. Г. Хынку.* К вопросу о соотношении восточнославянской и балкано-дунайской культуры лесостепной полосы Молдавии. Труды Государственного историко-краеведческого музея МССР, II. Кишинев, 1969, стр. 107, 108.

ния этой керамики — Добруджа, а ее формирование — результат взаимовлияния черняховских традиций и местной, автохтонной основы, наконец, что керамика типа Дриду, учитывая ее ареал, не связана с этносом, а отражает социально-экономические условия развития населения (стр. 129).

Рассмотрев главы, посвященные керамике как источнику, можно отметить, что материал представляет исключительный интерес, но классификация, основанная на формальных принципах, не всегда приводит авторов к желаемым результатам.

На наш взгляд, в керамике поселения на острове Пэкуюл-луй-Соаре, как и других поселений Нижнего Подунавья, имеются две большие группы посуды: местная и импортная. Особую категорию керамики составляют местные подражания византийским образцам. Основные группы керамики как бы дополняют друг друга в бытовом применении. Так, импортная посуда представлена теми формами, которые мастера из поселений Нижнего Подунавья сами не изготовляли. Это кувшины, кувшинчики, кружки, сосуды для хранения запасов пищи, амфоры и пр.

Если рассмотреть керамику данного поселения как источник для этнической истории, можно отметить, что среди форм посуды имеются образцы, связанные с различными этнокультурными традициями.

Следует согласиться с авторами глав о керамике, и прежде всего с Петре Диакону, что в процессе формирования изучаемой керамики значительную роль сыграло автохтонное население. Вместе с тем византийские наслоения, отразившиеся на местных подражаниях, весьма отчетливы.

В горшках с отогнутыми венчиками, короткими дугообразными шейками, крутыми плечиками и усеченно-коническими туловами на узких плоских днищах, украшенных углубленным орнаментом, нанесенным инструментом в виде палочки, четко выделяется славянская традиция. Украшение таких сосудов состоит из одной линии, опоясывающей сосуд по спирали (стр. 76, рис. 2). Подобные горшки характерны для поселений славян Поднестровья Молдавии в X—XII вв. типа Алчедар и Екимауцы [3]. Эту же традицию, видимо, выражают и усеченно-конические миски.

Керамика серого цвета с лощеным орнаментом в виде пересеченных линий могла быть воспринята из керамики салтовской культуры [4] и привнесена в культуру народов Нижнего Подунавья алано-болгарами.

На наш взгляд, изучение жилищ и керамического материала поселения X—XI вв. на острове Пэкуюл-луй-Соаре позволяет заключить, что местная в основе своей культура того времени Нижнего Подунавья содержит элементы различных этнокультурных традиций.

Последние четыре главы монографии посвящены вопросам, связанным с экономикой жителей поселения, занятиями, торговыми связями.

На основе выразительных материалов авторы пришли к заключению, что жители поселения занимались обработкой цветного и черного металла, обработкой дерева, ткачеством, обработкой кости, камня, животноводством и рыболовством. Интересны находки инструмента для кровопускания животным (стр. 164, рис. 65), матриц для штамповки и формочки для отливки украшений из цветных металлов и др.

В конце работы известный румынский нумизмат Букур Митря дает краткий анализ и перечень свыше 600 античных и византийских монет, найденных на поселении с острова Пэкуюл-луй-Соаре. Эта нумизматическая коллекция свидетельствует об интенсивных торговых связях жителей этого поселения с центрами Балканского полуострова.

Оценивая материал, гипотезы и выводы, изложенные в рецензируемой работе, необходимо отметить, что авторы ввели в научный оборот значительный археологический материал и сделали важный вклад в решение вопросов истории населения Нижнего Подунавья в X—XI вв.

Рецензируемая монография представляет несомненный интерес для археологов, историков, этнографов и нумизматов, интересующихся проблемами истории Юго-Восточной Европы в эпоху раннего феодализма. *И. Г. Хынку*

[3] *И. Г. Хынку.* Керамика славян Поднестровья в X—XII вв. Изв. АН МССР. Сер. обществ. наук, 2. Кишинев, 1971, стр. 80.

[4] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. М., 1967, стр. 112, 114.

АРХЕОЛОГИЯ И ПРЕИСТОРИЯ В СИСТЕМЕ И. РАУЗА

1. Систематический подход таксономиста

Профессор Иельского университета Ирвинг Рауз — влиятельный представитель старшего поколения археологов США, того поколения, которое в 30-е годы, углубившись в классификационные проблемы и сформировав ряд таксономических схем, надолго определило некоторые особенности американской археологической науки: ее направленность и успехи, увлечения и предрассудки, проблематику и словарь. В списке классических книг, составляющих теоретический багаж этого поколения, — книга Ирвинга Рауза «Преистория на Гаити. Исследование метода» [1]. В этой книге была изложена разработанная им концепция привязки и подгонки типов и «видов» к идеям и нормам поведения древних людей, концепция, усматривающая за типами древние стандарты, идеалы вещей, а за «видами» — стереотипы поведения людей при изготовлении и использовании вещей.

С тех пор в археологии США произошли две крупные перестройки интересов и методики (в конце 40-х годов и в 60-е годы), и каждый раз перестройку осуществляло новое поколение археологов: «*сопрягатели*» («conjunctivists») во главе с Уолтером Тэйлором и «*процессуалисты*» («processualists») во главе с Люисом Бинфордом. Но старшее поколение — «таксономисты» («taxonomists») — еще активно работает, нередко задает тон (Рауз, в частности, избирался в 60-е годы Президентом Американской антропологической ассоциации). И хотя в его трудах сохраняется прежняя методологическая основа (пожилым ученым трудно перестраиваться), все же в этих трудах отражаются и происшедшие изменения: проявляется реакция на критику и непривычные новшества, в то же время частично воспринимаются новые результаты и новые теоретические веяния.

Новая книга И. Рауза «Введение в преисторию» носит подзаголовок «Систематический подход» («A systematic approach») [2]. Это звучит очень современно, очень модно, напоминая по звучанию «системный подход» Л. Бинфорда и Дэвида Кларка. Однако на деле подразумевается нечто совершенно иное. Рауз объясняет подзаголовок цитатой из Флиндерса Петри: «Наука вряд ли может считаться существующей, пока она не получит развитую систему работы...» [3]. Иными словами, если Бинфорд и Д. Кларк имеют в виду рассмотрение предмета науки как системы (понимая систему как целое, определяющее роль и характер частей), то Рауз имеет в виду организацию понятий и методов самой науки в систему, или, проще сказать, их упорядочение, унификацию (понимая систему просто как порядок, единство). По весьма распространенному среди людей его поколения взгляду, главные споры и противоречия в науке порождены, как думает и И. Рауз, недоговоренностью относительно значений слов: «внутренние противоречия возникают из того, что слова имеют по многу значений» (стр. XV); стоит прийти к единому пониманию слов, договориться о смысле — и будут устранены основные разногласия. Это автор и поставил себе главной целью — «создать единую сеть понятий и терминов, которая бы включила в себя все региональные варианты» и «новейшие тенденции преисторического исследования» (стр. XV). Он избрал для этого, казалось бы, очень рациональный путь: сначала построить логичную сеть понятий, а уж затем подобрать наиболее подходящие к ним термины из употребительного словаря и наполнить их соответствующим смыслом (стр. XV). При этом автор не отдает себе отчета в том, что само построение системы понятий, сам выбор их и установление соотношений между ними, а следовательно, и значения — не чисто словарная операция и даже не чисто логическое предприятие. Здесь непременно скажется различие исходных методологий, различие теоретических концепций, и прийти к общему согласию и даже единому языку Ирвингу Раузу и, скажем, Дэвиду Кларку, видимо,

---

[1] *I. Rouse.* Prehistory in Haiti: A study in method (Yale University Publications in Anthropology, 21). New Haven — London, 1939.

[2] *I. Rouse.* Introduction to Prehistory. A systematic approach. N. Y. et al., 1972, 301 стр., 6 табл. и 14 рис.

[3] *W. M. Flinders Petrie.* Methods and aims in archaeology. London, 1904, p. 122.

несбыточная мечта [4]. Но как обычно, интересно не только то, что задумано автором, но и то, что получилось.

В книге кроме «Предисловия» семь глав. В первой главе анализируется, как показывает ее название, «Природа преистории» — ее предмет, метод, структура и место в системе знания. Автор рассматривает преисторию как своего рода продолжение археологии: в его представлении археология — это наука частно-предметная (topical) и аналитическая, а преистория — всеохватывающая (holistic) и синтетическая. Между ними такое же соотношение, как между этнографией и этнологией в американском обиходе. Археология собирает и описывает материал, преистория (так же как история, но с большей зависимостью именно от этого вида источников) реконструирует по нему прошлое, отвечая на ряд вопросов. Вторая глава («Археологическая база») рассматривает способы анализа археологического материала как основного вида источников преистории, а последующие главы посвящены процедуре получения ответов на упомянутые вопросы преистории: «кто» («Этническая классификация»), «когда» и «где» («Хронологическое упорядочение»), «каковы» («Реконструкция этнических систем»), «как» и «почему» («Изменения в этнических системах»). Эту последовательность вопросов Рауз считает наиболее логичной и называет «стратегией» преисторического исследования, а отступления от нее допускает как диктуемые практическими потребностями — «тактикой» исследования. Короткая седьмая глава названа «Заключение» и содержит кроме краткого резюме предшествующих глав соображения о значении преистории.

Однако тщетно было бы искать в книге Рауза детальную разработку методов, с помощью которых можно отвечать на все эти вопросы «кто», «где», «когда», «как» и «почему». Согласно исходной установке Рауза и условиям формирования его научных интересов, в каждой главе он ухитряется найти проблемы классификации, унификации и ранжирования и сделать их ведущими. Этот подход пронизывает всю книгу. Автора во всем интересует не как выяснить и доказать, а как рассортировать, как дефинировать, как назвать, какую последовательность установить, на какую полочку поставить. По мнению Рауза, «хороший археолог отличается от плохого своей способностью делать доброкачественные классификационные суждения» (стр. 46).

Что ж, в этой проблематике, при всей ее ограниченности, тоже есть свои острые и важные вопросы, хотя критерии признания археолога хорошим следовало бы повысить.

2. Преистория, археология и процедура исследования

Само различение преистории и археологии как двух самостоятельных, хотя и взаимосвязанных, наук с особым предметом у каждой отнюдь не является общепринятым на Западе (скорее наоборот — необычно) и, на наш взгляд, заслуживает поддержки. В США исследователи большей частью не делают этого различения: они знают только одну науку — «археологию», а термином «преистория» обозначают один из объектов археологического изучения. В Западной Европе также обычно не разделяют эти науки, объединяя их, однако, под названием «преистории», а термин «археология» оставляется для изучения древневосточных и античных древностей искусства и иногда техники. Тенденция к отождествлению предметов археологии и истории, преимущественно истории первобытного общества, проявлялась в последние десятилетия и в советской научной литературе. Археология воспринималась как раздел, часть или своего рода дубликат истории — история, создаваемая на базе археологических источников (древностей, материальной культуры). У всех этих совмещений одна гносеологическая основа: забвение синтетического характера исторического знания, недооценка вкладов таких наук, как этнография и лингвистика, в связи с недоверием к теоретическим методам и с уклоном к эмпиризму. При этом преувеличиваются познавательные возможности археологического материала (забывается его специфическая ограниченность и неполнота) или, наоборот, резко

[4] Ср. Comments on Analytical Archaeology: *I. Rouse.* Classification for what? *D. Clarke.* Analytical Arhaeology — Epilogue (Reply to the comments...). Norwegian Archaeological Revue, 3, 1970, p. 4–34.

ограничивается сфера приложимости знания, добываемого из этого материала. В том и другом случае археология охватывает весь процесс его изучения и использования полученной информации. На Западе эти тенденции находят философскую опору в таких концепциях, как неопозитивизм различного толка.

В советской науке издавна наметилась и другая тенденция: рассматривать историю (в частности, историю первобытного общества) как синтетическую науку; археология же и этнография с этой точки зрения выступают *по отношению к ней* как науки источниковедческие — наряду с лингвистикой, письменным источниковедением и др. (правда, четкое разделение предмета археологии и истории не было сформулировано) [5].

В последнее время все исторические источниковедческие науки выразили претензии, в известной мере обоснованные, на расширение своих полномочий и повышение статуса (выход за рамки описательных процедур, отказ от обозначения «вспомогательные дисциплины», в ряде случаев констатация особых задач, не связанных с историей, и т. п.) [6]. В этом контексте и археология не потерпит урона, если сравняется с ними — если ограничит свой предмет в глубину, т. е. сократит свое самостоятельное продвижение по пути его познания в пользу истории и преистории, если признает за этими науками (или, точнее, за этой наукой) право на самостоятельное существование и уступит им некоторые функции синтеза. А история и преистория только выиграют от выделения обработки и первичной интерпретации специфических категорий источников в особые научные дисциплины. Вопреки высказывавшимся опасениям в этом нет ни отказа от принципа историзма, ни неизбежности разрыва между этими взаимосвязанными науками (с превращением их в замкнутые и самодовлеющие занятия).

Нет неизбежности, но есть возможность. И критические обзоры видных американских археологов свидетельствуют о том, что на практике в США эта возможность широко реализуется в исследованиях [7]. Эта тенденция находит и теоретическое оформление.

Есть в США и Западной Европе группа исследователей, считающих, что археология — это вообще по сути не наука, а всего лишь исследовательская технология — совокупность методов и технических средств исследования специфических источников, обслуживающая разные науки — преисторию, историю, антропологию. Ее задачи ограничиваются добыванием, описанием и классификацией (У. Тэйлор, Г. Уилли и Ф. Филиппс и др.) [8].

Сам термин «преистория» («доистория») одно время советские ученые избегали употреблять, так как связывали его употребление (по буквальному прочтению слова) с принципиальным отказом первобытным народам в праве на собственную историю, с делением на Naturvölker и Kulturvölker. Затем, однако, под влиянием международной практики (конгрессы и т. п.) этот термин снова просочился в обращение и у нас. Ссылки на буквальное значение термина, конечно, несерьезны, так как, во-первых, все термины условны (важно понимание и определение обозначаемых ими понятий), а во-вторых, советские ученые давно понимают слова «преистория», «доистория» как простое сокращение термина «дописьменная история». В последнее время проявилось другое возражение против признания за преисторией права на существование в советской науке. Возражение основано на том, что этим термином узаконивается выделение раздела истории по признаку (введение письменности), который не был решающим в переходе к новой социально-экономической формации. Единственно соответствующим марксизму, по этому взгляду, является в данной функции только раздел «история первобытного общества», выделяемый по иному критерию — отсутствию частной собственности, классов и государственности [9].

---

[5] *В. И. Равдоникас.* История первобытного общества. ч. I, Л., 1939, стр. 5, 9–23.

[6] См., например, *А. Л. Монгайт.* Археология в СССР. М., 1955, стр. 78; *Д. С. Лихачев.* Текстология, М., 1962, стр. 3, 4, 25; *В. А. Никонов.* Введение в топонимику, М., 1965, стр. 165; *Г. А. Федоров-Давыдов,* СА, 1968, 2, стр. 368, и др.

[7] *W. Taylor.* A study of archaeology. Menasha, 1948; *P. Martin.* Revolution in archeology. «American Antiquity», vol. 36, 1971, № 1, p. 1–8.

[8] *W. Taylor.* Op. cit., p. 44; *G. Willy and Ph. Phillips.* Theory and Method in American Archeology. Chicago, 1958, p. 1.

[9] *В. М. Массон.* Археология за бортом гуманитарии. Тезисы докладов сессии, по-

Между тем, обеспечивая соответствие разделов истории социально-экономическими формациями, мы исходим из членения науки соответственно делению ее **объекта** — исторического процесса. Во многих случаях это позволяет наиболее логично, связно и цельно построить изложение курса, проследить действие законов. Но это не единственно возможное для марксизма и не единственно нужное членение науки. Вполне правомерно также членение, исходящее из специфики основных источников и обусловливаемого этим различия методов исследования, не говоря уже о различии задач и целей исследования — того, что определяет не объект, а **предмет** науки. Этим предусматривается учет субъективной стороны исследования, учет намерений и образа действий субъекта науки.

Это вовсе не противоречит диалектическому и историческому материализму. Наоборот. Маркс писал: «Главный недостаток всего предшествующего материализма... заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме **объекта**, или в форме **созерцания**, а не как **человеческая чувственная деятельность, практика**, не субъективно» [10]. Стало быть, выделение преистории в особую область исследования и профессию вполне правомерно. Таким образом, и с этой стороны позиция Рауза не должна вызвать наших возражений.

Рассмотрим, однако, подробнее его понимание характера и границ преистории и археологии. Раузу явно не удалось рационально определить научный статус преистории. У англоязычных археологов термин «science» («наука») имеет минимум два значения: 1) систематизированное знание со строгими правилами и процедурами (противопоставляется знанию обыденному, дилетантскому), 2) генерализирующие номотетические дисциплины — сугубо формализованные, основанные на признании и выявлении закономерностей (противопоставляются гуманитарным дисциплинам — «humanities» — индивидуализирующим и в значительной мере интуитивным) [11]. У Рауза оба противопоставления совпадают. Для Рауза, по сути, не существует в истории проблемы социальных и культурных закономерностей, а вместе с тем нет и строгой методики. В результате рождается следующая грубо алогичная схема:

«Исторические геологи, конечно, — ученые-натуралисты, тогда как историки — гуманитарии, хоть некоторые из них предпочитают называть себя учеными-социологами (то, что такие в самом деле существуют наряду с историками, Рауз, видимо, не признает. — *Л. К.*). Поскольку преистория лежит между обеими, она может рассматриваться либо как наука (science), либо как гуманитарное знание (humanity). И впрямь, американцы трактуют ее как науку, а британцы — как гуманитарное знание... На деле преистория становится наукой в обеих странах. Она развивает регулярные процедуры, по которым обрабатывает свои факты, специализированный корпус понятий, посредством которых старается мыслить о фактах как можно более объективно и точно, и стандартную терминологию, которой обозначает понятия. Иными словами, она развивает собственные специфические методы и собственный технический язык. Студенты-преисторики вынуждены начинать с введения, подобного данному тому, который обучает методам и языку, применяемым преисториками, прежде чем обратиться к результатам преисторического исследования. Студенты-историки, напротив, могут начинать прямо с результатов исторического исследования, так как это исследование проводится в терминах процедур здравого смысла и обыденного языка» (стр. 4). Поскольку история — не наука!

Таким образом, хотя первый раздел первой главы в книге Рауза назван «Преистория как историческая дисциплина», Рауз отвергает коренное родство преистории с историей (всю историчность он видит только в хронологическом развертывании событий) и приравнивает ее к исторической геологии и биологии.

Но и в преистории Рауз не допускает генерализацию, выявление закономерностей, выдвижение и проверку соответствующих гипотез, он отводит эти задачи

священной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР, Ташкент, 1973, стр. 47, 48.

[10] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. 3, стр. 1.

[11] *C. Hawkes.* Archaeology as science: its purposes and pitfalls. Archaeological Newsletter, vol. VI, 1957, № 4, p. 93–100; *G. E. Daniel.* The idea of Prehistory. London, 1962, p. 123, 124.

социальной, культурной и т. п. антропологии. В его представлении существует резкий методологический разрыв между работой в этих отраслях и в преистории: «Преисторики и этнологи... используют гипотезы для объяснения данных о частных этнических группах, тогда как культурные, физические, социальные и лингвистические антропологи проверяют гипотезы либо в лабораторной ситуации, либо сравнительным изучением археологических и этнографических данных» (стр. 21). Иными словами, социальные и другие антропологи выдвигают гипотезы о законах и проверяют их по правилам процедур генерализирующих наук, а преисторики применяют готовые гипотезы-законы для объяснения частных случаев, не имея дела с проверкой гипотез. Рауз не замечает, что само применение закона для объяснения частного случая — каждый раз гипотеза, нуждающаяся в проверке и доказательстве по строгой процедуре, — будь то преистория или история [12].

Признавая преисторию синтезирующей дисциплиной, Рауз сильно упрощает, однако, саму процедуру синтеза. Синтез сводится у него к простому суммированию материалов, поставляемых разными источниковедческими дисциплинами. Археологи ФРГ давно показали, что это не так [13]. Но, как обычно у американцев, литература на немецком языке почти начисто игнорируется автором (в библиографическом списке, включающем более 300 работ, фигурирует только одна немецкая работа — книга Г. Коссины 1927 г.).

Более того, Рауз подчеркивает, что между археологией и преисторией существуют особые отношения, поскольку практически в исходных материалах для синтеза археологические данные занимают господствующее, исключительное положение, почти вытесняя все остальные (стр. 26, 27). Таким образом, признавая в дефинициях, т. е. на словах, синтетический характер исторического знания, Рауз в своих операционных рекомендациях (применительно к практике исследований, намечая необходимые исследовательские операции), вовсе не исходит из этой установки.

Обратимся теперь к тому, как Рауз характеризует а р х е о л о г и ю. «Цели археологии — открывать остатки и изучать их природу. Чтобы выполнить это, она разбивает остатки на категории и исследует соотношения между ними. Стало быть, ее подход — аналитический» (стр. 7). Синтез совершенно исключается из археологии. «Историку интересны остатки не сами собой, а тем, что он может узнать из них по истории» (стр. 59). «Для археолога, наоборот, важны именно остатки сами по себе... Это не значит, что археолог никогда не выходит за пределы природы остатков. Напротив, он часто обсуждает их историческое, преисторическое или этнологическое значение в своих публикациях и в этикетках к своим памятникам и музейным экспозициям. Но делая это, он использует результаты исследований историка, преисторика или этнолога, если сам не становится специалистом в одной из этих дисциплин, способным предпринимать в ней оригинальные исследования» (стр. 59).

«Преисторик естественно сосредотачивается на тех комплексах, которые позволяют ему лучше всего достичь его целей — ответить на вопросы „Кто", „Где и когда"? „Что?" и „Как и почему?". Для археолога же, напротив, один комплекс столь же хорош, как другой. Он изучает их ради них самих, а не ради того, что они ему расскажут о преистории. Если уж он вообще думает об их относительной ценности, то он предпочтет раскопать те, которые дадут ему наибольшее разнообразие классов артефактов и других остатков, так как это разнообразие продвигает его к его цели — определению природы остатков» (стр. 83).

Археологическая стратегия сводится, по Раузу, к трехэтапной процедуре: 1) открытие остатков, 2) обработка остатков (консервация, взятие технических анализов, описание и классификация), 3) выставка и публикация.

Таковы сугубо ограниченные задачи археологии, по Раузу. Эта трактовка не найдет у нас поддержки.

На первый взгляд, казалось бы, не безразлично ли, где проводить демаркационную линию между археологией и преисторией (или историей), коль скоро все равно продвижение мысли (и соответственно обрабатываемой информации) на полную глубину познания предусматривается не в рамках одной археологии, а с пере-

[12] Ср. *P. J. Watson, Ch. Redman, S. LeBlanc.* Explanation in archeology. New York and London, 1971, p. 16–18, 26–30.

[13] *R. Hachmann.* Goten und Skandinavien. Berlin, 1970, S. 1–4 и др.

ходом из археологии в преисторию и другие науки? Не безразлично ли, кто проведет некоторые «средние» (по очередности) операции — археолог или преисторик? Нет, не безразлично.

Во-первых, ограничение одной из сотрудничающих наук нередко не сопровождается компенсирующим расширением другой, и тогда в ряду последовательных операций по переработке информации образуется разрыв. Так, например, в методике Рауза выпало важное звено — внутренняя критика археологических источников, сравнительная оценка познавательных возможностей, предоставляемых исследователю разными категориями археологических объектов.

Во-вторых, если бы прейсторический и исторический синтез действительно сводился к простому суммированию информации, к индуктивному обобщению, то, может быть, лабораторного препарирования и классификации и было бы достаточно для подготовки археологического материала к такому синтезу. Но раз уж синтез более труден и сложен, раз уж он к тому же не ограничивается материалами археологии, то к такому синтезу должен поступать не полусырой материал, а результат его целенаправленной обработки специфическими для каждого вида источников методами, должна поступать переработанная информация, приведенная к известному единообразию, к сопоставимому в рамках преистории облику. Такую обработку нерационально проводить в рамках преистории: ведь эта обработка должна быть адекватна специфике каждого вида источников — зачем же иметь отдельные источниковедческие науки, если не в их рамках проводить такую обработку?

В-третьих, для такого синтеза необходимо глубокое познание природы каждого данного вида источников. Этой задачи археологии не отрицает и Рауз. Но нельзя познать предмет по-настоящему путем простого разложения его на элементы и сортировки их, без выявления системных, функциональных и других связей между ними, без представления предмета как целостной системы. А это значит, что археология не может стать полноценной историковедческой наукой, пока не сумеет увидеть и показать за материальными остатками целостные системы — культуры и культурно-исторический процесс, пока не учтет закономерности, действующие в этих системах и связывающие их с конфигурациями, наблюдаемыми в мозаике материальных остатков прошлого.

Поскольку эта важная часть действительности, подлежащей познанию, а не только средство познания других явлений, археология выходит за рамки источниковедческой науки. Это вполне реальный парадокс: археология может стать полноценной источниковедческой наукой только в том случае, если она перестает быть только источниковедческой наукой.

Определяя на словах археологию как особую науку, Рауз на деле недалеко ушел от всех американских исследователей, которые отводят археологии скромную служебную роль одной из техник исторического и преисторического исследования. Это ограничение не компенсируется соответствующим расширением преистории и, скажем, «социальной и культурной антропологии» и заметно обедняет проблематику, методический арсенал и познавательные возможности изучения далекого прошлого.

3. Класс и тип в археологии и преистории

Поскольку Рауз принадлежит к поколению и направлению «таксономистов», из всех специальных методических вопросов именно проблемы классификации разработаны в его книге наиболее детально и представляют наибольший интерес.

Автор именует «*классом*» (class) совокупность артефактов (или других археологических объектов), объединяемых одинаковыми диагностическими признаками. Набор этих признаков, выступающих совместно, именуется «*типом*» (type). Таким образом, у Рауза класс — это совокупность однотипных артефактов, класс и тип — «две стороны одной медали» (стр. 46—49). Что ж, оба понятия нужны в исследовательской практике, различение их и обозначение отдельными терминами полезно (пока что в обиходе обычно термин «тип» используется безразлично для того и другого), а какими терминами что обозначать — дело условное. В данном рассуждении будем придерживаться терминологии Рауза. Важнее другое: как автор

характеризует эти понятия, какие соотношения устанавливает между ними и другими понятиями, не оставляет ли более важных невыявленными и необозначенными?

По Раузу, объективно существует только класс («класс — объективная сущность, которую археолог может выложить на стол в своей лаборатории», стр. 49), тогда как тип — абстракция. Типы «создаются исследователем. Они состоят из сочетаний или конфигураций признаков, которые он открыл в артефактах посредством классификации и которые он оформил понятиями как типы, чтобы быть в состоянии сообщить их другим исследователям и облегчить их применение в археологическом или преисторическом исследовании. Они существуют, стало быть, в умах исследователя и людей, с которыми он общался» (стр. 51—52).

Будучи, как все таксономисты, под влиянием философии «критического реализма», автор явно смешивает объективность с вещностью и преувеличивает субъективность, недостоверность абстракций. На стол археолог выкладывает все-таки не класс, а только сами вещи. То, что эти вещи сгруппированы в класс или несколько классов по сходству, есть уже результат сравнения и абстрагирующего мышления. Исследователю кажется, что он «выложил» класс только потому, что (и только до тех пор, пока) другой археолог сравнивает и мыслит схожим образом и «видит» на столе тот же класс. «Видит» именно потому, что при этом абстрагирует тип. Класс не существует без типа, так же как тип — без класса. В этом смысле налицо действительно две стороны одной медали. Таким образом, и класс — абстракция а тип — лишь более обобщенная абстракция. С другой стороны, эти абстракции, при соблюдении ряда условий, могут быть вполне объективным, адекватным отражением реальности, реальных соотношений между археологическими объектами. В этом смысле классы и типы существуют не только «в умах исследователей», и, умалчивая об их существовании помимо этой сферы, автор констатирует только часть истины. Признав, что «сочетания или конфигурации признаков... открываются» исследователем в артефактах, автор не вправе ограничиться утверждением, что типы «создаются исследователем», а должен признать, что типы как и классы, открываются в материале. «Создается» лишь их понятийное оформление. Соотношения между реальными классами и типами, с одной стороны, и их понятийным оформлением — с другой (философы в подобных случаях говорили бы о классах$_1$ и классах$_2$, типах$_1$ и типах$_2$ [14]), непросты, возможны ошибочные установления соответствий, необходимы процедуры проверки и т. п. — эта проблема выпала у Рауза.

Исходя из своего распределения функций между археологами и преисториками и из своего понимания классов и типов, Рауз относит классы к сфере интересов археолога, а типы — к сфере интересов преисторика: типы — это отражения давних культурных норм, которые должны интересовать преисторика и не должны интересовать археолога (стр. 49). Археолог занимается вещами и не поднимает головы от своего стола. Преисторик оперирует абстракциями, объективность которых ничем не гарантирована,— абстракциями, оторванными от реальности. Поскольку мы отвергаем обе исходные предпосылки Рауза, отпадает и это противопоставление.

Впрочем, в другом месте (стр. 50—52) Рауз признает наличие типов, которые входят в сферу интересов археолога и являются попросту обобщением диагностических признаков класса. Эти признаки действительно налицо все вместе у всех артефактов данного класса или у заданной доли. Такой тип открывается независимо от намерения археолога, как бы автоматически, он существует в самом материале и называется «морфологическим» (Дж. Стюард, 1954), «дескриптивным» (И. Рауз, 1960), «фенетическим» (phenetic – Д. Кларк, 1968), «естественным» (Д. Томас, неопубл.) и «внутренним» (intrinsic) в данной книге (ссылки у Рауза).

Когда же преисторик выделяет тип, он не ждет, какие сочетания признаков ему продиктует материал, а выясняет, какие конфигурации образованы в материале некоторыми интересующими его признаками особого исторического значения — важными для хронологии, или для этнической идентификации, или для функционального, технологического определения и т. п. Стюард именует эти типы «исторически-

[14] Ср. *В. А. Штофф*. Введение в методологию научного познания. Л., 1972, стр. 107.

указательными» (historical-index types) и «функциональными», Рауз — «внешними» (extrinsic).

Таким образом, у Рауза типы археологии оказываются полностью адекватными реальности, но не релевантными (не значимыми), а типы преистории — содержательными, но не очень связанными с первыми, т. е. односторонними, субъективными. Поскольку реальность и условность типов оказались столь странно распределенными между археологией и преисторией и соотношение реальных и условных типов оказалось представленным в столь искаженной форме, действительное место и границы применимости «искусственной» классификации в археологии, условия отхода от «естественной» классификации остались не раскрытыми в книге Рауза. На наш взгляд, проблема условности — это проблема глубины членения, связанная с мерой дискретности: с какого-то рубежа естественное членение становится невозможным и остается возможным (и допустимым) лишь условное, произвольное членение для решения некоторых специфических задач. Преисторику же, очевидно, был бы смысл прежде всего оценить значение (функциональное и «исторически-указательное») именно тех признаков, которые выступают в выявленных археологом сочетаниях. Впрочем, по нашей концепции, это сделает сам археолог.

Применение термина «тип» Рауз предлагает ограничить классификацией артефактов (топоров, горшков и т. д.), а для классификации их деталей и особенностей (материала, венчиков, ручек и т. п.), а также ситуаций (ориентировка покойника и т. п.) применять другой термин — «*вид*» (mode), хотя термин «класс» признается применимым и в этих ситуациях (стр. 55—57). Рауз уже давно пропагандирует это интересное нововведение, но теоретическая аргументация его необходимости остается недостаточной, а практическое разграничение — неясным: крышки от сосудов могут рассматриваться как детали сосудов, а могут и как отдельные артефакты, сами сосуды могут рассматриваться как детали погребальной стравы и т. д. — как это отражается на их классификации помимо смены термина?

Интересны мысли Рауза о видах классификационной иерархии. Он различает два основных вида: таксономию и типологию. *Таксономия* основана на сравнительной оценке и установлении последовательности критериев членения: при каждой последующей ступени членения применяется меньший по весу критерий и членение происходит только внутри частей, выделенных на предшествующей ступени; члены деления всегда исключают друг друга. Это делает таксономическую иерархию удобной в качестве ключа для идентификации. Однако в отличие от сферы биологии в культуре разнородные явления взаимоналагаются и смешиваются, поэтому жесткие таксономические схемы здесь недостаточны и более применимой оказывается *типологическая* иерархия. Рауз описывает ее так: на каждой ступени членения, по каждому критерию происходит полная пересортировка материала; в результате возникают дополнительные, переходные подклассы и подтипы (стр. 52—55).

Однако Рауз оказался совершенно не в состоянии указать способ, которым можно было бы отличить типичные для той или иной культуры комплексы и вещи от переходных (стр. 81). Иначе и быть не могло, поскольку Рауз не видит дискретной природы культуры и не дает ясного представления о типологии вообще.

Если таксономическая процедура изложена предельно ясно, то типологическая — сугубо неясно. Как с ее помощью удается получить переходные типы, понять невозможно. У Рауза здесь явно смешаны две разные классификации: аналитическая и типологическая[15]. *Аналитическая* действительно требует пересортировки по каждому критерию, и все критерии для нее равноправны, но она является только подготовительной стадией работы для других видов классификации и сама по себе никаких «переходных» классов, конечно, не дает.

Типология же основана на концепции рассеивания признаков (с частичным взаимоналожением признаков) и на связанной с этим концепции поляризованного типа (статистически определимого типа), т. е. типа, состоящего из признаков, сочетание которых лишь в основном повторяется, но не каждый раз в точности одно

[15] Между тем он различал их ранее — ср. *I. Rouse.* The classification of artifacts in archaeology. «American Antiquity», 1960, vol. 25, № 3, p. 313—323.

и то же. Некоторые исследователи считают такой характер материала (политетический) основным для археологии [16], другие полагают, что только к такому виду типа есть смысл применять термин «*тип*», «*типичное*» [17]. Способ построения типологии артефактов давно изложен у Монтелиуса и Мальмера, типологии комплексов — у Софуса Мюллера. Кстати, типологические классификации с переходными звеньями не совсем чужды и биологам.

4. Линии или традиции?

Очевидно, типологическая методика изложена у Рауза так неясно потому, что родилась не из длительного увлечения автора типологией, а из кризиса таксономического направления, из попытки внести в него то, что́ ему изначально чуждо, — идею развития.

С этим связано и отношение Рауза к различным толкам эволюционизма. Он упоминает идею *однолинейного* развития, по которой все народы проходили одни и те же стадии параллельно, по одним и тем же законам, только в разное время. Упоминает и новую идею неоэволюционистов — идею *многолинейного* развития, по которой одни и те же общие законы в разных природных условиях делали развитие очень неодинаковым и приводили к резко различным результатам. Рауз отвергает обе идеи. Он считает, что культурное развитие вообще не было линейным. *Линии* не смешиваются, не сходятся — так обстоит дело у биологических видов, являющихся закрытыми системами. Культуры — открытые системы. Их развитие происходит в традициях». «*Традиции*» он определяет как сочетания норм, передающихся от культуры к культуре во времени и пространстве и при этом остающихся неизменными или модифицирующихся (стр. 207). В каждой культуре оказывается сочетание различных традиций.

Традиции — не новое для американской археологии понятие. Ввели его Г. Уилли и У. Беннет, вначале для обозначения преемственных линий стилистического развития в керамике [18]. Позже понятие стало применяться в более широком значении (или в нескольких значениях) [19], и его полезность была отмечена в советской литературе [20].

Для мировой археологии этот американской вклад ценен не тем, что вводит идею развития — эта идея выражена в ряде понятий традиционной археологии Старого Света («эволюция», «типологический ряд», «происхождение культуры и ее элементов» и др.), а тем, что соединяет в одном понятии идеи развития и скрещения, позволяя разработать одну методику на основе их объединенных концепций. Европейцы давно уже стали отмечать генетическую разнородность состава каждой культуры, расхожденне корней, сложность происхождения, американцы придали этому методическое оформление.

В этом понятии «традиции» есть две погрешности. В о-п е р в ы х, изолированное прослеживание традиций, взятых отдельно от культурной среды, неизбежно ослабляет возможности адекватного объяснения модификаций, происходящих в данной традиции. Очевидно, что по крайней мере традиции, играющие важную роль в культурах, через которые они проходят, а также целые пучки, жгуты традиций, продвигающихся сквозь пространство и время и видоизменяющихся взаимосвязанно (в американской терминологии «*ко-традиции*» — co-tradition), заслуживают того, чтобы их изучали в полном культурном контексте. А для этого необходимо собирать

---

[16] *D. Clarke.* Analytical archaeology. London, 1968, p. 35–38.

[17] *Я. А. Шер.* Интуиция и логика в археологическом исследовании. Сб. «Статистико-комбинаторные методы в археологии». М., 1970, стр. 13, прим. 7; *I. S. Kamenetski.* Zur Frage über den Begriff Typ in der Archäologie. VIII Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques, Belgrade 1971. Les rapports et les communications de la délégation des archéologues de l'URSS. Moscou, 1971.

[18] *G. R. Willey.* Horison Styles and Pottery Traditions in Peruvian Archaeology. «American Antiquity», 1945, vol. II, № 1, p. 53; *W. C. Bennett.* The Peruvian co-tradition. Memoir of the Society for American Archaeology, 1948, № 4, p. 45.

[19] *G. R. Willey and Ph. Phillips.* Op. cit., p. 34, 35; *R. J. Braidwood.* Prehistoric men. 5th ed. Chicago, 1961, 42, 47, 51, 70.

[20] *В. А. Башилов.* Принципы построения относительной хронологии в американской археологической науке. СА, 1969, 1, стр. 281–288.

в ряды или древеса все культуры, через которые проходят такие традиции и ко-традиции, как бы нанизывая культуры на них, и изучать в этой последовательности [21]. Такой ряд культур мною было предложено называть *трассовой* (или *генетической*) *секвенцией* в отличие от *колонной секвенции*, объединяющей в хронологической последовательности все культуры одной местности вне зависимости от их культурной преемственности.

Во-вторых, концентрация внимания на прослеживании традиций и их сочетаний при одновременном противопоставлении этой концепции «линейному» рассмотрению означает на практике отход от признания закономерностей развития, от выявления законов. Традиция, будучи, с одной стороны, более детальным и богатым понятием, чем «линия», оказывается, с другой стороны, более ущербным способом группировки материала и отражения реальных тенденций развития. Она избавится от этой ущербности, если объяснение ее будет тоже сопряжено с поиском закономерностей и если само рассмотрение не будет противопоставляться линейному, а будет дополнять его. Дело в том, что открытостью культур, смешиванием, скрещением не устраняется действие основных исторических закономерностей. Точно так же многолинейное развитие, по нашему мнению, является не отрицанием однолинейности в основных характеристиках, а дополняет их. Эволюционисты старого толка признавали только наличие универсально действующих законов, неоэволюционисты — только специфически действующих применительно к крупным формациям среды. Спор решался по принципу: или — или. Противники эволюционизма, в том числе Рауз, на место закономерного развития выдвигают запутанное сочетание и перемешивание традиций, управляемое случайными обстоятельствами. И снова дилемма: или законы, или случайности. А на деле, в жизни, нет этих дилемм, а есть единство всех трех факторов, и имя этому противоречивому единству — диалектика.

Это то, что совершенно чуждо пониманию Рауза. Его мышление в изрядной мере метафизично и схоластично. Один из частных примеров схоластического и небезвредного манипулирования терминами — предложение выделять вертикальные традиции (развивающиеся во времени, но очень ограниченные в пространстве) и горизонтальные традиции (с противоположными характеристиками). Это заставит исследователей подтягивать к этим искусственным рамкам то, что на самом деле гораздо более разнообразно и изменчиво.

Рауз неоднократно, во многих местах своей книги (стр. 73, 111—113, 144, 145, 149, 175, 226—229, 232) упоминает в критическом плане марксистские взгляды, концепции советских археологов. А вот прямых ссылок на советскую археологическую литературу нет, за одним исключением: в тексте и библиографическом списке упоминается английское издание книги А. А. Монгайта «Археология в СССР». Однако и в этом единственном случае автор ссылается либо только на сообщаемые факты археологии, либо не на текст А. А. Монгайта, а на предисловие английского переводчика Майкла Томпсона. Остается заключить, что Рауз знает советскую археологию и марксизм очень слабо и только из вторых рук, не по первоисточникам.

При всей предвзятости этой позиции автора книги и несмотря на упрощенность, схоластичность и эклектичность ряда других его построений, книга Рауза интересна как попытка систематизации широкой области научного знания, а некоторые предложения, разработанные в ней, представляются плодотворными.

Л. С. Клейн

[21] *Л. С. Клейн.* Археологические признаки миграций (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Чикаго, 1973. Доклады советской делегации), М., 1973, стр. 1—3.

G. Acsádi and J. Nemeskéri. History of Human Life Span and Mortality. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1970, 346 стр., 130 табл., 58 графиков и фотографий.

Еще несколько лет назад специалист или читатель, имеющий необходимость составить представление о продолжительности жизни и смертности ископаемого человека, о темпах их изменений от эпохи к эпохе и о других демографических

показателях древности, должен был обратиться к десяткам специальных разрозненных изданий. Сейчас, после выхода из печати книги венгерских исследователей Ачади и Немешкери «История продолжительности человеческой жизни и смертности», эта задача значительно упростилась. Те демографические вопросы, которые можно было поставить и решить на современном методическом уровне для эпох и областей, обеспеченных доступными палеоантропологическими и эпиграфическими материалами, т. е. от Восточной Азии и Индонезии до Европы и Северной Африки от нижнего палеолита до средневековья включительно, нашли свое отражение в книге.

Книга является достаточно полным на сегодняшний день справочником по демографии древнего населения, а также полноценной разработкой методики половозрастных определений и демографических методов, применительных к палеоантропологическому материалу из археологических раскопок.

Этим обусловлена структура работы, которая состоит из двух частей, — методической и собственно палеодемографической. Методическая часть охватывает первые три главы книги. Первая глава — «Продолжительность жизни и смертность» вводит читателя в тот круг вопросов и проблем, которыми занимается демография, знакомит с методами обработки материалов переписей и построением таблиц смертности. Здесь даются определения основных демографических понятий, соотношений и взаимозависимостей, таких, как «продолжительность жизни», «средняя», «максимальная», «характерная», «вероятная» продолжительность жизни, «таблица смертности», «норма смертности» и др., раскрываются зависимости смертности от рождаемости, продолжительности человеческой жизни от смертности, тенденции смертности в зависимости от пола и возраста, соотношения возраста и смертности. Приводятся любопытные данные (как легендарные, так и документальные) о случаях максимальной продолжительности жизни, а также современная статистика послевоенного времени о максимальной продолжительности жизни по всем континентам.

Вторая глава — «Методы палеодемографических исследований» — содержит обзор литературы по теме и краткую историю вопроса. Палеодемографические исследования разделены на два этапа. Первый начинается в конце прошлого века работой К. Белоха [1], основанной на материалах «Corpus Inscriptionum Latinarum», Мотта, изучавшего смертность в Милане в конце средневековья, Пирсона, внесшего крупный вклад как в методику статистической обработки материала, так и в изучение продолжительности жизни по материалам египетских мумий римского периода, и др. Второй этап палеодемографических исследований, по мнению авторов, знаменуется работами Т. В. Тодда в период между двумя мировыми войнами. Его работы основаны на палеоантропологических материалах из археологических раскопок и открывают длинный список исследований как по исторической демографии, так и собственно по палеодемографии.

Данная периодизация вызывает возражения, поскольку в ее основу положены изменения методики обработки материала, связанные с изменением источника исследования. Представляется, что авторы проводят периодизацию разных отраслей демографической науки. В первый выделяемый ими период развивается историческая демография, основным источником которой выступают различного рода письменные данные (в первую очередь эпитафии), а во второй наряду с исторической начала развиваться палеодемография, основывающаяся на палеоантропологических источниках со своими специфическими методами исследования и со своей критикой источников. Такого рода различия существенны не только для вопросов периодизации, они принципиальны с точки зрения классификации наук и дисциплин.

Особенно бурно палеодемографические исследования развились после второй мировой войны. Именно вскоре после ее окончания начали работать в этой области и авторы книги, демограф и антрополог, проводя неоднократно раскопки археологических кладбищ с демографическими целями. Следует отметить, что выход из печати в начале 60-х годов целого ряда статей авторов по методике палеодемографических

---

[1] *K. J. Beloch.* Die Bevölkerung der griechisch – römischen Welt. Leipzig, 1886.

исследований и конкретным памятникам венгерского средневековья[2] явился значительным и интересным вкладом в палеодемографические исследования. Их отдельные статьи и данная книга знаменуют качественные изменения в такого рода исследованиях.

В этой главе существенна также предложенная авторами формулировка требований к материалу и исследованию. Они следующие: 1) полнота серии (или если она не полная, то оценка степени полноты); 2) точность определения пола и возраста в момент смерти субъектов, составляющих серию; 3) точность хронологии как всей серии, так и отдельных могил, установление происхождения населения и особенностей погребального обряда с точки зрения культурного единства населения, представляющего серию; 4) серия должна представлять население, не затронутое миграциями, и носить представительный характер; 5) применение соответствующих демографических методов в зависимости от предыдущих условий; 6) проведение аналитической работы на основании единого подхода при сотрудничестве археолога, антрополога и демографа. С сожалением следует отметить, что в дальнейшем авторам не всегда удается до конца придерживаться выдвинутых ими принципов.

Далее авторы излагают методы построения таблиц смертности на археологическом материале.

Первостепенным по важности разделом работы является третья глава — «Определение пола и возраста по остаткам скелета». Она является значительным методическим вкладом в палеоантропологию, являясь в какой-то мере обобщением и развитием опыта мировой палеоантропологической науки. Значение половозрастных данных для демографии не нуждается в комментариях: оно очевидно. Для демографических работ по современному населению данные о поле и возрасте сообщают периодически проводимые переписи населения. Получение этих данных на палеоантропологическом материале связано со множеством трудностей. Пожалуй, главная из них заключается в том, что палеоантропологические методы дают возможность определять не календарный, а биологический возраст субъектов в момент смерти. Последний колеблется в широких временных пределах (15—20 лет и более для взрослых), что не вполне удовлетворяет требованиям демографической науки и значительно сужает тот круг вопросов, которые могут быть поставлены на палеоантропологическом материале.

Авторы рецензируемой книги преодолели эту трудность, разработав комплексный метод определения возраста взрослых. Они выбрали из большого числа возрастных признаков человеческого скелета четыре, наиболее существенные с их точки зрения, названные ими индикаторами возраста. Это — степень закрытия внутричерепных швов, высота костно-мозговой полости, состояние губчатого вещества проксимальных эпифизов бедренной и плечевой костей (определяется рентгенологически), а также состояние симфизальных поверхностей лонных костей таза. На материалах различных медицинских учреждений Ачади и Немешкери изучили корреляцию между стадиями закрытия черепных швов и календарным возрастом и вывели индекс эндокраниального закрытия швов. Была выведена такая же корреляция между возрастом и изменениями в эпифизах бедра и плеча и симфизальных поверхностей лонных костей. У каждого из индикаторов возраста выявлено несколько фаз, определяемых также в широких временных пределах (например, пятая фаза закрытия внутричерепных швов соответствует возрастному промежутку между 58 и 72 годами). Для вычисления возраста человека в момент смерти берутся середины каждого возрастного промежутка четырех индикаторов, и среднее арифметическое их суммы и является искомым возрастом, наиболее близким календарному. Точность метода — 80—85%. 15—20% неточностей падает в контрольных определениях авторов на случаи с патологическими изменениями. Следует сказать, что и прочие методы

[2] *J. Nemeskéri, L. Hársanyi, G. Acsádi.* Methoden zur Diagnose des Lebensalters von Skelettfunden. Anthropologischer Anzeiger., N 24, 1960; *G. Acsádi, J. Nemeskéri,* Paläodemographische Probleme am Beispiel des frühmittelalterlichen Gräberfeldes von Halimba — Cserés Kom. Veszprem/Ungarn. Homo, 1957, Bd 8, Ht 3; *G. Acsádi, J. Nemeskeri, L. Harsányi.* The population of Zalavar in the middle age. AAH, m. 14, 1962; *J. Nemeskéri, G. Acsádi.* Die spätmittelalterlische Bevölkerung von Fonyod. Anthropologia Hungarica, VI, 1963, 1—2.

дают такой же процент точности, но определение возраста дается в больших пределах.

Точно так же авторы упорядочили половую диагностику. Они предлагают определять пол на основании 22 (или 30) известных признаков на костях скелета и черепе, выстроенных по степени важности, оценивая их по пятибалльной системе с точки зрения выраженности от женских к мужским. Это позволяет каждый скелет оценивать по формуле степени маторизации. Представляется, что предложенный способ вносит не только строгость в половую диагностику, но и исключает определение пола визуально, или по предпочтению таза перед черепом, или наоборот [3].

Предложенная методика, хотя и чрезвычайно трудоемка, еще раз с очевидностью показывает необходимость полных сборов палеоантропологического материала при раскопках, а не ограничение их черепами или длинными костями.

В главе приводятся также любопытные сведения о химических возможностях определения пола и возраста. Впрочем, эти данные практического применения в работе не нашли. Это же относится и к возможностям определения женской плодовитости по костям таза.

Вторая часть книги — собственно палеодемографическая — охватывает следующие пять глав. В ней рассматриваются конкретные материалы и дается их демографический анализ (в той мере, в какой он возможен). Пожалуй, наибольший интерес в этой части представляет глава «Архетип смертности от палеолита до мезолита». Она посвящена рассмотрению древнейших материалов, охватывающих значительный отрезок времени, хронологические рамки которого обозначены в названии главы. Рассмотрев палеоантропологические материалы, относящиеся к архантропам [4] и палеоантропам [5], авторы, во-первых, пришли к выводу, что основная масса людей умирала очень рано, во-вторых, констатировали, что отдельные особи доживали до старости или по крайней мере до ее нижнего предела (так, одна из неандертальских женщин умерла по Валлуа в интервале возраста между 41 и 50 годами, по Швальбе — 40—70, по Шеферу — 40—50, по Немешкери и Хорсанья — 57—61), и, в-третьих, они отличались от современного человека в отношении характерных продолжительностей жизни. По самым грубым подсчетам, вероятная продолжительность предстоящей жизни [6] при рождении: у архантропа и палеоантропа — около 14—15 (15—18) лет, у человека верхнего палеолита — 20 лет, а с 20-летнего возраста для нижнего палеолита — 14—16 (возможно, 15—25), для верхнего палеолита Евразии — 14 лет.

Следует сказать, что материал палеолитического времени не исчерпывает всего известного науке ко времени написания работы. Так, полностью отсутствуют материалы по палеолиту нашей страны, данные о родезийских находках и некоторые другие.

Мезолитические материалы, вошедшие в книгу, происходят из североафриканских пещер Афалу и Тафоральт, мезолитического могильника на Украине — Васильевка III и Фофановского могильника в Сибири. Авторы приводят данные Валлуа, высчитанные по другим материалам, свидетельствующие, что возрастная структура умерших значительно меняется по сравнению с палеолитическим временем, но вероятная продолжительность предстоящей жизни не изменилась. К таким же выводам приходят и авторы книги на своих материалах — демографические различия между изученными ими могильниками значительны и очевидны, но смертность населения, оставившего их, идентична палеолитической, и в начальный период истории человечества существовал единый тип смертности, характеризующийся очень высо-

---

[3] Следует оговорить, что половозрастная методика разработана авторами на европеоидных материалах и не проверена на двух других основных расах.

[4] В группу архантропов авторы включили не только тринильские находки Е. Дюбуа — Pithecanthropus erectus, но и человека из Нгандонга — Homo Javanthropus soloensis; ср. *В. П. Якимов.* Ближайшие предшественники человека, *М. И. Урысон.* Начальный этап становления человека. Сб. «У истоков человечества». М., 1964; *М. Ф. Нестурх.* Происхождение человека. М., 1970.

[5] В разделе о палеоантропе авторы рассмотрели и материалы верхнего палеолита Евразии. Ср. с указанными статьями В. П. Якимова и М. И. Урысона.

[6] Вероятная продолжительность предстоящей жизни — это величина того интервала возраста, по прошествие которого число доживающих уменьшается вдвое.

кой ее нормой [7]. Очерчивая архетип смертности, авторы указывают на возрастные различия, т. е. на те возрастные интервалы, в которые смертность была особенно высокой.

Новый тип смертности, более низкий, чем в палеолите и мезолите, появляется в условиях экономической революции неолита. Меняется и возраст смерти — он перемещается от младшего среднего возраста к среднему взрослому. Пропорция детской смертности продолжает оставаться очень высокой.

Авторы поставили в этой же главе вопрос о палеолитическом воспроизводстве. Но допущенные ими уровни плодовитости происходят не из конкретного материала, а из данных демографических расчетов по современным отсталым группам, что значительно снижает ценность сделанных выводов.

Лишь в эпоху Римской империи вторично меняются демографические условия, которые вновь приводят к понижению уровня смертности, с одной стороны, и увеличению продолжительности жизни — с другой, что в свою очередь привело к застойному типу населения. Естественно, что в эпоху античных империй дифференциация смертности носила не только половой и возрастной, но и социальный характер. Смертность в конце Римской империи и в начале средневековья по типу приближается к средневековой. Наконец, Ачади и Немешкери рассматривают тенденции смертности и продолжительности жизни в период перед и во время «демографической революции» второй половины XIX в. в Европе, когда для стран Северной и Западной Европы норма смертности была 15—20 на 1000. В XX в. норма смертности сокращается во всем мире при низких нормах младенческой смертности. Наряду с указанными, авторы рассматривают изменения и других демографических показателей, а также и влияние на демографические процессы социального и экономического прогресса, гигиенических условий жизни, войн, эпидемий и т. п.

Конечно, до написания последовательной истории продолжительности человеческой жизни и смертности еще далеко и сейчас. В значительной мере это определяется состоянием материала и его доступностью для изучения. Но отдельные вехи и тенденции этой истории, в основном для Европы, авторы несомненно наметили в предлагаемой книге [8]. При этом существенно, что значительная часть материала, вошедшего в книгу, была исследована и обработана авторами по собственной методике. Книга является важным методическим руководством для обработки палеоантропологического материала под демографическим углом зрения. Она еще раз недвусмысленно свидетельствует в пользу настоятельной кооперации специалистов смежных наук и дисциплин во всех тех случаях, где на грани этих наук рождается новая отрасль исследования, и о том, что для создания подлинно научной палеодемографии на палеоантропологических материалах необходимо сотрудничество исследователей по крайней мере трех специальностей — археологии, антропологии и демографии.

Л. А. Иванова

---

[7] Норма смертности — это отношение числа умерших всех возрастов в течение определенного периода (чаще всего года) и средней численности населения за этот период.

[8] Удивительно, что авторы, работавшие и в нашей стране, полностью игнорируют работы по палеодемографии на палеоантропологическом материале, опубликованные на русском языке.

Хроника

IV «КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» В МОЗДОКЕ

«Крупновские чтения» — традиционная конференция-мемориал памяти скончавшегося в 1970 г. выдающегося археолога-кавказоведа, лауреата Ленинской премии, профессора, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Чечено-Ингушской и Кабардино-Балкарской АССР Евгения Игнатьевича Крупнова.

В 1971 г. «Крупновские чтения» состоялись в Орджоникидзе, в 1972 г.— в Нальчике, в 1973 г.— в Грозном. В 1974 по инициативе Северо-Осетинского научно-исследовательского института истории, экономики, языка и литературы, было решено IV «Крупновские чтения», посвященные 70-летию покойного исследователя, провести в Моздоке — городе, в котором родился и вырос Е. И. Крупнов [1].

На «чтения», открывшиеся по традиции 16 марта, в день рождения Е. И. Крупнова, съехалось около 30 ученых, его соратников и учеников из Москвы, Киева, Тбилиси, Цхинвали, Орджоникидзе, Грозного, Нальчика, Махачкалы, Пятигорска, Краснодара, Ставрополя и Черкесска. Тематика заслушанных докладов охватывала почти все этапы истории народов Северного Кавказа — от эпохи бронзы до позднего средневековья. Кратко остановимся на их содержании.

В докладе В. Х. Тменова были подведены итоги охранных раскопок курганов эпохи бронзы у ст. Новоосетинской Моздокского района СО АССР. Изучение материала, полученного в процессе раскопок (в основном керамики), позволило автору датировать названные памятники первой половиной II тысячелетия до н. э. (1700—1500 гг. до н. э.), т. е. временем расцвета северокавказской культуры.

Характерно, однако, что украшенные шнуровым орнаментом курильницы, не столь частые в курганах Моздокского района, сближают новоосетинские курганы с аналогичными памятниками катакомбной, или предкавказской, культуры, датируемых 1700—1500 гг. до н. э. Последнее обстоятельство, возможно, свидетельствует о том, что новоосетинские курганы были расположены в зоне соприкосновения и взаимопроникновения двух упомянутых культур.

В одном из курганов была зафиксирована деревянная надмогильная конструкция из четырех столбов и навесообразного перекрытия, покоящегося на них. Там же найдены уникальный двугорлый сосудик и колесо от модели повозки. Колеса и модели повозок, как и захоронения в повозках, довольно широко распространены в погребениях эпохи бронзы (первая половина II тысячелетия до н. э.) Северного Кавказа и Закавказья.

Как отметили выступавшие в прениях В. И. Марковин и А. Л. Нечитайло, материалы раскопок, произведенных В. Х. Тменовым, свидетельствуют о появлении памятников северокавказской культуры в степных районах края. По всей вероятности, в выявленных комплексах можно выделить и погребения срубной культуры, проникновение которой на Северный Кавказ шло, по-видимому, по моздокским степям от Прикубанья, Маныча.

До недавнего времени северокавказская культура Верхнего Прикубанья была известна лишь на основании случайных находок отдельных вещей. Накопленный за последние годы материал позволяет уточнить и конкретизировать ряд исторических вопросов, в том числе проблему погребального обряда. Об этом шла речь в докладе А. Л. Нечитайло, пришедшей к выводу, что в формировании северокавказской культуры значительную роль сыграл майкопский компонент, а также куро-аракский энеолит и степная ямная культура.

По мнению А. Л. Нечитайло, раскопанные курганные могильники у ст. Усть-Джегутинской, Суворовской и Холоднородниковской отличаются рядом особенностей, позволяющих выделить их в отдельную локальную группу западного ареала северокавказской культуры и подразделить на три хронологических периода: ранний — рубеж III—II тысячелетий до н. э.— 1800/1700 гг. до н. э., средний — 1700—1500/1400 гг. до н. э., поздний — 1400—1300 гг. до н. э. Вновь выделяемая группа имеет сходные черты с кабардино-пятигорской, но не является ее повторением.

К тому же выводу пришел и В. И. Марковин, выступивший по докладу А. Л. Нечитайло. Он отметил, что ареал распространения северокавказской культуры, действительно, очень велик. С выявлением новых памятников, несомненно, будут выявляться и новые локальные варианты этой культуры, подобные зафиксированным

[1] Тезисы IV «Крупновских чтений». Орджоникидзе, 1974.

А. Л. Нечитайло в процессе исследования северокавказских курганов в верховьях Кубани.

Большой интерес представляет изучение глиняных штампов-пинтадеров, на интерпретации которых остановился Б. В. Техов. Глиняные штампы-пинтадеры (печати) появляются еще с эпохи энеолита и широко распространяются в эпоху бронзы. Глиняные штампы-печати Северного Кавказа и Закавказья (в данном случае Южной Осетии) не являются столь ранними, как пинтадеры из Передней и Малой Азии или же области распространения трипольской культуры. Все кавказские экземпляры, вероятно, относятся к концу II и началу I тысячелетия до н. э. В Закавказье они встречаются значительно чаще, чем на Северном Кавказе.

Пинтадеры, несомненно, выполняли различные функции, в основном, надо полагать, предназначались для нанесения орнаментальных мотивов на ритуальные хлебцы, а не для татуировки.

Раскопкам майкопских и северокавказских курганов на территории Кабардино-Балкарии были посвящены доклады Р. Ж. Бетрозова, А. Х. Нагоева и И. М. Мизиева.

Раскопки курганов эпохи бронзы (Р. Ж. Бетрозов, А. Х. Нагоев) в зоне строительства Чегемской оросительной системы едва ли не крупнейшие на Северном Кавказе в настоящее время. Только в 1973 г. авторами исследовано 40 курганов, давших материал, характеризующий Новосвободненский этап майкопской культуры Центрального Предкавказья (глиняные сосуды с хорошим обжигом и лощением красного и коричневого цвета, бронзовые ножи, шилья и т. д.).

Однако значительная часть исследованных подкурганных захоронений относится ко II тысячелетию до н. э., охватывая все три этапа так называемой северокавказской культуры. По погребальному обряду и инвентарю (подвески, конусовидные бляхи и булавки из бронзы, керамика, украшенная шнуровым орнаментом и др.) основная масса этих захоронений характеризует эпоху расцвета указанной культуры (II этап, около 1700—1500 гг. до н. э., по периодизации В. И. Марковина).

И. М. Мизиев рассказал о раскопках Большого Кишпекского кургана, расположенного на правом берегу р. Баксан. В процессе исследования выяснилось, что курган насыпался в три приема: первоначально, в майкопское время, был возведен небольшой курган высотой около 5 *м*, затем на его вершине произведено захоронение того же времени и насыпь была значительно дополнена, и после третьего захоронения курган достиг современного уровня (12 *м*). Инвентарь и обряд этих захоронений напоминает погребения конца III — начала II тысячелетия до н. э.

В эпоху раннего средневековья, по утверждению И. М. Мизиева, упомянутый курган был использован населением, вероятно, связанным с кызбурунской системой городищ, как сторожевой форпост. А. Л. Нечитайло не исключает возможности использования его в средние века для отправления культа.

На локальных различиях в памятниках майкопской культуры остановился в своем докладе И. М. Чеченов.

В майкопской культуре, распространившейся на позднем этапе от Причерноморья до территории Чечено-Ингушетии, представляется возможным выделить две крупные локальные группы памятников — **Прикубанскую** (западную) и **Терскую** (восточную). Граница между ними ориентировочно устанавливается в районе Пятигорья.

Процесс возникновения и углубления локальных различий в памятниках позднемайкопской культуры в значительной мере был обусловлен объективными закономерностями внутреннего развития этнокультурных особенностей северокавказских племен. Но наряду с этим ускоренному развитию данного процесса весьма существенно способствовали и другие факторы: различия природно-географических и почвенно-климатических условий бытования Прикубанской и Терской групп памятников, преобладание тех или иных форм экономики, интенсивное проникновение в пределы каждого из этих двух районов многочисленных элементов других культур.

Вполне естественно, заключил И. М. Чеченов, что все эти факторы в конечном итоге могли способствовать возникновению и углублению локальных различий у племен северозападного Кавказа и бассейна р. Терек не только в материальной культуре, но и в идеологических представлениях и в языке.

Выступившие в прениях С. М. Магомедов и В. И. Марковин отметили, что доклад И. М. Чеченова представляет значительный интерес, поскольку вопрос о локальных вариантах майкопской культуры выдвигается по существу впервые. С. М. Магомедов обратил внимание автора и на необходимость химического анализа состава металлических изделий, так как бронза Прикубанья и Терека, несомненно, обладает определенными качественными отличиями, свидетельствующими о местном происхождении исследуемых памятников майкопской культуры.

Вопросу о культурных связях населения Дагестана с окружающими областями в эпоху бронзы был посвящен доклад С. М. Магомедова.

Материалы археологических раскопок, проводимых в Дагестане в последние годы, позволяют говорить о наличии тесных и устойчивых связей его населения с племенами окружающих областей, и в первую очередь с другими племенами Северного Кавказа. Это подтверждается на примерах типологической близости металлического инвентаря, особенно таких его разновидностей, как бронзовые клинки.

Поскольку преобладающее большинство типов бронзовых клинков находит себе аналогии в памятниках раннебронзовой эпохи Закавказья и Передней Азии, представляется возможным связать первоначальное появление форм этих клинков на Северном Кавказе и в степях Юго-Восточной Европы с продукцией южных металлургических центров, что, вероятно, произошло благодаря посреднической роли населения Дагестана в осуществлении экономических и культурных связей между племенами этих областей.

В докладах и сообщениях, заслушанных на «Чтениях», были затронуты и некоторые проблемы археологии раннего железного века на Северном Кавказе. Так, В. И. Козенкова дала интерпретацию бронзовой рукоятки биметаллического кинжала из ст. Змейской (Северо-Осетинской АССР), относящегося к наиболее ранней группе кинжалов кабардино-пятигорского типа, датируемых временем не позднее середины VIII в. до н. э. Судя по находкам аналогичных биметаллических изделий, появление их связано с районами Северо-Западного Кавказа, откуда упомянутые кинжалы проникали в Причерноморье и Западную Европу.

С. Л. Дударев рассказал о раскопках Аллероевского 2-го поселения (Шалинский р-н Чечено-Ингушской АССР) — одного из самых восточных археологических объектов предскифского времени раннекобанского типа, расположенного в зоне контакта кобанской и каякентско-харачоевской культур.

В. М. Батчаев интерпретировал Быллымский клад, обнаруженный в 1913 г. в пещере горы Алмалы-Кая (Баксанское ущелье, Кабардино-Балкарской АССР) и ныне хранящийся в Государственном Эрмитаже, датируемый VIII — первой половиной VII в. до н. э.

Выступая в прениях, В. И. Козенкова справедливо отметила, что Быллымский клад, принадлежавший, по всей вероятности, металлургу-литейщику (об этом свидетельствует характер клада: бронзовый слиток, металлический лом, готовые изделия), по существу забыт исследователями. Тем не менее он дает возможность судить об уровне развития металлургии в горных районах Кабардино-Балкарии.

О работе совместной археологической экспедиции Ленинградского государственного университета (руководитель экспедиции А. В. Гадло) и Ставропольского музея краеведения говорилось в докладе А. В. Найденко. Автор отметил, что раскопки на Грушевском городище (под Ставрополем) позволили высказать предположение о существовании в самом центре Предкавказья в IV—III в. до н. э., а возможно и ранее, городища типа крепости, населенного, так же как и примыкающее к нему селище, носителями позднекобанской культуры, ее западного локального варианта. Жители городища в течение ряда десятилетий имели оживленные торговые связи с греками, осуществлявшиеся, быть может, через Боспорское царство, далее по Кубани и затем по суше до района современного Ставрополья.

В связи с вышесказанным значительный интерес приобретают клейма на ручках амфор родосского производства. Обработка клейм, их прочтение и интерпретация произведены А. В. Гадло. По его данным, клейма датируются концом IV — первой четвертью III в., до 275 г. до н. э. Клейма содержат имена жрецов-эпонимов Родоса — Епихарма, Стенелы, Агесидама (?), «фабрикантов»-эргастериархов — Аксия, Иеротела; целую группу имен с неопределенным должностным положением. По списку Родосских эпонимов, изданному Л. Морриконе, приестура Стенелы датируется 304/3 или 298/7 г. до н. э.

Доклад А. В. Найденко вызвал оживленный интерес у участников «чтений». По словам В. А. Кузнецова, Грушевское городище можно назвать уникальным, поскольку здесь, на столь значительном удалении от побережья Черного моря, много (21) фрагментов клейменых родосских амфор.

Материал Грушевского городища открывает совершенно новую страницу в истории Ставрополья, отметил в своем выступлении Н. В. Анфимов. Городище имело мощные укрепления, пожалуй, не характерные для степных районов. Датировка оборонительных стен городища еще подлежит уточнению.

По мнению Н. В. Анфимова, материальную культуру городища вряд ли можно назвать кобанской (позднекобанской). Она входит в пределы особого ареала (по рекам Уруп, Кубань; другие городища расположены северо-восточнее Грушевского) и примыкает к меотской культуре, будучи синхронной с ней.

В докладе Н. В. Анфимова рассматривались основные проблемы в изучении меотской культуры, сложение которой, равно как и политическое объединение меотов, синдов и других народов Северо-Западного Кавказа, по Е. И. Крупнову, происходило в тесном взаимодействии с культурами киммерийцев и скифов. Киммерийская проблема во многих аспектах не нашла еще своего окончательного решения в исторической науке. Интересно, что именно в этот период в Закубанье происходит формирование меотской культуры, которая к концу VII в. до н. э. выступает как вполне сложившаяся.

История меотов тесно связана с историей скифских и савроматских племен. С последними они соприкасались на севере и северо-востоке, но каковы были их взаимоотношения и взаимосвязи, где проходила граница между этими племенами — все эти вопросы остаются пока нерешенными. Скифы проходили через степи Прикубанья во время своих походов в Переднюю Азию и при возвращении оттуда. Не исключена возможность, что часть меотов могла примкнуть к скифам. Однако воп-

рос об этнической принадлежности больших кубанских курганов VI в. до н. э. остается спорным.

Исторические судьбы меотов тесно переплетались с историей Боспорского царства. Новые археологические материалы дают право говорить о ранней экспансии Боспора в Западное Прикубанье. Раскопки показали, что памятники эпохи раннего железа в восточных районах Прикубанья и по долине р. Уруп относятся к культуре, отличной от меотской.

Большой круг вопросов возникает и в связи с проникновением сарматов в Прикубанье, вклиниванием их в меотскую среду и сарматизацией Северо-Западного Кавказа в первые века нашей эры. В этот период сарматы начинают играть большую роль в истории меотов. Бесспорным является то, что меоты бесследно не исчезли, как некоторые племена древности, а в эпоху средневековья вместе с этнически родственными племенами Черноморского побережья (зихами) сыграли важную роль в формировании адыгов.

В ряде докладов получили освещение проблемы археологии эпохи раннего средневековья. Так, О. В. Череповская рассказала о работе экспедиции Государственного исторического музея и Северо-Осетинского музея краеведения (под руководством М. П. Абрамовой). Экспедиция произвела раскопки шести курганов IV—V вв. у хут. Октябрьского Моздокского района СО АССР, содержащих катакомбные погребения и относящихся к кругу раннеаланских памятников.

Несмотря на то что катакомбы оказались ограбленными, они дали интересный археологический материал: керамику, железные и костяные наконечники стрел, бронзовые пряжки, бронзовые бляшки от конской сбруи, обтянутые листовым золотом и покрытые орнаментом, мелкие золотые бляшки, обломки деревянных, железных и кожаных изделий.

Исследованные катакомбы, аналогии которым известны у с. Братского и в Алхан-Кале (Чечено-Ингушская АССР), у с. Брут (Северо-Осетинская АССР) территориально и хронологически увязываются с аланским городищем, расположенным близ хут. Октябрьского (на правом берегу Терека), и, очевидно, являются могильником этого городища, составляя с ним единый комплекс.

Если исходить из этого, в принципе верного предположения, отметил выступивший в прениях И. М. Чеченов, то это весьма ценный материал для изучения системы раннеаланских городищ на правобережье Терека. Могильник может довольно точно определить нижние хронологические рамки бытования городища у хут. Октябрьского, поскольку датировка самого городища затруднена из-за того, что керамика в хозяйственных ямах перемешана. Как подчеркнул В. А. Петренко, исследование материала из упомянутых катакомб способствует частичному заполнению хронологического разрыва между ранними северокавказскими (Пседах, Алхасте и др.) и более поздними аланскими катакомбами. На необходимость локализации раннеаланских катакомб уже на данном этапе их изучения указал В. И. Марковин.

О новых аланских могильниках в плоскостной и предгорной Чечено-Ингушетии говорилось в докладе Х. М. Мамаева. Исследованные материалы катакомбных могильников к западу от р. Аргун уточняют наши представления о материальной культуре алан и подтверждают данные письменных источников о высокой плотности аланского населения в этих местах.

Появление аланских могильников в Ичкерии (Юго-Восточной Чечне) вносит существенные коррективы в понимание хода событий в этой части Северо-Восточного Кавказа в эпоху раннего средневековья. Одним из важнейших является вопрос об изменении восточных границ аланского союза в начальные века его существования, о характере взаимоотношений между аланскими обитателями ичкеринской плоскости и автохтонными племенами, оставившими могильники типа Дая и Харачоя (V – VIII вв.). Присутствие алан в этом районе заметно ослабевает к концу VII – началу VIII в. Видимо, этот процесс связан с ростом могущества Хазарского каганата, обострением его отношений с северокавказскими соседями и длительными арабо-хазарскими войнами, в которые оказались втянутыми и племена, населявшие плоскость и предгорья Чечено-Ингушетии.

Выступившие по докладу Х. М. Мамаева В. А. Кузнецов, В. И. Марковин, М. Х. Багаев отметили научную ценность привлеченного автором материала, который наряду с письменными источниками характеризует аланский мир на территории Чечено-Ингушетии. Любопытно, что на аланской керамике совершенно отсутствует орнамент в виде сосцевидных налепов. На основании этого факта можно говорить о своеобразии керамики в восточных районах Алании. В. А. Кузнецов и М. Х. Багаев отметили, что для полноты картины необходимо привлечь данные иранской топонимики, тем более в Ичкерии она хорошо известна.

Доклад о хозяйственной жизни вайнахов (земледелие, скотоводство, охота, рыболовство, ткачество, гончарное производство и т. д.) в раннем средневековье сделал М. Х. Багаев; о находках канфаровидных — двуручных — сосудов в сарматских и сарматизированных памятниках Северного Кавказа рассказал В. А. Петренко. Двуручные сосуды использовались только при исполнении похоронного ритуала, выполняя роль своеобразных курильниц.

Основную причину распространения и моды на двуручные сосуды нужно видеть в сираком союзе племен, способствовавшем оживленным взаимосвязям меж-

ду различными районами Северного Кавказа, входившими в него, в частности Прикубанья и Терско-Сунженского междуречья. Датируются названные сосуды последними веками до нашей эры — первым веком нашей эры.

Не все выступившие в прениях по докладу согласились с авторской интерпретацией канфаровидных сосудов. Так, В. И. Марковин высказал мнение, что они не обязательно должны быть именно ритуальными сосудами. Что же касается вопроса о их происхождении, то двуручные сосуды вполне могли быть дагестанского производства и затем уже, через аорсов, получить распространение на всей территории Кавказа.

Малоубедительной показалась Н. В. Анфимову связь сарматских двуручных сосудов и с меотскими канфарами. Последние заимствованы из Причерноморья и датируются временем не позднее II в. до н. э., тогда как сарматские двуручные сосуды бытовали в I в. до н. э.— I в. н. э. Кроме того, и по формам, и по назначению упомянутые сосуды не совпадают (канфары — это кубки для питья) и потому, заключил Н. В. Анфимов, выводить двуручные сосуды из канфаров нельзя.

Исключительно большое количество памятников раннего средневековья — могильники, укрепления и поселения — зафиксировано в процессе археологических исследований в кисловодской котловине. К сожалению, отметил в своем докладе А. П. Рунич, многие из них подвергаются в настоящее время разрушению.

Доследование памятников показало, что на большей части поселений здесь в VI—VII вв. жизнь почти прекращается, а к IX в. она исчезает совсем. Как показали анализы грунта и костных остатков из катакомбных погребений, наиболее многочисленных в это время, сокращение численности населения в указанном районе было вызвано эпидемиями, а может быть пандемиями чумы. Выступивший в прениях по этому докладу В. А. Кузнецов заметил, что исследователи ранее недооценивали роли стихийных бедствий (эпидемий), переоценивать которые, однако, тоже не следует.

В VI—VII вв. в Предкавказье появляется огромное число городищ, свидетельствующих, несомненно, о своего рода демографическом «взрыве», вызвавшем и значительное увеличение катакомбных захоронений. Тому же мог способствовать и возможный прорыв арабов на Северный Кавказ через Клухорский перевал, который, кстати, отрицается автором доклада.

Последнему предложению не противоречат материалы, приведенные в докладе Г. Е. Афанасьева, который убедительно доказал, что целый ряд аланских катакомбных могильников, в том числе мог. «Мокрая балка» у Кисловодска, функционировал все это время, начиная с рубежа IV—V вв.— до первой половины VIII в.

Следует, однако, учесть, отметили выступавшие в прениях по докладу Х. М. Мамаев и В. А. Кузнецов, что аргументация датировки могильника строится только на основании восьми раскопанных автором катакомб. Дальнейшие работы по изучению катакомб мог. «Мокрая балка» могут привести к уточнению хронологических рамок его бытования.

Значительный интерес у участников «чтений» вызвал доклад А. А. Кудрявцева о первых сасанидских укреплениях в Дербенте. Дербент вошел в историю как крупнейший памятник сасанидского строительства на Кавказе, как главный опорный пункт персов, а позднее арабов в их борьбе с могущественными объединениями кочевников. Выявленная автором во время раскопок сасанидского вала в 1973 г. Дербентская сырцовая стена (в районе крепости) — наиболее ранняя из всех известных в настоящее время «длинных стен» на Прикаспийском пути. Она была первым этапом возведения подобных оборонительных сооружений, первой попыткой надежно перекрыть Прикаспийский путь. Позднее, отвоевывая эти области, захваченные кочевниками в конце V в. почти до Куры, Сасаниды воздвигли Бармакские, Ширванские и, наконец, ставшие венцом фортификационной системы Дербентские оборонительные сооружения. Об этом, указал автор, говорит и сопоставление данных археологии и письменных источников, позволяющее судить о проникновении иранцев и возведении ими первых своих укреплений в Дербентском проходе уже в V в., в правление царей Иездигерда II — Пероза, а сооружение колоссальных каменных стен — в правление Кавада I — Хосрова I Ануширвана.

В прениях по докладу А. А. Кудрявцева выступили В. И. Козенкова, В. И. Марковин, В. А. Кузнецов. Отметив научную ценность материалов как полевых, так и письменных источников, использованных автором, они сошлись на мнении, что дата возведения первых дербентских укреплений А. А. Кудрявцевым установлена точно. По-видимому, власть и влияние Сасанидов в этот период распространялись в определенной мере и на населенные аланами северные районы Дагестана и Чечено-Ингушетию. Вполне вероятна правомерность включения дербентского комплекса укреплений в систему средневековых укреплений Евразии.

Исследованию христианской храмовой архитектуры, вопросам проникновения христианства на Северный Кавказ были посвящены доклады В. А. Кузнецова и Г. Г. Гамбашидзе.

В горном селении Нузал (Алагирское ущелье СО АССР) находится известная в научной литературе с конца XVIII в., но до сих пор почти неизученная Нузальская церковь, украшенная в интерьере древней фресковой живописью грузинского происхождения. Сама церковь отличается весьма скромными архитектурными фор-

мами и размерами, типологически связывается с двускатными надземными склепами горного Кавказа и является произведением местной архитектурной школы.

На основании археологических данных, палеографии надписей и искусствоведческой даты фресок время строительства Нузальской церкви определяется В. А. Кузнецовым как конец XIII — начало XIV в., что опровергает бытующее в литературе мнение о погребении легендарного Давида Сослана под полом названной церкви (захоронение, выявленное Е. Г. Пчелиной в 1946 г., датировалось ею началом XIII в.). Фрески же Нузала — это уникальный памятник искусства на территории Северной Осетии и важнейшее свидетельство грузино-осетинских связей в эпоху средневековья.

Как отметил Г. Г. Гамбашидзе, В. А. Кузнецов открыл новую страницу истории взаимоотношений между Грузией и Осетией в XIII—XIV вв. Г. Г. Гамбашидзе согласился с трактовкой В. А. Кузнецова относительно захоронения под полом Нузальской церкви. Коснувшись вопроса о фресках, он подчеркнул, что, безусловно, последние выполнены высококвалифицированным мастером-профессионалом, но необходимо еще определить, к какой из существовавших в то время в Грузии художественных школ относятся фрески Нузала.

В докладе Г. Г. Гамбашидзе говорилось о другом интересном памятнике христианского зодчества — храме Тхаба-Ерды, находящемся в горной Ингушетии (ущелье р. Ассы). Как отметил автор, по мнению акад. Г. Н. Чубинашвили, храм Тхаба-Ерды относится к ареалу грузинской культуры, обладающему локальными, ингушскими особенностями. В Грузии строителями храмов были цари, крупные светские и духовные феодалы, а также отдельные общины. Строительство христианского храма в Ингушетии должно расцениваться как выражение государственной политики Грузии, а инициативу строительства Тхаба-Ерды следует приписывать государственным и церковным руководителям Грузии.

Судя по существованию христианских церквей и другим проявлениям грузинской культуры на Северном Кавказе, видно, что в IX—X вв. выдвинувшиеся в тот период Абхазское царство и Кахетинское великое княжество (самтавро) были заинтересованы в усилении своего влияния на Северном Кавказе. Причины этого явления нужно искать в недрах исторического развития Грузии, а также народов Северного Кавказа. Храм Тхаба-Ерды, название которого автор интерпретирует как Тома-Ерды (храм св. Фомы), есть свидетельство тесных исторических связей грузинского и ингушского народов.

Выступая в прениях, В. И. Марковин согласился с интерпретацией названия храма «Тхаба-Ерды». Общеизвестно, отметил он, что христианские храмы могли возводиться на месте старых капищ. Отсюда и храм Тхаба-Ерды мог быть назван в честь святого Фомы.

На актуальность проблематики, разрабатываемой Г. Г. Гамбашидзе (взаимосвязи Грузии с Северным Кавказом), обратил особое внимание в своем выступлении В. А. Кузнецов.

С религиозными воззрениями горцев — осетин, чеченцев, ингушей — был связан еще целый ряд сообщений и докладов. Так, Р. Г. Джадтиев рассказал о ритуально-магическом значении числа два в погребальном обряде у предков осетин. М. Д. Магомадов дал интерпретацию космогонических мотивов в средневековых петроглифах чеченцев и ингушей, убедительно доказав, что знаки-символы часто выступают как обереги и обнаруживают генетическую связь с более древними памятниками.

В принципе чеченцы и ингуши давно забыли смысл петроглифов, высеченных на камнях, отметил в своем докладе, посвященном отражению религиозных верований и орнаментальных мотивов, Х. А. Хизриев. Надмогильные памятники (чурты) на протяжении тысячелетий видоизменялись в зависимости от социально-экономических условий и господствующей религии, выполняя определенную социальную функцию. Они сохранились до наших дней как памятники монументально-декоративного искусства и как ценный источник для изучения истории религиозных верований, ибо в камне отражена многовековая история предков вайнахов.

Некоторые положения доклада Х. А. Хизриева были конкретизированы выступившими в прениях Х. М. Мамаевым, В. И. Марковиным, В. А. Петренко, Р. Г. Джадтиевым. Судя по высказываниям, не все упомянутые автором стелы являются надмогильными памятниками, тем более, что в эпоху раннего средневековья на территории Чечено-Ингушетии они по существу не известны. Образовавшийся хронологический разрыв в настоящее время пока еще ничем не заполнен, хотя в Северной Осетии и Дагестане названные памятники отмечены в массовом количестве.

Научные конференции, посвященные памяти Е. И. Крупнова, стали своеобразным форумом археологов-кавказоведов. IV «Крупновские чтения» были рекордными по числу участников, и по количеству заслушанных докладов. Так, в 1971 г. на «чтениях» было представлено всего 6, в 1973 г.— 15 докладов, а в 1974 г. заслушано и обсуждено 24 доклада.

Успешной работе «чтений» способствовала прекрасная организация этого мероприятия Моздокским райкомом КПСС, райисполкомом и райкомом ВЛКСМ. 16 марта у дома, где родился Е. И. Крупнов, состоялся городской митинг и была открыта мемориальная доска.

В. Х. Тменов, О. В. Череповская

КАМИЛЛА ВАСИЛЬЕВНА ТРЕВЕР

После продолжительной и тяжелой болезни 12 ноября 1974 г. скончалась член-корреспондент АН СССР, заслуженный деятель науки Узбекской ССР Камилла Васильевна Тревер.

К. В. Тревер родилась в Ленинграде в 1892 г. в семье электротехника.

К. В. Тревер получила блестящее образование. Окончив с золотой медалью гимназию, она прошла пять курсов Женского педагогического института и Высших женских (Бестужевских) курсов. Сдав экстерном государственные экзамены по историко-филологическому факультету, она получила диплом Петербургского университета, после чего занималась в семинарах крупнейших ученых Ф. Ф. Зелинского, М. И. Ростовцева и В. Ф. Фармаковского. Целеустремленные занятия и хорошая школа этих семинаров сыграли определенную роль в дальнейших научных интересах К. В. Тревер. Позднее для дополнения своего образования по истории и искусству Востока Камилла Васильевна посещает занятия Восточного факультета Петроградского университета и слушает лекции известных востоковедов В. В. Бартольда, С. Ф. Ольденбурга, А. А. Фреймана. В дополнение к этому хорошее знание как классических, так и восточных языков помогли и определили круг интересов К. В. Тревер, а именно: занятия материальной культурой и искусством античного периода как европейских, так и восточных стран (Ирана, Средней Азии, Кавказа).

Научная деятельность К. В. Тревер началась в 1913 г. в Археологической комиссии, где она изучала и описывала ольвийские древности. В 1914 вышла первая статья К. В. Тревер, посвященная скульптуре из Ольвии.

В 1915 г. Камилла Васильевна — сотрудник кафедры античного искусства Высших женских (Бестужевских) курсов.

В 1918 г. К. В. Тревер была избрана на должность научного сотрудника по отделению древностей античных и древнехристианских государств Археологической комиссии, а в 1919 г. становится ассистентом по разряду археологии Скифии и сарматов Российской академии истории материальной культуры. В 1919 г. К. В. Тревер поступает на работу в Эрмитаж помощником хранителя по эллино-скифскому отделению отдела древностей. В 1928 г. Камилла Васильевна переходит в отдел Востока Эрмитажа хранителем отделения Кавказа, Ирана и Средней Азии и становится помощником И. А. Орбели по превращению отдела Востока в крупнейший центр советского востоковедения. Одновременно Камилла Васильевна продолжает работать в Государственной академии истории материальной культуры (в дальнейшем Институт истории материальной культуры, а затем Институт археологии АН СССР). В этих двух учреждениях протекала вся долгая и плодотворная научно-трудовая жизнь К. В. Тревер.

Широкий диапазон знаний дал возможность Камилле Васильевне сочетать в своих научных исследованиях античную и иранистскую проблематику с археологией Кавказа и Средней Азии. С 1929 г. К. В. Тревер участвовала в археологических экспедициях Эрмитажа и ГАИМК в Дагестане и Армении.

В книге К. В. Тревер «Греко-бактрийское искусство» впервые поставлен вопрос о существовании в Бактрии после завоеваний Александра Македонского самостоятельного искусства, сочетавшего местные и греческие элементы. Во время войны (1941—1943 гг.) Камилла Васильевна находилась в Средней Азии, работала в Институте языка, литературы и искусства Узбекского филиала АН СССР и участвовала в создании «Истории народов Узбекистана», изданной в 1950 и 1955 гг. Много сил отдала Камилла Васильевна и подготовке молодых кадров археологов и искусствоведов Узбекистана. Эти ее труды были высоко оценены и Президиум Верховного Совета Узбекистана присвоил ей почетное звание «Заслуженный деятель науки УзССР». В 1943 г. Академия наук СССР избирает К. В. Тревер членом-корреспондентом по отделам истории и философии.

Правительство высоко оценило научную и общественную деятельность К. В. Тревер: в 1945 г. в связи с 220-летием Академии наук СССР она была награждена орденом «Знак Почета», в 1954 г.— орденом Ленина.

К. В. Тревер много работала над изучением памятников античного периода Закавказья. Ею были написаны такие фундаментальные обобщающие труды, как «Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н. э. — IV в. н. э.)», изданные в 1953 г. и «Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV в. до н. э.— VII в. н. э.)» (1959 г.).

Научные труды Камиллы Васильевны пользуются заслуженным авторитетом не только среди отечественных, но и зарубежных востоковедов. Ей принадлежат обобщающие статьи в итальянской энциклопедии искусства.

Большой заслугой К. В. Тревер является ее самоотверженная работа в Эрмитаже. Не жалела своих сил и времени Камилла Васильевна и для воспитания молодого поколения специалистов. Ее многочисленные ученики — среди сотрудников Эрмитажа, а также ученых Армении и Средней Азии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ — Археологические Известия и Заметки Московского археологического общества
АО — Сб. «Археологические открытия»
АП — Археологічні пам'ятки УРСР, Київ
АС — Археологический съезд
АСб. ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
ВДИ — Вестник древней истории
ВССА — Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии»
ВЯ — Вопросы языкознания
ДАН — Доклады Академии наук СССР
ДП — В. И. и Б. И. Ханенко. Древности Приднепровья, Киев
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА РАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИБАД — Известия на Българското археологическо дружество
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
Изв. ВГО — Известия Всесоюзного географического общества
Изв. Тамбов. УАК — Известия Тамбовской ученой архивной комиссии
ИСНИК — Известия Саратовского Нижневолжского института краеведения
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР, Москва
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР, Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
ЛОО ВООПИК — Ленинградское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НАРМ — Научный архив Рязанского областного краеведческого музея
НИИЯЛИ — Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ПСА — Сб. «Проблемы скифской археологии», М., 1971
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
Сообщ. ГМИНВ — Сообщения Государственного музея искусства народов Востока
СУАК — Саратовская ученая архивная комиссия
СЭ — Советская этнография
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. МАО — Труды Московского археологического общества
ЧНИИ — Черкесский научно-исследовательский институт
AAH — Acta Archaeologica Hungarica
AC — Archaeologia Classica
AJA — American Journal of Archaeology
ARAB — D. D. Luckenbill. Ancient Records of Assyria and Babylonia. I—II, Chicago, 1926
BAF — Bulletin de la Société Nationale des antiquaires de France
BRGK — Bericht der Römisch — Germanishen Komission
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
GA — Gazette Archéologique
JHS — Journal of Hellenic Studies
MDAFA — Memoires de la Delegation Archeologique Française en Afghanistan
PA — Památky Archeologické
RA — Revue d'Assyriologie. Paris
RCAE — L. Waterman. Royal Correspondence of the Assyrian Empire. I—IV, Ann Arbor, 1930—1936.
RGKorr — Römisch-Germanisches Korrespondenzblatt
RGZM — Römisch-Germanische Zentralmuseum
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche, Bucureşti
SMYA — Suomen muinaistoyhdistyksen aikaukauskirja
VPGW — Veröffentlichungen der Pfalzischen Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften
YOSR — Yale Oriental Series. Researches. New Haven
ZfA — Zeitschrift für Archäologie
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft

ИСПРАВЛЕНИЕ ОПЕЧАТКИ

В № 3 журнала за 1975 год в статье «Древние политические центры Хазарии» замечена опечатка. На стр. 73 сноску 54 следует читать: Л. Н. Гумилев. Открытие Хазарии. М., 1966, стр. 169.

Зав. редакцией ***Л. М. Бушкина***

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 126-94-45

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17 X-1975 г. Т-00606 Подписано к печати 9/I-1976 г. Тираж 3380 экз.
Зак. 2969 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 28,7+1 вкл. Бум. л. 10¹/₄ Уч.-изд. л. 31,5

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10